

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ
ИСКУССТВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ
ИСКУССТВЕ

В ДВУХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

• ИСКУССТВО •

МОСКВА • 1957

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ
ИСКУССТВЕ

ТОМ ВТОРОЙ

оо

Составил
МИХ. ЛИФШИЦ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

• ИСКУССТВО •

МОСКВА • 1957

Комментарии

А. ВЬГОДСКОГО и Г. ФРИДЛЕНДЕРА

КРИТИЧЕСКИЙ
РАЗБОР РОМАНА
ЭЖЕНА СЮ
«ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА *
В ОБРАZE ТОРГОВЦА ТАЙНАМИ,
ИЛИ КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА
В ЛИЦЕ г-на ШЕЛИГИ

«Критическая критика» в воплощении *Шелиги-Вишну* создает апофеоз «Парижских тайн». Эжен Сю провозглашается «критическим критиком». Стоит ему только узнать про это, как он, подобно мещанину во дворянстве Мольера, воскликнет:

«Клянусь честью, более сорока лет я говорю прозой *, сам того не подозревая, и я бесконечно признателен Вам за то, что Вы объяснили мне это».

Г-н Шелига предпосылает своей критике *эстетический* пролог.

«Эстетический пролог» следующим образом разъясняет всеобщее значение «критического» эпоса и в особенности всеобщее значение «Парижских тайн»:

«Эпос рождает мысль, что настоящее само по себе — ничто, и даже не только» (*ничто*, и даже не только!) «вечный *рубеж* между *прошедшим* и *будущим*, но» (ничто, и даже не только, но!) «*подлежащая* постоянному *заполнению брешь*, отделяющая *бессмертие* от *бренности*... В этом всеобщее значение «Парижских тайн»».

«Эстетический пролог» утверждает далее, что «критик, если он того желает, может быть также и *поэтом*».

Вся критика г-на Шелиги докажет правильность этого утверждения. Во всех своих моментах она представляет собой «*поэтический вымысел*».

Она вместе с тем — продукт «*свободного искусства*» в том смысле, как оно определяется в «эстетическом прологе», т. е. «она изобретает *нечто совершенно новое, абсолютно никогда еще не имевшее места*».

Наконец, она представляет собой даже *критический эпос*, ибо она есть «подлежащая постоянному заполнению брешь, отделяющая бессмертие» — критическую критику г-на Шелиги — от «бренности» — романа г-на Эжена Сю.

1) «ТАЙНА ОДИЧАНИЯ СРЕДИ ЦИВИЛИЗАЦИИ» И «ТАЙНА БЕСПРАВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ»

Как известно, *Фейербах* рассматривает христианские представления о воплощении, триединстве, бессмертии и т. д. как тайну воплощения, тайну триединства, тайну бессмертия. Г-н Шелига рассматривает все нынешние житейские отношения как тайны. Но если *Фейербах* раскрыл *действительные тайны*, то г-н *Шелига*, наоборот, превращает действительные *тривиальности* в *тайны*. Его искусство заключается не в том, чтобы раскрыть скрытое, а в том, чтобы скрыть раскрытое.

Так, он объявляет одичание (наличие преступников) среди цивилизации, равно как бесправие и неравенство в государстве, *тайнами*. Одно из двух: либо социалистическая литература, раскрывшая эти тайны, осталась тайной для г-на Шелиги, либо ему хочется превратить в частную тайну «критической критики» наиболее известные выводы этой литературы.

Нам поэтому нет надобности подробно останавливаться на рассуждениях г-на Шелиги об этих тайнах. Мы отметим только некоторые, самые блестящие, пункты.

«Перед лицом закона и судьи все *равны*: великие и малые, богатые и бедные. Положение это занимает первое место в символе веры *государства*».

Государства? Символ веры большинства государств с самого начала, напротив, устанавливает *неравенство* перед лицом закона великих и малых, богатых и бедных.

«Гранильщик драгоценных камней Морель в своей наивной добропорядочности очень ясно определяет сущность тайны» (а именно, тайны противоположности между бедными и богатыми). «Он говорит: Если бы только богатые это знали! Если бы только богатые это знали! Несчастье в том и заключается, что они не знают, что такое бедность».

Г-н Шелига не знает, что Эжен Сю, из вежливости к французской буржуазии, допускает *анахронизм*, влагая в уста Мореля, рабочего времен «хартин-истины»*, ходячую фразу бюргерства времен Людовика XIV: «Ах, если бы король это

знал!» — в модифицированной форме: «Ах, если бы богатый это знал!» По крайней мере в Англии и во Франции это *наивное* отношение между богатыми и бедными перестало существовать. Ученые представители богатства, экономисты, распространили здесь весьма детализированное понимание того, что представляет собой бедность как физическая и моральная нищета. В виде утешения они доказывали, что эта нищета так и должна-де сохраниться, ибо должно сохраниться современное положение вещей. Мало того. Они даже заботливо вычислили, в каких именно *пропорциях* беднота для блага богатых и своего собственного блага должна сокращать свою численность посредством смертных случаев.

Когда Эжен Сю изображает кабаки, притоны и язык *преступников*, г-н Шелига открывает «тайну», что «автор» задавался целью — не изобразить этот язык и эти притоны, а

«изучить тайну пружин зла» и т. д. «Ведь именно в местах наиболее оживленного движения... преступники чувствуют себя как *дома*».

Что сказал бы естествоиспытатель, если бы ему стали доказывать, что ячейка пчелиных сотов интересует его не как сотовая ячейка, что она не представляет тайны для того, кто не изучал ее, потому что пчела «чувствует себя совершенно как дома» именно на свежем воздухе и на цветке? В притонах преступников и в их языке отражается характер преступника, они составляют неотъемлемую часть его повседневного бытия, их изображение необходимо входит в изображение преступника точно так же, как изображение *petite maison*¹ необходимо входит в изображение *femme galante*².

Даже для парижской полиции, не говоря уже о парижанах вообще, притоны преступников составляют такую «тайну», что еще и теперь в центре города прокладываются светлые и широкие улицы, чтобы сделать эти закоулки доступными для полиции.

Наконец, сам Эжен Сю заявляет, что при изображении всего вышеупомянутого он рассчитывал на «боязливое любопытство» читателей. Г-н Эжен Сю во всех своих романах рассчитывал на это боязливое любопытство читателей. Достаточно вспомнить такие романы, как «Атар Гюль», «Саламандра», «Плик и Плок».

¹ — домика для тайных свиданий. *Ред.*

² — женщины легких нравов. *Ред.*

2) ТАЙНА СПЕКУЛЯТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Тайна критического изображения «Парижских тайн» есть тайна *спекулятивной, гегелевской конструкции*. Объявив «одичание среди цивилизации» и «бесправие в государстве» тайнами, т. е. растворив их в категории «тайны», г-н Шелига заставляет «тайну» начать свой *спекулятивный круговорот жизни*. Нескольких слов будет достаточно, чтобы дать *общую* характеристику спекулятивной конструкции. Трактровка «Парижских тайн» у г-на Шелиги покажет нам ее применение в *деталлях*.

Когда я из действительных яблок, груш, земляники, миндаля образуя общее представление «плод»; когда я иду дальше и *воображаю*, что мое, выведенное из действительных плодов, абстрактное представление «п л о д» [*die Frucht*] есть вне меня существующая сущность, мало того — *истинная* сущность груши, яблока и т. д., то этим я, выражаясь *спекулятивным языком*, объявляю «п л о д» «*субстанцией*» груши, яблока, миндаля и т. д. Я говорю, следовательно, что для груши несущественно то, что она — груша, для яблока несущественно то, что оно — яблоко. Существенное в этих вещах, говорю я, есть не их действительное, чувственно созерцаемое наличное бытие, а абстрагированная мною от них и подсунутая под них сущность, сущность в моем представлении, «п л о д». Я объявляю тогда яблоко, грушу, миндаль и т. д. простыми формами существования, *модусами* «п л о д а». Правда, мой конечный рассудок, находящий себе поддержку в чувствах, *отличает* яблоко от груши и грушу от миндаля, но мой спекулятивный разум объявляет это чувственное различие несущественным и безразличным. Спекулятивный разум видит в яблоке *то же*, что в груше, в груше *то же*, что в миндале, а именно — «п л о д». Различные по своим особенностям действительные плоды являются отныне лишь *иллюзорными* плодами, истинную сущность которых составляет «субстанция» «п л о д».

Этот путь не приводит к особому *богатству определений*. Минералог, вся наука которого ограничивалась бы установлением той истины, что все минералы в действительности суть «минерал вообще», был бы минералогом лишь в *собственном воображении*. При виде каждого минерала спекулятивный минералог говорил бы: это — «м и н е р а л», и его наука ограничивалась бы тем, что он повторял бы столько раз это слово, сколько существует действительных минералов.

Спекулятивное мышление, сделавшее из различных действи-

тельных плодов *один* «плод» абстракции — «плод вообще», вынуждено поэтому, чтобы прийти к видимости некоторого действительного содержания, попытаться тем или иным образом вернуться от «п л о д а», от *субстанции*, к действительным, *разнообразным* обыденным плодам — к груше, яблоку, миндалю и т. д. Но насколько легко из действительных плодов создать абстрактное представление «п л о д», настолько же трудно из абстрактного представления «п л о д» создать действительные плоды. Больше того, перейти от абстракции к тому, что является *прямой противоположностью* абстракции, просто невозможно, если не *отказаться* от абстракции.

Спекулятивный философ отказывается поэтому от абстракции «п л о д а», но он отказывается от нее на особый, *спекулятивный, мистический* манер, — так именно, что сохраняется видимость, будто он *не* отказывается от абстракции. Поэтому он и действительно лишь по видимости выходит за пределы абстракции. Он рассуждает примерно следующим образом:

Если яблоко, груша, миндаль, земляника действительно не что иное, как «субстанция вообще», «плод вообще», то спрашивается, каким же образом «плод вообще» представляется мне то в виде яблока, то в виде груши, то в виде миндаля, — откуда эта *видимость многообразия*, столь осязательно противоречащая моему спекулятивному представлению о *единстве*, о «субстанции вообще», о «плоде вообще».

Это происходит оттого, отвечает спекулятивный философ, что «плод вообще» — не мертвая, лишенная различий, покоящаяся сущность, а сущность живая, себя в себе различающая, подвижная. Разнообразие обыденных плодов имеет значение не только для *моего* чувственного рассудка, но и для самого «плода вообще», для спекулятивного разума. Различные обыденные плоды суть различные проявления жизни «*единого* плода»; это — кристаллические образования, создаваемые самим «плодом вообще», так что, например, в яблоке «плод вообще» придает себе яблоковидное наличное бытие, в груше — грушевидное. Поэтому нельзя уже, повторяя точку зрения, исходившую из представления о субстанции, говорить здесь: груша — это «п л о д», яблоко — это «п л о д», миндаль — это «п л о д». В данном случае, напротив, нужно говорить: «п л о д» полагает себя как грушу, «п л о д» полагает себя как яблоко, «п л о д» полагает себя как миндаль. Различия, отделяющие друг от друга яблоко, грушу, миндаль, суть именно саморазличения «п л о д а», они делают отдельные плоды именно различными

звеньями в жизненном процессе «плода вообще». Таким образом, «плод» не есть больше бессодержательное, лишённое различий единство: он есть единство как *совокупность*, как «*тотальность*» плодов, образующих «*органически расчлененный ряд звеньев*». В каждом следующем звене этого ряда «плод» придает себе все более развитое, все более выпукло выраженное наличное бытие, пока, наконец, в качестве «обобщения» всех плодов он не становится в то же время тем живым *единством*, которое настолько же содержит растворенным внутри себя каждый плод в отдельности, насколько оно производит каждый плод из себя, подобно тому как, например, все части тела постоянно претворяются в кровь и постоянно воспроизводятся из крови.

Вы видите: если христианской религии известно только *одно* воплощение бога, то спекулятивная философия знает столько воплощений, сколько имеется вещей, как, например, в данном случае для нее каждый отдельный плод есть особое воплощение субстанции, абсолютного плода. Главный интерес спекулятивного философа заключается, таким образом, в том, чтобы произвести *существование* действительных, обиденных плодов и с таинственным видом затем сказать, что существуют яблоки, груши, миндаль и изюм. Но те яблоки, груши, миндаль и изюм, которые мы вновь обретаем в спекулятивном мире, суть уже всего лишь *иллюзорные* яблоки, груши, миндаль и изюм, ибо они представляют собой моменты жизни «плода вообще», этой абстрактной *сущности, созданной рассудком*, а потому и сами суть абстрактные *создания рассудка*. Что нас в этой спекулятивной операции должно радовать, так это то, что мы вновь обретаем все действительные плоды, но уже как плоды, имеющие более высокое, мистическое значение, — плоды, которые выросли не из материальной почвы, а из эфира нашего мозга и представляют собой воплощения «плода вообще», воплощения *абсолютного субъекта*. Когда мы, таким образом, возвращаемся от абстракции, от *сверхъестественной* рассудочной сущности «плод вообще» к действительным, *естественным* плодам, то естественным плодам мы, наоборот, придаем вместе с тем сверхъестественное значение и превращаем их в чистые абстракции. Наш главный интерес должен теперь заключаться в том именно, чтобы доказать *единство* «плода вообще» во всех его жизненных проявлениях — в яблоке, в груше, в миндале и т. д., — доказать, стало быть, *мистическую взаимную связь* этих плодов и показать, как в каждом из них «плод вообще» осуществляет себя *по ступеням*, и как он *необходимым обра-*

зом переходит от одной формы своего существования к другой, от изюма, например, к миндалю. Значение обыденных плодов поэтому и заключается теперь *уже не* в их *естественных* свойствах, а в их *спекулятивном* свойстве, отводящем каждому из них определенное место в жизненном процессе «абсолютного плода».

Обыкновенный человек не предполагает, что сказал что-то особенное, когда говорит, что существуют яблоки и груши. Философ же, выразив эти существующие вещи в спекулятивных терминах, сказал нечто *необыкновенное*. Он совершил *чудо*: из недействительной *рассудочной сущности* «плод вообще» он произвел действительные *предметы природы* — яблоко, грушу и т. д., т. е. он из своего *собственного абстрактного рассудка*, который представляется ему каким-то абсолютным субъектом, вне его находящимся, в данном случае «плодом вообще», *создал* эти плоды. И всякий раз, когда спекулятивный философ заявляет о существовании тех или иных предметов, он совершает акт творения.

Само собой разумеется, что спекулятивный философ лишь потому способен проявлять такое непрерывное творчество, что он общеизвестные, наблюдаемые в действительности свойства яблока, груши и т. д. выдает за *открытые* им определения, давая тому, что может быть создано исключительно абстрактным рассудком, а именно — абстрактным рассудочным формулам, *названия* действительных вещей и объявляя, наконец, свою *собственную* деятельность, проявляющуюся в том, что *он* сам *переходит* от представления яблока к представлению груши, *самодетельностью* абсолютного субъекта, «плода вообще».

На спекулятивном языке операция эта обозначается словами: понимать *субстанцию* как *субъект*, как *внутренний процесс*, как *абсолютную личность*. Такой способ понимания составляет существенную особенность *гегелевского* метода.

Необходимо было предпослать эти замечания, чтобы сделать г-на Шелигу понятным. Если до сих пор г-н Шелига возводил действительные отношения, как, например, право и цивилизацию, в категорию тайны и таким путем превращал «т а й н у» в субстанцию, то теперь он впервые поднимается на истинно спекулятивную, *гегелевскую* высоту и превращает «т а й н у» в самостоятельный субъект, который *воплощается* в действительных отношениях и лицах, так что графини, маркизы, гризетки, привратники, нотариусы, шарлатаны, любовные интриги, балы, деревянные двери и т. д. представляют собой проявление жизни этого субъекта. Произведя сначала из действительного мира ка-

тегорию «т а й н а», он теперь из этой категории производит действительный мир.

В изображении, даваемом г-ном Шелигой, тайны *спекулятивной конструкции* раскроются перед нами с тем *большой очевидностью*, что он неоспоримо имеет *двойное* преимущество перед *Гегелем*. Во-первых, Гегель путем искусной софистики умеет изобразить тот процесс, при помощи которого философ, пользуясь чувственным созерцанием и представлением, переходит от одного предмета к другому, как процесс, совершаемый самой воображаемой рассудочной сущностью, самим абсолютным субъектом. А во-вторых, Гегель очень часто внутри *спекулятивного* изложения дает *действительное* изложение, захватывающее самый *предмет*. Это действительное развитие *внутри* спекулятивного развития понятий побуждает читателя принимать спекулятивное развитие за действительное, а действительное развитие за спекулятивное.

Оба эти затруднения отпадают у г-на Шелиги. Его диалектика свободна от всякого лицемерия и притворства. Он проделывает свои фокусы с похвальной честностью и самой простодушной прямотой. А затем он *нигде* не привносит *действительного содержания*, так что у него спекулятивная конструкция свободна от всяких мешающих добавлений и представляется нашим взорам без всяких двусмысленных покровов, во всей своей обнаженной красе. Кроме того, г-н Шелига на собственном примере демонстрирует самым блестящим образом, как спекуляция, с одной стороны, по видимости свободно, из самой себя, творит а priori свой предмет и как, с другой стороны, желая отделаться софистикой от разумной и естественной зависимости от *предмета*, она попадает именно в самую неразумную и неестественную *рабскую подчиненность* предмету, самые случайные и самые индивидуальные определения которого она вынуждена конструировать как абсолютно необходимые и всеобщие.

3) «ТАЙНА ОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА»

Показав нам сначала низшие слои общества, заставив нас посетить кабаки преступников и т. д., Эжен Сю переносит нас затем в высший свет, на *бал* в квартале Сен-Жермен.

Г-н Шелига следующим образом конструирует этот *переход*:

«Новым поворотом тайна пытается ускользнуть от расследования. До сих пор она противостояла истинному, реальному, положительному как нечто абсолютно загадочное, совершенно неуловимое, отрицательное;

теперь же она проникает в это истинное, реальное, положительное как его *невидимое содержание*. Но тем самым она уничтожает безусловную невозможность быть познанной».

«Тайна», которая до сих пор противостояла «истинному», «реальному», «положительному», а именно праву и образованию, «проникает теперь в последнее», т. е. в сферу образования. Что один только высший свет представляет сферу образования, это тайна, если *не Парижа*, то для Парижа. Г-н Шелига не переходит от тайн мира преступников к тайнам аристократического общества; он делает другое: у него «тайна вообще» становится «невидимым содержанием» образованного общества, его *подлинной сущностью*. Это не является «новым поворотом» со стороны г-на Шелиги, для того чтобы открыть путь к дальнейшим расследованиям; это — «новый поворот» со стороны самой «т а й н ы», для того чтобы ей можно было ускользнуть от расследования.

Прежде чем действительно последовать за Эженом Сю туда, куда влечет его сердце, а именно на аристократический бал, г-н Шелига прибегает еще к *лицемерным* оборотам *a priori* конструирующей спекуляции:

«*Разумеется*, можно *предвидеть*, что тайна постарается укрыться в весьма твердой скорлупе. И в самом деле кажется, что перед нами *непреодолимая непроницаемость*... что можно *поэтому ожидать*, что *вообще*... Тем не менее новая попытка докопаться до ядра *здесь неизбежна*».

И что же? Г-н Шелига настолько успеваает в этом деле, что

«*метафизический* субъект тайна выступает теперь легко, непри-
нужденно, кокетливо».

Чтобы превратить аристократическое общество в «тайну», г-н Шелига пытается при помощи некоторых соображений выяснить смысл «образования». Он заранее приписывает аристократическому обществу сплошь такие свойства, каких ни один человек в нем не ищет, чтобы после этого открыть «тайну», что общество этими свойствами не обладает. А затем он выдает это открытие за «тайну» образованного общества. Г-н Шелига задает себе, например, такие вопросы: Не служит ли «*всеобщий разум*» (уж не спекулятивная ли логика?) предметом «*светских разговоров*» в образованном обществе? «*Только ли ритм и размеры любви к людям делают*» это общество «гармоническим целым»? Есть ли то, «что мы называем *общим образованием*, форма *всеобщего, вечного, идеального*», т. е. есть ли то, что мы называем образованием, плод метафизического воображения? В ответ на свои вопросы г-ну Шелиге нетрудно пророчествовать *a priori*:

«Впрочем, можно ожидать... что на все эти вопросы последует отрицательный ответ».

В романе Эжена Сю переход из мира простонародья в мир знати совершается обычным для романов путем. *Переодевания Рудольфа*, князя Герольштейнского, помогают ему проникнуть в низшие слои общества, точно так же как его звание открывает ему доступ в высшие сферы. По дороге на аристократический бал его занимают отнюдь не контрасты окружающей жизни: ему представляются *пикантными* лишь контрасты его *собственных* маскировок. Он сообщает своим послушнейшим спутникам, каким необычайно интересным он кажется самому себе в различных ситуациях.

«Я нахожу», — говорит он, — «эти контрасты достаточно пикантными: вчера я — живописец, расписывающий веера и устранивающийся в каморке на улице Фев; сегодня утром, в качестве приказчика, я угощаю наливкой из черной смородины г-жу Пипле, а вечером... я оказываюсь одним из привилегированных милостью божией, властвующих над этим миром».

Приведенная на бал, критическая критика поет:

«В присутствии земных богов *
Я ум и память потерять готов».

Она изливается в следующих *дифирамбах*:

«Здесь чары волшебства залили ночь сиянием солнца, одели зиму в зелень весны и роскошь лета. Нас тотчас же охватывает такое настроение, что мы готовы поверить в чудо пребывания бога в человеческой груди, особенно когда красота и грация окончательно убеждают нас в том, что мы находимся в непосредственной близости от идеалов» (!!!).

Неопытный, легковверный *критический сельский пастор!* Только твое критическое простодушие может от элегантно-парижского бального зала прийти в такой суеверный восторг, чтобы поверить в «чудо пребывания бога в человеческой груди», а в парижских львицах увидеть «непосредственные идеалы», воплощенных ангелов.

В своей *елейной* наивности критический пастор решает подслушать разговор двух «красивейших из красавиц», Клеманс д'Арвиль и графини Сары Мак-Грегор. Догадайтесь-ка, какие речи он хочет «*подслушать*» у этих двух красавиц:

«Как сделаться *благословением* для любимых детей, *всей полнотой* счастья для супруга... «Мы слышим... мы изумляемся... мы не верим своим ушам».

Мы испытываем чувство тайного злорадства, когда видим разочарование подслушивающего пастора. Дамы не беседуют

ни о «благословении», ни о «полноте счастья», ни о «всеобщем разуме»; напротив, «речь идет о том, чтобы склонить г-жу д'Арвиль к измене своему супругу».

Относительно одной из этих дам, графини Мак-Грегор, мы получаем следующее наивное разъяснение:

Она была *«достаточно предприимчива, чтобы в результате тайного брака стать матерью»*.

Неприятно пораженный этим *духом предприимчивости* графини, г-н Шелига читает ей строгую нотацию:

«На наш взгляд, все стремления графини направлены на получение индивидуальной, эгоистической выгоды».

Возможное достижение ею цели, выход замуж за князя Герольштейнского, не обещает, по мнению г-на Шелиги, ничего хорошего:

«Мы *нисколько* не ожидаем, что ее замужество принесет *счастье* подданным князя Герольштейнского».

В заключение своей укоризненной проповеди наш пуританин с «глубокомысленной серьезностью» замечает:

«Сара» (*предприимчивая дама*) *«едва ли, впрочем, является исключением среди людей этого блестящего круга, хотя она и образует одну из его вершин»*.

Едва ли, впрочем! Хотя! Ну, а «вершина» круга — разве это не исключение?

О характере двух других идеальных созданий, маркизы д'Арвиль и герцогини де Люсне, мы узнаем следующее:

Им «не хватает удовлетворенности сердца. В браке они не обрели предмета любви и потому ищут предмет любви вне брака. В браке любовь осталась для них *тайной*, и властное веление сердца побуждает их стремиться к разоблачению этой тайны. Таким образом они предаются *тайной любви*. Эти жертвы брака без любви помимо своей воли доходят до того, что низводят самое любовь до чего-то внешнего, до так называемой связи, а романтический элемент, *тайну*, готовы принять за внутреннее, оживляющее, существенное в любви».

Мы тем выше должны оценить заслугу этой диалектической аргументации, чем более последняя применима ко всем случаям жизни.

Например, кто не смеет *пить* у себя дома и все-таки чувствует потребность выпить, тот ищет «предмет» выпивки «вне» дома и «таким образом» предается *тайному пьянству*.

Мало того, у него появится непреодолимое побуждение считать тайну существенным ингредиентом пьянства, хотя он и не станет низводить выпивку до уровня чего-то исключительно «внешнего», безразличного, чего не делают и вышеупомянутые дамы по отношению к любви. Ведь согласно объяснению самого г-на Шелиги, они низводят не любовь, а лишенный любви брак до того, чем он на самом деле является, — до чего-то внешнего, до так называемой связи.

«Что такое», — спрашивает дальше г-н Шелига, — «тайна» любви?»

Мы только что познакомились с конструкцией, делающей «тайну» «*сущностью*» этого сорта любви. Каким же образом получается, что нам приходится теперь искать тайну тайны, сущность сущности?

«Не тенистые аллеи рощи», — декламирует пастор, — «не *естественный* полумрак лунной ночи и не искусственный полумрак под сенью дорогих гардин и занавесок, не мягкие и одурманивающие звуки арфы и органа, не притягательная сила запретиного...».

Гардины и занавески! Мягкие и одурманивающие звуки! Да к тому же и *орган!* Г-н пастор, выберите-ка себе из головы *церковь!* Кто это приносит с собой на любовное свидание орган?

«Все это» (гардины и занавески и орган) — «только нечто *таинственное*».

Ну, а разве не в этой *таинственности* заключается «тайна» тайной любви? Никким образом:

«Тайна в любви — это то, что возбуждает, опьяняет, одурманивает, — это *власть чувственности*».

В «мягких и *одурманивающих*» звуках пастор уже обладает тем, что одурманивает. Если бы он еще принес с собой на любовное свидание черепаховый суп и шампанское вместо гардин и органа, то у него не было бы недостатка и в том, что «*возбуждает и опьяняет*».

«Правда, мы не хотим признать власть чувственности», — учит святой муж, — «но она только потому имеет столь огромную власть над нами, что мы изгоняем ее из себя, что мы отказываемся признать в ней свою собственную природу, — собственную природу, с которой мы в случае ее признания сумели бы справиться, как только она попыталась бы проявить себя за счет разума, истинной любви и силы воли».

Согласно с духом спекулятивной теологии, пастор советует нам *признать* чувственность нашей *собственной* природы, чтобы быть в состоянии затем *справиться* с ней, т. е. взять обратно

это признание. Он собирается, правда, справиться с чувственностью только в том случае, если она пожелает проявить себя за счет разума (сила воли и любовь, *противопоставляемые* чувственности, относятся к сфере разума). Но ведь и неспекулятивный христианин признает *чувственность*, поскольку она не стремится проявить себя за счет истинного разума, т. е. веры, за счет истинной любви, т. е. любви к богу, и за счет истинной силы воли, т. е. воли во Христе.

Пастор немедленно выдает нам свое настоящее мнение об этом предмете, продолжая следующим образом:

«Таким образом, как только любовь перестает быть сущностью брака, сущностью нравственности вообще, *чувственность* становится тайной любви, нравственности, образованного общества. Чувственность здесь надо понимать не только в ее узком смысле, как *трепетание нервов*, как *жгучий поток* в жилах, но и в более широком значении ее, когда она возвышается до *видимости* духовной мощи, до властолюбия, честолюбия и жажды славы... Графиня Мак-Грегор является представительницей чувственности» в ее последнем значении — «чувственности как тайны образованного общества».

Пастор попадает в самую точку: чтобы победить *чувственность*, он прежде всего должен победить *нервные токи* и *быстрое кровообращение*. — Говоря о чувственности в «узком» смысле, г-н Шелига высказывает мнение, что большая телесная теплота происходит от кипения крови в жилах. Он не знает, что *теплокровные животные* потому именно и называются теплокровными, что температура их крови, если не принимать в расчет незначительных изменений, постоянно держится на одной и той же высоте. — Как только прекращаются *нервные токи* и *кровь* в жилах перестает быть горячей, *грешное тело*, это седалище чувственных вожделений, становится *покойником*, и души могут беспрерывно беседовать друг с другом о «всеобщем разуме», «истинной любви» и «чистой морали». Пастор настолько унижает чувственность, что упраздняет именно те моменты чувственной любви, которые одухотворяют ее: быстрое кровообращение, которое доказывает, что человек любит не с бесчувственной флегмой; *нервные токи*, которые соединяют орган, являющийся главным седалищем чувственности, с мозгом. Он сводит истинную чувственную любовь к *механическому secretio seminis* и вместе с пресловутым немецким теологом шепелявит:

«Не ради чувственной любви, не ради плотских вожделений, а потому, что так велел господь, плодитесь и размножайтесь».

Сравним теперь спекулятивную конструкцию с романом Эжена Сю. Не *чувственность* выдается здесь за тайну любви,

а таинственность, приключения, препятствия, страхи, опасности и, в особенности, притягательная сила запретного.

«Почему», — говорится здесь, — «многие женщины берут себе в любовники таких мужчин, которые не сто́ят их мужей? Потому что *величайшая прелесть любви* заключается в манящей привлекательности *запретного плода*... Согласитесь, что если устранить из такой любви опасения, тревоги, затруднения, тайны, опасности, то от нее не останется ничего или почти ничего, т. е. останется любовник... в своей первобытной простоте... Одним словом, это будет всегда что-то вроде случая с тем человеком, которому говорили: почему Вы не женитесь на этой вдове, Вашей любовнице? — Увы, я, конечно, думал об этом, — ответил он, — но в таком случае я не знал бы, где мне проводить вечера».

Если г-н Шелига подчеркивает, что тайна любви не в *притягательной силе запретного*, то Эжен Сю в такой же мере подчеркивает, что запретное составляет «величайшую прелесть любви» и основу всех любовных приключений вне домашних стен.

«Запреты и контрабанда неразлучны и любви, как и в торговле»*.

Точно так же Эжен Сю, в противоположность своему спекулятивному толкователю, утверждает, что

«склонность к притворству и хитрости, вкус к тайнам и интригам составляют существенную особенность, естественную склонность и властный инстинкт женской природы».

Эжена Сю смущает лишь направленность этой склонности и этого вкуса против *брака*. Он хотел бы дать влечениям женской природы более невинное, более полезное применение.

Между тем как г-н Шелига делает графиню Мак-Грегор представительницей той *чувственности*, которая «возвышается до видимости духовной мощи», та же графиня у Эжена Сю является просто *человеком абстрактного рассудка*. Ее «честолюбие» и ее «гордость», весьма далекие от того, чтобы быть формами чувственности, представляют собой порождения абстрактного рассудка, совершенно независимого от чувственности. Эжен Сю подчеркивает поэтому, что

«никогда еще пламенные порывы любви не заставляли вздыматься ее *холодную, как лед, грудь*; *никакие неожиданности, затрагивающие сердце или чувства*, не могли нарушить жестоких расчетов этой лукавой, эгоистичной и честолюбивой женщины».

Эгоизм абстрактного, не поддающегося влиянию симпатических чувств, хладнокровного *рассудка* образует существенный характер этой женщины. Ее душа изображается поэтому в романе как «сухая и черствая», ее ум — как «утонченно-злой», ее

характер — как «коварный» и (что весьма характерно для человека абстрактного рассудка) «абсолютный», ее притворство — как «глубокое». — Заметим мимоходом, что жизненный путь графини получает у Эжена Сю столь же глупую мотивировку, как и жизненный путь большинства характеров в его романе. Старая нянька вселяет в нее убеждение, что она будет «носить на голове своей корону». Проникнутая этим убеждением, она отправляется в путешествия, чтобы добыть себе корону посредством замужества. В конце концов она обнаруживает такую непоследовательность, что принимает мелкого немецкого «светлейшего князя» за «коронованную особу».

После своих излияний против *чувственности* наш критический святой считает себя обязанным еще показать, почему Эжен Сю вводит нас в высший свет именно на балу, — способ, практикуемый почти всеми французскими романистами, между тем как *английские* романисты знакомят нас с высшим светом чаще всего на охоте или в деревенском замке.

«Для этого способа понимания вещей» (т. е. для точки зрения г-на Шелиги) «не может быть безразличным и в этой связи» (в конструкции Шелиги) «просто случайным, что Эжен Сю вводит нас в высший свет именно на балу».

Тут критик дает поводья своему коню, и конь несется быстрой рысью по целой цепи доказательств необходимости сего в духе блаженной памяти старого Вольфа.

«Танец есть самое всеобщее проявление *чувственности как тайны*. Непосредственное *прикосновение*, объятия обоих полов» (?), «обусловленные образованием пары, дозволены в танцах, так как они, вопреки внешнему виду и действительно» (действительно ли, г-н пастор?) «испытываемому сладостному ощущению, все-таки не рассматриваются как *чувственные*» (а, надо думать, как относящиеся ко всеобщему разуму?) «прикосновение и объятия».

И, наконец, следует заключительное положение, которое не столько танцует, сколько спотыкается:

«Ибо, если бы в самом деле танец рассматривался как чувственное соприкосновение и чувственные объятия, то непонятно было бы, почему общество так снисходительно относится только к танцу, между тем как оно, наоборот, преследует самым жестоким осуждением все подобные проявления, если они с той же свободой обнаруживаются где-нибудь в другом месте, и карает их, как самое непростительное нарушение нравственности и стыдливости, заклеиванием и беспощаднейшим изгнанием».

Г-н пастор говорит не о канкане и не о польке; он говорит о т а н ц е вообще, о той категории танца, которую танцуют разве

только под его собственным критическим черепом. Пусть он когда-нибудь посмотрит на танец в парижской «Шомьер», и его христианско-германская душа возмутится этой дерзостью, этой откровенностью, этой грациозной резвостью, этой музыкой чувственнейшего движения. Его собственное «действительно испытываемое сладостное ощущение» дало бы ему возможность «ощутить», что «в самом деле нельзя понять, почему сами танцующие, в то время как они, наоборот», производят на зрителя бодрящее впечатление откровенной человеческой чувственности («что, если бы это в том же виде обнаружилось где-нибудь в другом месте» — а именно, в Германии, — «повлекло бы за собой, как непростительное нарушение» и т. д. и т. д.), — почему сами танцующие не должны и не смеют, — чтобы не сказать еще больше, — быть и в своих собственных глазах откровенно чувственными людьми, когда они не только могут, но и со всей необходимостью должны быть таковыми!!

Из уважения к *сущности танца* критик приводит нас на *бал*. Однако он наталкивается на серьезное затруднение. На этом балу хотя и танцуют, но только в воображении. Дело в том, что Эжен Сю никакого описания танцев не дает. Он не смешивается с толпой танцующих. Он пользуется балом лишь как удобным случаем, чтобы свести вместе лиц, принадлежащих к высшему аристократическому кругу. В своем отчаянии «критика» спешит *дополнить* писателя, и ее собственная «фантазия» с легкостью рисует картины бала и т. д. Если, согласно предписанию критики, Эжен Сю при изображении притонов и языка преступников никоим образом не был непосредственно заинтересован в изображении этих притонов и этого языка, то, наоборот, он необходимым образом бесконечно интересуется танцами, которые описывает, правда, не *он сам*, а его «богатый фантазией» критик.

Дальше!

«На деле тайна светского тона и такта — тайна этой крайней противоестественности — есть горячее стремление вернуться к природе. Поэтому-то явление, подобное *Сесили*, производит на образованное общество такое электризирующее впечатление и сопровождается таким необыкновенным успехом. Для нее, выросшей рабыней среди рабов, лишенной образования, предоставленной исключительно своей природе, эта природа была единственным источником жизни. Внезапно перенесенная в придворную обстановку с принудительностью ее нравов и обычаев, она быстро проникает в тайну последних... В этой сфере, над которой она безусловно в силах властвовать, так как ее мощь, мощь ее природы, действует на окружающих как загадочное волшебство, в этой сфере *Сесили* неизбежно должна сбиться с пути и потерять всякое чувство меры,

между тем как прежде, когда она была еще рабыней, эта самая природа учила ее оказывать сопротивление всякому недостойному требованию своего господина и сохранять верность своей любви. *Сесили* — это *разоблаченная тайна образованного общества*. Подавленные чувства прорывают в конце концов плотину и проявляются с полнейшей необузданностью» и т. д.

Читатель г-на Шелиги, не знакомый с романом Сю, конечно, подумает, что Сесили — львица описываемого бала. В романе же Сесили сидит в немецкой тюрьме в то время, когда в Париже танцуют.

Сесили-рабыня сохраняет верность врачу-негру Давиду, потому что она его «страстно» любит и потому что ее собственник, г-н Виллис, «грубо» добивается ее ласк. Ее переход к распутной жизни мотивируется в романе очень просто. Перенесенная в «мир европейцев», она «стыдится своего брака с негром». Едва она попадает в Германию, как ее «*тотчас же*» развращает какой-то испорченный субъект. Сказывается «индейская кровь», текущая в ее жилах. В угоду «милой морали» и «милой коммерции» лицемерный г-н Сю не может не охарактеризовать ее поведение как «испорченность от природы».

Тайна Сесили состоит в том, что она — *метиска*. Тайна ее чувственности — это тропический зной. Парни в своих прекрасных стихах к Элеоноре воспевал метиску*. Насколько она опасна для французских матросов, можно прочесть в сотнях рассказов путешественников.

«Сесили», — читаем мы у Эжена Сю, — «была воплощением жгучей чувственности, воспламеняющейся лишь при тропическом зное... Все слышали об этих цветных девушках, так сказать, смертельных для европейцев, об этих очаровательных вампирах, которые, опьяняя свои жертвы ужасными соблазнами, оставляют им, по энергичному местному выражению, лишь пить свои слезы и глотать свое сердце».

Сесили вовсе не производила такого магического действия именно на аристократически-образованных, пресыщенных людей...

«Женщины типа Сесили», — пишет Эжен Сю, — «производят внезапное впечатление, оказывают неотразимое магическое действие на таких представителей *грубой чувственности*, как Жак Ферран».

А с каких это пор люди, подобные Жаку Феррану, представляют изысканное общество? Но критической критике понадобилось конструировать *Сесили* как момент в жизненном процессе абсолютной тайны.

4) «ТАЙНА ДОБРОПОРЯДОЧНОСТИ И БЛАГОЧЕСТИЯ»

«Тайна, как тайна образованного общества, укрывается, правда, из сферы *противоположности* во *внутреннюю* сферу. Тем не менее высший свет *опять-таки* обладает такими исключительно *своими* кругами, которым он вверяет хранение своей святыни. Высший свет — *как бы* часовня для этой величайшей святыни. Но для пребывающих в преддверии часовня сама составляет тайну. Таким образом, образованность в своем исключительном положении — то же для народа... что грубость нравов для образованных».

«Правда... тем не менее... опять-таки... как бы... но... таким образом» — вот те магические крючки, которые скрепляют друг с другом кольца *спекулятивной цепи рассуждений*. Выше мы видели, как г-н Шелига заставляет тайну покинуть мир преступников и укрыться в высшем свете. Теперь он должен конструировать ту тайну, что высший свет имеет свои *исключительные* круги и что тайны этих кругов суть тайны для народа. Кроме приведенных выше магических крючков, для этой конструкции требуется еще превращение *круга* в *часовню* и превращение неаристократического мира в *преддверие* этой часовни. Для Парижа опять-таки является тайной, что все сферы буржуазного общества составляют только преддверие часовни высшего света.

Г-н Шелига преследует две цели. Во-первых, необходимо сделать тайну, воплотившуюся в замкнутом круге высшего света, «*общим достоянием всего мира*». Во-вторых, *нотариус Жак Ферран* должен быть сконструирован как живое звено тайны. Критик рассуждает следующим образом:

«Образованность еще не может и не хочет втянуть в свой круг все сословия и все различия. Только *христианство* и *мораль* в состоянии основать на земле универсальные царства».

Для г-на Шелиги образованность, цивилизация, равнозначна *аристократической* образованности. Он поэтому не способен видеть, что *промышленность* и *торговля* создают совершенно иного рода универсальные царства, чем христианство и мораль, семейное счастье и мещанское благополучие. Но как же мы приходим к *нотариусу Жаку Феррану*? В высшей степени просто!

Г-н Шелига превращает *христианство* в *индивидуальное* качество, в «*благочестие*», а *мораль* в другое *индивидуальное* качество, в «*добропорядочность*». Он соединяет оба эти качества в *одном* индивидууме и нарекает этого индивидуума именем *Жака Феррана*, потому что Жак Ферран этими качествами не обладает, а только лицемерно разыгрывает их. Жак Ферран становится, таким образом, «тайной добропорядочности и бла-

гочестия». «Завещание» же Феррана, напротив, есть «тайна *кажущейся* добропорядочности и *кажущегося* благочестия», стало быть — уже не добропорядочности и благочестия самих по себе. Чтобы конструировать это завещание как тайну, критической критике следовало бы объявить кажущиеся добропорядочность и благочестие тайной означенного завещания, а не наоборот: завещание — тайной кажущихся добропорядочности и благочестия.

В то время как корпорация парижских нотариусов сочла Жака Феррана злым пасквилом на себя и через театральную цензуру настояла на удалении этого персонажа из поставленных на сцене «Парижских тайн», критическая критика в тот самый момент, когда она *полемизирует с воздушным царством понятий*, усматривает в парижском нотариусе не парижского нотариуса, а религию и мораль, добропорядочность и благочестие. Судебный процесс нотариуса Леона должен был бы просветить ее на этот счет. Положение, занимаемое *нотариусом* в романе Эжена Сю, тесно связано с его официальным положением.

«Нотариусы в светских делах то же, что священники в делах духовных: они — *хранители наших секретов*» (Монтей. «История французов различных сословий» и т. д., том IX, стр. 37).

Нотариус — это светский духовник. Он — *пуританин* по профессии, а «честность», говорит Шекспир, «не пуританка»*. Он в то же время сводник для всевозможных целей, заправила гражданских интриг и козней.

С нотариусом Ферраном, вся тайна которого заключается в его лицемерии и нотариате, мы, кажется, не сделали еще ни одного шага вперед. Но погодите!

«Если для нотариуса лицемерие есть дело вполне сознательное, а для мадам Ролан — *нечто вроде инстинкта*, то между ними стоит масса тех, которые не могут проникнуть в тайну и все-таки произвольно стремятся к тому, чтобы добиться этого. И не суеверие приводит великих и малых мира сего в мрачное жилище шарлатана Брадаманти (аббата Полидори). Нет, их приводит туда искание тайны, чтобы оправдать себя в глазах мира».

«Великие и малые» устремляются к Полидори не для того, чтобы обрести какую-нибудь определенную тайну, способную оправдать их в глазах мира. Нет, «великие и малые» ищут у Полидори «тайну вообще», тайну как абсолютный субъект, чтобы оправдать себя в глазах мира. Это похоже на то, как если бы мы искали не топор, а «инструмент вообще», инстру-

мент in abstracto¹, для того, чтобы этой абстракцией колоть дрова.

Все тайны, которыми владеет Полидори, сводятся к средству для вытравления плода у беременных и к яду для убийств. — В спекулятивном экстазе г-н Шелига заставляет «убийцу» прибегать к яду Полидори «потому, что он хочет быть не убийцей, а уважаемым, любимым, почитаемым». Как будто при совершении убийства дело идет об уважении, любви и чести, а не о *голове!* Но *критический* убийца хлопочет не о своей голове, а о «тайне как таковой». — Однако так как не все люди убивают и не все бывают беременны с нарушением установленных полицейских правил, то как же этому Полидори устроить так, чтобы *каждый* мог обладать желанной тайной? Г-н Шелига смешивает, вероятно, шарлатана Полидори с ученым *Полидором Вергилием*, который жил в XVI столетии и хотя не открыл никаких тайн, но старался сделать «общим достоянием всего мира» историю открывателей тайн, т. е. *изобретателей* (см. Полидор Вергилий. «Книга об изобретателях вещей» *. Лион, 1706).

Тайна как таковая, абсолютная тайна в том виде, в каком она в конце концов становится «общим достоянием всего мира», состоит, таким образом, в тайне аборта и отравления. Тайна как таковая вряд ли искуснее могла стать «общим достоянием всего мира», чем превратившись в тайны, ни для кого не являющиеся тайнами.

5) «ТАЙНА-НАСМЕШКА»

«Теперь тайна стала общим достоянием, тайной всего мира и каждого в отдельности. Либо это — мое искусство или мой инстинкт, либо я могу ее купить как товар на рынке».

Какая тайна стала теперь общим достоянием всего мира? Тайна ли бесправия в государстве, тайна ли образованного общества, тайна ли фальсификации товаров, тайна ли изготовления одеколона или же тайна «критической критики»? Нет, речь идет о тайне вообще, тайне in abstracto, о категории тайны!

Г-н Шелига вознамерился представить *домашних слуг и привратника Пипле с женой* — воплощением абсолютной тайны. Он хочет конструировать *служу и привратника* «т а й н ы!» Каким же образом он умудряется совершить этот головоломный пры-

¹ — в абстрактном виде. *Ред.*

жок вниз, от *чистой категории* до уровня «*слуги*», который «*шпионит перед запертой дверью*», от тайны, как *абсолютного субъекта*, восседающего на троне высоко над *крышей* в облаках абстракции, до подвального этажа, где помещается каморка привратника?

Прежде всего он заставляет категорию тайны проделать спекулятивный процесс. После того как тайна, при помощи средства для аборта и отравления, сделалась общим достоянием всего мира, она,

«стало быть, отнюдь не есть уже больше сама скрытность и недоступность, а есть то, что само себя скрывает, или же, еще лучше» (все лучше да лучше!), «то, что я скрываю, что я делаю недоступным».

С этим превращением абсолютной тайны из *сущности* в *понятие*, из *объективной* стадии, где она есть сама скрытность, в *субъективную* стадию, где она сама себя скрывает, или, еще лучше, где «я ее» скрываю, — мы еще не подвинулись ни на шаг вперед. Наоборот, затруднение как будто даже выросло, ибо тайна в человеческой голове и в человеческой груди более недоступна и более сокровенна, чем на дне морском. Поэтому на помощь своему *спекулятивному* рассуждению г-н Шелига немедленно выдвигает *эмпирическое* рассуждение.

«За *запертой дверью*» (слушайте, слушайте!) «*отныне*» (отныне!) «высживается, стряпается и вершится тайна».

«*Отныне*» г-н Шелига превращает спекулятивное «я» тайны в некоторую весьма эмпирическую, весьма *деревянную* действительность, а именно — в *дверь*.

«*Но тем самым*» (т. е. вместе с наличием запертой двери, а не с переходом от замкнутой сущности к понятию) «дана также возможность подслушать, уловить и выследить тайну».

Не г-н Шелига открыл ту «тайну», что можно подслушивать у запертых дверей. Массовая народная поговорка наделяет ушами даже стены. Напротив, вполне критически-спекулятивной тайной является то, что только «*отныне*», т. е. после адского путешествия по притонам преступников, после нашего вознесения в небесные сферы образованного общества и после всех чудес Полидори, стало возможно, что тайны высживаются за запертыми дверями и подслушиваются у запертых дверей. Столь же великую критическую тайну составляет и то, что запертые двери представляют собой *категорическую необходимость* как для того, чтобы высживать, стряпать и вершить тайны (сколько

тайн высиживается, стряпается и вершится за кустами!), так и для того, чтобы выслеживать их.

Совершив этот блестящий диалектический подвиг, г-н Шелига переходит, естественно, от самого *выслеживания к побудительным причинам выслеживания*. Здесь он нам открывает тайну, что *злорадство* есть побудительная причина выслеживания. От злорадства он переходит далее к *причинам злорадства*.

«Каждый», — говорит он, — «хочет быть лучше другого, потому что он не только скрывает мотивы своих добрых дел, но и старается окружить совершенно непроницаемым туманом свои дурные дела».

Фраза эта должна была бы гласить наоборот: каждый не только скрывает мотивы своих добрых дел, но и старается окружить свои дурные дела совершенно непроницаемым туманом, потому что он хочет быть лучше других.

Мы, таким образом, добрались от *тайны, которая сама себя скрывает*, к «я», которое ее скрывает, от этого «я» к *запертым дверям*, от *запертых дверей* к *выслеживанию*, от *выслеживания* к *причине выслеживания*, к злорадству, от злорадства к *причине злорадства*, к *желанию быть лучше других*. Скоро мы будем иметь удовольствие видеть *слугу* у запертых дверей. Впоследствии желание быть лучше других приводит нас прямо к тому, что «каждому свойственна склонность проникать в тайны других людей». К этим словам критик непринужденно присоединяет следующее остроумное замечание:

«В этом отношении *благоприятнее всего* положение *домашних слуг*».

Если бы г-н Шелига читал мемуары из архивов парижской полиции, мемуары Видока, французскую «Черную книгу» и тому подобные вещи, он знал бы, что в этом отношении *полиция* поставлена в еще более благоприятное положение, чем находящиеся в «наиболее благоприятном положении» домашние слуги, что полиция пользуется домашними слугами лишь для самых несложных поручений, что она не останавливается у дверей и не ограничивается присутствием при раздевании господ, а забирается даже под простыню, к их обнаженному телу, в образе *femme galante* или даже супруги. В самом романе Сю полицейский шпион «Красная рука» является одним из главных носителей развивающегося действия.

«Отныне» г-на Шелигу смущает в домашних слугах то обстоятельство, что они недостаточно *«свободны от личного интереса»*. Это *критическое сомнение* прокладывает критику дорогу к *привратнику Пипле и его жене*.

«Напротив, положение привратника, обеспечивая последнему относительную независимость, дает ему возможность сделать тайны дома предметом свободной, незаинтересованной, хотя и суровой и хлесткой, насмешки».

Первое большое затруднение, на которое наталкивается эта спекулятивная конструкция привратника, заключается в том, что в очень многих парижских домах функции домашнего слуги и привратника, по крайней мере для части жильцов, соединены в одном и том же лице.

О критической фантазии насчет относительно независимого и незаинтересованного положения привратника можно судить по следующим фактам. Парижский привратник является представителем и шпионом домовладельца. Жалованье он получает в большинстве случаев не от домовладельца, а от жильцов. Ввиду такой ненадежности своего заработка он часто соединяет со своими официальными обязанностями занятие комиссионера. Во время господства террора, в период Империи и Реставрации привратники были главными агентами тайной полиции. Так, например, генерал Фуа находился под негласным надзором своего привратника, который передавал адресованные генералу письма для прочтения находившемуся вблизи полицейскому агенту (см. Фроман. «Разоблаченная полиция»). Слова «portier»¹ и «écrier»² являются поэтому бранными словами, и сам «portier» жалуется, чтобы его называли «conspierge»³.

Эжен Сю настолько далек от того, чтобы изображать мадам Пипле «незаинтересованной» и безвредной особой, что он заставляет ее с самого начала надуть Рудольфа при размене денег; она же рекомендует Рудольфу бесчестную ростовщицу, живущую в том же доме, и она же обещает ему много приятного от знакомства с Риголеттой. Она подтрунивает над майором за то, что он мало платит, что он торгуется с ней (с досады она называет его «копечным майором»: «Это научит тебя, как платить всего лишь двенадцать франков в месяц за обслуживание твоего домашнего хозяйства»), что у него хватает «мелочности» следить за своим топливом и т. д. Она сама сообщает причину своего «независимого» поведения: майор платит всего лишь двенадцать франков в месяц.

У г-на Шелиги «Анастасия Пипле некоторым образом открывает партизанскую войну против тайны».

1 — «привратник». *Ред.*

2 — «лавочник». *Ред.*

3 — «консьержем». *Ред.*

У Эжена Сю Анастасия Пипле представляет собой тип *парижской привратницы*. Он хочет «драматизировать привратницу, мастерски изображенную г-ном Анри Монье». А г-н Шелига считает нужным превратить одно из качеств мадам Пипле, ее «злостью», в особую сущность, чтобы вслед за тем сделать мадам Пипле представительницей этой сущности.

«Ее муж», — продолжает г-н Шелига, — «привратник Альфред Пипле, подвизается рядом с ней на том же поприще, но с меньшим успехом».

Чтобы утешить его в этой неудаче, г-н Шелига превращает и его тоже в *аллегорию*. Он является представителем «*объективной*» стороны тайны, представителем «*тайны как насмешки*».

«Тайна, наносящая ему поражение, есть насмешка, шутка, которую над ним сыграли».

Мало того. В своем безграничном сострадании божественная диалектика делает «несчастливого, впавшего в детство старика» «*сильным человеком*» в *метафизическом смысле*, отводя ему роль весьма достойного, весьма счастливого и весьма решительного момента в жизненном процессе абсолютной тайны. Победа над Пипле есть

«*самое решительное поражение тайны*». «Более ловкий и смелый не даст шутке ввести себя в обман».

6) ГОРЛИЦА (РИГОЛЕТТА)

«Остается сделать еще один шаг. Тайна в *своем собственном последовательном развитии* неминуемо приходит к тому, что вынуждена, как мы видели на примере Пипле и Кабриона, унизиться до простого фарса. Требуется *еще только*, чтобы индивидуум не соглашался больше разыгрывать эту глупую комедию. *Горлица* делает этот шаг самым что ни на есть простодушным образом».

Всякий может в течение двух минут постичь тайну этого спекулятивного фарса и научиться самостоятельно применять его. Мы дадим краткие указания на этот счет.

Задача. Требуется построить конструкцию, показывающую, каким образом человек становится господином над зверями.

Спекулятивное решение. Предположим, что нам дано с полдюжины зверей: скажем, например, лев, акула, змея, бык, лошадь и мопс. Абстрагируем из этих шести зверей категорию «зверь вообще». Представим себе «зверя вообще» как самостоятельное существо. Будем рассматривать льва, акулу, змею и т. д. как своего рода переодевания или воплощения «зверя во-

обще». Подобно тому как мы превратили предмет нашего воображения, «зверя» нашей абстракции, в некое действительное существо, превратим теперь действительных зверей в создания нашей абстракции, нашего воображения. Мы видим, что «зверь вообще», который в образе *льва* раздирает человека на части, в образе *акулы* проглатывает его, в образе *змеи* поражает его ядом, в образе *быка* вонзает в него рога, в образе *лошади* бьет его копытами, — что этот самый «зверь вообще» в образе *мопса* только лает на человека и превращает борьбу с человеком в простую *видимость битвы*. «Зверь вообще» в своем *собственном последовательном развитии* приходит к тому, что вынужден, как мы видели на примере *мопса*, унизиться до разыгрывания *простого фарса*. Если теперь какой-нибудь ребенок или впавший в детство человек удирает от мопса, то остается еще добиться только того, чтобы индивидуум не соглашался больше разыгрывать эту глупую комедию. Индивидуум *x* делает этот шаг самым что ни на есть простодушным образом, пуская в ход против мопса свою бамбуковую палку. Отсюда вы можете видеть, каким образом «человек вообще», в лице индивидуума *x* и при посредстве мопса, стал господином над «зверем вообще», а стало быть и над действительными зверями, и каким образом этот человек, одолев *зверя в образе мопса*, тем самым одолев *льва в качестве зверя*.

Подобным же образом «Горлица» г-на Шелиги при посредстве Альфреда Пипле и Кабриона побеждает тайны существующего мирового порядка. Более того! Она сама есть не что иное, как реализация категории «т а й н а».

«Она сама еще не сознает своей высокой нравственной ценности и поэтому она еще для самой себя тайна».

Устами Мурфа Эжен Сю раскрывает нам тайну *неспекулятивной Риголетты*. Она — «очень хорошенькая *гризетка*». В ее лице Эжен Сю изобразил приветливый, человеческий характер парижской *гризетки*. Но опять-таки из благоговения перед буржуазией и в силу характерной для него страсти к преувеличениям он должен был *морально* идеализировать *гризетку*. Он должен был сгладить острые углы ее жизненного положения и характера, а именно: ее пренебрежительное отношение к официальной форме брака, ее наивную связь со студентом или рабочим. Именно в рамках этой связи она образует истинно человеческий контраст по отношению к лицемерной, черствой и себялюбивой супруге буржуа и ко всему кругу буржуазии, т. е. ко всему официальному обществу.

7) МИРОВОЙ ПОРЯДОК «ПАРИЖСКИХ ТАИН»

«И вот, этот мир тайн есть тот всеобщий мировой порядок, в который перенесено индивидуальное действие «Парижских тайн».

Прежде чем, «однако... перейти к *философскому воспроизведению* эпического происшествия», г-н Шелига должен еще «соединить в одну общую картину набросанные выше отдельные очерки».

Когда г-н Шелига говорит, что он хочет перейти к «философскому воспроизведению» эпического происшествия, то мы должны рассматривать это как действительное признание, как разоблачение его критической тайны. До сих пор он «философски воспроизводил» мировой порядок.

Развивая свои признания, г-н Шелига продолжает:

«Из нашего изложения следует, что отдельные рассмотренные выше тайны обладают ценностью не каждая сама по себе, обособленно друг от друга, что они не какие-нибудь великолепные сыплетки. Ценность их состоит в том, что они образуют из себя *органическую последовательность звеньев, совокупность* которых есть тайна».

В припадке откровенности г-н Шелига заходит еще дальше. Он сознается, что «*спекулятивная последовательность*» не есть *действительная* последовательность «Парижских тайн».

«Правда, в нашем эпосе тайны выступают не в виде этой *о самой себе знающей последовательности*» (по себестоимости?). «Но ведь мы имеем тут дело не с логическим, открытым для взоров всякого, *свободным организмом критики*, а с некоторым *таинственным растительным бытием*».

Мы оставляем без рассмотрения обобщающую картину г-на Шелиги и сразу же переходим к тому пункту, который образует «переход». На примере Пипле мы познакомились с «самоосмеянием тайны».

«Самоосмеянием тайна сама себе выносит приговор. Уничтожая самих себя в последнем итоге своего развития, тайны *тем самым* поубивают каждый сильный характер к самостоятельной проверке».

Рудольф, князь Герольштейнский, *муж «чистой критики*», призван осуществить эту проверку и «*разоблачение тайн*».

Если мы займемся Рудольфом и его подвигами лишь после того, как на некоторое время потеряем из виду г-на Шелигу, то

можно уже наперед сказать, а читатель может до известной степени подозревать и, если угодно, даже предугадывать, что мы превратим Рудольфа из «*таинственного растительного бытия*», каковым он является в критической «*Literatur-Zeitung*», в «*логическое, открытое для взоров всякого, свободное звено*» в «*организме критической критики*».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 60—84.

ХОЖДЕНИЕ В МИР И ПРЕОБРАЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ, ИЛИ КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ РУДОЛЬФА, КНЯЗЯ ГЕРОЛЬШТЕЙНСКОГО

Рудольф, князь Герольштейнский, *искупает* в своем *хождении в мир* двойное преступление: свое личное преступление и преступление *критической критики*. В бурном споре со своим отцом он поднял на него свой меч; критическая же критика в бурном споре с массой подпала под власть греховных аффектов. Критическая критика не разоблачила ни одной тайны. Рудольф искупает этот грех и разоблачает все тайны.

Рудольф, по отзыву г-на Шелиги, — *первый* слуга *государства* человеческого рода («гуманитарное государство» шваба *Эгидиуса*. См. «Konstitutionelle Jahrbücher» доктора Карла Вейля, 1844 г., том 2).

Для того чтобы *мир не погиб*, должны, согласно утверждению г-на Шелиги,

«выступить на сцену люди беспощадной критики... Рудольф как раз такой человек... Рудольф постиг мысль *чистой критики*. И эта мысль плодотворнее для него и для всего человечества, чем *весь* опыт, приобретенный человечеством в его *истории*, чем *все* знания, которые Рудольф, даже под руководством самого лучшего учителя, мог почерпнуть из истории... Беспристрастный суд, которым Рудольф увековечивает свое *хождение в мир, в действительности* — не что иное, как *разоблачение тайн общества*».

Он сам — «*разоблаченная тайна всех тайн*».

Рудольф имеет в своем распоряжении бесконечно большее количество *внешних* средств, чем все остальные мужи критической критики. Но она утешает себя:

«Недостижимы для менее покровительствуемого судьбой достигнутые Рудольфом *результаты*» (!), «но достижима прекрасная цель» (!).

Критика предоставляет поэтому покровительствуемому судьбой Рудольфу *осуществлять* ее собственные мысли. Она напевает ему:

«Ханеман, иди впереди»,
У тебя большие непромокаемые сапоги!»

Последуем за Рудольфом в его критическом хождении в мир, которое «плодотворнее для человечества, чем *весь опыт*, приобретенный человечеством в его истории, чем *все знания*» и т. д., — последуем за Рудольфом, который *дважды* спасает мир от *гибели*.

1) КРИТИЧЕСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ МЯСНИКА В СОБАКУ, ИЛИ РЕЗАКА

Резака по занятию своему был мясником. Различные перипетии делают из этого могучего сына природы убийцу. Рудольф случайно наталкивается на него в ту минуту, когда *Резака* обижает Флёр де Мари. Рудольф наносит ловкому забияке несколько мастерских, импонирующих ударов по голове. Тем самым Рудольф снискивает уважение *Резаки*. После, в кабаке преступников, обнаруживается добросердечный нрав *Резаки*. Рудольф говорит ему: «У тебя имеются еще сердце и честь». Этими словами он вселяет в него уважение к самому себе. *Резака* исправляется, или, как выражается г-н Шелига, превращается в «моральное существо». Рудольф берет его под свое покровительство. Проследим совершаемый под руководством Рудольфа процесс перевоспитания *Резаки*.

Первая стадия. Первый урок, преподанный *Резаке*, заключается в обучении его лицемерию, вероломству, коварству и *притворству*. Рудольф пользуется морализованным *Резакой* для таких же целей, для каких *Видок* пользовался своими морализованными преступниками, т. е. он делает его *шпионом* и *агентом-провокатором*. Он дает ему совет «*притвориться*» перед *Мастаком*, будто он изменил своему «принципу не красть», предложить этому *Мастаку* воровское предприятие и таким путем завлечь последнего в устроенную Рудольфом ловушку. *Резака* чувствует, что им хотят воспользоваться для какого-то дурного «фарса». Он выражает протест против плана заставить его сыграть роль *шпиона* и *агента-провокатора*. При помощи «чистой» *казуистики* критической критики Рудольф без особого труда убеждает этого сына природы, что скверная проделка не есть скверная проделка, если она совершается по «*добрым, моральным*» мотивам. *Резака* в качестве агента-провокатора под видом дружбы и доверия завлекает своего прежнего приятеля в гибельную для последнего западню. В *первый раз* в своей жизни он совершает *низость*.

Вторая стадия. Тут мы встречаемся с Резакой в роли *сиделки* при больном Рудольфе, которого он спас от смертельной опасности.

Резака стал столь *благопристойным моральным* существом, что из боязни запачкать ковер отклоняет предложение врача-негра Давида сесть на пол. Он даже настолько *робок*, что не решается сесть на стул. Сначала он ставит стул спинкой на пол, а затем садится на передние ножки стула. Он не забывает извиняться каждый раз, когда называет Рудольфа, которого он спас от смертельной опасности, своим «другом» или «мосье» вместо «монсеньер»¹.

Изумительная дрессировка беспощадного сына природы! Резака раскрывает нам сокровеннейшую тайну своего критического превращения, сознаваясь Рудольфу, что он испытывает к последнему такую же привязанность, какую *бульдог* испытывает к своему господину: «*Je me sens pour vous comme qui dirait l'attachement d'un bouledogue pour son maître*». Прежний мясник превратился в собаку. Отныне все его добродетели будут добродетелями собаки, беззаветной «преданностью» собаки своему господину. Его самостоятельность, его индивидуальность совершенно исчезнут. Но подобно тому как плохим живописцам приходится делать надпись на своих картинах, чтобы объяснить их содержание, так и Эжен Сю вкладывает в уста «бульдога»-Резаки записочку, которую тот все время торжественно повторяет: «Два слова — у тебя есть сердце и честь — сделали меня человеком». До последнего издыхания Резака будет искать мотивов своих действий не в своей человеческой индивидуальности, а в этой записочке. Для доказательства своего морального усовершенствования он часто будет размышлять о своем собственном превосходстве и о дурных качествах других индивидуумов, и во всех тех случаях, когда он станет сыпать нравоучительными фразами, Рудольф будет говорить ему: «Меня радуют такие твои *речи*». Резака стал не обыкновенным, а *моральным бульдогом*.

Третья стадия. Мы уже восхищались *мещанской благопристойностью* Резаки, пришедшей на смену его *грубой, но смелой бесцеремонности*. Теперь мы узнаём, что он, как и подобает «моральному существу», усвоил себе также походку и манеры *обывателя*:

«По его походке его можно принять за самого безобидного в мире обывателя».

¹ — титулование князей и епископов. *Ред.*

Еще печальнее этой внешней формы то содержание, которое Рудольф вложил в его критически-реформированную жизнь. Он посылает Резаку в Африку, чтобы «явить неверующему миру живой и спасительный пример покаяния». Отныне он должен демонстрировать не свою собственную человеческую природу, а христианскую догму.

Четвертая стадия. Критически-моральное превращение сделало Резаку смирным, осторожным человеком, поведение которого регулируется страхом и житейской мудростью.

«Резака», — сообщает Мурф, нескромная простота которого всегда выносит сор из избы, — «не сказал ни слова о расправе над Мастаком из боязни скомпрометировать себя».

Резака знает, стало быть, что расправа эта была противозаконным действием. Он не болтает об этом из боязни скомпрометировать себя. *Мудрый Резака!*

Пятая стадия. Резака настолько далеко ушел в своем моральном усовершенствовании, что он свою *собачью* преданность Рудольфу осознает в цивилизованной форме. Спасши *Жермена* от смертельной опасности, Резака обращается к нему со следующими словами:

«У меня есть покровитель, который для меня — то же, что бог для священников; мне хочется броситься перед ним на колени».

И в мыслях своих он становится на колени перед своим богом.

«Г-н Рудольф», — продолжает он, обращаясь к Жермену, — «защитит Вас. Я говорю *«господин»*, хотя я должен был бы сказать *«милостивый господин»*. Однако я усвоил себе привычку называть его просто *господином* Рудольфом, и он позволяет мне это».

«Какое прекрасное пробуждение, какой расцвет!» — восклицает в критическом восхищении Шелига.

Шестая стадия. Подвизаясь на поприще чистой преданности, морального бульдожества, Резака достойно завершает свой жизненный путь тем, что дает под конец заколоть себя для спасения своего милостивого господина. В ту минуту, когда Скелет готовится вонзить нож в князя, Резака схватывает руку убийцы. Скелет закалывает его. А умирающий Резака говорит Рудольфу:

«Я был прав, когда говорил, что такая *горсть праха*» (такой бульдог), «как я, может иногда быть полезной такому, как Вы, *великому милостивому господину*».

К этому собачьему заявлению, которое в сжатом виде характеризует весь критический жизненный путь Резаки, вложенная в его уста записочка присовокупляет:

«Мы квиты, г-н Рудольф. Вы мне сказали, что у меня есть сердце и честь».

Г-н Шелига кричит изо всех сил:

«Какую заслугу приобрел себе Рудольф тем, что возвратил *человечеству*» (?) «этого Резаку!»

2) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ, ИЛИ ФЛЁР ДЕ МАРИ¹

а) СПЕКУЛЯТИВНАЯ «МАРГАРИТКА»

Еще одно слово о спекулятивной «Маргаритке» г-на Шелиги, прежде чем мы перейдем к Флёр де Мари Эжена Сю.

Спекулятивная «Маргаритка» есть, прежде всего, некоторого рода *исправление*. Дело в том, что г-н Шелига опасается, как бы из его построения читатель не сделал того вывода, будто Эжен Сю

«отделил изображение объективной основы» (изображение «мирового порядка») «от развития действующих индивидуальных сил, могущих быть понятыми лишь в связи с этой основой».

Кроме задачи исправить у читателя это ошибочное предположение, вызванное изложением г-на Шелиги, Маргаритка выполняет еще и другую, метафизическую миссию в «нашем эпосе», т. е. в «эпосе» г-на Шелиги.

«*Мировой порядок* и эпическое происшествие *не были бы еще художественно соединены в одно подлинно единое* целое, если бы они только взаимно перекрещивались в пестрой смеси и в быстрой смене представляли перед нами то какую-нибудь частицу мирового порядка, то какое-нибудь сценическое действие. Для образования *подлинного единства* необходимо, чтобы оба элемента — тайна этого запутавшегося *мира* и ясность, прямота и уверенность, с которыми *Рудольф* проникает в них и разоблачает их, — столкнулись друг с другом в *одном* индивидууме... Маргаритка и выполняет эту задачу».

Г-н Шелига конструирует Маргаритку по аналогии с *бауэровской* конструкцией *божьей матери*.

¹ — буквально: «цветок Марии» или «цветок Мария»; по-немецки же слово «*Marienblume*», которым Шелига называет Флёр де Мари, означает «маргаритка». *Ред.*

На одной стороне стоит «*божественное*» (*Рудольф*), которому приписывается «всяческое могущество и свобода», единственно *деятельный* принцип. На другой стороне стоит пассивный «*мировой порядок*» и принадлежащие к нему люди. Мировой порядок составляет «почву действительного». Чтобы эта почва не оказалась «совершенно покинутой» или чтобы «не был уничтожен последний остаток естественного состояния», чтобы сам мир имел еще некоторую долю участия в «принципе развития», который, в противоположность миру, сосредоточил в себе Рудольф; чтобы «человеческое не было изображено как безоговорочно несвободное и недейтельное», — для всего этого г-н Шелига должен впасть в «противоречие религиозного сознания». Хотя он отрывает друг от друга мировой порядок и его деятельность, создавая дуализм мертвой массы и критики (*Рудольфа*), он все-таки вынужден снова уступить мировому порядку и массе некоторые атрибуты божественности и в лице Маргаритки конструировать спекулятивное единство обоих, Рудольфа и мира (см. «Критику синоптиков», том I, стр. 39).

Кроме действительных отношений, существующих между *домовладельцем* (действующей «индивидуальной силой») и его *домом* («объективной основой»), мистическая спекуляция, а равно и спекулятивная эстетика нуждаются еще в третьем элементе, в *конкретном спекулятивном единстве*, в *субъекте-объекте*, который соединял бы в *одном* лице дом и домовладельца. Так как спекуляция не любит естественных опосредствований в их широкой обстоятельности, то она не замечает, что та же «частица мирового порядка», — например, дом, — которая для одного лица, — например, для домовладельца, — составляет «объективную основу», для другого, — например, для строителя этого дома, — есть «эпическое происшествие». Критическая критика, порицающая «романтическое искусство» за его «догму единства», стремится теперь получить «подлинно единое целое», «действительное единство» и с этой целью ставит на место природной и человеческой связи между мировым порядком и мировым событием фантастическую связь, мистический субъект-объект, подобно тому как *Гегель* на место действительной связи между человеком и природой ставит абсолютный субъект-объект, представляющий собой зараз всю природу и все человечество, — *абсолютный дух*.

В критической Маргаритке «всеобщая вина времени, вина тайны» становится «*тайной вины*», подобно тому как всеобщая вина тайны в лице запутавшегося в долгах лавочника становится *тайной долгов*.

По конструкции божьей матери Маргаритка должна была бы, *собственно говоря*, быть матерью Рудольфа, спасителя мира. Г-н Шелига так и заявляет:

«Логическая последовательность требует, чтобы Рудольф был сыном Маргаритки».

Но так как он не сын ее, а отец, то г-н Шелига открывает в этом «новую тайну, заключающуюся в том, что часто настоящее порождает из своего лона не будущее, а давно умершее прошедшее». Мало того, он открывает другую, еще большую, прямо противоречащую массовидной статистике тайну, — ту именно тайну, что «дитя, если оно не становится, в свою очередь, отцом или матерью и сходит, девственное и невинное, в могилу... *по существу своему... есть дочь*».

Г-н Шелига мыслит в полном согласии с гегелевской спекуляцией, когда он, «в силу *логической* последовательности», считает дочь матерью ее отца. В философии истории Гегеля, как и в его натурфилософии, сын порождает мать, дух — природе, христианская религия — язычество, результат — начало.

Доказав сначала, что Маргаритка «в силу *логической* последовательности» должна была бы быть матерью Рудольфа, г-н Шелига доказывает вслед за тем противоположное: что она, «ради полного соответствия той *идее*, которую она олицетворяет собой в *нашем* эпосе, *никогда не должна стать матерью*». Это показывает, по меньшей мере, что идея нашего эпоса и логическая последовательность г-на Шелиги взаимно противоречат друг другу.

Спекулятивная Маргаритка — не что иное, как «*олицетворение идеи*». Какой же идеи? «На ней все-таки лежит задача изобразить *как бы* последнюю горестную слезу, роняемую прошедшим перед его окончательным исчезновением». Она есть изображение аллегорической слезы, и даже то малое, что она представляет собой, она *все-таки* представляет собой только «*как бы*».

Мы не последуем за г-ном Шелигой в его дальнейшем изображении Маргаритки. Мы предоставляем ей самой удовольствие, согласно предписанию г-на Шелиги, «образовать *самую решительную* противоположность к *кому бы то ни было*», — противоположность столь же таинственную, как свойства бога.

Мы не станем также докапываться до «*подлинной тайны*», которая «похоронена в груди человека *богом*» и на которую спекулятивная Маргаритка «все-таки *как бы*» указывает. Мы

переходим от Маргаритки г-на Шелиги к Флёр де Мари Эжена Сю и к тем критическим чудотворным деяниям, которые совершает над ней целитель Рудольф.

в) ФЛЁР ДЕ МАРИ

Мы встречаем Марию среди преступников в качестве проститутки, крепостной служанки у хозяйки кабачка, в котором собираются преступники. При всей униженности своего положения она сохраняет человеческое благородство души, человеческую непринужденность и человеческую красоту. Эти качества импонируют ее окружению, делают ее поэтическим цветком круга преступников и утверждают за ней имя Флёр де Мари.

Необходимо внимательно наблюдать Флёр де Мари начиная с ее первого выступления, чтобы иметь возможность сравнить ее *первоначальный образ* с *критической переделкой* его.

При всей своей хрупкости Флёр де Мари сразу же обнаруживает жизненную бодрость, энергию, веселость, гибкость характера — такие качества, которые одни только в состоянии объяснить ее человеческое развитие в условиях ее *бесчеловечного* положения.

Против Резаки, который набрасывается на нее с кулаками, она защищается своими ножницами. Это — первое положение, в котором мы ее встречаем. В этой сцене она выступает перед нами не как беззащитное существо, отдающееся без сопротивления во власть грубой силы, а как девушка, умеющая защищать свои права и способная выдержать борьбу.

В кабачке преступников на улице Фев она рассказывает Резаке и Рудольфу историю своей жизни. Во время своего рассказа она отвечает *смехом* на остроты Резаки. Она обвиняет себя в том, что после выхода из тюрьмы истратила заработанные ею в тюрьме 300 франков на катанье и наряды, вместо того чтобы искать работы, «но у меня не было советчиков». Воспоминание о катастрофе ее жизни — о продаже себя хозяйке кабачка преступников — приводит ее в грустное настроение. В первый раз в жизни она вспоминает теперь про все эти события. «В самом деле, мне становится грустно оттого, что я оглядываюсь на прошлое... Должно быть, очень хорошо быть честной». На насмешку Резаки: «Пусть она делается честной» — она отвечает восклицанием: «Честной, о боже! да на какие же средства, по-твоему, могу я быть честной!» Она заявляет решительно, что «не строит из себя плаксы» («je ne suis pas pleurnicheuse»), но ее жизненное положение пе-

чально — «это далеко не весело». Наконец, в противоположность христианскому *покаянию*, она высказывает относительно своего прошлого следующий *стоический* и в то же время *эпикурейский* человеческий принцип, принцип свободной и сильной личности:

«В конце концов, что сделано, то сделано».

Последуем за Флёр де Мари в ее первой прогулке с Рудольфом.

«Сознание твоего ужасного положения тебя, вероятно, часто мучило», — говорит Рудольф, который уже ощущает зуд завести нравоучительную беседу.

«Да», — отвечает она, — «не один раз я всматривалась в Сену через парапет набережной, но затем я направляла свои взоры на цветы, на солнце и говорила себе: река всегда будет здесь, мне же нет еще семнадцати лет. Кто знает? В эти минуты мне казалось, что моя судьба — незаслуженная, что во мне есть нечто хорошее. Я говорила себе: меня достаточно мучили, но, по крайней мере, я никому не причинила никакого зла».

Флёр де Мари рассматривает положение, в котором она находится, не как результат своего свободного творчества, не как выражение своей личности, а как судьбу, которую она не заслужила. Эта несчастная судьба может измениться. Она еще молода.

Добро и *зло* в понимании Марии — не *моральные абстракции* добра и зла. Она *добра* потому, что никому не причинила *страдания*, она всегда была *человечна* по отношению к бесчеловечному окружению. Она *добра* потому, что солнце и цветы открывают ей ее собственную солнечную и, как цветок, невинную натуру. Она *добра*, наконец, потому, что она еще *молода*, полна надежд и жизненной бодрости. Ее положение — *недобро*, потому что оно налагает на нее неестественное принуждение, потому что оно не есть проявление ее человеческих склонностей, не есть осуществление ее человеческих желаний, потому что оно мучительно и безрадостно. Мерилом ее жизненного положения ей служит не *идеал добра*, а ее *собственная индивидуальность, природа ее существа*.

На лоне *природы*, где падают цепи буржуазной жизни, где Флёр де Мари свободно может проявлять свою собственную натуру, она обнаруживает поэтому такую бьющую ключом радость жизни, такое богатство ощущений, такой человеческий восторг перед красотами природы, которые доказывают, что ее положение в обществе затронуло только поверхность ее

существа, что это положение — не больше чем злая участь и что сама она ни добра, ни зла, а только *человечна*.

«Г-н Рудольф, какое счастье!.. трава, поля!.. Если бы Вы мне позволили сойти!.. Здесь так хорошо!.. Мне так хотелось бы побегать по этим лугам!»

Выйдя из коляски, она собирает цветы для Рудольфа, «едва может говорить от радости» и т. д. и т. д.

Рудольф сообщает ей, что он отвезет ее на *ферму мадам Жорж*. Там она увидит голубятни, скотный двор и т. д.; там есть молоко, масло, фрукты и т. д. Вот настоящая *благодать* для этого ребенка. Она будет *развлекаться* — вот ее главная мысль. «Вы даже не можете себе представить, как мне хочется развлекаться». Она самым простодушным образом говорит Рудольфу о том, что она сама виновата в своей несчастной судьбе: «Все произошло оттого, что я не умела бережно обращаться с деньгами». Она советует ему поэтому быть бережливым и помещать свои деньги в сберегательную кассу. Ее возмущение целиком поглощено теми воздушными замками, которые строит ей Рудольф. Она погружается в печаль только потому, что «забыла о *настоящем*», и «контраст между этим настоящим и мечтой о радостном, светлом существовании напоминает ей весь ужас ее положения».

До сих пор мы наблюдали Флёр де Мари в ее первоначальном, некритическом образе. Эжен Сю поднялся здесь над горизонтом своего ограниченного мировоззрения. Он нанес удар предрассудкам буржуазии. А теперь он передаст Флёр де Мари в руки героя Рудольфа, чтобы загладить свою дерзость, чтобы снискать одобрение всех стариков и старух, всей парижской полиции, ходячей религии и «критической критики».

Мадам Жорж, на попечение которой Рудольф отдает Флёр де Мари, — несчастная, страдающая ипохондрией, религиозная женщина. Она сразу же встречает молодую девушку елейными словами, что «*бог* благословляет тех, которые любят и боятся его, которые были несчастны и *покаялись*». Рудольф, муж «чистой критики», призывает жалкого, поседевшего в предрассудках попа *Лапорта*. Поп этот предназначен для того, чтобы осуществить критическую переделку характера Флёр де Мари.

Мария весело и простодушно встречает старого попа. Со свойственной ему христианской грубостью *Эжен Сю* заставляет «изумительный инстинкт» нашептывать ей на ухо, что «*стыд* кончается там, где начинается *раскаяние* и *покаяние*», а именно — в лоне единоспасающей церкви. Он забывает о ее

веселом простодушии на прогулке, о радостном настроении, вызванном красотами природы и дружелюбным участием Рудольфа и омраченном лишь мыслью о необходимости вернуться к хозяйке кабачка преступников.

Поп Лапорт тотчас принимает *неземную* позу. Его первым словом было:

«Милосердие *бога* неистошимо, мое дорогое дитя! Он доказал тебе это, не покинув тебя в твоих горьких испытаниях... Великодушный человек, спасший тебя от гибели, исполнил *слово Писания*» (заметьте: не человеческую цель исполнил, а слово Писания), «гласящее: господь печется о тех, которые призывают имя его; он осуществит желания тех, кто призывает его; он услышит их стоны и спасет их... Господь завершит *свое* дело».

Мария еще не понимает *злонамеренного* смысла поповской проповеди. Она отвечает:

«Я буду молиться за тех, которые оказали мне милосердие и возвратили меня к богу».

Ее первая мысль — *не* о боге, а о ее *человеческом* спасителе, и молиться она хочет о *нем*, а не об отпущении своих *собственных* грехов. Она ожидает от своей молитвы содействия спасению других. Мало того, она еще настолько наивна, что считает себя *уже возвратившейся* к богу. Поп считает себя обязанным разрушить эту противную вере иллюзию.

«Скоро», — прерывает он ее, — «скоро ты заслужишь отпущение, отпущение твоих великих грехов... ибо, как сказал пророк, господь поддерживает всех тех, которым грозит падение».

Обратите внимание на чуждые человечности обороты в речи священника. Скоро ты заслужишь отпущение грехов! *Еще не прощены* тебе твои грехи.

Если Лапорт при встрече с девушкой старается возбудить в ней *сознание греховности*, то Рудольф, со своей стороны, преподносит ей при прощании золотой *крест*, символ предстоящего ей *христианского распятия*.

Мария живет уже в течение некоторого времени на ферме мадам Жорж. Подслушаем прежде всего разговор старого попа Лапорта с мадам Жорж. «Замужество» он считает для Марии невозможным, «потому что ни один мужчина, несмотря на его, Лапорта, поручительство, не отважится пренебречь прошлым, которое загрязнило ее молодость». Он добавляет, что она «должна искупить большие грехи» и что «нравственное чувство должно было бы предохранить ее от падения». Он до-

казывает возможность нравственного самосохранения, как самый низкопробный буржуа: «В Париже есть много благодетельных людей». Лицемерный священник отлично знает, что эти благодетельные люди Парижа ежечасно проходят равнодушно мимо маленьких девочек 7—8 лет, которые до полуночи продают на самых оживленных улицах спички и т. п., как это некогда делала Мария, и будущая участь которых почти без исключения — та же, что и участь Марии.

Поп поставил своей задачей *покаяние* Марии. В душе своей он *осудил* ее. Последуем за Флёр де Мари в ее вечерней прогулке с Лапортом, которого она провожает домой.

«Взгляни, дитя мое», — начинает он свою елейную речь, — «на беспредельный горизонт, границы которого стали теперь незаметны для глаза» (это было вечером). «Кажется мне, что тишина и беспредельность почти дают нам идею вечности... Я говорю тебе это, Мария, потому, что ты восприимчива к красотам творения... Я часто бывал растроган, видя, какой религиозный восторг они вызывают в тебе, — в тебе, которая так долго лишена была религиозного чувства».

Попу уже удалось превратить непосредственно-наивное восхищение Марии красотами природы в *религиозный* восторг. *Природа* для нее уже до такой степени принижена, что воспринимается ею как богоугодная, *христианизированная* природа, как *творение*. Прозрачный воздушный океан развенчан и превращен в тусклый символ неподвижной *вечности*. Мария уже постигла, что все человеческие проявления ее существа были *«греховны»*, что они лишены религии, истинной благодати, что они нечестивы, безбожны. Поп должен очернить ее в ее собственных глазах; он должен повергнуть в прах ее природные и духовные силы и дарования, чтобы сделать ее восприимчивой к сверхъестественному дару, который он обещает ей, — к *крещению*.

Когда Мария хочет в чем-то признаться попу и просит его о снисхождении, он отвечает:

«*Господь* доказал тебе, что он милосерден».

Мария не должна видеть в снисхождении, оказываемом ей, естественное, само собой разумеющееся отношение родственного человеческого существа к ней, такому же человеческому существу, а должна усмотреть в этом какое-то мистическое, сверхъестественное, сверхчеловеческое милосердие и снисхождение, в *человеческом снисхождении* должна видеть *божественное милосердие*. Она должна превратить все человеческие и естественные отношения в потусторонние *отношения к богу*.

Ответ Флёр де Мари на поповскую болтовню о божественном милосердии показывает, насколько религиозная доктрина успела уже испортить ее.

Она говорит, что как только она очутилась в своем новом, лучшем положении, она чувствовала лишь свое *новое счастье*:

«Каждую минуту я думала о г-не Рудольфе. Часто я устремляла свои взоры к небесам, но искала там не бога, а г-на Рудольфа, чтобы благодарить его. Да, я обвиняю себя в этом, отец мой; я думала больше о нем, чем о боге; ибо он сделал для меня то, что мог бы сделать один только бог... Я была счастлива, так счастлива, как человек, который навсегда избежал великой опасности».

Флёр де Мари уже считает предосудительным воспринимать новое, счастливое жизненное положение просто как то, чем оно *действительно* является, как новое счастье, т. е. относиться к нему естественно, а не сверхъестественно. Она уже обвиняет себя в том, что видела в человеке, который ее спас, то, чем он *действительно* был, — своего спасителя, и не подставляла на его место воображаемого спасителя — бога. Она уже охвачена религиозным лицемерием, которое отнимает у *другого человека* то, чем я ему обязан, чтобы передать это богу, и которое вообще рассматривает все человеческое в человеке как чуждое ему, а все нечеловеческое в нем — как его *подлинную* собственность.

Мария рассказывает нам, что *религиозным переворотом* в своих мыслях и чувствах, в своем отношении к жизни она обязана мадам Жорж и Лапорту:

«Когда Рудольф увозил меня из города, во мне уже шевелилось смутное сознание униженности моего положения; но воспитание, советы, примеры, полученные мной от Вас и мадам Жорж, дали мне возможность постичь... что я была более виновна, чем несчастна... Вы и мадам Жорж помогли мне *понять бесконечную глубину моей греховности*».

Это значит, что она обязана священнику Лапорту и мадам Жорж тем, что взамен человеческого, и потому выносимого, сознания униженности своего положения она прониклась христианским, и потому невыносимым, сознанием бесконечной греховности. Поп и ханжа мадам Жорж научили ее судить о себе с *христианской точки зрения*.

Мария чувствует всю мучительность того душевного состояния, в которое ее ввергли. Она говорит:

«Если сознание добра и зла должно было пробудиться у меня в таком страшном виде, то почему меня не предоставили моей несчастной участи?.. Если бы меня оставили в той пропасти, где я находилась, нищета и побой очень скоро прикончили бы меня, и я, по крайней мере,

умерла бы в неведении о той чистоте, которую я всегда буду тщетно желать себе».

Бессердечный поп отвечает:

«Даже самая благородная натура, если бы она хоть один день провела в той грязи, из которой тебя вытащили, вышла бы оттуда с *несмываемым клеймом на челе*. Таков *незыблемый закон божеского правосудия*».

Флёр де Мари, глубоко уязвленная этим медоточивым *повским проклятием*, восклицает:

«Значит, Вы видите, что я осуждена на отчаяние».

Поседевший раб религии отвечает:

«Ты должна отказаться от всякой надежды на то, чтобы вырвать из своей жизни эту печальную страницу, но ты должна надеяться на *бесконечное милосердие бога*. Здесь, *на земле*, бедное дитя мое, на твою долю выпали слезы, раскаяние, покаяние; но настанет день, когда там, *там на небесах*, ты получишь прощение и обретешь *вечное блаженство*».

Мария еще не настолько потеряла рассудок, чтобы найти успокоение в вечном блаженстве и прощении на небесах.

«Сжался надо мной», — восклицает она, — «сжался надо мной, боже! Я еще так молода... Какая я несчастная!»

И лицемерная софистика священника достигает своей высшей точки:

«Напротив, это — твое счастье, Мария, твое счастье! Господь посылает тебе угрызения совести, полные горечи, но благодетельные. Они доказывают *религиозную* восприимчивость твоей души... Каждое твое страдание будет тебе зачтено на небесах. Поверь мне, бог оставил тебя на миг на дурном пути, чтобы предоставить тебе потом *славу раскаяния* и вечную награду, подобающую *покаянию*».

С этого момента Мария становится *работой сознания своей греховности*. Если прежде она в самой злополучной обстановке сумела развить в себе черты привлекательной человеческой индивидуальности и при внешнем крайнем унижении сознавала *свою человеческую* сущность как *свою истинную сущность*, то теперь эта грязь современного общества, задевшая ее снаружи, становится в ее глазах ее *внутреннейшей сущностью*, а постоянное ипохондрическое самобичевание по этому поводу делается ее обязанностью, предначертанной самим богом жизненной задачей, самоцелью ее существования. Если прежде она хвалилась: «Я не плакса» и говорила: «Что сделано, то сделано», то теперь самоистязание становится для нее *благом*, а раскаяние — *славой*.

Впоследствии обнаруживается, что Флёр де Мари — дочь Рудольфа. Мы встречаемся с ней снова как с принцессой Герольштейнской. Мы подслушиваем ее беседу с отцом:

«Тщетно я прошу бога освободить меня от этих наваждений, наполнить мое сердце исключительно только благочестивой любовью к нему, святыми надеждами, взять меня, наконец, всю целиком, потому что я хочу вся отдаться ему... Он не внемлет моим молитвам... без сомнения, потому, что мои *земные* заботы делают меня недостойной общения с ним».

После того как человек начал рассматривать свои заблуждения как *бесконечные* преступления против бога, он может быть уверен в своем *спасении* и *милосердии* бога лишь в том случае, если *совершенно* отдаст себя богу, *совершенно* умрет для мира и мирских интересов. После того как Флёр де Мари постигла, что освобождение из ее нечеловеческого положения есть *божеское* чудо, она должна *сама* стать *святой*, чтобы быть достойной этого *чуда*. Ее человеческая любовь должна превратиться в религиозную любовь, стремление к счастью в стремление к вечному блаженству, мирское удовлетворение в святую надежду, общение с людьми в общении с богом. Бог должен взять ее целиком. Она сама раскрывает нам тайну, почему он не берет ее целиком. Она еще не вся *отдалась* ему, ее сердце находится еще во власти земных интересов. Это — последняя вспышка ее здоровой природы. Она целиком отдается богу, отказываясь совершенно от мира и поступая в *монастырь*.

«Тот лишь к монастырской двери *
Пусть идет, кто в должной мере
Нагрузил себя грехом,
Чтобы ночью он и днем
Мог всечасно наслаждаться —
Покаянью предаваться».

(Гёте)

В монастыре Флёр де Мари, благодаря проискам Рудольфа, получает сан *игумены*. Она сначала отказывается принять этот пост, считая себя недостойной его. Старая игуменья уговаривает ее:

«Скажу Вам больше, моя дорогая дочь, если бы до Вашего вступления в лоно церкви Ваше существование было настолько же полно заблуждений, насколько оно, наоборот, было чисто и похвально, то *евангельские добродетели*, примеры которых Вы показали здесь со времени Вашего пребывания с нами, загладили бы и искупили в глазах всевышнего любое прошлое, каким бы греховным оно ни было».

Мы видим из слов игуменьи, что мирские добродетели Флёр де Мари превратились в евангельские добродетели, или, вер-

нее, ее действительные добродетели должны принять евангельскую, карикатурную форму.

Мария отвечает на слова игумены:

«Святая мать, считаю теперь возможным согласиться».

Монастырская жизнь не соответствует индивидуальности Марии: она умирает. Христианство утешает ее только в воображении, или ее христианское утешение есть именно уничтожение ее действительной жизни и ее действительного существа — ее смерть.

Итак, Рудольф сначала превратил Флёр де Мари в кающуюся грешницу, затем кающуюся грешницу в монахиню и, наконец, монахиню в труп. При ее погребении, кроме католического священника, надгробную речь произносит еще *критический* священник Шеллига.

Ее «невинное» существование он называет ее «*бранным*» существованием и противопоставляет его — «вечной и незабываемой вине». Он хвалит ее за то, что ее «*последний вздох*» был «просьбой о милосердии и прощении». Но подобно протестантскому священнику, который, изобразив сначала необходимость благодати господней, причастность покойника к всеобщему первородному греху и силу его сознания своей греховности, обязательно переходит затем к *светскому* восхвалению добродетелей умершего, и г-н Шеллига употребляет такой оборот речи:

«И все-таки *лично* ей не за что просить прощения».

Наконец, он бросает на могилу Марии самый увядший цветок церковного красноречия:

«Отличаясь внутренней чистотой, какая редко бывает у человека, она навеки уснула для этого мира».

Аминь!

3) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАИН ПРАВА

- а) МАСТАК, ИЛИ НОВАЯ ТЕОРИЯ НАКАЗАНИЯ. РАЗОБЛАЧЕННАЯ ТАИНА СИСТЕМЫ ОДИНОЧНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. МЕДИЦИНСКИЕ ТАИНЫ

Мастак — преступник геркулесовского сложения и большой духовной энергии. По воспитанию своему он образованный и знающий человек. Он, страстный атлет, приходит в столкно-

вение с законами и привычками буржуазного общества, для которого общей меркой служит посредственность, хрупкая мораль и тихая торговля. Он становится убийцей и предается всем излишествам, на какие только способен сильный темперамент, нигде не находящий для себя соответствующей человеческой деятельности.

Рудольф захватил этого преступника. Он хочет критически переделать его, он хочет создать из него пример для *юридического* мира. Он спорит с юридическим миром не о самом *«наказании»*, а о *роде и способе* наказания. Он изобретает — по характерному выражению врача-негра Давида — такую теорию наказания, которая была бы достойна *«величайшего немецкого криминалиста»* и которая с тех пор удостоилась даже счастья найти себе по-немецки серьезного и по-немецки основательного защитника в лице одного немецкого криминалиста. Рудольф даже не подозревает, что можно подняться *выше* криминалистов; его честолюбие направлено на то, чтобы стать *«величайшим криминалистом»*, *primus inter pares*¹. Он приказывает врачу-негру Давиду *ослепить* Мастака.

Сначала Рудольф повторяет все тривиальные возражения против смертной казни: она-де не производит никакого действия на преступника, не производит никакого действия на народ, для которого она служит только развлекательным зрелищем.

Далее Рудольф устанавливает различие между Мастаком и *душой* Мастака. Он заботится не о спасении человека, *действительного* Мастака, а о *духовном спасении* его *души*.

«Спасение души», — поучает он, — «святое дело... Каждое преступление, сказал спаситель, может быть *искуплено*, но только тем, кто серьезно стремится к раскаянию и *покаянию*. Переход от суда к эшафоту слишком короток... Ты» (Мастак) «преступным образом злоупотреблял своей силой, я *парализую* твою силу... Ты будешь дрожать перед самым слабым... твоё наказание будет равно твоему преступлению... но это страшное наказание оставит тебе, по крайней мере, безграничный горизонт *покаяния*... Я тебя отделию только от внешнего мира, чтобы ты, *наедине* с воспоминанием о твоих позорных деяниях, погрузился в непроницаемый мрак ночи... Ты вынужден будешь заглянуть в себя... Твое сознание, тобой униженное, проснется и приведет тебя к покаянию».

Так как Рудольф считает *душу святой*, *тело* же человека *нечестивым*; так как он, следовательно, только душу рассматривает как истинное существо, потому что она, согласно критическому описанию человечества у г-на Шелиги, принад-

¹ — первым среди равных. *Ред.*

лежит небу, — то тело Мастака, его сила не принадлежит человечеству; жизненное проявление этой силы не должно быть преобразовано в человеческом смысле, не должно быть возвращено человечеству; с ней не следует обращаться как с чем-то по существу человеческим. Мастак злоупотреблял своей силой, Рудольф парализует, калечит, уничтожает эту силу. Не существует более *критического* средства освободиться от извращенных проявлений какой-нибудь человеческой сущностной силы, чем уничтожение этой сущностной силы. Это и есть христианское средство, когда вырывают глаз, если глаз вводит в соблазн, отсекают руку, если рука вводит в соблазн, — одним словом, убивают тело, если тело вводит в соблазн, ибо глаз, рука, тело суть собственно только излишние, греховные придатки человека. Необходимо умертвить человеческую природу, чтобы излечить ее болезни. Массовидная юриспруденция, не расходясь в данном случае с «критической», тоже считает *калечение*, парализование человеческих сил противоядием против разрушительных проявлений этих сил.

Рудольфа, мужа чистой критики, смущает в обыденной криминалистике лишь слишком быстрый переход от суда к эшафоту. Он хочет, напротив, соединить *месть* преступнику с *покаянием* его и *осознанием им своей греховности*, физическое наказание с духовным, чувственные муки с нечувственными муками раскаяния. Мирское наказание должно быть в то же время христиански-моральным воспитательным средством.

Эта теория наказания, соединяющая *юриспруденцию* с *теологией*, эта «разоблаченная тайна тайны» есть не что иное, как теория наказания *католической* церкви, как это пространно показал уже *Бентам* в своем труде «Теория наказаний и наград». В том же сочинении Бентам доказал также моральную неэффективность нынешних наказаний. Он называет предусмотренные законом наказания *«судебными пародиями»*.

Наказание, которому Рудольф подвергает Мастака, — то же, которому подверг сам себя *Ориген*. Рудольф *оскопляет* Мастака, лишает его одного *производительного органа* — глаза. «Глаз — это светоч тела». То, что Рудольф прибегает именно к *ослепленю*, делает честь его религиозному инстинкту. Это то самое наказание, которое было обычным во всецело христианской Византийской империи и которое процветало в полный сил юношеский период христианско-германских государств Англии и Франции. Отделение человека от чувственного внешнего мира, насильственное погружение его в его абстрактный внутренний мир с целью заставить его исправиться — ослепле-

ние — есть необходимый вывод из христианской доктрины, согласно которой полное осуществление этого отделения, чистое изолирование человека от мира и сосредоточение его на его спиритуалистическом «я» есть *само благо*. Если Рудольф не помещает Мастака в настоящий монастырь, как это делалось в Византии и во Франкском государстве, то он заточает его, по крайней мере, в идеальный монастырь, в монастырь непроницаемой ночи, не нарушаемой светом внешнего мира, — в монастырь бездеятельной совести и сознания своей греховности, населенный только призрачными воспоминаниями.

Некоторый спекулятивный стыд не позволяет г-ну Шелиге открыто признать теорию наказания своего героя Рудольфа, соединение мирского наказания с христианским раскаянием и покаянием. Вместо этого он подсовывает ему, — разумеется, тоже как впервые разоблачаемую перед миром тайну, — теорию, согласно которой наказание должно делать преступника «судьей» над его «собственным» преступлением.

Тайна этой разоблаченной тайны есть *гегелевская* теория наказания. По Гегелю, наказание есть приговор, который преступник произносит над самим собой. *Ганс* пространнее развил эту теорию. У Гегеля эта теория является *спекулятивным покрывалом* древнего *jus talionis*¹, которое *Кант* развил как *единственную правовую* теорию наказания. У Гегеля самоосуждение преступника остается только «идеей», спекулятивным истолкованием *ходячих эмпирических уголовных наказаний*. Поэтому выбор формы наказания он предоставляет каждой данной ступени развития государства, т. е. он оставляет наказание таким, каким оно существует. Именно в этом он является большим критиком, чем его критический подголосок. Такая теория наказания, которая в преступнике признает в то же время человека, может это делать только в абстракции, в воображении, именно потому, что наказание, принуждение противоречат человеческому образу действий. Кроме того, практическое осуществление такой теории оказалось бы невозможным. Место абстрактного закона занял бы чисто субъективный произвол, ибо от усмотрения официальных «почтенных и благопристойных» особ зависело бы, как в каждом отдельном случае сообразовать наказание с индивидуальностью преступника. Уже Платон понимал, что закон должен быть односторонним и должен абстрагироваться от индивидуальности. Напротив, при человеческих отношениях наказание действительно будет не более как приговором, который

¹ — право возмездия по принципу: око за око. *Ред.*

провинившийся произносит над самим собой. Никому не придет в голову убеждать его в том, что *внешнее насилие*, произведенное над ним другими, есть насилие, произведенное им самим над собой. В *других* людях он, напротив, будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя, т. е. отношение будет прямо-таки противоположным.

Рудольф высказывает свою сокровенную мысль, — т. е. открывает цель ослепления, — говоря Мастаку:

«Каждое твое слово будет молитвой».

Он хочет научить его *молиться*. Он хочет превратить разбойника-геркулеса в *монаха*, вся работа которого будет заключаться в молитвах. Как гуманна в сравнении с этой христианской жестокостью обычная теория наказания, которая просто обезглавливает человека, когда желает уничтожить его. Наконец, само собой разумеется, что всякий раз, когда действительное массовидное законодательство серьезно ставило себе задачу исправления преступников, оно поступало несравненно разумнее и гуманнее, чем этот немецкий Харун-ар-Рашид. Четыре голландские земледельческие колонии, оствальдовская колония преступников в Эльзасе представляют собой истинно человеческие попытки по сравнению с ослеплением Мастака. Точно так же, как Рудольф убивает Флёр де Мари, отдавая ее на растерзание попу и внушенному ей сознанию своей греховности, как он убивает Резаку, лишая его человеческой самостоятельности и отводя ему унижительную роль бульдога, — точно так же он убивает Мастака, выкалывая ему глаза с целью научить его *«молиться»*.

Впрочем, так выглядит всякая действительность после *«простой»* переработки ее *«чистой критикой»*, а именно, как искажение действительности и как *бессмысленная абстракция* от действительности.

Согласно г-ну Шелиге, тотчас после ослепления Мастака совершается *моральное чудо*.

«Страшный Мастак», — сообщает нам Шелига, — *«внезапно признает силу честности и прямоты»; он говорит Резаке: «Да, тебе я доверяю, ты никогда не воровал».*

К несчастью, у Эжена Сю сохранилось замечание Мастака о Резаке, которое содержит точно такое же признание, но иным образом не может быть следствием ослепления, так как оно *предшествовало* последнему. Мастак, оставшись с глазу на глаз с Рудольфом, говорит ему о Резаке:

«Впрочем, он не способен продать друга. Нет, в нем есть что-то хорошее... у него всегда были какие-то странные идеи».

Этим сводится к нулю моральное чудо г-на Шелиги. Рассмотрим теперь *действительные* результаты *критических* деяний Рудольфа-целителя.

Прежде всего, мы видим Мастака совершающим вместе с Сычихой поездку в имение Букваль с целью учинить там пакость Флёр де Мари. Мысль, владеющая им, есть, конечно, мысль о *месте* Рудольфу, и он может мстить ему только метафизически, придумывая и разрабатывая в своем представлении, назло Рудольфу, одно лишь «*дурное*». «Он лишил меня зрения, но не лишил меня мысли о зле». Мастак рассказывает Сычихе, почему он велел разыскать ее:

«Я *скучал*, будучи совершенно одиноким среди этих честных людей».

Если Эжен Сю в своем монашеском, своем скотском страсти к человеческому *самоунижению* доходит до того, что заставляет Мастака ползать на коленях перед старой ведьмой Сычихой и маленьким чертенком Хромушкой, умоляя их не покидать его, то этот великий моралист забывает, что тем самым он доставляет Сычихе дьявольское самоудовлетворение. Подобно тому как Рудольф *насильственным ослеплением* преступника доказал последнему могущество *физического насилия*, в ничтожности которого он хотел его убедить, точно так же здесь Эжен Сю научает Мастака признавать надлежащим образом могущество *полной чувственности*. Он научает его понимать, что без этой последней человек *перестает быть мужчиной* и становится беззащитной мишенью для насмешек детей. Он убеждает его в том, что мир заслужил его преступления, потому что стоило ему только потерять зрение, чтобы подвергнуться истязаниям со стороны этого мира. Сю лишает Мастака последней человеческой иллюзии, ибо Мастак верил в привязанность к нему Сычихи. Он сказал однажды Рудольфу: «Она бросится за меня в огонь». Но зато Эжен Сю добивается того, что, к его полному удовлетворению, Мастак в порыве крайнего отчаяния восклицает:

«*Боже мой, боже мой, боже мой!*»

Он научился «*молиться*»! И г-н Сю видит «в этом *непроизвольном* обращении к божественному милосердию руку провидения».

Первым следствием рудольфовой критики является эта *непроизвольная молитва*. Непосредственно за ней следует *недоб-*

ровольное покаяние на ферме в Буквале, где Мастак видит во сне призраки убитых им людей.

Мы опустим подробнейшее описание этого сновидения и обратимся к сцене в погребе «Красной руки», где мы находим критически реформированного Мастака, закованного в цепи, полусъеденного крысами, полумертвого от голода, рычащего, как зверь, готового сойти с ума от истязаний Сычихи и Хромушки. Хромушка отдал в его руки Сычиху. Посмотрим на Мастака в тот момент, когда он совершает свою операцию над Сычихой. Он не только внешним образом *копирует* героя *Рудольфа*, выцарапывая у Сычихи *глаза*, но и *морально* подражает ему, повторяя лицемерные речи Рудольфа и украшая свое жестокое действие ханжескими фразами. Как только Сычиха очутилась во власти Мастака, он выражает «ужасающую радость»; его голос дрожит от бешенства.

«Ты отлично понимаешь», — говорит он, — «что я не хочу покончить с тобой тотчас же... Пытка за пытку... Мне необходимо долго говорить с тобой, прежде чем убить тебя... Для тебя это будет ужасно. Прежде всего, видишь ли... с того времени, как мне приснился тот сон на ферме в Буквале, — сон, в котором перед моим взором предстали все наши преступления, сон, который чуть не свел меня с ума... который сведет меня с ума... с того времени во мне произошла странная перемена... Я ощутил ужас перед своей прежней жестокостью... Я не позволил тебе мучить Певунью¹, но то были еще пустыки... Ты заманила меня в этот погреб, ты обрекла меня здесь на холод и голод... Ты оставила меня одного с моими ужасными мыслями... О, ты не знаешь, что значит быть одиноким... Одиночество очистило мою душу. Я не считал бы это возможным... Доказательством того, что я, быть может, менее преступен, нежели раньше, является то, что я испытываю безграничную радость, держа тебя здесь... тебя, чудовище... держа тебя не для того, чтобы мстить за себя, но... но чтобы отомстить за наши жертвы... Да, я исполню свой долг, наказав собственными руками свою сообщницу... Мне страшно теперь за мои прежние убийства, и тем не менее — не находишь ли ты это странным? — я без всякого страха, с полным спокойствием совершу над тобой ужасное убийство с ужасными утонченностями... Скажи же... скажи же... понимаешь ты это?»

В этих немногих словах Мастак пробегает всю гамму *моральной казуистики*.

Его первые слова являются *откровенным* выражением жажды мести. Он обещает пытку за пытку. Он хочет убить Сычиху, он хочет удлинить ее предсмертные муки при помощи длинной проповеди, и — какая изумительная софистика! — речь, которой он ее истязает, есть *моральная проповедь*. Он утверждает, что сон в Буквале исправил его. Вместе с тем он

¹ — т. е. Флёр де Мари. *Ред.*

раскрывает перед нами подлинное действие этого сна, сознаваясь, что чуть не сошел с ума, что сон этот еще сведет его с ума. В доказательство своего исправления он приводит тот факт, что он воспрепятствовал истязанию Флёр де Мари. У Эжена Сю действующие персонажи (Резака, Мастак) должны выдавать его собственное писательское намерение, побуждающее его заставить их действовать так, а не иначе, за результат *их собственного* размышления, за сознательный мотив их действия. Они должны постоянно твердить: вот в этом я исправился, в том еще и в том и т. д. Так как они не живут действительно содержательной жизнью, то им ничего не остается, как усиленно подчеркивать в своих речах значение незначительных поступков, как в данном случае — защиты Флёр де Мари.

Оповестив нас о *благодетельном* действии сновидения в Буквале, Мастак должен еще объяснить нам, почему Эжен Сю запер его в погребе. Он должен показать, что автор романа поступил разумно. Он должен сказать Сычихе: Тем, что ты меня заперла в погребе, тем, что ты отдала меня на съедение крысам, тем, что ты обрекла меня на голод и жажду, — всем этим ты завершила мое исправление. Одиночество *очистило* мою душу.

Звериное рычанье, неистовое бешенство, страшная жажда мести, которыми Мастак встречает Сычиху, являются злой насмешкой над этой моральной фразеологией. Они раскрывают перед нами характер тех размышлений, которым Мастак предался в своей темнице.

Мастак и сам как будто чувствует это, но как *критический моралист* он умеет примирить эти противоречия.

Именно свою «безграничную радость» оттого, что Сычиха очутилась в его власти, он провозглашает признаком своего исправления. Его жажда мести — не *естественная* жажда мести, а *моральная*. Он хочет отомстить не за себя, а за общие *жертвы* — свои и Сычихи. Убивая ее, он не совершает *убийства*, а исполняет *долг*. Он не *мстит* ей, а в качестве беспристрастного судьи *наказывает* свою сообщницу. Он испытывает чувство ужаса перед своими прошлыми убийствами, и тем не менее (он сам удивляется своей казуистике), и тем не менее он спрашивает Сычиху: Не находишь ли ты это странным, — я убью тебя без всякого страха, с полным спокойствием! По неуказаным моральным причинам он в то же время наслаждается картиной убийства, которое он намерен совершить, «ужасного убийства», «убийства с ужасными утонченностями».

Тот факт, что Мастак убивает Сычиху, вполне отвечает его характеру, в особенности после того, как она проявила такую жестокость по отношению к нему. Но то, что убийство это он совершает по моральным мотивам, что он дает моральное толкование своей варварской радости по поводу предстоящего «ужасного убийства» и его «ужасных утонченностей», что свое раскаяние в совершенных раньше убийствах он доказывает как раз совершением нового убийства, что он из простого убийцы превращается в *двусмысленного, морального убийцу*, — все это является славным результатом критических деяний Рудольфа-целителя.

Сычиха пытается выскользнуть из рук Мاستака. Он замечает это и держит ее крепко.

«Постой-ка, Сычиха, я должен тебе рассказать до конца, каким образом я постепенно дошел до того, что покаялся... Тебе будет неприятно это объяснение... и оно тебе докажет, что я должен быть безжалостен в той мести, которую я собираюсь совершить над тобой во имя наших жертв... Мне нужно поспешить... Радость от сознания, что я держу тебя в руках, волнует мою кровь... У меня хватит времени сделать для тебя ужасным приближение смерти, заставляя тебя слушать меня... Я слеп... и моя мысль принимает телесную форму, чтобы беспрестанно рисовать перед моим воображением видимым, почти осязаемым образом... черты моих жертв. Иден почти материально запечатлеваются в моем мозгу. Когда к раскаянию присоединяется ужасающее по своей строгости искупление... искупление, которое превращает нашу жизнь в долгую бессонную ночь, наполненную мстительными галлюцинациями или размышлениями отчаявшегося ума... быть может, тогда вслед за угрызениями совести и покаянием приходит прощение людей».

Мастак продолжает свои лицемерные разглагольствования, которые каждую минуту выдают свое лицемерие. Сычиха должна выслушать, как он шаг за шагом дошел до раскаяния. Этот рассказ ей будет пренеприятен, ибо он докажет, что его *долгом* является беспощадно отомстить ей не за себя самого, а во имя их общих жертв. Внезапно Мастак прерывает свою дидактическую лекцию. Ему необходимо, как он выражается, «поспешить» со своей лекцией, потому что его радость от сознания, что он держит ее в руках, слишком волнует кровь в его жилах: моральная причина для сокращения лекции. Затем он снова успокаивает свою кровь. Ведь то долгое время, в течение которого он читает ей мораль, не потеряно для его мести: оно «сделает для нее ужасным приближение смерти». Еще одна моральная причина продолжать проповедь! И на основании этих моральных причин Мастак может преспокойно вернуться к тому месту своей проповеди, на котором он ее на миг прервал,

Мастак правильно описывает состояние человека, изолированного от внешнего мира. Человек, для которого *чувственный мир* превратился в *голую идею*, превращает обратно голые идеи в *чувственные существа*. Призраки его воображения принимают телесную форму. В его представлении образуется мир осязаемых, ощущаемых призраков. В этом именно заключается тайна всех благочестивых видений, это есть в то же время общая форма безумия. Мастак, повторяющий фразы Рудольфа о «могуществе раскаяния и покаяния, соединенных со страшными муками», повторяет их поэтому уже как полупомешанный, наглядно доказывая на своем примере, что между христианским сознанием греховности и безумием существует действительная связь. Точно так же Мастак, рассматривая превращение *жизни* в полную призраков *ночь сновидений* как истинное следствие раскаяния и покаяния, раскрывает перед нами истинную тайну чистой критики и христианского исправления. Тайна эта заключается в том именно, что человек превращается в призрак, а жизнь его — в ряд *сновидений*.

Эжен Сю чувствует в этом месте, насколько поведение слепого разбойника по отношению к Сычихе компрометирует те *душеспасительные мысли*, которые Рудольф внушил Мастаку. Он влагает поэтому в уста Мастака следующие слова:

«Спасительное влияние этих мыслей таково, что бешенство мое утихает».

Мастак сознается, следовательно, что его *моральное негодование* было не чем иным, как *бешенством самого земного свойства*.

«У меня не хватает... мужества... силы... решимости убить тебя... нет, я не могу пролить твою кровь... это было бы... *убийством*...» (он называет вещь ее настоящим именем) «...быть может, прощательным убийством... но все-таки это было бы *убийством*».

Воспользовавшись подходящим моментом, Сычиха ранит Мастака своим кинжалом. Теперь Эжен Сю может ему разрешить убить Сычиху без дальнейшей моральной казуистики.

«Он вскрикнул от боли... Это неожиданное нападение вмиг пробудило в нем и зажгло страшным огнем всю его затихшую было жажду мести, весь его неистовый гнев, все его кровожадные инстинкты. В одном бурном порыве все это с внезапной, страшной силой вырвалось наружу. Ум его, уже раньше потрясенный, окончательно помутился... О, змея!.. Я почувствовал твои зубы... Ты будешь так же, как я, *без глаз*...».

Он выцарапывает ей глаза.

В ту минуту, когда натура Мастака, лишь лицемерно и софистически приукрашенная, лишь аскетически подавленная силамия Рудольфа-целителя, бурно прорывается наружу и производит *взрыв*, этот взрыв оказывается тем разрушительнее и ужаснее. Признание Эжена Сю, что разум Мастака был уже достаточно потрясен всеми событиями, подготовленными Рудольфом, заслуживает благодарности.

«Последний луч его разума погас в этом крике ужаса, в этом крике осужденного...» (он видит призраки убитых им людей). «Мастак бушует и рычит, как *беснующийся зверь*... Он замучивает Сычиху до смерти».

Г-н Шелига бормочет себе под нос:

«С Мастаком не может произойти столь *быстрое* (!) «и *счастливое*» (!) «*превращение*» (!), «как с *Резакой*».

Как Рудольф сделал Флёр де Мари обитательницей монастыря, так он делает Мастака обитателем дома умалишенных — *Бисэтра*. Рудольф парализовал не только его физическую, но и его *духовную* силу. И не без основания: ибо Мастак грешил не только своей физической силой, но и духовной, а по теории наказания Рудольфа *греховные силы* подлежат уничтожению.

Но и тут у г-на Эжена Сю еще не завершены до конца «покаяние и раскаяние, связанные с ужасной мезтью». К Мастаку снова возвращается рассудок; но из боязни попасть в руки правосудия он остается в Бисэтре, *притворяясь* сумасшедшим. Г-н Сю забывает, что «каждое его слово должно было быть *молитвой*», между тем как, в конце концов, его речи оказываются нечленораздельным завыванием и бредом сумасшедшего. Или, быть может, г-н Сю ироническим образом ставит подобное проявление жизни на *одну* доску с молитвой?

Та идея наказания, которая нашла себе применение в ослеплении Мастака по приказу Рудольфа, — это изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение его в глубокое душевное одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством, — в наиболее резкой форме осуществлена в *системе одиночного заключения*. Поэтому г-н Сю и воспекает систему одиночного заключения:

«Сколько столетий прошло, прежде чем люди поняли, что существует *только одно* средство побороть угрожающую социальному организму, быстро распространяющуюся заразу» (а именно, испорченность нравов в тюрьмах); «это — изоляция преступника».

Г-н Сю разделяет мнение тех достопочтенных людей, которые объясняют распространение преступлений устройством

тюрем. Чтобы избавить преступника от дурного общества, они оставляют его в обществе с самим собой.

Г-н Эжен Сю заявляет:

«Я счел бы себя счастливым, если бы мой слабый голос услышан был среди голосов всех тех, которые со столь несомненным правом и с такой настойчивостью добиваются *полного* и *абсолютного* применения системы одиночного заключения».

Желание г-на Сю осуществилось лишь *частично*. На нынешней сессии палаты депутатов, при обсуждении вопроса о системе одиночного заключения, даже официальные защитники этой системы вынуждены были признать, что она рано или поздно приводит к умопомешательству заключенного. Поэтому все наказания, превышающие десятилетний срок тюремного заключения, пришлось заменить ссылкой.

Если бы г-н Токвиль и г-н Бомон основательно изучили роман Эжена Сю, они, без сомнения, добились бы полного и абсолютного применения системы одиночного заключения.

Если преступников, находящихся еще в здравом уме, Эжен Сю лишает какого бы то ни было общества, чтобы сделать их сумасшедшими, то сумасшедшим он, наоборот, доставляет общество людей, чтобы возвратить им рассудок:

«Опыт показывает, что одиночество настолько же губительно для сумасшедших, насколько оно спасительно для находящихся в тюремном заключении преступников».

Если г-н Сю и вместе с ним его критический герой Рудольф не сумели ни посредством *католической теории наказания*, ни посредством *методистской системы одиночного заключения* сделать *право* беднее хотя бы на одну тайну, то зато они обогатили медицину новыми тайнами, а ведь в конечном итоге *открытие новых тайн* является такой же заслугой, как и *разоблачение старых тайн*. В полном согласии с г-ном Сю критическая критика сообщает по поводу ослепления Мастака:

«Он даже не верит, когда ему говорят, что он лишен света своих очей».

Мастак не мог верить в потерю зрения, потому что он действительно еще видел. Г-н Сю описывает новый вид катаракты, он сообщает такие вещи, которые действительно являются тайной для массовидной, некритической *офтальмологии*.

Зрачок после операции принимает *белую окраску*. Очевидно, мы имеем дело с *бельмом хрусталика*. До сих пор такого

рода бельмо можно было, правда, вызвать путем поражения хрусталиковой сумочки, и при этом почти без боли, хотя и не совсем безболезненно. Но так как медики достигают этого результата только *естественным*, а не *критическим* способом, то ничего другого не оставалось, как, причинив поранение, подождать воспаления с его пластическим выпотом, чтобы получить помутнение хрусталика.

Еще большее *чудо* и еще большая *тайна* приключаются с Мастаком в третьей главе третьего тома.

Ослепший вновь *обретает зрение*:

«Сычиха, Мастак и Хромушка *увидели* священника и Флёр де Мари».

Если мы не хотим, по примеру «Критики синоптиков», истолковать это явление как *сочиненное писателем чудо*, то мы должны будем допустить, что Мастак снова подверг операции свое бельмо. Впоследствии он снова оказывается слепым. Он, стало быть, слишком рано открыл свой глаз, световое раздражение вызвало воспаление, которое привело к поражению *сетчатой оболочки* и к неизлечимой *слепоте*. То, что здесь весь этот процесс занял всего *одну секунду*, составляет новую *тайну* для некритической офтальмологии.

б) НАГРАЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. ДВОЙНАЯ ЮСТИЦИЯ (с таблицей)

Герой Рудольф раскрывает нам новую теорию, ставящую себе целью поддержание общества путем *награждения добрых* и *наказания злых*. С некритической точки зрения теория эта — не что иное, как теория современного общества. Разве мало в нем наград для добрых и наказания для злых? По сравнению с этой разоблаченной тайной — сколь некритичным является массовидный коммунист *Оуэн*, усматривающий в системе наград и наказаний освящение различных ступеней общественной иерархии и завершенное выражение рабской униженности.

Новым разоблачением может показаться то, что Эжен Сю отдает распределение наград в руки юстиции — особого дополнения к уголовной юстиции — и, не довольствуясь *одной* юрисдикцией, изобретает *двойную*. К сожалению, и эта разоблаченная тайна — не больше, как повторение старого учения, странно изложенного в вышеназванной книге *Бентама*. Нельзя, однако, отказать г-ну Эжену Сю в чести несравненно более критической разработки и мотивировки своего предложения, нежели это сделано Бентамом. В то время как массовидный

англичанин всецело остается на грешной земле, дедукция г-на Сю возносится в критическую сферу небес. Г-н Сю рассуждает следующим образом:

«Чтобы устрашать злых, люди облачают в материальную форму предвосхищаемые ими проявления небесного гнева. Почему бы не облачать аналогичным образом в материальную форму божеское награждение добрых и не предвосхищать это вознаграждение на земле?»

Согласно *некритическому* воззрению, дело происходит как раз наоборот: в небесной теории криминалистики идеализирована лишь земная теория, подобно тому как в представлении о божеском вознаграждении идеализирована лишь человеческая наемная служба. Если общество вознаграждает не всех добрых, то это так и должно быть, чтобы божеская справедливость могла все же иметь некоторое преимущество перед человеческой справедливостью.

В своем изображении критически награждающей юстиции г-н Эжен Сю являет нам «пример того *женского*» (заклейменного г-ном Эдгаром с полным «спокойствием познания» в лице Флоры Тристан) «*догматизма*, который не может обойтись без формулы и образует ее себе из категорий *существующего*». Г-н Эжен Сю иссовокупляет к каждому пункту существующей *уголовной юстиции*, которую он целиком сохраняет, в точности скопированный с него соответствующий пункт *награждающей юстиции*. Для наглядности мы изобразим проектируемую им систему вместе с соответствующими пунктами уголовной юстиции в виде таблицы (см. следующую страницу).

Г-н Сю, взволнованный представившейся его воображению картиной, восклицает:

«Увы, это утопия! Но предположите, что какое-нибудь общество *организовано* таким именно образом!»

Это была бы, следовательно, *критическая организация общества*. Мы вынуждены взять под свою защиту такого рода организацию против упрека Эжена Сю, будто она оставалась до сих пор всего лишь утопией. Сю совершенно забыл про «*премии за добродетель*», которые ежегодно раздаются в Париже и о которых он сам упоминает. Премии эти организованы даже двояким образом: материальная премия, *премия Монтиона*, за благородные деяния мужчин и женщин, и премия *gosière*¹ для девиц совершеннейшей нравственности. Здесь

¹ *gosière* — непорочная девушка, награждаемая за добродетель венком из роз. *Ред.*

Таблица критически завершенной юстиции

<i>Существующая юстиция</i>	<i>Критически дополняющая юстиция</i>
Название: <i>Уголовная юстиция.</i>	Название: <i>Добродетельная юстиция.</i>
Приметы: Держит в руке <i>меч</i> , чтобы делать злых на голову короче.	Приметы: Держит в руке <i>венец</i> , чтобы делать добрых на голову выше.
Цель: Наказание злых, тюремное заключение, лишение чести, лишение жизни. Народ узнает о страшном наказании, уготованном для злых.	Цель: Награждение добрых, бесплатное питание, почести, поддержание жизни. Народ узнает о блестящем триумфе, уготованном для добрых.
Средства обнаружения злых: Полицейский шпионаж, сыщики, чтобы выслеживать злых.	Средства обнаружения добрых: Шпионское наблюдение за добродетелью, сыщики, чтобы выслеживать добродетельных.
Решение вопроса о том, принадлежит ли данное лицо к числу злых: <i>Les assises du crime</i> , суд присяжных для разбора преступлений. Министерство сигнализирует и доносит о преступлениях подсудимого, предавая их публичной мести.	Решение вопроса о том, принадлежит ли данное лицо к числу добрых: <i>Assises de la vertu</i> , суд присяжных для разбора добродетелей. Министерство сигнализирует и доносит о благородных поступках подсудимого, предавая их публичной признательности.
Состояние преступника после приговора: Он находится под надзором высшей полиции. Его кормят в тюрьме. Государство несет расходы на него.	Состояние добродетельного после приговора: Он находится под надзором высшего морального милосердия. Его кормят в его собственном доме. Государство несет расходы на него.
Исполнение приговора: Преступник стоит на <i>эшафоте</i> .	Исполнение приговора: Прямо против эшафота для преступников возвышается <i>пьедестал</i> , на который восходит великий муж добра, — <i>стол добродетели</i> .

дело даже не обходится без требуемого Эженом Сю венца из роз.

Что касается шпионского наблюдения за добродетелью, равно как и надзора высшего морального милосердия, то все это давно организовано иезуитами. Кроме того, газеты «*Journal des Débats*», «*Siècle*», «*Petites affiches de Paris*»* и др. по сходной цене ежедневно сигнализируют и доносят о добродетелях, благородных поступках и заслугах всех парижских биржевых спекулянтов, не говоря уже о том, что каждая партия имеет свой собственный орган для сигнализирования и донесения о политических благородных деяниях своих членов.

Еще старый Фосс заметил, что Гомер лучше своих богов. Мы можем поэтому сделать ответственным за идеи Эжена Сю «разоблаченную тайну всех тайн» — Рудольфа.

Сверх того, г-н *Шелига* сообщает нам:

«В романе Эжена Сю встречаются, кроме того, частые отступления от главной нити рассказа, различные вставки и эпизоды — и все это представляет собой *критику*».

с) УСТРАНЕНИЕ ОДИЧАНИЯ СРЕДИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И БЕСПРАВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Юридическое *предупредительное средство* для устранения преступлений и вместе с тем одичания среди цивилизации заключается в «охранительной опеке государства над детьми казенных преступников и лиц, приговоренных к пожизненным наказаниям». Сю желает организовать распределение преступлений более либеральным способом. Отныне ни одна семья не должна обладать наследственной привилегией на преступление, свободная конкуренция преступлений должна взять верх над монополиями.

«Бесправие в государстве» г-н Сю упраздняет путем реформы того раздела французского уголовного кодекса, который трактует о «злоупотреблении доверием», и особенно путем назначения *получающих постоянное жалованье адвокатов для бедных*. Поэтому г-н Сю считает бесправие упраздненным в Пьемонте, Голландии и других государствах, где уже существуют адвокаты для бедных. Французское законодательство, по мнению г-на Сю, имеет только тот недостаток, что оно не предусматривает постоянного жалованья для адвокатов, обслуживающих бедных, не обязывает их обслуживать только бедных и слишком суживает устанавливаемые законом рамки бедноты. Как будто бесправие не начинается как раз в самом судебном

процессе и как будто во Франции не известно уже с давних пор, что *право* само по себе ничего не дает, а только санкционирует существующие отношения. Ставшее уже тривиальным различие *права* и *факта* осталось, по-видимому, «парижской тайной» для критического романиста.

Если к критическому разоблачению правовых тайн присовокупить еще те великие реформы, которые Эжен Сю хочет проинвестировать в отношении *судебных исполнителей*, то можно будет понять парижскую газету «Satan», на столбцах которой обитатели одного из кварталов города обращаются к этому «великому реформатору-строчкогону» с жалобой на то, что на их улицах еще нет газового освещения. Г-н Сю отвечает, что он поможет этой беде в шестом томе своего «Вечного жида». Другой квартал жалуется на недостатки начального обучения. Г-н Сю обещает осуществить реформу начального обучения для этого квартала в десятом томе своего «Вечного жида».

4) РАЗОБЛАЧЕННАЯ ТАЙНА «ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»

«Рудольф не останавливается на своей возвышенной» (!) «точке зрения... Он не жалеет труда, чтобы по свободному выбору усваивать себе точки зрения справа и слева, наверху и внизу» (*Шеллига*).

Одну из главных тайн критической критики составляет «точка зрения» и суждение с точки зрения точки зрения. Каждый человек, как и каждый духовный продукт, превращается в ее глазах в точку зрения.

Нет ничего легче, как проникнуть в тайну точки зрения, если только вы однажды постигли общую тайну критической критики, заключающуюся в том, чтобы заново подогреть старую спекулятивную дребедень.

Пусть, прежде всего, сама критика устами патриарха, г-на *Бруно Бауэра*, выскажется о своей теории «точки зрения».

«Наука... никогда не имеет дела с данным отдельным индивидуумом или с данной определенной точкой зрения... Она, конечно, не преминет упразднить пределы какой-нибудь точки зрения, если только это заслуживает труда и пределы эти действительно имеют общечеловеческое значение; но она рассматривает их как чистую категорию и определенность самосознания и обращается ввиду этого только к тем, кто имеет смелость возвыситься до всеобщности самосознания, т. е. к тем, которые не хотят во что бы то ни стало оставаться в этих самых пределах» («Anekdoten»*, том II, стр. 127).

Тайну этой бауэровской смелости составляет гегелевская «Феноменология». Так как Гегель в «Феноменологии» на место

человека ставит *самосознание*, то самая разнообразная человеческая действительность выступает здесь только как *определенная форма самосознания*, как *определенность самосознания*. Но голая определенность самосознания есть «чистая категория», голая «мысль», которую я поэтому могу упразднить в «чистом» мышлении и преодолеть путем чистого мышления. В «Феноменологии» Гегеля остаются *незатронутыми материальные, чувственные, предметные* основы различных отчужденных форм человеческого самосознания, и вся разрушительная работа имела своим результатом *самую консервативную философию*, потому что подобная точка зрения воображает, что она преодолела *предметный* чувственно-действительный мир, коль скоро она превратила его в «мыслительную вещь», в чистую *определенность самосознания* и теперь может ставшего *эфирным* противника растворить в «эфире чистого мышления». Поэтому «Феноменология» вполне последовательно кончает тем, что она на место всей человеческой действительности ставит *«абсолютное знание»*, — *знание* потому, что это есть единственный способ существования самосознания, а самосознание рассматривается как единственный способ существования человека, — *абсолютное же знание* потому, что самосознание знает только *само себя* и не стеснено больше никаким предметным миром. Человека Гегель делает *человеком самосознания*, вместо того чтобы самосознание сделать *самосознанием человека*, — действительного человека, т. е. живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного. Гегель ставит мир *на голову* и по этой причине и может преодолеть *в голове* все пределы, что, конечно, несколько не мешает тому, что они продолжают существовать для *дурной чувственности*, для *действительного* человека. Кроме того, для него неизбежно является пределом все то, что свидетельствует об *ограниченности всеобщего самосознания*, — всякая чувственность, действительность, индивидуальность людей и их мира. Вся «Феноменология» имеет своей целью доказать, что *самосознание* есть *единственная и всеобъемлющая реальность*.

В последнее время г-н Бауэр окрестил абсолютное знание именем *критики*, а определенность самосознания более просто звучащим термином *точка зрения*. В «Anekdotia» оба термина еще стоят рядом, и точка зрения все еще комментируется при помощи определенности самосознания.

Так как «*религиозный мир как таковой*» существует только как мир *самосознания*, то критическому критику — теологу

ex professo¹ — никак не может прийти в голову, что существует такой мир, в котором *сознание* и *бытие* отличаются друг от друга, — мир, который по-прежнему продолжает существовать, когда я упраздняю только его мысленное существование, его существование в качестве категории или точки зрения, другими словами: когда я видоизменяю свое собственное субъективное сознание, не изменяя предметной действительности действительно предметным образом, т. е. не изменяя своей собственной *предметной* действительности и предметной действительности других людей. Спекулятивное *мистическое тождество бытия и мышления* повторяется поэтому в критике в виде столь же мистического тождества *практики и теории*. Отсюда ее раздражение против такой практики, которая хочет быть еще чем-то отличным от теории, и против такой теории, которая хочет быть еще чем-то отличным от растворения той или другой определенной *категории* в «беспредельной всеобщности самосознания». Ее собственная теория ограничивается тем, что объявляет все определенное — как, например, государство, частную собственность и т. д. — прямой противоположностью беспредельной всеобщности самосознания, а потому чем-то ничтожным. Между тем, необходимо, наоборот, показать, как государство, частная собственность и т. д. превращают людей в абстракции или представляют собой продукты *абстрактного* человека, вместо того чтобы быть действительностью индивидуальных, конкретных людей.

Наконец, само собой понятно, что если «Феноменология» Гегеля, вопреки своему спекулятивному первородному греху, дает по многим пунктам элементы действительной характеристики человеческих отношений, то г-н Бруно и компания, наоборот, дают лишь бессодержательную карикатуру, которая довольствуется тем, что выхватывает из какого-нибудь духовного продукта или же из реальных отношений и движений некоторую определенность, превращает эту определенность в мысленную определенность, в *категирию* и выдает эту категорию за *точку зрения* продукта, отношения или движения. И все это делается для того, чтобы получить возможность со старческой мудростью и с торжествующим видом презрительно поглядывать на эту определенность с высоты точки зрения абстракции, всеобщей категории, всеобщего самосознания.

Как для Рудольфа все люди стоят либо на точке зрения добра, либо на точке зрения зла и оцениваются сообразно этим

¹ — по специальности. *Ред.*

неизменным категориям, так для г-на Бауэра и компании одни исходят из точки зрения *критики*, другие — из точки зрения *массы*. Но оба они превращают *действительных людей* в *абстрактные точки зрения*.

5) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЛЕЧЕНИЙ, ИЛИ КЛЕМАНС Д'АРВИЛЬ

До сих пор Рудольф ограничивался тем, что по-своему вознаграждал добрых и по-своему наказывал злых. Теперь мы на одном примере увидим, как он извлекает пользу из *страстей* и «дает надлежащее развитие прекрасным природным задаткам Клеманс д'Арвиль».

«Рудольф», — говорит г-н Шелига, — «указывает ей на *развлекательную* сторону *благотворительности* — мысль, свидетельствующая о таком знании людей, которое свойственно *лишь* прошедшему через глубокие испытания уму Рудольфа».

Выражения, употребляемые Рудольфом в его беседе с Клеманс, как-то: «делать *привлекательным*», «*использовать природный вкус*», «*регулировать интригу*», «*использовать склонность к хитрости и притворству*», «преобразить властные неискоренимые инстинкты в благородные качества» и т. д., — все эти выражения, равно как и сами *влечения*, которые здесь по преимуществу приписываются женской природе, *выдают* тайный источник мудрости Рудольфа — *Фурье*. К нему в руки попало популярное изложение учения Фурье.

Применение этого учения опять-таки в такой же мере является критической собственностью Рудольфа, как и его выше рассмотренное применение теории Бентама.

Не в самой *благотворительности как таковой* должна молодая маркиза искать удовлетворения своей человеческой сущности, не в *благотворительности как таковой* должна она находить человеческое содержание и цель деятельности, а потому и *развлечение*. Нет, *благотворительность* представляет, наоборот, лишь *внешний повод*, лишь *предлог*, лишь *материю* для такого *развлечения*, которое с таким же успехом могло бы сделать своим содержанием любую другую материю. Нищета сознательно эксплуатируется, чтобы доставить благодетелю «*пикантное романическое удовольствие, удовлетворение любопытства, всякого рода приключения с переодеваниями, наслаждения своим собственным великолепием, нервные потрясения* и т. п.».

Тем самым Рудольф бессознательно высказал давно открытую тайну, что сама человеческая нищета, бесконечная отверженность, вынужденная принимать милостыню, должна служить *забавой* для денежной аристократии и аристократии образования, должна существовать для удовлетворения их себялюбия, для щекотания их тщеславия, для развлечения.

Многочисленные благотворительные союзы в Германии, многочисленные благотворительные общества во Франции, многочисленные благотворительные донкихотские предприятия в Англии, концерты, балы, спектакли, обеды в пользу бедных, даже сбор пожертвований для потерпевших от несчастных случаев, — все это не имеет никакого иного смысла. Отсюда следует, что и благотворительность давно уже *организована* как развлечение.

Внезапная, ничем не мотивированная метаморфоза маркизы при одном только звуке слова «*amusant*»¹ заставляет нас сомневаться в эффективности ее излечения, или, вернее, эта метаморфоза только по видимости внезапна и не мотивирована, только по видимости вызвана изображением благотворительности как развлечения. Маркиза *любит* Рудольфа, и Рудольф затевает с *ней* разные переодевания, интригует вместе с *ней*, пускается с *ней* во всякие благотворительные приключения. Впоследствии, при благотворительном посещении маркизой тюрьмы Сен-Лазар, обнаруживается ее ревность к Флёр де Мари, и из благотворительного отношения к своей ревности она замалчивает перед Рудольфом арест Марии. В лучшем же случае Рудольфу удалось научить одну несчастную женщину играть глупую комедию с несчастными существами. Тайну изобретенной Рудольфом *филантропии* выдал тот парижский фат, который после танца, приглашая свою даму к ужину, сказал:

«Ах, мадам, недостаточно танцевать в пользу этих бедных поляков... будем филантропами до конца... пойдемте теперь *ужинать в пользу бедных!*»

6) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ, ИЛИ ЛУИЗА МОРЕЛЬ

По случаю ареста *Луизы Морель* Рудольф пускается в рассуждения, которые можно резюмировать следующим образом:

«Господин часто губит служанку, пуская в ход запугивание, неожиданный натиск или пользуясь другими обстоятельствами, вытекающими из

¹ — забавный, развлекательный. *Ред.*

природы *отношений между прислугой и господином*. Он ввергает ее в несчастье, обрекает на позор и преступление. Закон не затрагивает этих отношений... Преступник, фактически принудивший девушку к детоубийству, не подвергается наказанию».

Рассуждения Рудольфа не простираются даже настолько далеко, чтобы подвергнуть его светлейшей критике само *отношение между прислугой и господином*. В качестве мелкого властелина он — большой сторонник этого рода отношений. Еще менее Рудольф возвышается до понимания бесчеловечности общего положения женщины в современном обществе. Ему, всецело верному своей прежней теории, не хватает лишь закона, наказывающего соблазнителя и соединяющего раскаяние и покаяние со страшными карами.

Рудольфу следовало бы только присмотреться к существующему законодательству других стран. Английское законодательство исполняет все его желания. В своей деликатности, столь прославляемой Блэкстоном, оно доходит до того, что предъясвляет обвинение в вероломстве даже тому, кто соблазнил проститутку.

Г-н Шелига играет туш:

«Так» (!) — «мыслит» (!) — «Рудольф» (!). «А теперь сравните эти мысли с вашими фантазиями о женской эмансипации. В этих мыслях вы почти руками осязаете дело эмансипации, между тем как вы с самого начала слишком практичны и поэтому так часто терпите крушение с вашими пустыми попытками».

Во всяком случае, мы обязаны благодарностью г-ну Шелиге за разоблачение тайны, что то или иное дело можно почти руками осязать в мыслях. Что касается его забавного сравнения Рудольфа с людьми, учившими об эмансипации женщины, то пусть читатель сравнит мысли Рудольфа хотя бы со следующими «фантазиями» Фурье:

«Нарушение супружеской верности, обольщение девушки приносит соблазнителю честь, считаются хорошим тоном... Но бедная девушка! Детоубийство, какое преступление! Если она дорожит своей честью, она должна уничтожить следы бесестия, а если она жертвует своим ребенком во имя предрассудков этого мира, то она подвергается еще большему позору и делается жертвой предрассудков закона... Вот тот порочный круг, который механизм цивилизации повсюду описывает в своем движении».

«Разве молодая девушка не является товаром, предлагаемым первому встречному покупателю, желающему приобрести ее в свою исключительную собственность?.. Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной сделке две проституции составляют добродетель».

«Развитие данной исторической эпохи всегда можно определить степенью продвижения женщин по пути к свободе, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, между слабым и сильным полом, наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации».

«Унижение женского пола есть существенная характерная черта как цивилизации, так и варварства, с тем только различием, что всякому пороку, который варварство практикует в простом виде, цивилизация придает сложную, двусмысленную, двуличную, лицемерную форму существования... За то, что женщина содержится в рабстве, никто не оказывается наказанным в большей степени, чем сам мужчина» (*Фурье*).

Совершенно излишне противопоставлять рассуждениям Рудольфа мастерскую характеристику *брака*, данную Фурье, равно как и произведения материалистической фракции французского коммунизма.

Жалкие обрывки социалистической литературы, подобранные романистом, разоблачают все еще неизвестные критической критике «тайны».

7) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТАИН

а) ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТАИН

Первое разоблачение: Богатство часто приводит к расточительности, расточительность — к разорению.

Второе разоблачение: Только что указанные последствия богатства проистекают из недостаточности воспитания богатой молодежи.

Третье разоблачение: *Наследование и частная собственность* неприкосновенны и священны и таковыми *должны* быть.

Четвертое разоблачение: Богатый *морально* обязан отдавать рабочим отчет в употреблении своего состояния. Большое состояние есть наследственный вклад, *феодальный лен*, доверенный умным, твердым, ловким, великодушным рукам, которым вместе с тем поручено сделать это состояние плодотворным и пользоваться им таким образом, чтобы все, на долю чего выпало *счастье* находиться в сфере блестящего и спасительного ореола большого состояния, испытало на себе оплодотворяющее, оживляющее, улучшающее влияние этого последнего.

Пятое разоблачение: Государство должно преподать непотной богатой молодежи *первоначальные основы индивидуальной экономики*. Оно должно морализовать богатство.

Шестое разоблачение: Наконец, государство должно за-

няться разрешением колоссальной проблемы *организации труда*. Оно должно показать спасительный пример *ассоциации капиталов и труда*, и притом такой ассоциации, которая была бы добропорядочна, разумна, справедлива, которая обеспечивала бы благосостояние *рабочего без ущерба для имущества богатых*, которая *связала бы оба эти класса узами* взаимного благоволения, признательности и тем самым *навсегда* обеспечила бы спокойствие государства.

Так как государство пока еще не приемлет этой теории, то Рудольф сам дает некоторые практические примеры. Примеры эти обнаруживают ту тайну, что для г-на Сю, для г-на Рудольфа и для критической критики наиболее известные *экономические отношения* остались «тайнами».

б) «БАНК ДЛЯ БЕДНЫХ»

Рудольф учреждает *банк для бедных*. Устав этого *критического* банка для бедных следующий:

Он имеет своей целью оказывать поддержку добропорядочным семейным рабочим во время безработицы. Он должен заменить собой милостыню и ломбарды. Он располагает годовым доходом в 12 000 франков и выдает беспроцентные ссуды-пособия в размере от 20 до 40 франков. Для начала он распространяет свою деятельность только на *седьмой* округ Парижа, где живет большая часть рабочих. Рабочие или работницы, претендующие на помощь, должны иметь свидетельство от своего последнего хозяина, в котором заверяется добропорядочность их поведения и указывается причина и дата их увольнения. Эти ссуды подлежат погашению ежемесячными взносами в размере шестой или двенадцатой части всей ссуды, по желанию самого заемщика и начиная с того дня, когда он вновь нашел себе работу. Гарантией ссуды служит обязательство под честное слово. Двое других рабочих должны, кроме того, поручиться за честное слово получателя ссуды. Так как критическая цель банка для бедных заключается в том, чтобы облегчить одну из худших бед рабочей жизни, *перерыв в работе*, то помощь может быть оказана вообще только безработным. Г-н Жермен, заведующий этим учреждением, получает годовой оклад в 10 000 франков.

Бросим теперь массовидный взгляд на практику критической политической экономии. Годовой доход банка равняется 12 000 франков. Ссуды выдаются в размере от 20 до 40 франков на одно лицо, следовательно в среднем равня-

ются 30 франкам. Число официально признанных «нуждающимися» рабочих седьмого округа равно, по меньшей мере, 4000. Таким образом, ежегодно может быть оказана помощь 400 рабочим, т. е. одной десятой части наиболее нуждающихся рабочих седьмого округа. В Париже *средняя продолжительность* безработицы значительно больше, чем 4 месяца, т. е. 16 недель: цифра эта слишком низка. Если распределить 30 франков на 16 недель, то получится на неделю несколько меньше 37 су и 3 сантимов, т. е. меньше 27 сантимов в день. Ежедневный расход на *одного арестанта* во Франции составляет, в среднем, несколько больше 47 сантимов, из которых на одну только пищу уходит больше 30 сантимов. Но рабочий, которому помогает г-н Рудольф, имеет семью. Если считать, что кроме мужа и жены в семье имеется еще, в среднем, хотя бы двое детей, то выходит, что 27 сантимов должны быть распределены между четырьмя лицами. Квартира обходится минимум в 15 сантимов в день, остается 12 сантимов. *Хлеб*, съедаемый, в среднем, *одним* арестантом, обходится приблизительно в 14 сантимов. Следовательно, на полученную из критического банка сумму денег рабочий со своей семьей, отвлекаясь от всех других потребностей, сможет купить меньше чем четвертую часть нужного ему хлеба и должен будет умереть с голоду, если он не прибегнет к тем средствам, которые и имел в виду предотвратить этот банк для бедных, т. е. к ломбарду, к попрошайничеству, воровству и проституции.

Зато муж беспощадной критики блестяще устраивает заведующего банком. Доход, подлежащий заведению, равняется 12 000 франков, жалованье заведующего — 10 000 франков. Заведование обходится, стало быть, в 45% от общей суммы, т. е. почти втрое больше, чем управление массовидными учреждениями для бедных в Париже, которое обходится приблизительно в 17% от всей суммы расходуемых средств.

Но допустим на минуту, что помощь, оказываемая банком для бедных, есть действительная, а не иллюзорная только помощь; все же это учреждение, изобретенное разоблаченной тайной всех тайн, покоится на фантастическом предположении, что достаточно изменить *распределение* вознаграждения за труд для того, чтобы рабочий мог прожить в течение всего года.

Выражаясь прозаически, доход 7 500 000 французских рабочих составляет только 91 франк на человека, доход других 7 500 000 французских рабочих составляет только 120 франков на человека. Итак, уже 15 000 000 рабочих получают меньше, чем абсолютно необходимо для поддержания жизни.

Мысль критического банка для бедных, если держаться разумного толкования, сводится к тому, чтобы вычитать из заработка рабочего в тот период, когда у него есть работа, столько, сколько необходимо ему, чтобы прожить в период безработицы. Даю ли я ему во время безработицы определенную сумму денег с тем, чтобы он вернул мне ее, когда начнет работать, или же он мне в период работы дает определенную сумму денег, а я ему возвращаю ее в период безработицы, — это все равно. В том и в другом случае он всегда дает мне, когда у него есть работа, то, что он получает от меня во время безработицы.

Таким образом, «чистый» банк для бедных отличается от массовидных *сберегательных касс* лишь двумя очень оригинальными, очень критическими особенностями: во-первых, тем, что банк ссужает свои деньги *à fonds perdus*¹, в нелепом предположении, что рабочий сможет возратить ссуду, когда захочет, и что он всегда захочет заплатить, когда сможет это сделать; во-вторых, тем еще, что банк не платит никаких *процентов* за вложенные рабочим суммы. Потому только, что вложенная сумма принимает здесь форму аванса, банк считает уже великим делом одно то, что и сам он не берет процентов с рабочего.

Критический банк для бедных отличается, стало быть, от массовидных сберегательных касс тем, что рабочий теряет свои проценты, а банк — свой капитал.

с) ОБРАЗЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В БУКВАЛЕ

Рудольф устраивает *образцовое хозяйство* в *Буквале*. Место это выбрано тем более удачно, что оно хранит еще следы феодальных времен, а именно — феодальный замок.

Каждый из шести рабочих-мужчин, занятых на этой ферме, получает 150 эю, или 450 франков, каждая работница 60 эю, или 180 франков, годовой заработной платы. Кроме того, они имеют бесплатный стол и бесплатную квартиру. Обычная ежедневная пища *буквальских* рабочих состоит из «огромной» порции ветчины, из не менее огромной порции баранины и, наконец, из не менее массивного куска телятины, к чему в качестве дополнительных блюд присоединяется два вида зимнего салата, два больших сыра, картофель, сидр и т. д. Каждый из

¹ — безнадежному должнику. *Ред.*

шести рабочих-мужчин работает *вдвое* больше, чем обыкновенный французский батрак.

Так как вся сумма годового дохода во Франции, при равном разделе, составляет в среднем только 93 франка на человека; так как число жителей, непосредственно занятых в сельском хозяйстве, равняется двум третям всего населения Франции, то отсюда можно заключить, какую революцию не только в распределении, но и в производстве национального богатства произвело бы всеобщее подражание образцовому хозяйству немецкого калифа.

Из вышеуказанного следует, что Рудольф добился такого огромного увеличения производства только тем, что он заставляет каждого рабочего работать вдвое больше прежнего и поглощать пищи в шесть раз больше прежнего.

Так как французский крестьянин очень прилежен, то рабочие, работающие *вдвое* больше, должны быть *сверхчеловеческими атлетами*, на что, по-видимому, указывают и мясные блюда «огромных» размеров. Мы вправе, стало быть, предположить, что каждый из этих шести рабочих потребляет ежедневно по меньшей мере 1 фунт мяса.

Если бы все производимое во Франции мясо было разделено поровну, то на одного человека пришлось бы менее $\frac{1}{4}$ фунта мяса в день. Отсюда видно, какую революцию произвел бы также и в этом отношении пример Рудольфа. *Одно только* земледельческое население потребляло бы больше мяса, чем его производится во всей Франции, так что эта критическая реформа совершенно уничтожила бы скотоводство во Франции.

Пятая часть валового дохода, которую Рудольф, по отчету управляющего буквальской фермой, отца Шателена, предоставляет рабочим кроме высокой заработной платы и роскошного стола, есть не что иное, как его *земельная рента*. Ведь по среднему расчету принимается обыкновенно, что в общем, после вычета всех издержек производства и прибыли на затраченный в производстве капитал, в пользу французского земельного собственника остается одна пятая часть валового дохода, или, другими словами, что доля, представляющая земельную ренту, равна одной пятой части валового дохода. Хотя Рудольф, бесспорно, несоразмерно уменьшает причитающуюся ему прибыль на затраченный капитал, несоразмерно увеличивая расходы на оплату рабочих (по Шапталю, «О народном хозяйстве Франции», том I, стр. 239, средний размер годового дохода французского крестьянина, работающего по найму, равняется 120 франкам), и хотя он дарит всю свою земельную

ренту рабочим, тем не менее отец Шателен сообщает, что монсеньер увеличивает благодаря этой методе свой доход и этим путем побуждает других, некритических земельных собственников вести у себя такое же хозяйство.

Образцовое хозяйство в Буквале — не более как фантастический призрак; его *скрытый фонд* заключается не в *естественном* богатстве буквальской почвы, а в сказочном кошельке Фортуната, которым наделяется Рудольф.

Критическая критика шумит по этому поводу:

«С первого взгляда видно, что *весь* этот план — не утопия».

Только критическая критика способна при первом взгляде на *кошелек Фортуната* увидеть, что он — не утопия. Критический первый взгляд — это взгляд «дурного глаза».

8) РУДОЛЬФ, «РАЗОБЛАЧЕННАЯ ТАИНА ВСЕХ ТАИН»

Чудесное средство, при помощи которого Рудольф осуществляет все свои спасительные деяния и чудесные исцеления, заключается не в его красивых словах, а в его *наличных деньгах*. Таковы моралисты, говорит Фурье. Нужно быть миллионером, чтобы иметь возможность подражать их героям.

Мораль — это «*бессилие в действии*» *. Всякий раз, как только она вступает в борьбу с каким-нибудь пороком, она терпит поражение. А Рудольф даже не возвышается до точки зрения самостоятельной морали, которая, по крайней мере, покоится на сознании *человеческого достоинства*. Его мораль, напротив, покоится на сознании *человеческой слабости*. Он — представитель *геологической морали*. Мы рассмотрели во всех подробностях геройские подвиги, совершенные им при помощи его *христианских навязчивых* идей, которые служат ему мерками для суждения о мире, — при помощи таких идей, как «благотворительность», «беззаветная преданность», «самоотречение», «раскаяние», «добрые и злые», «награда и наказание», «ужасные кары», «уединение», «спасение души» и т. д., — и мы показали, что все это не более как шутовство. Нам остается еще только разобрать *личный* характер Рудольфа, этой «разоблаченной тайны всех тайн», или разоблаченной тайны «*чистой критики*».

Противоположность «добра» и «зла» предстала перед нашим критическим Геркулесом еще в период его юности, олицетворенная в двух образах — *Мурфа* и *Полидори*, двух учителей

Рудольфа. Первый из них воспитывает его для добра и фигурирует как «*добрый*»; второй воспитывает его для зла и фигурирует как «*злой*». Для того чтобы эта концепция не уступала в тривиальности аналогичным концепциям в других нравоучительных романах, «*добрый*» Мурф должен быть изображен не слишком «ученым», не «особенно выдающимся в интеллектуальном отношении». Но зато он *честен, прост, одно сложен* в своих речах, величественно третирует зло короткими аттестациями вроде: *позорно, подло* — и испытывает чувство ужаса перед *низким*. Если употребить гегелевское выражение, о нем можно сказать, что он честно переводит мелодию добра и истины в равенство тонов, т. е. в *одну ноту*.

Напротив, *Полидори* — чудо ума, знаний и образования, но при этом человек «опаснейшей безнравственности» и преисполненный «самого ужасного скептицизма», чего не мог забыть Эжен Сю, как представитель молодой благочестивой буржуазии Франции. О духовной энергии и образовании Эжена Сю и его героя можно судить по тому паническому ужасу, который в них вызывает *скептицизм*.

«Мурф», — говорит г-н Шелига, — «в одно и то же время и увековеченная вина 13 января и вечное искупление этой вины несравненной любовью к Рудольфу и самопожертвованием ради его особы».

Подобно тому как Рудольф есть *deus ex machina*¹ и искупитель всего мира, так Мурф, в свою очередь, есть личный *deus ex machina* и искупитель Рудольфа.

«Рудольф и спасение человечества, Рудольф и претворение в действительность совершенств человеческой сущности составляют для Мурфа единое, нераздельное целое, единое целое, которому он служит не с глупой собачьей преданностью раба, а с полным сознанием и самостоятельно».

Стало быть, Мурф — просвещенный, сознательный и самостоятельный раб. Как всякий княжеский слуга, он видит в своем господине олицетворение спасения человечества. *Граун* льстит Мурфу, называя его «*бесстрашным телохранителем*». Сам Рудольф называет его *образцом слуги*, и он действительно — *образцовый слуга*. Эжен Сю сообщает нам, что *tête-à-tête*² он неукоснительно называет Рудольфа «монсеньер».

¹ — буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред.*

² — наедине, с глазу на глаз. *Ред.*

В присутствии других он, ради сохранения инкогнито, губами произносит слово «*мосье*», сердцем же — «монсеньер».

«Мурф помогает сорвать покров с тайн, но только ради Рудольфа. Он принимает участие в работе по разрушению могущества тайн».

О непроницаемости покровов, скрывающего от Мурфа самые простые житейские отношения, можно составить себе представление по его беседе с посланником Грауном. Из законного права на самозащиту в случаях крайней необходимости Мурф делает вывод, что Рудольф вправе был в качестве *тайного уголовного судьи* ослепить крепко связанного и «беззащитного» Мастака. Его изображение того, как Рудольф начнет рассказывать перед судом о своих «благородных» поступках, какими пышными фразами он будет щеголять и как он будет изливать свое великое сердце, достойно гимназиста, только что прочитавшего «Разбойников» Шиллера. Единственная тайна, которую Мурф предоставляет разрешить миру, это вопрос о том, чем он вымазал свое лицо, когда разыгрывал роль угольщика, — угольной ли пылью или же черной краской.

«Изыдут ангелы и отделят злых от праведных» (Евангелие от Матфея, 13, 49). «Скорбь и страх душам всех людей, творящих зло; слава, честь и мир всем творящим добро» (Послание Павла к римлянам, 2, 9—10).

Рудольф сам себя производит в такие *ангелы*. Он отправляется в мир, чтобы отделить злых от праведных, наказать злых и наградить добрых. Представление о добре и зле с такой силой запечатлелось в его слабом мозгу, что он верит в реального сатану и хочет захватить дьявола живьем, как некогда профессор *Зак* в Бонне. С другой стороны, он, наоборот, пытается копировать в миниатюре противоположность дьявола — *бога*. Он любит «играть до некоторой степени роль провидения». Как в *действительности все* различия все более и более сливаются в различие между *бедными* и *богатыми*, так в *идеи все* аристократические различия превращаются в противоположность между *добром* и *злом*. Это различие есть последняя форма, придаваемая аристократом своим предрассудкам. Себя Рудольф относит к числу добрых, злые же существуют для того, чтобы он мог наслаждаться своим собственным совершенством. Приглядимся к этому «доброму» несколько ближе.

Г-н Рудольф проявляет благотворительность и мотовство наподобие багдадского калифа в «Тысяче и одной ночи». Он не может вести такой образ жизни, не высасывая, как вампир,

все соки из своего маленького немецкого княжества. По сообщению самого г-на Сю, он принадлежал бы к числу медиатизированных немецких князей, если бы его не спасло от вынужденного отречения покровительство одного французского *маркиза*. О размерах его княжества позволяет судить этот последний факт. Насколько *критически* Рудольф оценивает *свое собственное положение*, можно видеть, далее, из того, что он, мелкий немецкий владетельный князь, считает необходимым сохранять в Париже полуинкогнито, чтобы не обращаться на себя внимания. Он нарочито возит с собой *канцлера* с той критической целью, чтобы этот последний представлял для него «театральную и ребяческую сторону суверенной власти»; как будто мелкий владетельный князь нуждается еще, кроме себя и своего зеркала, в каком-то третьем представителе театральной и ребяческой стороны суверенной власти. Рудольф сумел внушить своим людям столь же *критическое непонимание* своей роли и значения. Так, например, слуга *Мурф* и посланник *Граун* не замечают, как насмехается над ними парижский поверенный г-н *Бадино*, делая вид, что он принимает их частные поручения за дела государственной важности, и саркастически болтая о

«неведомых отношениях, могущих существовать между самыми разнобразными интересами и *судьбами государств*». «Да», — сообщает посланник Рудольфа, — «у него хватает бесстыдства говорить иной раз мне: «Сколько неизвестных для народа осложнений в деле управления государством! Кто сказал бы, г-н барон, что представляемые мною Вам докладные записки имеют влияние на ход *европейских дел*, а между тем это, несомненно, так»».

Посланник и Мурф видят бесстыдство не в том, что им приписывают влияние на европейские дела, а в том, что Бадино до такой степени идеализирует свою низкую профессию.

Прежде всего вспомним одну сценку из домашней жизни *Рудольфа*. Рудольф рассказывает Мурфу, что он «переживает теперь мгновения горделивого счастья и блаженства». Сейчас же вслед за этим он выходит из себя, потому что Мурф не хочет ответить ему на один вопрос. «Я приказываю Вам говорить», — обращается он к Мурфу. Мурф просит не приказывать. Рудольф говорит ему: «Я не терплю умалчиваний». Он забывается до того, что совершает низость, напоминая Мурфу, что он *платит* ему за все его услуги. И он не успокаивается до тех пор, пока Мурф не напоминает ему о 13 января. После этого инцидента проявляется рабская натура Мурфа, который только на одно мгновение позволил себе забыть. Он рвет на себе «волосы», которых, к счастью, у него нет; он гриходит в

отчаяние оттого, что несколько грубо обошелся со своим высокопоставленным господином, который называет его «образцом слуги», «своим добрым, старым, верным Мурфом».

Не смущаясь этими проявлениями зла в нем самом, Рудольф вслед за тем повторяет свои навязчивые идеи о «добре» и «зле» и сообщает об успехах, которые он делает на поприще добра. Он называет милостыню и сострадание целомудренными и благочестивыми утешительницами *его* раненой души. Проституировать их перед отверженными, недостойными существами было бы, дескать, чем-то ужасным, нечестивым, *кощунственным*. Само собой разумеется: сострадание и милостыня — утешительницы *его* души; поэтому осквернить их было бы кощунством. Это значило бы «породить сомнения относительно бога; а тот, который дает, должен внушать веру в бога». Подать милостыню отверженному — ведь это нечто немислимое!

Каждому из движений своей души Рудольф приписывает бесконечную важность. Он поэтому постоянно наблюдает и оценивает их. Так, в вышеупомянутой сцене безумец утешает себя по поводу своей выходки против Мурфа тем, что Флёр де Мари тронула его своим положением. «Я был тронут до слез, а меня еще обвиняют в том, что я равнодушен, черств, непреклонен!» Доказав таким образом *свою собственную доброту*, он раздражается негодованием против «зла», против злодейского поведения неизвестной матери Марии, и со всей возможной торжественностью обращается к Мурфу: «Ты знаешь, некоторые акты мести мне очень дороги, некоторые страдания — очень ценны». При этом он строит такие дьявольские гримасы, что верный слуга в испуге восклицает: «Ах, монсеньер!» Этот высокопоставленный господин походит на деятелей «*Молодой Англии*» *, которые тоже хотят реформировать мир, совершают благородные подвиги и подвержены подобным же истерическим припадкам.

Объяснение приключений и положений, в которые ставит себя Рудольф, мы находим прежде всего в его *жадной к приключениям натуре*. Он любит «романические пикантности, развлечения, приключения, переодевания»; его «любопытство» «ненасытно»; он чувствует «потребность в живительном, жгучем душевном возбуждении», он «жадно стремится к *сильным нервным потрясениям*».

Эти его природные наклонности находят себе поддержку в его страстном стремлении *играть роль провидения* и реформировать мир согласно своим навязчивым фантазиям.

Его отношение к другим людям определяется либо какой-нибудь абстрактной навязчивой идеей, либо совершенно личными, случайными мотивами.

Так, он освобождает врача-негра Давида и его возлюбленную не из непосредственного чувства человеческого участия, вызываемого судьбой этих людей, не ради *их* освобождения, а для того, чтобы по отношению к рабовладельцу Виллису сыграть роль *провидения* и наказать его за его *неверие в бога*. Так, Мастак является для него желанной находкой, чтобы *применить* к нему свою давно состряпанную теорию наказания. Беседа Мурфа с посланником Грауном дает нам возможность, с другой стороны, глубже присмотреться к чисто личным мотивам, определяющим благородные деяния Рудольфа.

Интерес монсеньера к Флёр де Мари проистекает, как говорит Мурф, — «если оставить в стороне» сострадание, вызываемое участью бедняжки, — из того, что дочь Рудольфа, потерю которой он так горько оплакивает, в это время была бы такого же самого возраста. Участие Рудольфа к маркизе д'Арвиль, — «если оставить в стороне» его человеколюбивые причуды, — объясняется той причиной личного характера, что без старого маркиза д'Арвиль и его дружбы с императором Александром отец Рудольфа был бы изъят из сонма немецких суверенов.

Его доброта к мадам Жорж и его интерес к ее сыну Жермену объясняются той же причиной. Мадам Жорж принадлежит к семье д'Арвиль.

«Бедная мадам Жорж обязана за беспрестанные проявления милости его высочества не в меньшей степени своим несчастьям и своим добродетелям, чем *этой родству*».

Апологет Мурф старается затушевать двусмысленность мотивов Рудольфа такими оборотами речи, как «главным образом», «если оставить в стороне», «не в меньшей степени».

Весь характер Рудольфа целиком сказывается, наконец, в том «чистом» лицемерии, с которым он ухитряется изображать, перед самим собой и перед другими, *вспышки своих дурных страстей* как *гнева против страстей дурных людей*. Эта манера напоминает нам аналогичную манеру критической критики, которая *свои собственные глупости* выдает за *глупости массы*, свои злобные нападки на развитие мира вне ее — за злобные нападки этого мира на развитие, наконец, свой эгоизм, мнящий, что он поглотил, вобрал в себя весь дух, — за эгоистическое сопротивление массы духу.

Мы покажем «чистое» лицемерие *Рудольфа* в его поведении по отношению к *Мастаку*, к графине *Саре Мак-Грегор* и к нотариусу *Жаку Феррану*.

Рудольф уговорил *Мастака* совершить воровское нападение на свою квартиру, чтобы заманить его в ловушку и овладеть им. При этом он руководствуется далеко не общечеловеческим, а чисто личным интересом. Дело в том, что *Мастак* обладает *портфелем графини Мак-Грегор*, а Рудольф очень заинтересован в том, чтобы получить *этот портфель* в свои руки. По поводу tête-à-tête Рудольфа с *Мастаком* в романе сказано буквально следующее:

«Рудольф испытывал мучительную тревогу. Если бы он *упустил этот удобный случай овладеть Мастаком*, то подобный случай, без сомнения, никогда больше не представился бы ему. Этот разбойник *унес бы с собой все те тайны*, в обладании которыми Рудольф был так сильно заинтересован».

Овладевая *Мастаком*, Рудольф, стало быть, овладевает *портфелем* графини Мак-Грегор. Он *овладевает* *Мастаком* из личного интереса. Он *ослепляет* его, движимый личной страстью.

Когда *Резака* рассказывает Рудольфу про борьбу *Мастака* с *Мурфом* и объясняет упорное сопротивление *Мастака* тем, что он предугадывал свою участь, Рудольф отвечает: «Он не знал этого». И он произносит эти слова «с мрачным видом, с лицом, искаженным тем почти свирепым выражением, о котором мы говорили». Мысль о мести целиком овладевает им, он предвкушает то дикое наслаждение, которое ему доставит варварское наказание *Мастака*.

Так, при появлении врача-негра *Давида*, которому Рудольф предназначил роль орудия своей *мести*, он восклицает: «*Мсть!.. Мсть!..*» Рудольф выкрикивает эти слова с *«холодным и сосредоточенным бешенством»*.

Его охватило холодное и сосредоточенное бешенство. Затем он тихо шепчет на ухо врачу свой план, а когда последний вздрагивает от ужаса, он тотчас же ухитряется подставить, вместо чувства *личной мести*, «чистый» теоретический мотив. Речь идет, говорит он, только о *«применении идеи»*, которая уже часто мелькала в его возвышенном мозгу, и он не забывает присовокупить в елейном тоне: «Он будет еще иметь перед собой безграничный горизонт раскаяния». Он подражает испанской инквизиции, которая, передавая осужденных в руки светского правосудия для сожжения на костре, присовокуп-

ляла при этом лицемерную просьбу о милосердии к кающему грешнику.

Само собой разумеется, что когда происходит допрос Мастака и расправа над ним, его высочество сидит у себя в чрезвычайно комфортабельном кабинете, в длинном, чрезвычайно черном халате, с чрезвычайно интересной бледностью на лице и, чтобы вполне точно скопировать обстановку суда, имеет перед собой длинный стол с вещественными доказательствами. Теперь, конечно, должно исчезнуть с его лица выражение дикости и мести, выступавшее наружу, когда он сообщал Резаке и врачу о своем плане ослепления. Теперь он должен предстать перед нами «спокойным, печальным, сдержанным», с высококомическим торжественным видом всемирного судьи собственного изобретения.

Чтобы не оставить никаких сомнений насчет «чистоты» мотива ослепления, простоватый *Мурф* признается посланнику Грауну:

«Жестокое наказание Мастака имело главным образом своей целью отомстить за меня коварному убийце».

Оставшись наедине с Мурфом, Рудольф высказывается следующим образом:

«Моя ненависть к злодеям... стала более живой, мое отвращение к *Саре* растет, без сомнения, вместе с печалью, которую причиняет мне смерть моей дочери».

Рудольф сообщает нам о большей живости, которую приобрела его ненависть к злодеям. Разумеется, его ненависть — критическая, чистая, моральная ненависть, ненависть к злым, *потому что* они злы. Вследствие этого он рассматривает эту ненависть как шаг вперед, совершаемый им на поприще добра.

Но тут же обнаруживается, что этот рост моральной ненависти — не что иное, как *лицемерная санкция*, которой он стремится прикрасить нарастание своего *личного отвращения* к *Саре*. Неопределенная моральная химера — рост ненависти против злых — оказывается лишь прикрытием для определенного неморального факта — возрастания отвращения к *Саре*. Это отвращение вызывается весьма естественной, весьма индивидуальной причиной — его личной печалью. Эта печаль и есть мерило его отвращения. Конечно!

Еще более отвратительное лицемерие сказывается при свидании Рудольфа с умирающей графиней Мак-Грегор.

После разоблачения той тайны, что Флёр де Мари — дочь граюльфа и графини, Рудольф подходит к последней «с угрожающим, безжалостным видом». Она молит его о пощаде.

«Нет Вам пощады», — отвечает он. — «Проклятие Вам... Вам, моему злому духу и злому духу моего рода!»

Итак, он хочет отомстить за «род». Далее он рассказывает графине, как он, в искупление своего покушения на жизнь отца, возложил на себя крест хождения в мир, где он награждает добрых и наказывает злых. Рудольф терзает графиню, он отдается весь *чувству раздражения*, но в своих *собственных* глазах он выполняет только задачу, которую он поставил себе после 13 января, — «преследовать зло».

Когда он направляется к выходу, Сара восклицает: «Сжалось надо мною, я умираю!»

«Умри, проклятая!» — говорит Рудольф, задыхаясь от бешенства».

Последние слова — «задыхаясь от бешенства» — открывают нам чистые, критические и моральные мотивы его поступков. Именно это бешенство заставило его поднять меч на его, как выражается г-н Шелига, *блаженной памяти высокого* родителя. Вместо того чтобы бороться с этим злом в себе самом, он, как чистый критик, старается побороть его в других.

В конце концов Рудольф сам упраздняет свою католическую теорию наказания. Он хотел отменить смертную казнь, превратить наказание в покаяние, однако только до тех пор, пока убийца убивает чужих людей и не трогает членов рудольфовоу семьи. Рудольф приемлет смертную казнь, лишь только убийство поражает одного из его родных; ему нужно двойное законодательство: одно для своей собственной особы, другое для простых смертных.

От Сары он узнает, что Жак Ферран виновен в смерти Флёр де Мари. Он говорит самому себе:

«Нет, этого мало... огнем горит во мне жажда мести!.. какая жажда крови!.. какое спокойное и продуманное бешенство!.. *Пока я не знал, что одной из жертв этого чудовища было мое дитя, я говорил себе: смерть этого человека была бы бесплодна... Жизнь без денег, жизнь без удовлетворения его бешеной чувственности будет долгой и двойной пыткой... Но это моя дочь!.. Я убью этого человека!*»

И он стремительно мчится, чтобы убить Жака Феррана, но находит его в таком состоянии, которое делает убийство излишним.

«Добрый» Рудольф! Лихорадочный пыл его мстительности, его жажда крови, его спокойное и продуманное бешенство, его лицемерие, казуистически прикрашивающее всякое злонамеренное движение его души,— все это как раз те *дурные* страсти, в наказание за которые он другим выкалывает глаза. Только счастливые случайности, деньги и ранг избавляют этого «доброго» от каторги.

«Могущество критики» делает этого Дон-Кихота, в виде компенсации за его ничтожество во всех других отношениях, «добрым жильцом», «добрым соседом», «добрым другом», «добрым отцом», «добропорядочным буржуа», «добрым гражданином», «добрым принцем» и как там еще гласит дальше эта гамма хвалебных песнопений г-на Шелиги. *Это больше, чем все результаты, добытые «человечеством во всей его истории».* Этого достаточно, чтобы Рудольф мог дважды спасти «мир» от «гибели».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 179—228.

НЕМЕЦКИЙ
« ИСТИННЫЙ »
СОЦИАЛИЗМ
В СТИХАХ И ПРОЗЕ

НЕМЕЦКИЙ «ИСТИННЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

1

Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под гнетом господствующей буржуазии и являющаяся литературным выражением борьбы против этого господства, была перенесена в Германию в такое время, когда буржуазия там только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма.

Немецкие философы, полуфилософы и любители красивой фразы жадно ухватились за эту литературу, позабыв только, что с перенесением этих сочинений из Франции в Германию туда не были одновременно перенесены и французские условия жизни. В немецких условиях французская литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения. Она должна была приобрести характер досужего мудрствования об осуществлении человеческой сущности. Так, требования первой французской революции для немецких философов XVIII века имели смысл лишь как требования «практического разума» * вообще, а проявления воли революционной французской буржуазии в их глазах имели значение законов чистой воли, воли, какой она должна быть, истинно человеческой воли.

Вся работа немецких литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью или, вернее, в том, чтобы усвоить французские идеи со своей философской точки зрения.

Это усвоение произошло таким же образом, каким вообще усваивают чужой язык, путем перевода.

Известно, что на манускриптах, содержащих классические произведения языческой древности, монахи поверх текста писали нелепые жизнеописания католических святых. Немецкие литераторы поступили с нечестивой французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свою философскую чепуху. Например, под французскую критику денежных отношений они вписали «отчуждение человеческой сущности», под французскую критику буржуазного государства — «упразднение господства Абстрактно-Всеобщего» и т. д.

Это подсовывание под французские теории своей философской фразеологии они окрестили «философией действия», «истинным социализмом», «немецкой наукой социализма», «философским обоснованием социализма» и т. д.

Французская социалистическо-коммунистическая литература была таким образом совершенно выхолощена. И так как в руках немца она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то немец был убежден, что он поднялся выше «французской односторонности», что он отстаивает, вместо истинных потребностей, потребность в истине, а вместо интересов пролетариата — интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии.

Этот немецкий социализм, считавший свои беспомощные ученические упражнения столь серьезными и важными и так крикливо их рекламировавший, потерял мало-помалу свою педантическую невинность.

Борьба немецкой, особенно прусской, буржуазии против феодалов и абсолютной монархии — одним словом, либеральное движение — становилась все серьезнее.

«Истинному» социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, предавать традиционной анафеме либерализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию, буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуазную свободу и равенство и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять. Немецкий социализм весьма кстати забывал, что французская критика, жалким отголоском которой он был, предполагала современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями жизни и соответственной политической конституцией, т. е. как раз все те предпосылки, о завоевании которых в Германии только еще шла речь.

Немецким абсолютным правительствам, с их свитой попов, школьных наставников, заскорузных юнкеров и бюрократов, он служил кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии.

Он был подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания немецких рабочих.

Если «истинный» социализм становился таким образом ору-

жием в руках правительств против немецкой буржуазии, то он и непосредственно служил выражением реакционных интересов, интересов немецкого мещанства. В Германии действительно общественную основу существующего порядка вещей составляет мелкая буржуазия, унаследованная от XVI века и с того времени постоянно вновь появляющаяся в той или иной форме.

Сохранение ее равносильно сохранению существующего в Германии порядка вещей. От промышленного и политического господства буржуазии она со страхом ждет своей верной гибели, с одной стороны, вследствие концентрации капитала, с другой — вследствие роста революционного пролетариата. Ей казалось, что «истинный» социализм одним выстрелом убивает двух зайцев. И «истинный» социализм распространялся как зараза.

Вытканый из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами красноречия, пропитанный слезами слащавого умиления, этот мистический покров, которым немецкие социалисты прикрывали пару своих тощих «вечных истин», только увеличивал сбыт их товара среди этой публики.

Со своей стороны, немецкий социализм все более понимал свое призвание быть высокопарным представителем этого мещанства.

Он провозгласил немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой его низости он придавал сокровенный, возвышенный социалистический смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы. За весьма немногими исключениями все, что циркулирует в Германии в качестве якобы социалистических и коммунистических сочинений, принадлежит к этой грязной, расслабляющей литературе¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.
Сочинения, т. 4, стр. 451—453.

2

Итак, этот «истинный социализм» есть не что иное, как преобразование, которое пролетарский коммунизм и более или

¹ Революционная буря 1848 г. унесла все это гнусное направление и отбила охоту у его носителей спекулировать социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г-н Карл Грюн. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.)

менее родственные ему партии и секты Франции и Англии получают на небесах немецкого духа и, как мы сейчас увидим, также и немецкого сердца. «Истинный социализм», уверяющий, будто он основывается на «науке», является, прежде всего, и сам некоей эзотерической наукой; его теоретическая литература существует лишь для тех, кто посвящен в таинства «мыслящего духа». Но у него имеется и эзотерическая литература; интересуясь общественными, эзотерическими, отношениями, он должен уже по одному этому вести своего рода пропаганду. В этой эзотерической литературе он апеллирует уже не к немецкому «мыслящему духу», а к немецкому «сердцу». А это для «истинного социализма» тем легче, что, интересуясь уже не реальными людьми, а «Человеком», он утратил всякую революционную страсть и провозгласил вместо нее всеобщую любовь к людям. Поэтому он обращается не к пролетариям, а к двум наиболее многочисленным в Германии категориям людей — к мелким буржуа с их филантропическими иллюзиями и к идеологам этих же мелких буржуа, к философам и философским выученикам; он обращается вообще к господствующему в настоящее время в Германии «обыденному» и необыденному сознанию.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 458—459.

3

Но, кроме того, «истинный социализм» бесспорно открыл перед массой младогерманских беллетристов, докторов-чудотворцев и прочих литераторов широкое поприще для эксплуатации социального движения. Отсутствие в Германии *действительной*, страстной, практической партийной борьбы превратило вначале даже социальное движение в *чисто* литературное. «Истинный социализм», это — совершеннейшее выражение такого социального литературного движения, которое возникло вне подлинных партийных интересов и которое теперь, после того как сформировалась коммунистическая партия, желает продолжать существовать вопреки ей. Само собой разумеется, что с момента возникновения в Германии настоящей коммунистической партии «истинным социалистам» придется все больше находить свою публику лишь среди мелких буржуа, а представителей этой публики — среди импотентных и опустившихся литераторов.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 459.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ К. ГРЮНА

1

Господин Грюн являет забавное зрелище слияния «истинного социализма» с младогерманским литературством. Выше-названная книга * изложена в виде писем к даме, из чего читатель уже может понять, что здесь глубокомысленные боги «истинного социализма» появляются увенчанные розами и миртами «молодой литературы». Соберем букетик из этих роз:

«Карманьола» сама пелась в моей голове... Но во всяком случае уже одно то ужасно, что «Карманьола» может если не совсем поселиться в голове немецкого писателя, то хоть позавтракать в ней» (стр. 3).

«Имей я перед собой старика Гегеля, я схватил бы его за уши: Как, природа — инобытие духа? Как, Он — ночной сторож?» (стр. 11).

«Брюссель представляет в известном смысле французский Конвент: у него своя партия Горы и своя партия Долины» (стр. 24).

«Люнебургская степь политики» (стр. 80).

«Пестрая, поэтическая, непоследовательная, фантастическая хризалида» (стр. 82).

«Либерализм Реставрации, этот беспочвенный кактус, который, как паразитическое растение, обвился вокруг скамей палаты депутатов» (стр. 87, 88).

Что кактус не является ни «беспочвенным», ни «паразитическим», — это так же мало портит красивый образ, как не портит предыдущего образа тот факт, что не существует ни «пестрых», ни «поэтических», ни «непоследовательных» «хризалид» или куколок.

«Я сам кажусь себе в этом океане» (газет и газетных сотрудников в кабинете Монпансье) «вторым Ноем, высылающим своих голубей, чтобы узнать, нельзя ли где-нибудь построить хижины и развести виноградники, нельзя ли заключить разумный договор с разгневанными богами» (стр. 259).

Господин Грюн говорит здесь, вероятно, о своей деятельности в качестве газетного корреспондента.

«Камиль Демулен — это был человек. Учредительное собрание состояло из филистеров. Робеспьер был добродетельным магнетизером. Словом, новая история, это — борьба не на жизнь, а на смерть против лавочников и магнетизеров!!!» (стр. 311).

«Счастье, это — плюс, но плюс в иксовой степени» (стр. 203).

Итак, счастье = $+^x$; такая формула встречается только в эстетической математике господина Грюна.

«Что такое организация труда? И народы ответили сфинксу тысячею газетных голосов... Франция поет строфу, а Германия — старая, мистическая Германия — антистрофу» (стр. 259).

«Северная Америка мне даже противнее, чем Старый свет, потому что эгонзм этого мира лавочников пышет красным цветом наглого здоровья... потому что все там так поверхностно, так беспочвенно, я готов даже сказать — так провинциально... Вы называете Америку Новым миром; это — самый старый из всех старых миров. Наши поношенные платья считаются там парадной одеждой» (стр. 101, 324).

До сих пор было известно, что носят там — ненашенные немецкие чулки, хоть они и слишком плохи для «парадной» одежды.

«Логически-твердый гарантизм этих учреждений» (стр. 461).

Кого не радуют подобные цветы*,
Быть не достоин, право, «человеком»!

Какая грациозная резвость! Какая задорная наивность! Какое героическое плавание в море эстетики! Какая гейневская небрежность и гениальность!

Мы обманули читателя. Беллетристика господина Грюна вовсе не является украшением науки «истинного социализма», наука же лишь заполняет пустоты этой беллетристической болтовни. Она образует, так сказать, ее «социальный фон».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Не-
мецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 489—491.

Трактовку любви у Фурье господин Грюн может критиковать без малейшего труда, поскольку Грюн судит о его критике современных любовных отношений на основании тех фантазий, с помощью которых Фурье хотел создать себе представление о свободной любви. Как настоящий немецкий филистер, господин Грюн принимает эти фантазии всерьез. Только он, собственно, он и принимает всерьез. Но если уж он хотел

заняться этой стороной системы, то непонятно, почему он не занялся взглядами Фурье на воспитание, которые представляют наилучшее, что имеется в этой области, и содержат в себе гениальнейшие наблюдения. Вообще же из рассуждений господина Грюна о любви ясно видно, что он, как истый младогерманский беллетрист, мало что почерпнул из критики, которую дал Фурье. Он думает, что безразлично, исходить ли из упразднения брака или из упразднения частной собственности: одно непременно должно повлечь за собой другое. Но нужно обладать чисто беллетристической фантазией, чтобы желать *исходить* из другой формы разложения брака, чем та, которая уже существует теперь на практике в буржуазном обществе. У самого Фурье он мог бы заметить, что тот всегда исходит только из преобразования производства.

Господин Грюн удивляется, что Фурье, который исходит повсюду из склонности (что у Фурье называется притяжением), делает всякого рода «математические» опыты, почему он и называет Фурье на стр. 203 «математическим социалистом». Даже оставив в стороне обстоятельства жизни Фурье, господин Грюн должен был бы серьезней заняться притяжением: он тогда скоро убедился бы, что подобное природное отношение не может быть определено точнее без вычислений. Вместо этого он преподносит нам беллетристические, перемешанные с гегелевскими традициями филиппики против числа, где встречаются такого рода места:

Фурье «вычисляет молекулы Твоего ненормальнейшего вкуса» —

воистину чудо! — и далее:

«Столь жестоко преследуемая цивилизация основывалась на бессердечной таблице умножения... число не есть нечто определенное... Что такое единица? Единица не знает покоя, она становится двойкой, тройкой, четверкой» —

словом, она похожа на немецкого деревенского пастора, который тоже «не знает покоя», пока не обзаведется женой и девятью детьми...

«Число убивает все существенное и действительное. Что означает половина разума, треть истины?»

С таким же успехом он мог бы спросить: что такое позеленевший логарифм?..

«В случае органического развития число сходит с ума» —

положение, на котором основываются физиология и органическая химия (стр. 203, 204).

«Кто принимает число за меру вещей, тот становится эгоистом, — нет, тот *уже есть* эгоист».

К этому положению он находит возможным присоединить, утрируя его, заимствованный им у Гесса (см. выше) тезис:

«Весь организационный план Фурье основывается на одном только эгоизме... Фурье оказывается как раз наилучшим выражением цивилизованного эгоизма» (стр. 206, 208).

Он тут же доказывает это, повествуя о том, как в мире, построенном на началах Фурье, последний бедняк ест ежедневно сорок блюд, как там ежедневно принимают пищу пять раз, а жизнь человеческая продолжается 144 года и т. д. Грандиозный образ человеческой жизни, который Фурье с наивным юмором противопоставляет скромной посредственности людей периода Реставрации, дает господину Грюну лишь повод взять из всего этого невиннейшую сторону и снабдить ее моральными филистерскими комментариями.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Не-
мецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 516—518.

ИЗ ПОЛЕМИКИ ПРОТИВ КРИГЕ

ПРЕВРАЩЕНИЕ КОММУНИЗМА В БРЕД О ЛЮБВИ

«*Volks-Tribun*» * № 13 содержит статью, озаглавленную «К женщинам».

1) «Женщины — жрицы *любви*».

2) «Это *любовь* послала нас сюда».

3) «Апостолы *любви*».

а) Беллетристическое интермеццо: «Пламенные взоры гуманности»; «звуки истины».

б) Лицемерная и невежественная *captatio benevolentiae*¹ женщины: «Даже в одеянии королевы вы не перестаете быть *женщинами*... вы не научились также спекулировать слезами несчастных. Вы слишком мягкосердечны, чтобы ради своей пользы допустить гибель от голода несчастного ребенка на руках у *матери*».

4) «Будущность *любимого* ребенка».

5) «*Возлюбленные* сестры».

6) «О, послушайте нас, *любовь* будет предана вами, если вы этого не делаете».

7) «*Любви*».

8) «*Любовью*».

9) «Во имя *любви*».

10) «Священнейшее дело *любви*, о котором мы к вам *взываем*» (ноем).

с) Беллетристическо-библейская пошлость: «Женщине предопределено рожать сынов человеческих», что равносильно констатированию: мужчина не рождает детей.

11) «Из переполненного *любовью сердца* должен развиться *святой дух общности*».

д) Эпизодическое Ave Maria²: «*Благословенны, трижды*

¹ — попытка завоевать благосклонность. *Ред.*

² — Возрадуйся, Мария (начальные слова католической молитвы), *Ред.*

благословенны вы, женщины, ибо вам суждено, дать *первое освящение* давно *предсказанному* царству блаженства).

12) «Возлюбленные сестры».

13) «Вместо *любви* — ненависть» (противопоставление буржуазного общества коммунистическому).

14) «О *возлюбленные!*»

15) «Возвести на престол *любовь*».

16) «Деятельные люди, спаянные взаимной *любовью*».

17) «Истинные жрицы *любви*».

е) Эстетический парантез¹: «Если ваша трепетная душа еще не разучилась совершать прекрасные полеты» (фокус, осуществимость которого еще нужно доказать).

18) «Мир *любви*».

19) «Царство ненависти и царство *любви*».

г) Делается попытка обмануть женщин: «Поэтому-то вы и в политике имеете весьма веский голос. Стоит вам только воспользоваться своим влиянием — и все ветхое царство ненависти рухнет, чтобы освободить место новому царству *любви*».

г) Философский туш, цель которого заглушить голос рассудка: «Вечно безмятежная самоудовлетворенность всего человечества — вот конечная цель вашей деятельности».

20) «Ваша *любовь*». Это служит поводом потребовать от женщин «достаточно большой» любви, чтобы «с одинаковым самоотречением они распространили ее на всех людей» — требование столь же непристойное, сколь и чрезмерное.

д) Фуга: «Многие тысячи покинутых сирот убивают ужасные обстоятельства, во власть которых они отданы». В чем заключается здесь «ужасное»? В том ли, что «сироты» убивают «обстоятельства», или же в том, что «обстоятельства» убивают «сирот»?

е) Откровение некоммунистической политики: «Мы не хотим посягать на чью бы то ни было частную собственность; пусть ростовщик сохранит то, что ему уже принадлежит; мы только хотим предупредить дальнейшее расхищение народного достояния и помешать капиталу и в дальнейшем отнимать у труда его законную собственность». Эта цель должна быть достигнута следующим образом: «Каждый бедняк тотчас же превращается в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы». (Согласно этому, никто не имеет большей заслуги перед «человеческим обществом», чем капиталисты, в том числе и нью-йорк-

¹ — слова в скобках, попутное замечание, *Ред.*

ские, против которых Криге так негодует.) «Таковая возможность будет обеспечена для него навсегда, если общество даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя и свою семью... Если эта гигантская земельная площадь» (именно 1400 миллионов акров североамериканских государственных земель) «будет *изъята из торгового оборота и в ограниченных количествах* обеспечена труду, тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец, ибо каждый получит возможность собственными руками построить себе неприкосновенный очаг». Можно было бы ждать понимания того, что не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Криге патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство. Между тем для того времени, когда наступит вышеописанное блаженство, Криге готовит следующую проповедь сельского священника: «И тогда мы сможем учить людей *жить в мире друг с другом*, облегчать друг другу все тяготы и трудности жизни и

21) возводить на земле первые селения небесной *любви* (каждое ровнехонько в 160 акров).

Криге заканчивает свой призыв к замужним женщинам следующими словами: «Обратитесь прежде всего

22) к своим *возлюбленным* мужьям,

упросите их отвернуться от старой политики... покажите им их детей, заклинаяте их взяться за ум *во имя их* (неразумных) «детей». Далее, обращаясь к «*молодым девицам*», он говорит: «Пусть для

23) ваших *возлюбленных*

освобождение земли послужит пробным камнем их человеческой ценности, и не доверяйте

24) их *любви*,

покуда они не дадут обета верности человечеству». (Что это должно означать?) И если молодые девицы будут вести себя должным образом, то он гарантирует им, что их дети

25) «будут такими же *любящими*,

как и они» (имеются в виду «птицы небесные»), и заканчивает свою однообразную песню повторением об

26) «истинных жрицах *любви*», о «великом царстве общности» и об «освящении».

«Volks-Tribun» № 13 — «*Ответ Зольге*»:

27) «Он» (великий дух общности), «как огонь *любви*, пылает в очах брата».

28) «Что представляет собой женщина без мужчины,

которого она может *любить*, которому может отдать свою *трепетную душу?*»

29) «Объединить всех людей *любовью*».

30) «Материнская *любовь*».

31) «*Любовь* к людям».

32) «Все первые звуки *любви*».

33) «*Лучи любви*».

к) Цель коммунизма в том, чтобы «*всю жизнь человечества подчинить его*» (чувствительного сердца) «*биениям*».

34) «*Голос любви* замолкает при звоне монет».

35) «*Любовью* и самоотречением можно всего добиться».

Таким образом, в *одном* этом номере мы встречаем *любовь*, по самым грубым подсчетам, в тридцати пяти видах. В соответствии с этой *любовью* болтовней Криге в «*Ответе Зольте*» и в других местах изображает коммунизм как нечто преисполненное *любви* и противоположное эгоизму и сводит всемирно-историческое революционное движение к нескольким словам: *любовь* — *ненависть*, коммунизм — эгоизм. Сюда же относится и трусость, которую он проявляет, когда, угодничая перед ростовщиком, обещает оставить ему то, что тому уже принадлежит, или когда он ниже клянется, что и не думает «разрушать *нежную привязанность к семейной жизни, к родине, к народности*», а хочет «*лишь воплотить ее в жизнь*». Это трусливое и лицемерное изображение коммунизма не как «разрушения», а как «*воплощения в жизнь*» существующих мерзких отношений вместе со всеми иллюзиями, которые создают себе о них буржуа, красной нитью проходит через все номера «*Volks-Tribun*». Этому лицемерию и трусости соответствует позиция, которую Криге занял в спорах с политиками. Он считает (в № 10) прегрешением против коммунизма писать против увлекającychся католицизмом политических фантазеров, вроде Ламенне и Бёрне; из этого следует, что такие люди, как Прудон, Кабе, Дезами, — одним словом, все французские коммунисты, — являются «*коммунистами только по названию*». О том, что немецкие коммунисты так же далеко ушли от Бёрне, как французские от Ламенне, Криге мог бы узнать еще в Германии, в Брюсселе и Лондоне.

Пусть сам Криге подумает о том, какое расслабляющее действие производит этот бред о *любви* на оба пола и какую массовую истерию и малокровие он должен вызвать у «*молодых девиц*».

ЛИТЕРАТУРА «ИСТИННОГО» СОЦИАЛИЗМА

С тех пор как были написаны приведенные выше характеристики «истинных социалистов»*, прошло немало месяцев. В течение этого времени «истинный социализм», до сих пор всплывавший лишь спорадически то тут, то там, стал пышно развиваться. Он нашел представителей во всех частях отечества, он даже возвысился до того, что приобрел известное значение в качестве некоей литературной партии. Больше того, он распадается теперь уже на ряд групп, которые, хотя и тесно связаны общими узами немецкой задушевности и научности, общими стремлениями и целями, но все же определенным образом отделены друг от друга, так как каждая из них имеет свою особую индивидуальность. Таким образом, говоря изысканным языком господина Грюна, «хаотическая масса света» «истинного социализма» со временем превратилась в «упорядоченный свет»; она сконцентрировалась в виде звезд и созвездий, при кротком, спокойном сиянии которых немецкие бюргеры могут беззаботно предаваться своим проектам честного приобретения маленького состояния и своим надеждам на возвышение низших классов народа.

Мы не можем расстаться с «истинным социализмом», не рассмотрев предварительно поближе хотя бы самые развитые из его групп. Мы увидим, как каждая из них, вначале растекшись по млечному пути всеобщего человеколюбия, впоследствии, благодаря наступившему окислительному брожению, благодаря «истинному воодушевлению во имя человечества» (как выражается г-н д-р Люнинг, несомненно компетентный авторитет), превратилась в отдельные хлопья и отделилась от буржуазно-либеральной сыворотки; мы увидим, как каждая из них затем некоторое время фигурировала на социалистическом небе в виде туманности, как эта туманность становилась все больше и светлее и, наконец, наподобие ракеты, рассыпалась в виде ослепительной группы звезд и созвездий.

Старейшая, раньше всех самостоятельно развившаяся группа, это — группа *вестфальского социализма*. Благодаря безмерно важным передрягам между этой группой и королевской прусской полицией, благодаря рвению вестфальских мужей прогресса в деле защиты гласности, — немецкой публике удалось прочесть всю историю этой группы в кельнских, трирских и других газетах. Поэтому нам остается упомянуть здесь лишь самое необходимое.

Вестфальский социализм обитает в районе Билефельда, в Тевтобургском лесу. В газетах появились в свое время таинственные намеки на мистический характер его наиболее ранней эпохи. Но вскоре он вышел из стадии туманности; в первом номере «*Westphälisches Dampfboot*» * он раскрылся и явил изумленному взору сонм сверкающих звезд. Мы находимся на севере от экватора, и, как гласит старинный стих:

На севере видны и *Овен*, и *Телец*,
Рак, *Близнецы* и *Лев*, над *Девой* венец.

Существование «*Дев*» было уже давно констатировано «хорошей прессой»; «*Лев*» был тот же самый херуск Герман, который, вскоре после того как раскрылась вестфальская туманность, покинул своих милых друзей и отныне в качестве народного трибуна * потрясает из Америки своей белокурой гривой. Вскоре после этого за ним «из-за злосчастных превратностей судьбы» последовал Рак, благодаря чему вестфальский социализм хотя и овдовел, но все же продолжал свою деятельность. Из Близнецов один также отправился в Америку, чтобы основать там колонию; пока он там пропадал, другой изобрел «народное хозяйство в его грядущей форме» * (ср. Люнинг, «*Dies Buch gehört dem Volke*», второй год издания). Но все эти различные фигуры относительно незначительны. Средоточием всей группы являются Овен и Телец, эти истинно вестфальские светила, под охраной которых «*Westphälisches Dampfboot*» уверенно рассекает волны.

«*Westphälisches Dampfboot*» долгое время придерживался *mode simple*¹ «истинного социализма». «Часа не проходило в течение ночи», когда бы он не проливал горьких слез по поводу бедствий страждущего человечества. Он проповедовал евангелие человека, истинного человека, истинного, настоящего человека, истинного, настоящего, живого человека, — он проповедовал изо всех сил, но силы-то у него были не очень велики.

¹ — простого вида. *Ред.*

У него было мягкое сердце, и рисовую кашу с молоком он любил больше, чем испанский перец. Поэтому его критика носила очень добродушный характер, и он охотно присоединился к таким же, как и он, милосердным, любвеобильным рецензентам, а не к недавно вошедшей в употребление бессердечной, холодной резкости суждений. У него было покладистое и не очень-то отважное сердце и потому даже бесчувственное «Святое семейство» было пощажено им. С величайшей добросовестностью сообщал он о различных фазах деятельности билефельдских, мюнстерских и других местных союзов, пекущихся о возвышении трудящихся классов. Величайшее внимание было уделено важным событиям в билефельдском музее. А для того, чтобы вестфальский бюргер и поселянин знали, что делается на свете, для этого в конце каждого номера, в ежемесячном обзоре «мировых происшествий», восхвалялись *те же* либералы, которые подвергались нападкам в остальных статьях того же номера. Заодно вестфальскому бюргеру и поселянину сообщалось также, что разрешилась от бремени королева Виктория, что в Египте свирепствует чума и что русские проиграли сражение на Кавказе.

Ясно, что «Westphälisches Dampfboot» был журналом, который вполне мог рассчитывать на благодарность всех благомыслящих людей и на безмерную похвалу господина Фр. Шнаке в «Gesellschaftsspiegel» *. Телец, самодовольно улыбаясь, редактировал на болотистом пастбище «истинного социализма». Хотя цензор и урезывал его подчас, все же ему никогда не приходилось вздыхать: «это было лучшее место»; вестфальский телец был упряжным животным, а не племенным. Даже «Der Rheinische Beobachter» * никогда не посмел упрекнуть в покушении на нравственность ни «Westphälisches Dampfboot» вообще, ни д-ра Отто Люнинга в частности. Словом, можно было полагать, что «Dampfboot», который, с тех пор как ему был закрыт Везер *, плавает лишь по мифической, перенесенной в мир звезд, реке Эридан (ибо близ Билефельда нет других рек), что этот «Dampfboot» достиг высшей меры человеческого совершенства.

Но, несмотря на все свои усилия, «Dampfboot» развил доныне лишь простейшую фазу «истинного социализма». К лету 1846 г. он вышел из-под знака Тельца и приблизился к знаку Овна или, скорее, — говоря с большей исторической точностью, — Овен приблизился к нему. Овен был человеком много путешествовавшим и в полном смысле слова был на высоте своего века. Он объяснил Тельцу, как, собственно, обстоят те-

перь дела на свете, что «действительные отношения» теперь самое главное и что потому необходимо сделать новый поворот. Телец вполне с ним согласился, и с этой минуты «Westphälisches Dampfboot» представляет собой еще более возвышающее зрелище: он являет собою *mode composé*¹ «истинного социализма».

«Овен и Телец» считали, что наилучший способ осуществить этот грациозный поворот — напечатать нашу критику нью-йоркского «Volks-Tribun» *, посланную нами этой газете в рукописи и принятую ею. «Dampfboot», который теперь не постеснялся напасть на своего собственного Льва, находящегося далеко в Америке (*mode composé* «истинного социализма» проявляет гораздо больше смелости, чем его *mode simple*), впрочем, был настолько хитер, что присоединил к вышеупомянутой критике следующее человеколюбивое замечание: «Если кто-нибудь увидит в данном произведении *самокритику*» (!!) «Dampfboot», то мы ничего не будем иметь против этого.

Таким образом, *mode composé* «истинного социализма» достаточно подготовлен, и теперь он во весь опор, галопом мчится вперед по новому пути. Овен, от природы воинственное существо, не может успокоиться на существовавшей до сих пор добродушной критике; нового барана-вожака вестфальского овечьего стада охватывает воинственный пыл, и, прежде чем его робкие товарищи успевают его удержать, он, наклонив рога, бросается на д-ра Георга Ширгеса в Гамбурге. Раньше д-р Ширгес не был на таком плохом счету у кормчих «Dampfboot», но теперь положение изменилось. Бедный д-р Ширгес представляет *mode simplicissimus*² «истинного социализма», и *mode composé*, хотя сам еще совсем недавно был весьма простодушен, не может этого ему простить. Поэтому в сентябрьском номере «Dampfboot» от 1846 г. на стр. 409—414 Овен беспощадно пробивает брешь в стенах его «Werkstatt» *. Насладимся на мгновение этим зрелищем. Несколько «истинных социалистов» и *soi disant*³ коммунистов, кое-как познакомившись с блестящими сатирами Фурье на буржуазные условия жизни, перевели их на язык немецкой бюргерской морали. При этом они открыли известную уже просветителям и баснописцам прошлого столетия теорию о несчастье богатых, что и дало им материал для неисчерпаемых нравоучительных тирад. Д-р Георг Ширгес, еще недостаточно посвященный в таинства истин-

¹ — сложный вид. *Ред.*

² — простейший вид. *Ред.*

³ — так называемых. *Ред.*

ной доктрины, отнюдь не придерживается того мнения, что «богатые так же несчастны, как и бедные». Вестфальский бараножок за это сердито бьет его рогом, как этого и заслуживает человек, которого «выигрыш в лотерее... мог бы сделать самым счастливым и довольным в мире человеком».

Да, восклицает наш стоический Овен, «вопреки г-ну Ширгесу, все же верно, что обладания имуществом еще недостаточно, чтобы сделать людей счастливыми, что наши богачи в весьма большой своей части... отнюдь не считают себя счастливыми». (Ты прав, честный Овен, здоровье — благо, которое нельзя сравнить ни с каким количеством золота.) «Если богат и не страдает от голода и холода, то ведь есть еще и другие беды» (например, венерические болезни, длительная дождливая погода, а в Германии, между прочим, и угрызения совести), «давления которых он не может избежать». (Действительно, от смерти не спасет никакое зелье.) «Если заглянуть во внутреннюю жизнь большинства семейств... то все в них — сплошная гниль... Муж целиком погружен в биржевые и торговые дела» (*beatus ille qui procul negotiis* * — удивительно, как у бедняги еще остается время для того, чтобы произвести на свет несколько детей)... «унижен до положения раба денег» (бедняга!), «жена воспитана для роли бессодержательной» (за исключением того времени, когда она беременна), «пустой салонной дамы или хорошей хозяйки, которая интересуется только стиркой и уходом за детьми» (говорит ли Овен все еще о «богатых»?) «и в лучшем случае интересуется только сплетнями» (ясно, что мы всё еще находимся исключительно на немецкой почве, где «хорошая хозяйка» имеет прекрасную возможность посвятить себя тому, чем «она интересуется», — достаточное основание, чтобы быть крайне «несчастной»); «при этом оба нередко находятся в состоянии непрерывной войны друг с другом... даже связь между родителями и детьми часто разрывается благодаря социальным отношениям» и т. д. и т. д.

О величайшем страдании наш автор забыл. Каждый «богатый» немецкий отец семейства мог бы ему сказать, что супружеские ссоры со временем становятся потребностью, что испорченных детей можно отослать в Батавию и забыть о них, но что вероватая и непослушная прислуга представляет собой теперь невыносимое и, при все более распространяющейся деморализации мужчин и женщин из простого народа, почти неизбежное «зло».

Если бы господа Ротшильд, Фюльширон и Деказ в Париже, Самюэл Джонс Ллойд, Беринг и лорд Вестминстер в Лондоне прочитали это описание горестей «богатых», как бы они почувствовали добродушному вестфальскому Овну!

...«Однако, обнаруживая при этом» (как это было сделано выше), «что давление наших отношений» (а именно — давление атмосферы в 15 фунтов на квадратный дюйм) «тяготеет также и на богатом, хотя и не так сильно, как на бедном, мы получили тот результат, который вообще получается из описания наших отношений и порядков: разъяснение для каждого, кто хочет с этим познакомиться». (Пожалуй, при *mode composé* «истинного социализма» еще меньше «получается», чем при *mode simple*.)

«Недовольство богатых, *разумеется*, не приведет к перевороту в пользу пролетариев, для этого нужны более мощные пружины» (а именно: *журналистские перья*¹); «*также* ничего не достигнешь и словами: «Обнимитесь, миллионы! Мир, лобзание тебе», но одинаковым образом не стóит возиться и с затыканием дыр и мелкими паллиативными средствами» (скажем, попытками примирения в вышеописанном несчастном домашнем хозяйстве) «и из-за этого совершенно забывать крупное — настоящие реформы» (по-видимому, речь идет о разводе).

Сопоставление вышесказанного «разумеется» со следующим за ним «также» и «но одинаковым образом не стóит» дает, «разумеется», прискорбный пример путаницы, которая создается в голове вестфальца в результате перехода от простого «истинного социализма» к сложному; наше огорчение «также» не уменьшится, когда мы прочтем на следующей странице (413), что «в политически развитых странах... существует *состояние*, не знающее никаких ограничений», «но одинаковым образом» это не говорит в пользу исторических знаний вестфальского социализма, когда на той же странице говорится: «*эгоизм*... в самый блестящий период революции, во время Конвента, *нередко* даже подвергался наказанию», — вероятно, палочными ударами. Тем не менее «мы не имеем никакого основания ожидать лучших результатов от дальнейшей деятельности «нашего Овна» и потому, вероятно, мы не скоро к нему вернемся».

Посмотрим лучше, что делает Телец. Он в это время занят «мировыми событиями», ставит на стр. 421 (сентябрьский номер 1846 г.) «только такие вопросы, которые ставить необходимо», и стремглав бросается в ту политику, которой, вслед за «Charivari», г-н Гизо дал прозвище — «большая политика». И тут прогресс очевиден по сравнению с ранним периодом простого социализма. Приведем несколько примеров.

В Вестфалию проник слух, что под давлением денежных затруднений, в которых находится прусское правительство, оно легко может быть вынуждено октроировать конституцию. Одновременно газеты сообщают о денежных затруднениях, царящих на берлинской бирже. Наш вестфальский упряжной телец, не будучи силен в политической экономии, tout bonnement² отождествляет денежные затруднения берлинского *правительства* с совершенно иными денежными затруднениями берлинских *коммерсантов* и развивает следующую глубокомысленную гипотезу:

«...может быть, еще в этом году провинциальные сословные представительства будут соединены в общегосударственное сословное представи-

¹ Игра слов: «Triebfeder» — «пружина», «schreibfeder» — «перо». *Ред.*

² — простодушно. *Ред.*

тельство. *Ибо денежные затруднения все те же, и банк, видимо, не может их устранить. И может быть даже, что начатые и запроектированные постройки железных дорог подвергнутся серьезной опасности из-за денежных затруднений, и в таком случае государство легко»* (о, sancta simplicitas!¹) «могло бы взять на себя постройку отдельных линий» (чрезвычайно остроумно), «что опять-таки было бы невозможно без займа».

Последнее вполне правильно. В простодушной Вестфалии люди все еще верят, что они живут под началом патриархального правительства. По мнению даже нашего крайнего социалиста *mode composé*, прусское правительство так наивно, что даст конституцию только для того, чтобы при помощи внешнего займа вывести из затруднения берлинскую биржу. Счастливая слепая вера!

Но тонкое обоняние нашего вестфальского упрямого тельца находит свое наиболее утонченное проявление в его замечаниях, касающихся внешней политики. Несколько месяцев назад *mode composé* «истинного социализма» пронюхал следующие новые парижские и лондонские тайны, которые мы сообщим для увеселения читателя:

Сентябрьский номер.

«Франция. — Министерство вышло победителем из выборной кампании, как и следовало ожидать» (когда же вообще вестфалец ожидал «чего-нибудь другого», чем то, что «следовало ожидать»?); «Пусть даже оно пустило в ход все рычаги подкупа, пусть повлияло покушение Анри... во всяком случае, старая оппозиция (Тьер, Барро) потерпела значительное поражение. Но и г-н Гизо не сможет больше рассчитывать на такую компактную консервативную, *quand même*² голосующую за министерство партию, *потому что* и консервативная партия распалась на две части: на *conservateurs bornés*³ с органами «Débats» и «Époque» и на *conservateurs progressifs*⁴, органом которых является «Presse». (Телец забывает только, что г-н Гизо сам *первый* в своей речи к избирателям Лизьё воспользовался выражением «прогрессивный консерватизм».) «Вообще» (здесь, «как и следовало ожидать», опять начинается уже отмеченная выше у Овна странная бессвязность), «абстрактно-политические партийные вопросы, которые вертелись только вокруг того, должен ли быть министром Тьер или Гизо» (это называется в Вестфалии «абстрактно-политическими партийными вопросами», — там все еще думают, что до сих пор во Франции все «вертелось только вокруг этого!»), «несколько отодвинуты на задний план. Политикоэкономы — Бланки... — избраны в палату, и в связи с этим там, пожалуй» (для просвещения вестфальцев), «будут стоять в порядке дня и политико-экономические вопросы» (вот каково в Вестфалии представление о «вопросах», которые там до сих пор стояли «в порядке дня!»). Стр. 426, 427.

¹ — о, святая простота! *Ред.*

² — несмотря ни на что. *Ред.*

³ — ограниченных консерваторов. *Ред.*

⁴ — прогрессивных консерваторов. *Ред.*

Вопрос: Почему английская аристократия настаивает на телесных наказаниях для солдат? Ответ:

«Если будут упразднены телесные наказания, придется установить новую систему набора солдат, а *если будут лучшие солдаты*, нужно будет иметь также и *лучших офицеров* (!!), достигших этого звания благодаря своим заслугам, а не благодаря деньгам или покровительству. Аристократия именно потому против «отмены телесных наказаний», что с этой отменой она теряет новый оплот — обеспечение своих «младших сыновей». Но средний класс шаг за шагом преследует свои преимущества и одержит и здесь победу».

(Что за небылицы! Походы англичан в Индию, Афганистан и т. д. доказывают, что им в данное время не «нужны лучшие офицеры», а английский средний класс не хочет ни лучших офицеров, ни лучших солдат, ни другой системы рекрутского набора и его вовсе не интересует вопрос об отмене плетки. Но все дело в том, что «Dampfboot» видит с некоторого времени в Англии только борьбу среднего класса с аристократией.)
Стр. 428.

Октябрьский номер.

Франция. — «Г-н Тьер потерял принадлежавший ему много лет орган «Constitutionnel»; газета куплена одним консервативным депутатом и теперь медленно и незаметно» (конечно, «заметно» только для *mode composé* «истинного социализма») «переходит в консервативный лагерь. Г-н Тьер давно угрожал, что, если ему станет нестерпимо, он снова возьмется за свое старое перо в «National», и он, по-видимому, действительно купил теперь «National»».

(К сожалению, «National 1830 г.» был конституционалистским и орлеанистским, т. е. совсем другим, чем республиканский «National 1834 г.», который г-н Тьер, «по-видимому, действительно купил» anno¹ 1846. Впрочем, «Dampfboot» стал жертвой безответственной, мошеннической проделки. Какой-то бессовестный негодяй и враг благих начинаний подсунил редактору несколько номеров «Corsaire-Satan», и вот «Dampfboot», как некий оракул, повторяет *bona fide*² слухи, фигурирующие в этой ни в коем случае не подходящей в моральном отношении для вестфальского читателя газете. Не мог же «Dampfboot» сомневаться в том, что «Corsaire-Satan» имел, по крайней мере, такое же нравственное достоинство и был проникнут таким же сознанием высокого призвания печати, как и он сам!)

¹ — в году. *Ред.*

² — чистосердечно. *Ред.*

«Перешел ли г-н Тьер, сделав этот шаг, к республиканцам, будет видно впоследствии».

Честный херуск *, это словечко «ли» ты взял не из «Corsaire»; *cela sent la forêt teutoburgienne d'une lieue!*¹ — Зато он, доверяя «Corsaire», отстаивающему свободу торговли, склоняется к тому, чтобы агитации за *libre échange*² во Франции приписывать такое значение и успех, которых эта агитация вовсе не имеет.

«Наши предсказания, что все промышленные страны должны будут пойти по тому же пути и должны будут достигнуть тех же целей, что и Англия... по-видимому, не совсем уж неправильны, так как они теперь осуществляются. И мы, «непрактичные теоретики», по-видимому, так же хорошо знаем *действительные отношения* (ура!), «как и «практичные люди», которые так гордятся своим опытом, своим знакомством с практическими условиями, и мы даже лучше «практичных людей» расцениваем эти отношения».

Несчастные тевтобургские «теоретики»! Вы даже не «знаете» «действительных отношений» «Corsaire-Satan»! (Эти милые вещицы находятся на стр. 479.)

Ноябрьский номер.

Франция. — «Напрасно ученые ломают себе голову над вопросом, откуда происходят эти так часто повторяющиеся наводнения. Прежде *по приказу Академии* вырубались шумящие леса на горах как *причина зла*, потом эти леса снова насаждались, а зло оставалось в силе» (стр. 522).

«Напрасно» стали бы «ученые ломать себе голову» над тем, что является здесь наибольшим вздором: 1) неужели вестфалец думает, что во Франции Академия может издавать приказы, в частности приказы о рубке лесов; 2) неужели он думает, что леса вырубил не ради дров и прибыли, а из-за наводнений; 3) неужели он думает, что ученые ломают себе голову над причинами этих наводнений; 4) неужели он думает, что *леса* когда-либо считались причиной наводнений, в то время как во Франции каждый ребенок знает, что именно *истребление лесов* является их причиной, и 5) неужели он думает, что леса во Франции снова насаждаются, — между тем нигде, как во Франции, так не жалуются на небрежное отношение к лесам, на все усиливающееся истребление лесов, при котором не заботятся об их воспроизведении (ср., кроме специальных журналов, «Réforme», «National», «Démocratie pacifique» и другие оппозици-

¹ — от него на милю разит Тевтобургским лесом! *Ред.*

² — свободу торговли. *Ред.*

онные газеты за октябрь и ноябрь 1846 г.). Вестфальскому Тельцу не везет во всех отношениях. Если он слушается «Sog-saige-Satani», — то он запутывается; если же он слушается своего собственного гения, — то он также запутывается.

«Истинный социализм» в своей второй степени совершил, как мы видели, великие подвиги на поприще высокой политики. Какая проницательность, какое глубокомыслие по сравнению с прежними отчетами о «мировых событиях»! Какое основательное знание «действительных отношений»! Но самым важным «действительным отношением» для «Dampfboot» является положение королевских прусских офицеров. Лейтенант Аннеке, который с некоторого времени не сходит со страниц немецкой периодической печати; важный спор в билефельдском музее по поводу ношения шпаги; возникающие из-за этого судебные процессы об оскорблении чести и т. д. составляют главное содержание октябрьского и ноябрьского номеров. Мы получаем также интересные сообщения о неосуществившемся издании «Deutsche Zeitung», о погибшем в XVII столетии французском королевстве нищих, описанном Монтеем, и о других столь же «действительных» отношениях. В промежутках время от времени мелькает то тут, то там знак умножения *, который полностью представляет еще *mode simple* «истинного социализма» и с величайшим простодушием нагромождает все свои лозунги: немецкая теория и французская практика должны объединиться; коммунизм должен быть проведен в жизнь для того, чтобы мог быть проведен в жизнь гуманизм (стр. 455—458), — и т. д. Время от времени у Овна или у самого Тельца прорываются подобные отголоски прошлого, но это, однако, несколько не нарушает божественной гармонии «действительных отношений».

Оставим теперь главную часть вестфальской армии для того, чтобы проследить за маневрами отделившегося от нее отряда, окопавшегося в благословенном Вуппертале под юбкой некоей массивной Немезиды *. С давних пор некий господин Фр. Шнаке в роли Персея держал перед публикой в виде щита Горгоны «Gesellschaftsspiegel» — и притом с таким успехом, что не только публика заснула над «Gesellschaftsspiegel», но и «Gesellschaftsspiegel» заснул над публикой. Но наш Персей оказался шутником. Достигнув этого завидного результата, он сообщает (последний номер, последняя страница): 1) что «Gesellschaftsspiegel» опочил, 2) что, во избежание в будущем запаздываний, лучше всего его получать *по почте*. Так он и скончался, исправляя свои последние опечатки.

Уже это внимание к «действительным отношениям» показывает, что мы и здесь имеем дело с *mode composé* «истинного социализма». Все же Овен и Телец существенно отличаются от нашего Персея. Надо отдать справедливость Овну и Тельцу, что они по возможности остаются верны «действительным отношениям», т. е. отношениям Вестфалии и вообще Германии. Доказательство — приведенная выше душераздирающая сцена с Овном. Доказательство — прочувствованные описания немецкой политической жизни, которые дает Телец и которые нам пришлось опустить. При переходе на новую точку зрения они захватили с собой из *mode simple* простое, неподкрашенное мешанство, немецкую действительность. Что же касается ратования за человека, за немецкую теорию и т. д., то это предоставляется всяким знакам умножения и другим второстепенным звездам. С «Gesellschaftsspiegel» происходит как раз обратное. Здесь военачальник Персей по возможности отстраняется от мелкобуржуазной действительности, использование которой он предоставляет своей свите, а сам, следуя мифу, поднимается в эфир немецкой теории. Он тем более может проявить некоторое пренебрежение к «действительным отношениям», что стоит на гораздо более определенной точке зрения. Если непосредственно вестфальские звезды представляют *mode composé*, то Персей — *tout ce qu'il y a de plus composé en Allemagne*¹. В своем отважнейшем идеологическом полете он, однако, всегда стоит на «материальном базисе», и эта прочная подоснова придает ему в борьбе такую храбрость, что о ней еще много лет будут помнить господа Гуцков, Штейнман, Опизц и другие выдающиеся личности. Но «материальный базис» нашего Персея состоит главным образом в следующем*:

1) «Только с упразднением *материального базиса* нашего общества, частной наживы, человек тоже становится другим» (номер X, стр. 53).

Если бы только *mode simple*, так часто высказывавший эту стародавнюю мысль, знал, что частная нажива является материальным базисом нашего общества, то он превратился бы в *mode composé* и под ауспигиями нашего Персея вел бы в полном благочестии и благопристойности спокойную и смиренную жизнь. Но так как он сам не имел никакого материального базиса, то с ним совершилось то, что написано у пророка Гёте:

И если *зада* не дано*, —
На что же сядет рыцарь?

¹ наиболее сложное из всего, что есть в Германии. *Ред.*

Насколько «материален» этот базис, частная нажива, видно, между прочим, из следующего:

«Эгоизм, частная нажива» (которые, таким образом, тождественны; следовательно, «эгоизм» — тоже «материальный базис») «разлагает мир принципом: каждый за себя» и т. д. (стр. 53).

Стало быть, это — «материальный базис», который «разлагает» не «материальными» фактами, а идеальными «принципами». — Нищета, как известно (если это еще неизвестно, то Персей в вышеуказанном месте сам это разъясняет), тоже является одной из сторон «нашего общества». Но, как мы узнаём, не «материальный базис, частная нажива», а, au contraire¹,

«трансцендентность повергла человечество в нищету» (стр. 54 — все три цитаты взяты из одной и той же статьи).

Пусть же, в таком случае, «трансцендентность» поскорее освободит несчастного Персея «из нищеты, в которую» его «поверг» «материальный базис».

2) «Настоящую массу приводит в движение не идея, а «правильно понятый интерес»... В социальной революции... эгоизму консервативной партии противопоставляется *более благородный* эгоизм жаждущего спасения» (!! «народа» («жаждущий спасения» народ, который делает революцию!)... «народ борется именно за свой «правильно понятый интерес» против исключительного, грубого интереса частных лиц, опираясь на *нравственную* силу и неутомимое рвение» (номер XII, стр. 86).

«Правильно понятый интерес» нашего «жаждущего спасения» Персея, который, без сомнения, «опирается на нравственную силу и неутомимое рвение», заключается в том, чтобы «эгоизму консервативной партии противопоставить более благородный эгоизм» молчания, потому что он «ни *одной* идеи не приводит в движение» без того, чтобы не компрометировать при этом *mode composé* «истинного социализма».

3) «Бедность — одно из последствий собственности, которая является частной собственностью и которая по своей природе имеет исключаяющий характер!!» (XII, 79).

4) «*Какие ассоциации здесь имеются в виду, нельзя определить; но если автор имеет в виду эгоистические ассоциации капиталистов, то, значит, он забыл о важных ассоциациях ремесленников против произвола работодателей!!*» (XII, 80).

Персей счастливее. Какой вздор он хотел нагородить — «нельзя определить», но если он «имел в виду» только стили-

¹ — наоборот. *Ред.*

стический вздор, то он нисколько не «забыл» и не менее «важный» вздор — логический. По поводу ассоциаций мы упомянем еще, что на стр. 84 нам дается разъяснение относительно «ассоциаций в *собственном смысле*, которые поднимают сознание пролетариев и создают энергичную (!) пролетарскую (!!) совместную (!!!) оппозицию против существующих условий».

Мы уже отметили выше *, говоря о господине Грюне, привычку «истинных социалистов» присваивать себе непонятные рассуждения посредством заучивания наизусть отдельных фраз и лозунгов. Mode composé отличается от mode simple только бóльшим количеством этих дошедших до него окольными путями и потому наспех проглоченных, непереваренных кусков и вызванной у него, в силу этого, отчаянной резью в желудке. Мы видели, как у вестфальца при каждом слове срываются с языка «действительные отношения», «политико-экономические вопросы» и т. д., как бесстрашный Персей оперирует «материальным базисом», «правильно понятым интересом», «пролетарской оппозицией». Этот последний рыцарь Зеркала, кроме того, ввел у себя в употребление «феодализм денег», который, однако, лучше было бы предоставить его автору — Фурье. Он так мало задумывается над данным термином, что в XII номере, стр. 78, утверждает, что этот феодализм «создает вместо феодальной аристократии только имущественную аристократию», откуда следует, 1) что «феодализм денег», т. е. «имущественная аристократия», *сам себя «создает»* и 2) что «феодальная аристократия» не была «имущественной аристократией». Затем он утверждает на стр. 79, что «феодализм денег» (т. е. банкиров, — феодализм, вассалами которого являются *мелкие капиталисты и промышленники*, если продолжать пользоваться образными выражениями) и феодализм «промышленности» (вассалами которого являются *пролетарии*) «едино» суть.

К «материальному базису» непринужденно присоединяется еще следующее благочестивое пожелание рыцаря Зеркала (пожелание, которое напоминает радостную надежду вестфальца на то, что французская палата депутатов прочтет для их, теобуржцев, поучения курс лекций по политической экономии):

«Но мы должны заметить, что из присланных нам номеров «*Volks-Tribun*» (нью-Йоркского) мы до сих пор почти ничего не узнали... о *торговле и промышленности* Америки... Отсутствие *поучительных* сообщений о промышленных и политико-экономических условиях Америки, из которых *все же* (неужели?) «всегда исходит социальная реформа» и т. д. (X, стр. 56).

«Volks-Tribun», газета, которая хочет непосредственно вести в Америке популярную пропаганду, осуждается, следовательно, не потому, что превратно начинает свое дело, а потому, что не снабжает «Gesellschaftsspiegel» «поучительными сообщениями» о вещах, с которыми в том виде, как это здесь требуется, он не имеет ровно ничего общего. С тех пор как Персей открыл «материальный базис», с которым он не знает что делать, он требует от каждого разъяснений по этому поводу.

Кроме того, Персей рассказывает нам еще, что конкуренция разоряет мелкий средний класс, что

«роскошь в одежде... сшитой из *тяжелых* материй... очень обременительна» (XII, стр. 83. — Персей, вероятно, думает, что атласное платье весит столько же, сколько кольчуга) — и прочее в этом роде.

А для того, чтобы у читателя не оставалось сомнения в том, что является «материальным базисом» представлений нашего Персея, в номере X, стр. 53, говорится:

«Господину Гуцкову следовало бы сначала познакомиться с *немецкой общественной наукой*, и тогда его не смущали бы воспоминания о *запретном французском коммунизме*, Бабефе, Кабе...»,

и на стр. 52:

«*немецкий коммунизм* хочет изобразить такое общество, в котором *труд и наслаждение тождественны* и уже не отделены друг от друга *внешним вознаграждением*».

Мы видели выше, в чем заключается «немецкая общественная наука», а также и подлежащее «изображению» общество; при этом мы очутились отнюдь не в самом лучшем обществе.

Что касается соратников рыцаря Зеркала, то в них нашло свое «изображение» чрезвычайно скучное «общество». Одно время они взяли на себя роль провидения для немецкого бюргера и поселянина. Ни один кровельщик не упал с крыши, ни один ребенок не упал в воду — без ведома и помимо желания «Gesellschaftsspiegel». К счастью для «Dorfzeitung», которой эта конкуренция становилась опасной, братство Зеркала вскоре прекратило эту утомительную деятельность: один за другим члены братства заснули от изнеможения. Напрасно были приложены все средства, чтобы их растормошить, чтобы влить в журнал новые силы; действие щита Горгоны — его способность превращать в камень — сказалось и на сотрудниках; кончилось дело тем, что наш Персей со своим щитом и своим «материальным базисом» оказался одиноким — «один среди трупов с любящей душой» *; невозможная талия массивной Немезиды пре-

вратилась в развалины, и «Gesellschaftsspiegel» прекратил свое существование.

Мир праху его! А мы тем временем сделаем поворот и по-ищем по соседству в северном полушарии другое, более светлое созвездие. Нам навстречу сверкает своим сияющим хвостом *Ursa Major*¹, *большой медведь*, или медвежий майор Пютман, по прозвищу Семизвездие, потому что он всегда выступает в числе семерых, чтобы заполнить требуемые двадцать листов *. Отважный вояка! Ему надоело стоять на четырех ногах на небесной карте, и вот он, наконец, встал на задние лапы и вооружился, как сказано: облекитесь в мундир характера и перевяжите убеждений, водрузите на плечах эполеты высокопарности, возложите треуголку одушевления и украсьте Вашу мужественную грудь орденом самопожертвования третьего разряда, опяйтесь клинком ненависти к тиранам и обуяйте ноги в готовность вести пропаганду с возможно меньшими издержками производства. В столь живописном одеянии выступает наш майор перед своим батальоном, обнажает шпагу, командует: смирно! — и держит следующую речь:

Соядаты! С высоты издательской витрины смотрят на нас сорок луидоров! Оглянитесь вокруг, героические защитники «всеобъемлющей общественной реформы», видите ли Вы солнце? Это — солнце Аустерлица, которое предвещает нам победу, солдаты!

«Бесстрашие и решимость выстоять до конца мы черпаем в сознании того, что мы боремся только за *бедных* и *обездоленных*, за *обманутых* и *отчаявшихся*. Ничего нет *половинчатого* в том, что мы защищаем, ничего *неясного*» (имеется, скорее, нечто целиком и полностью путаное) «в том, чего мы хотим, и потому мы непоколебимы и, несмотря ни на что, навсегда верны *народу*, *угнетенному народу*» («*Rheinische Jahrbücher*», т. II, Предисловие).

На плечо! — Смирно! — На караул! — Да здравствует новый общественный строй, который мы исправили по Бабёфу в четырнадцати главах и в 63 пунктах полевого устава!

«В конце концов совершенно, разумеется, безразлично, будет ли так, как мы предполагаем, но все же будет иначе, чем думает враг, иначе, чем было до сих пор! Все подлые установления, своими гнусными делами способствовавшие в течение столетий гибели народов и людей, погибнут!» («*Rheinische Jahrbücher*», II, стр. 240).

Черт подери! Смирно! — На руку! Налево кругом! К ноге! Барабан! Вперед! — Но медведь по своей натуре — истинно германское животное. Вызвав этой речью всеобщее бурное ура

¹ — Большая Медведица. *Ред.*

и совершив, таким образом, одно из отважнейших деяний нашего века, он располагает по-домашнему и дает простор своему мягкому, любвеобильному сердцу в протяжной нежной элегии о «лицемерии» («Rheinische Jahrbücher», II, стр. 129—149). В наше прогнившее, насквозь изъеденное червоточиной своекорыстия время есть — увы! — индивиды, в груди у которых не бьется горячее сердце, глаза которых никогда не туманит слеза сочувствия, в пустом черепе которых еще ни разу не блеснула ослепительная молния лучезарного человеческого воодушевления. О читатель! Если Ты увидишь такого человека, то дай ему прочесть «Лицемерие» большого медведя, и он будет рыдать, рыдать, рыдать! Он увидит, как он беден, ничтожен и гол, ибо, будь он теолог, юрист, медик, государственный деятель, купец, метельщик или привратник, — он найдет здесь для каждого условия особое раскрытие особого, свойственного данному словию лицемерия. Здесь он увидит, как лицемерие гнездится повсюду, увидит, в особенности, «каким тяжелым проклятием является лицемерие юристов». Если это не приведет его к покаению и исправлению, то он не заслужил того, что родился в век большого медведя. Действительно, надо быть честным, «безыскусным», как говорят англичане, *медведем*, чтобы так чутко на каждом шагу лицемерие злонравного света. Куда бы ни повернулся большой медведь, повсюду он натывается на лицемерие. С ним дело обстоит, как с его предшественником в «Парке Лили» *:

Но ах! Вот я на перекрестке
И отовсюду слышу смех
И вижу мишуру и блески.
Я убегаю ото всех,
Я не хочу,
Ворчу, —
Но снова я на перекрестке
И вновь гляжу вокруг,
Ворчу и вдруг
Повертываю с перекрестка вспять
И возвращаюсь, наконец, опять.

Вполне естественно, ибо как избежать лицемерия в нашем до основания испорченном обществе! Но это грустно!

«Каждый может быть *medisant, süffisant, perfid, maliziös*¹ и всем, чем угодно, потому что найдена *подоблющая* форма» (стр. 145).

Можно положительно прийти в отчаяние, в особенности, если быть *Ursa Major*!

¹ — злословным, гордым, вероломным, коварным. *Ред.*

«Увы! Осквернена ложью также и семья... нить лжи проходит через семью и передается по наследству из поколения в поколение».

И горе, трижды горе, главам семей в немецком отечестве!

Он сразу бесноваться начинает,
Могучий дух сквозь ноздри излетает,
Натура дикая видна —

и Ursa Major опять становится на задние лапы:

«Будь проклято, себялюбие! В каком страшном виде витаешь ты над головами людей! С твоими черными крылами, с пронзительным карканьем... Проклятие себялюбю!.. Миллионы и миллионы бедных рабов... плачущих и рыдающих, жалующихся и сетующих... Проклятие себялюбю!.. Проклятие себялюбю!.. Шайка жрецов Ваала... Чумное дыхание!.. Проклятие себялюбю!.. Чудовище себялюбия...» (стр. 146—148).

К работе непривычен,
Скребу загылок жесткий мой.
Любое дерево смеется надо мной!
Я жалуясь лужайке для крикета
С кокетливо подстриженной травой;
Но букс мне кажет нос в ответ на это.

Вконец измученный, ложусь туда, где бьют
Искусственные водопады.
Лежу я полумертв, стенаю, слезы лью,
Но слышат жалобу мою
Лишь гипсовые Ореады!

Но величайшее «лицемерие» всей этой иеремиады заключается в том, чтобы выдавать подобные словоизвержения, склеенные из плоских беллетристических фраз и романических воспоминаний, за описание «лицемерия» современного общества и делать вид, что яростно возмущаешься, в интересах страждущего человечества, по поводу этого пугала.

Кто сколько-нибудь знаком с небесной картой, тот знает, что Ursa Major поддерживает там задушевный разговор с индивидуумом весьма скучным по внешности, который ведет на привязи несколько борзых и называется «Волопас». Этот разговор воспроизводится на звездном небе «истинного социализма» на странице 241—256 «Rheinische Jahrbücher», т. II. Роль Волопаса берет на себя тот самый господин Земмиг, о статье которого «Социализм, коммунизм, гуманизм» уже говорилось выше. Обращаясь к нему, мы оказываемся в *саксонской группе*, важнейшим светилом которой он является, почему он и написал томик о «саксонских делах». Относительно этого томика Ursa Major в приведенном нами месте издает доброжела-

тельное ворчание и «с могучим удовлетворением» приводит оттуда целые страницы. Этих цитат достаточно, чтобы охарактеризовать всю книжку, и это тем более кстати, что за границей сочинений Волопаса достать нельзя.

Хотя Волопас в «саксонских делах» снисходит с высоты своей спекуляции к «действительным отношениям», все же он, со всей своей саксонской группой, так же, как и *Ursa Major*, принадлежит душой и телом к *mode simple* «истинного социализма». Вообще, *mode composé* исчерпывается вестфальцами и братством Зеркала, в частности Овном, Тельцом и Персеем. Саксонская и все другие группы представляют собой поэтому лишь дальнейшее развитие уже охарактеризованного выше *простого* «истинного социализма»

Волопас, как бюргер и как человек, дающий нам описания немецко-конституционного образцового государства, прежде всего напускает одну из своих борзых на *либералов*. Этой кипучей филиппикой нам незачем заниматься, так как все подобные тирады «истинных социалистов» не что иное, как плоская *переделка на немецкий лад* критики того же предмета французскими социалистами. С Волопасом дело обстоит точно так же, как с капиталистами; он владеет, употребляя его собственные слова, «продуктами, которые произведены рабочими» Франции и их литературными представителями, владеет «в силу *слепого наследования* чужих капиталов» («*Rheinische Jahrbücher*», II, стр. 256). Он даже не переделал этих продуктов на немецкий лад, потому что это было уже сделано до него другими (ср. «*Deutsches Bürgerbuch*», «*Rheinische Jahrbücher*», I и т. д.). Он только приумножил это «слепое наследование» несколькими проявлениями не просто немецкой, но специально *саксонской* «слепоты». Так, он считает (там же, стр. 243), что либералы высказываются за «публичное судопроизводство с целью использовать зал суда для своих упражнений в риторических декламациях!» Таким образом, Волопас, несмотря на свое рвение против буржуа, капиталистов и т. д., видит в либералах не столько их самих, сколько оплаченных ими прислужников, *адвокатов*.

Результат остроумных исследований нашего Волопаса относительно либерализма заслуживает внимания. Никогда еще «истинный социализм» так решительно не высказывал своей политически-реакционной тенденции.

«Но вы... пролетарии... которых эта либеральная буржуазия некогда привела в движение, склонив вас к беспорядкам (помните о 1830 г.), будьте осторожны! Не поддерживайте ее в ее стремлениях и борьбе...»

пусть она борется одна. То, что она затевает... только в ее интересах. Но прежде всего *никогда не принимайте участия в политических революциях*, всегда исходящих лишь от недовольного меньшинства, которое из властолюбия свергает господствующую власть и стремится захватить власть в свои руки!» (стр. 245, 256).

Волопас имеет законнейшее право на благодарность королевского саксонского правительства — оно может дать ему в награду по меньшей мере Rautenkronе¹. Если бы можно было допустить, что немецкий пролетариат последует его совету, то феодально-мелкобуржуазно-крестьянско-бюрократическое образцовое государство Саксонии было бы надолго в безопасности. Волопасу чудится, что то, что хорошо для Франции и Англии, где буржуазия *господствует*, должно быть хорошо и для Саксонии, где буржуазия далеко еще не господствует. Впрочем, о том, что даже в Англии и Франции пролетариат не может оставаться равнодушным к вопросам, которые прежде всего выражают, конечно, лишь какой-либо интерес буржуазии или определенной ее фракции, — об этом Волопас может ежедневно прочесть в тамошних пролетарских газетах. Такими вопросами, между прочим, в Англии являются упразднение государственной церкви, так называемое equitable adjustment² национального долга, прямые налоги; во Франции — распространение избирательных прав на мелкую буржуазию, отмена городских пошлин и т. д.

В конце концов все саксонское «хваленое свободомыслие есть пустой звук... бесплодная перебранка» — не потому, что этим ничего не будет достигнуто и буржуазия не сможет сделать ни шага вперед, а потому, что «вам», либералам, «нет никакой возможности коренным образом исцелить этим больное общество». Стр. 249. Они тем менее могут это сделать, что даже не считают общество больным.

Но довольно об этом. На стр. 248 Волопас выпускает вторую экономическую борзую.

В Лейпциге... «возникли целые *новые* части города» (Волопасу известны такие части города, которые «возникают» не как «*новые*», а с самого же начала как *старые*). «Но при этом в квартирном вопросе обнаружилась тяжёлая несоразмерность, так как оказалось, что не имеется квартир за некоторую (!) среднюю плату. Каждый, кто строит дом, стремится к высокой плате» (! следовало сказать — *высокой квартирной* плате), «вследствие чего его дом доступен только для семей, ведущих большое домашнее хозяйство; уже за недостатком других квартир та или иная семья вынуждена снимать большую квартиру, чем ей нужно и чем ей это

¹ Саксонский орден. *Ред.*

² — справедливое упорядочение. *Ред.*

позволяют средства. *Таким образом, растут долги, судебные описи имущества, протесты векселей и т. д.!* (Этот «!» заслуживает второго (!).) *«Словом, средний класс буквально обречен на вытеснение».*

Можно только удивляться примитивной простоте этой экономической борзой. Волопас видит, что мелкая буржуазия просвещенного города Лейпцига разоряется, с нашей точки зрения, чрезвычайно забавным образом. «В наши дни, когда все различия внутри человеческого рода стираются» (стр. 251), это явление должно было бы радовать и его, но оно его, напротив, огорчает и заставляет доискиваться причин. Причины эти он находит в злостном умысле спекулянтов-строителей, которые за чрезмерно высокую квартирную плату стараются поселить каждого мелкого лавочника во дворце. Лейпцигские «застройщики», как нам повествует Волопас на крайне беспомощном и путаном саксонском языке — немецким его назвать нельзя, — выше всех законов конкуренции. Они строят более дорогие квартиры, чем это нужно их съемщикам, они равняются не по состоянию рынка, а по «высокой плате». И в то время, как во всяком другом месте это привело бы их к сдаче квартир в своих домах по пониженной цене, в Лейпциге им удается подчинить рынок своему *bon plaisir*¹ и заставить съемщиков разорять себя высокой квартирной платой! Волопас принял муху за слона, временное несоответствие между спросом и предложением на жилищном рынке — за постоянное состояние, даже за причину разорения мелкой буржуазии. Но подобное простодушие можно простить саксонскому социализму, пока он еще «делает дело, достойное Человека, и за которое Люди будут «его» благословлять» (стр. 242).

Мы уже знаем, что «истинный социализм» — большой ипохондрик. Между тем, можно было бы надеяться, что Волопас, обнаруживший в первом томе «*Rheinische Jahrbücher*» такую очаровательную смелость суждения, излечится от этой болезни. Ничего подобного. На стр. 252, 253 Волопас выпускает следующую визжащую борзую и приводит этим в экстаз *Ursam Majoretz*.

«Дрезденский стрелковый праздник... народный праздник, и не успели мы очутиться на лугу, как нам навстречу завопили шарманки слепых, которых конституция не делает сытыми... раздались ярмарочные выкрики «артистов», выворачиванием своих членов забавляющих общество, самое устройство которого чудовищно и отвратительно вывернуто».

(Когда канатный плясун становится на голову, для Волопаса это означает современный перевернутый вверх дном мир;

¹ — произволу. *Ред.*

мистический смысл колесоверчения — банкротство; тайна жонглирования яйцами — карьера «истинно социалистического» писателя, который, несмотря на все «выверты», иногда может оступиться и испачкать яичным желтком весь свой «материальный базис»; шарманка — это конституция, которая не делает сытым, барабан — свобода печати, которая не делает сытым, лавка старой рухляди — «истинный социализм», который тоже не делает сытым. Погруженный в эту символику, Волопас, вздыхая, пробирается сквозь толпу и приходит, в конце концов, как уже раньше Персей, к гордому чувству, что он «один меж чудовищ с любящей душой».)

«А там в палатках владельцы притонов делают свое бесстыдное дело» (следует длинная тирада)... «Проституция, зачумленное чудовище, ты — последний плод нашего современного общества» (не всегда *последний*, может дополнительно появиться еще внебрачный ребенок)... «Я бы мог рассказать историю, как девушка бросилась в ноги чужому человеку...» (следует история)... «я бы мог рассказать целые истории, но нет, я не хочу» (дело в том, что он их уже только что рассказал)... «Нет, *оно*, общество, не скорбит над несчастными жертвами нужды и соблазна, но *оно*, быть может, тащит к судейскому креслу наглых сводников... нет, нет, и не их! Они делают то же, что и все остальные, они торгуют, как торгуют все» и т. д.

Таким образом, «истинный социалист» снял вину со всех индивидов и взвалил ее на неприкосновенное «общество». *Così fan tutti* *, и, в конце концов, дело идет лишь о том, чтобы быть в дружеских отношениях со всем миром. Характернейшей стороны проституции, — проституции как самой наглядной, непосредственно касающейся самого тела, эксплуатации пролетариата буржуазией, той стороны ее, где «порождающая деяния боль в сердце» (стр. 253) со своей моральной нищенской похлебкой терпит банкротство и где начинается страсть, жаждущая мести, классовая ненависть, — этой стороны «истинный социализм» не знает. Напротив, в проститутках он оплакивает погибших бакалейных продавщиц и мелких мастериц, в лице которых он уже не может восхищаться «венцом творения», «чашечками цветов, пропитанных ароматом самых святых и сладостных чувств». *Pauvre petit bonhomme!* ¹

Цвет саксонского социализма — это маленький еженедельный листок под названием «*Veilchen*». Листки *невинной* современной критики *. Редактор-издатель Г. Шлюссель в Баутцене. Фиалки, таким образом, оказываются по существу перво-

¹ — Жалкий простачок! *Ред.*

цветом¹. Эти нежные цветочки следующим образом описаны в «*Trieg'sche Zeitung*»* (12 января этого года) лейпцигским корреспондентом, принадлежащим к той же компании:

«В лице «*Veilchen*» мы можем приветствовать прогресс, развитие в саксонской художественной литературе; как ни молод этот орган, он всеми силами стремится старую саксонскую политическую половинчатость примирить с социальной теорией современности».

«Старая саксонская половинчатость» еще недостаточно половинчата для этих архисаксонцев, — они должны наполовину разбавить ее «примирением». Чрезвычайно «невинно»!

Мы узрели только одну-единственную из этих фиалок.
Но

Сосредоточенна, скромна*, —
То *кроткая* была фиалка.

Друг Волопас в этом номере — первом в 1847 г. — кладет к ногам «невинных современных» дам, в знак поклонения, несколько прилизанных стишков. Между прочим в них говорится:

О ненависть к тиранам! Как твои *шипы*
Всё *украшают* — даже женщины *нежные сердца* —

сравнение, смелость которого пока что «украсила», пожалуй, «нежное сердце» нашего Волопаса «шипами» угрызеный совети.

«Горят не только от *любовных шуток*» —

так неужели Волопас, который, правда, «*мог бы* рассказать целые истории», но не «*хочет*» этого сделать, потому что он их *уже* рассказал, который ни о каких других «шипах» не говорит, кроме как о шипах «ненависти к тиранам», — неужели этот добропорядочный и образованный человек действительно в состоянии заставить «гореть» «чудные ланиты» женщин и девушек от двусмысленных «любовных шуток»?

Горят не только от любовных шуток,
Вольнолюбивым пламенем горят,
Святым и светлым, чудные ланиты,
Как розы свежие, ласкающие взгляд.

«Вольнолюбивое пламя» легко, конечно, отличить по его более целомудренной, приличной, «светлой» окраске от темно-

¹ Игра слов: «*Schlüsselblume*» («первоцвет») может означать также «цветок Шлюсселя». *Ред.*

красного пламени «любовных шуток»; это особенно легко для такого человека, как Волопас, который умеет отличать «шипы ненависти к тиранам» от всех других «шипов».

«Veilchen» тотчас же дает нам возможность познакомиться с одной из тех красавиц, «нежное сердце» которой «украшено шипами ненависти к тиранам» и «чудные ланиты» которой «вольнлюбивым пламенем горят». А именно: *Андромеда* «истинно социалистического» звездного неба (фрейлейн Луиза Отто) — эта прикованная к скале противоестественных обстоятельств современная женщина, вокруг которой бушуют стародавние предрассудки, — дает «невинную современную критику» поэтических произведений Альфреда Мейснера. Это — поистине своеобразное, но очаровательное зрелище: здесь борются друг с другом нежная стыдливость немецкой девы и бьющее через край восхищение, — восхищение «королем поэтов», который заставил содрогнуться глубочайшие струны женского сердца и извлек из них звуки восторга, граничащие с более глубокими и нежными ощущениями, звуки, которые своей невинной откровенностью являются лучшей наградой для певца. Послушаем во всей их наивной непосредственности лестные признания девственной души, для которой многое еще неясно в этом мире, полном зла. Послушаем, памятуя при этом, что для чистых душ все чисто.

Да, «глубокую задушевность, которой дышат стихи Мейснера, можно только почувствовать, но нельзя разъяснить ее тому, кто не способен это чувствовать. Эти песни — золотой отблеск того горячего пламени, который поэт возжег на алтаре свободы, принеся в жертву святыню своего сердца. Это отблеск, сияние которого заставляет нас вспомнить слова Шиллера: потомки пройдут мимо того писателя, который не был *больше*, чем его творения. Здесь же мы чувствуем, что этот поэт *сам* еще *больше*, чем его прекрасные песни» (конечно, фрейлейн Андромеда, конечно), «что в нем есть нечто *невыразимое*, нечто *стоящее выше всякой видимости*», как говорит Гамлет*. (О ты, полный предчувствия ангел!*) «Это *нечто* есть то, чего нет у многих новых певцов свободы, — оно совершенно отсутствует, например, у Гофмана фон Фаллерслебена и Пруца» (неужели это действительно так?), «отчасти и у Гервега и Фрейлиграта; может быть, это *нечто* и есть гений».

Может быть, это «*шип*» Волопаса, прекрасная фрейлейн!

«Конечно, — говорится в той же статье, — критика имеет свои обязанности, но она мне кажется очень *деревянной* по отношению к такому поэту».

Как девственно! Конечно, молодая, чистая девичья душа должна «казаться» себе «очень *деревянной*» по сравнению с поэтом, у которого есть такое чудесное «*нечто*».

«Мы читаем дальше и дальше, до последнего стиха, который должен был бы у всех нас остаться навсегда в памяти:

И, наконец, приходит все же...
 Тот день...
 Рука в руке, сидят, смеясь, народы,
 Подобно *детям*, среди чертогов неба,
 И за фиалом вновь фиал поднимают,
 Фиал *любви* на трапезе *любви*
 Народной...».

Затем фрейлейн Андромеда погружается в многозначительное молчание — «рука в руке, подобно детям». Не станем ее тревожить.

Наши читатели, вероятно, после этого пожелают ближе узнать короля поэтов *Альфреда Мейснера* и его «нечто». Он — *Орион* «истинно социалистического» звездного неба и, вопреки, не позорит занимаемого им положения. Опясаный сверкающим мечом поэзии, закутанный в «плащ своей скорби» (стр. 67 и 260 «Стихотворений» А. Мейснера, 2-е издание, Лейпциг, 1846), он нервной рукой потрясает палицей загадочности, победоносно низвергая всех противников правого дела. По его пятам, в качестве *Малого Пса*, следует за ним некий *Мориц Гартман*; он также в защиту правого дела издает энергичное твякание под заглавием: «Чаша и меч» (Лейпциг, 1845). Говоря земным языком, мы скажем, что мы попадаем с этими героями в местность, которая уже давно давала «истинному социализму» многочисленных и сильных рекрутов, а именно — в *богемские леса*.

Первым «истинным социалистом» в богемских лесах был, как известно, Карл Моор. Ему не удалось довести до конца дело возрождения; его время не поняло его, и он сам передал себя в руки правосудия. Орион-Мейснер решил идти по стопам этого благородного человека и — хотя бы в сфере духа — приблизить к цели его возвышенное деяние. Ему, *Карлу Моору Второму*, в этом деле помогает, выполняя роль честного *Швейцера*, вышеупомянутый Мориц Гартман, *Canis minor*¹, который в элегических стихах восхваляет бога, короля и отечество, проливая слезы признательных воспоминаний на могиле добряка императора Иосифа. Что касается остальной шайки, заметим только, что ни один из них, по-видимому, до сих пор не проявил достаточно рассудка и остроумия, чтобы взять на себя роль Шпигельберга.

¹ — Малый Пес. *Ред.*

С первого же взгляда видно, что Карл Моор Второй — не обыкновенный человек. Он обучался немецкому языку в школе Карла Бека и поэтому выражается с более чем восточной пышностью речи. Вера у него — «мотылек» (стр. 13), сердце — «цветок» (стр. 16), позже — «пустынный лес» (стр. 24), наконец, — «коршун» (стр. 31). Вечернее небо в его представлении (стр. 65) —

Багряно, мертвенно, как будто бы глазнаца
Без глаза, блеска и души.

Улыбка его возлюбленной, это — «дитя земли, которое ласкается к детям божьим» (стр. 19).

Еще гораздо больше, чем выпрениная образная речь, Мейснера отличается от обыкновенных смертных безмерная мировая скорбь. В этом отношении он является настоящим сыном и приемником Карла Моора Первого, когда он указывает на стр. 65, что «безумная мировая скорбь» — одно из первых требований, предъявляемых каждому «спасителю мира». И действительно, в отношении мировой скорби Орион-Моор превосходит всех своих предшественников и конкурентов. Послушаем его самого:

«Распяты скорбью, был я мертв» (стр. 7). *«Это сердце, смерти посвященное»* (стр. 8). *«Дух мой мрачен»* (стр. 10). У него *«древняя печаль* тоскует в пустынных дебрях сердца» (стр. 24). *«Было бы лучше совсем не родиться, но хороша также и смерть»* (стр. 29).

Тебя, о сердце, в горький час страданья
Холодный свет забыл средь суеты,
Устами бледными произнеси признание,
Как *несказанно жалко* ты (стр. 30).

На стр. 100 у него «кровоточат» «скрытые раны», на стр. 101 он, в интересах человечества, настолько скверно себя чувствует, что для того, «чтобы грудь не разорвалась», вынужден прижать к ней руки, «как тиски», а на стр. 79 он — подстреленный журавль, который осенью не может улететь со своими братьями на юг и который «своими крыльями, пронзенными свинцом», трепыхается в кустарнике, «бьется пышным, обгаренным кровью оперением». Откуда же вся эта скорбь? Неужели все эти жалобы — обыкновенная вертеровская любовная тоска, умноженная личными страданиями нашего поэта? Нисколько. Нашему поэту пришлось, правда, много выстрадать, но он сумел во всех своих страданиях выявить некую всеобщую сторону. Он часто указывает, например на стр. 64, что женщины не раз сыграли с ним злую шутку (обычная участь немцев, особенно поэтов), что много горького испытал он в

жизни; но все это доказывает ему лишь негодность мира и необходимость изменения общественных отношений. В его лице страдал не Альфред Мейснер, а человечество, и поэтому из всех своих горестей он делает лишь тот вывод, что быть человеком — большое искусство и тяжелое бремя.

Всю жизнь, о сердце, здесь (в пустыне) учишь влачить бодрее
Гнет человеческого бытия (стр. 66).
 О, горе сладкое, о, скорбь, что дышит счастьем,
О, сладостная боль — быть человеком (стр. 90).

Столь благородная скорбь может рассчитывать в нашем бесчувственном мире только на равнодушие, на оскорбительный отпор и насмешку. Карл Моор Второй убеждается в этом на собственном опыте. Мы видели выше, что «холодный свет забывает» его. В этом отношении ему действительно приходится очень плохо:

Чтоб избежать людской насмешки хладной,
 Тюрьму себе воздвиг я, хладную, как гроб (стр. 227).

Один раз он еще пытается приободриться:

Ты, бледный лицемер, хулитель, назови мне
 Такую скорбь, что не пронзила б это сердце,
 Иль страсть высокою, какой бы не пылал я (стр. 212).

Но ему все-таки становится слишком тяжело, он удаляется от света, уходит на стр. 65 «в пустыню» и на стр. 70 — «в пустынные горы». Совсем, как Карл Моор Первый. Здесь ручей ему разъясняет, что так как весь мир страдает, — например, растерзанный орлом ягненок страдает, сокол страдает, камыш, кряхтя от порывов ветра, страдает, — то «сколь ничтожны муки человека», и потому человеку ничего другого не остается, как «с ликованием погибнуть». Но так как ему кажется, что «ликование» не льется у него из глубины сердца, а «гибель» не вполне устраивает его, то он выезжает верхом, чтобы слышать «голоса степи». Однако здесь ему приходится еще хуже. Три таинственных всадника один за другим подъезжают к нему и в довольно жестоких словах советуют ему дать себя похоронить:

«И, право, лучше б ты
 ...себя зарыл в опавшую листву
 И умер под травой, под сырой землей» (стр. 75).

Это — венец его страданий. Люди отталкивают его вместе с его горестями, он обращается к природе, но и тут встречает

лишь недовольные лица и грубые ответы. И после того, как страдание Карла Моора Второго изрядно надоело нам «своим пышным, обогранным кровью оперением», мы находим на стр. 211 сонет, в котором поэт считает нужным оправдываться:

*...безмолвно я и бережно опять
Всю боль мою влачу и ран бесцетных жала,
Уста мои давно не терпят тщетных жалоб
И страшный опыт мой бессильны восхвалять!!*

Но «спаситель мира» должен быть не только страдальцем, но и *безумцем*. Поэтому «в его груди бурлит *безумный* порыв страсти» (стр. 24); когда он любит, «его солнца ярко пылают» (стр. 17), его «любовь — *сверканье молнии*, его поэзия — *буря*» (стр. 68). Мы вскоре будем иметь пример того, сколь безумно это безумие.

Быстро просмотрим несколько социалистических стихотворений Ориона-Моора.

От стр. 100 до стр. 106 он распускает свое «пышное, обогранным кровью оперение», чтобы на лету охватить взором бедствия современного общества. Он бешено мчится по улицам Лейпцига в припадке «безумной мировой скорби». Вокруг него ночь, ночь царит и в его сердце. Наконец, он останавливается. Таинственный демон подходит к нему и спрашивает тоном ночного сторожа: что он ищет так поздно на улице? Карл Моор Второй, занятый в эту минуту тем, что сжимает «тисками» рук свою «готовую разорваться» грудную клетку, неподвижно устремляет на демона «пылающие солнца» своих глаз и, наконец, раздражается словами (стр. 102):

*Пробудясь от звездной ночи веры,
Я так много вижу в свете духа:
Тот, кто был замучен на Голгофе,
Миру не принес еще спасенья.*

Вот «как много» видит Карл Моор Второй! Клянемся «пустынными дебрями» сердца, «плащом скорби», великой трудностью задачи быть человеком, клянемся пронзенными свинцом крыльями нашего поэта и всем вообще, что свято Карлу Моору Второму, — не стоило ему ночью мчаться по улице, рискуя тем, что у него разорвется грудь, что он схватит воспаление легких, и вызывать какого-то особого демона, и все это для того, чтобы сообщить нам, наконец, это открытие! Но послушаем дальше. Демон не хочет на этом успокоиться. Тогда Карл Моор Второй рассказывает, как падшая женщина схва-

тила его за руку и тем самым вызвала у него всевозможные мучительные размышления, которые, в конце концов, вырвались наружу в следующем обращении:

Женщина! В твоей беде виновно
Общество — его жестокосердые!
Бледной, скорбной жертвою легла ты
На алтарь языческий (!!) порока,
Чтобы прочих женщин непорочность
Незапятнанной осталась в доме.

Демон, оказавшийся теперь самым обыкновенным буржуа, не соглашается с высказанной в этих строках, вполне достойной «истинного социализма», теорией проституции и приводит очень простое возражение: каждый — кузнец своего счастья, «каждый сам в своей вине виновен», и прочие буржуазные фразы; он замечает: «общество есть звук пустой» (он, вероятно, читал Штирнера) — и требует, чтобы Карл Моор продолжал свой рассказ. Тот говорит, что видел жилища пролетариев и слышал плач детей:

Там у матери в груди увядшей
Не осталось капли сладкой пищи.
Там невинно умирали дети.
Все же (!!) чудодейственно природа
Создает в груди из крови алой
Молока белеющие капли.

Кто видел это чудо, полагает он, тот не должен горевать, если он и не может верить в то, что Христос сотворил вино из воды. История со свадьбой в Кане, видимо, сделала нашего поэта очень благосклонным к христианству. Мировая скорбь становится здесь настолько глубокой, что Карл Моор Второй теряет способность связно говорить. Демонический буржуа пытается его успокоить и предлагает ему продолжать свой рассказ.

Чахлаые предстали дети мне
Там, где трубы дым свой извергали,
Где колеса мощные, в огне,
Тяжкой пляски такты отбивали.

Любопытно знать, что это была за фабрика, где Карл Моор Второй видел «колеса в огне» и к тому же еще «отбивающие» такты *пляски!* Этой фабрикой может быть только та, где фабриковались стихи нашего поэта, также «отбивающие такты тяжелой пляски». — Затем рассказывается кое-что о положении фабричных детей. Это бьет по карману демонического буржуа,

который, без сомнения, является также и фабрикантом. Он даже приходит в волнение и возражает, что все это вздор, что пролетарские дети — это сброд оборванцев, до которого нам никакого дела нет, что гений никогда еще не погибал из-за таких мелочей, что вообще отдельная личность не имеет значения, важно все *человечество* в целом, а оно выпутается и без Альфреда Мейснера. Нужда и нищета — таков уж удел людей, и к тому же

Что дурно сам творец создал,
Уж людям больше не исправить.

Затем он исчезает, оставляя нашего удрученного поэта в одиночестве. Поэт качает своей путаной головой и не может придумать ничего лучшего, как пойти домой и все это дословно передать на бумаге, а затем — напечатать.

На стр. 109 «какой-то бедняга» хочет утопиться; Карл Моор Второй его великодушно удерживает и спрашивает о причинах. Бедняга рассказывает, что он много странствовал по свету:

Где Англии горят кроваво (!) трубы,
В тоске я видел новый ад —
Он *туп* и *нем* — и новых обреченных.

Бедняга видел странные вещи в Англии, где чартисты в каждом фабричном городе развивают бóльшую деятельность, чем все политические, социалистические и религиозные партии всей Германии вместе взятые. Должно быть, сам он был «туп и нем».

Потом, во Францию приплыв,
Я видел в ужасе и страхе,
Что, точно лава в жарком прахе,
Рабочих масс бурлит прилив.

«Бедняга», он это «видел в ужасе и страхе!» Таким образом, всюду он видит «борьбу бедных и богатых», он сам «один из илотов», — и так как богатые ничего слышать не хотят, а «день торжества народа так еще далек», то он считает, что ему ничего другого не остается, как броситься в воду. — И Мейснер, подавленный силой этих доводов, отпускает его. «Прощай, Тебя я не удерживаю больше!»

Наш поэт хорошо сделал, что дал спокойно утопиться этому тупому трусу, который в Англии ничего не увидел, который пришел в ужас и страх от пролетарского движения во Фран-

ции и который настолько подл, что не присоединился к борьбе своего класса против его угнетателей. Ни на что другое этот субъект все равно не был годен.

На стр. 237 Орион-Моор обращается с тиртейским гимном «к женщинам». «Теперь, когда мужчины трусливо грешат», он предлагает светлокудым дочерям Германии подняться и «провозгласить слово свободы». Наши нежные блондинки не должны были дожидаться этого приглашения, — публика «в ужасе и страхе» видела примеры того, на какие возвышенные деяния способны женщины Германии, как только они начинают носить брюки и курить сигары.

Посмотрим теперь после этой критики, которой наш поэт подверг существующее общество, каковы его *pia desideria*¹ в социальном отношении. Мы находим в самом конце написанное рубленой прозой «Примирение», которое более чем подражает «Воскресенью», помещенному в конце сборника стихотворений К. Бека. В «Примирении», между прочим, говорится:

«Не потому, что человечество дает жизнь отдельным людям, оно живет и борется. — Человечество само есть *один человек*». Вследствие этого наш поэт, «отдельный человек», конечно, — «*не человек*». «Но оно придет, это время... тогда поднимется человечество, мессия, бог, раскрывающийся в человечестве»... Но этот мессия придет лишь «через многие тысячелетия, новый спаситель, который будет *проповедовать*» (действовать он предоставит другим) «разделение труда, братски равномерное для всех детей земли»... и тогда «сошник, символ земли, осененной духом... знак глубокого почитания... поднимется, сияющий, увенчанный розами, *прекраснее даже*, чем древний христианский крест».

То, что будет через «многие тысячелетия», для нас, собственно говоря, довольно безразлично. Нам поэтому незачем расследовать, подвинутся ли люди, которые будут тогда существовать, хоть на дюйм вперед благодаря «проповедям» нового спасителя, захотят ли они вообще слушать какого-либо «спасителя» и окажется ли братская теория этого «спасителя» выполнимой или же ей угрожает банкротство. «Так много» наш поэт на этот раз не «видит». Интересно в этом отрывке только благоговейное коленопреклонение перед святыней будущего, перед идиллическим «сошником». В рядах «истинных социалистов» мы до сих пор встречали только *бюргера*; здесь мы уже догадываемся, что Карл Моор Второй покажет нам также и *поселянина* в праздничной одежде. Действительно, мы видим, как он (на стр. 154) смотрит с горы на очаровательную, празд-

¹ — благое пожелания. *Ред.*

ничную долину, где крестьяне и пастухи с тихой радостью весело и с верой в бога трудятся, и вот

О сердце, полное сомнений, слушай,
Как весело умеет бедность петь!

Здесь бедность «не женщина продажная. Она — дитя, и нагота ее невинна!»

И понял я, что добрым и веселым
Тогда лишь станет бедный род людской,
Когда найдет в работе земледельца
Блаженное забвенье и покой.

Для того чтобы еще яснее показать нам, каков его действительный взгляд, он изображает на стр. 159 семейное счастье деревенского кузнеца и выражает пожелание, чтобы его дети

Никогда не знали той чумы,
Что с надменным самомнением
Злые или жалкие умы
Называют просвещением.

«Истинный социализм» не мог успокоиться, пока наряду с бюргерской идиллией не была реабилитирована и крестьянская идиллия, наряду с лафонтеновскими романами — геснеровские пастушеские сцены. В лице господина Альфреда Мейснера он стал на позицию «Друга детей» Рохова * и с этой возвышенной позиции объявил, что назначение человека — превратиться в крестьянина. Кто мог ждать такой детской простоты от поэта «безумной мировой скорби», от обладателя «пылающих солнц», от «мечущего грома» Карла Моора Младшего?

Несмотря на его крестьянскую тоску по мирной сельской жизни, он все же заявляет, что настоящим полем его деятельности являются большие города. Поэтому наш поэт отправился в Париж, чтобы и здесь увидеть

«...в ужасе и страхе,
Что, точно лава в жарком прахе,
Рабочих масс бурлит прилив».

Hélas! il n'en fut rien¹. В одной корреспонденции из Парижа, помещенной в «Grenzboten», он сообщает, что чувствует себя страшно разочарованным. Почтенный поэт всюду искал эту бурлящую массу пролетариев, даже в Олимпийском цирке *

¹ — Увы! из этого ничего не вышло. *Ред.*

где тогда под звуки пушек и литавр демонстрировалась французская революция, но вместо мрачно-добродетельных героев и суровых республиканцев он увидел только смеющийся, подвижной народ неистощимой веселости, который проявлял гораздо больше интереса к красивым женщинам, чем к великим вопросам человечества. Точно так же он искал в палате депутатов «представителей французского народа», а нашел лишь кучку откормленных толстопузых болтунов.

И в самом деле, непростительно, что парижские пролетарии не устроили в честь Карла Моора Младшего этакую маленькую июльскую революцию, чтобы дать ему возможность «в ужасе и страхе» составить себе лучшее мнение о них. По поводу всех этих злоключений наш почтенный поэт поднимает громкий вопль и как новый Иона, которого «истинный социализм» выплюнул из своего чрева, он предсказывает гибель Ниневии на Сене, о чем можно более подробно прочесть в корреспонденции из Парижа, напечатанной в «Grenzboten» за 1847 г., где наш поэт также весьма забавно рассказывает, как он принял *bon bourgeois du marais*¹ за пролетария и какие из этого возникли странные недоразумения.

Его «Жижку» мы охотно ему подарим, потому что эта книга просто скучна.

Заговорив уже о стихах, упомянем несколькими словами те шесть призывов к революции, которые наш Фрейлиграт выпустил под заглавием «*Са іга*», Херизау, 1846 г. Первый из этих призывов — немецкая «Марсельеза»; она воспевает «храброго пирата», который «называется — как в Австрии, так и в Пруссии — революцией». К этому кораблю под собственным флагом, являющемуся значительным подкреплением знаменитому немецкому флоту *in partibus infidelium**, направлено обращение:

Ты на богатства серебряный флот
Устреми жерла пушек длинных,
Пусть жажду сокровищ навек погребет
Море в грозных своих пучинах!

Впрочем, вся песня полна такого благодушия, что, несмотря на размер, ее лучше всего распевать на мелодию «В путь, матросы, с якоря снимайтесь».

Характернее всего стихотворение «Как это делается», т. е. как Фрейлиграт делает революцию. Вот наступили тяжелые времена, народ голодает, ходит в лохмотьях. «Где достать

¹ — доброго болотного мещанина. *Ред.*

хлеба и одежду?» Находится «храбрый парень», который знает, как помочь горю. Он ведет всю толпу в дейхгауз ландвера и раздаст военные мундиры, которые тут же и надеваются. Берут в руки «для пробы» и винтовки и находят, что «было бы забавно» забрать их с собой. Тут нашему «храброму парню» приходит в голову, что ведь «вся эта штука с переодеванием может быть названа бунтом, взломом и грабежом», и потому «за свое платье придется лезть в драку». Поэтому решено взять также и каски, сабли и патронташи и водрузить в качестве знамени нищенскую суму. Так они выходят на улицу. Тогда появляются «королевские войска», генерал отдает приказ стрелять, но солдаты, ликуя, бросаются в объятия забавно переодетого ландвера. Так как все в ударе, то опять-таки «в шутку» направляются в столицу, где находят поддержку. Так, из-за «шутки с переодеванием» — «трон рушится и падает корона, колеблются устои государства» и «народ победно поднимает давно поникшую главу». Все идет так быстро, так гладко, что за время всей процедуры ни один из членов «пролетарского батальона» не успел, пожалуй, выкурить трубку. Надо признать, что нигде революции не совершаются с большей веселостью и непринужденностью, чем в голове нашего Фрейлиграта. Поистине нужна вся черножелезная ипохондрия «Allgemeine Preußische Zeitung», чтобы в такой невинной, идиллической загородной прогулке почуять государственную измену.

Последняя группа «истинных социалистов», к которой мы перейдем, это — *берлинская*. Из этой группы мы также возьмем только одного характерного индивида, а именно господина *Эрнеста Дронке*, так как он имеет видные заслуги перед немецкой литературой как изобретатель нового способа художественного творчества. Наши отечественные романисты и новеллисты давно уже нуждались в материале. Никогда еще не ощущалось такого вздрожания сырья, необходимого для их промысла. Правда, французские фабрики поставляли много годного материала, но предложение не могло здесь удовлетворить спрос, тем более что многое тотчас же преподносилось потребителям в форме переводов и, таким образом, составляло опасную конкуренцию романистам. Тогда проявилось дарование господина Дронке: в образе *Офиуха*, змееносца на «истинно социалистических» небесах, он высоко поднял над головой огромного извивающегося удава немецкого полицейского законодательства, чтобы переработать его в своих «*Поллицейских рассказах*» в ряд интереснейших новелл. Действи-

тельно, это запутанное, скользкое, как змея, законодательство включает содержательнейший материал для такого рода писаний. В каждом параграфе кроется роман, в каждом распоряжении — трагедия. Господин Дронке, который сам выдержал, в качестве берлинского литератора, ожесточенную борьбу с полицейпрезидиумом, мог говорить в данном случае на основании собственного опыта. В последователях, идущих по проторенному пути, недостатка не будет: поприще богатое. Прусское право, между прочим, представляет собой неисчерпаемый источник напряженных конфликтов и поразительных эффектов. Одно только законодательство, касающееся развода, алиментов и девичества, — не говоря уже о главах, касающихся противоестественных удовольствий, — дает немецкой романической промышленности сырье на сотни лет. При том нет ничего более легкого, чем поэтически обработать один из таких параграфов; коллизия и ее исход уже даны в готовом виде, остается добавить только детали, которые берутся из первого попавшегося романа Булвера, Дюма или Сю, кое-что к ним приделывается — и рассказ готов. Итак, можно надеяться, что немецкий бюргер и поселянин, а также studiosus juris или camerarius¹ получают со временем целую серию комментариев к современному законодательству, которые дадут им возможность, играючи и безо всякой педантичности, основательно познакомиться с этим предметом.

Мы видим на примере господина Дронке, что наши ожидания не преувеличены. Из одного только законодательства о подданстве он состряпал два рассказа. В одном из них (полицейский развод) кургессенский литератор (немецкие литераторы всегда делают своими героями литераторов) женится на пруссачке, не получив предписанного законом согласия магистрата. Вследствие этого его жена и дети теряют право на кургессенское подданство, из-за чего супруги разводятся при посредстве полиции. Литератор приходит в ярость, осуждает существующие порядки, за это какой-то лейтенант вызывает его на дуэль и закалывает. Полицейские осложнения были связаны с расходами, которые поглотили все его состояние. Жена, из-за брака с иностранцем, потеряла права прусской подданной и теперь оказывается в крайней нужде. Во втором рассказе — на тему о праве подданства — одного беднягу в течение 14 лет перевозят из Гамбурга в Ганновер и из Ганновера в Гамбург; в одном месте он испытывает сла-

¹ — студент, изучающий юридические или камеральные науки. *Ред.*

дость каторжных работ, в другом — прелести тюрьмы, и на обоих берегах Эльбы он подвергается палочному избиению. Таким же образом описывается то прескверное положение, при котором на злоупотребления полиции можно жаловаться только самой полиции. Очень трогательно изображается, как полиция в Берлине своим распоряжением о высылке безработной прислуги способствует распространению проституции, и другие захватывающие коллизии.

«Истинный социализм» благодушнейшим образом дал себя одурачить господину Дронке. Он принял полицейские рассказы, плаксивые описания горестей немецких мещан, написанные в тонах «Человеконенавистничества и раскаяния» *, за изображение конфликтов в современном обществе; он поверил, что здесь ведется социалистическая пропаганда; он ни на минуту не подумал о том, что подобные душераздирающие сцены совершенно невозможны во Франции, Англии и Америке, хотя господствующие там порядки составляют прямую противоположность какому бы то ни было социализму, — не подумал о том, что господин Дронке ведет не социалистическую, а *либеральную* пропаганду. «Истинному социализму» это тем более простительно, что и сам господин Дронке также не подумал обо всем этом.

Господин Дронке написал еще рассказы «Из народной жизни». Здесь перед нами опять рассказ о литераторах, который должен вызвать сострадание публики к нищете профессиональных писателей. Этот рассказ, видимо, вдохновил Фрейлиграта, и он написал трогательное стихотворение, в котором умоляет нас относиться с состраданием к литераторам, восклицая: «Ведь и они пролетарии!» Когда дело дойдет до того, что немецкие пролетарии расквитаются с буржуазией и другими имущими классами, они при помощи фонарного столба покажут господам литераторам, этому подлейшему из всех продажных классов, что за пролетарии эти господа. Остальные рассказы в книге Дронке представляют собой лишнюю всякой фантазии стряпню и обнаруживают незнание настоящей жизни; они служат лишь для того, чтобы социалистические мысли господина Дронке влагать в уста как раз таким людям, к которым они менее всего подходят.

Кроме того, господин Дронке написал книгу о Берлине, которая стоит на высоте современной науки, т. е. в которой обнаруживается пестрая смесь из младогегельянских, бауэровских, фейербахских, штирнеровских, «истинно-социалистических» и коммунистических воззрений, имеющих хождение

в литературе последних лет. В конечном результате, несмотря ни на что, Берлин остается средоточием современного образования, центром умственной жизни и мировым городом с двумя пятью миллиона жителей, конкуренции которого должны остерегаться Париж и Лондон. Даже *grizетки* есть в Берлине, — но, видит небо, они вполне в духе этого города!

К берлинскому кружку «истинных социалистов» относится и господин Фридрих Засс, который тоже написал книгу о Берлине, своей духовной родине. Нам знакомо лишь одно стихотворение этого господина, напечатанное в пютмановском «Альбоме» (стр. 29), о котором речь еще впереди. В этом стихотворении «будущее старой Европы» воспевается на мотив «Леноре снился страшный сон»* — в самых отвратительных выражениях, которые наш автор мог только найти в немецком языке, и с возможно большим количеством грамматических ошибок. Социализм господина Засса сводится к тому, что Европа, «блудница», вскоре должна погибнуть.

Могильный червь — вот твой жених.
Сквозь грохот свадьбы слышишь их?
Летят казаки и татары
Занять твой одр, гнилой и старый!
Пустой азийский саркофаг
Твой гроб в соседство примет...
Гиганты мертвые твои
Потрескались (тьфу, черт!) в небитии,
Как треснули (!) Мемфис с Пальмирой.
Гнездо орел устроит сирий,
Блудница старая, в твоём
Увядшем лбу, давно гнилом!

Видно, что фантазия и язык поэта не меньше «надтреснуты», чем его понимание истории.

Этим взглядом нашего поэта, устремленным в будущее, мы заканчиваем обзор различных созвездий «истинного социализма». В самом деле — перед нашим телескопом проплыл блестящий ряд созвездий. «Истинный социализм» со своей армией занял как раз наиболее сияющую часть неба! И вокруг всех этих ярких звезд, выделяясь мягким блеском бюргерской филантропии, простирается и виде *млечного пути* «*Trier'sche Zeitung*» — газета, душой и телом присоединившаяся к «истинному социализму». При всех без исключения событиях, которые хотя бы самым отдаленным образом касались «истинного социализма», «*Trier'sche Zeitung*» всегда с воодушевлением появлялась на сцене. От лейтенанта Аннеке до графини Гацфельдт, от билефельдского музея до госпожи Астон

«Trier'sche Zeitung» боролась с такой энергией за интересы «истинного социализма», что чело ее покрылось благородным потом. Она в буквальной смысле слова — млечный путь кротости, милосердия и человеколюбия и только в очень редких случаях превращается в кислое молоко. Пусть же она и в дальнейшем тихо и невозмутимо, как и подобает истинному млечному пути, течет по своему руслу, продолжая снабжать добропорядочных немецких бюргеров маслом мягкосердечия и сыром мешанства; ей нечего опасаться, что кто-нибудь смет с нее сливки, — она слишком водяниста, чтобы таковые у нее оказались.

Чтобы мы могли расстаться с «истинным социализмом» в неомраченно-веселом настроении, он в качестве финала приготовил нам праздник в виде «Альбома, изданного Г. Пютманом. Борна, у Рейхе, 1847». Под эгидой Большой Медведицы здесь зажигается такая жирондоль, ярче которой не увидеть и на пасхе в Риме. Все социалистические поэты, добровольно или в принудительном порядке, доставили неодолимые для этого ракеты, которые поднялись к небу в виде шипящего, сверкающего снопа и, треща в воздухе, рассыпались на миллионы звезд, озаривших дневным светом наши мрачные, как ночь, дела. Но, ах, прекрасное зрелище длится всего лишь миг: фейерверк догорает и оставляет после себя только коптящий дым, из-за которого ночь кажется еще темнее, чем на самом деле, — дым, сквозь который сверкают, как неизменно яркие звезды, только семь стихотворений *Гейне*, попавших, к нашему великому удивлению и к немалому смущению Большой Медведицы, в это общество. Не будем, однако, смущаться этим, не примем близко к сердцу также то, что многие перепечатанные здесь вещи *Веерта* должны себя чувствовать неуютно в этой компании, и насладимся впечатлением, полученным от фейерверка.

Мы находим здесь очень интересные темы. Весна воспевается три или четыре раза со всем тем воодушевлением, на которое способен «истинный социализм». Не меньше чем *восемь* соблазненных девушек представлены нам со всевозможных точек зрения. Мы видим здесь не только самый акт обольщения, но и его последствия; каждый из основных периодов беременности представлен, по крайней мере, одним субъектом. Затем, как полагается, происходят роды, за которыми следует детоубийство или самоубийство. Жаль только, что здесь не фигурирует шиллеровская мать-детоубийца*; но издатель считал, очевидно, вполне достаточным, что

знакомый возглас: «Иосиф, Иосиф!» * и т. д. — раздается по всей книге. Как составлены эти ободряющие песни, можно судить по одной только строфе, написанной на мотив известной колыбельной песни. Господин Людвиг Кёлер поет на стр. 299:

Плачь же, мать, о, плачь навзрыд!
Сердце дочери болит!
Плачь же, плачь же день и ночь!
Честь свою забыла дочь!
Твой завет: «дочь, будь честна!» —
Ветру бросила она!

Вообще «Альбом» — настоящий апофеоз преступления. Кроме упомянутых многочисленных детоубийств господин Карл Эк воспевает еще «Лесное злодеяние»; шваба Хиллера, убившего своих пятерых детей, господин Иоганнес Шерр воспевает в коротком стихотворении, а *Ursa Major* собственной персоной — в стихотворении бесконечных размеров. Кажется, что находишься на немецкой ярмарке, где шарманщики без конца повторяют свои рассказы об убийствах:

Дитя кровавое, сын ада,
Скажи, чем жизнь твоя была?
Твоя разбойничья засада
Людей пугала без числа.
Да, гнусный карлик, девяносто
Шесть жизней уничтожил ты.
Ты это делал очень просто,
Ломая шею и хребты, и т. д.

Очень трудно сделать выбор из этих пышущих молодостью писателей и их произведений, полных жизненной теплоты; в сущности, безразлично, называться ли Теодором Опцем или Карлом Эком, Иоганнесом Шерром или Йозефом Швейцером, — все эти вещи одинаково прекрасны. Возьмем наугад любого.

Раньше всего мы снова встретимся с нашим другом Волопасом-Земмигом, который занят тем, чтобы вознести весну на спекулятивную высоту «истинного социализма» (стр. 35):

Проснись, проснись: уже весна грядет...
Оковы сняв, по долам и горам
Свобода бурный бег свой начинает...

Какая это свобода, — мы тотчас же узнаём:

Что рабски смотрите на знак креста?
Свободный человек не преклоняет
Своих колен пред богом — перед тем,
Кто сокрушил отечества дубы,
Богов свободы в бегство обратив!

Значит, это свобода германских девственных лесов, в тени которых Волопас может спокойно размышлять о «социализме, коммунизме, гуманизме» и при желании культивировать «шипы ненависти к тиранам». О шипах мы узнаём, что

Нет ни единой розы без шипов,

поэтому можно надеяться, что и распускающаяся «роза» — Андромеда скоро обретет свой «шип» и не будет больше «казаться» себе такой «деревянной», как прежде. Волопас действует также в интересах «Veilchen», — которых, правда, тогда еще не существовало, — сочиняя стихотворение, заглавие и припев которого гласит: «Покупайте фиалки! Покупайте фиалки! Покупайте фиалки!» (стр. 38).

Господин Н.х.с¹ с похвальным усердием постарался написать тридцать две страницы водянистых стихов, не высказав при этом ни единой мысли. Вот, например, «Пролетарская песня» (стр. 166). Пролетарии выходят на лоно природы — если бы мы стали рассказывать, откуда они выходят, то этому бы конца не было — и, наконец, после длинных предисловий разражаются следующим обращением:

О Природа, мать всего живого!
Одарив весь мир своей любовью,
Всем ты предназначила блаженство.
Ты непостижимо величава!
Слушай нашу пламенную клятву,
Наши сокровенные решенья!
Весть морям несите, реки!
Прошуми, весенний ветер, в соснах!

Тем самым добыта новая тема, о которой затем долго говорится все в том же тоне. Наконец, в *четырнадцатой* строфе мы узнаём, чего эти люди, собственно, хотят, но об этом здесь и говорить не сто́ит.

С господином Йозефом Швейцером тоже небезынтересно познакомиться:

Мысль — душа, а все дела — это только плоть одна.
Свет познания — супруг, действительность — его жена.

К этому непринужденно присоединяется то, чего хочет господин Й. Швейцер, а именно:

Ах, трещать, пылать хочу я ярким пламенем свобод
До тех пор, как смерть-гаситель жарких щепок не зальет.

(Стр. 213.)

¹ — Нейхаус. Ред.

Его желание исполняется. В этих стихотворениях он уже «трещит» вволю, а что он «щепка», это видно с первого взгляда; но это — презабавная «щепка»:

Скинув лоб, скрестивши руки, счастлив, волен — я стою! (Стр. 216.)

В этой позиции он, должно быть, неподражаем. К сожалению, лейпцигское августовское волнение * заставляет его выйти на улицу, и там он видит трогательные вещи:

Преодо мной, — о, стыд и ужас! — пьяны кровью там и тут,
Нежные ростки людские смертную росу сосут. (Стр. 217.)

Герман Эвербек тоже не ударил лицом в грязь. Он затыкает на стр. 227 «Боевую песню», которую, без сомнения, уже ревели херуски в Тевтобургском лесу:

Мы храбро бьемся за свободу,
За существо у нас в груди.

Уж не боевая ли это песня для беременных женщин?

Мы бьемся не за деньги, не за орден
И не по прихоти пустой, —
За будущие бьемся поколения, и т. д.

В другом стихотворении мы узнаём:

Думы людей — священны.
Священны и чувства их,
Все души нежные чахнут
От дум и чувств таких.

Точно так же, как чахнут от «чувств и дум», можно «зачахнуть» и от таких стихов.

Мы любим эту землю
С добром ее и красой.
И трудимся мы неустанно
На честной ниве людской.

И эта нива вознаграждает наш труд урожаем чувствительных виршей, каких и сам Людвиг Баварский не мог бы изобрести.

Господин Рихард Рейнхардт — тихий, степенный молодой человек. Он «тихим и спокойным шагом самораскрытия проходит путь» и преподносит нам стихи ко дню рождения «юного человечества», в которых довольствуется тем, что воспекает

Свободы чистой любящее солнце,
Любви чистой свет свободный,
Любви и мира братский свет.

На этих шести страницах нам становится легко на душе: «любовь» повторяется шестнадцать раз, «свет» — семь раз, «солнце» — пять раз, «свобода» — восемь раз, не говоря уже о «звездах», «лучезарности», «днях», «отрадах», «радостях», «покое», «розах», «пламени», «истине» и тому подобных второстепенных утладах существования. Если кому-нибудь на долю выпадет счастье быть воспетым *таким образом*, тот действительно может сойти в могилу умиротворенным.

Но зачем нам останавливаться на всех этих кропателях, когда мы можем рассмотреть таких мастеров, как господин Рудольф Швердтлейн и Ursa Major. Предоставим все эти — хотя и милые, но еще очень несовершенные — попытки их судьбе и обратимся к венцу социалистической поэзии!

Господин Рудольф Швердтлейн поет:

«Вперед!»

Мы всадники жизни. Ура! (трижды)
 Куда вы, всадники жизни?
 Мы мчимся на смерть. Ура!
 Мы в трубы трубим. Ура! (трижды)
 Что в ваших трубах звучит?
 Звучит, гремит в них смерть. Ура!
 Позади осталось войско. Ура! (трижды)
 Что делает там ваше войско?
 Спит вечным сном. Ура!
 Чу! То враги трубят? Ура! (трижды)
 Горе вам, бедные трубачи!
 Теперь мы мчимся на смерть. Ура!

Горе тебе, бедный трубач! — Мы видим, что всадник жизни, полный смеющейся отваги, скачет не только навстречу смерти, — так же смело скачет он и навстречу величайшей бессмыслице, в которой он себя так же хорошо чувствует, как вошь в овечьей шерсти. Несколькоими страницами дальше всадник жизни открывает «Огонь»:

Мы так умны, мы знаем все на свете,
 И жизнь ушла стремительно вперед...
 Но Ты, гребя, волну рассечь не сможешь,
 Чтоб призрак близ ушей не прошумел.

Было бы желательно, чтобы у всадника жизни «близ ушей прошумело» по возможности твердое *тело*, дабы отбить у него охоту возиться с призраками.

Плод надкуси, — меж ним и меж зубами
 Возникнет привиденье в тот же миг,
 Схватись за гриву в быстрой скачке, — сразу
 Вздрыбится призрак с конскими ушами,

У всадника тоже что-то «вздыбилось» по обеим сторонам головы, но это не «конские уши» —

Вокруг тебя гиены-мысли рыщут,
Ту обними, что сердцем овладела.

С этим всадником жизни дело обстоит так, как и с другими отважными вояками. Смерти он не боится, но «духи», «привидения» и особенно «мысли» заставляют его дрожать, как осинный лист. Чтобы спастись от них, он решает поджечь весь мир, «отваживается устроить всеобщий мировой пожар».

Разрушать — вот лозунг времени великий,
Последняя возможность примиренья
Разлада. Пусть сгорают дух и тело
На всех путях в познание бытия.
Пусть, как руда, что в тигле, мир кипит
В огне, стремясь отлиться в новых формах,
И демон мир очистит огненным судом,
Начало новой эре положив.

Всадник жизни попал в точку. Последняя возможность примирения разлада, содержащаяся в великом лозунге времени, в призыве к тому, чтобы исходить все пути в познании бытия, — эта возможность заключается именно в том, чтобы руда в тигле, сгорев, превратилась в дух и тело, т. е. чтобы разрушение новой эры мира вылилось в огненный суд, или, другими словами, чтоб черт побрал весь мир, горящий в огне начала.

А теперь перейдем к нашему другу — к Ursa Major. Мы уже упомянули о Хиллернаде. Она начинается с одной великой истины:

Ты, божьей милостью народ, поймешь ли,
Как горько мир приветствовать *бродяге*;
Нам никогда свободы не добиться.

Принудив нас выслушать всю жалобную историю со всеми ее мельчайшими подробностями, Ursa Major снова раздражается стихами о «лицемерии»:

Проклятие Тебе, бездушный мир,
Тебе, презренный золотой кумир,
И богачам-чудовищам, свершившим
Жестокое, кровавое злодейство.
Вещают правду вам уста поэта:
Кругом детей невинных кровь течет!
Бросаю вам в лицо я правду эту
И жду: когда же мести час пробьет?

Может показаться, что *Ursa Major* проявляет ужасающую смелость, когда она людям «бросает в лицо правду из своих уст поэта». Но можно вполне успокоиться и не дрожать за ее печень и за ее безопасность. Богатые не причинят зла нашему большому медведю, как и наш большой медведь ничего им не сделает. Он полагает лишь, что старого Хиллера нужно было либо обезглавить, либо:

Легчайший пух под голову злодея
 Заботливой рукою подостлать,
 Чтоб в крепком сне забыл он, — вам на благо, —
 Какой отрады вы его лишили.
 Когда ж он бодрствует, вокруг него
Две сотни арф пускай бы сладко пели,
 Чтоб никогда предсмертный хрип ребенка
 Его ушей и сердца не терзал,
 И многое еще во искупленье —
 Нежнейшее, что может дать любовь, —
 Тогда б вы грех с себя, быть может, сняли
 И совесть успокоили б свою. (Стр. 263.)

Благодушие из благодуший — такова в действительности истина «истинного социализма»! «Вам на благо!» «Успокоение совести!» *Ursa Major* впадает в детство и рассказывает сказки для детей. Известно, что она все еще ждет, когда «мести час пробьет».

Но еще гораздо веселее, чем Хиллериада, «Кладбищенские идиллии». Сперва автор видит, как хоронят бедняка, слышит жалобы его вдовы, затем видит, как хоронят молодого, павшего на войне солдата, который был единственной опорой старого отца, затем ребенка, убитого своей матерью, и, наконец, богача. Увидев все это, он «призадумывается», и вот

Мой взор стал светел, ясен и, сверкая,
 Он проникает в глубь могилы. (Стр. 285.)

К сожалению, стихи его не «ясны» и проникнуть «в глубь» их невозможно.

Таинственное стало мне открыто.

Зато для него осталось совершенно «таинственным» то, что стало «открытым» для всего мира, а именно, ужасающая негодность его стихов. Ясновидящий медведь видел, как «на лету свершилось чудо из чудес». Пальцы бедного человека стали кораллами, его волосы — шелком, что принесло его вдове большое богатство. Из гроба солдата вырывается пламя, которое пожирает дворец короля. Из гроба ребенка вырастает роза,

аромат которой доходит до тюрьмы, где сидит его мать. Богач посредством переселения душ превращается в ехидну, и Ursa Major доставляет себе личное удовольствие, разрешая своему младшему сыну ее растоптать! Итак, полагает Ursa Major, «все же каждому из нас бессмертие достанется в удел».

Впрочем, наш медведь все же не лишен храбрости. На стр. 273 он громовым голосом бросает вызов «своему злощастью». Он не боится его, ибо:

В моей душе могучий лев сидит, —
Он так отважен, так могуч и ловок, —
Поберегись его когтей железных!

Да, Ursa Major «чувствует стремление к борьбе» и «не страшится ран».

Ф. Энгельс. «Истинные социалисты».
Сочинения, т. 3, стр. 545—586.

КАРЛ БЕК. «ПЕСНИ О БЕДНЯКЕ»¹, ИЛИ ПОЭЗИЯ «ИСТИННОГО СОЦИАЛИЗМА»

«Песни о бедняке» начинаются песней, посвященной богатому дому.

Дому Ротшильдов

Чтобы избежать недоразумений, поэт, обращаясь к богу, пишет: «ГОСПОДИН», а обращаясь к дому Ротшильдов: *господин*.

Уже во вступлении у него проявляется свойственная ему мелкобуржуазная иллюзия, будто золото «владевает по прихоти» Ротшильда, иллюзия, которая влечет за собой целый ряд фантастических представлений о могуществе дома Ротшильдов.

Поэт не угрожает уничтожением действительного могущества Ротшильда, уничтожением общественных отношений, на которых оно покоится; он желает лишь более гуманного применения этого могущества. Он хнычет по поводу того, что банкиры являются не социалистическими филантропами, мечтателями, благодетелями человечества, а просто банкирами. Бек воспевает трусливое мещанское убожество, «бедняка», раувге *honteux*², существо с ничтожными, благочестивыми и противоречивыми желаниями, «маленького человека» во всех его ви-

¹ К. Beck. «Lieder vom armen Mann». Leipzig, 1846. *Ред.*

² — несчастного, не смеющего просить милостыню. *Ред.*

дах, но не гордого, грозного и революционного пролетария. Угрозы и упреки, которыми Бек осыпает дом Ротшильдов, вопреки всем добрым намерениям автора, производят на читателя более комическое впечатление, чем проповедь капуцина. Они покоятся на ребяческой иллюзии о могуществе Ротшильдов, на полном непонимании связи этого могущества с существующими отношениями, на глубоком заблуждении относительно средств, которые Ротшильды должны применять, чтобы стать силой и оставаться силой. Малодушие и глупость, бабская сентиментальность, жалкое прозаически-трезвенное мелкобуржуазное филистерство — таковы те музы, которые вдохновляют эту лиру, и они напрасно селятся казаться страшными. Они становятся лишь смешными. Их искусственно низкий бас постоянно срывается на комический фальцет; в их драматическом изображении титаническая борьба Энциелада превращается в шутовское кувыркание клоуна.

«По прихоти твоей владычествует золото
 О, будь твой деянья столь прекрасны,
 Столь сердце велико, как власть твоя!» (Стр. 4.)

Жаль, что *власть* принадлежит Ротшильду, а нашему поэту — *сердце*. «Если б их слить воедино, это было бы слишком для мира» * (г-н Людвиг Баварский).

Первый, кто противопоставляется Ротшильду, это, конечно, сам певец, и именно *немецкий* певец, обитающий в «высоких и святых мансардах».

«Поет о праве, истине, свободе,
 Об этом БОГЕ в тредином роде,
 Рождающая песни лира бардов.
 И человека пенье побуждает
 Идти за гением». (Стр. 5.)

Этот «БОГ», заимствованный из эпитафии «Leipziger Allgemeine Zeitung» *, не производит на еврея Ротшильда никакого впечатления уже благодаря своей троичности; напротив, на немецкое юношество он оказывает поистине магическое действие.

«И властно зовет исцеленная юность
 И животворного пламени семя
 Выходит сотнями славных имен в наше время». (Стр. 6.)

Ротшильд судит о немецких поэтах иначе:

«И песню нашу, посланницу неба,
 Зовешь ты жаждою славы и хлеба».

Напрасно юность властно зовет и поднимаются сотни славных имен, слава которых в том и состоит, что они ограничиваются простым воспламенением; напрасно «трубы зовут к борьбе отважно», а «сердце так громко стучит среди ночи». —

«Глупое сердце! Оно, как зачатие,
Чует божественное зачатие». (Стр. 7.)

О это глупое сердце, эта дева Марвия! — Напрасно

«О юность, этот мрачный *Саул*» (см. Карл Бек. «Саул», Лейпциг, Энгельман, 1840),
«На бога рощет, на себя».

Вопреки всему этому Ротшильд придерживается вооруженного мира, который, по мнению Бека, от него лишь одного и зависит.

Газетное сообщение, что святая Папская область послала Ротшильду орден Спасителя, служит нашему поэту поводом для доказательства, что Ротшильд не спаситель; с таким же успехом это могло бы служить поводом для не менее интересного доказательства, что Христос, хотя он и был спасителем, не был кавалером ордена Спасителя.

«Ты ли спаситель?» (Стр. 11.)

И он доказывает Ротшильду, что тот не *боролся* в страшную ночь, как Христос, что он никогда не приносил в жертву гордого, земного могущества

«Ради той кроткой и благодной цели,
Что ДУХ великий тебе предназначил». (Стр. 11.)

Следует упрекнуть великий ДУХ в том, что он не проявляет большой силы духа в выборе своих миссионеров и обращается с призывом к совершению *благодных* дел не по надлежащему адресу. Все *величие* его заключается лишь в размере букв.

Недостаточная способность Ротшильда к роли спасителя подробно доказывается ему на трех примерах: на его поведении по отношению к июльской революции, к полякам и к евреям.

«Вот Франции доблестный сын восстал» (стр. 12),

словом, вспыхнула июльская революция.

«Ты был ли готов? Звенело ли злато,
Как трель жаворонка — певуны крылатой

Навстречу весне, что весь мир возрождает
И наших желаний горячих рой,
Познавших в груди безмятежный покой,
Обновленным к жизни от сна пробуждает?» (Стр. 12.)

Возродившая мир весна была весной буржуа, для которого, само собой разумеется, звон злата — золота Ротшильда, как и всякого другого, — был торжествующим и сладким пением жаворонка. Правда, желания, которые во время Реставрации безмятежно покоились не только в груди людей, но и в вентах карбонариев, в это время обновленными пробудились к жизни, и *бедняк* Бека оказался не у дел. Впрочем, как только Ротшильд убедился в том, что новое правительство имеет солидную базу, его жаворонки беззаботно запели, разумеется, за обычные проценты.

То, что Бек целиком находится во власти мелкобуржуазных иллюзий, обнаруживается в апофеозе Лаффита, противопоставляемого им Ротшильду:

«Подле рождающих зависть хорóm
Бюргера домик, подобный святыне» (стр. 13),

т. е. дом Лаффита. Восторженный мелкий буржуа гордится бюргерской скромностью своего дома в противоположность рождающим зависть хорóмам Ротшильда. Его идеал, тот Лаффит, который рисуется в его воображении, конечно, также должен жить в скромной бюргерской обстановке; отель Лаффита уменьшается до размеров дома немецкого бюргера. Сам Лаффит изображается в нем в виде добродетельного домохозяина, мужа, чистого сердцем; он сравнивается с Муцием Сцеволой, он будто бы пожертвовал своим состоянием, чтобы двинуть вперед *человека* и свой век (не имеет ли Бек в виду парижский «Siècle»^{1*}). Бек называет его мечтательным мальчиком, под конец — нищим. Трогательно изображены его похороны:

«В процессии за гробом шла
Чуть слышным шагом Марсельеза». (Стр. 14.)

Рядом с Марсельезой следовала карета королевской семьи, а непосредственно за ней г-н Созе, г-н Дюшатель и все толстобрюхие и алчные хищники палаты депутатов.

Насколько же должны были *стихнуть* шаги Марсельезы, когда после июльской революции Лаффит, с триумфом вводя

¹ Игра слов: «Siècle» — «Век» (название газеты). *Ред.*

своего «кума»¹, герцога Орлеанского, в ратушу, произнес ошеломляющую фразу: *отныне господствовать будут банкиры!*

Что касается *поляков*, то поэт ограничивается лишь упреком Ротшильду, что тот не оказался достаточно щедрым по отношению к эмигрантам. Здесь нападение на Ротшильда превращается в анекдот в подлинно провинциальном стиле и вообще утрачивает всякую видимость нападения на власть денег, представляемую Ротшильдом. Буржуа, как известно, повсюду, где они господствуют, приняли поляков весьма любезно и даже с энтузиазмом.

Вот пример этого бреда: появляется поляк, просит подаяния и молит; Ротшильд дает ему серебряную монету, поляк,

«Монету взяв, дрожит от счастья,
Благословив тебя, твой род и племя», —

положение, от которого польский комитет в Париже до сих пор в общем избавлял поляков. Вся эта сцена с поляком служит для нашего поэта лишь поводом самому стать в позу:

«Но счастья нищего жалкий кусок
С презреньем бросаю я в твой кошелек
От имени людей, влачащих бремя!» (Стр. 16.)

Чтобы попасть подобным образом в кошелек, нужна большая ловкость и опыт в метании в цель. Наконец, Бек обеспечивает себя и на случай обвинения в оскорблении действием, так как он действует не от своего имени, а от имени людей.

Ротшильд уже на стр. 9 упрекается в том, что он принял грамоту о присоединении прав гражданства от разжиревшей столицы Австрии,

«Где твой затравленный единоведец
Платит за воздух, за солнца свет».

Бек полагает даже, что Ротшильд вместе с этой венской грамотой о правах гражданства приобрел счастье свободного человека.

Теперь, на стр. 19, он обращается к нему с вопросом:

«Освободил ли ты свой собственный народ,
Что вечно жаждет и страдает?»

Итак, Ротшильд должен был бы стать спасителем евреев. Но как он должен был сделать это? Евреи избрали его *коро-*

¹ В оригинале слово «Комрёге» от французского «comrège», имеющего двойной смысл: кум и соучастник в интриге, авантюре. *Ред.*

лем, так как он обладал наиболее тугой золотой мошной. Он должен был бы научить их презирать золото, «отречься от него во имя блага мира» (стр. 21).

Он должен был бы заставить их забыть об эгоизме, плутовстве и ростовщичестве, словом — ему следовало бы выступить в роли проповедника нравственности и покаяния, в рубище и с головой, посыпанной пеплом. Это отважное требование нашего поэта равносильно тому, как если бы он потребовал от Луи-Филиппа, чтобы тот внушил буржуа — питомцу июльской революции — мысль об упразднении собственности. Если бы Ротшильд и Луи-Филипп настолько утратили разум, они бы очень скоро лишились своей власти, но ни евреи не отказались бы от торгашества, ни буржуа не забыли бы о собственности.

На стр. 24 Ротшильду делается упрек, что он высасывает из буржуа все соки, как будто не следовало бы желать, чтобы у буржуа высасывали все соки.

На стр. 25 сказано, будто бы Ротшильд опутал государей. *Но разве не нужно с ними так поступать?*

Мы уже имели достаточно доказательств того, какое сказочное могущество Бек приписывает Ротшильду. Но далее все идет crescendo¹. После того как на стр. 26 он предается мечтаньям о том, чего бы только он (Бек) ни сделал, если бы был собственником солнца, — а именно, он не сделал бы и сотой доли того, что солнце делает и без него, — ему внезапно приходит в голову мысль, что Ротшильд является не единственным грешником, но что рядом с ним существуют и другие богачи. Но

«Наставником сделался ты поневоле.
Учились богатые в этой школе.
Ты должен ведь был их в жизнь ввести,
Их совестью стать в земном пути.
Они одичали — ты был хладнокровен,
Погрязли в разврате — ты в этом виновен». (Стр. 27.)

Итак, развитие торговли и промышленности, конкуренцию, концентрацию собственности, государственные долги и ажиотаж, короче говоря, — все развитие современного буржуазного общества г-н Ротшильд мог бы предотвратить, если бы он был лишь немного *совестливее*. Надо действительно обладать toute la désolante naïveté de la poésie allemande², чтобы отважиться

¹ — все возрастаю. *Ред.*

² — всей несносной наивностью немецкой поэзии. *Ред.*

напечатать такие детские сказки. Ротшильд превращается здесь в настоящего Аладина.

Не довольствуясь этим, Бек наделяет Ротшильда

«Головокружительно величественной ролью

.....
Умерить *все страданья мира*».

Такую миссию не могли бы выполнить даже в самой небольшой степени все капиталисты мира, вместе взятые. Неужели поэт не замечает, что он становится тем смешнее, чем возвышеннее и сильнее он старается быть, что все его упреки Ротшильду превращаются в самую низкую лесть, что он прославляет могущество Ротшильда так, как этого не мог бы сделать самый угодливый панегирист. Ротшильд должен был себя поздравить, наблюдая, в виде какого гигантского пугала отражается его маленькая личность в мозгу немецкого поэта.

После того как наш поэт облек в стихотворную форму невежественные романтические фантазии немецкого мелкого буржуа о могуществе крупного капиталиста и упования на его добрую волю, после того как в сознании своей головокружительно величественной роли он головокружительно раздул фантазию об этом могуществе, он высказывает моральное возмущение мелкого буржуа по поводу контраста между идеалом и действительностью и при этом в таком пароксизме патетики, который способен вызвать гомерический хохот даже у пенсильванского квакера:

«Пылал мой лоб, я мысли гнал прочь,
Не в силах об этом думать всю ночь»
(21 декабря).

.....
«Вставали волосы *дыбом* невольно,
Я словно хватался за сердце БОГА,
Как звонарь за канат на своей колокольне». (Стр. 28.)

Этим он, наверное, окончательно свел в могилу старика. Он полагает, что «духи истории» доверили ему здесь мысли, которых он не должен был бы высказывать ни вслух, ни про себя. И вот, наконец, он приходит к отчаянному решению протанцевать канкан в своем собственном гробу:

«Когда-нибудь сладостно мой скелет
В истлевшем саване содрогнется,
Едва услышит в могиле мой» (скелета) «прах,
Что жертвы дымятся на алтарях». (Стр. 29.)

Я начинаю побаиваться мальчика Карла.

Песня о доме Ротшильдов, собственно, закончена. Теперь следуют, как это обычно принято у *современных* лириков, рифмованные размышления об этой песне и о роли, которую играет в ней поэт.

«Я знаю, что могучей дланью
Избить меня можешь до крови, до боли» (стр. 30),

т. е. отсчитать ему пятьдесят ударов. Австриец не может забыть о порке. Перед лицом этой опасности ему придает мужества возвышенное чувство:

«Но без колебанья, по БОЖЬЕЙ воле,
Что думал, то пел, по его желанью».

Немецкий поэт всегда по приказу. Конечно, ответственность несет господин, а не слуга, и поэтому и Ротшильд должен иметь дело с БОГОМ, а не с Беком, его слугой. Вообще для *современных* лириков стало правилом:

1) хвастаться опасностью, которой они будто бы подвергаются из-за своих безобидных стихов;

2) получать побои и взывать после этого к богу.

Песнь «Дому Ротшильдов» заканчивается выражением высоких чувств по поводу той же песни, о которой автор, клеветца сам на себя, говорит:

«Горда и свободна, тебя покорит
И скажет, чему присягает с верой» (стр. 32),

т. е. собственному совершенству, как раз проявляющемуся в этих заключительных строках. Мы боимся, однако, как бы Ротшильд не привлек Бека к суду не за его песню, а за эту ложную присягу.

О, если б вы простерли златую благодать!

Поэт призывает богатых оказывать помощь *нуждающемуся*,

Пока трудом его не сыты
Его жена и сын.

И все это для того,

Чтоб мог он *добрым* оставаться,
Как человек и гражданин.

т. е. *summa summaum*¹ добрым *мещанином*². Бек вернулся, таким образом, к своему идеалу.

¹ — в итоге всего. *Ред.*

² Игра слов: «Bürger» — «гражданин»; «Mann» — «человек»; «Bürgersmann» — «мещанин». *Ред.*

настолько, что кажется, будто слушаешь золотушную речь в золотушной саксонской сословной палате: ты не можешь стать ни ремесленником, ни «старшиной мелких торговцев», ни земледельцем, ни профессором, но медицинская карьера тебе открыта. Поэтически это выражено так:

Запрещены тебе ремесла,
Не можешь земледельцем быть.
Ты как учитель с молодежью
Не можешь с кафедры говорить.
.....
В селе больных лечить ты должен.

Разве подобным же образом нельзя было бы изложить в стихах прусский свод законов или переложить на музыку стихи г-на Людвига Баварского?

После того как еврей продекламировал своему сыну:

Трудиться должен, должен биться,
Чтоб деньги и добро добыть,

он его утешает:

Но *честность* все же сохранишь.

Лорелея

Эта Лорелея — не что иное, как золото.

И низость бьет волной широкой
В обитель чистоты высокой,
И счастье тонет в ней.

В этом излиянии душевной чистоты и в этом потоплении счастья содержится в высшей степени удручающая смесь прошлого и высокопарного. За сим следуют тривиальные тирады о предосудительности и безнравственности денег.

«За златом, за богатством рыщет» (любовь),
«Родных сердец и душ не ищет,
Не ищет рая в шалаше».

Если бы влияние денег ограничилось даже тем, что они развенчали бы немецкое искание родных сердец и родственных душ и шиллеровского *шалашика*, в котором находят приют любящая счастливая пара *, то и тогда можно было бы уже признать за ними революционную роль.

Песнь под бой барабанов

В этом стихотворении наш социалистический поэт опять показывает, как, погрязнув в немецком мешанском убожестве, он в силу этого постоянно вынужден портить и тот слабый эффект, который он производит.

Под бой барабанов выступает полк. Народ призывает солдат участвовать с ним в общем деле. Радусься тому, что поэт, наконец, проявил мужество. Но, увы, в конце концов мы узнаём, что речь идет лишь об именинах императора и обращение народа — это лишь мечтательная импровизация, которой украдкой занимается присутствующий на параде юноша, вероятно, гимназист:

Так юный с пылким сердцем грезит.

Тот же сюжет с той же развязкой под пером Гейне превратился бы в горчайшую сатиру на немецкий народ; у Бека же получилась лишь сатира на самого поэта, отождествляющего себя с юношей, беспомощно предающимся мечтам. У Гейне мечты бюргера намеренно были бы вознесены, чтобы затем так же намеренно низвергнуть их в действительность. У Бека сам поэт разделяет эти фантазии и, конечно, получает такие же повреждения, когда сваливается в мир действительности. Первый вызывает в бюргере возмущение своей дерзостью, второй, в котором бюргер видит родственную душу, действует на него успокаивающе. Пражское восстание * дало ему, впрочем, возможность воспроизводить кое-что совсем в другом роде, чем этот фарс.

Переселенец

Я отломил лишь ветку,
Донес о том лесник.
Помещик целил метко,
Вот на щеке отметка.

Не хватает только, чтобы и *донос* лесника был изложен такими же стихами.

Деревянная нога

Здесь поэт пытается повествовать и терпит поистине жалкую неудачу. Эта полная неспособность к повествованию и изображению, проявляющаяся во всей книге, характерна для поэзии «истинного социализма». «Истинный социализм» в

своей неопределенности делает невозможным установление связи между отдельными фактами, о которых нужно рассказать, и общими условиями, чтобы, таким образом, выявить в этих фактах все, что в них есть яркого и значительного. Поэтому «истинные социалисты» и в своей прозе избегают касаться истории. Там, где они не могут уклониться от нее, они довольствуются либо философской конструкцией, либо сухо и скучно регистрируют отдельные несчастные случаи и *социальные явления*. И всем им, как прозаикам, так и поэтам, не хватает необходимого для рассказчика таланта, что связано с неопределенностью всего их мировоззрения.

Картофель

На мотив: «Утренняя заря, утренняя заря!» *

Хлеб святой!
Ты приходишь в час крутой.
Ты приходишь *волей неба*
К людям, в мир, что жаждет хлеба.
Умер ты — вкушай покой!

Во второй строфе он называет картофель

Той частицей, что одна
От Эдема нам осталась,

и так характеризует картофельную болезнь:

Губит ангелов чума!

В третьей строфе Бек советует *бедняку* надеть траур:

О бедняк!
Траур надевай, коль так.
Для тебя уж все пропало —
Ах, последнего не стало!
Плачь, кто может, пуст очаг.

О печальная страна!
Бог твой умер, ты одна,
Но утешься, край суровый, —
Искупитель к жизни новой
Вновь восстанет ото сна!

Плачь, кто может плакать, вместе с поэтом. Если бы он не испытывал такого же недостатка в энергии, как его *бедняк* в доброкачественном картофеле, он порадовался бы тому напитку, который получен был прошлой осенью из картофеля, этого бога буржуазии, одного из устоев существующего буржуазного общества. Немецкие землевладельцы и буржуа могли

бы без всякого ущерба разрешить петь это стихотворение в церквах.

Бек заслуживает за свое рвение венка из цветов картофеля.

Старая дева

Мы не будем подробно разбирать это стихотворение, так как оно бесконечно длинно и растянулось на девяносто невыразимо скучных страниц. Старая дева, в цивилизованных странах существующая в большинстве случаев только номинально, представляет собой в Германии значительное «социальное явление».

Самая обычная манера социалистически-самодовольного рассуждения заключается в том, чтобы говорить: все было бы хорошо, если бы только, с другой стороны, не было бедных. Такое рассуждение можно было бы применить к любому предмету. Подлинное содержание его заключается в филантропически-лицемерном мелкобуржуазном филистерстве, которое полностью приемлет *положительные* стороны существующего общества и причитает лишь по поводу того, что наряду с этим существует и *отрицательная* сторона — бедность; филистерство это целиком срослось с современным обществом и желало бы только, чтобы оно продолжало существовать, но *без условий его существования*.

Бек повторяет это рассуждение в своем стихотворении, часто в крайне тривиальной форме, например, он пишет по случаю рождества:

О день, отрадный всем сердцам,
 Вдвойне милей ты был бы нам,
 Когда бы этот праздник желанный
 Не пробуждал в душе *бедного* мальчугана
 Зависти, первого из грехов:
 В окно к богатому товарищу смотрит без слов,
 А в сердце его богохульства буря.
 Да как наслаждался бы слух мой игрой
 Детства счастливого в праздничном доме,
 Если б тогда же в трущобе сырой
 Бедность не мерзла на грязной соломе.

В этом бесформенном, бесконечно длинном стихотворении встречаются, впрочем, отдельные хорошие места, например, изображение люмпен-пролетариата:

Он каждый день напрасно рыщет,
 Еду в зловонных ямах ищет,

Как воробей свой корм дневной,
Он чинит, точит день-деньской,
Стирает вспухшею рукой,
Тележку тащит, еле жив,
С горой незрелых груш и слив:
«Кто купит? Кто?» — в слезах поет
И для гроша в грязи снует.
И на углу во славу божью
— Ведь в бога свято верит он —
Протягивает руку с дрожью:
Есть против нищенства закон.
Хотя и глух он, и немолод,
Бренчит на арфе в дождь и холод;
Из года в год все песнь одна
Звучит у каждого окна,
И няньку он плясать зовет,
А сам не слышит, что поет;
Он освещает улиц тьму,
Но света нет в его дому.
Он рубит лес и тащит груз,
Но, потеряв к работе вкус,
Стал вором, сводником, ханжой
И пропил совесть и разум свой.

Бек впервые поднимается здесь над уровнем обычной немецко-бюргерской морали, вкладывая эти стихи в уста старого нищего, дочь которого просит отца отпустить ее на свидание с офицером. Он рисует ей в приведенных выше стихах полную горечи картину положения тех классов, к которым принадлежал бы ее ребенок, и черпает свои возражения непосредственно из условий ее существования, не читая ей при этом — этого нельзя не признать — моральной проповеди.

Не укради

Нравственный слуга одного русского, которого он сам называет добрым барином, обкрадывает ночью своего показавшегося ему спящим господина, чтобы помочь своему старому отцу. Русский крадется за ним и, глядя через его плечо, читает следующее письмо, которое тот пишет своему старику:

Я украл — возьми же деньги,
Вымоли, отец, у Спаса,
Чтобы с высоты престола
Даровал он мне прощенье.
Сна и отдыха не зная,
Буду я теперь трудиться:
Пусть украденное мною
Вновь владельцу возвратится.

Добрый барин нравственного слуги так растроган этим ужасным открытием, что не может произнести ни слова и, благословляя, кладет свою руку на голову слуги.

Но уже лежит тот *трупом*:
Сердце в страхе *разорвалось*.

Можно ли написать что-либо более комичное? Бек опускается здесь ниже уровня Коцебу и Иффланда; трагедия слуги превосходит даже мещанскую драму.

Новые боги и старые страдания

В этом стихотворении высмеиваются — и часто метко — Ронге, «Друзья света»*, евреи нового поколения, парикмахер, прачка, лейпцигский бюргер с его умеренной свободой. Под конец поэт оправдывается перед филистерами, которые будут обвинять его за это, хотя и он

О свете песнь
Пропел навстречу тьме и буре.

Он излагает затем даже социалистически видоизмененное, основанное на своеобразном натур-деизме учение о братской любви и практической религии и противопоставляет, таким образом, одно свойство своих противников другому их свойству. Таким образом, Бек никак не может кончить без того, чтобы снова себя не погубить, так как он сам глубоко погряз в немецком убожестве и слишком много рассуждает о себе, о поэте, витающем в своей поэзии. Поэт вообще у *современных* лириков снова стал невероятно прилизанной, необычайно напыщенной фигурой. Это не активное существо, которое живет в действительном мире и пишет стихи, это «поэт», парящий в облаках, но облака эти — не что иное, как туманные фантазии немецкого бюргера. — Бек постоянно переходит от невероятнейшей высокопарности к самой трезвенной мещанской прозе, от мелкого воинственного юмора, направленного против существующих условий, к сентиментальному примирению с ними. То и дело он спохватывается, что ведь это он-то и есть *de quo fabula narratur*¹.

Его песни оказывают поэтому не революционное действие, а действуют, как

«Три шипучих порошка,
Останавливающие кровь». (Стр. 293.)

¹ — тот, о ком идет речь. *Ред.*

Вся книга весьма характерно заканчивается поэтой следующим бессильным нытьем, выражающим покорность:

*Когда, о божe, будем
Мы жить, как должно людям?
Страдая, жажду я вдвойне,
Вдвойне устал я от терпенья.*

Бек бесспорно обладает ббольшим талантом и ббольшей природной энергией, чем ббольшинство немецкой литературной мелкоты. Его единственное несчастье — это немецкое убожество, к теоретическим формам которого принадлежат и напыщенно-слезливый социализм, и младогерманские реминисценции Бека. Пока общественные противоречия не примут в Германии бболее острой формы, благодаря бболее определенному размежеванию классов и ббыстрому завоеванию политической власти буржуазией, в самой Германии немецкому поэту надеяться особенно не на что. С одной стороны, для него невозможно выступать революционно в немецком обществе, так как сами революционные элементы еще слишком неразвиты; с другой стороны, окружающее его со всех сторон хроническое убожество действует слишком расслабляюще, лишая его возможности подняться над ним, быть свободным от него и высмеивать его без риска самому вновь в него впасть. Всем немецким поэтам, у которых есть хоть какой-нибудь талант, пока что можно посоветовать только одно — переселиться в цивилизованные страны.

Ф. Энгельс. Немецкий социализм в стихах и прозе.
Сочинения, т. 4, стр. 208—222.

ЛИТЕРАТУРА
ВУЛЬГАРНОЙ
ДЕМОКРАТИИ

ЛИБЕРАЛЬНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

1

Около этого времени, т. е. в 1843—1844 гг., в Германии возникла особая отрасль литературы, благоприятствующая этой перемене *. Несколько австрийских писателей, беллетристов, литературных критиков, плохих поэтов, — все людей весьма посредственных талантов, но одаренных особенной коммерческой сноровкой, свойственной еврейскому племени, — поселились в Лейпциге и других германских городах, расположенных вне Австрии, и здесь, находясь вне власти Меттерниха, печатали ряд книг и брошюр об австрийских делах. Они и их издатели «бойко торговали». Вся Германия жаждала узнать тайны политики европейского Китая *, а австрийцы, получавшие эти издания контрабандным путем через богемскую границу, были еще любопытнее. Конечно, секреты, разоблачавшиеся в этих изданиях, были не великой важности, а проекты реформы, набросанные доброжелательными авторами, носили печать безвредности, почти доходившей до политической невинности. Конституция и свобода печати для Австрии считались недостижимыми; административные реформы, расширение прав областных ландтагов, допущение иностранных книг и газет и менее суровая цензура, — далее этого лояльные и смиренные желания добрых австрийцев вряд ли заходили.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии.
Сочинения, т. VI, стр. 42.

2

В № 10 «Sozialdemokrat» * напечатаны «Очерки по истории прессы», безусловно принадлежащие перу одного из трех светил¹. Там сказано: «Социал-демократы могут только *гордиться* сравнением с беллетристами вроде Гуцкова и Лаубе», т. е. с людьми, еще задолго до 1848 г. похоронившими остатки своего политического достоинства, если оно у них вообще когда-либо было.

Ф. Энгельс — А. Бебелю 16 декабря 1879 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 76.

¹ Энгельс имеет в виду Гёхберга, Шрамма и Бернштейна. *Ред.*

ИЗ ПОЛЕМИКИ ПРОТИВ КАРЛА ГЕЙНЦЕНА

Незадолго до реформации и во время нее у немцев со-
здался своеобразный вид литературы, уже одно название ко-
торого поражает, — *грубиянская* литература *. В настоящее
время мы накануне революционной эпохи, аналогичной
XVI веку. Не удивительно, что у немцев снова появляется гру-
биянская литература. Интерес к историческому развитию без-
труда побеждает то чувство эстетического отвращения, кото-
рое этого рода писания вызывают и уже вызывали в XV и
XVI веках у людей даже с мало развитым вкусом.

Плоская, безудержно болтливая, фанфаронствующая,
хвастливая, как Фрасон, претенциозно-грубая в нападении и
истерически-чувствительная к чужой грубости; с огромной
затратой сил заносщая меч и грозно размахивающая им, чтобы
затем опустить его плашмя; неустанно проповедующая добрые
нравы и неустанно их нарушающая; комично сочетающая па-
фос с вульгарностью; пекущаяся лишь о сути дела и постоянно
проходящая мимо нее; одинаково высокомерно противопостав-
ляющая народной мудрости мещанскую, книжную полууче-
ность, а науке — так называемый «здравый человеческий
смысл»; растекающаяся с какой-то самодовольной легкостью
в беспредельную ширь; облекающая мещанское содержание в
плебейскую форму; борющаяся с литературным языком, чтобы
придать ему, если можно так выразиться, чисто телесный ха-
рактер; охотно показывающая за строками фигуру самого ав-
тора, у которого так и чешутся руки дать почувствовать свою
силу, показать ширину своих плеч, распрямиться на виду у
всех во весь свой богатырский рост; прокламирующая здоров-
ый дух в здоровом теле и, сама того не ведая, зараженная
самой мелочной грызней и телесным зудом XVI века; скован-
ная ограниченными догматическими понятиями и в такой же
мере апеллирующая в противовес всякой теории к мелочной
практике; негодующая на реакцию и выступающая против

прогресса; бессильная выставить противника в смешном виде и потому комично обрушивающаяся на него с целым набором всевозможных ругательств; Соломон и Маркольф, Дон-Кихот и Санчо Панса, мечтатель и филистер в одном лице; хамская форма возмущения, обличие возмущенного хама; и над всем этим парит, как атмосфера, *честное* сознание * самодовольного добродетельного обывателя, — такова была *грубиянская литература* XVI века. Если нас не обманывает память, немецкое народное остроумие воздвигло ей лирический памятник в виде песенки «*Хейнеке, слуге-силачу*». Г-ну Гейнцену принадлежит заслуга быть одним из тех, кто возродил эту грубиянскую литературу, и в этом отношении его можно считать одной из немецких ласточек наступающей весны народов.

Манифест Гейнца * против коммунистов, напечатанный в № 84 «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*», дает нам удобный повод для изучения этой убудочной литературы, на представляющую исторический интерес для Германии сторону которой мы указали выше. На основании манифеста Гейнца мы охарактеризуем ту разновидность литературы, представителем которой он является, подобно тому как историки литературы на основании дошедших до нас произведений XVI века характеризуют писателей XVI века, например «*Гусиного проповедника*»¹:

Бирон. Спрячься, Ахилл *, сюда идет вооруженный Гектор.

Король. Гектор в сравнении с ним был не более, как простой троянец.

Бойе. Разве это Гектор?

Дюмен. Гектор, кажется, был не так хорошо сложен.

Бирон. Решительно, это не Гектор!

Дюмен. Он или бог, или живописец, потому что делает рожи².

Но в том, что г-н Гейнцен — настоящий Гектор, нет никакого сомнения.

«Уже давно», — признается он, — «томило меня предчувствие, что я паду от руки какого-нибудь коммунистического Ахилла. Ныне же, когда я подвергся нападению со стороны Терсита, избавление от опасности снова вселяет в меня бодрость» и т. д.

Лишь Гектору дано предчувствовать, что он падет от руки Ахилла.

Впрочем, быть может, г-н Гейнцен почерпнул свои представления об Ахилле и Терсите не из Гомера, а из шлегелевского перевода Шекспира?

¹ — прозвище Томаса Мурнера. *Ред.*

² Шекспир. Бесплодные усилия любви. *Ред.*

В таком случае он присваивает себе роль Аякса *.
 Присмотримся к Аяксу Шекспира.

Аякс. Я тебя изомну, как тесто, и сделаю из тебя красавца!

Терсит. Скорее мои насмешки превратят тебя в умного человека; твоя лошадь, и та скорее заучит любую проповедь, чем ты выучишь наизусть хоть одну молитву. Умеешь драться? Да или нет? Возьми тебя чесотка с твоими лошадиными привычками!

Аякс. Говори, поганый гриб, что там объявляли!

Терсит. Что ты дурак, конечно.

Аякс. Проклятое отродье!

Терсит. Ну, бей!

Аякс. Ах ты, ведьмин стул!

Терсит. Ну, бей, бей! Шелудивый храбрый осел! Тебя ведь сюда затем и прислали, чтобы молотить троянцев, а люди хоть сколько-нибудь с умом купят и продадут тебя, как африканского раба... Если люди не врут, у вашего брата весь ум по большей части находится в мышцах.

Терсит. Чудеса!

Ахилл. В чем дело?

Терсит. Аякс ходит взад и вперед и ищет себя самого.

Ахилл. Как так?

Терсит. Завтра ему предстоит поединок, и он так пророчески горд героической потасовкой, что неистовствует, не произнося ни слова.

Ахилл. Как же так?

Терсит. А вот так: он шагает взад и вперед, выпятив грудь, как павлин; делает шаг и остановится; шепчет себе под нос, как трактирщица, которой приходится в уме составлять счет за попойку; кусает себе губы с видом государственного мужа и словно хочет сказать: в этой голове ума палата, показаться бы ему только оттуда... Я предпочел бы быть вошью в овечьей шерсти, чем таким *отважным дураком* ¹.

Под чьей бы маской ни появлялся г-н Гейнцен — Гектора или Аякса, — стоит ему только выступить на арену, как уже он громовым голосом объявляет зрителям, что его противнику не удалось нанести ему «смертельного удара». Со всем простодушием и эпическим многословием древних героев Гомера разъясняет он причины своего спасения: «*Природному* недостатку», — рассказывает он нам, — «я обязан своим спасением». «Природа» меня «не приспособила» к уровню моего противника. Г-н Гейнцен двумя головами выше своего противника, и вот почему два «далеко нацеленных удара» его «маленького палача» не задела его «литературной шен». Г-н Энгельс — это несколько раз подчеркивается с особым ударением, — г-н Энгельс «мал», он — «маленький палач», он — «маленькая персона». Затем следует один из тех оборотов, которые можно встретить лишь в старинных героических

¹ Шекспир. Троиц и Крессиды. *Ред.*

сказаниях или в балаганной комедии о большом Голиафе и маленьком Давиде: «Если бы Вы висели так высоко» — на самой верхушке фонарного столба, — «Вас не заметил бы ни один человек на свете». Это юмор великана, причудливый и одновременно вселяющий трепет.

Столь «литературно» г-н Гейнцен демонстрирует не только свою «шею», но и всю свою «природу», все свое тело. Своего «маленького» противника он поставил рядом с собой, чтобы посредством контраста с надлежащей рельефностью показать совершенство своего телосложения. «Маленький» уродец держит в своих ручонках *топор палача* — быть может, одну из тех миниатюрных гильотин, которые в 1794 г. дарили детям в качестве игрушки. Напротив, он сам, грозный богатырь, со злой и презрительной усмешкой держит в руках лишь одно оружие — «розгу», которая, как он дает нам понять, давно служила для «наказания» злых «мальчишек» — коммунистов — за их «дерзкие выходки». Великан снисходительно обходится со своим «насекомообразным противником» как *педагог*, вместо того чтобы растоптать *безрассудно-смелого* молодчика. Он снисходительно беседует с ним, как *друг детей*, читая ему мораль, делая ему строжайшее внушение по поводу его тяжелых пороков, а именно: «лжи», «нелепой мальчишеской лжи», «наглости», «задорного тона», непочтительности и других прегрешений юности. Если при этом розга охваченного наставническим пылом исполина время от времени резко свистит над головой воспитанника, если по временам какое-нибудь грубейшее выражение прерывает поток нравоучительных изречений и даже отчасти сводит на нет их действие, то не следует ни на минуту забывать, что не может же исполин заниматься моральным воспитанием так, как им занимаются обычные школьные наставники, вроде *Квинта Фикслейна*, и что *природа*, если ее и прогнать в двери, вернется снова через окно. К тому же не следует упускать из виду, что те самые выражения, которые в устах такого карлика, как Энгельс, звучат как непристойность, вызывающая у нас отвращение, звучат восхитительно, пленяя наш слух и сердце подобно звукам природы, когда они произносятся таким колоссом, как Гейнцен. Да и уместно ли язык героя мерить узкой меркой обывательской речи? Разумеется, нет, так же как нельзя считать, например, что Гомер опускается до уровня грубиянской литературы, когда он одного из своих любимых героев, *Аякса*, называет «упрямым, как осел».

У великана были такие добрые намерения, когда он в № 77 «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» показал коммунистам свою розгу! А «маленький» уродец, которому он вообще не давал никакого повода брать слово — много раз выражает он свое богатырское изумление по поводу этой непостижимой дерзости пигмея, — отплатил ему такой неблагодарностью. «Имеется в виду отнюдь не давать советы», — жалуется он. «Г-н Энгельс жаждет моей смерти; он хочет убить меня, злодей».

А сам он? Он, как и по отношению к прусскому правительству, так и в этом случае, «с воодушевлением начал борьбу, неся под воинственной одеждой мирные предложения, *сердце, стремящееся к гуманному примирению* противоречий современности»¹. Но — увы! — «*воодушевление* это было облито *едкой влагой* коварства»².

Изеграм был ужасен и дик*. Он лапы свои растопырил
И с отверстием пастью быстро с места сорвался.

Рейнеке быстрый в сторону ловко скакнул и поспешно

Хвост свой пушистый смочил острой и *едкою влагой*

И в песке обвалял, чтобы пылью он мелкой покрылся.

Изеграм было уж думал, что тут-то он лиса и хватит,

Как проказник его в глаза хвостом своим мокрым

Вдруг ударил, — и зренья у волка тотчас помутилось.

На проделку такую лис часто и прежде пускался

И уже много зверей, много невинных созданий

Вредоносную силу урины его испытали³.

К. Маркс. Морализирующая критика и критицизирующая мораль. Сочинения, т. 4, стр. 291—295.

¹ Karl Heinzen. «Steckbrief» [Карл Гейнцен. «Приказ об аресте»].

² Там же.

³ Гёте. «Рейнеке-Лис».

ГОТФРИД КИНКЕЛЬ И ЕГО СОРАТНИКИ *

1

«Воспой, бессмертная душа *,
грешных людей спасение...
через Готфрида Кинкеля».

Готфрид Кинкель родился лет сорок тому назад. Жизнь его описана в автобиографии: «Готфрид Кинкель. Правда без вымысла. Биографические очерки». Издана она его бывшим учеником Адольфом Штродтманом (Гамбург, Гофман и Кампе, 1850, in 8°).

Готфрид является героем демократического зигвартовского периода *, породившего в Германии столь бесконечную патристическую тоску и слезоточивую скорбь. Дебютировал он в качестве посредственного лирического Зигварта.

Календарная отрывочность, с которой его земное существование преподносится читателю, так же как и назойливая развязность сих откровений, принадлежит апостолу Штродтману, «компилятивному изложению» коего мы в дальнейшем будем следовать.

Бонн. Февраль — сентябрь 1834 г.

«Юный Готфрид вместе со своим другом (Паулем Целлером) изучал евангелическую теологию и трудолюбием и благочестием снискал уважение своих славных учителей (Зака, Нитча и Блека)» (стр. 5). С самого же начала мы видим его «явно погруженным в глубокие размышления» (стр. 4), «мрачным и расстроенным» (стр. 5), совсем как подобает *grand homme en herbe* [будущему великому человеку]. «Карие, мрачно мерцающие очи Готфрида» следили за несколькими буршами «в коричневых фраках и голубых плащах». Готфрид тотчас же почувствовал, что бурши эти «стремились прикрыть внутреннюю пустоту внешним блеском» (стр. 6). Студент

теологии и ученик «славного Блека», конечно, не мог при преисполняющем его сознании мировой важности его «глубоких размышлений» и «внушающего почтения благочестия» не почувствовать нравственного возмущения по поводу коричневых фраков и голубых плащей, осмеливающихся появляться рядом с его черным кандидатским сюртуком. Его нравственное негодование (богослова, постоянно чувствующего в себе великого человека и мечтающего о своей будущей роли) объясняется тем обстоятельством, что Готфрид «защищал Гегеля и Маргейнеке», когда эти бурши назвали последнего «пошляком». Однако впоследствии, когда он на предмет продолжения научных занятий отправился в Берлин и сам должен был кое-чему поучиться у Маргейнеке, он записал в своем дневнике следующий стишок на его счет (стр. 61):

Кто в дебри умозренья погружен *,
 Ослу на чаклом пустыре подобен:
 Водимый сатаной за нос, он
 На луг цветущий выйти не способен.

Тут Готфрид позабыл о другом изречении, когда Мефистофель издевается над жаждущим познания учеником: «уничтожь же разум и науку!» *

Весь назидательный рассказ о студентах служит, таким образом, лишь вступлением к тому, чтобы дать будущему освободителю мира возможность изречь следующее откровение (стр. 6).

И сказал Готфрид: «Не погибнуть этому колену, если не быть войне... Лишь сильнейшими средствами можно спасти наше погрязшее поколение!» А друг его отвечивал: «Новый потоп, и ты в нем — Ной, но во втором, исправленном издании».

Таким образом, голубые плащи помогли Готфриду провозгласить себя «Ноем второго потопа». Студент теологии, причисляющий Блека к сонму «славных учителей», обещает уже своему «погрязшему поколению» спасение при помощи «сильнейших средств». А друг его делает по этому поводу замечание, которое можно было бы поставить в качестве эпиграфа ко всей биографии: «Отец мой и я не раз посмеивались *втихомолку над твоей способностью увлекаться неясными представлениями!*» (стр. 7).

Из всех этих прекраснодушных излиятий для меня выясняется одна, но весьма определенная мысль, а именно, что Кинкель уже в зародыше был великим человеком,

Обыденнейшие вещи, происходящие с обыденнейшими людьми, становятся у него многозначительными событиями. Ничтожные радости и горести, переживаемые любым кандидатом теологии в более интересной форме, столкновения с мещанской обстановкой, на каждом шагу наблюдаемые во всякой бурсе и всякой консистории Германии, становятся роковыми и мировыми событиями, по поводу которых преисполненный мировой скорби Готфрид непрестанно рисуется. Поэтому во всех этих его излияниях бросаются в глаза две черты — рисовка, смехотворная важность, с которой Готфрид набрасывается на малейшие пустяки, лишь бы провозгласить предчувствие своего будущего величия и заранее выставить себя в выгодном свете, — и *бахвальство*, лживость, с которой он задним числом пропитывает своей *vanité* [тщеславием] незначительнейшие мелочи своего лирически-теологического прошлого. Под углом зрения этих двух главных черт мы и будем рассматривать в дальнейшем сказание о Готфриде.

Семья «друга Пауля» покидает Бонн и возвращается в Вюртемберг. Вот каким образом Готфрид изображает это событие.

Готфрид любит сестру Пауля и возвещает при этой okazji, что он «уже дважды любил». Но теперешняя любовь его — не какая-нибудь обыкновенная любовь, а «пламенное и благочестивое служение богу» (стр. 13). Готфрид в сопровождении друга Пауля совершает восхождение на гору Драхенфельс и там, среди романтической декорации, разражается следующим дифирамбом:

«Пусть отходит дружба, — во Спасителе найду я брата!
Пусть отходит любовь, — невестой моей будет вера!
Пусть отходит верность сестры, — я вошел в многотысячную общину праведников!
Выйди же, о мое юное сердце, и научись быть наедине с твоим богом, и борись с ним, пока не одолеешь его и не наречет он тебе нового имени, имени священного Израиля, неведомого никому, кроме обретающего его!
Привет тебе, величавое восходящее солнце, прообраз моей пробуждающейся души» (стр. 17).

Итак, разлука с другом служит для Готфрида поводом воспеть восторженный гимн свободной душе (причем гимн этот заносится со стенографической точностью в дневник и, по истечении нескольких десятилетий, преподносится изумленному миру через посредство подставного лица Штродтмана). Однако этого недостаточно, — другу также полагается разразиться гимном. Во время вдохновенного излияния Готфрида

он говорит «приподнятым голосом, с пламенеющим лицом», «забывает о присутствии друга», «очи его искрятся», «восклицания его увлекательны» и т. д. (стр. 17), — словом, инсценируется все ветхозаветное явление Ильи-пророка.

«Со скорбной усмешкой взирал на него Пауль преданными очами и молвил: «В груди твоей бьется более мужественное сердце, нежели в моей, — *ты много возвысишься надо мной*, — но позволь мне быть твоим другом — хотя бы издалека». «Готфрид с радостью пожал протянутую ему руку и закрепил старый союз» (стр. 18).

В этой сцене горнего осияния Готфрид добился чего хотел. Друг Пауль, недавно еще посмеивавшийся над «пристрастием Готфрида к неясным понятиям», склоняется ниц при имени «священного Израиля» и признает превосходство и будущее величие Готфрида. Готфрид ликует и с дружеской снисходительностью возобновляет старый союз.

* * *

Перемена декорации. День рождения матери Кинкеля, супруги обер-кассельского пастора. Семейное торжество дает повод провозгласить, что, «подобно матери Спасителя, почтенная мать семейства именовалась Марией» (стр. 20), — явное указание на то, что Готфрид также призван быть спасителем мира. Таким образом, студент теологии на протяжении первых же двадцати страниц выставляется по поводу ничтожнейших событий *Ноем, священным Израилем, Илией* и, наконец, *Христом*.

* * *

Готфрид, в сущности ничего не переживающий, конечно, непрестанно копается в своих «переживаниях», в различных своих ощущениях. Пиэтизм, прилипший к нему, как к сыну проповедника и будущему богослову, вполне соответствует как природной слабости его темперамента, так и жеманному самоуглублению в собственную личность. Мы узнаем, что мать и сестры были строго благочестивы и что Готфрид обладал сильным сознанием своей греховности. Столкновение этого набожного *копания в грехах* с «веселым, жизнерадостным времяпрепровождением» обыкновенных студентов, — столкновение, встречающееся в жизни любого *набожного* кандидата на звание пропо-

ведника, — у Готфрида, сообразно его мировому историческому призванию, претворяется в соревнование между религией и поэзией, — и кружка пива, которую сын обер-кассельского пастора выпивает в компании других студентов, становится роковой чашей, по поводу которой борются обе души Фауста. Из описания набожной семейной жизни мы узнаем, как «мать Мария» борется с «греховным» пристрастием Готфрида к театру (стр. 28), — многозначительная раздвоенность, которая должна знаменовать призвание будущего поэта, но в действительности лишь обнаруживает склонность Готфрида к актерскому ломанию. Об его сестре Иоганне, пиэтистской мегере, рассказывают, что она однажды дала пощечину пятилетней девочке, недостаточно смиренно державшейся в церкви. Грязная семейная сплетня, оглашение которой было бы непонятно, если бы в конце книги не оказалось, что именно эта сестра Иоганна ревностнее всех восставала против брака Готфрида с госпожой Моккель.

Как о значительном событии, упоминается о том, что в Зельшейде Готфрид произнес «великолепную проповедь на тему об умирающем зрне».

* * *

Семья Целлеров и «возлюбленная Элиза», наконец, уехали. Мы узнаем, что Готфрид «горячо сжал руку девушки» и прошептал ей на прощанье: «Элиза, прощайте. Больше я ничего не смею сказать». За этой интереснейшей повестью следует первое зигвартовское слезоточение:

«Уничтожен!» «Безмолвно...». «Безутешная надорванность!» «Пылающее чело...». «Глубочайшие вздохи!..» «Безумнейшая боль пронизала его мозг» и пр. и пр. (стр. 37).

Вся сцена à la Илья-пророк становится, таким образом, чистой комедией, разыгранной перед самим собой и другом Паулем. Пауль вновь появляется на сцене, также в виде Зигварта, с прискорбием восседающего тут же и шепчущего ему на ухо: «сие лобзание моему Готфриду» (стр. 38).

Готфрид снова возвеселился.

«Крепче, чем когда-либо, утвердился я в том, чтобы не предстать вновь пред очи моей милой, пока не составлю себе имени» (стр. 38). По-видимому, и любовная тоска не вытесняет размышлений о будущем имени, щеголянье в кредит лавровым венком. Готфрид пользуется этим интермеццо, чтобы с напыщенным бахвальством занести на бумагу повествование о

своей любви, дабы не были утеряны для мира впечатлевающиеся в дневнике его чувствования. Однако сцена не достигла еще своего высшего напряжения. Верный Пауль принужден обратить внимание своего собирающегося перевернуть мир учителя на то обстоятельство, что, быть может, впоследствии Элиза, которая остановится в своем развитии, между тем как он сам будет развиваться дальше, перестанет его удовлетворять.

«О нет! — изрек Готфрид. — Этот небесный цветок, едва распустивший свои первые лепестки, благоухает так сладко. Что же будет, когда... пламенный луч мужской силы заставит развернуться и самое ее сердцевину!» (стр. 40).

На это грубое сравнение Пауль принужден возразить, что доводами от разума поэта не убедить.

«И все же мудрость ваша столь же мало защищает вас от жизненных случайностей, как наше *милое* безумие»... — ответил с *улыбкой* Готфрид (стр. 40).

Что за трогательная картина — Нарцисс, улыбающийся самому себе! Мешковатый кандидат внезапно выступает в качестве милого безумца, Пауль становится Вагнером, восторгающимся великим человеком, а великий человек «улыбается», он даже «улыбается мягко и дружески». Эффект спасен.

* * *

Готфриду, наконец, удается покинуть Бонн. Достигнутым им там высотам научного образования он сам подводит такой итог:

«От гегельянства я, к сожалению, отхожу все дальше и дальше; быть рационалистом — самое мое горячее желание, однако я в то же время являюсь супра-натуралистом и мистиком, а в случае надобности даже и пиетистом» (стр. 45).

К этому автопортрету прибавить нечего.

Берлин. Октябрь 1834 г. — август 1835 г.

Из мизерной семейной и студенческой обстановки Готфрид попадает в Берлин. Однако никаких следов влияния условий жизни большого города — по крайней мере по сравнению с Бонном, — никаких признаков участия в тогдашнем научном движении мы в повествовании не находим. Записи в дневнике Готфрида отмечают лишь настроения, переживаемые им совместно с новым *compagnon d'aventure* [товарищем по приклю-

чениям], Гуго Дюнвегом из Бармена, а также мелкие будничные заботы бедного богослова: денежные затруднения, потерянные фраки, устройство в качестве рецензента и пр. Жизнь его протекает совершенно вне всякой связи с общественной жизнью города; она сосредоточена в семье Шлепинг, где Дюнвег сходит за *мейстера Вольфрама*, а Готфрид — за *мейстера Готфрида Страсбургского* (стр. 67). Образ Элизы бледнеет все больше и больше; Готфрид чувствует новое увлечение — по адресу фрейлейн Марии Шлепинг; к тому же он на беду узнает о помолвке Элизы с другим и в конце концов резюмирует свои берлинские настроения и стремления в «*неясной тоске по женскому существу, которое он мог бы назвать вполне своим*».

Однако нельзя же покинуть Берлин без необходимого эффекта.

Перед тем, как ему покинуть Берлин, старик (режиссер) Вейс *еще раз* ввел его внутрь театра. Странное чувство обуяло юношу, когда в огромном зале, в котором расставлены бюсты германских драматургов, ласковый старик, указывая на несколько пустых еще ниш, многозначительно сказал:

«*Есть еще свободные места!*» (стр. 81).

Место для платеновского последыша Готфрида, столь невозмутимо принимающего воскуривание фимиама по поводу «будущего бессмертия» от старого шутника, — место это еще не занято.

Бонн. Осень 1835 г. — осень 1837 г.

«Постоянно колеблясь между искусством, жизнью и наукой, работая во всех трех областях без определенных стремлений, он надеялся из них всех извлечь, изучить и самому создать столько, сколько возможно было при его нерешительности» (стр. 89).

С этим сознанием нерешительного дилетантства возвратился Готфрид в Бонн. Настроение это ему, конечно, не помешало сдать экзамен на степень лиценциата и стать приват-доцентом Боннского университета.

«Ни Шамиссо, ни Кнапп не приняли посланных им стихотворений в издаваемые ими альманахи, и это очень его огорчало» (стр. 99).

Таков дебют на общественном поприще великого человека, привыкшего жить в частном кругу в кредит под будущее величие. С этого момента он окончательно становится сомнительной величиной местного значения для балующихся беллетристикой студенческих кружков, пока огнестрельное ране-

ние в Бадене не произвело его внезапно в герои германского филистерства.

«В груди Кинкеля все больше и больше зрела тоска по верной и стойкой любви, — тоска, которую никакой работой невозможно было заглушить» (стр. 103).

Первой жертвой этой тоски явилась некая Минна. Готфрид заигрывал с Минной и для разнообразия иногда выступал в качестве сострадательного «магадо»*, позволяющего деве на него молиться и при этом изрекающего размышления относительно ее здоровья. Кинкель мог бы ее полюбить, если бы он был в состоянии обманывать себя насчет ее положения; но *любовь* его могла бы лишь ускорить *гибель* увядающей розы. Минна была первой девушкой, которая могла его понимать вполне; но она была бы для него Гекубой, порождающей не детей, а огонь, и жар родителей сжег бы собственный дом, как Приам сжег Трою. Однако он не мог от нее оторваться, сердце его обливалось кровью при мысли о ней, он страдал «не от любви, а от любовного сострадания» (стр. 106).

Богopodobный герой, любовь которого, как лицезрение Юпитера, смертоносна, в действительности вульгарный, постоянно любующийся самим собою фат, при выборе невесты впервые пробующий выступить в роли сокрушителя сердец. Тошнотворные рассуждения по поводу болезненного состояния и могущих возникнуть из него последствий при деторождении становятся тем более противными, что служат поводом к продолжению внутреннего самолюбования, и герой только тогда отказывается от них, когда находит повод для новой мелодраматической сцены.

Готфрид отправляется к одному из своих дядей, у которого только что умер сын. И у самого гроба, в жуткий полуночный час, разыгрывает он со своей кузиной, мадемуазель Элизой 2-й, сцену во вкусе опер Беллини: обручается с ней «на глазах у покойника» и на следующее утро благополучно принимается дядюшкой в качестве будущего зятя.

«Он часто думал о Минне и о том мгновении, когда он должен будет предстать пред ней, навеки для нее потерянный; однако он не страшился этого мгновения, ибо она не могла предъявлять никаких притязаний на сердце, отданное другой» (стр. 117).

Новое обручение имело значение лишь с той точки зрения, что вызывало в отношениях с Минной драматическую коллизию, в которой сталкивались «долг и страсть». Коллизия эта проводится с самой мещанской подлостью, причем герой даже

перед самым собой отрицает притязания Минны на «отданное другой» сердце. При этом добродетельного мужа, конечно, насколько не стесняет это обстоятельство, что налгать самому себе он может, только трусливо подтащав сроки «отдания сердца».

И Готфрид примирился с интересной необходимостью разбить «бедное великое сердце»:

«После некоторого молчания Готфрид продолжал: «Кажется, я должен, милая Минна, попросить у вас прощения, — быть может, я провинился перед вами... Минна, рука эта, которую я вам вчера с такой лаской дал... эта рука больше не свободна — я обручен!» (стр. 123).

Мелодраматический кандидат остерегается, однако, сказать ей, что обручение это произошло через несколько часов после того, как он ей «с такой лаской» дал руку.

«О Боже!.. Минна, можете ли вы простить меня?» (стр. 123). «Я мужчина и должен оставаться верным своему долгу, — я не должен любить вас! Но я вас не обманывал» (стр. 124).

После этого добродетельного долга, выдвигаемого задним числом (и с такой несопрятной искусственностью), недостает только самого невероятного, эффектного выверта всего положения, при котором не Минна прощает его, а лицемер прощает обманутую. На этот предмет измышляется возможность, что Минна станет «ненавидеть его издали», и к этому предположению пристегивается нижеследующая мораль:

«Это я вам охотно прощаю, и, в случае если оно так и выйдет, вы можете быть заранее уверены в моем прощении. А теперь будьте счастливы! Долг зовет меня, я вынужден покинуть вас». «И он медленным шагом вышел из беседки... С этого часа Готфрид почувствовал себя несчастным» (стр. 124).

Актер и воображаемый любовник превращается в лицемерного святошу, с елейной благостью выпутывающегося из положения. При помощи выдуманных любовных осложнений Зигварт благополучно доходит до того, что может воображать себя несчастным.

В конце концов выясняется, что все эти выдуманные любовные перипетии — не что иное, как кокетливая рисовка Готфрида перед самым собой. Все дело сводится к тому, что мечтающий о будущем бессмертии святоша смешивает ветхозаветные сказания с модными фантазиями из дешевой беллетристики Шписса, Кляурена и Крамера и наслаждается, воображая себя в роли романтического героя.

«Роясь в книгах, он наткнулся на новалисовского Офтер-

дингена, который еще за год до того так часто его вдохновлял. Еще когда он гимназистом вместе с несколькими товарищами основал кружок, по имени «Гевтония», на предмет совместного изучения немецкой истории и литературы, он избрал себе псевдоним *Генриха фон Офтердингена*... Теперь для него выяснилось значение этого имени. *Он казался самому себе тем Генрихом, который томится в городке у подножья Вартбурга, и тоска по голубому цветку охватила его с непреодолимой силой* *. Не Минне суждено было стать, как ни допрашивал он сердце свое, сияющим сказочным цветком, и не его невесте. Углубившись в мечтания, он жадно продолжал читать, причудливый мир сказок овладел им, и он с плачем бросился в кресло, тоскуя по голубому цветку» (стр. 126—127).

Тут Готфрид раскрывает всю романтическую ложь, в которую он облекся; его «внутренняя сущность» сводится к склонности наряжаться в маскарадные личности. Подобно тому как он раньше называл себя Готфридом Страсбургским, так он теперь выступает в роли *Генриха фон Офтердингена*, и ищет он вовсе не «голубой цветок», а женщину, которая согласилась бы признать в его лице этого Генриха.

Такой «голубой цветок», хотя и несколько увядший, он нашел в конце концов в некоей особе, в его и своих интересах разыгравшей с ним желаемую комедию.

Фальшивая романтика с переодеванием и карикатурой старых сказаний и приключений, подражательно переживаемых Готфридом за отсутствием собственного содержания, вся эта пустая шумиха выдуманных чувств и ходульных коллизий с Мариями, Миннами, Элизами №№ 1 и 2, — все это довело его до того, что он кажется самому себе достигшим высот гётевских переживаний. Подобно тому как Гёте после любовных бурь внезапно отправляется в Италию и там пишет свои элегии *, так и Готфрид, после воображаемой любовной канители, считает себя тоже вправе совершить поездку в Рим. Гёте предчувствовал появление Готфрида:

Ведь даже у кита есть вши *, —
Так мне ли быть от них свободным?

Италия. Октябрь 1837 г. — март 1838 г.

Путешествие в Рим открывается в дневнике Готфрида безмерно длинным описанием переезда от Бонна до Кобленца.

Новый период начинается совершенно так же, как закончился предыдущий, а именно — многозначительным применением чужих переживаний к собственной особе. На пароходе

Готфрид припоминает «тонкий штрих Гофмана», у которого «Йоганн Вахт создает художественное произведение непосредственно после того, как он пережил величайшее горе»; в подтверждение этого «тонкого штриха» Готфрид после «величайшего горя» по поводу Минны начинает думать над «давно запавшей ему в душу мыслью о написании трагедии» (стр. 140).

Во время путешествия Кинкеля из Кобленца в Рим произошло следующее:

«Ласковые письма его невесты, которые он часто получал и на которые обычно немедленно отвечал, разогнали его мрачные мысли» (стр. 144).

«Любовь к прекрасной Элизе Г. пустила глубокие корни в тоскующей душе юноши» (стр. 146).

(Готфрид сочинил новые стихи на тему о Драхенфельсе *.) (Стр. 146.)

* * *

В Риме произошло следующее:

«По приезде в Рим Кинкель застал там письмо от невесты, еще усилившее чувство любви к ней, и образ Минны стал все больше и больше отступать на задний план. Сердце ему подсказывало, что Элиза может его осчастливить, и он с чистым восторгом предавался этому чувству... Лишь теперь он *научился любить*» (стр. 151).

Таким образом, Минна, которую он раньше любил из одного только сострадания, опять выплыла на сцену. В отношениях же с Элизой он мечтает о том, как Элиза осчастливит его, а не о том, чтобы ей дать счастье. Однако отмеченные выше фантазии о «голубом цветке» свидетельствовали о том, что сказочный цветок, к которому он чувствовал столь поэтическое влечение, не мог воплотиться ни в Элизе, ни в Минне. Вновь проснувшиеся в нем чувства по отношению к обеим девушкам создают обстановку для инсценировки новой коллизии:

«В Италии муза Кинкеля, по-видимому, дремала» (стр. 151).
Почему?

«Потому что ему недоставало еще *формы*» (стр. 152).

Впоследствии мы узнаем, что в результате шестимесячного пребывания в Италии он благополучно привез в Германию «форму». И так как Гёте написал свои элегии в Риме, то Готфрид тоже сочинил элегию «Пробуждение Рима» (стр. 153).

Служанка Кинкеля передала ему по приезде домой письмо от его невесты. С радостью вскрыл он его — «и, вскрикнув,

опустился на свое ложе». «Элиза сообщала ему, что некий доктор Д., состоятельный человек, имевший обширную практику и даже державший верховую лошадь (!!!), присватался к ней, и так как должно пройти еще немало времени, покуда бедный богослов сумеет создать себе прочное положение, она просила его развязать узы, соединявшие их».

Полная реминисценция «Ненависти к людям и раскаяния»...

Готфрид «уничтожен», «ужасающее окаменение», «сухие очи», «чувство мести», «меч», «грудь соперника», «кровь сердца противника», «ледяной холод», «безумная боль» и пр. (стр. 156—157).

В этих «радостях и горестях бедного богослова», несчастного кандидата, огорчает преимущественно мысль о том, что она «презрела» его из-за «преходящих земных благ» (стр. 157). Предавшись, сколько полагалось, книжным чувствам, его обуявшим, он, наконец, обрел следующее утешение:

«Она была недостойна тебя, — и тебе ведь остаются крылья гения, которые высоко вознесут тебя над мрачным горем! И когда со временем слава твоя облетит земной шар, тогда изменница в собственном сердце найдет отмщение!.. Кто знает, быть может, пройдут годы, — и ее дети придут молить меня о помощи, и я не хотел бы лишиться этого» (стр. 157).

После неизбежного предвкушения «будущей славы, имеющей облететь мир», выступает пошлый лик ханжи-филистера. Он рассчитывает на то, что, быть может, впоследствии поверженные в нищету дети Элизы придут молить великого поэта о милостыне, — «этого он не хотел бы лишиться». Почему же? А потому, что «будущей славе», о которой Готфрид постоянно мечтает, Элиза «предпочла верховую лошадь», потому что ради «земных благ» она отвернулась от убогой комедии, которую ему хочется разыгрывать вокруг имени Генриха фон Офтердингена. Еще старик Гегель правильно заметил, что благородное сознание всегда переходит в низменное*.

Бонн. Весна 1838 г. — лето 1843 г.

(Коварство и любовь)

После того как Готфрид в Италии карикатурил Гёте, он по своему возвращении решил приняться за изображение шиллеровского «Коварства и любви».

Несмотря на снедаемую мировой скорбью душу, Готфрид физически чувствовал себя лучше, чем когда-либо (стр. 167). Он положил «завоевать трудом литературное имя» (стр. 169), что ему, впрочем, не помешало впоследствии, когда «труды»

не «дали литературного имени», добыть себе более дешевое имя *без труда*.

«Неясное томление», с которым Готфрид постоянно гонялся за «существом женского пола», выразилось в удивительно быстрой смене обручений и помолвок. Обещание брака — классическая форма, с помощью которой сильный человек и «будущий» возвышенный ум старается завоевать и привязать к себе возлюбленных. Как только он завидит голубой цветочек, с которым он может сыграть роль Генриха фон Офтердингена, богатая, но туманная сентиментальная канитель поэта сгущается в весьма явственную мечту кандидата дополнить идеальное сродство душ узами «долга». Мещанская поспешность, с которой он *à tort et à travers* (пóходя), чуть ли не после первой встречи «обручается» с первой попавшейся простушкой (*Gänse- und Wasserblümchen*), делает еще более отвратительной ту кокетливую рисовку, с которой Готфрид не престанно раскрывает сердце, дабы видели его «великую муку поэта».

По возвращении из Италии Готфрид, конечно, не может вновь не «обручиться». На сей раз предмет его томления прямо указывается ему его сестрицей, той самой Иоганной, благочестивый фанатизм которой уже был увековечен ранее восклицаниями в дневнике Готфрида.

«Бёгехольд в это время как раз объявил о своей помолвке с фрейлейн Кинкель, и Иоганна, еще навязчивее прежнего вмешивавшаяся в сердечные дела брата, по всякого рода основаниям и семейным соображениям, о которых предпочтительнее умолчать, пожелала, чтобы Готфрид в ответ на это женился на сестре ее жениха, фрейлейн Софии Бёгехольд» (стр. 172). «Кинкель, — это разумеется само собою, — естественно почувствовал влечение к кроткой девушке... То была мягкая, невинная девушка» (стр. 173). С необычайной нежностью, — это тоже разумеется само собой, — стал Кинкель добиваться ее руки, и очастливленные родители радостно обещали ему ее, как только, — само собой разумеется, — он добьется в жизни прочного положения и сможет предоставить своей невесте, — что опять-таки само собой разумеется, — «мирный профессорский или пасторский очаг» (стр. 174).

Склонность к браку, проявляющаяся во всех приключениях пламенного кандидата, в данном случае вылилась на бумаге в виде следующего изящного стишка:

Мне в жизни ничего не надо,
Лишь ручка бслая нужна.

Все остальное — очи, уста, кудри — он считает «пустяками».

Мне этого всего не надо,
Лишь ручка белая нужна.

Интрижку, которую он завязывает с фрейлейн Софией Бёгсгольд по приказу «более чем когда-либо назойливой сестры Иоганны» и из стремления к «ручке», он называет в то же время «глубокой, тихой и мирной» любовью (стр. 175), и выходит даже так, будто *«религиозный момент сыграл большую роль в этой новой любви»* (стр. 176).

Вообще в любовных историях Готфрида религиозный элемент постоянно сменяет элемент романтический и актерский. В тех случаях, когда ему не удается путем комедийных эффектов выставить себя в зигвартовской ситуации, на сцену выступают религиозные чувства, чтобы придать пошленьким историям высокое значение. Зигварт становится благочестивым Jung-Stilling, которому господь даровал столь чудесную силу, что три супруги погибли в его мужских объятиях, а он все же мог «сочетаться браком» с новой любовью *.

* * *

Мы подходим, наконец, к роковой катастрофе в этом полном театральных эффектов жизнеописании, а именно к знакомству Штиллинга с Иоганной Моккель, разведенной Матье. В ней Готфрид обрел романтическое alter ego, Кинкеля женского пола, только поумнее, пожестче, менее расплывчатого и по причине зрелого возраста уже пережившего первые иллюзии.

Общего у Моккель с Кинкелем было непризнание их со стороны света. У нее была отталкивающая и вульгарная наружность: в первом браке она была «несчастлива». Она обладала музыкальным талантом, но недостаточным, чтобы своими композициями или техническими способностями составить себе крупное имя. В Берлине, когда она вздумала было копировать устарелые детские шалости Беттины, ее постиг провал. Горький опыт ожесточил ее характер. Хотя у нее и была общая с Кинкелем черта — ломаться и будничным событиям придавать напыщенный, «высокий» характер, у нее с возрастом развилась *«потребность»* (см. Штротдмана) в любви гораздо большая, нежели в поэтических разглагольствованиях о ней. То, что у Кинкеля было в этом отношении женского, у нее стало

мужским. Вполне естественно поэтому, что подобного рода личность с радостью пошла на то, чтобы разыграть с Кинкелем комедию непризнанного прекраснотушия вплоть до взаимно удовлетворяющего конца — признать Зигварта в роли Генриха фон Офтердингена и дать со своей стороны обрести себя в качестве «голубого цветка».

Непосредственно после того, как Кинкель при помощи сестры благополучно обручился не то в третий, не то в четвертый раз, Моккель завела его в новый лабиринт любви.

Готфрид — в «верхах общества» (стр. 190), т. е. в одном из тех небольших профессорских и вообще «привилегированных» кружков маленького немецкого университетского городка, какие могут знаменовать собой нечто лишь в жизни христианско-германского кандидата. Моккель поет и пожинает лавры. За столом Готфрид оказывается ее соседом — и тут происходит следующая сцена.

«Испытываешь, должно быть, возвышенное чувство, — сказал Готфрид, — когда при всеобщем восторге посишься на крыльях гения над радостным миром». — «Так вам кажется, — с волнением возразила Моккель. — Я слышала, что у вас прекрасный поэтический дар; быть может, вам *также* станут востуривать фимиам... и тогда я вас спрошу, счастливы ли вы, если только я не...». — «Если я не...?» — переспросил Готфрид, когда она запнулась» (стр. 188).

Мешковатому лирическому кандидату закинута была удочка.

После сего Моккель сообщает ему, что недавно «слышала его проповедь о христианской тоске и подумала, насколько прекрасный юноша далеко отошел от мира, если он даже в ней пробудил тихое томление по невинному сну души, который некогда навевали на нее утраченные звуки веры».

Готфрид был «пленен» (стр. 189) этой любезностью. Ему было необычайно приятно «убедиться в том, что Моккель несчастлива» (там же). И он тут же решил «вновь завоевать, благодаря своему воодушевлению, этот томящийся дух для веры в спасение через Иисуса Христа» (там же). Так как Моккель католичка, то отношения завязываются на том вымышленном основании, что для «служения всемогущему» предстоит завоевать человеческую душу, — и на эту комедию охотно пошла и Моккель.

«В течение 1840 г. Кинкель получил назначение сверхштатным пастором евангелической общины в Кельне, куда он стал ездить проповедовать по воскресеньям утром» (стр. 193).

Это замечание биографа побуждает нас сказать несколько слов по поводу богословской позиции Кинкеля. «В течение 1840 г.» критика успела уже решительнейшим образом разобрать содержание христианства, научное [исследование? критика?] ¹ в лице Бруно Бауэра вступило в открытое столкновение с государством. В это-то время Кинкель выступает в качестве проповедника, с одной стороны — без энергии правовежного, а с другой — без умения объективно охватить теологию. Подобно Круммахеру, он строит сентиментальное декламаторски-лирическое христианство, в котором он выводит Христа в качестве «друга и учителя», отбрасывает все «некрасивое» в *форме* христианства и подменяет содержание его пустой фразеологией. Эта манера подмены содержания формой, а мысли — фразой порождена была в Германии целым рядом декламаторов-святош, что, естественно, должно было впоследствии выродиться в *демократию*. Если в теологии хоть изредка требовались хотя бы поверхностные знания, то в области демократии пустая фразеология нашла полнейшее применение, — здесь звучная, лишенная содержания декламация, nullitésonore [пустозвонство], вполне заменяет смысл и понимание обсуждаемого вопроса. Кинкель, богословские изыскания которого не повели его далее сентиментальных извлечений из христианского учения в изложении Кляурена, в речах и писаниях своих являл образец красноречия с амвона, каковое красноречие иногда обозначается именем «поэтической прозы» и курьезным образом явилось теперь указанием к избранию «поэтического призвания». Его поэтическое творчество состояло [не] ² в насаждении подлинных лавров, а в разведении волчьих ягод, которыми он украшал будничный путь свой.

Та же душевная дряблость, стремящаяся разрешать конфликты не по существу, а по форме, проявилась и в его позиции университетского преподавателя. Уклоняясь от борьбы с цеховым педантизмом стариков, он держится «как бурш», причем доцент превращается в студента, а студент возвышается до степени приват-доцента. Из этой школы действительно и вышло целое поколение Штротманов, Шурцев и подобных им субъектов, которые могли в конце концов применить свою фразеологию, свои познания и свое легковесное «высокое призвание» только в сфере демократии.

¹ В этом месте рукопись надорвана — не хватает слова. По-видимому, здесь было либо «исследование», либо «критика». *Ред.*

² Опять надорванное место — выпало слово «не». *Ред.*

* * *

Новая любовная канитель приняла характер сказочки о курочке и яичке.

1840 год ознаменовал собой поворотный пункт в истории Германии. С одной стороны, критическое применение философии Гегеля к теологии и политике произвело революцию в науке; с другой стороны, с вступлением на престол Фридриха Вильгельма IV началось брожение среди буржуазии, конституционалистские стремления которой казались вначале вполне радикальными. От неясной «политической поэзии» того времени до нового явления — революционной силы повседневной печати...

Что же делал в это время Готфрид? Моккель основала вместе с ним журнал «Maikäfer» («Майский жук»), орган «нефилистеров» и «Союза майских жуков». Задачей этого листка было «лишь доставлять раз в неделю тесному дружескому кружку веселый и приятный вечер, а также давать участникам возможность представлять свои произведения на суд благожелательных и любящих искусство критиков» (стр. 209—210).

Истинной же задачей «Союза майских жуков» было разрешение загадки о голубом цветке. Заседания происходили в доме Моккель и имели ту цель, чтобы в кружке малозначительных балующихся беллетристкой студентов Моккель играла роль «королевы» (стр. 210), а Кипкель — ее «министра» (стр. 252). Обе непризнанные прекрасные души нашли возможность вознаградить себя сторицей в кружке «Майских жуков» за «несправедливость», причиненную им бездушным светом (стр. 296). Они могли признавать друг друга в избранных ими ролях Генриха фон Офтердингена и голубого цветка, и Готфрид, у которого переигрывание чужих ролей стало второй природой, должен был чувствовать себя счастливым, когда ему, наконец, удалось создать настоящий «*любительский театр*» (стр. 254). Ломанье комедии послужило вместе с тем вступлением к практическим последствиям: «вечера эти дали ему возможность посещать Моккель также в доме ее родителей» (стр. 212). Прибавим к этому, что кружок «майских жуков» был подражанием геттингенскому «Hainbund'u» *, с той только разницей, что последний являлся целой эпохой в развитии немецкой литературы, между тем как кружок «майских жуков» остался лишенной всякого значения провинциальной карикатурой. По свидетельству самого биографа-апологета, «веселые

майские жуки» (стр. 254) в лице Себастьяна Лугарда, Лео Гассе, Шлёмбаха и т. д. были скучными, бледными, ленивыми и незначительными людьми (стр. 211 и 298).

* * *

Готфрид, разумеется, вскоре стал заниматься «сравнительным рассмотрением» (стр. 294) своей невесты и Моккель, но пока что не имел времени заняться столь привычным ему «будничным обсуждением вопроса о браке» (стр. 219). Словом, он, подобно буриданову ослу, находился в нерешительности между двумя стогами сена. Однако Моккель, умудренная опытом и настроенная практически, «ясно узрела невидимые узы» (стр. 225); она положила помочь «случаю или персту судьбы» (стр. 229).

«Однажды, в такое время дня, когда ученая и учебная деятельность обычно не позволяла Готфриду видаться с Моккель, он отправился к ней и, тихо подойдя к ее комнате, услышал звуки жалобного пения. Он стал внимать песне:

Ты близишься, и мне как будто
Заря обвела чело.
Неизреченные страданья, —
Увы, тебе они чужды.

Длительный и печальный аккорд заключил ее пенье и медленно замер в воздухе» (стр. 230 и 231).

Готфрид тихо и, как ему казалось, незаметно выскользнул на улицу. Придя домой, он решил, что создается весьма интересное положение, и стал писать отчаянные сонеты, сравнивая Моккель с Лорелеей (стр. 233). Дабы избежать чар Лорелеи и сохранить верность фрейлейн Бёгехольд, он попробовал искать места преподавателя в Висбадене, но безуспешно. К вышеописанной случайности прибавился еще другой перст судьбы, на этот раз решительный. Не только «солнце стремилось к знаку Девы» (стр. 236), но и Готфрид с Моккель совершили прогулку в лодке по Рейну, причем проходивший мимо пароход перевернул лодку, и Готфрид поплыл к берегу, держа в объятиях Моккель. «Когда он, прижимая к сердцу спасенную, приближался к берегу, его впервые осенило сознание, что одна только *эта* женщина могла даровать ему блаженство» (стр. 238).

На этот раз Готфриду удалось, наконец, пережить не воображаемую, а действительную сцену из романа — из «Сродства душ»*. Это и решило вопрос. Он расстался с Софией Бёгехольд.

* * *

После любви — коварство. От имени консистории пастор Энгельс изложил Готфриду, что брак с разведенной женщиной, притом католичкой, недопустим для проповедника-протестанта. Готфрид ссылается на неотъемлемые права человека, с великой елейностью подчеркивая следующие пункты:

1. Нет ничего преступного в том, что он с той дамой пил кофе в Гирценкюмпхене (стр. 249).

2. Вопрос еще не решен, ибо он еще не заявлял публично ни о том, что он намерен сочетаться браком с этой дамой, ни о том, что такого намерения не имеет (стр. 251).

3. Что касается вопроса вероисповедания, то неизвестно, что покажет будущее (стр. 251).

«А теперь, прошу вас, зайдите ко мне и выкушайте чашку кофе» (стр. 250).

С такими словами «под занавес» Готфрид в сопровождении пастора Энгельса, который не в силах противостоять приглашению, покидает сцену. Так властно и так мягко умел Готфрид разрешать конфликты с существующими условиями.

* * *

К характеристике того, как «Союз майских жуков» должен был действовать на Готфрида, может служить следующее:

«То было 29 июня 1841 г. В этот день должно было быть впервые отпраздновано основание «Союза майских жуков»» (стр. 253). «Когда вопрос зашел о том, кому присудить премию, решение последовало единодушно. Готфрид скромно преклонил колено перед королевой, возложившей ему неизбежный лавровый венец на пылающее чело, между тем как заходящее солнце бросало жгучие лучи на просветленный лик поэта» (стр. 285).

К этому пышному увенчанию воображаемой поэтической славы «Генриха фон Офтердингена» голубой цветок поспешил присоединить и свои собственные чувства и пожелания. В этот вечер Моккель выступила с сочиненной ею самой национальной песней «майских жуков», заканчивающейся следующей строфой, в которой резюмировался весь ее смысл:

Какой же извлечем урок!
Жучок, лети!
Кто стар, тот пары не найдет, —
Так брось сомненья и расчет!
Жучок, лети!

Простодушный биограф замечает по этому поводу, что «со-

держась в этой строфе приглашение к вступлению в брак было совершенно непредумышленно» (стр. 255). Готфрид уразумел смысл песни, «но предпочел не торопиться уклониться» от того, чтобы в течение двух лет его в «Союзе майских жуков» увенчивали лаврами и с обожанием ухаживали за ним. На Моккель он женился 23 мая 1843 г., после того как она, хотя и была неверующей, перешла в протестантское вероисповедание под плоским предлогом, будто «протестантская церковь построена не столько на определенных формулах веры, сколько на *этических* понятиях» (стр. 315).

А вот еще один урок:
Не верен ни один цветок.

* * *

Готфрид сблизился с Моккель с намерением обратить ее от неверия к протестантской церкви. Теперь же Моккель потребовала штраусовскую «Жизнь Иисуса», вновь впала в неверие, и с стесненным сердцем... последовал он за ней по стезе сомнений в бездну отрицания. Вместе с ней он стал прокладывать себе дорогу в запутанном лабиринте новой философии (стр. 308). Таким образом, не развитие философии, в то время оказывавшей уже влияние даже на массы, а случайные настроения привели его к отрицанию.

Что он нашел в этом лабиринте философии, лучше всего видно из его собственного дневника:

«Посмотрим, однако, не отбросит ли меня великий поток от Канта до Фейербаха — к пантеизму!!» (стр. 308).

* * *

Точно этот поток не отходил как раз от пантеизма, точно Фейербах представлял собой последнее слово немецкой философии!

«Краеугольным камнем моей жизни, — сказано дальше в дневнике, — является не историческое познание, а твердая система, и ядром теологии является не история церкви, а догматика» (там же).

Точно германская философия не растворяла твердые системы в историческом познании, а догматические ядра — в истории церкви! В этих признаниях сквозит вся контрреволюционность демократа, для которого и само движение представляется лишь средством уцепиться за несколько неопровержимых вечных истин в качестве прибежища для лени.

Читателю предоставляется на основании вышеприведенной апологетической бухгалтерии Готфрида самому судить о его духовном развитии, — были ли скрыты революционные элементы в этом мелодраматически-актерствовавшем богослове.

Так заканчивается первый акт жизни Кинкеля, и вплоть до февральской революции нет в ней больше ничего примечательного. Отметим лишь мимоходом, что книгоиздательство Котта издало его стихи, не заплатив, впрочем, сполна гонорара, и что издание так и осталось нераспроданным, пока пресловутый выстрел в Бадене не придал автору политического ореола и не создал рынка для его произведений.

Об одном характерном обстоятельстве биограф умолчал. По собственному признанию Кинкеля, ему хотелось умереть старым директором театра. Идеалом ему представляется некий Эйзенгут (старый спившийся субъект), страствовавший во главе своей труппы по рейнским городкам и в конце концов помешавшийся.

Наряду с академическими, преисполненными проповеднического красноречия лекциями, Готфрид от времени до времени устраивал в Кельне серии теологических и эстетических художественных представлений. Он прекратил их, когда разразилась февральская революция, следующим прощанием: «Гром победы, раскаты которого доносятся до нас из Парижа, знаменует собой и для Германии, и для всей Европы начало нового и великого времени. За ревом грозы и бури следует блаженное дунновение свободы. Начинается великая благословенная эра — конституционная монархия».

Конституционная монархия отблагодарила Кинкеля за этот комплимент тем, что произвела его в экстраординарные профессора.

Это признание не могло, однако, удовлетворить *grand homme en herbe* (будущего великого человека). Конституционная монархия отнюдь не торопилась дать его «славе облететь земной шар». К этому прибавилось, что лавры, доставшиеся Фрейлиграту за его новые политические стихотворения, не давали спать увенчанному майскими жуками поэту. И вот Генрих фон Офтердинген сделал поворот налево и стал сперва конституционным демократом, а затем и демократическим республиканцем *honnête et modéré* [умеренным и аккуратным]. Он стал стремиться в депутаты, но на майских выборах не попал ни в Берлин, ни во Франкфурт. Невзирая на эти первые не-

удачи, он продолжал, однако, добиваться своей цели, и можно сказать — досталось это ему нелегко. С мудрой сдержанностью действовал он сперва лишь в небольшом провинциальном округе. Он основал газету «Bonner Zeitung», скромный листок, отличавшийся лишь особенной бесцветностью демократической декламации и наивностью спасающего отечество невежества. Он возвысил «Союз майских жуков» до степени демократического студенческого клуба, из которого вскоре вышел сонм учеников, прославивших учителя по всем селениям Боннского округа и навязывавших господина профессора Кинкеля на всех собраниях. Сам же он подолгу беседовал с лавочниками в клубе, братски пожимал руку честным ремесленникам и продавал вразнос свой вольнолюбивый пыл даже крестьянам в Кинденихе и Зельшейде. Но особую симпатию он испытывал к честному цеху ремесленников. Вместе с ними он оплакивал падение ремесел, жестокие последствия свободной конкуренции, вновь народившееся господство капитала и машин. Вместе с ними он строил планы возрождения цехового строя и уничтожения биржевой спекуляции, и, чтобы не оставить их втуне, он изложил сущность своих клубных бесед с мастеровыми в брошюре: «Спасайся, ремесло!!» *

Дабы всякому сразу ясно стало, где, собственно, место господина Кинкеля и какое франкфуртски-национальное значение имеет его произведение, он посвятил его «Тридцати членам хозяйственного комитета Франкфуртского национального собрания».

Исследования Генриха фон Офтердингена о «красоте» ремесел тут же привели его к тому, что «сословие ремесленников в данный момент разделяется на две равные половины» (стр. 5). Раздвоение это состоит в том, что некоторые ремесленники «посещают клубы лавочников и чиновников» (какое великое достижение!), а другие не посещают, а также в том, что некоторые ремесленники получили образование, а другие не получили его. Несмотря на это раздвоение, автор усматривает благоприятный симптом в том обстоятельстве, что по лицу всего любезного отечества устраиваются союзы и собрания ремесленников, а также в том, что идет агитация за улучшение общего положения ремесленников (ведь памятна вся Winkelblechiade * — «шумиха по закоулкам» 1848 г.). Чтобы внести и свою каплю меда в это благотворное движение, он развивает собственную программу действий.

Прежде всего автор рассматривает вопрос о том, каким образом, путем некоторых ограничений, устранить темные сто-

роны *свободы конкуренции*, отнюдь, впрочем, ее не отменяя. И он приходит к следующим выводам:

«Законодательство должно воспрепятствовать тому, чтобы неопытные и неумелые юноши становились мастерами» (стр. 20). «У каждого мастера может быть лишь один ученик» (стр. 29).

«Для получения права обучения мастерству необходимо сдать экзамен» (стр. 30).

«На экзамене обязательно должен присутствовать мастер, у которого учился экзаменуемый» (стр. 31).

«Для обеспечения необходимой зрелости мы требуем, чтобы законодательство установило для мастеров минимальную возрастную границу в 25 лет» (стр. 42).

«Для обеспечения же высокого уровня профессиональной искусности мы требуем, чтобы и впредь каждый мастер подвергался публичному экзамену» (стр. 43). «При этом чрезвычайно важно, чтобы экзамен был совершенно бесплатный» (стр. 44). «Этим экзаменам также должны подвергнуться все местные мастера всех цехов» (стр. 55).

Друг Готфрид, сам промышляющий политикой вразнос, в других областях желает отменить «торговлю бродячую или вразнос» как неблагоприятную (стр. 60).

«Фабрикант ремесленных изделий стремится создать себе состояние и извлечь из своего дела выгоду, обманывая своих кредиторов. Такое деяние (как все двусмысленное) обозначают заморским именем: это называется банкротством. Поэтому он быстро перекидывает готовые изделия в соседние местности и старается их немедленно сбыть тому, кто предлагает наибольшую цену» (стр. 64). Распродажи эти «представляют собой способ разделяться с обязательствами, услужливо подсовываемый нам нашим милым соседом, торговым сословием», и их необходимо отменить. (Не проще ли было бы, друг Готфрид, смотреть в корень вещей и отменить самое банкротство?)

«С ярмарками — дело другое» (стр. 65). «При этих обстоятельствах законодательство должно предоставить отдельным местностям самим решать, — по обсуждению на общих собраниях всего гражданского населения по большинству голосов, — вопрос о том, желательно ли сохранить ярмарку или отменить ее» (стр. 68).

Готфрид переходит затем к сложному и спорному вопросу об отношениях между ремеслом и машинной работой и по этому поводу преподносит нам следующие рассуждения:

«Пусть каждый, кто продает готовые изделия, держит на складе лишь то, что он может произвести сам собственными руками» (стр. 80). «От того, что произошло разделение между машиной и ремеслом, оба пошли не по надлежащему пути и сбились» (стр. 84). Объединить их он хочет таким путем, чтобы ремесленники — например, переплетчики данного города — «образовали товарищество и общими силами приобрели машину. И так как они пользуются машиной только для себя и только для определенного задания, они могут производить дешевле, нежели владеющий фабрикой торговец» (стр. 85).

«Капитал можно сломить ассоциациями» (стр. 84) (а ассоциацию можно сломить капиталом). Мысль свою «о приобретении машин для линования, обравнивания и резания картона» (стр. 85) объединенными дипломированными переплетчиками города Бонна он тотчас же расширяет до общего для всего города «машинного отделения» переплетного ремесла. Союз объединенных цеховых мастеров должен всюду устроить отделения наподобие фабрик частных владельцев, с тем чтобы отделения эти работали исключительно по заказу местных мастеров и не принимали никакой работы от других работодателей (стр. 86). Любопытнее всего в таком машинном отделении то, что «коммерческое ведение дела» необходимо «только вначале» (там же). «Всякая мысль, столь же новая, как и предлагаемая, — восклицает упоенный восторгом Готфрид, — должна быть обдумана и взвешена до мельчайших практических подробностей ранее, нежели она может быть осуществлена. Обдумывание, — замечает он, — должно производиться каждым цехом в отдельности» (стр. 87—88).

Сюда же приплетена полемика по поводу конкуренции, чинимой государством, пользующимся работой заключенных, приплетены реминисценции о колонии преступников («создание человеческой Сибири», стр. 102), а также выпады против «так называемых ремесленных команд и ремесленных комиссий» в военном деле. А именно, желательно тяготы военщины смягчить для ремесленного сословия тем, чтобы государство приобретало у ремесленников материалы по более дорогой цене, нежели оно их может само изготовить.

«Таким образом, отпали бы вопросы конкуренции» (стр. 109).

Второй основной вопрос, к которому затем переходит Готфрид, это — материальная поддержка, которую государство должно оказывать ремесленному сословию. Готфрид, оценивающий государство исключительно с точки зрения чиновника,

придерживается того мнения, что ремесленнику легче всего можно помочь ссудами из государственной казны на устройство касс взаимопомощи, ремесленных управ и пр. О том же, откуда казна должна черпать потребные на это средства, он не желает задумываться, ибо это ведь «некрасивая» сторона вопроса.

Напоследок наш богослов не может, конечно, избежать того, чтобы вновь не впасть в роль проповедника нравственности и не прочесть сословию ремесленников назидательную лекцию о том, каким образом оно само должно справиться с бедой. Сперва идут жалобы на «постоянные займы и списывание со счетов» (стр. 136), причем ремесленнику задается такого рода вопрос: «придерживаешься ли ты, друже, одинаковых и неизменных цен на работы, которые поставляешь?» (стр. 132). По этому поводу ремесленнику особо вменяется в обязанность не требовать чрезмерных цен от «богатых англичан». «Корень всего зла, — догадывается Готфрид, — заключается в годовых счетах» (стр. 139). Затем следуют сетования по поводу страсти к нарядам жен ремесленников и приверженности самих ремесленников к пивным (стр. 140 и далее).

Средства же, которыми ремесленное сословие само может улучшить свое положение, таковы: «объединение в цехи, больничные кассы, ремесленные третейские суды» (стр. 146) и рабочие просветительные союзы (стр. 153). Последним словом таких просветительных союзов является следующее: «наконец, пение в соединении с декламацией перекидывает мост к *драматическим представлениям и к ремесленному театру*, который необходимо постоянно иметь в виду, так как он является конечной целью этих эстетических стремлений. Только тогда, когда трудящиеся классы вновь научатся *двигаться по сцене, их художественное воспитание будет закончено*» (стр. 174—175).

Таким образом, Готфрид благополучно превратил ремесленника в комедианта и приблизил его к самому себе.

Все это заигрывание с цеховыми поползновениями боннских ремесленников имело, однако, в виду весьма ощутительные результаты. Клятвенно обещавшись стоять за введение цехового устройства, друг Готфрид добился того, что был избран депутатом от Бонна в дарованную сверху вторую палату*. «С этого мгновения Готфрид стал чувствовать себя счастливым».

Он немедленно отправился в Берлин, и так как он, по-видимому, предполагал, что правительство намерено учредить в лице второй палаты постоянный «цех» дипломированных законодателей, он там устроился как на постоянное жительство

и решил выписать к себе жену и ребенка. Однако палату распустили, и друг Готфрид после непродолжительных парламентских наслаждений вернулся в горестном разочаровании к Моккель.

Вскоре после этого разразился конфликт между правительствами и Франкфуртским собранием, после чего начались брожения в Южной Германии и на Рейне. Отечество повзвало, — и Готфрид последовал его зову. В Зигбурге находился цейхгауз запаса, — и Зигбург был тем местом, где Готфрид, после Бонна, чаще всего сеял семена свободы. Поэтому он в союзе со своим другом, отставным поручиком Аннеке, призвал всех своих верных сподвижников к походу на Зигбург. Местом условленной встречи был понтонный мост. Собраться должно было больше сотни человек. Но когда, после долгого ожидания, Готфрид пересчитал своих милых соратников, их оказалось еле-еле тридцать человек, и в том числе — к вечному позору «Союза майских жуков» — всего-навсего три студента! Однако Готфрид во главе этой горсточки людей храбро перешел через Рейн и направил стопы свои в Зигбург. Ночь была темна и дождлива. Вдруг позади храбрецов раздался конский топот. Храбрецы попрятались по боковым дорогам, и мимо них проскакал конный патруль. Низкие доносчики разболтали тайну задуманного предприятия. Власти были предупреждены, поход не удался, — пришлось разойтись. Горе, стеснившее в эту ночь грудь Готфрида, можно сравнить лишь с той болью, которую он ощутил, когда и Кнапп, и Шамиссо отказались дать приют его поэтическим излипаниям в своих «Альманахах муз».

После вышеописанного оставаться в Бонне было для него немислимо. Но разве Пфальц не представлял собой для него широкого поля деятельности? Он отправился в Кайзерслаутерн, и так как надо же было ему занять какой-либо пост, то ему дали в военном ведомстве синекуру (по слухам, ему поручили управление морскими делами *); хлеб же он зарабатывал себе привычной для него разносной торговлей среди окрестных крестьян свободой и народным благом, причем, опять-таки по слухам в некоторых реакционных кругах, это окончилось для него не совсем благополучно. Несмотря на эти мелкие неудачи, Кинкеля можно было видеть повсюду шествующим по столбовым дорогам, с дорожной сумкой на плечах, и с тех пор все газеты так его и изображают — с дорожной сумкой.

Однако движение в Пфальце быстро закончилось, и мы видим Кинкеля уже в Карлсруэ, причем вместо дорожной сумки у него на плече мушкет, который отныне становится его по-

стоянным знаком отличия. Говорят, что у мушкета этого была и весьма красивая сторона, а именно — приклад из красного дерева. Очевидно, то был изящный художественный мушкет. Некрасивой стороной его было, впрочем, то, что друг Готфрид не умел ни заряжать, ни прицеливаться, ни стрелять, ни маршировать. По вышеизложенным причинам, один из его приятелей спросил: зачем же, собственно, он рвется в бой, — на что Готфрид ответствовал: «А как же, в Бонн возвратиться я не могу, — нужно же мне жить!»

Итак, Готфрид вступил в ряды воинов, в корпус рыцарственного Виллиха (с которым нам предстоит еще познакомиться поближе *). Различные товарищи Готфрида по оружию стараются нас убедить в том, что он разделял все тяготы этой дружины, скромно и на правах добровольца, постоянно приветливый и ласковый как в удаче, так и при неудаче, однако по большей части присаживаясь на телегу для отставших. При Раштатте * этому исповеднику правды и права предстояло подвергнуться испытанию, из которого он впоследствии, на удивление всему немецкому народу, вышел незапятнанным мучеником. Точные обстоятельства этого события до сих пор не установлены с полной достоверностью; уверяют только, что когда взвод добровольцев рассыпался в стрелковую цепь, их стали обстреливать с фланга, причем шальная пуля задела голову Готфрида, и он упал, восклицая: «я убит!» Рассказывают также, что хотя убит он не был, однако отступить вместе с остальными не мог, почему и был препровожден в близлежащую крестьянскую избу, где он заявил простодушным обитателям Шварцвальда: «спасите меня: я — известный Кинкель». Кончилось, как говорят, тем, что здесь его настигли пруссаки и увели в вавилонское пленение.

Со времени пленения в жизни Кинкеля начался новый период, составляющий в то же время эпоху в истории развития немецкого мещанства. Как только в «Союзе майских жуков» узнали, что Кинкель взят, — во все немецкие газеты полетели сообщения о том, будто великий поэт Кинкель может угодить под расстрел и что германский народ, в особенности образованные слои его, в частности же жены и девы, обязаны принять все меры к тому, чтобы спасти жизнь плененного поэта. Сам он, как уверяют, сочинил в это время стихотворение, в котором сравнивает себя со «своим другом и учителем Христом» и говорит о самом себе: кровь моя прольется за вас. С этого момента атрибутом его становится лира. Таким образом, Гер-

мания вдруг узнала, что Кинкель был поэтом, великим поэтом, и вся масса немецкого мещанства и все эстетствующие бездельники в течение некоторого времени принимали участие в разыгрываемой нашим Генрихом фон Офтердингеном комедии о голубом цветке.

Тем временем пруссаки предали его военному суду. Это дало ему повод впервые после долгого перерыва вновь выступить с чувствительным призывом к слезным железкам аудитории, наподобие тех призывов, которые, по свидетельству Моккель, так великолепно удавались ему в бытность его сверхштатным проповедником в Кельне, причем Кельну суждено было вскоре вновь наслаждаться наиболее блестящими его достижениями на этом поприще. Он произнес перед военным судом защитительную речь *, которая, благодаря бестактности одного из его друзей, к сожалению, вскоре стала известна широкой публике через посредство берлинской «Abendpost». В этой речи Кинкель «протестует против смещения его действий с грязью и тиной, которая, к сожалению, впоследствии примазалась к революции».

После этой крайне революционной речи Кинкель был приговорен к двадцати годам заключения в крепости, а затем получил помилование, — крепость была заменена каторжной тюрьмой. Он был переведен в Наугард, где, по слухам, его заставляли прясть шерсть, почему вместо чемодана, потом мушкета, затем (в первое время его заключения) лиры его атрибутом отныне является *прялка*. Впоследствии мы увидим, как он переплывает океан с новым атрибутом — денежной сумкой *.

Между тем в Германии произошли чрезвычайные события. Немецкий мещанин, как известно, по природе прекраснодушный, потерпел, благодаря тяжелым ударам 1849 г., крушение сладчайших своих иллюзий. Ни одна из надежд его не оправдалась, и даже в мятущейся груди юношей стали зарождаться сомнения относительно судеб отечества. Тоскливое уныние овладело всеми сердцами, и всюду стали жаждать Христа демократического, действительного или воображаемого страдальца, который с кротостью агнца нес бы на себе грехи мещанства и в страданиях которого обостренно проявлялась бы хроническая и бездеятельная тоска филистера.

«Союз майских жуков» с Моккель во главе взялся за удовлетворение этой назревшей потребности. И в самом деле, кто мог бы быть более подходящим для исполнения этой филистерской комедии страстей, нежели плененный страстоцвет (*Passiflore*) Кинкель с его прялкой, этот неиссякаемый источник слез

и чувствительных переживаний, объединявший, кроме того, в своем лице проповедника, профессора изящных искусств, депутата, политического разносчика, мушкетера, новоявленного поэта и старого театрального директора? Кинкель был героем времени, и, как таковой, он был немедленно прославлен во всех газетах и принят немецким мещанством.

Все газеты были испещрены анекдотами, характеристиками, стихами, воспоминаниями о плененном поэте. Его тюремные испытания изображались в небывалом, сказочном виде. Раз в месяц волосы его, по сообщению газет, обязательно седели. Во всех мещанских клубах и за всеми чайными столами о нем вспоминали с прискорбием. Барышни хорошего тона вздыхали над его стихами, и все девы, познавшие тоску, оплакивали в разных городах отчества его надломленные мужественные силы. Все прочие, не священные жертвы движения, расстрелянные, павшие, плененные, исчезали перед единым агнцем, перед мужем, покорившим сердца филистеров мужского и женского пола, и лишь о нем проливались потоки слез, на которые, впрочем, он один и был в состоянии должным образом ответить. Словом, то был в полной мере *демократический зигвартковский период*, ни в чем не уступавший зигвартскому периоду предшествовавшего столетия; и Зигварт-Кинкель никогда и нигде не чувствовал себя так хорошо, как в этой роли, в которой он казался великим не тем, что он делал, а тем, чего не делал, великим не силой и сопротивлением, а слабостью и бездейственной распушенностью. И в этой роли задача его состояла только в том, чтобы терпеть, терпеть с чувством и толком. Умудренная же опытом Моккель сумела извлечь практическую выгоду из мягкотелости публики и немедленно сорганизовала весьма энергичное попрошайничество. Она наладила новое издание всех напечатанных и ненапечатанных произведений Готфрида, которые вдруг приобрели ценность и вошли в моду, и стала их рекламировать. Она воспользовалась случаем пристроить и свои собственные опыты из мира насекомых, как, например, историю светлячка, майского жука. Штротмана она заставила за хорошие деньги протитуировать перед публикой интимнейшие записи из дневника Готфрида. Она устраивала всякого рода сборы и с несомненной деловой ловкостью и большой выдержкой сумела претворить мягкие чувства образованного общества в твердые талеры. При этом она, вдобавок ко всему прочему, испытывала удовлетворение «ежедневно видеть у себя в маленькой комнатке величайших людей Германии, как, например, Адольфа Штара»,

Высшего напряжения зигвартовское помешательство достигло во время судебного процесса в Кельне, где весной 1850 г. Готфрид выступал на гастролях. Рассматривался процесс о нападении на Зигбург, и Кинкеля перевели в Кельн. Так как в настоящем очерке дневник Готфрида играет вообще столь значительную роль, то здесь вполне уместно будет привести отрывок из дневника одного из очевидцев дела (записи велись в Кельне во время процесса):

«Жена Кинкеля, совсем помешанная женщина, навестила его в тюрьме. Она приветствовала его через решетку в стихах, он отвечал, если не ошибаюсь, гекзаметром. После этого оба пали на колени друг перед другом, и тюремный надзиратель, старый фельдфебель, стоявший поодаль, не знал, имеет ли он дело с сумасшедшими или с комедиантами. Когда впоследствии прокурор спросил его, о чем говорилось при свидании, надзиратель объяснил, что хотя и говорили они по-немецки, тем не менее он не понял ни одного слова. На это госпожа Кинкель якобы заметила, что нельзя же назначать надзирателем человека, литературно и художественно совершенно необразованного».

«Перед присяжными Кинкель выступил в роли источника слез *, или литератора зигвартовского периода времен «Страданий молодого Вертера». «Господа судьи, господа присяжные, глаза-незабудки моих детей... зеленые волны Рейна... нет унижения в том, чтобы пожать руку пролетария... бледные уста плененного мужа... мягкий воздух отечества... и прочая дрянь, — такова была вся прославленная речь, над которой и публика, и присяжные, и даже жандармы проливали горькие слезы, и судебное заседание закончилось единогласным оправданием и всеобщими вздохами и стенаньем. Кинкель, конечно, хороший, добрый человек, но в общем это все же тошнотворная смесь религиозных, политических и литературных воспоминаний». Слишком это отвратительно...

К счастью, этот горестный момент скоро закончился романтическим освобождением Кинкеля из тюрьмы в Шпандау. При этом освобождении повторилась история Ричарда Львиное Сердце и Блонделя *, с той только разницей, что в данном случае Блондель сидел в тюрьме, а Львиное Сердце играл на шарманке; Блондель был просто мелким пийтой, а Львиное Сердце, в сущности, тоже не отличался особой отвагой. Львиным Сердцем был студент Шурц из «Союза майских жуков», интриган с большой амбицией и малыми способностями, достаточными, однако, для того, чтобы ясно рассмотреть «германского

Ламартина». Вскоре после освобождения студент Шурц заявил в Париже, что Кинкель, конечно, не *Lumen mundi* (светоч мира), между тем как именно он, Шурц, а не кто иной, призван быть будущим президентом германской республики. Этому-то человеку, одному из тех студиозусов «в коричневых фраках и голубых плащах», за которыми уже некогда следили мрачно-мерцающие взоры Готфрида, удалось освободить Кинкеля, — правда, за счет горемыки — тюремного служителя, который теперь отсидивается, но с сознанием, что он является мучеником за свободу Готфрида Кинкеля!

В Лондоне мы застаем Кинкеля, благодаря его тюремной славе и слезливости немецкого мещанства, в качестве величайшего человека Германии. Друг Готфрид, сознавая свое высокое призвание, сумел использовать все выгоды положения. Романтические обстоятельства его освобождения дали новый толчок модному увлечению Кинкелем на родине, — увлечению, которое, будучи весьма ловко направлено, не преминуло дать ощутительные материальные результаты. В то же время мировая столица представляла для прославленного героя новое и обширное поле для инсценировки новых прославлений. Было ясно: ему нужно было сделаться героем сезона. С этой целью он на время отказался от всякой политической деятельности и, запершись дома, прежде всего позаботился о том, чтобы отрастить себе бороду, без которой, как известно, не бывает пророка. Затем он побывал у Диккенса, в редакциях английских либеральных газет *, у немецких коммерсантов Сити, главным образом у тамошних эстетствующих евреев. Для всех он был един во всех лицах, для одного — поэтом, для другого — патриотом вообще, для третьего — профессором изящных искусств, для четвертого — Христом, для пятого — великолепным страдальцем Одиссеем, но для всех одинаково — кротким, артистическим, благожелательным и приветливым Готфридом. Он не мог успокоиться до тех пор, пока Диккенс не прославил его в «Household Words» *, пока «Illustrated News» * не поместили его портрета. Он поставил на ноги немногочисленных лондонских немцев, издавала тоже принимавших участие в кинкелевской шумихе, и заставил их якобы упросить себя прочесть ряд лекций о современной драме, причем билеты на эти лекции в огромном количестве рассылались немецким коммерсантам на дом. Он не пренебрегал ни беготней, ни рекламой, ни шарлатанством, ни назойливостью, ни пресмыкательством перед этой публикой. Зато и успех был полный. Готфрид самодовольно

купался в лучах собственной славы и любовался на себя в огромном зеркале Хрустального дворца, и чувствовал он себя, можно сказать, необыкновенно хорошо.

Лекции его не прошли незаметно (см. «Kosmos» *: *О лекциях Кинкеля*).

«Когда я как-то рассматривал картины Деблера, мне пришла в голову курьезная мысль, — можно ли передать «словами» такие хаотические произведения, можно ли «рассказать» туманные картины? Правда, критику неприятно с первых же слов признаться, что в таких случаях критическое чутье всегда вибрирует в наэлектризованных нервах волнующими отзвуками, точно отлетающий звук замирающей ноты, скользящий по струнам. Поэтому я предпочитаю отказаться от скучного педантического анализа ученой бесчувственности и не буду пытаться продлить тон, который очаровательная муза германского эмигранта окисляет в игре внутреннего *восприятия*. Основной тон кинкелевских образов, постоянно повторяющиеся его аккорды, это — звучное, творческое, созидательное, постепенно выявляющееся «слово» — «*современная мысль*». Человеческое «*суждение*» этой мысли выводит истину из хаоса лживых традиций и ставит ее в качестве неприкосновенной всеобщей собственности под защиту одухотворенных логических меньшинств, которые возвышают ее от верующего незнания до степени еще более верующего знания. На долю научного неверия выпадает профанировать мистицизм религиозного обмана, подрывать основы абсолютизма поглупевшей традиции при помощи скепсиса, — этой неустанно работающей философской гильотины, обезглавить авторитеты и путем революции вывести народы из пут теократии на цветущие поля демократии. Постоянное и упорное изучение летописей человечества, как и понимание самих людей, является величайшей задачей всех сторонников переворота, и это ясно сознал изгнанник, мятежный поэт, который в течение трех недавних майских вечеров развивал перед буржуазной публикой свои «*dissolving views*» (туманные картины), рисуя историю современного театра».

Многие утверждали, что уже по выражениям «сфера резонанса», «отлетающий звук», «аккорды» и «наэлектризованные нервы» можно было догадаться, что лекции составляло весьма близкое Кинкелю лицо, «один работник», и что этим «работником» была Моккель.

Но и этому периоду в поте лица доставшегося самолюбования тоже не суждено было долго длиться. Судный день суще-

ствующего порядка, страшный суд демократии, столь прославленный месяц май 1852 г. * все больше приближался. Чтобы встретить этот великий день в полном вооружении, Готфриду Кинкелю нужно было вновь облачиться в свою политическую львиную шкуру, нужно было завязать сношения с «эмиграцией».

Здесь мы переходим к ознакомлению с лондонской «эмиграцией», — этой мешаниной из бывших членов франкфуртского парламента, Берлинского национального собрания и палаты депутатов, джентльменов бадепской кампании, великанов комедии имперской конституции *, литераторов без читателей, крикунов из демократических клубов и съездов, газетных писак двенадцатого сорта и т. п. Так как мы сейчас занимаемся преимущественно рассмотрением жизни, мыслей и действий Кинкеля, то об остальных великих людях и героях мы можем лишь упомянуть вскользь, что нам, однако, не мешает воздать им по справедливости в дальнейшем.

Великие люди Германии 1848 г. казались обреченными на бесславный конец, когда победа «тирана» спасла их, выкинув их за границу и сделав из них мучеников и святых. Их спасла контрреволюция. Условия развития континентальной политики привели большинство из них в Лондон, ставший, таким образом, их центральным сборным пунктом в Европе. При таком положении разумелось само собой, что что-то должно произойти, что-то нужно предпринять, чтобы изо дня в день напоминать публике о существовании этих освободителей мира. Во что бы то ни стало надо было воспрепятствовать тому, чтобы казалось, что мировая история может двигаться вперед без помощи этих тиранов. Чем больше этот человеческий хлам терял возможность — отчасти из-за собственного бессилия, отчасти из-за внешних условий — делать действительное дело, тем ревностнее надо было заниматься никчемной, призрачной деятельностью, воображаемые акты которой, воображаемые партии, воображаемые битвы и воображаемые интересы столь напыщенно воспевались ее участниками. Чем бессильнее они были действительно подготовить новую революцию, тем больше приходилось им лишь учитывать эту будущую возможность, заранее распределять места и наслаждаться предвкушением власти.

Все это беспочвенное важничанье вылилось во взаимное страхование на звание великих людей, во взаимное гарантирование будущих правительственных постов.

Первая попытка подобной «организации» была сделана уже весной 1850 г. В то время по Лондону распространялся напечатанный на правах рукописи напыщенный «Проект циркуляра к германским демократам», вместе с «сопроводительным письмом к вождям». В этом циркуляре и сопроводительном письме заключался призыв к созданию единой демократической церкви. Ближайшей целью выдвигалось создание центрального бюро по делам германской эмиграции *, по управлению всеми делами эмигрантов, учреждение книгопечатни в Лондоне, объединение всех фракций против общего врага и пр. Затем эмиграция должна была стать руководящим центром движения внутри страны; организация эмиграции должна была положить начало широкой организации демократии. Не располагавшие личными средствами выдающиеся личности должны были в качестве членов Центрального бюро оплачиваться за счет регулярных взносов, собираемых среди немецкого народа. Такие сборы казались тем более уместными, что «германская эмиграция прибыла за границу не только без сколько-нибудь яркого героя, но также, — что было значительно хуже, — без общей *материальной основы*». Мы не ошибемся, предположив, что существовавшие уже венгерские, польские и французские комитеты послужили образцами для этой «организации», и некоторая зависть к привилегированному положению этих выдающихся союзников проглядывает на протяжении всего документа. Циркуляр явился результатом общего творчества господ Рудольфа *Шрамма* и Густава *Струве*, за спиной которых скрывалась, в качестве члена-корреспондента, веселая фигура проживавшего тогда в Остенде господина Арнольда *Руге*.

Г. Рудольф Шрамм, болтливый забияка, манекен с чрезвычайно спутанными понятиями, избрал себе девизом жизни цитату из «Племянника Рамо»: «Я скорее согласен быть нахальным болтуном, нежели вовсе не быть» *. Он был прусским профессором. Господин Кампгаузен, находившийся на вершине своей славы, охотно бы предоставил молодому, развязному крестельдцу ответственный пост, если бы допустимо было так возвысить простого референдаря. Таким образом, благодаря бюрократическому этикету для г. Шрамма оставалась открытой лишь демократическая карьера. На этом поприще он даже однажды попал в председатели демократического клуба в Берлине и впоследствии, при поддержке нескольких левых депута-

тов, был избран от Штригау в Берлинское национальное собрание. Здесь словоохотливый Шрамм отличался упорным, хотя и сопровождаемым постоянной воркотней молчанием. После разгона конститунты демократический избранник народа написал конституционно-монархическую брошюру, однако вновь избран не был. Позже, при правительстве Брентано, он вынырнул на короткое время в Бадене и там, в «Клубе решительных прогрессистов» *, познакомился со Струве. Приехав в Лондон, он объявил, что решил отказаться от всякой политической деятельности, почему и выпустил немедленно вышеупомянутый циркуляр. Будучи, в сущности, неудавшимся бюрократором, г. Шрамм воображает, вследствие некоторых семейных обстоятельств, что он представляет элемент радикальной буржуазии в эмиграции, в которой он действительно не без успеха изображает собой карикатуру радикального буржуа.

Густав Струве принадлежит к числу более значительных фигур эмиграции. Его лицо, цветом своим напоминающее сафьяновую кожу, его выпученные, хитренькие, но глуповатые глаза, его мягко светящаяся лысина, его славяно-калмыцкие черты сразу изобличают в нем человека необыкновенного, причем впечатление это усиливается еще благодаря глуховатому гортанному голосу, прочувствованной елейности речи и торжественной важности манер. Впрочем, воздавая должное истине, надобно отметить, что Густав наш, принимая во внимание, что в наше время все труднее становится как-нибудь проявить себя, старается отличиться от своих сограждан хотя бы тем, что выступает в роли то пророка, то промышленника, то мозольного оператора, своей основной профессией избирает самые причудливые занятия и ведет пропаганду за самые разнообразные выдумки. Так, ему внезапно пришло за голову воспламениться, в качестве уроженца России, воодушевлением за свободу Германии как раз после того, как он занимал какую-то сверхштатную должность при русском посольстве и написал небольшую брошюрку в защиту интересов Союзного сейма *, при котором посольство было акредитовано. Так как он свой собственный череп почитал образцом нормального человеческого черепа, он стал увлекаться краниоскопией, и с тех пор не доверял никому, чьего черепа он предварительно не ощупал и не изучил. Кроме того, он перестал употреблять в пищу мясо и стал проповедовать евангелие исключительно растительного питания. Был он также и предсказателем погоды, возмущался курением табака и вел деятельную агитацию в интересах морали германского католицизма *, равно как и в пользу водо-

лечения. При великой его ненависти ко всякому положительному знанию он, разумеется, увлекался идеей свободных университетов, в которых, вместо предметов обычных четырех факультетов*, должны были преподаваться краниоскопия, физиогномика, хиромантия и некромантия. Вполне подходило к нему и то чрезвычайное упорство, с которым он пытался прослыть великим писателем, — конечно, именно потому, что манера его писания противоречила всему, что принято называть стилем.

Уже в начале 40-х годов Густав изобрел «*Deutscher Zuschauer*»*, «Германского зрителя», издававшийся им в Маннгейме листок, который он считал своей монополией и который, точно навязчивая мысль, всюду преследовал его. Кроме того, он уже тогда сделал открытие, что обе книги, составлявшие для него ветхий и новый завет, а именно «Всемирная история» Роттека и «Словарь государственных наук» Роттека-Валькера, утратили характер современности и нуждались в новом, *демократическом* издании. Обработка эта, за которую Густав немедленно принялся (к сожалению, после февральской революции), поспешив выпустить выдержки из нее под названием «Основы государственных наук», — обработка эта «после 1848 г. стала неотложной необходимостью, ибо покойный Роттек не проделал опытов последних лет». (Этот демократический перевод Библии также преследовал его, точно навязчивая мысль, и с некоторым осуществлением его нам придется еще познакомиться.)

Тем временем вспыхнули одно за другим три баденских «народных восстания», изображенные самим Густавом* как центр всего современного исторического мирового движения. Попав немедленно после первого же геккеровского восстания в эмиграцию и занявшись в Базеле возобновлением выпуска «Германского зрителя», он пережил тяжелый удар, а именно узнал, что маннгеймский издатель «тамошнего» «Германского зрителя» собирается продолжать выпуск его под другой редакцией. Борьба между подлинным и самозванным «Германским зрителем» была столь ожесточенной, что погибли в ней оба. Зато Густав составил конституцию для германской федеративной республики, согласно которой Германия должна была быть разделена на двадцать четыре республики, каждая со своим президентом и двумя палатами. К конституции приложена была отлично выполненная карта, на которой ясно отмечено было предполагаемое распределение территории.

В сентябре 1848 г. началось второе восстание, в котором наш Густав объединял в своем лице Цезаря и Сократа. Он

воспользовался временем, в течение которого для него оказалось возможным вновь побывать на германской почве, чтобы весьма энергично доказывать шварцвальдским крестьянам вред курения табака. В Лёррахе он стал издавать вестник под названием: «Правительственный орган. Свободное германское государство. Свобода, благосостояние, просвещение» *. Орган этот поместил на своих столбцах, между прочим, следующий декрет: «Ст. 1. Взимавшееся дополнительное 10-процентное обложение ввозимых из Швейцарии товаров отменяется. Ст. 2. *На управляющего таможеней, Христиана Мюллера, возлагается проведение в жизнь этого постановления.*

Его верная Амалия делила с ним все тяготы и невзгоды и впоследствии живописала их в романтических красках. Кроме того, она принимала участие в приведении к присяге пленных жандармов, а именно каждому, присягнувшему на верность германскому свободному государству, прицепляла красный нарукавный знак и затем заключала его в объятия и удоставала его поцелуем (плотское наслаждение, которое Густав полагал в принципе несовместимым с его нравственными правилами).

К сожалению, Густав и Амалия были взяты в плен и томились в узилище, где неунывающая Густав немедленно стал продолжать прерванное республиканское переложение роттековой всемирной истории, пока третье восстание не вернуло ему свободы. Тогда Густав стал членом действительного временного правительства, и с тех пор к его прочим навязчивым мыслям прибавилась мания временных правительств. В должности президента военного совета он поспешил по возможности запутать дела вверенного ему учреждения, предложив в военные министры «предателя» Майергофера (см. *Gögg, Rückblick* *, Paris 1851). Впоследствии он тщетно всячески пытался стать министром иностранных дел и получать 60 тысяч флоринов в свое распоряжение. Господин Brentano вскоре освободил вновь нашего Густава от бремени власти, и Густав стал во главе оппозиции «Клуба решительных прогрессистов». Особенно охотно он направлял оппозицию против таких мероприятий Brentano, с которыми он сам ранее соглашался.

Когда и этот клуб был разогнан и Густаву пришлось эмигрировать в Пфальц, бедствие это имело ту хорошую сторону, что неизбежный «Германский зритель» вновь вышел единственным номером в Нейштадте у Гардта, что вознаградило Густава за многие незаслуженно перенесенные им страдания. Дальнейшим утешением послужило то, что в каком-то горном захолустье его при дополнительных выборах избрали членом Баден-

ской конституанты, так что он как официальное лицо получил возможность вернуться туда. Свое пребывание в этом собрании Густав отметил лишь тремя внесенными им во Фрейбурге предложениями: 1) 28 июня: объявить предателем всякого, кто предложит вступить в переговоры с неприятелем; 2) 30 июня: назначить новое временное правительство, в котором Струве предоставлены были бы честь и место; 3) по отклонении вышеизложенного предложения, в тот же самый день: после того как неудачная стычка при Раштатте сделала невозможным дальнейшее сопротивление, избавить население Оберланда от ужасов войны и для этого выдать всем чинам и солдатам жалованье за десять дней вперед, а членам конституанты — суточные за десять дней, равно как и прогонные, а затем с развернутыми знаменами и с барабанным боем — переправиться в Швейцарию. Когда и это предложение было отклонено, Густав самостоятельно пробрался в Швейцарию, а будучи изгнан оттуда палочными ударами Джемса Фази, очутился в Лондоне, где провозгласил новое открытие, а именно о *шести язвах человеческих*. Язвы эти таковы: князья, дворянство, попы, бюрократия, постоянное войско, денежный мешок и клопы. В каком духе Густав перерабатывал покойного Роттека, — явствует из того, что он сделал еще одно дальнейшее открытие: будо денежный мешок является изобретением Луи-Филиппа. Об этих шести язвах Густав стал проповедовать в немецкой «*Londoner Zeitung*» * бывшего герцога Брауншвейгского, за что получал приличный гонорар и потому с благодарностью подчинялся цензуре его светлости, пока последний не заявил, что если Струве не научится лучше владеть пером, он не сможет ни помещать его статей, ни продолжать «поддержку».

Вышесказанное выясняет отношение Густава к первой из язв — к князьям. Что касается отношения его ко второй язве — к дворянству, то наш религиозно-нравственный республиканец заказал себе визитные карточки, на которых именовался «бароном фон Струве». Если ему не удалось вступить в столь же дружественные отношения и с остальными язвами, то не его в том вина.

Затем Густав употребил свои лондонские досуги на сочинение республиканского календаря, в котором, вместо имен святых, приводились имена идейных людей, — чаще всего встречались «Густав» и «Амалия»; месяцы названы были переделанными на немецкий лад названиями французского республиканского календаря; кроме того, в календаре можно было найти еще много столь же общепользных, сколь и общих мест.

Впрочем, в Лондоне опять появились прежние излюбленные навязчивые мысли — о возобновлении «Германского зрителя» и «Клуба решительных прогрессистов» и об учреждении временного правительства. По всем этим пунктам он встретил полное согласие со стороны Шрамма, — и таким образом составлен был циркуляр.

Третий член этого союза, великий *Арнольд Руге* (также чрезвычайно значительный человек), ярко выделяется над всей прочей эмиграцией своей фигурой фельдфебеля, не получившего еще должности в гражданском управлении. Нельзя сказать, чтобы сей рыцарь отличался весьма приятной внешностью. Парижские знакомые обычно называли его померанско-славянские черты хорьковой мордочкой (*figure de fouine*). Арнольд Руге, сын крестьянина с острова Рюгена, семилетний страдалец в прусских темницах, посаженный туда за демагогические проделки *, бурно ринулся в объятия гегелевой философии, как только узнал, что достаточно просмотреть гегелевскую «Энциклопедию», чтобы освободиться от необходимости изучать остальные науки. Кроме того, он придерживался того правила (которое он изложил в некоей повести и старался провести в жизнь своих друзей — бедняга Гервег кое-что знает об этом), — того правила, что нужно браком повысить свое значение — и поэтому в молодые еще годы создал себе женитьбой солидную почву.

С помощью гегельянских фраз и «солидной почвы» ему удалось сделаться привратником германской философии *, в качестве какового он был обязан возвещать как в Галлеских, так и в Немецких «*Jahrbücher*» * о восходящих светилах и прославлять их, и он, пользуясь этим, довольно ловко эксплуатировал их в литературном отношении. К несчастью, вскоре начался период философской анархии, тот период, когда в рядах науки не было общепризнанного короля, когда Штраус, Б. Бауэр, Фейербах сражались друг с другом и когда разнообразнейшие чуждые элементы стали мутить ясную простоту классической доктрины. Тут наш Руге растерялся: он не знал, какого пути держаться; его и без того мало связанные между собой гегелевские категории разбрелись в разные стороны, и он вдруг восчувствовал великую тоску по бурном движении, в котором не так уж важно, как мыслить и писать.

В «*Hallische Jahrbücher*» Руге играл ту же роль, что покойный книгоиздатель Николаи в старой «*Berliner Monatsschrift*» *. Подобно своему предшественнику, он полагал свою главную заслугу в том, чтобы печатать работы других, а самому извле-

кать из них как материальную выгоду, так и литературный материал для собственных духовных излияний. Однако этому *переписыванию* статей сотрудников, этому литературному пицшеварению, вплоть до неизбежного его результата, Руге умел придавать гораздо большее значение, нежели его прообраз. В этом отношении Руге был не привратником германского просвещения, — он был Николаи современной германской философии, он умел скрывать природную плоскость своего духа за густым терновником спекулятивных словесных построений*. Однако, в отличие от Гегеля, он сходилса с Николаи в том, что в качестве антиромантика воображал себя вправе выставлять как совершенный идеал самое пошлое мещанство, и прежде всего — свою собственную мещанскую фигуру. На этот предмет и с целью одолеть врага в его собственной сфере Руге сочинял также и стихи, несравненная, недоступная ни для одного голландца трезвенность которых гордо и вызывающе бросалась в лицо романтикам.

Впрочем, наш померанский мыслитель, в сущности, не особенно хорошо чувствовал себя в гегелевской философии. Если ему легко удавалось улавливание противоречий, ему тем труднее было разрешать их, и он питал весьма понятное отвращение к диалектике. Таким образом, произошло, что в его догматическом мозгу величайшие противоречия мирно уживались рядом, а его и без того туговатое разумение чувствовало себя как нельзя лучше в таком смешанном обществе. С ним иногда бывало, что он одновременно переваривал на свой лад две статьи различных авторов и соединял их воедино, не замечая, что они написаны с совершенно различных точек зрения. Постоянно застревая в противоречиях, он выпутывался тем, что выдавал перед теоретиками свое слабое теоретическое мышление за сильное практическое разумение, а перед практиками — свою практическую беспомощность и непоследовательность за высочайшее теоретическое достижение. И в конце концов заявлял, что это застревание в неразрешимых противоречиях, эта некритическая поэтическая вера во всякие модные фразы и есть его «мироощущение».

Прежде чем последовать за нашим Морицем Саксонским, как называли Руге в тесном кругу, в его дальнейших жизненных перипетиях, укажем на две его характерные черты, проявившиеся уже во времена «*Jahrbücher*». Первая из них — *страсть к манифестам*. Как только кто-либо делал какое-либо научное открытие или ему казалось, что он такое открытие сделал, и Руге думал, что это имеет будущность, он немедленно

выпускал манифест. Так как никто никогда не укорял его в том, что он когда-либо обмолвился оригинальной мыслью, то подобный манифест всегда давал ему удобный повод выставить открытие — в более или менее напыщенной форме — как свое собственное и на этом основании немедленно пытаться образовать партию, фракцию, «массу», которая стояла бы за ним и при которой он мог бы исполнять фельдфебельские обязанности. Впоследствии мы увидим, до какой невероятной степени совершенства Руге довел изготовление манифестов, прокламаций и пронунциаменто.

Второй его особенностью является своеобразное *трудолюбие*, на которое мастер наш Арнольд. Так как он не любит много работать или, как он выражается, «переписывать из одной библиотеки в другую», он предпочитает «черпать из живой жизни», т. е. с величайшей добросовестностью ежевечерне отмечать все выдумки, «курьезы», новые идеи и прочие сведения, которые он в течение дня услышал, прочитал или подхватил. Этот материал, смотря по надобности, пускается в ход для «урока» (*repsum*), который Руге ежедневно проделывает с такой же добросовестностью, как и прочие естественные отправления. Почитатели его поэтому говорят, что он страдает недержанием чернил. Совершенно безразлично, о чем идет речь в этом ежедневном писательском извержении. Важно лишь то, что на одну и ту же тему Руге проливает один и тот же чудесный соус стиля, который подходит ко всему решительно, точно так же, как англичане с одинаковым удовольствием приправляют *сойей* (*Soyer's Relish*) или уорикским соусом рыбу, птицу, котлеты и всякую иную пищу. Этот ежедневный стилистический понос Руге охотно называет «изысканно-прекрасной формой» и видит в ней достаточное основание, чтобы выдавать себя за «художника».

Хотя Руге и был весьма доволен своим положением привратника при германской философии, в глубине души его все же глодал червь. Он не написал еще ни одной толстой книги и каждый день завидовал счастливому Бруно Бауэру, который еще в молодые годы выпустил восемнадцать увесистых томов. Чтобы устранить это недоразумение, Руге стал печатать одну и ту же статью трижды под разными названиями и в одном и том же томе и затем издавать один и тот же том в разнообразнейших форматах. Таким путем возникло *собрание сочинений* Арнольда Руге, аккуратно переплетенные экземпляры которого автор до сих пор перебирает по утрам, том за томом,

у себя в библиотеке, причем с удовлетворением приговаривает: «а ведь у Бруно Бауэра мироощущения-то и нет!»

Если Арнольду так и не удалось постичь философию Гегеля, то он на самом себе осуществил одну из гегелевых категорий. Он удивительно верно изображал «честное сознание» * и тем более утвердился в этом, что в «Феноменологии», — которая, впрочем, осталась для него книгой за семью печатами, — сделал приятное открытие, что «честное сознание» «никогда не испытывает самоудовлетворения». Это «честное сознание» скрывает под развязным добродушием все мелкие ужимки и ухватки филистера. Оно вправе разрешать себе всякую подлость, ибо знает, что оно подло по честности. Даже глупость становится достоинством, так как является неопровержимым доказательством твердости убеждений. Всякая задняя мысль его поддерживается убеждением во внутренней честности, и чем тверже он задумывает какой-либо обман или мелочную гадость, тем более простодушно и открыто он себя держит. Вся мелкая пошлость мещанина превращается в ореоле доброго намерения в добродетель, неопрятная корысть омывается и выступает в виде якобы принесенной жертвы, трусость изображается в виде высшей храбрости, негодяйство становится благородством, грубые развязные мужицкие манеры облагороженно толкуются как проявления прямоты и хорошего настроения. Сточная труба, в которой чудовищно смешиваются все противоречия философии, демократии и всякого фразерства. Впрочем, малый, щедро одаренный природой всякими пороками, гнусностью и мелочностью, глупостью и хитрецей, корыстолюбием и беспомощностью, преждевременным старчеством и высокомерием, лживостью и добродушием вольноотпущенного крестьянина, — мещанин и идеолог, атеист, верующий во фразу, невежда и всеобъемлющий философ в одном лице, — таков Арнольд Руге, каким Гегель предсказал его еще в 1806 г.

После закрытия «*Deutsche Jahrbücher*» Руге перевез в специально для этого сооруженном экипаже свою семью в Париж. Несчастливая его судьба свела его там с Гейне, который приветствовал в нем человека, «сумевшего перевести Гегеля на померанское наречие». Гейне спросил его, не является ли имя Прутца его псевдонимом, что Руге добросовестно отрицал. Однако Гейне нельзя было разубедить в том, что наш Арнольд был автором прутцовских стихов. Впрочем, Гейне очень скоро заметил, что если Руге и не обладает талантом, зато с успехом носит личину сильного характера, и, таким образом, наш друг Арнольд внушил поэту мысль об Атте Тролле *. Если Арнольд

Руге и не ознаменовал свое пребывание в Париже великим произведением, ему все же приходится вменить в заслугу, что Гейне сделал это за него. В благодарность за это поэт сочинил для него пресловутую эпиграфю:

Атта Троль, медведь с уклоном
К жизни в боге, страстный в браке;
Духом века обращенный
В матерого санкюлота;
Хоть плохой плясун, но с строем
Лучших чувств в груди косматой;
В смысле воня не безгрешный,
Не талант, — зато характер.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Великие люди эмиграции.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса,
книга пятая, стр. 295—330.

2

Дряблость немецкой так называемой революционной партии столь велика, что вещи, которые вызвали бы в Англии и во Франции бурю негодования, в Германии не только не возбуждают удивления, но даже встречают всеобщее одобрение. Г-н Вальдек на суде присяжных приводит обстоятельные свидетельские показания в подтверждение того, что он всегда был лояльным конституционалистом, а берлинские демократы с триумфом везут его домой. Г-н Грюн в Трире на открытом заседании суда в самой нелепой форме отрекается от революции, а публика в зале суда поворачивается спиной к осужденным пролетариям, чтобы восторженно приветствовать этого оправданного дельца.

Новый пример того, что возможно в Германии, дает защитительная речь, которую г-н Готфрид Кинкель произнес 4 августа 1849 г. перед военным судом в Раштатте и которая была опубликована 6 и 7 апреля текущего года в берлинской «Abend-Post».

Мы знаем заранее, что вызовем всеобщее негодование сентиментальных лжецов и демократических фразеров тем, что разоблачим перед нашей партией эту речь «пленного» Кинкеля. Это нам совершенно безразлично. Нашей задачей является беспощадная критика, и притом критика, скорее направленная против мнимых друзей, чем против открытых врагов; придерживаясь этой нашей позиции, мы охотно отказываемся от дешевой популярности среди демократов. Нашим падением мы несколько не ухудшаем положения г-на Кинкеля;

разоблачением мы подводим его под амнистию, подтверждая его признание, что он не является тем человеком, за которого его выдают, и заявляя, что он достоин не только амнистии, но даже зачисления на прусскую государственную службу. К тому же его речь уже опубликована. Мы разоблачаем перед нашей партией всю речь в целом, здесь же приводим только наиболее разительные ее места.

«Равным образом я никогда не занимал *командных должностей*, поэтому я и не могу нести ответственности за действия других. И я протестую против отождествления моих действий с грязью и мутой, которая, я знаю это, к сожалению, пристала напоследок к революции».

Так как г-н Кинкель «вступил в безансонскую роту в качестве рядового» и так как этими словами он бросает подозрение на всех командиров, то не было ли его долгом высказаться в пользу, по крайней мере, своего непосредственного начальника, Виллиха?

«Я никогда не служил в армии, следовательно, и *не нарушал присяги, не применял против моего отечества военных знаний, которые могли бы быть мной приобретены на службе у моего отечества*».

Разве это не прямой донос на взятых в плен бывших прусских солдат, на Янсена и Бернигау, которые вскоре после этого и были расстреляны, разве это не было полным оправданием смертного приговора над уже расстрелянным Дорту?

Точно так же г-н Кинкель выдает военному суду и свою собственную партию, разглагольствуя о каких-то планах уступки Франции левого берега Рейна и объявляя себя чистым от этих преступных помыслов. Г-н Кинкель отлично знает, что о присоединении Рейнской провинции к Франции говорили только в том смысле, что эта провинция в момент решительной схватки между революцией и контрреволюцией безусловно станет на сторону революции, кто бы ее ни представлял — французы или китайцы. Он не преминул также сослаться на свой мягкий характер, который позволил ему, в отличие от диких революционеров, если и не как члену партии, то как *человеку*, быть в хороших отношениях с Арндтом и другими консерваторами.

«Моя вина состояла только в том, что я летом продолжал желать того же самого, чего в марте желали вы все, чего желал весь немецкий народ!»

Он изображает себя здесь борцом за одну лишь имперскую конституцию, который никогда ничего большего и не желал, кроме как этой конституции. Примем его заявление к сведению,

Г-н Кинкель касается мимоходом статьи, которую он написал по поводу погрома, произведенного в Майнце прусскими солдатами, и говорит:

«Как же со мной поступили? Во время моего отсутствия меня вторично по этому поводу вызывали в суд, и так как я не мог явиться защитить себя, то я был приговорен, как мне недавно передавали, к лишению избирательных прав на 5 лет. *Пять лет лишения избирательных прав* — вот к чему меня приговорили; для человека, который уже однажды имел честь быть *депутатом*, — это *исключительно жестокое наказание*» (!).

«Как часто мне приходилось слышать, что я *«плохой пруссак»*; упрек этот меня задевал... Ну что же! *Моя партия* в настоящий момент потерпела в моем отечестве поражение. Если теперь прусская корона поведет наконец смелую и сильную политику, если *его королевскому высочеству, нашему престолонаследнику, принцу Прусскому*, удастся объединить Германию мечом, — ибо иначе это осуществить невозможно, — сделать ее великой и уважаемой перед лицом наших соседей, обеспечить ей действительно и надолго внутреннюю свободу, оживить снова торговую жизнь, распределить равномерно по всей Германии то военное бремя, которое теперь слишком тяжело ложится на плечи Пруссии, и, прежде всего, обеспечить куском хлеба бедняков моего народа, представителем которого я себя считаю, — если удастся все это сделать вашей партии — я буду с вами! Честь и величие моего отечества дороже мне моих политических идеалов; я умею ценить французских республиканцев 1793 года» (Фуше и Талейрана?), «которые добровольно склонились перед величием Наполеона в интересах Франции; если бы так случилось и народ мой еще раз оказал бы мне честь избрать меня своим депутатом, — я был бы одним из первых депутатов, которые с радостью в сердце воскликнули бы: *Да здравствует германская империя! Да здравствует империя Гогенцоллернов!* Если иметь такие воззрения — означает быть плохим пруссаком, то в таком случае я и не желаю быть хорошим пруссаком».

«Господа, *подумайте также немного о покинутых жене и ребенке* перед вынесением приговора человеку, который сегодня, благодаря превратности человеческой судьбы, стоит перед вами таким глубоко несчастным».

Эту речь г-н Кинкель произнес в то самое время, когда двадцать шесть его товарищей были — подобным же военным судом — приговорены к смерти и расстреляны. Это были люди, которые умели смотреть в глаза смерти иначе, чем Кинкель в глаза своих судей. Во всяком случае, Кинкель был вполне прав, выставляя себя совершенно безобидным человеком. Только по недоразумению мог он оказаться в рядах своей партии; и было бы совершенно бессмысленной жестокостью со стороны прусского правительства дальше удерживать его в тюрьме.

3

Весь коммунизм этого субъекта * сводится к тому, что он решил вести привольную жизнь на общественный счет вкупе с прочими странствующими рыцарями. Вся деятельность этого человека заключается в том, что он сплетничает о нас в кабаках и лжет и хвастается своими связями в Германии, которых у него нет, но в которые верят его сотоварищи: дуралей Арнольд Руге, чурбан Гейнцен и лживый комедиант, жеманный теологический беллетрист Кинкель. Этими связями он хвастается также и перед французами.

Между прочим, вышеупомянутый поповский Адонис обил пороги всех буржуазных домов, где его ласкают и кормят на убой, и в то же время продолжает тайком держать связь с Шаппером и Виллихом, желая поддерживать контакт также и с «рабочей партией». Этот малый хотел бы быть всем для всех. Он во всем поразительно похож на Ф[ридриха] В[ильгельма] IV, который является не чем иным, как Кинкелем на троне, и отличается таким же бесцветным краснбайством.

К. Маркс — Иосифу Вейдемейеру
27 июня 1851 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 101.

4

Кстати. Что касается стихотворения *, то оно, быть может, принадлежит Готфриду, именуемому Кинкелем, или какому-нибудь *силезскому* поэту из школы Опица, или, наконец, его написал сам Гейзе.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 22 июля
1854 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 46.

ИОАННА МОККЕЛЬ

Моя жена рекомендует тебе прочесть «Ганс Ибелес»* Иоганны Моккель, в котором Виллих фигурирует под именем Вильдемана етс., г-жа фон Брюнинг выведена в лице Платонии, а грязный Кинкель в лице *Дон-Жуана*. Я сам знаю об этой пакотне лишь то, что рассказала мне о ней жена. Она утверждает, что книга представляет несомненное доказательство того, что Иоганна Моккель выбросилась из окна из-за несчастной любви. ...Во всяком случае, хорошо со стороны попа Кинкеля, что он выручает деньги за исповедь мертвой Моккель, продает ее Котте, чтобы вырученные деньги прожить вместе с принесшей ему уже ребенка Мишной Вернер. Попы — самые умные люди. Правда, Иоганна Моккель была мало аппетитной женщиной и от нее вдобавок дурно пахло, несмотря на все ее музыкальные грезы.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 14 февраля 1861 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 13.

ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС

Вам вовсе незачем так расхваливать Валлеса. Это жалкий литературный или, вернее, литераторский фразер, абсолютно ничего собой не представляющий, который перешел к крайне левым из-за отсутствия таланта, чтобы выехать на направлении и хоть таким путем протащить в публику свою скверную мазню. Во время Коммуны он занимался только фразерством, а если и действовал как-нибудь, то лишь во вред делу. Не верьте ни единому слову парижских «друзей» (к которым и Малон питает большую слабость) насчет этого вздорного фанфарона. Что он за политик, показывает его письмо к Гриви, после того как тот сделался президентом; письмо, в котором он его просит ввести социалистическую республику и т. д. по высочайшему повелению; это письмо на несколько месяцев задержало амнистию.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 17 августа 1881 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 146—147.

ФЕЛИКС ПИА

1

Как низко падают официальные знаменитости, ты увидишь из того, что сладкий Феликс Пиа — *cethomme-artiste* (этим термином французы прикрашивают всякую слабость человека, всякое отсутствие у него характера или ума) — переработал декабрьские дни * в мелодраматический спектакль. Он нашел английского предпринимателя и вместе с ним поставит в Нью-Йорке эту гадость, сцены убийств, изгнание, ссылку и т. д. Можно ли более низким образом спекулировать на бедствиях своей страны? И этот осел считает это проституирование французского *misère* патриотическим актом.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 30 марта
1852 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 345—346.

2

Буашо, захваченный в Париже, был, как я знаю от одного из посвященных *scrauds*¹, действительно послан во Францию кликою Пиа в качестве политического эmissара, а вовсе не для того, как это уверяет Пиа на своем плохом английском языке в «*Advertiser*» *, чтобы сделать визит своей старой матери, которую он не видал пять лет. Противно, что эти филистеры никогда не выдерживают роли и не могут отказаться от этой «мелодраматической» лжи, апеллирующей к сердцу обывателя. *C'est dégoûtant*².

К. Маркс — Ф. Энгельсу 13 июня
1854 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 39.

¹ — филистеров. *Ред.*

² — Это отвратительно. *Ред.*

3

Время от времени появляются еще небольшие памфлеты французских эмигрантов — в форме «Ave Maria» Пиа *, — надутые, пустые, трескучие печатные кринолины, с тою только разницею, что они стоят дешевле и их труднее сбыть.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 20 января
1857 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 173.

4

Прилагаю жалкое, отвратительное произведение Пиа, Талландье и К°. Этим парням не давала спать слава Ледрю-Роллена, Мадзини, Бернара, — меж тем как о них французское правительство, по-видимому, совершенно забыло. Они верят, что революция неизбежна, и такое забвение в самом деле было огорчительно для этих великих мужей после всей их «деятельности» в Лондоне. Талландье надрывал свой голос до хрипоты, — как некогда Борнштедт, — из-за того, что внимание революционной Европы отвлечено от них другими событиями. Поэтому-то just in the nick of time they issued ¹ прилагаемую галиматью. Ни стиля, ни идеи, ни даже французского языка; напоминает жеманную лоретку из Porte st. Martin *, бывшего сотрудника «Charivari» и сочинителя маленьких тостов. Чтобы произведение достигло своей цели, они разослали это дрянцо во все газеты. Персиньи-Пальмерстон-Дженкинс из «Morning Post» * сейчас же попал в ловушку. В собственной передовице он сделал донос на этих парней и их произведение, чтобы обратить внимание почтенного м-ра Вальполя, и предупредительно he did the whole pamphlet into bad English ². Но не только это: Дерби в своей торжественной речи указывает палате лордов, что коронным адвокатам поручено выяснить, можно ли начать против них судебный процесс. Таким-то образом гражданам Талландье, Пиа и Бессон с помощью их глупого произведения удалось создать себе рекламу, и притом to a degree ³, о которой они едва могли мечтать.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 2 марта
1858 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 311—312.

¹ — теперь они как раз вовремя выпустили. *Ред.*

² — перевел этот памфлет на скверный английский язык. *Ред.*

³ — в такой степени. *Ред.*

5

Дорогой Мавр!

Итак, мы снова удостоены внимания черного кабинета. Этого я ожидал; но что письма просто перехватываются, это уж чересчур. Мне кажется, ты хорошо сделаешь, если будешь давать кому-нибудь другому надписывать адреса на твоих письмах, — тогда будут вскрываться только письма, адресованные *к тебе*. Так как я ожидал уведомления от тебя, то старательно спрашивал каждый день рассыльного, нет ли писем для меня, и каждый раз получал отрицательный ответ. А этот осел Феликс Пиа трубит еще на весь мир, *qu'il n'y a pas de police politique proprement dite, en Angleterre*¹. Такую грязную стряпню, такой язык и вообще что-либо подобное мне редко приходилось встречать. Все еще старая вера в конституцию 1848 года, как будто видишь перед собой наших имперско-конституционных ослов. А что за ужасный язык! *Après tout*² эти обезьяны достигли своей цели и, может быть, обретут дешевый мученический венец.

Ф. Энгельс — К. Марксу 4 марта
1858 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 312—313.

6

Я уже давно обещал написать Вам несколько слов о Французской секции*. Эта секция бездельников состоит наполовину или на две трети из альфонсов и тому подобного сброда; все они — после того, как наши люди вышли из этой секции, — рыцари революционной фразы, убивающие (конечно, из «безопасного далека») императоров и королей, в особенности Луи Наполеона. В их глазах мы, конечно, реакционеры, и они составили против нас форменный обвинительный акт и внесли его на рассмотрение Брюссельского конгресса — в закрытых заседаниях. Злоба этих жуликов была усилена тем, что их прибрал к рукам Феликс Пиа. Это — неудачник, французский мелодраматик 4-го ранга, участвовавший в революции 1848 г. только как «*toast-master*» (так англичане называют людей, *нанимаемых* для провозглашения тостов на парадных обедах или для наблюдения за порядком тостов). Он поистине одержим

¹ — что политической полиции в собственном смысле слова в Англии не существует. *Ред.*

² — И после всего этого. *Ред.*

манией «рычать шепотом» и разыгрывать из себя опасного заговорщика. При помощи этой банды Пиа хотел превратить *Международное товарищество рабочих* в свое охвостье. Особенно важно ему было скомпрометировать нас. И вот на открытом митинге, о котором *Французская секция* трубила и извещала стенными плакатами как о митинге *Международного товарищества рабочих*, Луи Наполеон, он же Бадэнгэ, был *формально приговорен к смерти*, а исполнение приговора возложено, разумеется, на неизвестных парижских Брутов. Так как английская пресса не обратила никакого внимания на этот фарс, то мы также обошли бы его молчанием. Но один член этой банды, некий Везинье, литератор-шантажист, пространно изложил всю эту мерзость в бельгийской газете «*La Cigale*». Газета эта выдает себя за орган Интернационала и является своего рода «комической» газетой, подобной которой наверное нет в Европе. Собственно, в ней нет ничего комичного, кроме ее серьезности. Из «*Cigale*» история попала в «*Pays Journal de l'Empire*». Разумеется, она явилась поживой для Поля де Кассаньяка. Тогда мы, т. е. Генеральный совет, поместили в «*Cigale*» официальную заметку * в шесть строк о том, что *Ф. Пиа* не имеет *никакого* отношения к *Интернационалу*, даже не состоит его членом. *Nunc illae igae* [вот причина их гнева]. Эта война мышей и лягушек кончилась тем, что Французская секция с негодованием отделилась от нас и действует теперь самостоятельно под эгидой Пиа. В качестве подкрепления они учредили здесь в Лондоне так называемый *Немецкий агитационный союз*, состоящий из полторы дюжины членов со старым нфальцским эмигрантом, полусумасшедшим часовщиком *Вебером* во главе. Ну, теперь Вы знаете все, что можно сообщить об этом торжественном, великом и важном событии. Еще одно. Нам доставило удовлетворение то, что Бланки через одного из своих друзей, тоже в «*Cigale*», высмеял Пиа до последней степени и поставил его перед альтернативой: либо Пиа — манияк, либо полицейский агент.

К. Маркс — Людвигу Кугельману
5 декабря 1868 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 544—545.

7

Action souterraine [подпольная деятельность] означает в данной связи не что иное, как работу без шума и пропаганду без стремления к публичности во что бы то ни стало в проти-

воположность французским крикунам, вроде Пиа, требовавшим ежедневного выпуска кровожадных прокламаций; с такими крикунами велась борьба.

Ф. Энгельс — Вильгельму Либкнехту
15 декабря [18]71 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 190.

8

Трусливый мелодраматический фигляр *Пиа*, — в органе которого * я фигурирую как правая рука *Бисмарка*, — злится на меня за то, что я всегда относился к нему с полным презрением и расстраивал все его попытки использовать *Интернационал* для своих трюков.

К. Маркс — Ф.-А. Зорге 5 ноября
1880 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 97.

9

Французская секция в Лондоне, принявшая в свои ряды более чем сомнительные элементы, мало-помалу превратилась в своеобразное товарищество на паях, в котором бесконтрольно хозяйничал г. Феликс Пиа. Он использовал ее для организации компрометирующих демонстраций с требованием убийства Луи Бонапарта и т. п. и для распространения во Франции своих нелепых манифестов, издаваемых им от имени Интернационала. Генеральный совет ограничился заявлением в органах Товарищества, что Интернационал не может нести ответственности за поступки и выходы г. Пиа, так как г. Пиа не является его членом. Тогда Французская секция объявила, что она не признает ни Генерального совета, ни конгрессов; она расклеила на стенах Лондона объявления, в которых сообщалось, что, за исключением Французской секции в Лондоне, Интернационал является антиреволюционным обществом. Аресты французских членов Интернационала накануне плебисцита, под тем предлогом, что они участвуют в заговоре, который на деле был сострянпан полицией, но которому манифесты г. Пиа придавали видимость правдоподобия, заставили Генеральный совет опубликовать в «*Marseillaise*» и в «*Réveil*» свою резолюцию от 10 мая 1870 г. *, в которой он заявлял, что так называемая Французская секция уже более двух лет не принадлежит к Интернационалу и что ее выступления являются делом агентов полиции.

К. Маркс. Мнимые расколы в
Интернационале.
Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 406—
407.

10

К. МАРКС — ЛЕО ФРАНКЕЛЮ

(Лондон, 26 апреля 1871 г.)

Дорогой гражданин!

Мне поручено Генеральным советом самым определенным образом опровергнуть гнусную клевету, распространяемую гражданином Ф. Пиа относительно Серрайе¹. Злоба этого человека вытекает из единственного источника: *его ненависти к Интернационалу*. Через так называемую Французскую секцию (*branche française*) в Лондоне, исключенную Генеральным советом, куда пробрались торговцы, бывшие императорские гвардейцы и барышники², Пиа пытался представить себя миру в качестве тайного вождя нашего Товарищества, к которому он не принадлежит, и сделать нас ответственными за его смехотворные манифестации в Лондоне и его компрометирующие нескромности в Париже, которым гражданин Тридон во время своего пребывания в Брюсселе уже воздал должное. Поэтому Генеральный совет был вынужден публично дезавуировать этого низкого интригана. Отсюда ярость против Дюпона и Серрайе. Когда Серрайе пригрозил гнусным орудиям Пиа, членам так называемой Французской секции, привлечь их к английскому суду, чтобы они там повторили клевету, которую Пиа распространяет теперь в Париже, *Французская секция сама дезавуировала их и заклеила как клеветников*.

Генеральный совет на этих днях опубликует воззвание по поводу Коммуны*. До сих пор он откладывал этот манифест, так как ждал со дня на день точных сведений от Парижской секции. Тщетно! Ни слова! Совет не мог больше медлить, потому что английские рабочие с нетерпением ждут от него разъяснений.

Между тем, времени не теряли. Путем переписки различных секретарей с секциями континента и Соединенных Штатов рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой великой революции Парижа³.

¹ Зачеркнуто: «делегата Совета». *Ред.*

² Зачеркнуто: «орлеанисты». *Ред.*

³ Зачеркнуто: «гнусной клеветы этих людей». *Ред.*

Поскольку политическая жизнь Серрайе не представляет никаких поводов для клеветы¹, стали нападать на его [Серрайе] частную жизнь. Если бы частная жизнь² Пиа была бы так же чиста, как жизнь Серрайе, ему не пришлось бы подвергаться некоторым тяжким оскорблениям здесь, в Лондоне³.

К. Маркс — Лео Франкелю 26 апреля 1871 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 112—113.

¹ Зачеркнуто: «даже г. Пиа — «личности знаменитой», храбрость которого вошла в пословицу». *Ред.*

² Зачеркнуто: «собаки». *Ред.*

³ Зачеркнуто: «резюме: преступление Серрайе состоит в том, что он настойчиво сопротивлялся, расстроил»... далее рукопись прерывается. *Ред.*

МАРКС и ЭНГЕЛЬС
ПРОТИВ
БУРЖУАЗНОЙ
ПОШЛОСТИ
и
РЕАКЦИОННЫХ ИДЕЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НЕМЕЦКОГО ФИЛИСТЕРСТВА. ЖАН-ПОЛЬ РИХТЕР

Состояние Германии в конце прошлого века полностью отражается в кантовской «Критике практического разума». В то время как французская буржуазия посредством колоссальнейшей из известных в истории революций достигла господства и завоевала европейский континент, в то время как политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала промышленность и подчинила себе Индию политически, а весь остальной мир коммерчески, — в это время бессильные немецкие бюргеры дошли только до «доброй воли». Кант успокоился на одной лишь «доброй воле», даже если она остается совершенно безрезультатной, и перенес *осуществление* этой доброй воли, гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов, в *потусторонний мир*. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, подавленности и убожеству немецких бюргеров, мелочные интересы которых никогда не были способны развиться до общих, национальных интересов класса и которые поэтому постоянно эксплуатировались буржуазией всех остальных наций. Этим мелочным местным интересам соответствовала, с одной стороны, действительная местная и провинциальная ограниченность немецких бюргеров, а с другой — их космополитическое чванство. Вообще со времени реформации немецкое развитие приняло совершенно мелкобуржуазный характер. Старое феодальное дворянство было большей частью уничтожено в крестьянских войнах; остались либо имперские мелкие князьки, которые постепенно добыли себе некоторую независимость и подражали абсолютной монархии в крошечном и захолустном масштабе, либо мелкие помещики, которые, спустив свои последние крохи при маленьких дворах, жили затем на доходы от маленьких должностей в маленьких армиях и прави-

тельственных канцеляриях, — либо, наконец, захолустные юнкеры, образ жизни которых считал бы для себя постыдным самый скромный английский сквайр или французский *gentilhomme de province*¹. Земледелие велось способом, который не был ни парцелляцией, ни крупным производством и который, несмотря на сохранившуюся крепостную зависимость и барщину, никогда не мог побуждать крестьян к эмансипации, — как потому, что самый этот способ хозяйства не допускал образования активно-революционного класса, так и ввиду отсутствия соответствующей такому крестьянству революционной буржуазии.

Что касается бюргеров, то мы можем отметить здесь только некоторые характерные моменты. Характерно, что полотняная мануфактура, т. е. промышленность, имевшая своей основой самопрялку и ручной ткацкий станок, приобрела в Германии некоторое значение как раз к тому времени, когда в Англии эти неуклюжие инструменты уже вытеснялись машинами. Особенно знаменательны взаимоотношения Германии с *Голландией*. Голландия — единственная часть Гаизы, достигшая коммерческого значения, — отделилась, отрезав Германию, за исключением только двух портов (Гамбург и Бремен), от мировой торговли, и стала с тех пор господствовать над всей немецкой торговлей. Немецкие бюргеры были слишком бессильны, чтобы ограничить эксплуатацию со стороны голландцев. Буржуазия маленькой Голландии, с ее развитыми классовыми интересами, была могущественнее, чем гораздо более многочисленные немецкие бюргеры с характерным для них отсутствием общих интересов и с их раздробленными мелочными интересами. Раздробленности интересов соответствовала и раздробленность политической организации — мелкие княжества и вольные имперские города. Откуда могла взяться *политическая* концентрация в стране, в которой отсутствовали все *экономические* условия этой концентрации? Бессилие каждой отдельной области жизни (здесь нельзя говорить ни о условиях, ни о классах, а в крайнем случае лишь о бывших сословиях и неродившихся классах) не позволяло ни одной из них завоевать исключительное господство. Неизбежным следствием было то, что в эпоху абсолютной монархии, проявившейся здесь в самой уродливой, полупатриархальной форме, та особая область, которой в силу разделения труда досталось управление публичными интересами, приобрела

¹ — провинциальный дворянин. *Ред.*

чрезмерную независимость, еще более усилившуюся в современной бюрократии. Государство конституировалось, таким образом, в мнимо самостоятельную силу, и это положение, которое в других странах было переходным (переходной ступенью), сохранилось в Германии до сих пор. Этим положением государства объясняется также нигде больше не встречающийся добропорядочный чиновничий образ мыслей и все иллюзии насчет государства, имеющие хождение в Германии; этим объясняется также и мнимая независимость немецких теоретиков от бюргеров — кажущееся противоречие между формой, в которой эти теоретики выражают интересы бюргеров, и самими этими интересами.

Характерную форму, которую принял в Германии основанный на действительных классовых интересах французский либерализм, мы находим опять-таки у Канта. Ни он, ни немецкие бюргеры, приукрашивающим выразителем интересов которых он был, не замечали, что в основе этих теоретических мыслей буржуазии лежали материальные интересы и *воля*, обусловленная и определенная материальными производственными отношениями; поэтому Кант отделил это теоретическое выражение от выраженных в нем интересов, превратил материально мотивированные определения воли французской буржуазии в *чистые* самоопределения *«свободной воли»*, воли в себе и для себя, человеческой воли, и сделал из нее таким образом чисто идеологические определения понятий и моральные постулаты. Немецкие мелкие буржуа отшатнулись поэтому в ужасе от практики этого энергичного буржуазного либерализма, лишь только он проявился как в господстве террора, так и в бесстыдной буржуазной наживе.

При господстве Наполеона немецкие бюргеры еще в большей степени предавались своим мелким делишкам и великим иллюзиям. О мелкоторгашеском духе, господствовавшем тогда в Германии, святой Санчо может прочесть, между прочим, у Жан-Поля, — если называть только беллетристические источники, единственно доступные ему. Немецкие бюргеры, которые ругали Наполеона за то, что он заставлял их пить цикорий и нарушал их покой военными постоями и рекрутскими наборами, все свое моральное негодование изливали на Наполеона, а все свое восхищение — на Англию; а между тем Наполеон, очистивший немецкие авгиевы конюшни и устроивший цивилизованные пути сообщения, оказал им величайшую услугу, англичане же только ждали удобного случая, чтобы

начать их эксплуатировать *à tort et à travers*¹. Тот же мелко-буржуазный дух проявили немецкие князья, воображившие, что они ведут борьбу за принцип легитимизма и борются против революции, тогда как на деле они были только оплаченными ландскнехтами английской буржуазии. В атмосфере этих всеобщих иллюзий было вполне в порядке вещей, что привилегированные по части иллюзий сословия — идеологи, школьные наставники, студенты, члены «Тугендбунда»* — задавали тон, выражая всеобщую мечтательность и отсутствие интересов в подобающей им высокопарной форме.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Не-
мецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 182—184.

¹ — вкривь и вкось, на все лады, *Ред.*

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РЕАКЦИОННОГО МЕЩАНСТВА

Г. ФР. ДАУМЕР. «РЕЛИГИЯ НОВОГО ВЕКА *.
ОПЫТ КОМБИНАТОРНО-АФОРИСТИЧЕСКОГО
ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ». 2 ТОМА, ГАМБУРГ, 1850¹

«Один в общем очень свободомыслящий господин из *Нюрнберга*, который отнюдь не был глух к новому, страшно ненавидел происки демократов. Он был поклонником Ронге и повесил его портрет в своей комнате. Но, услышав, что Ронге на стороне демократов, он перевесил его изображение в клозет. Он как-то сказал: о, если бы мы жили под властью русского кнута, каким бы счастливым я себя чувствовал! Он умер во время волнений, и я полагаю, что хотя он и был стар, его свели в могилу только печаль и огорчения по поводу того, что творилось» (т. II, стр. 321—322).

Если бы этот достойный сожаления нюрнбергский филистер, вместо того чтобы умереть, занялся компилированием отрывков и изречений, почерпнутых из «Korrespondent von und für Deutschland» *, из Шиллера и Гёте, из старых школьных учебников и дешевых новинок из библиотек для чтения, то он избавил бы себя от смерти, а г-на Даумера от тяжелого труда по составлению комбинаторно-афористического основоположения в двух частях. Правда, нам в этом случае не представился бы поучительный повод познакомиться с религией нового века и заодно с ее первым великомучеником.

Творение г-на Даумера делится на две части: «предварительную» и «основную». В предварительной части верный Эккарт немецкой философии высказывает свое глубокое огорчение по поводу того, что за последние два года даже мыслящие и образованные немцы были сбиты с пути истинного и отказались от драгоценных завоеваний мысли ради чисто «внешней» революционной деятельности. Он считает теперешний момент подходящим для того, чтобы снова апеллировать к

¹ G. Fr. Daumer. «Die Religion des neuen Weltalters. Versuch einer combinatorischaphoristischen Grundlegung». 2 B-de, Hamburg, 1850. *Ред.*

лучшим чувствам нации; он показывает, к чему приводит столь легкомысленный отказ от всей немецкой культуры, благодаря которой немецкий гражданин только и представляет собой что-то. Он воспроизводит все содержание немецкой культуры в самых энергичных афоризмах, какие только могут найтись в скудной сокровищнице его начитанности, и компрометирует тем самым немецкую культуру не в меньшей мере, чем немецкую философию. Его антология возвышеннейших продуктов немецкого духа своей плоскостью и тривиальностью превосходит даже ординарнейшие книги для чтения, предназначенные барышням из образованных сословий. Начиная с филистерских выпадов Гёте и Шиллера против первой французской революции, с классической фразы: «опасно будить льва» *, и кончая новейшей литературой, первосвященник новой религии усердно выискивает каждое положение, в котором проглядывает немецкая косность, сонливо брюзжащая на ненавистное ей историческое движение. Авторитеты такого калибра, как Фридрих Раумер, Бертольд Ауэрбах, Лохнер, Мориц Карьер, Альфред Мейснер, Круг, Дингельштедт, Ронге, «Nürnbergischer Bote», Макс Вальдау, Штернберг, Герман Мейерер, Луиза Астон, Эккерман, Ноак, «Blätter für literarische Unterhaltung», А. Кунце, Гиллани, Т. Мундт, Сафир, Гуцков, некая «урожденная Гаттерер» и т. д., — вот те столпы, на которых воздвигается храм новой религии. Революционное движение, против которого провозглашается здесь столь многоголовая анафема, ограничивается для г-на Даумера, с одной стороны, банальнейшим трактирным политиканством, процветающим в Нюрнберге с благословения «Korrespondent von und für Deutschland», а с другой стороны, эксцессами черни, о которых г-н Даумер имеет самое фантастическое представление. Источники, из которых он черпает здесь свои сведения, вполне достойны вышеприведенных авторитетов: наряду с неоднократно упоминавшимся нюрнбергским «Korrespondent» фигурируют «Bamberger Zeitung», мюнхенская «Landbötin», аугсбургская «Allgemeine Zeitung» и т. д. Та самая филистерская пошлость, которая всегда видит в пролетарии только грубого деморализованного оборванца, которая с удовлетворением потирает руки, наблюдая парижскую июньскую бойню 1848 г., где было убито более трех тысяч этих «оборванцев», — эта филистерская пошлость возмущается по поводу насмешек над сентиментальными обществами для защиты животных.

«Ужасные мучения», — восклицает г-н Даумер на стр. 293 первого тома, — «которым подвергаются несчастные животные в жестоких, тираннических руках человека, являются для этих варваров «пустяком», по поводу которого не следует беспокоиться!»

Вся современная классовая борьба представляется г-ну Даумеру только как борьба «грубости» против «культуры». Вместо того чтобы объяснить ее из исторических условий жизни этих классов, он находит причины ее в интригах и происках нескольких злонамеренных лиц, которые играют на низких инстинктах черни, натравливая ее на образованные сословия.

«Это демократическое реформаторство... разжигает зависть, гнев, жадность низших классов общества против высших классов — великолепное средство сделать человека благороднее и лучше и заложить основы для более высокой ступени культуры!» (т. I, стр. 289).

Г-н Даумер даже не знает, какую борьбу пришлось выдержать «низшим классам общества против высших» для того, чтобы создать хотя бы только нюрнбергскую «ступень культуры» и сделать возможным появление воителя против Молоха à la ¹ Даумер.

Вторая, «основная» часть содержит положительное изложение новой религии. Здесь в полной мере проявляется гнев немецкого философа по поводу того, что забыта его борьба против христианства, по поводу равнодушия народа к религии — единственному предмету, достойному внимания философа. Чтобы вернуть своему вытесненному конкуренцией ремеслу прежний почет, нашему мудрецу после продолжительной ругани по адресу старой религии ничего не остается, как сочинить новую религию. Однако эта новая религия, в полном соответствии с первой частью, сводится к дальнейшему собиранию букета сентенций, альбомных стихшков и *versus memoriales*² немецкой мещанской культуры. Суры нового корана * представляют собой не что иное, как ряд фраз, посредством которых морально прикрывают и поэтически приукрашивают существующие в Германии порядки. От того, что эти фразы лишены непосредственной религиозной формы, они тем не менее не теряют своего тесного родства со старой религией.

«Совершенно новые мировые порядки и отношения могут возникнуть только благодаря новым религиям. Примером и доказательством того, что в состоянии сделать религия, могут служить христианство и ислам.

¹ — на манер. *Ред.*

² — стихов на память. *Ред.*

А весьма ярким и убедительным подтверждением бессилия и безрезультатности абстрактной, исключительной политики могут служить развернувшиеся в 1848 г. движения» (т. I, стр. 313).

В этом глубокомысленном тезисе перед нами вся плоскость и все невежество немецкого «мыслителя», который принимает жалкие немецкие, в частности баварские, «мартовские завоевания» за европейское движение 1848 и 1849 гг. и который требует, чтобы первые, еще весьма неглубокие взрывы постепенно прокладывающей себе путь и концентрирующей «великой революции» дали уже «совершенно новые мировые порядки и отношения». Вся сложная социальная борьба, первые авангардные бои которой за последние два года прокатились от Парижа до Дебрецена и от Берлина до Палермо, сводится для мудрого г-на Даумера к тому, что в январе 1849 г. «надежды конституционных союзов Эрлангена были отодвинуты в неопределенную даль» (т. I, стр. 312), и к страху перед новой борьбой, способной неприятно потревожить г-на Даумера в его занятиях Хафизом, Магометом и Бертольдом Ауэрбахом.

Эта же самая бессовестная поверхность г-на Даумера позволяет ему совершенно не принимать во внимание того, что христианству предшествовал полный крах античных «мировых порядков», что христианство было простым выражением этого краха; что «совершенно новые мировые порядки» возникли не изнутри, благодаря христианству, а лишь тогда, когда гунны и германцы «набросились извне на труп Римской империи»; что после германского нашествия не «новые мировые порядки» сообразовывались с христианством, а, наоборот, христианство изменялось с каждой новой фазой этих мировых порядков. Пусть г-н Даумер приведет нам хоть один пример изменения старых мировых порядков с появлением новой религии, при котором не произошло бы одновременно колоссальнейших «внешних и абстрактно-политических» конвульсий.

Ясно, что с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит, и в их религиозных представлениях. Но современный переворот отличается от всех предшествующих именно тем, что люди, наконец, разгадали тайну этого процесса исторических переворотов и поэтому они, вместо того чтобы снова обожествлять этот практический, «внешний» процесс в высокопарно-трансцендентной форме новой религии, отбросили всякую религию.

После кратких моральных поучений новой мировой премудрости, которая превосходит даже поучения Книжке, по-

сколькo она содержит все необходимое не только касательно обхождения с людьми, но также и касательно обращения с животными, — после притч Соломоновых следует песнь песней нового Соломона.

«Природа и женщина суть истинно божественное, в отличие от человека и мужчины... Самопожертвование человеческого в пользу природного, мужского в пользу женского, — таково подлинное, единственно истинное смирение и самоотречение, высшая, даже единственная, добродетель и благочестие» (т. II, стр. 257).

Мы видим здесь, как поверхностность и невежество нашего спекулирующего основателя религии превращаются в явно выраженную трусость. Г-н Даумер бежит от угрожающей ему исторической трагедии и ищет спасения в так называемой природе, т. е. в тупой крестьянской идиллии, и проповедует культ женщины, чтобы прикрыть свое собственное бабье самоотречение.

Впрочем, культ природы г-на Даумера довольно своеобразен. Он умудрился оказаться реакционным даже по сравнению с христианством. Он пытается восстановить в модернизированной форме древнюю дохристианскую религию природы. При этом, разумеется, все дело сводится у него только к какой-то христианско-германско-патриархальной болтовне о природе, которая выражается, например, в следующих стихах:

«Научи, природа-мать,
Всюду лишь тебя искать
И по твоему пути
Со смирением идти!»

«Подобные вещи вышли из моды, но не к выгоде культуры, прогресса и человеческого благоденствия» (т. II, стр. 157).

Культ природы ограничивается, как мы видим, воскресными прогулками провинциала-горожанина, который выражает детское удивление по поводу того, что кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда (т. II, стр. 40), что назначение слез — сохранить во влажном состоянии поверхность глаза (т. II, стр. 73) и т. д., и который в заключение со священным трепетом декламирует перед своими детьми оду весне Клопштока * (т. II, стр. 23 и сл.). О современном естествознании, которое в союзе с современной промышленностью революционизирует всю природу и кладет конец, наряду с другими ребячествами, также и ребяческому отношению людей к природе, разумеется, и речи нет. Зато мы слышим таинственные намеки и недоуменные филистерские догадки о пророчествах Нострадамуса, об ясновидении шотландцев и о животном магнетизме. Вообще пора,

чтобы косное крестьянское хозяйство Баварии, та почва, на которой в равной мере произрастают и попы и Даумеры, была, наконец, обработана при помощи современной агрикультуры и современных машин.

С культом женщины дело обстоит точно так же, как и с культом природы. Само собой разумеется, что у г-на Даумера нет ни звука о современном социальном положении женщины, что, напротив, речь идет у него только о женщине как таковой. Он старается утешить женщин в их гражданском бесправии тем, что делает их объектом культа, облеченного в фразы столь же бессодержательные, сколь претенциозно таинственные. Например, он успокаивает их тем, что вместе с замужеством у них исчезают таланты, так как они тогда, дескать, заняты детьми (т. II, стр. 237), что они обладают способностью кормить детей грудью даже до шестидесяти лет (т. II, стр. 251) и т. д. Г-н Даумер называет это «самопожертвованием мужского в пользу женского». А чтобы найти в своем отечестве необходимые для своего мужского самопожертвования идеальные женские фигуры, он вынужден обратиться к различным дамам-аристократкам прошлого столетия. Культ женщины, таким образом, снова сводится к тягостной зависимости литераторов от их высокочтимых покровительниц — зри Вильгельм Мейстер*.

«Культура», — об упадке которой г-н Даумер распространяется в своих иеремиадах, — это культура тех времен, когда Нюрнберг процветал в качестве свободного имперского города, когда значительную роль играла нюрнбергская промышленность, своеобразная помесь искусства и ремесла, это — культура немецкой мелкой буржуазии, гибнущая вместе с этой мелкой буржуазией. Если гибель прежних классов, например рыцарства, могла дать материал для грандиозных произведений трагического искусства, то мещанство, естественно, не может дать ничего другого, кроме бессильных проявлений фанатической злобы и собрания поговорок и изречений, достойных Санчо Пансы. Г-н Даумер — это сухое, утрачившее всякий юмор продолжение Ганса Сакса. Немецкая философия, ломающая руки и рыдающая у смертного одра своего приемного отца — немецкого мещанства, — такова трогательная картина, которую развертывает перед нами религия нового века.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Рецензия на книгу Г. Фр. Даумера «Религия нового века». Сочинения, т. 7, стр. 208—213.

НАЦИОНАЛИЗМ НЕМЕЦКОГО МЕЩАНСТВА

1

В этой статье мы снова могли убедиться, какое узконациональное мировоззрение лежит в основе мнимого универсализма и космополитизма немцев.

Французам и русским досталась земля*,
Владеют морем бритты,
Мы же владеем царством снов,
И здесь мы пока не разбиты.
Здесь у нас гегемония есть,
Здесь мы не раздроблены, к счастью;
Другие народы на плоской земле
Развились большею частью.

Немцы с огромным чувством самоудовлетворения противопоставляют другим народам это воздушное царство снов, это царство «сущности человека», объявляя его завершением и целью всемирной истории; на всех поприщах они рассматривают свои фантазии как окончательный приговор, который они выносят деятельности других народов, и так как они повсюду способны быть только зрителями, наблюдателями, то они считают себя призванными вершить суд над всем миром, утверждая, что весь исторический процесс достигает своей конечной цели в Германии. Мы уже неоднократно отмечали, что это надутое и безмерное национальное чванство соответствует весьма жалкой, торгашеской и мелкоремесленной практике. Если национальная ограниченность вообще противна, то в Германии она становится отвратительной, ибо здесь она соединяется с иллюзией, будто немцы стоят выше национальной ограниченности и всех действительных интересов, и выдвигается против тех национальностей, которые открыто признают свою национальную ограниченность, а также и то, что они базируются на

действительных интересах. Впрочем, у всех народов национальная косность теперь встречается еще только среди буржуа и их литераторов.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Не-
мецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 473.

2

«Riforma» может нам поверить: Германия прекрасно осведомлена о характере освободительных войн как по результатам самих этих войн, так и по жалкому концу, который постиг всех героев этой «достославной» эпохи. Только продажные правительственные газеты могут еще на все лады расхваливать этот период нелепого опьянения. Публика смеется над этим, и даже железный крест становится при этом красным от стыда.

Именно эти газеты, именно эти яркие французоды 1813 г. в настоящее время поднимают такой же вой против итальянцев, какой прежде поднимали против французов, поют хвалебные гимны Австрии, христианско-германской Австрии, и проповедают крестовый поход против романского коварства и романского легкомыслия; ибо итальянцы ведь в такой же мере романский народ, как и французы!

Если итальянцы хотят иметь пример того, на какое участие они могут рассчитывать со стороны грубых хвастунов освободительной эпохи *, какое представление имеют эти рыжие фантазеры об итальянской нации, то мы приведем им известную песню А. А. Л. Фоллена:

Пусть прославляют край *, где мандолины
С гитарами звенят и апельсины
Сверкают сквозь густую сеть листьев;
А мне немецкой сливы мил багрянец
И яблока борсдорфского румянец

и тому подобные плоды поэтического неистовства вечно рассудительного человека. Затем идут самые забавные представления о бандитах, кинжалах, огнедышащих горах, романском коварстве, неверности итальянских женщин, клопах, скорпионах, ядах, ядовитых змеях, убийцах из-за угла и т. д.; все это добродетельному любителю слив мерещится в изрядном количестве на каждом шагу на всех итальянских дорогах. В заключение мечтательный филистер благодарит своего бога за то, что он находится в стране любви и дружбы, в стране, где потасовки происходят с помощью ножек табуреток, в стране голу-

боглазых и верных пасторских дочерей, в стране добропорядочности и простодушия, одним словом — в стране немецкой верности. Такие суеверные фантастические представления об Италии вбили себе в головы герои 1813 г., которые, разумеется, никогда Италии и не видели.

«Riforma» и вообще деятели итальянского движения могут быть вполне уверены: общественное мнение в Германии решительно на стороне итальянцев. Немецкий народ в столь же большой степени заинтересован в падении Австрии, как и итальянский. Он единодушно одобряет и приветствует каждый успех итальянцев, и мы надеемся, что в надлежащий момент он не окажется вне того поля битвы, где раз и навсегда будет положен конец всему австрийскому господству.

Ф. Энгельс. Несколько слов газете «Riforma».
Сочинения, т. 4, стр. 496—497.

3

Читал ты, между прочим, знаменитое стихотворение в «Rheinischer Beobachter» — «Шлезвиг-Голштиния, окруженная морем»? Оно производит примерно следующее впечатление, слов я никак не мог запомнить.

Шлезвиг-Голштейн, окруженный
Моря пенистой волной!
Шлезвиг-Голштейн, оглашенный
Нашей речью, нам родной!
Шлезвиг-Голштейн, раскаленный
Жаром страсти огневой!
Шлезвиг-Голштейн, принужденный
Жить под датскою пятой!
Шлезвиг-Голштейн, увлеченный
Предстоящею борьбой!
Шлезвиг-Голштейн, устремленный
На победу, крепко стой!
Шлезвиг-Голштейн, хоть с луженой
Глоткой, с немощной рукой!
Шлезвиг-Голштейн, беспардонный
Обезьянней клики вой!

Так заканчивается эта дрянь. Это ужасная песня, которую подобает петь дитмаршцам, которые в свою очередь заслужили быть воспетыми Пюттманом.

Ф. Энгельс — К. Марксу 18 сентября
1846 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 39—40.

БЕРЛИНСКИЙ ФИЛИСТЕР

1

Это — человек, проникнутый идеей, что Берлин есть первый город в мире, что нигде, кроме как в Берлине, нельзя найти «Geist» (понятие непереводаемое, хотя английское ghost этимологически представляет то же самое слово; французское esprit есть нечто совсем иное) и что Weissbier — это на вкус каждого пришлого варвара омерзительное питье — есть тот самый напиток, который в «Илиаде» упоминается под именем нектара, а в Эдде — под именем меда. Помимо этих безобидных предрассудков, наше среднее берлинское светило представляет собою неисправимого педанта, невоздержанного на язык, любителя поболтать, весьма склонного к известному сорту низкопробного юмора, известного в Германии под названием Berliner Witz, занимающегося скорее игрой словами, чем игрой мыслей, — любопытная смесь небольшой дозы иронии, небольшой дозы скептицизма и большой дозы вульгарности — в общем, не очень высокий образчик человеческой породы и не очень уж забавный, но все же довольно характерный тип. Ну, так вот, мой берлинский приятель ответил на мой вопрос цитатой в подлинно берлинском насмешливом тоне следующей строфы из шиллерова «Колокола». Должен заметить мимоходом, что наш заурядный берлинец обычно восхваляет только Гёте, но цитирует только Шиллера:

О нега чувств, надежды, младости!
О первой страсти миг златой!
Душа вкусила жизни радость,
Пред ней открылся рай земной.
Зачем ты мчишься, прелесть моя?
Постой, любви пора младая!

Теперь от любителя поэзии, берлинского пивного политика, возвратимся к новому прусскому кабинету.

К. Маркс. Пруссия и Гогенцоллерны.
Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 450—451.

2

Чтобы сделать для немецкого бюргера свою теорию * свободы ясной как день, *Санчо* начинает теперь декламировать на языке, характерном для бюргера, в особенности для берлинского бюргера:

«Но чем свободнее Я становлюсь, тем больше принуждения нагромождается пред Моими очами, тем беспомощнее Я Себя чувствую. Несвободный сын дикой природы еще не ощущает ни одного из тех ограничений, которые стесняют «образованного» человека, он мнит себя более свободным, чем последний. По мере того как Я добываю Себе свободу, Я ставлю себе новые границы и новые задачи; лишь только Я избрал железные дороги, как уже снова чувствую Себя слабым, ибо Я еще не в состоянии парить в воздухе, подобно птице; и не успел Я разрешить какую-нибудь проблему, неясность которой смущала Мой дух, как Меня уже осаждают бесчисленное множество других и т. д.» (стр. 205, 206).

О «беспомощный» беллетрист для бюргеров и поселян!

Но не «несвободный сын дикой природы», а «образованные люди» «придерживаются мнения», что дикарь свободнее образованного человека. Что «сын дикой природы» * (которого вывел на сцену Ф. Гальм) не знает ограничений, существующих для образованного человека, ибо не может испытывать их, — это так же ясно, как и то, что «образованный» берлинский бюргер, знающий «сына дикой природы» только по театру, ничего не знает об ограничениях, существующих для дикаря. Налицо имеется следующий простой факт: ограничения дикаря иные, чем ограничения цивилизованного человека. Сравнение, проводимое нашим святым между обоими, — фантастическое сравнение, достойное «образованного» берлинца, все образование которого заключается в том, что он ровно ничего не знает ни об одном из них.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 291.

3

Единственная история совершается сначала в стоической школе в Афинах, затем почти целиком в Германии и, наконец, на Купферграбене в Берлине, где воздвигнул свой замок деспот «новой философии * или нового времени». Уже отсюда видно, о каком исключительно национальном и местном деле идет здесь речь. Вместо всемирной истории святой Макс дает не-

сколько, к тому же крайне скудных и неверных, толкований по поводу истории *немецкой* теологии и философии. Если иной раз мы и покидаем, по видимости, пределы Германии, то лишь для того, чтобы утверждать, будто дела и мысли других народов, например французская революция, «достигают своей конечной цели» в Германии, и именно на Купферграбене. Приводятся только национально-немецкие факты, обсуждаются и толкуются они на национально-немецкий лад, и результат всегда получается национально-немецкий. Но и это еще не все. Образ мыслей и образование нашего святого — не только немецкие, но и насквозь берлинские. Роль, отводимая гегелевской философии, есть та самая, которую она играет в Берлине, — Штирнер смешивает Берлин с миром и с мировой историей. «Юноша» — берлинец; хорошие бюргеры, то и дело встречающиеся в книге, — берлинские филистеры, завсегда таи пивных. Исходя из таких предпосылок, можно прийти только к результату, ограниченному тесными национальными и местными рамками. «Штирнер» и вся его философская братия, среди которой он самый слабый и невежественный, являются собой практический комментарий к бравым стишкам бравого Гофмана фон Фаллерслебса:

Лишь в Германии*, лишь в Германии
Я хотел бы жить всегда.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 172—173.

ЭЛЬЗАССКИЙ БУРЖУА

Эльзасский буржуа, говорящий по-французски с верхненемецким акцентом, этот ублюдочный хлыщ, который щеголяет французскими манерами больше настоящего француза, который смотрит на Гёте сверху вниз и бредит Расином, но который все-таки не может избавиться от мучительного сознания тайны своего немецкого происхождения и именно потому должен в презрительном тоне болтать обо всем немецком, так что не годится даже в посредники между Германией и Францией, — этот эльзасский буржуа — бесспорно весьма презренное существо, будет ли он мюльгаузенским фабрикантом или парижским журналистом. Но кто же сделал его тем, чем он является, как не немецкая история последних трехсот лет?

Ф. Энгельс. Роль насилия в истории.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 492—493.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ПРИНЦА ИОГАННА САКСОНСКОГО

В то время когда народ кричал: «Да здравствует Ронге!», «Долой папизм!», принц Иоганн Саксонский, который, между прочим, в числе многих из наших князей, приобщился к рифмоплётству и к литературе, выпустив в свет очень скверный перевод «Ада» итальянского поэта Данте, — этот «адский» переводчик попытался прибавить к своей литературной репутации военную славу, для чего предпринял коварный и подлый поход против безоружных масс*.

Ф. Энгельс. Недавняя бойня в
Лейпциге. — Рабочее движение в
Германии.
Сочинения, т. 2, стр. 555.

ОФИЦИАЛЬНАЯ НЕМЕЦКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

1

Заметим мимоходом, что эта болтливая сорока бонапартизма * не лишена лукавства. Так, например, чтобы доказать симпатии Бонапарта к Германии, *Абу* указывает, что декабрьская монархия сваливает в одну кучу *Да-Да Фогта* * с *Гумбольдтом*, как и *Лазарильо Гаклендера* с *Гёте*. Во всяком случае, эта комбинация *Фогт-Гаклендер* показывает со стороны *Абу* более глубокое изучение своего предмета, чем это можно найти в «Исследованиях» немецкого *Да-Да* *.

К. Маркс. Госнодин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 403.

2

Присутствовал один раз (в ложе журналистов) на заседании второй палаты *. Вспомнил, как я таким же образом летом 1848 г. был на заседании прусских соглашателей*. (*Quantum mutatum ab illis!* ¹ Хотя ведь и те далеко не были титанами! Крохотный зал заседания. Маленькие ложи для публики. Депутаты сидят на скамьях («господа» же — в креслах). Странная смесь канцелярии со школой. Бельгийская палата по сравнению с этим прямо импозантна. Председатель Симсон или Самсон вознаграждает себя за пинки, получаемые им от Мантейфеля, тем, что при помощи своих ослиных челюстей набрасывается на притаившихся внизу филистеров со всей уродливой и грубой начальственностью министерского швейцара. В любом другом собрании эта невыразимая разновидность воплощенного

¹ — Какая перемена по сравнению с ним! *Ред.*

лакейского нахальства давно была бы вознаграждена оплеухой. Как ни противно в Берлине, в особенности в театрах, преобладание военного мундира (Кстати! Для того, чтобы задеть королевскую семью, Гатцфельд в первые же дни моего пребывания привела меня в ложу рядышком с «красавцем Вильгельмом» и его компанией! Три часа балета. Больше ничего за целый вечер. Тоже берлинская особенность), тем не менее всегда очень приятно, когда встречаешь иногда в массе смиренной бюрократической школьной молодежи этакого молодца в военной форме, который высоко держит голову и сидит прямо, не сгибая спины. Говорил как раз Финке, который вообще старается говорить на каждом заседании. Я, право, еще идеализировал этого господина. Если бы я раньше когда-нибудь его слышал, я бы нарисовал его портрет совершенно иначе. В плохонькой комедии Фрейтага, под названием «Журналисты», выводится толстый гамбургский филистер и виноторговец по имени *Пипенбринк*. Финке — точная копия этого Пипенбринка. Противный гамбургско-вестфальский говор, быстро проглатываемые слова, ни одной правильно построенной или законченной фразы. И это — наш доморощенный Мирабо! Единственные фигуры, которые в этом хлеву пигмеев по крайней мере прилично выглядят, это — Вальдек, с одной стороны, и Вагнер и Дон-Кихот Бланкенбургский — с другой.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 мая
1861 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 22.

3

Дорогой Лассаль!

Бухер, правда, прислал мне три экземпляра «Julian Schmidt»* [«Юлиан Шмидт»], но ни одного из прочих упомянутых тобою сочинений он не присылал. «Г-н Шмидт, г-н Шмидт» (я переслал Энгельсу и Вольфу предназначенные для них экземпляры) пришелся тем более кстати, что он застал меня отнюдь не в веселом настроении. Кроме того, хотя из сочинений Шмидта я, собственно, не читал, а перелистывал очень немного, человек этот всегда был мне противен как воплощение буржуазного снобизма, такого отвратительного и в своем литературном выражении. Ты совершенно правильно даешь понять, что твои нападки лишь косвенно направлены против образованной буржуазной черни. На этот раз можно сказать: бьют по ослу, а метят в мешок. Так как пока мы не можем

добраться до самого мешка, то становится все более и более необходимым рубить головы наиболее крикливым и нахальным из его образованных ослов; рубить пером, конечно, хотя бедняга Мейен в «Freischütz» * и находил эту «литературную игру в гильотину» настолько же ребяческой, насколько и варварской.

К. Маркс — Ф. Лассалю 16 июня
1862 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 402.

4

Из трех названных Вами **убежденных дарвинистов** внимания заслуживает, по-видимому, только Гельвальд. Зейдлиц — в лучшем случае мелкая величина, а Роберт Бир — романист, роман которого «Трижды» печатается в настоящее время в журнале «Über Land und Meer» *. Там вполне уместно все его фанфаронство.

Ф. Энгельс — П. Л. Лаврову 12—
17 ноября 1875 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса
с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 213.

5

Профессор Фридберг (в Бреславльском университете, медик) рассказал мне сегодня, что великий Ласкер выпустил анонимный полуроман под заглавием «*Жизненный опыт одной мужской души*». Предшествует этим возвышенным переживаниям хвалебное предисловие или введение господина Бертольда Ауэрбаха. Жизненный опыт Ласкера заключался в том, что все девушки (в том числе и дочь Кинкеля) влюблялись в него, и вот он объясняет, почему он не только не женился на них всех вместе, но почему также ни с одной из них дело не дошло до развязки. Это, должно быть, настоящая Одиссея тряпичной души. Очень скоро появилась пародия (тоже анонимно), столь *horrible*¹, что его великий брат, Отто, с весьма чувствительной затратой денег скупил все имеющиеся экземпляры «Опыта».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 19 августа
1876 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 460.

¹ — ужасная. *Ред.*

6

Герой канкана Боденштедт и представитель ватер-клозетной эстетики Фридрих Фишер являются Горацием и Виргилием Вильгельма I.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 8 марта
1882 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 550.

7

Прилагаемая вырезка — из одной немецко-американской газеты, которую мне прислал Энгельс. Это забавная критика новейшей «*Deutsche Bedientenproesie*» [немецкой лакейской поэзии]. Надеюсь, Лонге заинтересуется этим.

К. Маркс — Ж. Лонге 7 апреля
1882 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 213.

8

Здесь четыре музыканта пропагандируют Бисмарка фальшивой музыкой, разъясняя англичанам на совершенно непонятном для меня рейнско-франкском наречии, что они «отдают тебе руку и сердце, будут жить для тебя одной» и т. д., и т. д. и что Страсбург — распрекрасный городок.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 30 августа 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 403.

БОРЬБА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА С МЕЩАНСКО-ФИЛИСТЕРСКИМ ДУХОМ В НЕМЕЦКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

1

С мелкобуржуазным мещанско-филистерским духом в партии мы постоянно вели самую жестокую борьбу, потому что он, развиваясь со времени Тридцатилетней войны, охватил *все* классы в Германии, сделался наследственным ее несчастьем, родным братом лакейства, верноподданнического смирения и всех прочих наследственных немецких пороков. Это он сделал нас за границей смешными и достойными презрения. Это филистерство — главная причина господствующей у нас дряблости и бесхарактерности. Оно царит на троне так же часто, как и в хижине сапожника. Лишь с тех пор, как в Германии образовался *современный* пролетариат, лишь с тех пор в его лице развился класс, почти совершенно не зараженный этой немецкой наследственной болезнью и проявивший в борьбе отвагу, энергию, юмор и упорство. Как же нам не бороться против всякой попытки снова искусственно привить этому здоровому — и в Германии единственному здоровому — классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости. Но испуганных в первый момент после покушений и закона против социалистов * вождей охватил страх, доказавший только, что сами они слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерского мнения. В то время партия если и не *стала* филистерской, то все же должна была *казаться* таковой. Теперь все это, к счастью, преодолено, но вовлеченные в нее незадолго до закона против социалистов филистерские элементы, преобладающие в особенности среди учившихся и в большинстве случаев не закончивших своего образования людей, — все еще в наших рядах, и за ними надо зорко следить.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 1 марта 1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 287—288.

Вообще эти люди, в том числе, например, и Фроме, выступают совсем неплохо, когда им приходится защищать себя или своих избирателей от полиции; тогда филистерство не вылезает наружу. Ибо один из их крупнейших недостатков — эта самая филистерская закваска, стремление уговорить противника, вместо того чтобы бороться против него, так как, мол, «наше дело такое благородное и справедливое», что любой филистер к нему обязательно примкнет, стоит ему лишь понять, в чем оно состоит. Эта апелляция к мещанскому прекраснодушию, не замечающая и не желающая видеть скрытые за ним интересы, является одной из самых характерных черт специфически немецкого филистерства; в Англии или во Франции черта эта немыслима ни в литературе, ни в парламенте.

Ф. Энгельс — А. Бебелю 18 марта
1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 545—546.

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПОЭТ
ФРАНЦУЗСКОЙ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ
ЛУИ БЕЛЬМОНТЕ**

В «*Presse*» * (парижской) занятная полемика Пелльтана против бонапартовского *législateur-poète* ¹ — Бельмонте; в этой полемике Пелльтан так оскорбил *empereur* ², что, вероятно, будет изгнан.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 апреля
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 140.

¹ — поэта-законодателя. *Ред.*

² — императора. *Ред.*

ТЬЕР КАК ТИП ВУЛЬГАРНОГО ЖУРНАЛИСТА

1

Он подвизается 40 лет на публичной арене. Он ни разу не был инициатором ни одной полезной меры в какой-нибудь области государственного управления или жизни. Тщеславный, скептический эпикуреец, он никогда не писал и не говорил ради дела. В его глазах само дело было лишь предлогом, дававшим ему возможность блистать пером или языком. За исключением его жажды доходных мест и видного положения, все в нем не настоящее — даже его шовинизм.

В типичном стиле вульгарного газетного профессионала он то издевается в своих бюллетенях над плохим видом своих версальских пленников, то сообщает, что помещицы депутаты «чувствуют себя прекрасно», то выставляет себя на посмешище своим сообщением о взятии «Мулен-Саке» (4 мая), где было захвачено 300 пленных. «Остальные повстанцы бежали без оглядки, оставив на поле битвы 150 человек убитыми и ранеными», — и ядовито прибавляет: «Такова победа, которую Коммуна сможет праздновать завтра в своих бюллетенях». «*Париж* скоро будет освобожден от угнетающих его страшных тиранов», т. е. «Париж» — Париж народных масс, сражающихся против него, для него не «Париж». «Париж — это Париж богатый, капиталистический, праздный» (почему не космополитический притон?). Таков Париж г. Тьера. Действительный Париж, трудящийся, мыслящий, борющийся Париж, народный Париж, Париж Коммуны — это «подлая чернь». В этом вся суть отношения Тьера не только к Парижу, но и к Франции. Париж, показавший свою храбрость в «мирной демонстрации» и в бегстве Сессе, наполняющий сейчас Версаль, Рюэль, Сен-Дени, Сен-Жермен-ан-Лэ, куда последовали все кокотки, льнущие к «людям религии, семьи, порядка и собственности» (Париж действительно «опасных», эксплуататорских и тунеядствующих

классов) («героев тыла»), Париж, который забавляется тем, что смотрит в подзорную трубу на происходящие бои, для которого «гражданская война — лишь приятное развлечение», — таков Париж г. Тьера (как кобленцкая эмиграция была Францией г. де Калонна). Типичный вульгарный журналист, он не умеет даже соблюдать внешнее достоинство; чтобы ни в чем не уклониться от «легитимистского» этикета, он убивает женщин, девушек и детей, найденных впоследствии под развалинами Нейи. Он не может отказать себе в том, чтобы с помощью зарева Кламара, подожженного керосиновыми бомбами, не устроить иллюминацию в честь муниципальных выборов, назначенных им по всей Франции. Римские историки заканчивают характеристику Нерона рассказом о том, что это чудовище кичилось своими талантами рифмоплета и комедианта. Но дайте власть простому профессиональному газетному писаке и парламентскому паяцу вроде Тьера, и он перешеголяет Нерона.

Когда Тьер позволяет бонапартовским «генералам» отыгаться на Париже, он играет свою роль как слепое орудие классовых интересов, но зато уж свою личную роль он играет в маленькой комедии бюллетеней, речей, обращений, в которых выползает наружу его тщеславие, вульгарность и пошлейший тон журналиста.

К. Маркс. Первый набросок гражданской войны во Франции.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III (VIII), стр. 275—279.

2

В этой каннибальской войне * отвратительнее всего «литературные» вопли мерзкого гнома, восседающего во главе правительства!

К. Маркс. Первый набросок гражданской войны во Франции.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III (VIII), стр. 289.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЖОНА РОССЕЛЯ

Кроме влияния герцогской семьи Бедфорд, младшим сыном которой был лорд Джон, призрачная власть, которою он периодически располагал, опиралась на отсутствие всех тех свойств, которые вообще дают человеку возможность властвовать над другими людьми. Его поразительно ограниченный взгляд на все вещи, как зараза, сообщался другим и в гораздо большей степени, чем самое гениальное крючкотворство, порождал смешение понятий у его слушателей. Его истинный талант заключается в способности низводить все, чего бы он ни коснулся, к своим собственным карликовым размерам, сводить весь внешний мир к безгранично малому масштабу и превращать его в вульгарный микрокосм своего собственного изобретения. Его инстинкт умалять великое может быть превзойден только его способностью придавать ничтожному видимость величия.

Вся жизнь лорда Джона Росселя была основана на фальшивых предложениях, — фальшивых предложениях в пользу парламентской реформы, фальшивых предложениях в пользу религиозной свободы, фальшивых предложениях в пользу свободы торговли. Его вера в достаточность фальшивых предложений была настолько искренней, что он считал возможным сделаться на основании их не только британским государственным деятелем, но и поэтом, мыслителем и историком. Только с такой точки зрения можно объяснить существование такой дряни, как его трагедия «Дон-Карлос или преследование», или его «Опыт истории английского правительства и конституции от царствования Генриха VIII до нынешнего времени», или его «Мемуары о европейских событиях со времени Утрехтского мира». Эгоистической узости его ума каждый предмет представляется какой-то *tabula rasa* [чистой доской], на которой он волен начертать свое собственное имя. Его мнения никогда не зависели от реально-

сти фактов, а, напротив, факты зависели в его глазах от того порядка, в котором он располагает свои обороты речи. Как оратор, он не оставил после себя ни одной достойной упоминания остроты, ни одного глубокомысленного изречения, ни одного правильного наблюдения, ни одного сильного описания, ни одной красивой мысли, ни одного живого намека, ни одной юмористической сценки, ни одного искреннего чувства.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Лорд
Джон Россель.
Сочинения, т. X, стр. 497—498.

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ И МАРТИН ТЭППЕР *

Классическая политическая экономия искони питала страсти рассматривать общественный капитал как величину постоянную с постоянной степенью действия. Но предрассудок этот застыл в непререкаемую догму лишь благодаря родоначальнику филистеров Иеремию Бентаму — этому трезво-педантичному, тоскливо-болтливому оракулу пошлого буржуазного рассудка XIX века¹. Бентам среди философов то же, что Мартин Тэппер среди поэтов. Оба они могли быть сфабрикованы только в Англии².

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 615.

¹ Ср., между прочим, *J. Bentham*: «Théorie des Peines et des Récompenses», перев. Et. Dumont, изд. 3, Paris 1826, т. II, кн. IV, гл. 2.

² Иеремиа Бентам — явление чисто английское. Ни в какую эпоху, ни в какой стране не было еще философа — не исключая даже нашего Христиана Вольфа, — который с такой помпой вещал бы обыденнейшие банальности. Утилитарный принцип не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторял то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, например, для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть конструирована, исходя «из принципа пользы». Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим с точки зрения пользы оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом в частности английского филистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека в окружающем его мире, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее. Например, христианская религия «полезна», так как она религиозно осуждает те же самые преступления, которые уголовное уложение осуждает юридически. Художественная критика «вредна», так как она мешает почтенным людям наслаждаться произведениями Мартина Тэппера и т. д. Таким хламом этот расторопный господин, девиз которого — «nulla dies sine linea» [«хоть строчку в день»], наполнил горы книг. Если бы я обладал смелостью моего друга Г. Гейне, я назвал бы господина Иеремию гением буржуазной глупости.

ПОШЛОСТЬ И ЛИЦЕМЕРИЕ В ПОЛИТИКЕ ПРАВЯЩИХ КЛАССОВ АНГЛИИ

1

Незадолго до годовщины февральской революции, когда Карлье велел срубить деревья свободы, «Punch»* поместил рисунок дерева свободы, листья которого представляли собой штыки, а плоды — бомбы, и рядом с этим покрытым штыками французским деревом свободы в специальной песне воспевалось дерево английской свободы, единственное, которое приносит солидные плоды: pounds, shillings and pences¹. Но эта злая конторская острота бледнеет перед теми неистовыми припадками бешенства, с которыми «Times» с 10 марта мечет громы и молнии по поводу побед «анархии». Реакционная партия в Англии, как и во всех других странах, воспринимает нанесенный в Париже удар так, как если бы он затронул ее непосредственно.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Второй международный обзор.
Сочинения, т. 7, стр. 308.

2

«Станьте среди попов, мой добрый лорд*,
Ибо на эту тему будет мой священный напев».

Пальмерстон не совсем следует совету, преподанному Бэкингом Ричарду III. Он стал между попами, с одной стороны, и контрабандистами опиума — с другой. В то время как епископы новейшей церкви, которых матерый обманщик позволил своему родственнику, графу Шефтсбери, назначить, свидетельствуют о его «праведности», контрабандисты опиумом, торговцы «сладким ядом вкуса времени», ручаются за его верную

¹ — фунты, шиллинги и пенсы. *Ред.*

службу этому «товару — пристрастию мира». Шотландец Берк гордился лондонскими «воскрешателями»¹. Пальмерстон также гордится ливерпульскими «отравителями». Эти гладко выбритые господа являются достойными представителями города, величие которого можно проследить по прямой родословной к торговле рабами. Ливерпуль, вообще не славящийся поэтическим творчеством, может, по крайней мере, притязать на ту оригинальную заслугу, что он обогатил поэзию одами на тему о работоторговле. В то время как Пиндар начинает свой гимн * победителям на олимпийских играх знаменитой строфой: «Нет ничего лучше воды» (*ariston men hudog*), современный ливерпульский Пиндар мог бы снабдить свой гимн о чемпионах с Даунинг-стрита * еще более остроумным вступлением: «Нет ничего лучше опиума».

К. Маркс. Предстоящие выборы в Англии.
Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 179.

3

Неистовый рев «старого гнусного» «Times», как любил называть его Коббет, взятая им на себя роль неистового персонажа из оперы Моцарта *, который в мелодичнейших ариях наслаждался мыслью о том, как он своего врага сперва повесит, затем изжарит, затем четвертует, затем нанижет на вертел и, наконец, сдерет с живого кожу, его постоянное разжигание жажды мести — все это могло бы казаться очень глупым, если бы под пафосом трагедии явно не проглядывали трюки комедии. Лондонский «Times» пересаливает в исполнении своей роли не только под влиянием паники. Он доставляет комедии сюжет, упущенный даже Мольером, а именно: Тартюфа мести. На деле все, что ему нужно, — это рекламировать государственные бумаги и оградить правительство от нападков. Так как стены Дели не пали, подобно стенам Иерихонским, от колебаний воздуха, то необходимо Джона Булля так оглушить воплями о мести, чтобы он забыл, что его правительство ответственно за те бедствия и за те колоссальные размеры, до которых оно дало им разрастись.

К. Маркс. Восстание в Индии.
Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 241—242.

¹ Так назывались люди, занимавшиеся тайным выкапыванием трупов, чтобы доставлять их за плату изучавшим анатомию. *Ред.*

АНГЛИЙСКАЯ ЛЕДИ

Английская леди. Более ничемного и бесполезного существа нет на свете. Ее нрав, образование, склонности закрывают для нее доступ ко всем подлинно интеллектуальным сторонам бытия, в то время как пустячные занятия [trivialities of life] или, в лучшем случае, превращение в забаву серьезных — составляют все содержание ее жизни, и только к ним одним она сама относится серьезно.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории
Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 106.

АМЕРИКАНСКИЙ ПОЭТ И ПУБЛИЦИСТ Ч. МАКАЙ

В стране янки дела неважны. Правда, теперь, по обычной иронии мировой истории, по сравнению с филистерами, демократы уже стали *wag-party*¹, и обанкротившийся поэт-публицист Ч. Маккай снова здорово осрамился. Слышал также из частных нью-йоркских источников, что Север продолжает вооружаться в масштабе до сих пор неслыханном. Но, с другой стороны, с каждым днем все больше множатся признаки морального ослабления, и неспособность победить возрастает с каждым днем. Где та партия, победа и *avènement*² которой означали бы доведение войны *à outrance*³, и притом всеми средствами? Народ оплеван — вот в чем беда. Счастье еще, что мир сейчас физически невозможен, иначе они бы его давно заключили, чтобы только иметь возможность жить в мире и ради *almighty*⁴ доллара.

Ф. Энгельс — К. Марксу 17 февраля
1863 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 136.

¹ — военной партией. *Ред.*

² — приход к власти. *Ред.*

³ — до победного конца. *Ред.*

⁴ — всемогущего. *Ред.*

РЕАКЦИОННАЯ ИДЕЯ СКАНДИНАВИЗМА

Война в Италии * была всегда непопулярна у демократической партии и даже у венских демократов давно уже утратила всякую популярность. При помощи фальсификации и лжи русское правительство смогло отсрочить лишь на несколько недель бурю общественного недовольства по поводу истребительной войны в Познани *. Уличные бои в Праге *, вопреки всем стараниям националистической печати, возбудили в народе симпатии только к побежденным, а не к победителям. Напротив, война в Шлезвиг-Голштейне * была с самого начала популярна и среди *народа*. Чем же это объясняется?

В то время как в Италии, в Познани, в Праге немцы *боролись против революции*, в Шлезвиг-Голштейне они *поддерживали революцию*. Война с Данией — это первая *революционная война*, которую ведет Германия. И потому мы, отнюдь не обнаруживая этим ни малейшего родства с энтузиазмом буржуазии, воспевающей за кружкой пива омываемый морями Шлезвиг-Голштейн *, с самого начала высказались *за энергичное ведение войны с Данией*.

Довольно-таки печально для Германии, что ее первая революционная война — это самая комическая из войн, которые когда-либо велись!

А теперь о существе дела. Датчане — это народ, находящийся в самой неограниченной торговой, промышленной, политической и литературной зависимости от Германии. Известно, что фактической столицей Дании является не Копенгаген, а Гамбург; что датское правительство целый год проделывало все эксперименты с Соединенным ландтагом по примеру прусского правительства, окончившего свой жизненный путь в результате баррикадных боев; что Дания получает всю свою литературную пищу, точно так же как и материальную, из Германии и что датская литература — за исключением Хольберга — представляет собой бледную копию немецкой литературы.

Как ни бессильна была издавна Германия, но она может испытывать удовлетворение, что скандинавские нации, и в частности Дания, оказались в зависимости от нее, что по сравнению с *ними* она является даже еще революционной и прогрессивной страной.

Вы хотите доказательств? Ознакомьтесь с полемикой, разгоревшейся между скандинавскими нациями со времени появления идеи скандинавизма. Скандинавизм заключается в восхвалении жестокого, грубого, пиратского древненорманского национального характера, той крайней замкнутости, при которой избыток мыслей и чувств выражается не в словах, а только в делах, именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и в неистовой воинственности [Berserkerwut ¹], перемежающейся со слезливой сентиментальностью.

Скандинавизм и теория племенного родства с омываемым морями Шлезвиг-Голштейном появились одновременно в землях датского короля. Они взаимно связаны: они вызвали друг друга к жизни, боролись друг с другом и таким путем отстояли свое существование.

Скандинавизм был той формой, в которой датчане апеллировали к поддержке шведов и норвежцев. Но случилось то, что бывает всегда у христианско-германской нации: немедленно возник спор о том, кто является истинным христиано-германцем, кто является подлинным скандинавом. Швед объявил датчанина «онемеченным» и выродившимся, норвежец объявил таковыми шведа и датчанина, а исландец — всех троих. Конечно, чем менее культурна нация и чем ближе ее нравы и образ жизни к древненорманским, тем более «скандинавским» характером она отличается.

Перед нами лежит газета «Morgenbladet» * из Христиании ² от 18 ноября 1846 года. В статье этой милой газетки мы находим следующие веселые места о скандинавизме.

Изобразив весь скандинавизм просто как попытку датчан вызвать движение в своих собственных интересах, она говорит о датчанах:

«Что общего у этого веселого, жизнерадостного народа с древним, суровым и хмурым миром воинов (med den gamle, alvorlige og vemodfulde Kjæmpeverden)? Как может эта нация со своим — как признает даже один датский писатель — слабым и мягким характером думать о духовном родстве своем с крепкими, полными сил и энергии людьми древней эпохи? И как могут эти люди с мягким выговором южан воображать, что

¹ Berserker — образ неистового воина в скандинавских сагах. *Ред.*

² Осло. *Ред.*

они говорят на северном языке? И хотя главная черта нашей и шведской нации, как и древних обитателей севера, состоит в том, что чувства уходят глубоко *внутрь* души, не проявляясь *вовне*, тем не менее эти чувствительные и сердечные люди, которых так легко привести в изумление, затронуть их чувства, подчинить своему влиянию, которые сразу же всем своим внешним видом выдают свои душевные переживания, — эти люди воображают, что они скроены по единому северному образцу, что они родственные по натуре двум другим скандинавским нациям!»

«Morgenbladet» объясняет это вырождение датчан их связью с Германией и распространением в Дании немецких нравов. Правда, немцы

«потеряли свое самое священное достояние, свой национальный характер; но как ни слаба и бесцветна немецкая национальность, в мире существует другая национальность, еще более слабая и бесцветная, а именно датская. В то время как в Эльзасе, Ваадте и на славянской границе немецкий язык вытесняется» (!! тогда заслуги «нетских братьев» еще не получили огласки), — «на датской границе он сделал огромные успехи».

Поэтому, мол, датчане должны были противопоставить немцам свою национальность, и для этой цели они изобрели скандинавизм; датская национальность была не способна к сопротивлению...

Ф. Энгельс. Датско-прусское перемирие.
Сочинения, т. 5, стр. 419—421.

ПАНСЛАВИЗМ

...панславизм — злейший враг и наш и самих русских. Это надувательство в свое время рассыплется в прах, но пока что оно может причинить нам немало неприятностей. Панславистская война, как последний якорь спасения русского царизма и русской реакции, в настоящий момент подготавливается; будет ли она — большой вопрос, но если будет, то несомненно одно: революционное развитие, так великолепно протекающее в Германии, Австрии и самой России, будет совершенно дезорганизовано и оттеснено на другие пути, которые теперь трудно предугадать. В лучшем случае мы потеряем при этом от трех до десяти лет — предельный срок для наступления конституционной «новой эры» в Германии и, может быть, также и в России; при этом наиболее вероятны Малая Польша под гегемонией Германии, война-реванш с Францией, новое натравливание народов друг на друга и, наконец, новый Священный союз. Панславизм, следовательно, теперь больше, чем когда-либо, наш смертельный враг *, несмотря на то, что он стоит на краю могилы, или именно поэтому. Ведь Катковы, Аксаковы, Игнатьевы и К° знают, что, как только царизм будет свергнут и русский народ выйдет на сцену, владычеству их навсегда конец. Отсюда эта жажда войны в момент, когда в казне хоть шаром покати и когда ни один банкир не дает русскому правительству ни гроша займа.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 7 февраля 1882 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 187—188.

ПАРТИЯ
РАБОЧЕГО КЛАССА
И
БУРЖУАЗНЫЕ НРАВЫ
В
ЛИТЕРАТУРЕ

ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕКЛАМА

Меринг, как рассказывает Эде, написал ему, что ни «Neue Zeit», ни «Vorwärts» *, ни остальная партийная печать не обращают ни малейшего внимания на его работу против Рихтера, что это непростительно, что у него желание отойти от всякой политики и т. д. Я понимаю, что автору, сжившемуся с литературными порядками — говорю это не в укор, ибо в буржуазной прессе даже в области чисто литературной это стало не только правилом, но и необходимым условием существования, — и завоевавшему себе известность вне социал-демократической печати, эти социал-демократические нравы должны быть очень неприятны. Но ведь этак пришлось бы нам всем поднять крик: ты, я, все прочие в таком же положении. И все же, как это подчас ни тяжело отдельным лицам, я считаю это величавое равнодушие нашей печати одним из самых больших ее достоинств.

Работы Меринга раскупаются и читаются и без рекламы в «Vorwärts», и уж лучше совсем ничего не проталкивать, чем проталкивать различный партийный хлам, который, к сожалению, тоже в изобилии появляется на свет. Если выделить кого-нибудь одного, то, согласно известным правилам демократического приличия, тотчас же потребуются «равные для всех права». В таком случае я для себя предпочитаю равноправие в смысле полного замалчивания в прессе.

Но вот что ваши могли бы сделать: заключить с издателем Меринга соглашение о частых и регулярных объявлениях по дешевой цене. Но этому препятствует неизменная безграничная беспомощность в делах, которая у наших работников печати в крови.

На этих днях мне попалась, между прочим, «Германская социал-демократия» Меринга, 3-е издание, и я просмотрел историческую часть. В «Капитале и прессе» он несколько легкомысленно совершил свой переход в связи с известным

казусом¹. Но для нас это неплохо; нам его упрекать не в чем, а может ли он сам себя в чем-нибудь упрекнуть, это уж его дело, нас это не касается. Я на его месте открыто признал бы перемену позиции; в этом решительно нет ничего позорного, и это всегда избавляет от лишних склок, раздражений и траты времени. Во всяком случае, было бы нелепо с его стороны действительно думать отойти от политики; он бы этим только оказал услугу власти имущим и буржуазии; его передовые в «Neue Zeit» на самом деле великолепны, и мы всякий раз поджидаем их с большим нетерпением. Нельзя допустить, чтобы такое острое перо заржавело или растрачивалось на критику паршивых беллетристов.

Ф. Энгельс — А. Бебелю 8 марта 1892 г.
Сочинения, т. XLIX, стр. 33—34.

¹ Энгельс, очевидно, намекает на так называемый «казус Линдау», в связи с которым Меринг впервые присоединился к платформе социал-демократии. Буржуазный журналист Пауль Линдау использовал свои связи в театральной среде, чтобы лишить свою бывшую возлюбленную, актрису, всякой возможности найти работу. *Ред.*

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИЙНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Что касается Лафарга, то не позволяй ему сбивать тебя с толку. Он действительно немного упрям и увлекается своими отнюдь не всегда состоятельными доисторическими теориями. Поэтому его «Адам и Ева» ему дороже всего, и он придает им гораздо больше значения, чем Золя, для очерка о котором он самый подходящий человек. Так как его статью о райских платониках, поумневших лишь после того, как старый Ягве выгнал их вон, задержали сразу же после истории с другой его статьей, экономической, то он недоволен и дуется. Теперь вдруг оказывается, что «Neue Zeit» должен помещать только статьи об Адаме и Еве, как будто такой порядок в журнале был и раньше. Он выискивает теперь несуществующую противоположность между старым и новым «Neue Zeit» и ведет себя так, словно прежде в журнале совсем не печатались статьи на актуальные темы. Я нахожу, что «Neue Zeit» теперь гораздо лучше, чем был раньше; никто, конечно, не может требовать, чтобы я читал печатающиеся в нем романы. «Neue Zeit» добился того, что Шиппель стал, наконец, писать действительно хорошие статьи¹, которые читаешь с удовольствием; ясно, что еженедельник должен отводить больше места злободневным вопросам, чем ежемесячник; если бы ты мог пристроить куда-нибудь Адама и Еву, то все было бы улажено.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 30 апреля 1891 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 311.

¹ В «Neue Zeit» за 1890—1891 гг., ч. I и II, опубликовано 9 статей М. Шиппеля. *Ред.*

КУЛЬТ ЛАССАЛЯ

1

Что касается Итцига, то он, — как мне по секрету сообщил Фрейлиграт (он показал мне и письмо Итцига), — попросил Фрейлиграта написать *стихотворение* в честь «нового» движения, сиречь воспеть Итцига. Но Фрейлиграт на это не пошел. В письме он, между прочим, пишет: «Сотни газет разносят ежедневно мое имя в отдаленнейшие уголки Германии». «*Мои* пролетарии!» и т. д. Так как Фрейлиграт его не воспел, то он нашел себе другого поэта. Вот образец:

Сюда, немецкий пролетарнат,
Сюда! Призыв не оставляй бесплодным:
Ведь ты стоишь пред мужем благородным,
Который путь тебе расчистить рад.
Он не сидит в парламентском собрании,
Чуждается крикливых излияний;
Дитя народа, Фердинанд Лассаль
Кует слова, могуче, как сталь.

«Довольно вы других обогащали,
За них обильно проливая пот,
Довольно роскошью их окружали,
А сами изнывали от забот!
Пусть впредь не издеваются над вами:
Плоды трудов должны вкушать вы сами!»
Так говорит вам Фердинанд Лассаль,
И клич его ко всем несется вдаль.

Масте рует¹. Разве это не хорошо для клопов?

К. Маркс — Ф. Энгельсу 29 мая 1863 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 150—151.

¹ — Хвала тебе, юноша. *Ред.*

2

Что касается атак на Лассалья, это тоже, как я вам говорил, на мой взгляд, очень важно. С принятием *всех* существенных лассальянских экономических фраз и требований эйзенахцы * *фактически стали лассальянцами* — по крайней мере, по своей программе. Лассальянцы * не пожертвовали ничем, решительно ничем из того, что они в состоянии были бы отстаивать. Для полного завершения их победы вы сделали вашим партийным гимном рифмованное морализирующее фразерство, в котором господин Аудорф прославляет Лассалья¹. В течение 15 лет господства закона против социалистов * внутри партии не было, конечно, никакой возможности выступить против культа Лассалья. Но этому нужно было положить конец, и я взялся за это дело.

Ф. Энгельс — А. Бебелю 1—2 мая
1891 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 315.

¹ Речь идет о стихотворении Я. Аудорфа на смерть Лассалья: «Prolog zur Todtenfeier Ferdinand Lassalle's am 4 Septemer 1876» («Пролог к годовщине смерти Фердинанда Лассалья 4 сентября 1876 г.»), *Ред.*

**ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ
ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРТИИ.
СЕНСАЦИОННЫЙ РОМАН МИННЫ КАУТСКОЙ ***

Читал ли ты в «Vorwärts» роман старой мамыши Каутской «Елена»? Она выводит на сцену массу живых партийных товарищей, между прочим, Моттелера и его жену. Это — скверный перепев бульварных романов Грегора Самарова (шпиона Мединга). Мне очень хочется знать — неужели это так гладко сойдет? Меня несколько удивляет, что «Vorwärts» принял эту вещь. Беллетристика там проходит цензуру мамыши Наталии Либкнехт.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 21 марта
1894 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 295.

МЕЩАНСКИЙ ОППОРТУНИЗМ ЛИТЕРАТОРОВ И ПАРТИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

1

Склока в германской партии меня не удивила. В такой мещанской стране, как Германия, у партии не может не быть также и мещанского «образованного» правого крыла, которое она отбросит в решительный момент. Мещанский социализм в Германии ведет свое начало с 1844 г. и был подвергнут критике уже в «Коммунистическом манифесте». Он так же бесспорен, как и сам немецкий мещанин. До тех пор пока существует закон против социалистов, я против того, чтобы *мы* вызвали раскол, потому что оружие у нас неравное. Но если бы эти господа сами вызвали раскол, подавляя пролетарский характер партии и пытаясь заменить его худосочной дурацкой эстетической сентиментальной филантропией, то нам придется пойти на это.

Ф. Энгельс — И.-Ф. Беккеру 15 июня
1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 474.

2

В общем дела в Германии идут прекрасно. Правда, господа партийные литераторы пытались вызвать в партии реакционно-буржуазный покорно-интеллигентский поворот, но с треском провалились. Издевательства, которым всюду подвергаются рабочие-социалисты, сделали их еще более революционными, чем они были три года тому назад. Подробности об этом ты, вероятно, читал в «Sozialdemokrat». Из вождей Бебель и на этот раз держал себя лучше всех. Либкнехт несколько колебался, потому что не только сам он готов без особого разбора встретиться с распростертыми объятиями всякого «образованного», слегка нахватавшегося социал-демократических идей, но и его зять,

жирный увалень Бруно Гейзер, один из самых отчаянных нытиков. Эти господа во что бы то ни стало хотели ценою кротости, смирения и подлизыванья выклянчить отмену закона против социалистов, так беспардонно лишившего их литературного заработка. С падением этого закона (сами буржуа не рассчитывают на его продление теперешним или каким-нибудь другим рейхстагом, так как они убедились, что он не дает никаких результатов) раскол несомненно обнаружится и господа Фирекки и Гёхберги, образовав из себя правое крыло, отпадут; с ними можно будет от времени до времени вступать в переговоры, пока они, наконец, совершенно не стушуются.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 20 июня
1882 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 223—224.

3

В том, что «Neue Zeit» перестает выходить, для партии никакой беды нет. Чем дальше, тем яснее становится, что большинство *писательствующих* членов партии в Германии состоит из оппортунистов и пролаз, которые при законе против социалистов, — как бы он ни был неприятен для них в денежном отношении, — в *литературном* отношении чувствуют себя превосходно: они могут высказываться беспрепятственно, а мы не можем им отвечать подзатыльниками. Поэтому уже для того только, чтобы ежемесячно заполнять такой журнал, требуется крайняя снисходительность, а это приводит к постепенному засилью филантропии, гуманизма, сентиментальности и прочих антиреволюционных пороков всех этих Фрейвальдов, Кварков, Шиппелей, Розусов и им подобных. Люди, принципиально не желающие ничему учиться и только поставляющие литературу о литературе и по поводу литературы (девять десятых современных немецких писаний сводится к писаниям по поводу других писаний), — такие люди производят, конечно, больше печатных листов в течение года, чем те, которые хотят кое-чему научиться и писать о чужих книгах лишь в том случае, если они: 1) овладели ими и 2) если в них вообще содержится что-либо такое, над чем стоит поработать. Созданное законом против социалистов преобладание этих господ в литературе, печатающейся в *Германии*, неизбежно, пока этот закон остается в силе. Зато мы располагаем оружием совсем иного рода — литературой, которая выходит за границу.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 19 июля
1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 395—396.

БОЛЕЗНЬ СЕКТАНТСТВА

«Prolétaire» был органом самой узколобой клики одержимых зудом писательства парижских рабочих. Там было правило, что к участию в редакционных совещаниях и к сотрудничеству в газете допускались только настоящие рабочие. Царила тупоумнейшая вейтлинговская ненависть к «образованным». В результате газета была абсолютно бессодержательной, но с претензией на то, чтобы быть самым подлинным выразителем взглядов парижского пролетариата. Отсюда, при всей показной дружбе, постоянно скрытая смертельная вражда и интриги против всех параллельных газет, включая обе «Égalité»*.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 25 октября 1881 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 157.

2

Во всей Америке нельзя найти ни одного толкового корреспондента, кроме Зорге и Шлютера, потому что немцы там упрямо держатся той же сектантской позиции по отношению к рабочей массе, на которой так упорно стоит здесь социал-демократическая федерация. Вместо того чтобы разглядеть в американском движении элемент, который толкает его вперед и должен, в конце концов, привести его, пусть даже ложными и окольными путями, к тем же выводам, что были привезены ими самими из Европы, они видят в этом движении только ложные пути, презрительно взирают с высоты своего величия на глупых слепых американцев, похваляются своим ортодоксальным превосходством, отталкивают американцев, вместо того чтобы привлекать их, и сами поэтому остаются маленькой немощной сектой. Потому-то и литераторы их впадают в чистую идеологию и все отношения истолковывают извращен-

но и узко. Гепнер всегда был человечком, который жил в мире фантазий, когда же он становится сентиментальным, то творит нечто неопишное. Я как-то читал его комедию; смешные моменты довольно хороши, но серьезные любовные сцены — невероятны, можно умереть со смеху.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 28 июля
1894 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 324.

«БУНТ ЛИТЕРАТОРОВ»

1

Манера, с какой обошелся со мной господин Эрнст *, не поддается никакому описанию, если не назвать ее просто мальчишеской. О том, что этот человек болен и принужден писать, чтобы жить, я очень сожалею. Но тот, кто обладает такой богатой фантазией, что не может прочесть ни строчки без того, чтобы не вычитать совершенно противоположного сказанному, тот может применять свою фантазию в другой области, а не в области социализма. Пусть пишет романы, драмы, художественную критику и прочее в этом роде; этим он повредит лишь буржуазному образованию и принесет пользу нам. Быть может, он тогда настолько усовершенствуется, что в состоянии будет дать что-нибудь и на нашем поприще. Должен, однако, сказать, что такой кучи незрелой ерунды и абсолютной глупости, какую показала эта оппозиция, мне еще никогда и нигде не приходилось встречать. И эти зеленые юнцы, не видящие ничего, кроме своего безграничного самомнения, хотят предписывать партийную тактику! Из одной-единственной корреспонденции Бебеля и венской «Arbeiter-Zeitung» * я узнаю больше, чем из всей чепухи этих господ. И они воображают, что стоят большего, чем этот ясный ум, так изумительно правильно воспринимающий обстоятельства и так убедительно рисующий их в двух словах! Все это беллетристы-неудачники, но даже и удачливый беллетрист мало приятный субъект.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту
27 октября 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 262.

2

Грунциг — беллетрист. А бунтовщики-студентки в Германии тоже беллетристы (больше triste [жалкие], чем belle [прекрасные]), которые хотят революционизировать всю лите-

ратуру. Этим объясняется вся история со статьей в «*Volkszeitung*»^{*}; в теплую компанию этих господ входит также и Грунциг. Впрочем, когда носишь такое имя, как Грунциг [хрюкающий] или Грейлих [ужасный], то лучше уж покончить счеты с жизнью.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 27 сентября 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 247—248.

3

За последние два-три года множество студентов, литераторов и других деклассированных молодых буржуа устремилось в партию. Они пришли как раз вовремя, чтобы занять большинство мест в редакциях новых газет, распространившихся в огромном количестве; они, как водится, смотрят на буржуазный университет, как на социалистическую Сен-Сирскую школу^{*}, дающую им право вступать «в ряды партии» с офицерским, если не генеральским чином. Все эти господа занимаются марксизмом, но такого сорта, с которым Вы достаточно ознакомились во Франции десять лет тому назад и о котором Маркс говорил: «В таком случае я знаю только одно, что сам я не марксист!» И, вероятно, он сказал бы об этих господах то же самое, что Гейне говорил о своих подражателях: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Беспомощность этих людей может сравниться только с их нахальством...

Ф. Энгельс — Полю Лафаргу 27 октября 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 254—255.

4

Что касается другого Лабриола¹, то злой язык, который Вы ему приписываете, возможно, и имеет некоторое право на существование в такой стране, как Италия, где социалистическая партия, как, впрочем, и все другие партии, подверглась нашествию своего рода саранчи, этой «деклассированной буржуазной молодежи», которой так гордился Бакунин. Результат: засилие литературного дилетантства, весьма падкого на

¹ Антонио Лабриола. *Ред.*

сенсацию и неизбежно сопровождаемого кумовством, которое господствует в прессе. В том, что это так, Вы несколько не виноваты, но Вы, как и все, испытываете на себе влияние этой среды. Я, впрочем, мог бы и дольше говорить с Вами о Лабриола, но если уж я нахожу в «Critica Sociale» * обрывки из моих частных писем, воспроизведенные без моего ведома, то согласитесь, что мне лучше молчать.

Ф. Энгельс — Филиппо Турати
28 июня 1895 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 422—423.

МАРКС и ЭНГЕЛЬС
В ИХ ОТНОШЕНИЯХ
С ПОЭТАМИ
ГЕЙНЕ, ГЕРВЕГОМ,
ФРЕЙЛИГРАТОМ,
ВЕЕРТОМ и ЗИБЕЛЕМ

ГЕЙНЕ *

1

Подобно тому как во Франции XVIII века, в Германии XIX столетия философская революция служила введением к политическому перевороту. Но как непохожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто даже с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы, в Голландии или в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию. Напротив, немцы — профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения — одобренные начальством руководства, а система Гегеля, — венец всего философского развития, — как бы возводится даже в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически-темных словах, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция?! Да разве люди, считавшиеся тогда представителями революции, — либералы, — не были самыми рьяными противниками этой философии, наполнявшей туманом человеческие головы? Однако то, чего не замечали ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; правда, он назывался Генрих Гейне *.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 635.

2

Но вот вспыхнула французская революция. То, чего Эльзас и Лотарингия не смели и ждать от Германии, они получили от Франции. Феодальные оковы были разбиты. Крепостной, обремененный барщиной крестьянин стал свободным чело-

веком, во многих случаях свободным собственником своего двора и поля. Господство знати и цеховые привилегии в городах исчезли. Дворян прогнали, а во владениях мелких князей и герцогов крестьяне последовали примеру соседей, изгнали владетельных господ, правительственные палаты и дворян и провозгласили себя свободными французскими гражданами. Нигде во Франции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с немецким населением. Когда же Германская империя еще объявила революции войну, когда немцы не только все так же покорно владели собственными цепями, но дали еще себя использовать для того, чтобы навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам только что прогнанных феодальных господ, — тогда было покончено с немецким происхождением эльзасцев и лотарингцев, они тогда научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза», и тогда французские немцы, невзирая на язык и прошлое, срослись в сотнях сражений, в борьбе за революцию, в единый народ с исконными французами.

Не такое же ли чудо совершила Великая революция с фламандцами Дюнкирхена, с кельтами Бретани, с итальянцами Корсики? И когда мы жалуемся на то, что то же самое случилось также с немцами, не забываем ли мы всю нашу историю, которая сделала это возможным? Неужели мы забыли, что весь левый берег Рейна, который принимал только пассивное участие в революции, был на стороне французов, когда в 1814 г. туда снова вторглись немцы, и оставался на стороне французов до 1848 г., когда революция реабилитировала немцев в глазах населения рейнских областей? Что восторженное отношение Гейне к французам и даже его бонапартизм были только отголоском общего настроения народных масс на левом побережье Рейна?

Ф. Энгельс. Роль насилия в истории.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 489—490.

3

Кроме того, Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех современных немецких поэтов, примкнул к нашим рядам и издал том политических стихов, куда вошли и некоторые стихотворения, проповедующие социализм. Он является автором зна-

менитой «Песни силезских ткачей», которую я вам привожу в прозаическом переводе, но которая, боюсь, будет сочтена кощунственной в Англии. Во всяком случае, я привожу ее и замечу только, что в ней содержится намек на боевой клич пруссаков в 1813 г.: «С богом за короля и отечество!», клич, который является с тех пор излюбленным лозунгом верноподданной партии. Что касается самой песни, то вот она:

Без единой слезы в угрюмых глазах *
Сидят они за станком, на их лицах гнев отчаяния:
«Настрадались мы вдоволь, голодали мы долго;
Мы ткем тебе саван, о старая Германия,
Вплетая в него тройное проклятье.
Мы ткем, мы ткем!

Первое проклятье — богу, слепому и глухому богу,
Которому мы доверяли, как дети доверяют отцу,
Возлагая на него все надежды и упования,
А он — посмеялся над нами и бессовестно нас обманул.
Мы ткем, мы ткем!

Второе проклятье — королю богачей,
Кого наши горести не могут ни смягчить, ни растрогать.
Королю, который вымогает у нас последние гроши
И посылает своих солдат расстреливать нас, как собак.
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье тебе, фальшивое отечество,
Где нет для нас ничего, кроме позора и бедствий,
Где мы страдали от нищеты и голода.
Мы ткем тебе саван, старая Германия.
Мы ткем, мы ткем!»

На этой песне, которая в немецком оригинале является одним из самых сильных поэтических произведений, известных мне, я и расстаюсь с вами на этот раз; надеюсь, что скоро смогу сообщить о наших дальнейших успехах и о социальной литературе.

Ф. Энгельс. Быстрые успехи
коммунизма в Германии.
Сочинения, т. 2, стр. 521—522.

Если Национальное собрание и выделит из своей среды центральную власть, то при настоящем его составе и после того, как оно упустило благоприятный момент, от такого временного правительства можно было бы ожидать мало утешительного. Если же оно не создаст никакой центральной власти, то

тем самым оно подпишет свою собственную отставку и при малейшем революционном дуновении рассеется во все стороны.

Программа левой, так же как программа радикальной партии, имеет ту заслугу, что она осознала эту необходимость. Обе программы заявляют вместе с Гейне:

«Ведь если обдумать вопрос хорошо *, —
Император нам вовсе не нужен».

Трудность вопроса: «кто должен быть императором», наличие множества столь же солидных доводов как в пользу избираемого, так и в пользу наследственного императора вынудят и консервативное большинство Собрания разрубить гордиев узел, отказавшись от выборов *какого бы то ни было императора*.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Программа радикально-демократической партии во Франкфурте и Франкфуртской левой.
Сочинения, т. 5, стр. 40—41.

5

Все немцы были пьяны в дым *,
А ты — ты верил тостам пьяным
И черно-красно-золотым
Кистям на чубуках с изьяном.

Такова, добрый немец, оказалась опять твоя судьба! Ты думаешь, что совершил революцию? Заблуждение! — Ты думаешь, что покончил с полицейским государством? Заблуждение! — Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечены право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие красивые слова, которые доносились к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение, чистейшее заблуждение!

Когда прошел приятный хмель,
Очнулся ты в недоуменье.

В недоуменье перед твоими косвенно избранными так называемыми национальными собраниями, перед возобновившейся высылкой немецких граждан из немецких городов, перед тиранией сабли в Майнце, Трире, Ахене, Мангейме, Ульме, Праге, перед арестами и политическими процессами в Берлине, Кельне, Дюссельдорфе, Бреславле и т. д.

Ф. Энгельс. Закрытие клубов в Штутгарте и Гейдельберге.
Сочинения, т. 5, стр. 240.

6

И все же сними обувь твою с ног твоих, немецкий патриот, ибо ты стоишь на священной земле! Все эти варварские обычаи — это обломки христианско-германской славы, это последние звенья цепи, которая тянется через всю историю и связывает тебя с величием твоих предков вплоть до самых лесов, где жили херуски! Этот затхлый воздух, этот феодальный ил, которые мы вновь обнаруживаем здесь в классически натуральном виде, являются продуктами, издревле свойственными нашему отечеству, и всякий истый немец должен воскликнуть вместе с поэтом:

Ведь это же воздух отчины! * Он жжет
Своею живительной силой
Мне щеки. Вся эта дорожная грязь —
Навоз моей родины милой!

К. Маркс. Законопроект об отмене феодальных повинностей. Сочинения, т. 5, стр. 294—295.

7

Правительство господина фон Гогенцоллерна желает, по-видимому, в последние дни своего существования и существования прусского государства оправдать полностью старую репутацию прусского и гогенцоллернского имени.

Кто не знает гейневской характеристики:

Ребенок с тыквой-головой *,
С усищами, с седой косой,
Чьи крепки длинные ручки,
Велик живот, кишки же тонки,
Уродец подлинный...

Кто не знает вероломства, коварства, мошенничеств с наслідствами, благодаря которым возвысилось то семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов?

К. Маркс и Ф. Энгельс. Подвиги Гогенцоллернов. Сочинения, т. VII, стр. 387.

8

Как известно, «Allgemeine Zeitung» * печатает статьи самых различных точек зрения, по крайней мере, по таким нейтральным вопросам, как английская политика, и, кроме того, извест-

на за границей как единственный немецкий орган более чем местного значения. Либкнехт мог спокойно писать лондонские письма в ту самую газету, в которой Гейне писал свои «Парижские», а Фальмераьер свои «Восточные письма».

К. Маркс. Господин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 336.

9

Гейне прав, говоря, что ни один человек * не опасен так, как взбесившийся осел.

К. Маркс. Господин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 495.

10

Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике * заключается в словах: под конец автор так привыкает к своей публике, как будто имеет дело с разумным существом.

Ф. Энгельс. Закон стоимости и норма прибыли (примечание).
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 494.

11

Эпигонская литература начинается уже с Гейне; ее призвание состояло в том, чтобы отшлифовать язык, который в этом весьма нуждался. В поэзии это было достигнуто, проза же — хуже, чем когда бы то ни было.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии. Заметки о Германии, 1789—1873.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 351.

12

Дорогой друг!

Я надеюсь, что завтра у меня еще будет время увидеться с Вами. Я уезжаю в понедельник. Издатель Леске только что был у меня. Он издает в Дармштадте выходящий без цензуры трехмесячник¹. Я, Энгельс, Гесс, Гервег, Юнг и др. сотрудничаем. Он просил меня переговорить с Вами о Вашем сотрудни-

¹ «Rheinische Jahrbücher». Ред.

честве в области поэзии или прозы. Я уверен, что Вы от этого не откажетесь, нам ведь нужно использовать каждый случай, чтобы обосноваться в самой Германии.

Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой. Передайте привет Вашей супруге от меня и моей жены.

Ваш *К. Маркс*

К. Маркс — Генриху Гейне [1 февраля 1845 г.].
Сочинения, т. XXV, стр. 5.

13

Дорогой Гейне!

Если я пишу Вам сегодня только несколько строк, то оправдание этому — мои бесчисленные таможенные мытарства.

Пюттман из Кельна поручил мне попросить Вас прислать все же несколько стихотворений (может быть, также и Ваш «Германский флот» *) для ежегодника¹, выходящего в Дармштадте *без цензуры*. Вы можете прислать их на мой адрес. Крайний срок — у Вас, конечно, уже сейчас есть что-нибудь наготове — три недели.

Моя жена посылает сердечный привет Вам и Вашей супруге. Третьего дня ходил в здешнее полицейское управление, где я должен был дать письменное обязательство не печатать в Бельгии ничего, относящегося к текущей политике.

Ренуар и Бернштейн напечатали в Париже Вашу «Зимнюю сказку», указав Нью-Йорк как место издания. Это издание к тому же, говорят, полно опечаток.

В следующий раз напишу больше.

Ваш *Маркс*

К. Маркс — Генриху Гейне [24 марта 1845 г.].
Сочинения, т. XXV, стр. 5—6.

14

Дорогой Гейне!

Я пользуюсь проездом подателя этих строк, г. Анненкова, очень любезного и образованного русского, чтобы послать Вам мой сердечный привет.

Несколько дней тому назад мне случайно попался небольшой пасквиль против Вас — письма, оставшиеся после Берне. Я бы никогда не поверил, что Берне так безвкусен, мелочен и

¹ «Rheinische Jahrbücher». *Ред.*

пошл, если бы не эти черным по белому написанные строки. А добавление Гуцкова и прочих — что за жалкая мазня! В одном из немецких журналов я дам подробный разбор Вашей книги о Берне. Вряд ли в какой-либо литературный период книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы, а между тем ни в каком периоде немецкой литературы не ощущалось недостатка в тупоумии.

Может быть, вы хотели бы сообщить мне еще что-нибудь «специальное» относительно Вашей книги, — в таком случае сделайте это поскорее.

Ваш К. Маркс

К. Маркс — Генриху Гейне [приблизительно 5 апреля 1846 г. *].
Сочинения, т. XXV, стр. 10—11.

15

Так как я уже разошелся, то в заключение еще сообщу вам, что [Генрих] Гейне опять здесь и что третьего дня я был у него вместе с Эв[ербекком]. Бедный парень ужасно осунулся. Он худ, как скелет. Размягчение мозга распространяется дальше, паралич лица также. Эвербек говорит, что Гейне может внезапно умереть от паралича легких или удара, но может также протянуть еще года три или четыре. Он, конечно, в немногo угнетенном состоянии и, что всего замечательнее, очень благожелателен (не в ироническом смысле) в своих суждениях. — Только по поводу Мойрера он непрерывно острит. В общем, он сохранил всю свою духовную энергию, но физиономия его — седая бородка, которую он отпустил, потому что не может бриться, придает ему еще более странный вид — способна привести в уныние всякого, кто его видит. Страшно мучительно наблюдать, как такой славный малый по частям отмирает.

[Ф. Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений (№ 2).] 16 сентября 1846 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 36.

16

У рёге Гейне я еще не был. Ты можешь себе представить, как я чертовски занят со всеми этими историями и как ужасно много мне приходится бегать и писать.

Ф. Энгельс — К. Марксу 26 октября 1847 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 83.

17

Гейне при смерти. Две недели тому назад я был у него, он лежал в постели, с ним случился нервный припадок, вчера он встал, но в крайне жалком состоянии. Он с трудом может сделать три шага, опираясь о стены, пробирается от кресла к постели и *vice versa*¹. К тому же шум в его доме сводит его с ума — стук столяров, удары молота и т. д. Умственно он также несколько ослабел. Гейнцен хотел зайти к нему, но не был допущен.

Ф. Энгельс — К. Марксу [14 января 1848 г.].
Сочинения, т. XXI, стр. 92.

18

Читал ли ты ругань Якова Венедее — Кобеса I* Кельнского² — по адресу Гейне в субботнем фельетоне «Кельнской газеты»? Этого наслаждения ты не должен лишать себя.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 2 декабря 1854 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 74.

19

У меня имеются теперь три тома Гейне. Между прочим, он рассказывает подробно выдумку о том*, как я и другие приходили утешать его, когда «Аугсбургская всеобщая газета» «напала» на него за получение денег от Луи-Филиппа. Добрый Гейне нарочно забывает, что мое вмешательство в его пользу относится к концу 1843 года и, следовательно, не могло иметь ничего общего с фактами, ставшими известными *после* февральской революции 1848 года. But let it pass³. Мучимый нечистой совестью, — ведь у старой собаки чудовищная память на всякие такие гадости, — он старается льстить.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 17 января 1855 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 78.

20

Ты знаешь, что Гейне умер, но ты не знаешь, что Людвиг Симон из Трира помочился над его гробом — я хотел сказать: полил свою воду — в нью-йоркской «Neue Zeit», редактируе-

¹ — обратно. *Ред.*

² Насмешливая кличка, данная Якову Венедее. *Ред.*

³ — Но пусть его. *Ред.*

мой бывшим Львом [Löwe von Kalbe]¹ парламента германской нации, удалившегося в Штукерт [Штутгарт]. Поэт или певец супруги еврея Гогендрань или Гогенлинден из Франкфурта-на-Майне находит, понимает, что Гейне не был поэтом. Ему не хватает «души», он был полон «злобы» и оклеветал не только Кобеса I [Якова Венедая], но даже подругу Бёрне, «мышь», музу или мызу («Mause» Muse oder Möse) великого Бёрне, г-жу Штраусиху [Жаннетта Воль-Штраус].

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 апреля
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 132.

21

Кстати: видел завещание Гейне! Возвращение к «живому богу» и «покаяние перед богом и людьми», если он написал что-либо «безнравственное»!

К. Маркс — Ф. Энгельсу 8 мая
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 142.

22

О Гейне узнал разные подробности, которые Рейнгарт рассказал моей жене в Париже. Об этом подробнее в другой раз. Теперь же скажу только, что

В семь часов она плясала*,
Пила вино и хохотала...

буквально случилось с ним. Его труп лежал еще в доме — в день похорон, — когда тацгегау² ангельски кроткой Матильды стоял уже у дверей и увел ее с собой.

Бравый «Мейснер», начинивший немецкую публику всякой дрянью на тему о Гейне, получил от «Матильды» денежки чистоганом, чтобы возвеличить эту распутницу, которая замутила бедного Гейне до смерти.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 22 сентя-
бря 1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 154.

¹ Здесь игра слов: Löwe — лев, и в то же время фамилия редактора Лева фон Кальбе. *Ред.*

² сутенер. *Ред.*

23

Путнем требует после Базанкура *, по возможности, снова заняться вопросом «ships against walls»¹, особенно интересующим Америку в связи с последней войной. Затем также о плавающих батареях и канонерских лодках, легких или тяжелых орудиях и т. д. Все это, по-видимому, имеет в виду возможность в более или менее близком будущем войну Америки с Англией. Кроме этих военных вещей я должен написать о Гейне.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 сентября 1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 155.

24

Старик Гораций напоминает мне местами Гейне *, который многому у него научился, а в политическом отношении был по существу таким же прохвостом. Представьте себе этого честного человека, бросающего вызов в *vultus instantis tyranni*² и ползающего на брюхе перед Августом. Помимо этого, старый похабник все же бывает очень милым.

Ф. Энгельс — К. Марксу 21 декабря 1866 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 390.

25

Парижская «Vorwärts» была мелкой газеткой, которой теперь приписывается больше значения, чем она того заслуживает; в редакции сидели отчаянные бездельники. Маркс следил главным образом за тем, чтобы она сохраняла верное направление, и помещал в ней время от времени полемические статьи и заметки против пруссаков. Гейне послал Марксу из Гамбурга * часть корректурных листов «Зимней сказки» для напечатания в «Vorwärts» еще до появления книги в Германии.

Ф. Энгельс — В. Либкнехту 21 августа 1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 324.

¹ — «корабли против крепостей». *Ред.*

² — лицо отсутствующего тирана (Гораций). *Ред.*

По поводу письма Гейне не могу сообщить Вам ничего определенного. До 1848 г. Лассаль совершенно не представлял собой политической фигуры; он стал известен только по процессу Гатцфельд. А в этом процессе обе стороны не гнушались никакими средствами, лишь бы они сулили успех, привлекали на свою сторону всех, кто мог пригодиться, и пользовались для этого любым моментом и любым способом. С другой стороны, ввиду того, что союзный сейм наложил запрет даже на его будущие сочинения, Гейне вынужден был применять все средства рекламы, чтобы обеспечить сбыт своих произведений, которые, впрочем, нашли бы себе распространение и сами по себе. В этих условиях Лассаль мог быть ему очень полезен; с другой стороны, Лассаль импонировал Гейне своей энергией, решительностью и практичностью — свойствами, которых у большинства тогдашних молодых немцев, как и сейчас, надо было искать днем с огнем.

Очень возможно поэтому, что Лассаль пытался использовать Гейне в интересах графини *, и письмо, о котором идет речь, наверное, относится к какому-нибудь эпизоду, связанному с процессом, вероятнее всего к эпизоду со шкатулкой. Была ли Мейендорф в начале 1846 г. в Париже, я точно не знаю; мне, однако, кажется, насколько я помню ход процесса, что была. Сведения об этом можно будет получить либо из отчетов о процессе со шкатулкой 1846 г. *, либо из отчетов о лассалевском процессе * 1848 г. («Kölnische Zeitung» — лучший источник). Если она была в Париже, то речь шла, наверное, о покушении на шкатулку. Я с Гейне никогда не говорил о Лассале. Ни Маркс, ни я в то время еще не были с ним знакомы.

Ф. Энгельс — К. Шмидту 26 ноября
1887 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 667.

ГЕРВЕГ *

1

Дорогой Гервег!

Сюда только что приехал из Парижа Энгельс, чтобы провести здесь несколько недель. Он передает следующий анекдот, по поводу которого я прошу тебя дать мне немедленно объяснения.

Бернайс рассказывает Эвербеку: ко мне заходил Гервег и заявил, что Маркс принял его так дружески, что, очевидно, ему *нужно* было что-то от него. Бернайс сказал также Эвербеку, что он может передавать дальше эту остроту.

Я бы не стал браться за перо из-за этой сплетни, если бы она не получила известное распространение среди моих знакомых в Париже.

Поэтому я прошу тебя дать мне немедленно категорический ответ — правда это или неправда.

Твой Маркс

К. Маркс — Георгу Гервегу 27 июля
1847 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 33—34.

2

Дорогой Гервег!

Спешу известить тебя о получении твоего письма. В нем я нашел только то, о чем я уже раньше знал, — что все это жалкая чепуха. Мне нужно было получить от тебя эти несколько строчек для того, чтобы показать Энгельсу черным по белому, что представляет собой парижская болтовня немецких мелких буржуа. Уверяю тебя, что со времени моего отъезда из Парижа и несмотря на все принятые мною меры предосторожности, направленные к тому, чтобы я стал неуло-

вимым и недоступным, эти старые бабы не переставали преследовать меня одним и тем же вздором. От таких дураков можно отделаться только крайней грубостью.

Я только сожалею, что надоедаю тебе в твоём уединении подобным вздором. Для этих старых баб характерно то, что они стремятся замазать и подсластить всякую действительную партийную борьбу, а старую немецкую привычку сплетничать и подстрекательство они выдают за революционную деятельность. Несчастные! Здесь, в Брюсселе, у нас нет, по крайней мере, этой мрази.

Здесьнее прусское посольство внимательно следило за Борнштедтом, стараясь уличить его в каком-нибудь проступке. Наконец, это ему удалось. Посольство послало на него *донос* и навязало ему три процесса: 1) фискальный процесс, — за нарушение закона о гербовых сборах, 2) политический процесс, — за то, что он заявил в своей газете, что Луи-Филиппа нужно было убить, 3) процесс о клевете, возбужденный одним бельгийским аристократом, господином *Ози*, которого Борнштедт обвинил, и правильно, в хлебных спекуляциях.

Все эти три процесса не имеют под собой никаких оснований, и их несомненным исходом будет то, что прусское посольство, и без того мало уважаемое, станет посмешищем. Какое ему дело до Луи-Филиппа, Ози и бельгийского закона о гербовом сборе?

Сам следователь заявил, что все эти процессы затеяны зря. Но, с другой стороны, газете «Brüsseler Zeitung», — которая, несмотря на все свои слабые стороны, все же имеет некоторые заслуги и как раз теперь, когда Б[орнштедт] готов во всех отношениях идти нам навстречу*, могла бы стать еще лучше, — грозит внезапный денежный крах. Как вели себя благородные немцы в этой истории? Издатели *обманывали* Борнштедта, так как он не может преследовать их судом. Оппозиция всех оттенков, вместо того, чтобы оказать хотя бы малейшую литературную или денежную помощь, сочла более удобным заявить, что препятствием для них является имя Борнштедта. Эти люди всегда ведь найдут предлог, чтобы ничего не делать. То им не нравится сам человек, то его жена, то тенденция, то стиль, то формат, то распространение связано с некоторой опасностью и т. д. Эти господа ждут, чтобы жареные голуби сами летели им в рот. Когда есть только *одна* выходящая без цензуры оппозиционная газета, которой правительство ставит большие препятствия и редактор которой, по самой сути своего предприятия, расположен ко всему прогрессивному, —

разве не следовало бы прежде всего использовать этот случай и постараться улучшить газету, если ее находят недостаточно хорошей! Но нет. Наши немцы всегда имеют наготове тысячу мудрых изречений для объяснения того, почему они должны оставить эту возможность неиспользованной. Любая возможность что-либо сделать только приводит их в смущение.

С моими рукописями дело обстоит приблизительно так же *, как с «Brüsseler Zeitung», а эти ослы изо дня в день продолжают писать мне, спрашивая, почему я ничего не печатаю, и даже упрекают меня в том, что я предпочитаю писать по-французски, чем ничего не писать. Еще долго придется рас-плачиваться за то, что родился тевтоном. Прощай. Привет твоей жене и тебе от нас с женой.

В Париже ты получишь список опечаток *, приложенный к моей французской мазне. Без этого списка некоторые места непонятны.

Как только у тебя будет свободное время и не окажется лучшего занятия, пиши твоему

Марксу.

К. Маркс — Георгу Гервегу 8 августа [1847 г.].
Сочинения, т. XXV, стр. 34—35.

3

Дорогой Гервег!

Я хотел дать Энгельсу письмо для тебя, но в день его отъезда скопилось так много дел, что мы упустили это из виду и забыли об этом.

Графиня Гатцфельд просила меня написать тебе несколько рекомендательных слов о ней. Я думаю, что теперь ты уже успел с нею познакомиться. В единоборстве со своим мужем женщина эта обнаружила большую энергию, необычную для немки.

Здесь, в Брюсселе, мы основали два публичных демократических общества:

1) немецкое рабочее общество, которое уже насчитывает 100 членов. В этом обществе ведутся совсем по-парламентски дискуссии, а наряду с этим имеются и общие развлечения, как пение, декламация, театральные представления и т. д.;

2) менее многочисленное космополитически-демократическое общество, в котором принимают участие бельгийцы, французы, поляки, швейцарцы и немцы.

Если ты когда-нибудь снова попадешь сюда *, то ты увидишь, что даже в маленькой Бельгии для непосредственной пропаганды можно больше сделать, чем в великой Франции. К тому же я считаю, что общественная деятельность, как бы мала она ни была, оказывает на каждого необычайно освежающее действие.

Так как у государственного руля стоит теперь *либеральное* министерство, то вполне возможно, что нас ожидают полицейские подвохи, ибо либералы не оставляют своих проделок.

Но мы с ними справимся. Здесь не то, что в Париже, где иностранцы изолированно противостоят правительству.

Так как при теперешних обстоятельствах в Германии совершенно невозможно использовать существующие издательства, то, по уговору с немцами, живущими в Германии, я решил основать ежемесячный журнал на паях. В Рейнской провинции и Бадене мы уже распространили некоторое количество акций. Мы приступим к делу, как только наберется достаточно денег для издания журнала в течение трех месяцев.

Если бы наши сборы были достаточно велики, можно было бы устроить здесь собственную типографию, используя ее также и для печатания отдельных самостоятельных работ.

От тебя я хотел бы узнать * следующее:

1) Не подпишешься ли и ты на несколько акций (каждая акция по 25 талеров).

2) Желает ли ты сотрудничать, а стало быть, и фигурировать в качестве сотрудника на титульном листе.

Так как ты и без того давно уже должен был написать мне, то я очень прошу тебя преодолеть на этот раз свое нерасположение к писанию писем и ответить мне *поскорее*. Кроме того, я попросил бы тебя узнать у *Бакунина*, каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо *Толстому*?

Моя жена просит передать сердечный привет тебе и твоей жене.

Приключение с пр[усским] посольством в Париже поистине свидетельствует о росте бессильной ярости нашего «отца народа».

Прощай.

Твой Маркс

4

Борнштедт и Гервег ведут себя, как прохвосты. Они основали здесь черно-красно-золотой союз *contre nous*¹ *. Первый будет сегодня исключен из С[юза].

К. Маркс — Ф. Энгельсу 16 марта
1848 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 97.

5

Мы неоднократно заявляли, что мы не «парламентский» орган и не боимся поэтому время от времени навлекать на свою голову гнев даже крайних левых из Берлина и Франкфурта. Мы призывали господ из Франкфурта примкнуть к народу, но никогда не призывали народ примкнуть к господам из Франкфурта. А «мужественные вожди республиканского восстания» — где они, кто они? Геккер, как известно, в Америке, Струве в тюрьме. Остается Гервег? Редакторы «*Neue Rheinische Zeitung*» и, в частности, Карл Маркс решительно выступали на открытых народных собраниях против парижского предприятия Гервега, не боясь навлечь на себя недовольство возбужденных масс. Они были, как и следовало ожидать, взяты за это в свое время под подозрение *утопистами*, которые по ошибке считали себя *революционерами* (ср., между прочим, «*Deutsche Volkszeitung*»). Неужели же теперь, когда наши предсказания были уже не раз подтверждены событиями, мы должны присоединиться к людям противоположных нам воззрений?

К. Маркс и Ф. Энгельс. Государственный прокурор «Геккер» и «*Neue Rheinische Zeitung*».
Сочинения, т. 5, стр. 477—478.

6

Идиотское стихотворение Гервега * попало без моего ведома. Я заставил поэтому Б[искамп] напечатать в последнем номере объяснение, и into the bargain² дал «Песнь ополченца» (как подходящее продолжение к Г[ервегу]).

К. Маркс — Ф. Энгельсу 1 августа
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 430.

¹ — против нас. *Ред.*

² — сверх того. *Ред.*

В Париже господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки и немцы объединялись в отряды, чтобы идти освобождать свое отечество. Немецкий легион возглавляли Гервег, Борнштедт, Бернштейн. Так как все иностранные рабочие немедленно после революции не только лишились работы, но и стали подвергаться притеснениям со стороны населения, то наплыв в эти легионы был большой. Новое правительство хотело воспользоваться легионами для того, чтобы избавиться от иностранных рабочих, и предоставляло им l'étape du soldat, т. е. квартиры по пути следования и денежное довольствие в размере 50 сантимов в день до границы, где вечно растроганный до слез министр иностранных дел, красноречивый Ламартин, имел уже возможность выдавать их соответствующим правительствам.

Мы самым решительным образом выступили против этой игры в революцию. Произвести вторжение в Германию в разгар происходившего там тогда брожения и насильственно навязывать ей революцию, импортированную извне, означало подставлять ногу революции в Германии, усиливать правительства, а самих легионеров — этому порукой был Ламартин — выдавать безоружными немецким войскам. С победой революции в Вене и в Берлине организация легиона становилась уже совершенно бесцельной; тем не менее, раз начавшись, игра не прекращалась.

Ф. Энгельс. К истории «Союза коммунистов».
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 219—220.

ФРЕЙЛИГРАТ *

1

Дорогой Вейдемейер!

От своего *имени* и от имени *Фрейлиграта* я прошу тебя привлечь к суду издателя, перепечатавшего стихотворение Фрейлиграта, и потребовать возмещения убытков. Моим главным поверенным в делах является *С. А. Наут* в Кельне, прошу тебя написать ему об этом деле.

Будь здоров и счастлив.

К. Маркс

К. Маркс — Иосифу Вейдемейеру
1 июня 1849 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 55—56.

2

Дорогой Фрейлиграт!

Должен тебе признаться, что поведение Лассалья очень меня удивляет *. Я обратился лично к нему, и так как я когда-то сам одолжил графине деньги, а с другой стороны, знаю, как Лассаль ко мне расположен, то я никак не мог ожидать, что буду поставлен в такое неловкое положение. Наоборот, я просил его всячески избегать огласки. Я предпочитаю жесточайшую нужду публичному попрошайничеству. Я ему написал об этом. Вся история злит меня невыразимо.

Поговорим о политике — это отвлекает от этих личных дрязг. В Швейцарии положение все усложняется, а теперь со стороны Италии прибавляется еще вопрос о Савойе. По-видимому, Австрия, в случае нужды, намерена вознаградить себя за свои неудачи в Венгрии за счет Италии. Между тем, включение Савойи в Австрию сломило бы шею нынешнему французскому правительству, если бы оно это допустило. Большинство во французской палате находится в процессе явного разложения. Правые распадаются на чистых филиппистов, легитимистов, голосующих с филиппистами, и чистых леги-

тимистов, которые за последние дни голосовали с левыми. План Тьера и К^о состоит в том, чтобы сделать Луи Наполеона консулом на десять лет, до совершеннолетия графа Парижского, который тогда его сменит. Если Собрание — что почти несомненно — снова введет налог на напитки, оно восстановит против себя всех виноделов. Каждое из его реакционных мероприятий будет отталкивать от него новую часть населения.

Но основное в настоящий момент — это Англия. Не надо обманываться насчет так называемой партии мира, признанным вождем которой является Кобден. Не надо обманываться также и насчет того «бескорыстного энтузиазма» по отношению к венграм, с которым англичане организовали митинги по всей стране.

Партия мира — это лишь *замаскированная фритредерская партия*: то же содержание, та же цель, те же вожди. Подобно тому как фритредеры атаковали аристократию внутри страны, разрушая ее материальную основу отменой хлебных законов и навигационного закона, так теперь они атакуют ее по линии ее внешней политики, ее европейских связей и корней, пытаясь разрушить Священный союз. Английские фритредеры — это радикальные буржуа, которые хотят радикально порвать с аристократией, чтобы неограниченно властвовать. Они только упускают из виду, что таким образом они, против своей воли, выводят на сцену народ и приводят его к власти. Эксплуатация народов не посредством средневековых войн, а лишь путем торговой войны — таков лозунг партии мира. Поведение Кобдена в венгерском вопросе непосредственно связано с практическими соображениями. Россия в настоящий момент пытается заключить заем. Кобден, представитель промышленной буржуазии, запрещает денежным капиталистам заключить эту сделку, а в Англии промышленность господствует над банком, в то время как во Франции банк господствует над промышленностью.

Кобден дал русским более страшный бой, чем Дембинский и Гергей. Он разоблачил жалкое состояние их финансов. Русские, — говорит он, — это самая ничтожная нация. Сибирские копи дают государству ежегодно лишь 700 000 ф. ст.; питейный сбор дает ему в десять раз больше. Правда, золотой и серебряный запас в подвалах Петербургского банка достигает 14 000 000 ф. ст.; но он служит металлическим резервом бумажного обращения в 80 000 000 ф. ст. Если царь посягнет на подвалы банка, то он обесценит бумажные деньги и вызовет революцию в самой России. Поэтому абсолютистский колосс

не может двинуться, — восклицает надменный английский буржуа, — не получив у нас займа, а мы ничего ему не дадим. Мы снова поведем чисто буржуазным путем борьбу буржуазии против феодального абсолютизма. Золотой телец сильнее всех остальных тельцов, сидящих на тронах мира. Разумеется, в вопросе о Венгрии у английских фритредеров имеется и прямая заинтересованность. Вместо существовавшей до сих пор закрытой границы со стороны Австрии — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией. Они уверены, что деньги, которыми они теперь тайком бесспорно снабжают венгерцев, вернутся к ним с прибылью и процентами путем торговли.

Эта позиция английской буржуазии по отношению к континентальному деспотизму является обратной стороной похода, который она от 1793 до 1815 г. вела против Франции. Этот процесс развития заслуживает сугубого внимания.

Наилучшие пожелания тебе и твоей супруге от меня и жены.

Твой *К. Маркс*

К. Маркс — Фердинанду Фрейли-
грату 31 июля [1849 г.].
Сочинения, т. XXV, стр. 57—58.

3

Дорогой Фрейлиграт!

Адрес: Карл Блинд, 18 Robertsstreet, кофейня Петерсона, Grosvenor square; письмо для меня вложи в особый конверт.

Пишу тебе только несколько строк, так как уже дня четыре-пять страдаю своего рода холериной и чувствую себя страшно слабым.

Жена моя писала мне, чтобы я известил тебя о получении твоего письма с вложением 100 франков. Вообрази подлость парижской полиции: стали притеснять и мою жену; ей с трудом удалось добиться разрешения остаться в Париже до 15 сентября, — до этого числа у нас нанята там квартира. Я нахожусь в затруднительном положении. Моя жена должна скоро родить, 15 числа она должна выехать из Парижа, и я не знаю, откуда мне взять денег на ее отъезд и на устройство здесь.

С другой стороны, я имею все основания рассчитывать * на то, что мне удастся основать здесь ежемесячный журнал, но время не терпит, и первые недели представляют особые трудности.

Лассаль, очевидно, обижен моим письмом к тебе, а также моим письмом к нему. Я, во всяком случае, был далек от подобного намерения и опять написал бы ему, но при моем теперешнем состоянии мне очень тяжело писать. Как только я буду в силах, я напишу тебе подробнее о политике. Надеюсь получить от тебя вскоре несколько строк. Кланяйся от меня твоей жене, Даниэльсу и прочим.

Твой К. Маркс

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 5 сентября [1849 г.].
Сочинения, т. XXV, стр. 62—63.

4

Дорогой Фрейлиграт!

Пишу тебе сегодня лишь несколько строк по очень спешному делу.

Для нашего журнала — для его постепенного превращения в двухнедельник и в еженедельник, а затем, в зависимости от обстоятельств, и в ежедневную газету, — а также для других *пропагандистских* целей, нам нужны деньги. Деньги можно достать только в Америке, где все эти полуревOLUTIONеры, — например, какой-нибудь Аннеке, который в Пфальце позорно бежал и доказал, что он даже и не солдат, — теперь срывают золотые яблоки.

Поэтому мы решили немедленно послать в Америку в качестве эмиссара К. Шрамма. На поездку такой продолжительности, как мы предполагаем, нам нужно не менее 150 талеров. Мы просим тебя как можно скорее собрать для этой цели деньги и, кроме того, прислать нам рекомендательные письма для Шрамма, как редактора «*Neue Rheinische Zeitung*». (Отважный побег из Везельской крепости вернул его нашей партии.)

О деньгах я написал также и Г. Юнгу. С нетерпением жду ответа.

Твой К. Маркс

Здесь чартисты и французские эмигранты тоже вручат мандаты нашему эмиссару. Это — дело, касающееся всего Союза.

Необходимо, дорогой Фрейлиграт, чтобы ты в своем рекомендательном письме ясно сказал о положении «*Neue Rheinische Zeitung*» в Германии и о ее революционном значении.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 10 января [1850 г.].
Сочинения, т. XXV, стр. 68—69.

5

Фрейлиграт инстинктивно уехал как раз вовремя, чтобы избежать ареста. Как только он сюда приехал, все эмигрантские клики, филантропические друзья Кинкеля, эстетствующие Говитты и т. д. стали расставлять ему силки, чтоб захватить его для своей котерии. На все такие попытки он очень грубо отвечал *, что он принадлежит к «Рейнской газете», не имеет ничего общего с космополитической компанией и поддерживает общение лишь с «д-ром Марксом и его самыми интимными друзьями».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 28 мая
1851 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 213.

6

Мавританский князь! *

При сем — письмо Эбнера.

Сегодня я снова получил письмо от Вейдемейера. Он, между прочим, пишет: «На этих днях сюда прибыл посланец лондонского «Агитационного союза» *, чтобы противодействовать займам Кинкеля. Эти господа, вероятно, воображают, на том основании, что кучка беженцев наделала много шума из ничего, что здесь, в Америке, все делятся на кинкельянцев и антикинкельянцев. Кошутовская сенсация давно заставила забыть о Кинкеле *, и несколько тысяч, которые ему удастся собрать, право, не стоят стольких разговоров.

Продажу «Ревче» * я тебе здесь, во всяком случае, могу устроить. Некоторое количество новых стихов Фрейлиграта здесь также можно было бы поместить».

После того как Вейдемейер еще раз нажал на нас, он пишет: «Но прежде всего пришли какое-нибудь стихотворение Фрейлиграта *: они больше всего привлекают». Прими это близко к сердцу и создай новогоднюю песнь в честь Нового Света. При нынешних обстоятельствах, мне кажется, легче писать в стихах, чем в прозе, будь то в патетическом или в юмористическом духе. Если бы ты когда-нибудь вздумал превратить в художественную форму юмор, свойственный твоему африканскому величеству в частной жизни, то я уверен, что ты сыграл бы роль также и в области этого жанра. Твоя жена правильно заметила, что в тебе очень много скрытого лукавства.

Я переслал бы тебе письмо В[ейдемейера], но мне надо прежде показать его Энгельсу, который, вероятно, пробудет здесь до четверга; он надеялся в прошлый вторник найти тебя в лоне «синагоги».

Общество переехало* на Farringtonstreet, City, Market House, винная торговля В. И. Мастерс. Заседания будут происходить отныне по четвергам, в 9 часов. Общество считает — и не без основания, — что его новое помещение находится в твоём районе.

Рэссель принял отставку Пальмерстона, 1) чтобы перед лицом Бонапарта разыграть роль конституционного героя и 2) чтобы сделать уступку России и Австрии. Я не разделяю того мнения, что этот факт может прежде всего оказать влияние на судьбу эмигрантов вообще и на нашу судьбу в частности; однако я вижу в нем предвестника очень беспокойного в политическом отношении года для Англии. По словам Энгельса, торговцы из Сити также разделяют наш взгляд на то, что кризис, задержавшийся благодаря различного рода событиям (между прочим, и благодаря политическим опасениям, прошлогодним высоким ценам на хлопок и т. д.), разразится не позднее ближайшей осени. А после последних событий я более, чем когда-либо, убежден, что без торгового кризиса не будет и серьезной революции.

Я и моя семья шлем тебе и твоим привет.

С благоговением *Мавр*

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 27 декабря 1851 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 116—117.

Зато я прилагаю к этому письму стихотворение и письмо Фрейлиграта*. Я попрошу тебя о следующем: 1) Распорядись отпечатать стихотворение потщательней, — между отдельными строфами должны быть надлежащие промежутки, и вообще при печатании не надо жалеть места. Стихи очень теряют, если они печатаются с небольшими промежутками и нагромождаются друг на друга. 2) Напиши Фрейлиграту дружеское письмо. Не скупись и на комплименты, так как все поэты, даже наилучшие, до известной степени куртизанки — им нужно льстить, чтобы заставить их петь. Наш Ф[рейлиграт] в частной жизни милейший и совершенно непритязательный человек,

скрывающий под своим искренним добродушием весьма тонкий и насмешливый ум; пафс его «правдив», но это не делает его «некритическим» и «суеверным». Он настоящий революционер и вполне честный человек, — похвала, которой я могу удостоить лишь немногих. Тем не менее, поэт — каков бы он ни был как человек — нуждается в одобрении и преклонении. Я думаю, что это свойство самой породы. Все это я говорю, чтобы обратить твое внимание на то, что при твоей переписке с Фрейлигратам ты не должен упускать из виду разницы между «поэтом» и «критиком». Кроме того, это очень любезно с его стороны, что свое поэтическое письмо он адресовал непосредственно тебе. Я думаю, что это послужит для тебя некоторым подкреплением в Нью-Йорке.

К. Маркс — Иосифу Вейдемейеру
16 января 1852 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 120.

8

Дорогой Фрейлиграт!

Строфа, которую ты мне прислал на просмотр *, очень хороша и художественно выражает существо дела, но мне кажется, что она повредит впечатлению от всего стихотворения в целом. Прежде всего, разве Кинкель *действительно* «германский поэт»? Я, да и множество других добрых людей позволяем себе несколько усомниться в этом. А существенное противопоставление «германского поэта» «торговому» Вавилону — разве оно не ослабляется тем, что «свободный» поэт затем снова противопоставляется «раболепствующему»? Тем более, что в самом «Андерсене» уже исчерпывающе обрисовано отношение надменного *литератора* к миру, противостоящему «поэту». Так как внутренней необходимости притягивать Кинкеля в данном случае нет, то это упоминание дало бы только повод противникам представить его как выражение личного раздражения или соперничества. Но так как строфа очень удачна и жалко ее не использовать, то ты, — если ты только согласишься с высказанным мною мнением, — найдешь, конечно, случай вставить ее в другой связи в одно из следующих твоих писем в стихах. Да и рисунок чудесный.

Энгельс и Веерт не вернули копию твоего первого стихотворения, которую я им послал, так что красному Вольфу я вчера мог сообщить лишь несколько уцелевших у меня в па-

мяти отрывков. Этого оказалось, однако, достаточно, чтобы вызвать свойственный ему взрыв энтузиазма.

Что касается нашего друга Эбнера, то он безусловно получил письма Пипера. Лучшее доказательство этому то, что у Пипера есть ответ от него. К тому же Пипер на днях опять послал ему подробное письмо и объяснил мое молчание недоумоганием.

Я получил письмо от Бермбаха * строк в тридцать. Он спрашивает, почему я так давно не писал. Ответ очень прост. Я посылаю в Кельн письма величиной чуть не в полпечатного листа, а в ответ, через очень продолжительный срок, получаю несколько строчек; в которых никогда нет ответов на мои вопросы; например, о здоровье Даниэльса и т. п. — ни слова. Ты получишь письмо Бермбаха, как только оно вернется из Манчестера. Энгельс использует его для статей в английских газетах. Единственно важное во всем письме следующее: уголовная палата, принимая во внимание, — заметь себе хорошенько! — «что состава преступления не установлено и обвинение, таким образом, является необоснованным», — постановляет начать следствие *сначала*. Итак, прежде всего, на основании пустого предположения ты должен отсидеть девять месяцев; затем оказывается, что для твоего сидения нет никаких законных оснований. В итоге: ты должен продолжать сидеть, пока следователь не будет в состоянии представить обвинению «состав преступления», а если такого не найдется, то ты можешь сгнить в тюрьме.

Нельзя себе представить более бесстыдную трусость. Главная вина падает на подлую «прессу», которая не говорит ни слова. Несколько статей в «Kölnische Zeitung», «Nationalzeitung» и «Breslauer Zeitung» — и кельнская уголовная палата не рискнула бы на такие штуки. А эти собаки демократы и либералы ликуют по случаю устранения их коммунистических противников. Разве мы не выступали в защиту Темме и всякой иной демократической сволочи, когда у них возникали конфликты с полицией или судами? А Кинкель, из которого Беккер сделал человека и которого Бюргерс приютил¹, в благодарность за это ни разу не упомянул о них в «Lithographische Correspondenz», которую он питает американскими деньгами.

Канальи!

Если бы я знал какой-нибудь надежный буржуазный адрес

¹ Игра слов: «den Becker gebacken und Bürgers geborgen hat». *Ред.*

в Кельне, я бы написал госпоже Даниэльс и попытался успокоить ее относительно политической ситуации. Из того, что сообщил мне Пипер, видно, что каждый успех контрреволюции используется «честными буржуа», чтобы запугивать и раздражать ее.

Прилагаю при сем записку мисс Женни мастеру Вольфгангу.

Привет,

Твой К. Маркс

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 26 января 1852 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 127—128.

9

Так как второй выпуск должен содержать исключительно фрейлигратовские стихотворения, то он наверное уже напечатан. Такие вещи, особенно стихотворение о Кинкеле, ни минуты нельзя задерживать дольше, чем это вызывается необходимостью. В сущности, этим стихам следовало бы в том или ином виде появиться уже тогда, когда Кинкель возвратился в Нью-Йорк; чем дольше они лежат, тем больше они теряют в своей актуальности, так как даже для таких вещей, которые написаны для вечности, существует определенный промежуток времени, когда они всего лучше оплачиваются и наиболее отвечают современности.

Ф. Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
11 июня 1852 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 156.

10

Относительно Кинкеля. Кинкель выступал в Бредфорде и Манчестере с лекциями о новейшей поэзии и т. п., в которых он в качестве поповско-эстетически-либерального паразита подлаживался к немецким евреям. О его эстетических подвигах непосредственные слушатели его лекций рассказали мне следующее: В Бредфорде он объявил, что прочтет лекцию о «Фаусте» Гёте, и назначил цену за вход в 3 шиллинга. Аудитория была переполнена. Лекции ждали с нетерпением. Что же сделал Готфрид? Он прочел «Фауста» с начала до конца и назвал это лекцией о «Фаусте». Конечно, Готфрид был настолько умен, что приберет эту *мошенническую проделку* для своей последней лекции. — В Манчестере Готфрид заявил, что

«Гёте вовсе *не* поэт, что он рифмует слово «erbötig» со словом «Venedig»; величайшим немецким поэтом является Иммерман». Далее: «Я могу сказать, что среди новейших немецких поэтов наибольшим расположением публики пользовались трое: Гервег, Фрейлиграт и — я вправе это сказать — *Готфрид Кинкель*».

К. Маркс — А. Клуссу 7 декабря
1852 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 171—172.

11

Прилагаю материалы о Кинкеле. Фрейлиграт, по-видимому, думает, что супруг Кинкель стал великим или, по крайней мере, благодарным человеком оттого, что супруга Кинкель свернула себе шею. Кинкель устроил похороны так мелодраматически, «с дрожанием рук», «с лавровым венком» и пр., что Фрейлиграт, который не мог найти в своей лире ни одного скорбного звука при «трагических» событиях, будь то в собственной партии (как смерть Даниэльса) или вообще на свете (Кайенна, Орсини и т. д.), — вдруг принимается воспевать это жалкое происшествие*. По вырезке из «Daily Telegraph» ты видишь, как этот сброд использует смерть этой грязной «озлобленной души» (ибо, в сущности, это была аффектированная неестественная личность; ее подлость определенно проявилась в ее неблагодарности к Штротману и г-же Брюнинг, у которой она выманила денег, сколько могла, и т. д.) точно так же, как эта баба сама использовала «шляпу Кинкеля, простреленную всю насквозь», и писала из Лондона в Германию: «Have you an idea what it is to be looked upon as a sort of another to all emigrants?»¹ Так пишет эта баба в то время, когда она и Готфрид, as a sort of beggar², обегали всех евреев в Сити.

Есть еще кое-что в витиеватом письме Ф[рейлиграта] ко мне, что мне не нравится. Я должен видеть нечто революционное в том, что он настроен против амнистийной горячки, а в действительности — он против идиосинкразии Рудольфа Шрамма. Но наш Фрейлиграт несколько недель тому назад *натурализовался* в Англии и был бы действительно дураком, если бы его влекла назад в Германию какая-нибудь должность плохо оплачиваемого комми, пока еще существуют милые

¹ — Понимаете ли вы, что значит, когда на вас смотрят как на особый род людей по сравнению с остальными эмигрантами. *Ред.*

² — как особый род нищих. *Ред.*

Crédits Mobiliers. Я очень живо помню, что в то время, когда уже болтали об амнистии, но когда Швейцарский генеральный банк еще не занял места в зданиях Royal Exchange, госпожа Фрейлиграт очень серьезно старалась меня убедить не выступать с возражениями против принятия амнистии.

Все эти господа чувствуют, that there is something moving again¹, и, конечно, протискиваются на сцену со знаменами свободы.

Прилагаемое стихотворение и письмо сохрани.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 11 декабря
1858 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 370—371.

12

Филистер Фрейлиграт мало-помалу вытаскивает на свет божий разные разности о Готфриде. Во-первых, Готфрид¹ посылает Герстенберга по различным купцам в Сити. Они должны подписаться на «Негманн»*. Ведь бедный человек должен «жить» и покрыть «потери», происшедшие из-за смерти жены. Во-вторых, он мне рассказывает, что Готфрид сейчас же после смерти Мокель спросил у него, нельзя ли будет сделать *гешефт* у Котты с ее наследством, и будет ли он выгоден. «Ведь пользуюсь же я, — говорит Готфрид, — *расположением публики*».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 17 декабря
1858 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 373.

13

Фрейлиграт, как мне *кажется* по его короткому письмецу ко мне*, уже repentant² в совершенных им blunders³. Если будешь писать ему, скажи ему (но, of course⁴, *очень вежливо*, а то он жалуется на *грубый или залихватский тон твоих писем*), что среди манчестерских немцев много поговаривают об его союзе с Кинкелем; в то же время можешь сообщить анекдот о Гекшере, сославшись при этом на источник.

В настоящий момент для нас важно, чтобы Фрейлиграт решился порвать с этими собаками.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 6 января
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 375.

¹ — что сейчас что-то опять приходит в движение. *Ред.*

² — раскаивается. *Ред.*

³ — ошибках. *Ред.*

⁴ — конечно. *Ред.*

[Черновик]

Дорогой Фрейлиграт!

Проклятый мальчишка, который должен был вчера получить деньги на почте, проваландался где-то, и потому 22 шиллинга получены мною только сегодня. Большое спасибо за хлопоты и издержки.

Что касается новейшей «*Rheinische Zeitung*», то здесь все в порядке, с этим нечего торопиться. За истекшее время мы многому научились и ничего не позабыли, а это больше, чем могут о себе сказать другие. Лучше всего ты можешь убедиться в этом на примере «*Herrmann*» (очевидно, опечатка вместо «*Gottfried*», иначе заглавие не имеет никакого смысла), которого ты только что назвал Иоанном Предтечей «*Rheinische Zeitung*». Давно не приходилось читать ничего, подобного этому новейшему продукту фальшиво-благородного блаженной памяти Майского жука¹ — такой плоской, приторной, перед всеми расшаркивающейся и заискивающей, жаждущей примирения и прощения, позорно плохо написанной, а по стилю и содержанию рассчитанной единственно на камбервальское мешанство и немецких филистеров из Сити и приспособляющейся к их вкусу чепухи. Этот человек забыл даже то немалое, что он нахватал в 1848 г., и стал теперь настоящим буржуазным паршивцем. Но раз уж ты навел меня на разговор об этом «веселом» субъекте, который теперь носится повсюду со своей «скорбью», то я не стану от тебя скрывать, что за последнее время ряд филистеров спрашивали меня о том, как могло случиться, что ты заключил столь дружественный союз с г-ном Кинкелем. Ты понимаешь, что, хотя все это и преувеличено, я все же был несколько смущен. Конечно, многое я свалил на гнусное преувеличение, с которым Кинкель и его клика о простой встрече с тобой раструбили во всех газетах, как о наступательном и оборонительном союзе против нас, и категорически отрицал этот факт; что касается обычного общения с этим филистером, то я отделялся плохими шутками; я говорил, например, что поэты живут особой жизнью, что Кинкель лишь тогда может сойти за поэта, если он может сослаться на общение с тобой, и т. д. Словом, хотя я и плохой дипломат, мне все же удалось достаточно защитить позицию партии. При этом в

¹ «Майский жук» («*Maikäfer*») — название литературного клуба, организованного в 40-х годах Кинкелем в Бонне. *Ред.*

конце выяснилось, что один из евреев, протезировавших кроткому Готфриду во время его последнего пребывания здесь, будто бы сказал следующее: «Пусть этот негодяй Кинкель только попробует вернуться в Манчестер — в Лондоне он соблазнил девушку из порядочной семьи и держит ее в качестве любовницы, а жена его из-за этого...»¹.

Ф. Энгельс — Фердинанду Фрейлиграту 25 января 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 234—235.

15

Вчера писал Фрейлиграту о Кинкеле. Милый человек сам дал мне к тому повод. Я ему как-то по поводу истории с векселем сделал несколько замечаний о политическом и экономическом положении, и они вдохновили его к следующей мысли: за «Негманп'ом», несомненно, последует еще раз «Neue Rheinische Zeitung». Как связал он это с кинкелевским листком, мне совершенно непонятно; разве — с целью побудить меня высказаться о Иоганне Готфриде, что я и сделал. Должен сказать, что та манера, с какой он связывал эту паршивую газетку с нами, очень рассердила меня. Третьего дня я два раза писал ему, но письмо было слишком грубо, я слишком злился и потому отложил дело до вчерашнего дня. С *ним* я обошелся очень деликатно, но с господином Готфридом очень сурово; сказал, что Кинкель эксплуатирует его в качестве поэтической рекомендации, так как его собственная литературная слава, раздутая слезливыми рекламами его жены, несостоятельна; что «Негманп» еще усилил презрение, которое я всегда питал к этой пустой, манерной и прилизанной обезьяне, и что я не забыл еще тех подлостей, которые эта «собака» совершала в Америке против тебя и меня и в которых она по трусости не смеет сознаться. Письмо на трех страницах; как сказано, Ф[рейлиграт] не может жаловаться на мой тон по отношению к нему, но косвенно он поймет тон всего письма. Любопытно, что он сделает.

Тут у меня появился снова один вуппертальский поэт * и дальний родственник, который, разумеется, был в Лондоне у Фрейлиграта. Фрейлиграт написал мне, что, по-видимому, он славный малый. Я ответил, что он, по крайней мере, крепок,

¹ Рукопись обрывается. *Ред.*

здоров, не тщеславен и не манерен, — качества, которые равносильны доброй доле таланта современного немецкого поэта. Этому парню Фрейлиграт сказал, что получает тысячу фунтов жалованья. Упоминание «Негтапп'а» в письме Фрейлиграта ужасно рассердило меня, но больше со мною он такой штуки не выкинет, в этом можно поклясться.

Ф. Энгельс — К. Марксу 27 января
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 378—379.

16

Ты уже, вероятно, слышал, что г. Кинкель снова стал знаменитым человеком вследствие того, что г-жа Кинкель выбросилась из окна и сломала себе шею. Этот «веселый» субъект, — который никогда не чувствовал себя так хорошо, как после смерти старухи Мокель, — решил тотчас же потроговать свою «скорбью». Введенный в заблуждение мелодраматической сценой, устроенной Готфридом, Фрейлиграт написал стихотворение в честь Иоганны, в чем он сейчас уже раскаивается. Во-первых, он убедился, что Готфрид в самом развеселом настроении, а во-вторых, — что тот использовал стихотворение для того, чтобы распространить по всему миру ложный слух, будто Фрейлиграт объединился с ним и порвал с нами. Готфрид, решивший немедленно использовать кинкелевское возрождение (*kinkelrevival*), вызванное смертью его жены, на следующей же неделе начал издавать в Лондоне еженедельник под названием «Негтапп». Если имеется в виду не тот *Герман*, который был воспет Шенайхом и увенчан Готшедом, то название журнала должно было бы быть «*Готфрид*»¹. Ведь газетка проповедует мир с богом и со всем миром и является простой рекламой для г. Готфрида в кругу немецких филистеров лондонского Сити. Ничего более жалкого никогда не печаталось, и мы можем только поздравить себя, что десятилетнее изгнание с такой полнотой обнаружило всю пустоту наших демократических друзей. По сравнению с этим изданием «*Kölnische Zeitung*» остроумна и смела.

К. Маркс — И. Вейдемейеру 1 февраля 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 236—237.

¹ Игра слов: Готфрид — имя Кинкеля. Гот — по-немецки бог, фриде — мир. *Ред.*

*Ad vocem*¹ *Фрейлиграт*. Я пришел к нему очень кстати, как раз в тот день, когда он получил твое письмо. Он дал мне его прочесть. Извинился, — если стихотворение его было аполитичным, то это потому, что он «поэт». А во-вторых, по поводу самого «Hermann'a» он только «пошутил» в письме к тебе. Well, after these very meagre explanations² он сказал: напишет тебе, что окончательно уладил со мной дело. Впрочем, твое письмо его глубоко «задело». Я сказал ему, что письмо твое «очень хорошо написано», и он, естественно, смеялся, что я «on such an occasion»³ в первую голову обращаю внимание на «форму». Факт: Фрейлиграт убеждается постепенно в том, что Кинкель его *использовал* и даже немного *обнаглел* по отношению к нему после того, как его использовал. (Так, напр., к глубокому огорчению Фрейлиграта, в «Hermann» под рубрикой объявлений написано крупными буквами: «Сочинения Готфрида и Иоганны Кинкель», а внизу под этой рубрикой мелким шрифтом: «стихотворения Ф. Фрейлиграта»; получается так, будто стихотворения Фрейлиграта являются дополнением к сочинениям Готфрида и Иоганны. Это очень раздражает нашего филистера.) С другой стороны, Фрейлиграт очень обязан Кинкелю за то, что он помог ему, как бы вопреки всем ожиданиям, снова *политически разрешиться*, что вызвало, если я не ошибаюсь, большие похвалы или, как говорится, дары со стороны немецких филистеров. Nota bene: жена Даниэльса пишет Лине (в ответ на кое-какие шутки, которые последняя отпустила по поводу истории с Кинкелем): «Мы (т. е. она и тихий Генрих) *восхищаемся* и *упиваемся* стихотворением Фрейлиграта», и этот надуманный Генрих, «который стал еще более самоуверенным и энергичным», даже выпалил, что «вероломная» «Кельнская газета» выпустила из стихотворения Фрейлиграта «самые замечательные строфы», существовавшие, впрочем, только в олимпийской голове Генриха.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 15 февраля
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 382—383.

¹ — По поводу. *Ред.*

² — Хорошо, после этих весьма жалких оправданий. *Ред.*

³ — в подобном случае. *Ред.*

18

*Ad voset*¹ *Фрейлиграт*. Между нами говоря — пакостник. Теперь, когда он увидел, что дело принимает революционный оборот (ты ведь слышал о тяжелом положении рабочих в Берлине?) и что репутация Кинкеля становится *disrespectable*², он набрасывается на него. Однако 6-й и последний том его изданного в Америке полного собрания сочинений (три четверти — перевод разной дряни; тот том он как раз получил и переслал мне) кончается стихотворением на Иоганну Мокель — стихотворение же *против* Кинкеля он придержал. Просто свинство. Все его извинения по этому поводу я выслушал с весьма скептической миной. Черт бы побрал весь этот поэтический цех!

К. Маркс — Ф. Энгельсу 7 июня
[1859 г.].
Сочинения, т. XXII, стр. 418.

19

Отказаться от участия в здешнем кинкелевском или шиллеровском торжестве *, прошедшем, впрочем, весьма паршиво, Фрейлиграт, «как немецкий поэт», не мог, хотя я и предостерегал его, что он будет служить лишь декорацией для Готфрида.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 октября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 447.

20

Работа моя подвигается плохо. Слишком много у меня нашее домашних забот и всякой дряни. О здешнем «агромадном» шиллеровском торжестве ты, конечно, слышал. Героями будут Фрейлиграт и Кинкель или, вернее, Кинкель и Фрейлиграт. Так как вся затея исходит от кинкелевской клики, и даже пригласительные письма для образования комитета писал жалкий Бета, фактотум Готфрида, то я несколько недель тому назад выразил в письме к Фрейлиграту надежду, *he would keep aloof the Kinkeldemonstration*³. На это жирный филистер ответил в весьма неясных выражениях и, между прочим, сказал: «Если даже Кинкель захватит Бризенду торжественной речи, то это еще не причина для Ахиллов лениво удалиться

¹ — По поводу. *Ред.*

² — подмоченной. *Ред.*

³ — что он воздержится от участия в кинкелевской демонстрации. *Ред.*

в свои шатры». Итак, Кинкель-Агамемнон и Ф[рейлиграт]-Ахиллес! Но, кроме того, торжество имеет «еще иное значение» (а какое, сейчас станет ясным). Наконец, по предложению из Бостона (С[оединенные] Ш[таты]) он написал стихотворение, посвященное Шиллеру.

Впоследствии из «Hermann'a» я узнал, что Фрейлиграт действовал как член комитета и что шла речь об его кантате в честь Шиллера (музыка Пауэра); стало быть, филистер кое-что скрыл от меня. Еще позднее я получил второе письмо от него, в котором он говорит, что я, оказываюсь, все же был прав, но что участие его несколько расстроило планы Готфрида. При ближайшем свидании со мной этот субъект с волнением рассказал, как было дело. Бета и Юх, агенты Кинкеля, узнали из Америки, что Фрейлиграт написал поэму в честь Шиллера для Бостона. Готфрид решил взять на себя не только речь, но и торжественную кантату. А так как он понимал, что *non bis in idem*¹, а привлечение Фрейлиграта без того, чтобы не предоставить или, скорее, предложить ему поэтическую часть, немислимо (хотя Кинкель рассчитывал на то, что он отклонит предложение), то Бета и Юх от имени кинкелевского комитета пригласили Фрейлиграта войти в комиссию и написать кантату. Фрейлиграт им заявил, что кантату он уже написал для Бостона, но говорил очень неопределенно, а комитету обещал свое содействие. Последний отнесся ко всей этой штуке как к простой формальности и более не возвращался к своей просьбе. А Фрейлиграт с великим рвением принимается за дело (куда девались те затруднения, которые мешали ему для «Volk'a» сочинить хоть три строки!), пишет кантату (размер стиха, как шиллеровский дифирамб; он мне эту штуку прочитал — шум и треск), мчится к Пауэру, просит переложить ее на музыку и через своих друзей, участников шиллеровского праздника, заставляет Кинкеля и компанию послать себе повторное приглашение. А затем он им препровождает эту дрянь, которая по какому-то «анахронизму» (раньше времени) уже совершенно закончена, и не только сочинена, но и переложена на музыку, а в конце своего послания он сравнивает сам себя с «лакеем», который служит своему «господину», не дожидаясь приказа (господ Кинкеля, Бета, Юха и т. д.). (И это все филистер мне сам рассказал.)

На этом еще отнюдь не кончаются «натянутые отношения» Фрейлиграта и Готфрида. Фрейлиграт является в комитет, где

¹ — не повторяют два раза одно и то же. *Ред.*

встречает со стороны Кинкеля весьма холодный прием. Оказывается — в кантате Фрейлиграта, по его заявлению совершенно случайно, попадаете такое место, при чтении которого неизбежно должно следовать открытие бюста Шиллера. А Готфрид тоже «совершенно случайно» приурочил кульминационный пункт своей торжественной речи к *моменту открытия*. После довольно продолжительной борьбы, причем филистер Фрейлиграт все время сидит молча и дает говорить своим друзьям (всякому сброду), наконец, принято решение, что «открытие» достанется Фрейлиграту; Готфрид при этом испускает тяжкий вздох, что ему, мол, придется все время обращать свою проповедь к «лику, затянутому покрывалом». Тогда поднимается один из товарищей Фрейлиграта и заявляет, что этому можно помочь, если Кинкель произнесет свою речь *после* кантаты. Тут Готфрид решительно протестует и, крайне «возмущенный», кричит, что «он много жертв принес для этого дела, но что такой жертвы требовать от него нельзя». Все умолкло. Решено: первой пойдет проповедь.

И о всей этой дряни Фрейлиграт рассказывает с серьезным и важным видом; он считает, со своей стороны, вполне естественным, что он в комитете даже ни одним словом не обмолвился по поводу того, что для кинкелевской банды было в порядке вещей не пригласить в комитет его (Фрейлиграта) якобы «партийных друзей» и, таким образом, превратить это все в кинкелевскую демонстрацию. Он говорил, что я безусловно бы не пришел. Но он не должен был допустить такой остракизм в комитете, в котором сам заседал. Блинд, разумеется, был при этом.

После своего стихотворения, посвященного Мокель, Фрейлиграт втайне смотрит на нас как на друзей, публично же идет нога в ногу с нашими врагами. *Qui vivra verra*¹.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 3 ноября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 449—450.

Дорогой Мавр!

Фрейлиграт действительно заслуживает того, чтобы его проучить как следует, и, я надеюсь, случай к тому представится еще раньше, чем закончится шиллеровская канитель (или утихнут ее последние звуки). Слишком противны это по-

¹ — Поживем — увидим. *Ред.*

этическое тщеславие и эта литературная навязчивость в соединении с угодливостью!

А «Аугсбургская» приписывает ему еще политические добродетели!

.....

Здесь также шиллеровское торжество (прилагаю программу). Я, разумеется, не имею к этому никакого отношения. Господин Альфред Мейснер пришлет пролог, Зибель пишет эпилог — разумеется, банальная декламация, но в приличной форме. Кроме того, этот бездельник ставит «Лагерь Валленштейна»; я был два раза на репетиции; если ребята эти наберутся дерзости, то сойдет недурно. Весь комитет состоит из одних ослов — без исключения; Борхардт разыгрывает оппозицию в публике. Он своим отрицанием так же важничает, как те своим утверждением; но при своем отрицании он стоит на той же точке зрения, как и те со своим утверждением, — поэтому он признается, что, по существу, принадлежит к ним.

Ф. Энгельс — К. Марксу 4 ноября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 451 и 453.

22

Толстый филистер Фрейлигрят действительно ведет себя гнуснейшим образом и заслуживает основательной встряски, для которой, надо надеяться, скоро представится и случай. Ну и потешна же эта Троянская война вокруг важного вопроса, кому достанется кантата, а кому торжественная речь, и пойдет ли кантата первой, а торжественная речь второй. Здесь обыватели страшно злы, что мы с Лупусом стоим в стороне от всей этой шиллеровщины. Еще вчера вечером мне пришлось выдержать атаку трех вдохновенных шиллерьянцев. Для этих господ совершенно непостижимо, что, имея такую блестящую возможность создать себе рекламу, люди не напирают изо всех сил. Они собираются основать здесь Шиллеровский дом, т. е. немецкий клуб, где можно будет читать, есть, пить, делать доклады, заниматься гимнастикой, ставить спектакли, музицировать и неведь что еще там делать. Борхардт был настолько глуп, что пошел на предварительное собрание, чтобы высказаться против (он подбивал и меня, но именно потому-то я и не пошел), а когда дело дошло до голосования, с ним голосовал только хромой живописец Гойолль и еще какой-то человек, и Борхардт, конечно, с треском провалился. А потом он же и

подписался на четыре фунта десять шиллингов в пользу этого дома, что сделало его членом на целых три года.

[Ф. Энгельс — госпоже Маркс] 5 ноября 1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 453—454.

23

Шиллеровское торжество. Программу прилагаю, а также оригинальные поэтические произведения, состоящие, как ты увидишь,

из пролога Мейснера,
каталога Замельсона,
эпилога Зибеля.

Эти про... и эпи... спасены исключительно благодаря тому, что составляют противоположность каталогу.

Первая часть блестяще провалилась. Господин доктор Маркус (обанкротившийся торговец шерстью и эрлангеновский доктор, купивший свой диплом за 66 талеров и 20 зильбергрошенов) плаксиво прочел отчет комитета. Зибель продекламировал пролог сносно, но не отчетливо. Теодорес говорил блестящие глупости, совершенно неясно, слышалось только р... р... р...

Хор пел превосходно.

Морель говорил английские банальности, зато громко и плавно. «Ивиковы журавли» усыпили всю публику.

К тому же стало, к счастью, так поздно, что полное проведение программы затянулось бы до часу ночи. Таким образом, замельсоновские стансы вылетели в трубу. *Армада* была прекрасно продекламирована неким Линком, а затем шла пьеса. Сцена очень хороша, но плоха акустика; массовые сцены превосходны; непрерывное движение, даже слишком много движения, на заднем плане. В общем ребята играли недурно; их трудно было понять из-за колоссальных бород, которые они привесили к самому рту, и еще потому, что говорили не совсем в сторону публики. Капуцин был хорош (исполнял старый корпорантбурш Дольх, автор одной истории немецкого студенчества, осел и дурак); был эффектен эпилог Зибеля, прочитанный Линком плавно и с большой выдержкой.

Короче говоря, второе отделение спасло все дело. Во втором и в пропущенной вещи из первого руководила молодежь (косвенно, была немалая доля моего *underhand influence*¹;

¹ — скрытого влияния. Ред.

так, например, по моим указаниям составлена интродукция к «Лагерю Валленштейна», и очень недурно), в первом отделении распоряжались мудрствующие болтуны и пронырливые обыватели и учителя... А теперь из остатка они собираются основать Шиллеровский дом, но остаток равняется дефициту в 150 фунтов.

В субботу торжество с жратвой, в которой я не участвовал. Много тостов и перечисление rejected addresses¹.

В пятницу вечером еще кутеж певцов и актеров до четырех часов; было очень весело.

Ф. Энгельс — К. Марксу 17 ноября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 456—457.

24

Дорогой Энгельс!

Сегодня ты получаешь от меня всевозможные курьезы: 1) письмо филистера Фрейлиграта ко мне, 2) письмо Оргеса (из «Augsburger Allgemeine Zeitung») к Бискампу, 3) номер (43) выходящей в Лейпциге «Gartenlaube» и 4) письмо Имандта ко мне с вырезкой из «Triersches Volksblatt». Наконец, советую тебе купить сегодняшний номер «Hermann'a». Там господин Бета излагает историю здешнего шиллеровского торжества и своеобразно освещает поведение нашего друга Фрейлиграта.

Я до некоторой степени завидую тебе, что ты можешь жить в Манчестере в стороне от войны мышей и лягушек. А мне приходится здесь копать во всей этой грязи, да к тому еще при таких обстоятельствах, которые и без того мешают моим теоретическим занятиям. А с другой стороны, я рад, что ты со всей этой мерзостью знакомишься уже из вторых рук.

В прошлый четверг получил от Фрейлиграта прилагаемое здесь письмо. Для того, чтобы тебе стала ясна его противная мелочность, сообщаю следующее: в то самое время, когда Блинд играл по отношению к нам свою вероломную роль, Фрейлиграт был в самых интимных отношениях с ним. В комитете по подготовке шиллеровских торжеств, в великом конфликте Кинкель — Фрейлиграт, Блинд фигурировал в качестве его

¹ — не оглашенных адресов. *Ред.*

homme d'affaires¹. А на самом торжестве во время спектакля семьи Фрейлиграт и Блинд были в тесном единении. На следующее утро «Morning Advertiser» поместил отчет, в котором о стихотворении Фрейлиграта сказано, что оно «above mediocrity»². То же критическое чутье (правда, немного нужно, чтобы сорвать со студюоза Блинда анонимную маску), которое подсказало мне, что Блинд, и только Блинд, мог написать абзац против Фогта в «Free Press»³, и в данном случае мне верно подсказало, что он автор этой статьи. Я только изумился, что у этого льстивого сикофанта хватило мужества говорить о Фрейлиграте in this cool manner³. Посылаю последнему вырезку. В ответ на это получил прилагаемое здесь письмо, в котором более или менее сквозит подозрение, не сделал ли я подлога в статье студюоза Блинда в смысле недружелюбного отношения к Фрейлиграту. В субботу отправляюсь к Фрейлиграту. В то время я еще не знал о его объяснении, напечатанном в «Augsburger Allgemeine Zeitung» (что он, мол, вовсе не обвинитель Фогта и *никогда ни одной строки в «Volk» не писал!*). Мне он об этом не посмел заикнуться. De prime abord⁴ я заявил ему, что отнюдь не считаю Блинда свершившим преступление, если стихотворение Фрейлиграта ему показалось «above mediocrity». Это — суждение эстетического порядка. Но нужно быть безумцем, чтобы дать себя убедить Блиндом, будто я с помощью какого-то таинственного лица исправил репутацию⁵ Блинда и придал ей при этом оттенок недоброжелательства по отношению к Фрейлиграту. В большом замешательстве филистер сознается d'abord⁶, что он показал Блинду мое письмо и показал мне два письма от Блинда. В первом письме студюоз Блинд описывает какую-то личность, которая на уркартовском митинге 9 мая бросалась в глаза тем, что почти все время находилась рядом со мной, а затем 10 ноября в Хрустальном дворце следила за Блиндом. Во втором письме (Фрейлиграт снизошел до того, что написал Блинду, что он, мол, не допускает, чтобы я мог вписать места, направленные против него) Блинд поясняет, что прямо он этого тоже не говорил. Я тогда объяснил филистеру, что единственные два немца и вообще человека, которые 9 мая многократно осаждали меня на эстраде,

¹ — поверенного. *Ред.*

² — выше среднего. *Ред.*

³ — в таком холодном тоне. *Ред.*

⁴ — С места в карьер. *Ред.*

⁵ — работу. *Ред.*

⁶ — прежде всего. *Ред.*

были Блинд и Фаухер — и nobody else¹. А Блинд ведь знаком с Фаухером. Его познакомили с Фаухером в шиллеровском комитете, где он от имени Фрейлиграта благодарил его за его голосование в пользу фрейлигратовской «кантаты» и против «речи». Баденский хитрец и тут фамилию Фаухера не упомянул. (Последнему я тотчас же обо всей этой истории сообщил.) Дело в том, что Фаухер знает Гранта, издателя «Morning Advertiser», и мог бы способствовать вылету Блинда из licensed virtualer paper², если бы вызвал последнего на личное объяснение о том, поручил ли он (Фаухер) ему (Гранту) сделать вставки в статью Блинда; ведь обладает же студия Блинда такой памятью, чтобы помнить, какие features³ имел Фаухер 9 мая. Он помнит также, что те же features⁴ *выслеживали* его 10 ноября в Хрустальном дворце. Он только забывает, что этот так хорошо ему известный индивид тождествен с Фаухером.

Вся эта история так гнусно запутана* и настолько характерна для филистеров Фрейлиграта и Блинда, что поневоле пришлось так подробно копаться во всей этой мерзости.

Вообще характерно для филистера Фрейлиграта, что он вообще не считал себя обязанным отчитываться *передо мной* за свое публичное выступление вместе с Кинкелем и компанией, за свое объяснение в «Augsburger Allgemeine Zeitung», за свое кокетничанье с «Hermann'ом», за свое поведение с Блиндом в то время, когда он уже узнал, чего стоит «честное слово» этого прохвоста, и т. д. Нет, у него все вертится вокруг того, что кто-то осмелился расценивать его стихотворение (прилагаю его) как «above mediocrity»⁵ вместо того, чтобы вознести его as the very incarnation of the beautiful and the sublime⁶.

Я ему сказал, что на всю эту историю мне наплевать, но зато между мной и Блиндом дело идет о гораздо более серьезных вещах и т. д.

Что касается направленных против него «интриг» Кинкеля — пусть пеняет сам на себя. Незачем было опускаться до уровня этих господ.

Наконец, я пожелал познакомиться с 43-м номером «Gartenlaube»*. Тогда выяснилось, что господин Фрейлиграт с гос-

1 — никто больше. *Ред.*

2 — газеты, питающей его. *Ред.*

3 — виды. *Ред.*

4 — лица. *Ред.*

5 — выше среднего.

6 — как истинное воплощение всего прекрасного и возвышенного. *Ред.*

подином Бетой близко знаком, что он его принимал в собственном доме и спокойно «принял» со стороны Беты бесстыдно хвалебную биографию своей собственной персоны и апофеоз своей семье. Но взбесило его то, что в заключение Бета (естественно, по наущению Кинкеля) считает *меня причиной* окончательной гибели поэзии Фрейлиграта и ухудшения его характера. Я повинен в том, что господин Фрейлиграт, вообще не отличающийся особенной плодовитостью по части оригинального творчества, уже годами занимается вместо поэзии банковскими делами. Господину Фрейлиграту не стыдно предо мной, что он стал канальей заодно с прохвостом Бетой, бывшим субредактором «How do you do?» Луи Друкера. Ему не стыдно также за грубую лесть такого подлого субъекта. Его шокирует только то, что он предстал пред публикой как человек, якобы находившийся «под моим влиянием». Он даже подумывал о том, не следует ли по этому поводу объясниться. И только страх пред контрольным объяснением с моей стороны удержал его от этого. Этот субъект считает вполне «естественным», что, стоит ему только подать звук, тотчас же все крикнут ура. Он считает вполне законным, с одной стороны, служить мамоне, а с другой — быть «жрецом муз»; свою житейскую бесхарактерность теоретически оценивать как «политическую добродетель». Этот человек чувствителен к малейшему булавочному уколу. Свои закулисные мелкие комедиантские ссоры с Готфридом он рассматривает как важные интриги. С другой стороны, он считает в порядке вещей, чтобы моя семья не стремилась к признанию или хотя бы *обсуждению* столь продуманных мною работ, как выпуск о деньгах, что она в результате моей политической неприимости обречена на большую *misère*¹ и, действительно, влачит безрадостное существование. Этот господин полагает, что моя жена должна с благодарностью принять *все подлости*, которыми осыпает меня публика, в надежде, что госпожа Фрейлиграт будет возвеличена и чествуема. И его Кетхен, эта *silly goose*², не знающая немецкого языка, и та должна быть поднесена немецким обывателям. У этого человека нет и намек на дружеские чувства. Он видит, как страдает моя жена и как много этому еще способствуют он и его супруга. Как он фальшив, двуличен и в партийных и в личных отношениях!

*И все же я не могу, не должен доводить дела до éclat*³. Он учитывает векселя на «Трибуну», и я должен постоянно рас-

¹ — нужду. *Ред.*

² — глупая гусыня. *Ред.*

³ — взрыва (скандала). *Ред.*

смаatrивать это как любезность (хотя он для себя, а не для меня раздобыл благодаря этому кредит у Бишофштейна). А иначе я бы снова был полон прежних забот о том, как добыть деньги у «Трибуны». Ну, а с другой стороны, Кинкель и комп. — вся вульгарная демократия (*включая и госпожу Фрейлиграт*) — ничего так не желают, как раздуть этот скандал. Уже по одному этому теперь это не должно еще случиться. Правда, трудно проглотить молчаливо эти подлости.

О событиях в Хрустальном дворце * и о том, что было позже в шиллеровском комитете, — в следующем письме.

Привет.

Твой К. М.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 19 ноября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 457—460.

25

Дорогой Фрейлиграт!

Только что получил копию твоего письма к Либкнехту, где есть следующее место:

«У меня находится только *одно* письмо Фогта, помеченное 1 апреля 1859 г. Письмо это, с чем еще в прошлую субботу *согласился* и Маркс, не содержит ни одного слова, которое *обосновывало бы* обвинение против Фогта».

Так как в такого рода делах необходима точность, то я вынужден заявить формальный протест против этого места.

Во-первых, я ни с чем *не соглашался*. Соглашаться (*concedere*) предполагает спор, в процессе которого отказываются от первоначального утверждения и принимают взгляд, высказанный противной стороной. Между нами ничего подобного не происходило. Инициатива исходила от меня. Я тебе рассказывал, а совсем не соглашался с твоим мнением. Дело обстояло так:

Я напомнил тебе, что ты сам спросил г. Блинда, не является ли он автором анонимного памфлета, так как его устный рассказ целиком совпадал по тону и по содержанию с листком. Я подчеркнул, что *до* встречи с г. Блиндом на уркартовском митинге 9 мая я ничего не знал о роли Фогта в итальянских осложнениях, абсолютно ничего, кроме его письма к тебе. Я напомнил тебе, что в тот вечер, когда ты ознакомил меня с этим письмом, мне и в голову не приходило делать из письма заключения о продажности Фогта и т. п. Я нашел в

письме только его давно знакомую мне плоскую либеральную болтовню. Я все это подчеркнул для того, чтобы воздать каждому по заслугам и никоим образом не умалить заслуги г. Блинда в деле раскрытия государственной измены, совершенной Фогтом.

Во-вторых, я и не думал говорить, что «*письмо Фогта не содержит ни одного слова, которое обосновывало бы обвинение против Фогта*». Я сказал только, что *мне* по прочтении письма не пришло в голову сделать такой вывод. Однако субъективное впечатление, которое непосредственно произвело на меня это письмо, весьма сильно отличается от *объективного суждения* относительно содержания письма, тем более относительно предположений, которые на основании его *могут* быть сделаны. Я не имел ни повода, ни случая заняться критическим разбором письма, необходимым для составления подобного объективного суждения. О том, что г. Блинд, например, совершенно иначе понимал письма Фогта к тебе, к нему и пр., — об этом известно и было раньше известно только тебе. В его статье в «Free Press» (27 мая) *эти* письма, например, определенно упоминаются в качестве улики, хотя имена и не приводятся. То же самое и в заявлении его в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung».

От г. Фогта перехожу к г. Бета, 43-й номер журнала которого я по получении твоего письма купил. Прочтя это произведение, я решил поступить так, как поступаю уже 10 лет, а именно, игнорировать подобный вздор. Однако сегодня я получил от двух очень близких мне друзей (живущих вне Лондона) настоятельное требование выступить в интересах партии с заявлением. Я начну с того, что в течение двух суток обдумаю доводы за и против. Если по зрелом обсуждении я решу выступить с заявлением, то оно будет в основном содержать следующее:

1. Если бы мне, *вопреки истине*, пожелали приписать какое-либо влияние на тебя, то это могло бы относиться разве только к краткому периоду существования «Neue Rheinische Zeitung», когда ты писал великолепные и, безусловно, популярнейшие из твоих стихов.

2. Краткий *биографический очерк г. Бетцига, иначе Ганса Беты*, начиная с того времени, когда он в Берлине издавал театральный шантажный листок, вплоть до «How do you do» трактирщика и клоуна Луи Друккера (вместе с моим посещением вертепа «How do you do»); затем о его последующей деятельности в Лейпциге, когда он одновременно клеветал на меня в «Gartenlaube», воспроизводя грязные вымыслы из «How do

уон до», и присваивал себе мои памфлеты против Пальмерстона, вплоть до настоящего времени, когда он выступает в качестве ставленника Готфрида Кинкеля. Не вредно, пожалуй, будет показать немецкой публике, что представляет собой люмпен-пролетарская шайка мошенников, которая громче всех квакает сейчас в гнилом болоте немецкой прессы.

3. Два письма Гейне ко мне, на основании которых публика сможет выбрать между компетенцией Гейне и компетенцией Бета.

4. Наконец, несколько писем Иоганна Кинкеля и Иоганны Кинкель ко мне, относящихся ко времени «Neue Rheinische Zeitung». Благодаря этим письмам я сбросил бы мелодраматического попа с высокого коня, на котором сей патер Брай (применяя принятое тобой гётевское произношение) гарцует мне навстречу по арене «Gartenlaube», которая как нельзя лучше для него подходит.

Сообщаю тебе все это для того, чтобы, как водится между друзьями, ты был заранее информирован на тот случай, если я решу выступить с заявлением.

Что касается Либкнехта, то Кольб *, очевидно, стремится оправдать себя в глазах Котты, принося Либкнехта, на основании твоего письма, в жертву за свои собственные — не либкнехтовы — грехи. Изречение: *Pessant reges, plectuntur Achivi* [Цари грешат, а платятся за это ахеяне] — остается всегда верным.

Для того чтобы предупредить возможность всяких недоразумений, я посылаю одновременно с настоящим выдержки из этого письма, касающиеся истории с Фогтом, Либкнехту.

Твой К. М.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту
23 ноября 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 276—278.

Письмо Либкнехта к Фрейлиграту. Из «Augsb. Allg. Zeitung» ты увидишь, что Ф[рейлиграт], во-первых, заявляет, что он превращен в обвинителя Фогта «помимо своего желания и без своего ведома»; во-вторых, что в «Volk» он никогда не написал ни строчки» (и вообще не пишет). Господин Кольб, *неправильно* истолковавший частное письмо Либкнехта к нему и *после* этого заявления Фрейлиграта получивший нагоняй от Котты, делает, разумеется, козлом отпущения Либкнехта. Воз-

мущенный же Фрейлиграт, который подчинен Фази, пишет Либкнехту грубейшее письмо. Прилагаемое — и есть ответ Либкнехта на последнее.

В письме Фрейлиграта к Либкнехту имеется следующая фраза: «У меня имеется только *одно* письмо Фогта, помеченное 1 апреля 1859 года. Это письмо, как еще в прошлую субботу *признал* Маркс (я underline¹), не содержит ни единой строчки, которой *можно было бы* обосновать обвинение против Фогта. Как же я мог прийти к тому, чтобы доказывать попытки Фогта к подкупу».

Хотя Фрейлиграт, с одной стороны, крайне *необходим* не для учета векселей на Нью-Йорк, а с другой, я не хочу разрыва с ним из политических соображений, и, наконец, я лично люблю его *with all his faults*², — все же мне не оставалось ничего другого, — и это было безусловно необходимо, — как заявить ему *формальный протест* по поводу этих строк. Ибо кто поручится мне, что он не напишет того же самого Фогту, а тот не напечатает этого?

Дело, которое он так извращает, заключалось в следующем:

Во время одной из встреч с ним, — речь шла о Блинде, а не о Фогте, — я рассказал ему (о дебатах и речи быть не могло, и еще менее о том, что *он* вызвал меня на объяснения, что можно было бы заключить из фразы: «Маркс *признал*»), что он *сам считал Блинда* автором памфлета, потому что Блинд ему сказал то же самое, что и мне; что я до мой *гепсонтре*³ с Блиндом 9 мая ничего не знал о деятельности Фогта, кроме его письма к Фрейлиграту, — из которого я усмотрел, как он это сам припомнит, не подкуп, а скорее далеко не дружественную мне плоско-либеральную болтовню. А ведь это совсем не то, что я якобы *признал*, что в письме нет ни единой строчки, которая *позволила бы обосновать* какие-нибудь обвинения. Это все я ему разъяснил и тут же выразил свое изумление по поводу того, что он не выводит на чистую воду Блинда, который рассматривает подобное письмо (включая сюда и письмо Фрейлиграта) в «Free Press» как *corpous delicti*⁴.

До сих пор ответа еще не получил, хотя он имеет обыкновение отвечать немедленно. Весьма возможно, — и это было бы фатально, — что он использует эти обстоятельства, чтобы по-

¹ — подчеркиваю. *Ред.*

² — со всеми его недостатками. *Ред.*

³ — встречи. *Ред.*

⁴ — вещественное доказательство обвинения. *Ред.*

рвать старые, кажется, давно уже тягостные для него партийные отношения. However that may be¹, я должен был протестовать против такого изложения.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 ноября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 462—463.

27

Лупус согласен со мной, что поведение Фрейлиграта едва ли допускает продолжение партийных отношений. Но ты вполне прав, если в данный момент, из соображений чисто партийных, не говоря даже о личных обстоятельствах, избегаешь окончательного разрыва с ним, s'il y a lieu², — это был бы триумф для Кинкеля и К^о: они бы это использовали и раззвонили. Но безвольному ослу это не забудется. Свои объяснения в «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[ei]tung», даже если бы его к этому вынуждали его отношения к Фази^{*}, Фрейлиграт все же должен был обсудить с тобой; во всяком случае, получилось бы нечто иное, чем та пошлая штука, которую он поместил в «Allgemeine Zeitung». По-видимому, он зол за амнистию, что так отмахивается от всякого участия в «Volk'e». Но что он лично связался с господином Бетцихом, что он принимал его в своем доме, этого Лупус, который в связи с тогдашней историей с «How do you do?»^{*} зачем-то ходил с Фрейлигратом к Бете, ему никогда не простит. И это тоже, в сущности, — подлость.

При данной конъюнктуре весьма гадательно, долго ли удастся продержаться без открытого разрыва с Фрейлигратом; литературное самолюбие растет у него все больше и больше, а Madame³ денно и нощно будет ему нашептывать, что господа Бета, Кинкель и К^о его, по крайней мере, расхваливают публично, в то время как от нас он даже privatim⁴ получает modicum⁵ признания и никогда не сможет рассчитывать на то, что мы «его прославим, сделаем популярным». А между тем Фрейлиграт слишком хорошо знает, что если Кинкель и компания могут быть ему полезны в мирное время, то в военное он без нас ничто и никогда не должен поэтому составлять блок против нас, так как при этом рискует иметь всяческие неприят-

¹ — Чтобы там ни было. *Ред.*

² — если только возможно. *Ред.*

³ — мадам. *Ред.*

⁴ — частным образом. *Ред.*

⁵ — небольшую часть. *Ред.*

ности. Я полагаю, он побоится зайти слишком далеко, и, в конце концов, все будет зависеть от нашего долготерпения.

Твое заявление в «Augsb. Allg. Zeitung» поставит господина Блинда в отвратительное положение. Как он без позора выпутается из этого ложного положения, я не знаю.

Твоя жена должна, конечно, сильно страдать от всей этой подлости. Но ничего, и эта грязь пройдет и, я надеюсь, скоро. Через несколько недель господин Фрейлиграт будет снова отброшен в сторону и предоставлен своим собственным сплетням.

Ф. Энгельс — К. Марксу 28 ноября
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 463—464.

28

Дорогой Энгельс!

Статью получил. Надеюсь, что здоровье твое поправляется. Об истории Фрейлиграта — в конце письма. Ты, надеюсь, просматривал номер «Hermann'a», вышедший неделю тому назад, в котором эта люмпен-пролетарская банда мерзавцев, сгруппировавшаяся вокруг Готфрида Кинкеля на предпоследнем заседании шиллеровского комитета, сама себя описывает. Автором статьи является почтенный Бета.

.

Выждав целую неделю, филистер написал следующее письмо.

Дорогой Маркс!

Твое письмо от 23 сего месяца (ноябрь) и письмо Либкнехта от того же дня получил и для упрощения отвечаю тебе сразу на оба.

Что касается письма Либкнехта, то меня несколько не поразили ни надменность и заносчивость тона, ни содержание, словом — вся эта неудавшаяся попытка повернуть копые острием в другую сторону! Как это хорошо выходит! Лондонский корреспондент «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]» может ad libitum¹, даже предварительно не оповещая меня об этом, предоставлять мое имя в распоряжение господина Кольба, а когда я протестую против такого злоупотребления, то я же должен еще приносить повинную! Аргументация Либкнехта в защиту этой ясной доктрины является до того ребяческой, что не требует серьезного возражения с моей стороны. Я просто в связи с этим заявляю, что ни при каких обстоятельствах и ни из каких соображений, личных или партийных, такого своеволия не допущу.

Ну, вот и все о Либкнехте и для него!

Перейдем к твоему письму.

Твой протест против встречающегося в моем письме к Либкнехту (от

¹ — свободно. *Ред.*

21 ноября) выражения «признал» охотно принимаю. Я выражениям никакого значения не придаю. Под этим не скрывалось никаких особых намерений, и я с таким же успехом мог сказать «заметил» или «высказался». Следовательно, это «признал» без возражений *признаю неудачным*. Если уже с самого начала у нас было на этот счет единомыслие — тем лучше! (— Этот плут не замечает, что он этим признает за мной *мой* собственный взгляд на Фогта и на Блинда!)

Что касается твоего выступления против Беты, то здесь, разумеется, ты должен поступать по собственному усмотрению, хотя мне кажется, что твой первый импульс — игнорировать все это дело — лучший и наиболее достойный тебя! Как бы там ни было, срок для обдумывания — дважды двадцать четыре часа — более чем истек, и я полагаю, что ты уже принял то или иное решение. Каково это решение — мне совершенно безразлично!

Приходится благодарить тебя за то, что ты, «как подобает между друзьями», счел необходимым предупредить меня заранее о твоём выступлении против Беты. Впрочем, насколько я понимаю, твоё заявление должно быть направлено против *Беты*, а не против *меня*, и потому едва ли требовало такого предварительного оповещения.

Во всяком случае, *en revanche*¹ считаю нужным тебе сообщить, что и я, по всей вероятности, опубликую разъяснение, в котором запрещу раз навсегда впутывать мое имя в фогтовское дело.

Твой Ф. Фрейлиграт

На это письмо, разукрашенное таким количеством !! и, очевидно, «злое», я *under circumstances*², естественно, мог ответить только *in a very moderate tone*³. Я тотчас же и написал:

Дорогой Фрейлиграт!

Я не секретарь Либкнехта и не его *attorney*⁴. Но, тем не менее, копию относящейся к нему части письма я ему доставлю.

От предполагаемого объяснения отказался, памятуя «*Odi profanum vulgus et arceo*»⁵.

Объяснение, действительно, предполагалось *против* Беты, но именно потому, как ты можешь вывести из *sumptu*⁶, неизбежно коснулось бы и тебя. Уже по этому одному я и оповестил тебя об этом, не говоря уже о том, что семьи твоя и Беты фигурируют в этом *opusculum*⁷ в интимнейшей связи.

Тебе не нравится, что твое имя припутывается к делу Фогта. Черт с ним, с Фогтом, и с его подлой ложью в бильском «*Handelskurier*», но я не желаю предоставлять свое имя в качестве маски для демократических олухов. Если кто-либо вынужден вызывать свидетелей, то ты отлично знаешь,

¹ — в ответ. *Ред.*

² — при данных обстоятельствах. *Ред.*

³ — в очень умеренном тоне. *Ред.*

⁴ — поверенный. *Ред.*

⁵ — Ненавижу простой народ и презираю его, *Ред.*

⁶ — общего. *Ред.*

⁷ — деле. *Ред.*

что никто из свидетелей не имеет права «запрещать» это. По старому английскому обычному праву *testive witnesses*¹ — *horrible dictu*² — могли быть приговорены даже к смерти.

Ну, а что до партийных интересов, то я уже привык, что в прессе меня одного обливают грязью за всю партию, и к тому, что моим личным интересам вредят партийные. А с другой стороны, я также привык не рассчитывать на чье-либо внимание по отношению ко мне.

Привет.

Твой К. М.

На это Фрейлиграт решительно ничего не ответил, и я *exactly*³ не знаю, в каких мы теперь отношениях.

Привет Лупусу.

Твой К. М.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 декабря
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 465—467.

29

Дорогой Фрейлиграт!

Я не состою ни письмоводителем, ни адвокатом Либкнехта. Тем не менее, я передам ему копию относящихся к нему выдержек из твоего письма. Заявление, которое я собирался было сделать, я не опубликую, памятуя: *odi profanum vulgus et arceo* [ненавижу и избегаю невежественную чернь *].

Заявление было направлено *против* Беты, но именно поэтому, как ты мог видеть по контексту, *касалось* тебя. По одному этому я считал нужным тебя предупредить, не говоря уже о той интимности, с какой твоя фамилия и фамилия Беты сопоставляются в его произведении.

Тебе неприятно, что твое имя впутали в фогтовскую историю. Мне дела нет до Фогта и до его гнусной лжи в бильском «*Handelskurier*» *, но я не желаю, чтобы мое имя служило маской для демократических хитрецов. Ты же знаешь, что если кто-либо принужден ссылаться на свидетелей, то никто не может «запретить» называть себя в качестве такового. По старым английским правовым обычаям, уклоняющиеся от дачи свидетельских показаний могут быть даже — страшно вымолвить — преданы смерти.

Наконец, что касается партийных соображений, то я привык к тому, что пресса забрасывает меня грязью за всю партию и

¹ — неявившиеся свидетели. *Ред.*

² — страшно сказать. *Ред.*

³ — точно. *Ред.*

что мои частные интересы постоянно страдают из-за интересов партийных; с другой стороны, я не привык также рассчитывать на то, чтобы считались с моими личными интересами.

Привет.

Твой К. М.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту [конец ноября 1859 г.],
Сочинения, т. XXV, стр. 279.

30

На всю фрейлигратовщину я искренним образом зол. С этим беллетристическим сбродом все та же старая песня: всегда им хочется, чтобы им курили фимиам в газетах, чтобы вечно о них твердили публике, и какой-нибудь дрянной, сфабрикованный ими стишок для них важнее самого большого мирового события.

А так как все это без интриганской организации не проведешь, то вполне естественно, что таковая становится насущнейшей потребностью, а ведь мы, несчастные коммунисты, к сожалению, для этого совершенно непригодны, — более того: мы видим насквозь все это жульничество, вышучиваем эти организации, du succès¹, и у нас самих почти преступное отвращение к популярности. И если такому поэту именно поэтому не по себе в такой партии, то это только служит доказательством его большой ограниченности, ибо здесь он и не встретит абсолютно никакой конкуренции, которая ему обеспечена в других местах; и он показывает еще большую ограниченность, когда бросается туда, где кинкелевская конкуренция уже наперед противопоставлена ему. Mais, que voulez vous². Поэту для существования нужен фимиам, много фимиама, — а его жене нужно еще больше конкуренции или вовсе никакой. Жена поэта только и бредит о том, кто ежедневно будет преподносить публике ее благородного Фердинанда, ее самое, ее интересных отпрысков, кошек, собак, кроликов, канарейку и других насекомых, вдобавок — в свете бенгальского огня сентиментальности и романтической лжи. А что захочет жена поэта, то непременно захочет и господин поэт, тем более что мадам говорит его душе из глубины своей души. «Volk», indeed!³ Вот «Gartenlaube» — газетка совсем иного сорта, а грыз-

¹ — основанные на успехе. *Ред.*

² — Но что поделаешь. *Ред.*

³ — конечно! *Ред.*

ленький Бетцих — совсем не то, что коммунисты. В «Gartenlaube» на нас смотрят как на семью поэтов, каждую неделю упоминают о нас, и хромой Бетцих не пропускает случая, чтобы не подпустить нам комплиментик или рекламу. Правда, Кинкель за свою поэзию, которая гораздо хуже нашей, удостоивается больших похвал, чем мы, о нем больше рассказывается анекдотов, но ведь он — brother¹ Бетциху. — Ничего, со временем все наладится. Ну вот еще шиллеровское торжество! Ведь коммунисты презирают и высмеивают Шиллера; как же можно устраивать с ними шиллеровское торжество? Но ведь шиллеровское торжество важнее всей прочей мировой истории! И для чего было родиться 100 лет тому назад Шиллеру, как не для того, чтобы теперь о нем сложили кантату? А к этому надо прибавить, что благородный Фрейлиграт со всей своей поэзией уже много лет почти молчит, а то немногое, что ему еще удастся выжать из своей черепной коробки, позорно плохо. Приходится прибегать к dodges² полных собраний сочинений и проч., а ведь это тоже не каждый день устраивается. Итак, чтобы не быть окончательно забытым, реклама становится с каждым днем все более насущной потребностью. In fact³, кто говорил о Фрейлиграте с 1849 по 1858 год? Никто. Лишь Бетцих вновь открыл этого классика, который до того захирел, что пускался в ход уже только в качестве рождественского и именинного подарка и фигурировал в истории литературы, а не в самой литературе. И в этом виноват, конечно, не кто иной, как Карл Маркс со своим «нападением». Но как только Ф. Ф[рейлиграт] будет согрет фимиамом «Gartenlaube», — увидите, какой он сразу забрызжет поэзией!

И что за мелочная, гнусная и мизерабельная возня с этим поэтом! Хвалю Зибеля: в корне он плохой поэт, но сам отлично знает, что он насковзь краснойбай, и требует только одного — чтобы его допустили к рекламному ремеслу, как к необходимейшему сегодня prosécédé⁴, ибо без этого он был бы ничем.

Главное — не принимайте близко к сердцу всю эту шумиху. «Характер» Фрейлиграта обнаружит такие пороки, что его вовремя можно будет осадить. Но пока, по возможности, без разрыва.

[Ф. Энгельс — госпоже Маркс] 22 декабря 1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 470—472.

¹ — брат. *Ред.*
² — затеям. *Ред.*
³ — Действительно. *Ред.*
⁴ — приему. *Ред.*

31

Дорогой Маркс!

Посылаю тебе, под бандеролью, один экземпляр приложения к № 349 прошлогодней «Kölnische Zeitung». Вильгельм-Иосиф Рейфф, как я выяснил, который там привлечен к суду за «распутство», одно и то же лицо с присутствующим здесь и висящим у партии на шее Рейффом, привлеченным по кельнскому процессу коммунистов.

Я сегодня написал Рейффу (по адресу Либкнехта, так как не знаю, где его можно найти), что дальше я не намерен им больше заниматься, — что запрещаю ему впредь ссылаться на меня, а также меня посещать!

Этим я сделал все, что должен был сделать в моих к нему отношениях. Какую позицию займет партия по отношению к этой грязи, это ее дело. Теперь я тебе сообщаю только факт.

Твой Ф. Фрейлиграт

Этого «Рейффа» я в своем доме никогда не принимал, потому что субъект казался мне подозрительным, даже более чем подозрительным, благодаря своему поведению в процессе коммунистов. Наоборот, жирный стихоплет взял его под свое покровительство и навязал на шею Либкнехту. С тех пор парень живет на средства Либкнехта, Лапландца, Лассалья, Шредера и других бедняков и даже заставлял делать сборы в свою пользу в Рабочем союзе.

Вышеприведенное письмо Ф[рейлиграта], это — все, что я получил от этого тевтона со времени великого отступления. И как смешно это письмо в то же время. Какой гротеск величия, под которым прячется запачканная совесть пуделя. Фрейлиграту кажется, что восклицательные знаки усиливают прозу. «Партия» должна занять «позицию» по отношению к чему? К «распутству» Вильгельма-Иосифа Рейффа, к «этой грязи», по выражению друга Беты. Что за наглость!

Впрочем, en passant¹, «Союз немецких мужей», основанный каким-то подозрительным наборщиком по имени Цинн, избрал своими «почетными членами» принца Альберта, Готфрида Кинкеля, К. Блинда и Ф. Фрейлиграта. Херуск, разумеется, принял этот диплом.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 11 января
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 473—474.

32

С Фрейлигратом я виделся минутку. Я обратился к нему весьма торжественно (если у него есть еще хоть искорка чести, он должен выступить с заявлением против Фогта), и весь наш разговор свелся к следующему: «Я: Я пришел по-

¹ — между прочим. *Ред.*

просить тебя одолжить мне памфлет об «Augsb. Allg. Zeitung», который я тщетно искал во всех книжных магазинах и который, конечно, тебе послал твой друг Фогт. Ф[рейлиграт] (весьма мелодраматически): Фогт мне не друг. Я: Лассаль пишет мне, что я должен ответить сейчас же. У тебя, стало быть, нет памфлета? Ф[рейлиграт]: Нет. Я: Прощай». (Он протягивает мне честную руку, и следует вестфальское рукопожатие.) Voilà tout¹.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 31 января
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 482.

33

Дорогой Фрейлиграт!

В качестве твоего старого товарища по партии и старого личного друга я считаю своим долгом сообщить тебе о шагах, которые я предпринял в интересах берлинского процесса и которые скоро — но не сейчас — должны стать известны публике.

Ты, вероятно, помнишь или, во всяком случае, знаешь из посланного тебе печатного английского циркуляра, что в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и т. д. Блинд ссылался не только на показание Холлингера, но и на письменное заявление наборщика *Ви*, как на доказательство того, что я сказал «сущую неправду», что «ложью было мое предположение», будто он, Блинд, является автором памфлета «Предостережение» и будто последний напечатан для него Холлингером и вообще вышел из типографии Холлингера. Сообщаю тебе *дословный текст* клятвенного заявления этого *Ви* перед судьей на Bowstreet. Я получил *официально* заверенную копию этого заявления. Другая копия уже отправлена в Берлин для прокуратуры.

Считаю излишним хоть *одним словом комментировать* этот документ.

Прошу тебя *никому* пока не показывать копию Affidavit². Какие последствия повлекут за собой эти показания, если дело будет передано здесь, в Англии, в *Уголовный суд*, для тебя, конечно, ясно³.

Твой К. М.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 8 февраля 1860 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 283—284.

¹ — Вот и все. *Ред.*

² Заявление перед судьей, заменяющее показание под присягой. *Ред.*

³ В рукописи последний абзац письма стоит после копии Affidavit. *Ред.*

34

Подлее всех ведет себя толстобрюхий филистер Фрейлиграт. Я послал ему циркуляр — он даже не удосужился подтвердить его получение. Неужели эта скотина не понимает, что стоит мне захотеть — и я втащу его по уши в зловонное болото? Разве он забыл, что в моем распоряжении более 100 писем от него? Или он воображает, что я его не вижу только потому, что он ко мне поворачивается задом? Вчера послал филистеру также приводимый ниже пластырь *on the express condition*¹ *никому* не говорить об этом ни единого слова, даже своему другу — тайному демократу Блинду. Это его заденет, и скоро ему станет тошно от чрезмерной близости *уголовно преследуемого друга*, с которым он *вместе* публично фигурировал в «A[jugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]» (об этом я ему напомнил в последнем письме *en passant*²). За исключением Фрейлиграта, весь мир в этом кризисе ведет себя по отношению ко мне прилично, даже посторонние люди.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 9 февраля
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 492—493.

35

Дорогой Фрейлиграт!

Пишу тебе еще раз, притом в последний раз, по делу Фогта. Ты даже не подтвердил получения моих первых двух писем, что ты сделал бы по отношению к любому филистеру. Я не могу понять, как мог ты вообразить, будто я хочу добиться от тебя письма с целью его опубликования. Тебе известно, что у меня есть не менее двух сотен твоих писем, в которых достаточно материала, чтобы — в случае надобности — установить твоё отношение ко мне и к партии. Я пишу тебе это письмо потому, что ты, как поэт, да к тому же еще и очень занятой человек, ошибаешься, по-видимому, относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для *исторического оправдания* партии и для ее будущего положения в Германии; значение берлинского процесса увеличивается еще тем, что одновременно с ним будет разбираться процесс Эйхгофа — Штибера*.

¹ — с определенным условием. *Ред.*

² — между прочим. *Ред.*

12 Маркс и Энгельс об искусстве

в центре внимания которого будет кельнский процесс коммунистов.

Претензии, которые ты можешь иметь ко мне:

1) Я злоупотребил твоим именем (как ты сказал Фаухеру).

2) Я устроил тебе в твоей конторе нечто вроде «сцены».

К п. 1. Я сам *никогда* не называл твоего имени, если не считать того, что в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» я заявил, что Блинд рассказал тебе приблизительно то же самое, что и мне. *Это факт.* Я с самого начала сознавал, как важно указать на *истинное происхождение* памфлета, и я имел *право* сослаться на свидетеля, слышавшего слова Блинда.

Что касается письма *Либкнехта* в редакцию аугсбургской «Allgemeine Zeitung», в котором он ссылается на тебя и на меня (по поводу Блинда), то в случае надобности он *клятвенно* подтвердит, что сделал это *без моего ведома*; точно так же *без моего ведома во время моего пребывания в Манчестере* он послал в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» памфлет «Предостережение». Когда аугсбургская «Allgemeine Zeitung», привлеченная Фогтом к ответственности, обратилась к Либкнехту, он еще сомневался, не воспользуюсь ли я возможностью дезавуировать его, и даже удивился, когда я сразу же заявил ему, что всемерно буду ему помогать.

В *адресованном тебе письме* я встал на его защиту, возражая против твоего письма к нему, просто потому, что мне показалось невеликодушным с твоей стороны, со стороны человека с именем и общественным положением, обрушиваться в такой резкой форме на безвестного и ютящегося в мансарде члена партии, с которым ты был до того в самых хороших отношениях.

А что касается раздраженного тона моего письма, то это объяснялось различными обстоятельствами.

Прежде всего меня глубоко задело, что ты, по-видимому, веришь Блинду больше, чем мне.

Во-вторых, из твоего письма ко мне по поводу «Morning Advertiser» (в связи со статьей о шиллеровских торжествах), письма, написанного в весьма раздраженном тоне, как будто вытекало, что ты считаешь меня способным на такую гнусность, чтобы я не только тайком втиснул в статью Блинда оскорбительное для тебя место, но изобразил это затем тебе как выходку Блинда. Право, не знаю, чем мог я заслужить такое позорное для меня подозрение.

В-третьих, мое личное письмо к тебе ты показал Блинду. Наконец, я вправе был ожидать, в особенности после статьи в «Gartenlaube», что ты к своему заявлению в аугсбургскую

«Allgemeine Zeitung» добавишь хотя бы одно замечание, которое рассеяло бы видимость того, что это заявление знаменует лично разрыв со мной и публичное отречение от партии. Не могло меня радовать и то, что твое второе заявление появилось вместе с заявлением Блинда и что твое имя служило прикрытием его лживым утверждениям и искажениям. Как бы то ни было, даю тебе *честное слово*, что *все* заявления Либкнехта в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» до их появления в газете были мне *совершенно неизвестны*.

К п. 2. Как раз в тот день, когда я заходил в твою контору, я получил из Берлина оба номера «Nationalzeitung» (в первом из них были напечатаны гнусные выдержки и комментарии, которые появились впоследствии в «Telegraph»). Дома все были крайне возбуждены, и состояние моей бедной жены было поистине ужасно. В то же время я получил из Германии письмо, в котором мне сообщали, что кроме твоих заявлений в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» есть еще твое письмо в гнусной книге Фогта. Из этого письма видны твои близкие отношения с Фогтом и выясняется, что твое имя — это единственное значительное имя, на котором Фогт наживает политический капитал и которое придает его гнусностям вес в глазах публики. Представь себя в моем положении и спроси себя, не потерял ли бы и ты в этот момент самообладание?

Повторяю еще раз: в письме этом речь идет не о *частных интересах*. В лондонском процессе я могу без твоего разрешения добиться обязательного вызова тебя в суд в качестве свидетеля. Для берлинского процесса я имею в своем распоряжении твои письма, которые в случае надобности могу приобщить к делу. В этом деле я отнюдь не одинок. Постыдное нападение Фогта создало мне во всех странах — Бельгии, Швейцарии, Франции и Англии — неожиданных союзников, даже в лице людей, принадлежащих к совершенно иным направлениям.

Но в наших общих интересах и в интересах самого дела лучше действовать согласованно.

С другой стороны, откровенно признаюсь, что я не могу решиться из-за незначительных недоразумений потерять одного из тех немногих людей, кого я любил как *друга* в подлинном смысле этого слова.

Если я чем-либо перед тобой виноват, то я в любое время готов признаться в своей ошибке. *Nihil humanum a me alienum puto* [Ничто человеческое мне не чуждо].

Я вполне понимаю, конечно, что в твоём теперешнем положении всякая история вроде этой должна быть тебе крайне неприятна.

Но ты, со своей стороны, не можешь не согласиться с тем, что оставить тебя совсем в стороне от этого дела *невозможно*.

Во-первых, потому уже, что Фогт наживает на твоём имени политический капитал и делает вид, что он, с твоего одобрения, забрасывает грязью всю партию, которая гордится тем, что считает тебя в своих рядах.

К тому же, случайно, ты являешься *единственным из членов* бывшего кельнского Центрального комитета, который жил с конца 1849 г. до весны 1851 г. в Кельне, а с тех пор находится все время в Лондоне.

Если мы оба сознаем, что мы, каждый по-своему, отбрасывая всякого рода личные интересы и исходя из самых чистых побуждений, в течение долгих лет несли знамя «класса, наиболее обремененного трудом и нуждой», подняв его на недосягаемую для филистеров высоту, то я счел бы за недостойное прегрешение против истории, если бы мы разошлись из-за пустяков, которые все в конце концов сводятся к недоразумениям.

С искреннейшей дружбой

твой Карл Маркс

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 23 февраля 1860 г.¹
Сочинения, т. XXV, стр. 295—298.

36

Дорогой Фрейлиграт!

Мне было очень приятно получить твоё письмо, так как я вступаю в дружбу лишь с очень немногими, но зато дорожу ею. Люди, бывшие моими друзьями в 1844 г., остались ими и поныне. Что же касается собственно официальной части твоего письма, то она основана на крупных недоразумениях. Поэтому скажу в пояснение следующее:

1. Процесс Эйхгофа — Штибера.

«Материал», который я доставил Юху* (при этом я ему заявил, что ни он, ни Эйхгоф не заслуживают моей поддержки по двум причинам: *во-первых*, из-за той манеры, в какой они писали в «Негманн'е» о кельнском процессе; *во-вторых*, потому, что я убежден, что Эйхгоф является простым орудием в руках

¹ У Маркса ошибочно — 1850 г. *Ред.*

бывшего полицейского чиновника Дункера, который хочет отомстить Штиберу совершенно так же, как некогда в Париже Видок отомстил Жискэ; но что я, тем не менее, сделаю все возможное, чтобы содействовать падению и наказанию Штибера, хотя бы для того, чтобы отомстить за смерть моего друга д-ра Даниэльса), — этот «материал» сводится к следующему:

Я дал Юху экземпляр «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» — заметь, моего печатного произведения, изданного сначала в Швейцарии, а затем в Бостоне и цитируемого Фогтом в качестве общеизвестной книги, а совсем не в качестве чего-то секретного.

Я сказал Юху, что в книге этой заключается все, что я знаю.

Наконец, я указал ему на то, что Левальду (защитник Эйхгофа) следует вызвать в качестве свидетеля находящегося в Гамбурге Гирша. Это было сделано. Гирш показал под присягой, что «Книга протоколов» * была *прусским изделием* и никоим образом не могла служить основанием для *судебного* преследования.

Итак, «разоблачения», которые будут сделаны на этом процессе на основании моих «материалов», *снимают* с бывших членов «Союза» даже кажущуюся видимость юридической *виновности и «разоблачают»* прусскую *полицейскую систему*, которая, раз установившись в результате «кельнского процесса» и гнусной трусости кельнских присяжных, выросла в Пруссии в господствующую силу, ставшую теперь, наконец, невыносимой даже для самих буржуа и для министерства Ауэрсвальда. Вот и все.

К тому же меня просто *удивляет*, что тебе пришла в голову мысль, будто я могу предоставить что-либо к услугам полиции. Вспомни небезызвестные тебе письма из Кельна (1849 и 1850 г.), в которых меня *прямо* уищескали в том, что я дал заглухнуть агитационной деятельности «Союза» (я это сделал тогда, имея на то веские причины, и уж, конечно, не из личных соображений).

2. Мой процесс против «Nationalzeitung».

Прежде всего замечу, что с тех пор, как в ноябре 1852 г., по *моему предложению*, «Союз» был распущен, я *никогда* не принадлежал и не принадлежу ни к какому *тайному* или *открытому* обществу, и, следовательно, *партия* в этом совершенно эфемерном смысле слова вот уже восемь лет как перестала для меня существовать. Лекции по политической экономии, которые я читал после выхода моей работы (с осени 1859 г.) некоторым избранным рабочим, в том числе и *бывшим*

членам «Союза», не имели ничего общего с замкнутым обществом, даже меньше, например, чем доклады г. Герстенберга в шиллеровском комитете.

Ты помнишь, что я получил от руководителей довольно разветвленного Нью-Йоркского коммунистического союза (в числе их был и Альбрехт Комп, директор Генерального банка, 44 Exchange Place, Нью-Йорк) прошедшее через твои руки письмо, в котором меня, в сущности, просили реорганизовать старый «Союз». Прошел целый год, прежде чем я ответил, а затем я написал, что с 1852 г. я не связан *ни с какими* объединениями и что я глубоко убежден в том, что мои теоретические работы приносят больше пользы рабочему классу, чем участие в объединениях, время которых на континенте миновало. После этого в лондонской «Neue Zeit» г. Шерцера не раз помещались резкие нападки на меня за эту «бездеятельность»; хотя мое имя и не упоминалось, но было совершенно ясно, о ком идет речь.

Когда Леви приехал (в первый раз) из Дюссельдорфа — он и тебя тогда часто посещал, — он вздумал даже соблазнить меня восстанием фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и пр. Я резко высказался против такого бесполезного и опасного *безумства*. Кроме того, я ему заявил, что не принадлежу больше ни к какому «Союзу» и ни в коем случае *не могу* вступать в такого рода объединения, хотя бы уже потому, что подобные связи опасны для живущих в Германии. Леви вернулся в Д[юссельдорф] и, как мне вскоре оттуда написали, высказывался там с большой похвалой о тебе, всячески обличая в то же время мое «доктринерское» безразличие.

Итак, о «партии», в том смысле, в каком ты о ней пишешь *, я *ничего* не знаю, начиная с 1852 г. Если ты — *поэт*, то я — *критик*, и, право, с меня хватит опытов, проделанных с 1849 по 1852 год. «Союз», так же как и «Общество времен года» в Париже, как сотни других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества.

В Берлине мне нужно доказать две вещи (я имею в виду старую и уже устаревшую историю с «Союзом»):

Во-первых, что с 1852 г. не существует общества, членом которого я бы состоял.

Затем, что г. Фогт — *гнуснейший клеветник*, поскольку он забрасывает существовавшее до 1852 г. общество коммунистов худшей грязью, чем забрасывал это общество Теллеринг.

Последнее *ты*, несомненно, сам можешь подтвердить, и твое *письмо к Руге* (написанное летом 1851 г.) служит доказательством того, что в течение периода, *о котором здесь только и идет речь*, ты рассматривал подобного рода нападки как направленные и против тебя лично.

Заявления в «Morning Advertiser», «Spectator», «Examiner», «Leader», «People's Paper» были подписаны и тобою. *Одна из копий этих заявлений находится среди судебных материалов кельнского процесса.*

К тому же ты не сделал никаких возражений, когда об этом было вновь упомянуто в моих «разоблачениях» (стр. 47 *бостонского издания*)¹.

Ты фигурировал также в качестве казначея в наших печатных воззваниях по сбору пожертвований в пользу осужденных.

Впрочем, едва ли нужно напоминать об этом.

Но *совершенно необходимо*, чтобы мой берлинский адвокат имел в руках следующее *мое письмо Энгельсу*, которое служит *официальным* документом, так как было *послано без конверта* и на нем имеются *оба почтовых штемпеля* — Лондона и Манчестера:

Лондон, 19 ноября 1852 г.

Дорогой Энгельс! В прошлую среду «Союз», по моему предложению, *распустил себя*, а также *объявил несвоевременным* дальнейшее существование «Союза» на континенте. Впрочем, на континенте он фактически уже не существует со времени ареста Бюргера и Резера. Прилагаю *заявление* для английских газет и т. д. Кроме того, я пишу литографированную корреспонденцию (вместо нее я выпустил впоследствии у Шабелица брошюру) с подробным изложением *полицейских безобразий* и пр., а для Америки — воззвание о пожертвованиях в пользу арестованных и их семейств. Казначей — Фрейлиграт. Подписано всеми нашими товарищами. (Остальные несколько строк не имеют значения.)

Твой К. М.

В подобном документе я, разумеется, не могу вычеркнуть *ни одного имени*. Это единственный случай, когда я пользуюсь твоим именем с целью *установления факта*, а именно факта *ропуска «Союза»*, поскольку твое имя случайно встречается в *моем письме от 1852 г.* Я не вижу в этом ничего для тебя компрометирующего.

Одно твое письмо, написанное в 1851 г., я хотел бы использовать для брошюры, которая выйдет *после процесса*. В нем

¹ См. Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 536. *Ред.*

нет абсолютно *ничего* компрометирующего в юридическом смысле. Но так как это продлится еще много недель, то я переговорю с тобой по этому поводу лично.

Из вышесказанного следует:

«Собрания, постановления и выступления партии» после 1852 г. — все это фантазия, о чем ты, впрочем, мог бы знать и без моих уверений и, судя по твоим весьма многочисленным письмам ко мне, по-видимому, знал.

Единственная деятельность, которую я вместе с несколькими *единомышленниками* по ту сторону океана продолжал и после 1852 г., пока это было нужно, т. е. до конца 1853 г., — была «система презрительных насмешек», как окрестил ее г. Людвиг Симон в 1851 г. в «Tribune», «насмешек» над *демократическим эмигрантским жульничеством и игрой в революцию*. Твое стихотворение против Кинкеля, так же как и твоя переписка со мной в течение этого времени, доказывают, что ты был в этом со мной вполне солидарен.

Впрочем, это не имеет никакого отношения к предстоящим процессам.

Теллеринг, *Бандя*, Флери и др. *никогда* не принадлежали к «Союзу». Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что время от времени кто-нибудь оказывается забрызганным грязью, это — несомненно. Или — или. Однако если принять во внимание огромные усилия всего официального мира в борьбе против нас, официального мира, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прошел через всю уголовщину; если принять во внимание грязную клевету «демократии глупости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если известна история всех остальных партий *того же периода*; если, наконец, спросить себя, какие же факты (а не *гносности* какого-нибудь Фогта и Теллеринга, *которые можно опровергнуть перед судом*) могут быть выдвинуты против всей партии, — то приходишь к заключению, что в этом XIX столетии наша партия выделяется своей *чистоплотностью* *.

Разве в обиходе и деловых отношениях буржуазного общества возможно избежать грязи? Как раз там ее естественное место. Пример — сэр Р. Карден (см. парламентскую «Синюю книгу» о подкупах на выборах); пример — г. *Клапка*, о личности которого я теперь получил самые точные сведения. Клапка ни на йоту не лучше, пожалуй, даже хуже, чем *Бандя*, которому, впрочем, он и Кошут, несмотря на его чер-

кесские подвиги и на *мои* публичные разоблачения, *до сих пор* в Константинополе оказывают протекцию только потому, что он *слишком близко* заглянул им в карты. В личном отношении Бандя был приличнее, чем Клапка. Он содержал любовницу; Клапка же *долгие годы* сам жил на содержании у своей любовницы и т. д. Пусть чистота Беты уравнивает грязь Теллеринга, и пусть даже распутство Рейффа находит свой эквивалент в целомудрии Паулы, которая, во всяком случае, не была членом партии, да и не выдавала себя за него.

Респектабельную подлость или подлую респектабельность платежеспособной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грош выше нереспектабельной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни Клуб якобинцев, ни наш покойный «Союз». Только в буржуазных взаимоотношениях привыкаешь к тому, что теряется чувствительность к респектабельной подлости или подлой респектабельности.

3. *Специальный вопрос о Фогте — Блинде.*

После Affidavit Фереле и Вие (ложные Affidavit, как известно, караются ссылкой) и после вынужденных благодаря этим показаниям объяснений Блинда в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и Шайбля в «Daily Telegraph» от 15 февраля дело настолько *выяснилось*, что твое показание по этому вопросу стало *теперь* совершенно излишним.

В деле Блинда меня смущает только слишком большое обилие данных (embarras de richesses).

По этому делу я обратился к Эрнесту Джонсу, с которым я уже два года не встречался из-за его глупого отношения к Брайту, Джильпину и пр., от чего он теперь *публично* отказался. Я обратился *к нему*, во-первых, потому, что он по собственному почину, — как и многие другие, в том числе совершенно неизвестные мне лица, — немедленно *по выходе* «[Daily] Telegraph» от 6 февраля выразил мне свое глубокое возмущение по поводу гнусности Фогта, который имеет наглость утверждать, что Союз коммунистов был основан — и действовал в этом направлении с 1849 по 1852 г. — с целью *вымогать деньги у скомпрометированных в Германии лиц, угрожая им доносом*, и, кроме того, на основании моего «родства» с фон Вестфаленом делает вывод о моей «близости» с «Neue Preussische Zeitung». (Я был рад заявлению Джонса из-за своей жены, так как от дам нельзя требовать, чтобы они были нечувствительны к поли-

тическим неприятностям и так как они обычно измеряют степень серьезности или несерьезности дружбы как раз по катастрофам.) *Во-вторых*, я обратился к нему потому, что я не хотел обращаться по поводу *весьма сомнительного в юридическом отношении дела* Блинда к *настоящему английскому адвокату* — не из-за самого Блинда, а из-за его жены и детей. По этим же соображениям я не послал *английского* циркуляра в «Morning Advertiser» и вообще ни в одну *английскую* газету, кроме «[Daily] Telegraph».

Джонс сказал мне следующее: «Ты можешь — в случае надобности я сам пойду с тобой в суд — на основании Affidavit Вие добиться немедленного приказа об аресте Блинда по обвинению его в «заговоре» против тебя. Однако имей в виду, что это — *уголовное преследование* и, коль скоро оно будет начато, приостановить его ты уже не сможешь».

Тогда я спросил Джонса (который может тебе все это подтвердить; адрес его 5, Cambridge Place, Kensington, W.), не может ли он предостеречь Блинда и, таким образом, заставить его рассказать все, что он знает о Фогте, и сознаться в ложности сделанных им в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» *показаний*.

Джонс ответил: «В случаях «заговора», ввиду их *уголовного* характера, всякая *попытка со стороны адвоката* содействовать улажению дела или компромиссу сама *уголовно наказуема*».

Джонс выступит в деле с «[Daily] Telegraph» в качестве моего адвоката.

После сказанного Джонсом я очутился в затруднительном положении, так как, с одной стороны, я обязан *перед своей семьей* заставить «[Daily] Telegraph» напечатать опровержение, а с другой стороны, я не хотел предпринимать никаких шагов, которые могли бы повредить *семье* Блинда в *юридическом* смысле. Я нашел выход, послав другу Блинда, Луи Блану, копию обоих Affidavit вместе с письмом, в котором написано, между прочим, буквально следующее:

«Я буду очень сожалеть, не ради самого г. Блинда, который вполне заслужил это, а ради его семьи, если я буду вынужден возбудить против него *уголовное преследование*».

Этот мой шаг привел к появлению заявления Шайбля (бедняжка!), точно так же, как мой печатный циркуляр, который я немедленно по его выходе послал Блинду, вызвал в *тот же день* публикацию в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» его заявления против Фогта. Блинд с его баденскими уловками позабыл,

что имеет дело с человеком, который бывает *беспощаден*, когда дело идет о его личной чести или о чести его партии.

Положение теперь таково: дело против «Daily Telegraph» возбуждено, но мой адвокат будет затягивать его, *пока не кончится* процесс против «Nationalzeitung». Если бы Шайбль открыто сообщил мне все, что он знает о Фогте (Шайбль, конечно, простое орудие в руках Блинда), то после его заявления от 15 февраля в «[Daily] Telegraph» мне было бы совершенно незачем передавать в лондонский суд эти Affidavit. В Берлине же, где это не может иметь никаких *судебных последствий* для Блинда, избежать этого, конечно, нельзя. Является ли Шайбль подлинным (в литературном смысле) автором «памфлета» или нет, — это не может изменить установленных на основании Affidavit фактов, что приведенные Блиндом в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» свидетельские показания ложны, что они добыты путем «заговора», что памфлет был набран в типографии Холлингера, написан рукой Блинда и передан им Холлингеру для печатания.

Все эти вещи, конечно, отвратительны, но не более отвратительны, чем вся история Европы, начиная с 1851 г., со всем ее развитием в области дипломатии, военного дела, литературы и кредита.

«Наперекор всему» мы всегда предпочитаем лозунг «Смерть филистерам!» лозунгу «Подчиняйся филистерам!»

Я открыто высказал тебе свой взгляд и надеюсь, что в основном ты его разделяешь. Кроме того, я постарался рассеять недоразумение, будто под «партией» я разумею «Союз», переставший существовать восемь лет тому назад, или редакцию газеты, прекратившую свое существование двенадцать лет тому назад. Под партией я понимал партию в великом историческом смысле.

Твой искренний друг

К. Маркс

P. S. Я только что получил письмо от жены, из которого следует, что было бы очень желательно, чтобы ты выдал мне в субботу (*послезавтра*) (не в пятницу, ибо я еще присчитываю четверговую статью) 16 ф. ст. за счет «Tribune». Мой «главный уполномоченный» нанесет свой визит, как обычно.

37

Фрейлиграт написал дружеское письмо. Я еще не ответил ему и не видал его.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 9 апреля
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 500.

38

Фрейлиграта еще не видал. Противно встречаться с этим субъектом, и все же придется отведать это блюдо, хотя бы из политических соображений после обоюдных заверений в дружбе. И написал он мне весьма *amiable*¹.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 16 апреля
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 502.

39

A propos². Как только Фрейлиграт узнал о болезни (не зная, разумеется, о какой) моей жены, он мне, разумеется, написал трогательное письмо. Но когда я ему послал «Господина Фогта», — разумеется (ты видишь, сколько у меня идей, когда слово «разумеется» трижды попадает в трех строках), с любезной надписью, — то в письме, в котором он должен был мне сообщить *something else*³, он забыл даже словом обмолвиться об этой брошюре, по крайней мере *to acknowledge*⁴ мне получение ее. Чтобы подчеркнуть это, он сделал в конце письма приписку «спешное». Мне кажется, различные части [книги] довели его до белого каления. Во-первых, за его «*indiscretion*»⁵ по поводу Фогта, но главным образом *Фази*. Он собирается весной переехать в Женеву. И вот вопрос: не станут ли ему поперек пути разоблачения всей фазиевской грязи? *

К. Маркс — Ф. Энгельсу 5 декабря
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 545.

¹ — по-дружески. *Ред.*

² — кстати. *Ред.*

³ — кое о чем. *Ред.*

⁴ — засвидетельствовать. *Ред.*

⁵ — нескромность. *Ред.*

Господин филистер Фрейлиграт, эта «простуженная вестфальская морда», написал мне вчера, между прочим, следующее:

«Твою книгу (отнюдь не *памфлет*) мне прислал Петч. Большое спасибо! Судя по тому, что я уже успел прочесть, она, как я и ожидал, полна *esprit*¹ и *malice*². Деталей такое обилие, что они несколько отягощают общее впечатление. Разреши мне не входить в существо вопроса. Еще и по сей день мне больно за весь этот диспут, и, как тогда, так и теперь, я стою от него в стороне». Что ты скажешь на две последние фразы? Свинья еще раньше ведь знал о лжи Фогта и о подлости Блинда, видит их теперь черным по белому и не хочет (к чему я его вовсе не приглашал) «входить в существо вопроса». И он стоит, «как тогда, так и теперь», «в стороне от этого «диспута»».

Мне что-то кажется, что он всего не прочел, а то бы он увидел, *где* он стоит. Секрет его интимности с Блиндом (с Фогтом-Фази его, понятно, связывает дело) мне теперь известен. А именно: во время шиллеровских торжеств Ф[рейлиграт] напечатал свое стихотворение в 20 000 экземплярах, которые обошлись в 40—60 ф. На этом он собирался сделать *дельце*. А продал *меньше сорока*. Так как спекуляция неожиданно провалилась, нужно было теперь «подсунуть» комитету эти расходы, как правильно выразился Петч. Ну, для этого Блинд оказался *servilist tool*³. Нинс⁴ контрлюбезность простуженной вестфальской морды.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 6 декабря
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 546.

Зибель был в Гамбурге и слышал там от литературных бездельников, что «Фрейлиграт порвал с Марксом». Ты видишь, как господин Кинкель и после смерти Мокель продолжает свои корреспондентские, рекламные и сплетнические дела.

Ф. Энгельс — К. Марксу [8 декабря
1860 г.].
Сочинения, т. XXII, стр. 547.

¹ — ума. *Ред.*

² — насмешки. *Ред.*

³ — покорным орудием. *Ред.*

⁴ — Отсюда. *Ред.*

О Фрейлиграте, который будет сегодня наслаждаться пластырем, наклепленным тобою на его простуженную морду, и о материальной подоплке их близости с Блиндом, если не ошибаюсь, я писал уже ранее.

Вот точно, как обстояло дело. Во время шиллеровских торжеств (1859) благородный поэт предложил дирекции Хрустального дворца небезызвестную тебе кантату *через своего агента Блинда*. Дирекция должна была уплатить ему hand cash¹ 40 ф. ст. за разрешение *напечатать* знаменитую кантату и за право продажи ее *в Хрустальном дворце* в день шиллеровского торжества. Право дальнейшего распространения меркантильный поэт оставил за собой. Дирекция вежливо поблагодарила за любезность и предложила господину Ф[рейлиграту] заняться самому продажей своей кантаты. Тогда благородный, по-видимому, уже за собственный счет, дал напечатать Гиришфельду 20 000 штук этой дряни. Издержки производства 40 ф.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 декабря
1860 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 55А.

Дорогой Фрейлиграт!

Я договорился с Энгельсом о том, что 30 фунтов стерлингов ты можешь получить в *любой момент*, а возмещение расходов — через 24 часа после получения уведомления. Обращение к портному становится поэтому излишним, и я прошу тебя сообщить Энгельсу, *когда* он должен выслать деньги.

Я буду вынужден отправиться в Голландию, иначе мне не продержаться при нынешнем кризисе. Будь добр, узнай у кого-нибудь из знакомых коммерсантов, как обстоит в Голландии дело с *паспортами*, — необходимо ли иметь паспорт? «Подлость» «Тribune» *, совпавшая с другими неприятностями, оказалась для меня тем более роковой, что она помешала мне выполнить дальнейшие предписания врача для лечения моей жены. Хотя я и не принадлежу к числу «немецких страдальцев» и всегда враждебно относился к этой категории, тем не менее я считаю, что свою долю горя я в изгнании хлебнул.

Кроме предложения от Лассалья, я получил из Германии еще два предложения публицистической работы. Но я полагаю —

¹ — на руки. *Ред.*

и ты, вероятно, разделяешь мой взгляд, — что буря еще недостаточно близка, чтобы уже теперь давать свое согласие на это.

Привет.

Твой К. М.

Ты можешь убедиться в том, что за хвостун этот старик Руге, если сравнишь энгельсовскую «Кампанию за имперскую конституцию» в «Revue» с тем, что тебе наврал Арнольд.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 7 февраля 1861 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 378—379.

44

Дорогой Фрейлиграт!

При сем с благодарностью «препровожаю» тебе 5 ф. ст. Прости, что запоздал на 5 дней. Вследствие скоропостижной неожиданной смерти моего зятя Р. Шмальгаузена мои родные в Трире были в таком подавленном состоянии, что задержали высылку мне денег.

Я провел несколько дней в Ливерпуле и Манчестере — этих центрах «хлопкокрапии» и рабовладельческого энтузиазма. В широких кругах буржуазии и аристократии этих городов можно наблюдать величайшее помрачение человеческого рас-судка, какое только знает новейшая история.

На днях я зайду к тебе на несколько минут в контору, так как должен поговорить с тобой об одном литературном деле.

На «слова верующего»¹ я на днях отвечу.

Привет твоей семье от всех нас.

Твой К. Маркс

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 15 декабря 1862 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 410.

45

Тот же Итциг* вообще собирает наши партийные экскременты, выделенные нами лет 20 тому назад, на своей фабрике тапиге², которыми он хочет унавозить мировую историю. Так, напр., он напечатал в «Nordstern» приветственное письмо «Гервега» (который уж, конечно, сохранил свою *платоническую*

¹ Подразумевается письмо Людвиг Кугельмана к Фрейлиграту от 28 ноября 1862 г. *Ред.*

² — удобрений. *Ред.*

приверженность к «принципу труда»). Эта «Nordstern» редактируется промотавшимся Бруном, которого Лассаль перекупил у Блинда. Так, Итциг назначил «Моисея Гесса» своим «наместником в Рейнской провинции» и т. д. И все еще никак не может отказаться от своей идеи — быть воспетым *Фрейлигратом*, хотя последний и не думает об этом. Он опять обратился по этому поводу через своего лейпцигского «наместника» к Фрейлиграту, указывая ему на добрый пример Г. Гервега. Если бы он знал, как мы с Фрейлигратом смеялись над этим новым покушением!

O Itzig, Itzig! was hast du gedenkt,
Dass du dich an den Hervegh und den Moses Hess gehenkt!

К. Маркс — Ф. Энгельсу 15 августа
1863 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 161—162.

46

Дорогой Фрейлиграт!

Твое письмо я получил только сегодня, так как жена моя отправила его в Трир, а сестра переслала его из Трира сюда. Я покинул Лондон на второй день (в понедельник) после того, как ты был у меня. Иначе мне пришлось бы ездить в Сити, чтобы достать доверенности для душеприказчиков, а при тогдашнем моем состоянии это было тягостнее, чем морское путешествие.

«Д-р Либкнехт» уже около года живет в *Берлине*. Адрес его — 13, *Neuenburger Strasse*. Я ничего не знаю о всей этой истории*. Одно только удивляет меня со стороны издателя: он все время выплачивал Вильгельму Либкнехту гонорар за аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», пока тот был ее корреспондентом, — так что он всегда мог вычесть то, что Либкнехт был ему должен.

Во всяком случае, со стороны Либкнехта было непростительно злоупотреблять твоим именем. Но по отношению к издателю ты не несешь никакой ответственности, так как Вильямс сам мог добиться уплаты.

Наилучшие пожелания.

Твой К. М.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 23 декабря 1863 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 414.

* — О Итциг, Итциг, что ты себе воображал, когда связался с Гервегом и Моисеем Гессом. *Ред.*

47

Дорогой Фрейлиграт!

Сегодня (только что) получил письмо с адресом, написанным, как мне кажется, твоей рукой. Если это так, то я хотел бы знать, *как* это письмо попало к тебе? Оно от негодяя Брасса (из Берлина), имеющего наглость поручить мне пересылку какой-то ерундовской записки Бискампу. Я уже несколько лет тому назад потерял из виду мерзавца Бискампа и потому недоумеваю, как мне теперь отделаться от этой ерунды, так как местопребывание этого субъекта мне неизвестно.

Пишу тебе лежа в постели; я вынужден пролежать несколько дней из-за очень опасного карбункула. Проклятая болезнь то и дело возобновляется.

Если до 15-го (включительно) я не смогу, как я надеюсь, сам отправиться в Сити, где у меня есть еще и другие дела, то 15-го с. м. я пришлю к тебе Ленхен, чтобы с благодарностью вернуть тебе 30 ф. ст.

Привет.

Твой К. М.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 12 июля 1864 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 417—418.

48

[Черновик]

Дорогой Фрейлиграт!

Я не читаю немецкой беллетристической дряни, однако, помимо моей воли, друзья из Германии время от времени присылают мне выдержки, в которых говорится лично обо мне. Так, вчера я получил все (sic) относящиеся ко мне места из сочинения некоего Раша под заглавием «Zwölf Streiter der Revolution» [«Двенадцать борцов за революцию»]. Прошу тебя разъяснить мне следующее место:

«Между Ф[рейлигратом] и Марксом прекратились всякие отношения; *один совершенно непростительный поступок Маркса*, о котором я здесь говорить не намерен, нанес им последний удар. Этот поступок мог себе позволить только человек с таким злобным характером, как у Маркса. Однажды, когда я, возмущенный этим, попросил Ф[рейлиграта] сообщить мне подробности, он, щадя Маркса, уклонился от объяснений».

Твой К. М.

К. Маркс — Фердинанду Фрейлиграту 20 июля 1867 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 493.

По-видимому, профессиональная поэзия является лишь маской для самой сухой прозы. Пример — семья нашего Фрейлиграта. Кэти отправляется (совершая свое свадебное путешествие) с молодым хлебным спекулянтом Крекером в Париж. Так как этот благородный молодой человек одновременно стремится обдывать «дела», то он оставляет свою молодую жену *одну* в одной из больших парижских гостиниц на два-три дня. Кэти и вся family¹ находят это в порядке вещей. Больше того: К[эти] с восхищением сообщает в своих письмах, что в гостинице ее называют «mademoiselle»² (после того как она ночевала здесь вместе с Крекером) и что все кельнеры и даже швейцар ей приветливо «кланяются». Больше того: Крекер возвращается (после деловой поездки в провинцию) с Кэти из Парижа прямо в Лондон, и вся семья в восторге от того, что «honeymoon»³ откладывается на шесть месяцев, так как дело должно быть «на первом плане». Для поэта honeymoon является также лишь риторическим оборотом и может быть «отпразднован» до или после родов (факты сообщены моей семье молодыми Фрейлигратами). Кэти, как видно, читала даже Клаурена, ибо она в письме из Парижа изображает себя как «соломенную вдову».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 8 января
1868 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 5.

Третьего дня я получил письмо от Фрейлиграта (пригласительные свадебные карточки были ему, конечно, посланы). В этом письме есть следующая оригинальная фраза⁴. Впрочем, пожалуй, Вам больше удовольствия доставит, если я *переищу все письмо*, что я и делаю. Только Вы должны мне *вернуть* его. Чтобы Вам было понятно все письмо, добавлю следующее: в Берлине незадолго перед выходом моей книги появилось произведение Г. Струве и Густава Рауха «Zwölf Streiter der Revolu-

¹ — семья. *Ред.*

² — барышней. *Ред.*

³ — медовый месяц. *Ред.*

⁴ Очевидно, Маркс имеет в виду следующую фразу в письме Фрейлиграта: «...на Рейне многие молодые купцы и фабриканты в восторге от твоей книги. В этой среде она достигнет своей настоящей цели...», *Ред.*

lion» [*«Двенадцать борцов за революцию»*]. В этой дрянной книжонке Фрейлиграта восхваляется как «один» из 12 апостолов и при этом подробно доказывается, что он *никогда* не был коммунистом и лишь благодаря слишком большой снисходительности вступил в сношения с такими извергами, как Маркс, Энгельс, Вольф и пр. Ввиду того что там опорочивалось также имя Вольфа, я попросил у Фрейлиграта письменного объяснения, так как знал, что Г. Раш (негодяй) стоит во главе берлинского комитета по сбору милостыни для Фрейлиграта. Он ответил мне очень сухо и с уклончивой филистерской хитростью. Впоследствии я послал ему свою книгу, не надписав на ней, как это было до тех пор у нас с ним в обычае, своего имени. Он, видимо, понял намек.

К. Маркс — Людвигу Кугельману
6 апреля 1868 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 520.

51

Идиллический поэт Фрейлиграта очень позабавил меня своим «Разбойником» и «Корсаром» — венский человек.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 17 июля
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 214.

52

Ты удивляешься смелости французов и говоришь *somewhat sneeringly*¹ о нас, доблестных немцах. Чем мы рискуем, ты увидишь из прилагаемой экстравагантности. Фрейлиграта по своей привычке снова снялся в Штутгарте в многочисленных видах, дал себя увековечить в виде статуи и т. д. Но наиболее удачная икона этого классен-капфельмановского героя, это — *verbo tenus*² эскиз, в котором Фрейлиграта фигурирует в виде *льва*, сидящего верхом на *верблюде*. Это, пожалуй, назидание гейневскому верблюду, который одолел льва.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 12 ноября
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 246—247.

¹ — несколько насмешливо. *Ред.*

² — буквально. *Ред.*

53

Идиллическая драма «Семейное счастье согам Philistaco», действительно восхитительна. Поистине не знаешь, чему удивляться, пошлости ли речей и стихов (пересыпанной лишь тупыми двусмысленностями спившегося Карла Бека) или нахальству семьи, которая печатает это в качестве «рукописи для друзей» (следовательно, для недругов — открыто). Как, однако, благородный Фрейлиграт может печатать смелые слова тонко чувствующего Валесроде: что поэт Фрейлиграт достиг кое-чего (путем попрошайничанья) и по части земных благ — это мне не совсем ясно. Я бы хотел видеть физиономии членов семьи, когда были произнесены эти слова.

Ф. Энгельс — К. Марксу 17 ноября
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 248.

54

Фрейлиграт: «Ура! Германия!» В этом вымученном стихотворении не обошлось также без «бога» и без «галла».

Я бы предпочел быть котенком и кричать «мяу», чем таким рифмоплетом! *

К. Маркс — Ф. Энгельсу 22 августа
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 389.

55

Что скажешь по поводу поэта семейных радостей Фрейлиграта? Даже исторические катастрофы, как нынешняя *, служат ему лишь поводом для воспевания своих собственных ребят. При этом volunteer¹ «санитар» превращается для англичан в surgeon².

К. Маркс — Ф. Энгельсу 2 сентября
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 390—391.

56

Великую поэму о санитаре я еще не читал. Воображаю, как она прекрасна! К тому же эти санитары величайшие бездельники, которых нет под рукой именно тогда, когда они нужны, но которые зато много жрут, пьют и без умолку болтают, так

¹ — доброволец. *Ред.*

² — хирурга. *Ред.*

что в действующей армии на них смотрят как на лишний балласт. Только немногие составляют исключение.

[Ф. Энгельс — К. Марксу] 4 сентября
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 393.

57

Благородный поэт Фрейлиграт находится в настоящее время здесь, у своих дочерей. Он не осмеливается показаться мне на глаза. 60 000 талеров, которые ему подарил немецкий филистер, он должен заработать тиртейскими песнопениями, вроде: «Ты, гордая женщина Германия» * и т. п.

К. Маркс — Зигфриду Мейеру 21 января 1871 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 87.

ВЕЕРТ *

I

«ПЕСНЯ ПОДМАСТЕРЬЯ»
ГЕОРГА ВЕЕРТА (1846 г.)

Цвела весной вишня,
Когда сюда пришли;
Цвела весной вишня —
Во Франкфурт мы пришли.
 Нам говорит трактирщик:
 «Одеты вы... того!»
 «Тебе, подлец-трактирщик,
 Нет дела до того!
Неси, не тратя слова,
Нам пива и вина!
И помни: к ним жаркого
Тарелочка нужна!»
 На петуха похоже
 Запел в бочонке кран;
 Хлебнули мы, и что же?
 Точь-в-точь — мочи стакан.
С пучком петрушки заяц
Нам подан был потом,
Ах, этот мертвый заяц
Нам в горле стал колом.
 Когда ж уже в постели
 Нам довелось лежать,
 Нас принялись в постели
 Вовсю клопы кусать.
Такой вот приключился
Во Франкфурте скандал,
И он тому не внове,
Кто жил там и страдал.

Это стихотворение нашего друга Веерта я отыскал среди по-
смертных бумаг Маркса. Веерт, первый и самый значительный
поэт немецкого пролетариата, родился на Рейне, в Детмольде,

где отец его был пастором-суперинтендантом¹. Во время моего пребывания в 1843 г. в Манчестере Веерт приехал в Бредфорд в качестве комиссионера одной немецкой фирмы, и мы вместе весело провели много воскресных дней. В 1845 г., когда мы с Марксом жили в Брюсселе, Веерт взял на себя агентуру от своего торгового дома на континенте и поставил дело так, что мог свою главную контору также перенести в Брюссель. После мартовской революции 1848 г. мы все собрались в Кельне, чтобы основать «Новую Рейнскую Газету». Веерт взял на себя фельетоны, и я сомневаюсь, были ли когда-нибудь в другой газете такие живые в остроумные фельетоны. Одним из главных его произведений было: «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского»; в нем описывались приключения князя Лихновского, прозванного так в гейневском «Атта Тролле». Все факты соответствуют действительности; каким образом эти факты стали нам известны, — об этом, может быть, я расскажу в другой раз. Эти фельетоны о Шнаппганском вышли в 1849 г. в издании Гофмана и Кампе отдельной книгой и еще до сих пор чрезвычайно забавны. Но 18 сентября 1848 г. Шнаппганский-Лихновский вместе с генералом фон Ауэрсвальдом (также членом парламента) отправились верхом для выслеживания крестьянских отрядов, направлявшихся на помощь франкфуртским баррикадным борцам, и оба они, как шпионы, заслуженно были убиты крестьянами. Поэтому германское имперское регентство возбудило преследование против Веерта за оскорбление памяти Лихновского, и Веерт, давно уже проживавший в Англии, был присужден к трем месяцам тюрьмы, после того как реакция уже давно покончила с «Новой Рейнской Газетой». Эти три месяца он полностью отсидел, так как время от времени вынужден был выезжать по делам в Германию.

1850/51 г. он отправился по делам другой бредфордской фирмы в Испанию, затем в Вест-Индию и объездил почти всю Южную Америку. После кратковременного посещения Европы он снова вернулся в свою любимую Вест-Индию. Там он не мог отказать себе в удовольствии хоть раз увидеть подлинный оригинал Луи Наполеона III, негритянского короля Сулука на Гаити. Но, как сообщает В. Вольф Марксу в письме от 28 августа 1856 г., он встретил «затруднения со стороны карантинных учреждений, должен был отказаться от своего проекта и, схватив в пути желтую лихорадку, вернулся в Гаванну. Он слег,

¹ Пастор в должности инспектора в протестантском церковном округе. *Ред.*

болезнь осложнилась воспалением мозга, и 30 июля наш Веерт скончался в Гаванне».

Я назвал его первым и *самым значительным* поэтом немецкого пролетариата. И действительно, его социалистические и политические стихотворения по своей оригинальности, остроумию, а в особенности по своей пламенной страстности гораздо лучше стихотворений Фрейлиграта. Он часто пользовался гейневскими формами, но лишь для того, чтобы наполнить их совершенно оригинальным, самостоятельным содержанием. При этом он отличался от большинства поэтов тем, что к стихотворениям, однажды им написанным, он становился совершенно равнодушным. Послав копию своих стихов Марксу или мне, он о них забывал, и зачастую его трудно было заставить где-нибудь напечатать их. Только во времена «Новой Рейнской Газеты» дело обстояло иначе. Почему так было, видно из нижеследующего отрывка из письма Веерта к Марксу, написанного в Гамбурге 28 апреля 1851 г.:

«Надеюсь, впрочем, в начале июля снова встретиться с тобой в Лондоне, так как не могу дольше выносить этих гамбургских кузнечиков (gras hoppers). Мне угрожает здесь блестящая карьера, но она меня пугает. Всякий другой ухватился бы обеими руками. Но я слишком стар, чтобы стать обывателем (Philister), а по ту сторону океана лежит к тому же далекий Запад.

«За последнее время я писал на разные темы, но ничего не закончил, так как не вижу в писательстве ни смысла, ни цели. Когда ты что-нибудь пишешь по политической экономии, то это имеет смысл. Но я? Отпускать убогие остроты и плоские шутки, чтобы вызвать робкую улыбку на отечественных рожах, — что может быть гнуснее! Моя литературная деятельность кончилась навсегда вместе с «Новой Рейнской Газетой».

«Должен сознаться, что так же, как попусту потерянные последние три года вызывают у меня досаду, меня радует воспоминание о нашем пребывании в Кельне. Мы не скомпрометировали себя. Это главное! Со времен Фридриха Великого никто не третирует так en sa mille немецкий народ, как «Новая Рейнская Газета».

«Я не хочу сказать, что это было моей заслугой; но я был к этому причастен...

«О Португалия! о Испания! (В. как раз вернулся оттуда.) О, если бы только у нас было ваше прекрасное небо, ваше вино, ваши апельсины и мирты. Но даже и этого нет. Ничего, кроме дождя, опущенных носов и копченого мяса!

«В дождь, с опущенным носом, твой Г. Веерт».

В чем Веерт был мастер, в чем он превосходил Гейне (потому что был здоровее и искреннее) и в немецкой литературе был превзойден только одним Гёте, это в выражении естественной, здоровой чувственности и плотской страсти. Многие из читателей «Социал-демократа» пришли бы в ужас, если бы я пе-

репечатал в нем некоторые фельетоны из «Новой Рейнской Газеты». Но я не собираюсь этого делать. Не могу, однако, не заметить, что и для немецких социалистов должен когда-нибудь наступить момент, когда они открыто отбросят этот последний немецкий филистерский предрассудок, ложную мещанскую стыдливость, которая, впрочем, служит лишь прикрытием для тайного сквернословия. Когда, например, читаешь стихи Фрейлиграта, то действительно можно подумать, что у людей совсем нет половых органов. Однако никто так не любил послушать втихомолку пикантный анекдот, как именно этот благопристойный в поэзии Фрейлиграт. Пора бы, по крайней мере, немецким рабочим привыкнуть говорить о том, чем они сами занимаются днем или ночью, о естественных, необходимых и чрезвычайно приятных вещах так же непринужденно, как романские народы, как Гомер и Платон, как Гораций и Ювенал, как Ветхий завет и «Новая Рейнская Газета».

Верт писал, впрочем, и менее пикантные вещи, и из них я позволю себе время от времени присылать кое-что в «Социал-демократ» для фельетонов.

Ф. Энгельс. «Песня подмастерья»
Георга Верта.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 154—157.

2

После него слово взял г-н *Верт** из Рейнской Пруссии. Вам, вероятно, знаком этот господин — молодой торговый агент, чьи стихи хорошо известны и пользуются большой любовью во всей Германии; прожив несколько лет в Йоркшире, он своими глазами видел, каково положение рабочего люда. Он там приобрел среди него много друзей, которым будет приятно узнать, что он их не забыл. Поскольку для Ваших читателей его речь представляет наибольший интерес из всего, что было на конгрессе, я передам ее более подробно. Вот что он сказал:

«Господа! Вы обсуждаете вопрос о влиянии свободы торговли на положение рабочего класса. Вы заявляете, что относитесь к этому классу с самым глубоким сочувствием, какое только возможно. Меня это очень радует, но я все же изумлен тем, что не вижу среди вас представителей рабочего класса! Имущие классы Франции представлены здесь пэром, имущие классы Англии — несколькими членами парламента, имущие классы Бельгии — бывшим министром и даже имущие классы Германии представлены почтенным господином, который нарисовал нам весьма достоверную картину положения этой страны. Но где же, спрашиваю я вас, представители рабочих? Я их не вижу; а поэтому, господа, разрешите мне взять на себя защиту интересов рабочих. Я позволю себе обратиться к вам от имени рабочих, и в первую очередь от имени тех пяти миллионов англий-

ских рабочих, среди которых я провел несколько самых приятных лет моей жизни и которых я знаю и люблю. (Аплодисменты.) Господа, рабочие в самом деле нуждаются в отзывчивом отношении к себе. До сих пор с ними обращались не как с людьми, а как с выючными животными, нет, как с товаром, как с машиной; английские промышленники так хорошо усвоили это, что они никогда не скажут: «у нас занято столько-то рабочих», но скажут: «столько-то рабочих рук». Следуя этому принципу, имущие классы без малейшего зазрения совести пользуются услугами рабочих, пока те им нужны, а затем, когда из них уже нельзя больше выжать прибыли, выбрасывают их на улицу. Таким образом, положение этих париев современного общества таково, что хуже быть не может. Загляните куда угодно: на берега Роны, в грязные и зловонные закоулки Манчестера, Лидса и Бирмингема, на холмы Саксонии и Силезии или на равнины Вестфалии — везде вы увидите те же бледные от истощения лица, ту же безысходную печаль в глазах людей, которые тщетно добиваются своих прав и подобающего им места в цивилизованном обществе. (Сильное волнение в зале.)».

Затем г-н Веерт заявил, что, по его мнению, покровительственная система на деле несколько не покровительствует рабочим, но что свобода торговли — он говорил рабочим это прямо и откровенно, несмотря на то, что сам является сторонником свободы торговли, — тоже несколько не изменит их бедственного положения. Он совсем не разделяет иллюзий фритредеров относительно якобы благотворных для рабочего класса последствий введения их системы. Напротив, свобода торговли, полное осуществление принципов свободной конкуренции, в результате которого капиталисты с еще большим корыстолюбием начнут конкурировать друг с другом, должны будут породить и между рабочими более острую конкурентную борьбу. Полная свобода конкуренции неизбежно даст огромный толчок к изобретению новых машин, которые будут каждый день вытеснять еще больше рабочих, чем они вытесняют сейчас. Эта свобода конкуренции будет всячески способствовать развитию производства, но именно поэтому она будет в такой же мере способствовать перепроизводству, переполнению рынков и торговым потрясениям. Фритредеры утверждают, что с введением системы свободы торговли эти ужасные потрясения прекратятся; но на самом деле произойдет как раз обратное — они участятся и усилятся более чем когда-либо. Возможно и даже несомненно, что удешевление продуктов питания вначале пойдет на пользу рабочим, что с сокращением издержек производства повысится потребление и спрос на рабочую силу, но это преимущество скоро превратится в бедствие, конкуренция среди самих рабочих скоро низведет их на прежний уровень нищеты и голода.

Приведа эти, а также и другие доводы (они, по-видимому, явились для собравшихся чем-то совершенно новым, ибо были выслушаны с огромным вниманием, хотя корреспондент «Times» соизволил отделаться от них лишь посредством наглой, но весьма многозначительной насмешки, обозвав их «чартистскими банальностями»), г-н Веерт закончил свою речь следующим образом:

«И не думайте, господа, что эти взгляды являются только моим личным мнением; подобных же взглядов придерживаются также английские рабочие — класс, который я люблю и уважаю за его ум и энергию. (Аплодисменты, возглас: «это он из вежливости».) В доказательство приведу несколько фактов. В течение целых шести лет присутствующие здесь господа из Лиги против хлебных законов тщетно домогались поддержки рабочих. Рабочие никогда не забывали, что капиталисты являются их прирожденными врагами. Они помнили о волнениях, вызванных Лигой в 1842 г. *, и о сопротивлении, которое оказали предприниматели биллю о десятичасовом рабочем дне. Лишь в конце 1845 г. чартисты, *лучшая часть* рабочего класса, заключили кратковременный союз с Лигой, чтобы сокрушить их общего врага — земельную аристократию. Но это продолжалось очень недолго, и рабочие не дали себя обмануть фальшивыми обещаниями Кобдена, Брайта и К° и не тешили себя надеждой на осуществление их фраз о дешевом хлебе, высокой заработной плате и изобилии работы. Нет, ни на минуту не переставали они рассчитывать лишь на собственные силы, создавая отдельную партию, руководимую собственными вождями — неутомимым Данкомбом и Фергюсом О'Коннором, который, несмотря на все клеветнические выпады против него» (здесь г-н Веерт посмотрел в сторону д-ра Боуринга, который сделал быстрое судорожное движение), «который, несмотря на все клеветнические выпады, через несколько недель займет место рядом с вами в палате общин. Итак, от имени миллионов тех, кто не верит, что свобода торговли сотворит для них чудеса, я призываю вас искать другие средства для действительного облегчения их положения. Господа! Я взываю к вам в ваших же интересах. Вам уже не приходится бояться императора всея Руси; вас не страшат набег казаков; но, если вы не примете меры предосторожности, вам будет угрожать нашествие ваших собственных рабочих, а они для вас страшнее, чем все казаки в мире. Господа! Рабочие не хотят больше слышать ваших красивых слов, они ждут от вас дел. И у вас нет причин удивляться этому. Рабочие прекрасно помнят, что в 1830 и 1831 гг., когда они в Лондоне завоевывали для вас билль о реформе, когда они сражались за вас на улицах Парижа и Брюсселя, вы ухаживали за ними, пожимали им руки и осыпали их похвалами; но через несколько лет, когда они потребовали хлеба, их встретили штыками и картечью. (Возгласы: «О! Нет, нет!», «Да, да! Бюзансе, Лион! *») Поэтому повторяю: осуществьте вашу свободу торговли, пусть будет так; но в то же время подумайте и о других мерах — мерах в пользу рабочего класса, не то вы жестоко раскаетесь. (Громкие аплодисменты.)»

Ф. Энгельс. Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли. Сочинения, т. 4, стр. 259—261.

3

Хорошо, что немцы представлены рабочим *. Но Лупуса надо абсолютно отучить от преувеличенной скромности. Этот славный малый один из тех немногих, которых надо *выдвинуть* на первый план. Ради бога только не Веерт как представитель! * Он был очень ленив и только succès d'un jour¹ на конгрессе втянул его в работу! И он вдобавок хочет еще быть an independent member². Il faut le retenir dans sa sphère³.

Ф. Энгельс — К. Марксу [23—24 ноября 1847 г.].
Сочинения, т. XXI, стр. 89.

4

Веерт пишет мне сегодня * в чрезвычайно недовольном тоне: длинные носы и копченое мясо надоели ему. Кроме того, говорит он, ему грозит «блестящее положение». — Брак? Но он слишком стар, чтобы стать филистером. Ты знаешь нашего друга Веерта. Ему все быстро приедается, и скорее всего, когда он находится в мещански уютной обстановке. Его друг Кампе, указывая с досадой на макулатуру, сказал ему: «Все идет, но ничто не имеет решительного успеха!» И это, дескать, общее состояние в Германии.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 3 мая 1851 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 194.

5

Дорогой Энгельс!

Ты давно не получал от меня ни одного письма. Главная причина тому — Веерт *; он отнимал у меня почти все вечера, т. е. все то время, которое я вообще посвящаю писанию. И притом мне это не доставляло чрезмерной радости. Ты знаешь, что я очень хорошо отношусь к Веерту, mais⁴ мучительно, сидя по горло во всякой дряни, видеть около себя столь изысканного джентльмена, auquel il faut cacher les parties trop honteuses⁵. Такие отношения создают сугубую gêne⁶; я надеюсь, что он

¹ — успех одного дня. *Ред.*

² — независимым членом. *Ред.*

³ — Нужно удержать его в его сфере *. *Ред.*

⁴ — но. *Ред.*

⁵ — от которого необходимо скрывать слишком постыдные вещи. *Ред.*

⁶ — неловкость. *Ред.*

уедет завтра в Манчестер и, по своем возвращении, найдет меня в условиях, когда я опять смогу franchement¹ иметь с ним дело. Вообще же я надеюсь, что, помимо болезненного состояния моей жены, ему не удалось глубже заглянуть в мою жизнь. Я дал ему большой пакет для передачи тебе. В нем содержатся документы, которые должны находиться в архиве, и ты их уже отчасти знаешь.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 28 сентября
1852 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 414.

6

Дорогой Маркс!

О Веерте ни слуху, ни духу. Чего, черт возьми, церемонишься ты с этим молодцом? Кроме того, он ведь знает, что ты уже многие годы — в тяжелых условиях, и знает также, что ты еще живешь в старой квартире, что уже давно всем известно.

Ф. Энгельс — К. Марксу (около
1 октября 1852 г.).
Сочинения, т. XXI, стр. 416.

7

Известие о смерти Веерта * страшно огорчило меня. Не хотелось верить этому. Фрейлиграт писал мне уже о некрологе. Но, право, я не вижу в Германии ни одной подходящей газеты. Единственное, что пока возможно, это, пожалуй, некролог в «Трибуне», пока время не позволит сделать лучше и больше. What is your opinion?²

К. Маркс — Ф. Энгельсу 22 сентября
1856 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 153.

8

[Начало письма оторвано]

О Веерте я буду писать в Берлин... [в рукописи здесь недостает одного слова — оторвано] быть может, ему все же удастся поместить что-либо в одной из газет, — какой, n'importe³, лишь бы появилось. В течение десяти дней после моего возвращения из Лондона Лупус ни одним словом не упомянул об этой вести и только накануне приезда моего старика*, поздно

¹ — непринужденно. *Ред.*

² — Как твое мнение? *Ред.*

³ — безразлично. *Ред.*

вечером, часов в 11, сообщил мне. Можешь себе представить, как я был поражен и как сердился на этот дурацкий поступок. В течение следующих 8—14 дней я ни на один час не был господином своего времени, хотя бы для того, чтобы сходить к Штейнталю и узнать кое-какие подробности или чтобы подумать о некрологе или о чем-нибудь подобном. Вероятно, после него остались какие-нибудь литературные произведения; я постараюсь разыскать все это.

[Ф. Энгельс — К. Марксу 26 сентября 1856 г.].
Сочинения, т. XXII, стр. 157.

9

Фрейлиграт просит тебя не забывать о деле Веерта *. Если еврей Штейнталь действительно завладел дневниками Веерта (о которых благородный Кампе уже писал брату Веерта [Карлу Веерту]), то в этом кроется еще та опасность, что родственники Веерта, заполучив их, пустят их в печать *in usum delphini*¹ улучшенно и процenzурованно. Хорошо, если бы брат Веерта обратился прямо к тебе. Если дневники все же появятся на свет, то ты сможешь тогда апеллировать к совести этих обывателей. Между прочим, очень скверно по отношению к старухе поступил Штейнталь — этот торгаш с вечно сладкой улыбкой на лице; он ограничился лишь сухой заметкой о смерти Веерта, без подробностей, без предисловия и заключения.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 16 февраля 1857 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 177.

10

Прилагаемое стихотворение Веерта * я успел бы вовремя послать Вам для фельетона, если бы Вы не устроили так, что Ваше письмо опоздало на двенадцать часов, и мне, таким образом, пришлось ждать, не напечатаете ли Вы фельетон *, как он есть. Вы можете, впрочем, пристроить его и как-нибудь иначе. Произведения Веерта из одной уже противоположности торжественному Фрейлиграту полны иронии и юмора. В них и помину нет «сурьезности» (Ernscht).

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 12 июня 1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 318.

¹ — то есть с вычеркиванием непристойных мест. *Ред.*

11

Социалистических стихов, именно Веерта, я достать не могу. Кажется, в старом «Gesellschaftsspiegel» * Моисея Гесса за 1845 г. напечатано кое-что, но ты, вероятно, их уже знаешь. Я как-то слышал о сборнике его стихов *, но никогда его не видал. Во всяком случае, ни *он*, ни *мы* такого сборника не издавали.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 29 июня
1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 393.

ЗИБЕЛЬ

Другая история — с Карлом Зибелем — целиком выдумана. Он вовсе не ведет беспорядочной жизни, а, наоборот, почти все вечера проводит дома, почти никуда не ходит и почти ни с кем не водит знакомств. Я думаю, в Манчестере не найдется и 20 молодых людей его возраста, которые вели бы столь солидный образ жизни. Правда, на первых порах он раза два выпивал лишнюю рюмку, выкидывая всякие забавные штуки, свойственные молодежи, но так как он бывал со мной и еще несколькими знакомыми и видел, что в этих детских выходках мы не находим ничего интересного, то он прекратил их. Он вообще еще полуробенек, ужасно незрелый и беспомощный в самых простых вещах. Со временем это пройдет. Все мы, барменцы, по-видимому, только очень поздно становимся взрослыми. Когда мне было 23 года, я был, вероятно, таким же чудаком. Во всяком случае, его родители, должно быть, очень нелепо подошли к нему, раз они не могли с ним справиться, — ведь он имеет ту очень хорошую черту, что сознает свои слабости; он вовсе не упрям, а, наоборот, легко поддается убеждению. В его пользу меня располагает то, что, несмотря на многочисленные похвалы, которыми осыпают его стихи, он все же в глубине души сознает, что это совершенно незрелые, необработанные и поверхностные произведения; этот славный малый был мне очень благодарен, когда я в довольно юмористической, но вполне ясной форме разъяснил ему это. После того как он преподнес мне все свои бессмертные произведения, я ему прямо заявил, что хотя в них и чувствуется талант, но талант очень запущенный, и что все его вещи как произведения искусства ничего не стоят. В Берлине юноша, должно быть, очень распустился и рисковал окончательно погибнуть на поприще ординарнейшей беллетристической литературщины. Поэтому, когда я его вижу, я регулярно отчитываю его за это, убеждая на некоторое время бросить стихоплетство и основательно изучить классических поэтов всех

народов, чтобы сперва выработать себе вкус — сейчас он у него очень неразборчивый — и научиться немецкому языку, которого он все еще не знает. Если он это сделает, из него еще может выйти вполне приличный малый. Во всяком случае, его родители должны бы иметь достаточно здравого смысла, чтобы наладить с ним благоразумные, приемлемые для него отношения или позаботиться о том, чтобы он постепенно нашел средства и возможности обеспечить себе здесь или еще где-либо самостоятельное существование на торговом поприще. Юноша знает, что своей литературной работой он всегда сможет зарабатывать себе на жизнь, и если его любезный папаша недостаточно умен и тактичен для того, чтобы обращаться с ним, как со взрослым человеком, то пусть пеняет на себя, если малому в конце концов надоест все это и он всецело отдастся литературству и при этом наверняка *окончательно погибнет*. Старик Зибель, наверное, воображает, что я вбиваю в голову его сына всевозможные безумства, но он может быть спокоен: все мое влияние на него я использую для того, чтобы удержать его от чрезмерного увлечения литературой (ведь малый еще не созрел для этого) и убедить его, что нет ничего более жалкого, чем существовать на доход от беллетристического сочинительства. Я внушаю ему, что чем скорее он освоится со своей прозаической буржуазной профессией, тем лучше (потому что он, в сущности, не любит учиться, а без этого он потеряет всякую устойчивость и совершенно испортится). Если он это сделает и приобретет несколько больше житейского опыта, перестав быть таким беспомощным, то я не сомневаюсь, что из него выйдет вполне порядочный малый, который и в литературной области сможет дать кое-что ценное. Я очень люблю мальчика, — он очень добродушен, лишен самомнения, очень искренен и прям. Я встречаюсь с ним обычно раза два в неделю.

Ф. Энгельс — своей матери Элизе
Энгельс 20 апреля 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 254—255.

АНГЛИЙСКИЕ
ПИСАТЕЛИ-СОЦИАЛИСТЫ
ЭВЕЛИНГ, МОРРИС,
ШОУ

ЭДВАРД ЭВЕЛИНГ

1

Эвелинг собирается поставить несколько своих пьес *. Если они будут иметь успех, то он выберется из нищенского существования журналиста. Он и Тусси сейчас придут, они будут у меня обедать, так как у Эвелинга где-то поблизости будет собрание.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 22 февраля 1888 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 16.

2

Мы поедем на «City of Berlin»^{1*} 8-го с. м. Эвелинг не без успеха подвизается на драматическом поприще и в четырех городах должен будет поставить четыре пьесы (из которых три с половиной принадлежат ему).

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 4 августа 1888 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 40.

3

Здесь все по-прежнему, только прибавилось четыре высланных цюрихца², да еще Эвелинг начал писать для театра пьесы, пользующиеся благосклонностью властителей сцены; он был послан в Америку, чтобы поставить там три своих пьесы.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту 8 октября 1888 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 52.

4

Завтра — премьера новой пьесы Эвелинга. Хотя он и не

¹ — «Город Берлин» — название парохода. *Ред.*

² Э. Бернштейн, Ю. Моттелер, Л. Таушер и Г. Шлютер. *Ред.*

завоевал публику окончательно, но критики уже занялись им, даже те, кто до сих пор участвовал в заговоре молчания.

Ф. Энгельс — Полю Лафаргу 16 мая
1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 114.

5

Пьеса Эвелинга прошла удачнее, чем я ожидал. Это превосходно сделанный набросок, но оканчивающийся à la Ибсен без развязки, а здешняя публика к этому не привыкла. После этой пьесы шла другая, написанная Беби Роз и еще кем-то, — очень вольный английский перевод «Conflicto entre dos debedas»¹ Эчегарая. Эту вторую пьесу, сильно приправленную сенсациями, приняли очень хорошо, хотя она тяжела и грубова-та — совсем в английском вкусе.

Ф. Энгельс — Полю Лафаргу 17 мая
1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 115—116.

6

Эвелинг со своими драматическими опытами идет, по-видимому, в гору; последняя его пьеса, поставленная две недели тому назад, имела успех.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту 9 де-
кабря 1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 169.

¹ Энгельс имеет в виду пьесу популярного испанского драматурга José Echegaray (Хозе Эчегарая) «Конфликт на почве долга», написанную им в 1882 г. *Ред.*

ВИЛЬЯМ МОРРИС

1

Дополнительно: Гайндман * думает *скупить* все небольшое здешнее движение; он сделал все возможное, чтобы разорить «То-Дау» *. Бакс, давший на это деньги, ошибся в расчете и скоро будет разорен. Гайндман, сам человек богатый, к тому же располагающий средствами очень богатого энтузиаста-художника, но бездарного политика Морриса, либо возьмет тогда «То-Дау» под свою опеку, либо погубит ее. В обоих случаях он думает быть единоличным хозяином. Я рад, что равнодушно отнесся ко всей этой чепухе. Гайндман — ловкий и хороший делец, но плоский и твердолобый Джон Булль, обладающий самолюбием, значительно превышающим его талант и все им содеянное. У Бакса и Эвелинга самые благие намерения; они немало учатся, но все распалось, и одни эти литераторы ничего не смогут сделать. Массы еще за ними пока не идут. Когда люди немного рассортируются, станет лучше.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 22 июня
1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 388.

2

Вышли из Федерации *: Эвелинг, Бакс и Моррис — из литераторов единственные искренние люди, но все трое настолько непрактичные (два поэта и философ), что других таких днем с огнем не сыскать. Вместе с ними вышли лучшие из наиболее известных рабочих. Они хотят войти в лондонские секции и надеются завоевать себе там большинство, а Гайндману предоставить хозяйничать в его несуществующих провинциальных секциях. Их органом будет небольшой ежемесячный журналчик *. Люди решили, наконец, действовать скромно, соответственно своим силам, а не так, точно весь английский пролета-

риат должен тотчас же подняться, как только несколько литераторов обратятся в социализм и затрубят сбор (все их силы в Лондоне состояли, по признанию Морриса, менее чем из 400 человек, а в провинции их не было и сотни). Тираж «Justice» * — около 3500 экземпляров.

Гайндман сохраняет в своих руках «Justice» и «To-Day», с ним остаются его спекулирующие литераторы Фитцджеральд, Чемпион, Берроуз, Шоу и, вероятно, Скечли, который, как старый чартист, считает, по-видимому, что выслужил право на пенсию. Кроме того, старые остатки демократических и социалистических сект. Куда присоединятся прочие остатки Федерации, пока неизвестно. Но так как Гайндман не получит больше денег на свои некупающиеся журналы ни от Морриса, ни от Карпентера, то ему придется либо платить самому, либо продать себя, свои журналы и остаток своей фракции христианским социалистам или же... лорду Рандольфу Черчиллю и торийской демократии. Ему придется поторопиться с этим, если он хочет выставить свою кандидатуру на осенних перевыборах.

Я удовлетворен тем, что с самого начала раскусил все это мошенничество, правильно оценил всех этих людей и заранее предсказал исход дела, а также и то, что в конечном счете это мошенничество принесет больше вреда, чем пользы.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 29 декабря 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 439—440.

3

Здесь, к счастью, движение *нисколько* не развивается. Гайндман и К^о — политические карьеристы, которые все портят, а в Социалистической лиге * анархисты имеют огромный успех. Моррис и Бакс, один — социалист чувства, другой — гонящийся за философскими парадоксами, находятся в настоящее время всецело у них в руках и должны преодолеть это на собственном опыте. Из следующего номера «Commonweal» * ты увидишь, что Эвелинг, благодаря главным образом энергии Тусси, не несет больше ответственности за это мошенничество, что очень хорошо. И эти безнадежные путаники хотят руководить английским рабочим классом! К счастью, последний об этом знать ничего не хочет.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 29 апреля 1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 555—556.

4

О здешнем так называемом «движении» не могу сообщить ничего хорошего. Гайндман с каждым днем все больше выдыхается; он потерял всякое доверие у своих собственных сторонников, а Лига все больше и больше переходит в руки анархистов. С тех пор как «Commonweal» стал выходить еженедельно (для чего у него не хватает ни денег, ни сил), Эвелинг должен был уступить редакторство (неоплачиваемое) Баксу, а этот последний и Моррис находятся под сильным влиянием анархистов. Эти господа должны пройти через это испытание на собственной шкуре — они как-нибудь вывернутся, но зовистину счастье, что эти детские болезни пройдут раньше, чем в движение вступят массы. А вступать в него они пока упорно отказываются.

Ф. Энгельс — В. Либкнехту 12 мая
1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 558.

5

Лига переживает кризис. Моррис — чувствительный мечтатель, олицетворенная добрая воля, которая до такой степени умилена сама собой, что превращается в злую волю, в нежелание чему бы то ни было научиться — споткнулся на фразах о революции и стал жертвой анархистов. Бакс очень даровит и кое-что понимает, но, как водится у философов, состряпал себе свой собственный социализм, который принимает за подлинную теорию Маркса, и этим причиняет немало бед. Впрочем, это у него детская болезнь, которая пройдет; жаль только, что этот процесс происходит на глазах у публики. Эвелинг принужден столько работать ради хлеба насущного, что и он не в состоянии много учиться; он — единственный, с кем я встречаюсь регулярно. Но появление в свет «Капитала»* на английском языке в огромной мере прояснит мозги.

Ф. Энгельс — А. Бебелю 18 августа
1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 577.

6

В Социалистической лиге тоже постепенно назревает кризис. В троицын день состоится делегатская конференция, и тогда, надо надеяться, решится исход борьбы с проникшими

в Лигу, поддерживаемыми Моррисом анархистскими элементами.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 23 апреля
1887 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 536.

7

Итак, в прошлое воскресенье состоялась конференция Социалистической лиги. Победу одержали допущенные туда анархистские элементы, поддерживаемые Моррисом, смертельно ненавидящим всякий парламентаризм и вообще большим путаником, который в качестве поэта стоит выше всякой науки. Резолюция — сама по себе довольно невинная, так как *в настоящий момент* о парламентской деятельности здесь вообще не может быть и речи, — принята семнадцатью голосами против одиннадцати (смотри «Commonweal» от 4 июня). Из них *один* голос подан от образованной специально для этого случая поделкой секции (трое мужчин со своими женами и г-жа Шак!) и *три* — лондонскими делегатами с мандатами из провинции, в которых заключался, однако, наказ голосовать *против* такого рода резолюций, требующих воздержания от участия в парламенте. Стало быть, три *краденых* голоса и один недействительный.

На самом деле решающим здесь было то, что Моррис заявил о своем намерении уйти, в случае если в принципе будет признана хоть какая-либо парламентская деятельность. А так как Моррис еженедельно покрывает дефицит «Commonweal» в 4 ф. ст., то для многих это оказалось достаточно веским.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 4 июня
1887 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 645.

8

Прилагаю «Justice», в которой напечатан манифест, полный ярости и бесстыдной лжи, что чрезвычайно ярко показывает, какое впечатление, даже сейчас, произвело здесь сообщение о созыве конгресса *. Как видите, Социал-демократическая федерация, или, вернее, Гайндман, отлично понимает, что дело идет в такой же мере об их положении здесь, как и о положении социалистов * во Франции. Разумеется, мы ответим. Но, если бы мы могли присоединить к нашей листовке сообщение о созыве конгресса с подписями иностранцев, это произвело бы огромное впечатление,

Текст воззвания был опубликован в «Commonweal», и Моррис открыто высказывается за наш конгресс.

Ф. Энгельс — Полю Лафаргу 24 мая 1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 121—122.

9

Теперь имеются кое-какие виды на то, что здесь образуется жизнеспособная социалистическая организация, которая постепенно выбьет почву из-под ног Социал-демократической федерации или же поглотит ее. С Лигой ничего не выходит, там все сплошь анархисты, а Моррис в их руках — марионетка.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 17 августа 1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 140.

10

[Черновик]

Оставляю в стороне вопрос морали — об этом пункте здесь речи нет, и я его поэтому обхожу, — для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным.

Такая политика требует проницательности и стойкости, но какая же политика этого не требует? Она подвергает нас опасности коррупции — говорят анархисты и друг Моррис. Да, если рабочий класс представляет собой общество глупцов, безвольных людей и просто-напросто продажных негодяев, тогда самое лучшее нам тотчас же убираться восвояси, тогда пролетариату и всем нам нечего делать на политической арене. Пролетариат, как и все другие партии, быстрее всего учится на последствиях своих собственных ошибок, и никто от этих ошибок не может его полностью уберечь.

Ф. Энгельс — Герсону Триру 18 декабря 1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 170—171.

11

«People's Press» * редактирует некий Делл — молодой фабианец, второй вождь — поп Моррис; оба как будто порядочные люди и идут навстречу рабочим газовых предприятий. Во главе рабочих газовых предприятий (негласно) стоит Тусси, и союз их, по-видимому, один из лучших.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 19 апреля 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 207.

БЕРНАРД ШОУ

1

Только что у меня был Джойнс из «То-Дау». Они хотят издать «Развитие [социализма]» * по-английски, а я давно уже предоставил право перевода Эвелингу. Но они его не желают, потому что он и Гайндман до некоторой степени соперники; мне собирались поэтому навязать Шоу, который не знает немецкого языка и собирался переводить с французского. От этого я, однако, отказался и направил его к Эвелингу, который мне вообще нравится с каждым днем все больше. Эти мелкие литературные дразги составляют большую часть внутренней истории здешнего движения. Да и вообще дела у них идут плохо. Во вторник на прошлой неделе г-жа Лафарг была на заседании совета Социал-демократической федерации; там спорили из-за какой-то чепухи, но с таким ожесточением, что слова «damned liars» [проклятые лгуны] так и сыпались. Представляю себе, как это выглядело. Единственные люди, которым я доверяю, это Бакс и Эвелинг — оба они в высшей степени порядочные, умные и искренние люди, хотя и сильно нуждаются в помощи со стороны; об остальных, насколько я могу о них судить, я очень невысокого мнения.

Ф. Энгельс — К Каутскому 20 октября 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 419.

2

Но и Гайндман тоже потерпел крупные поражения. Прочитай в «Workman's Times» * за прошлую неделю прения делегатов в помещении Социал-демократической федерации на Стрэнде, об открытом митинге в Челси, на Уорлдс-энд. Там ему крепко досталось и от Шоу, и от Бернса, и от Тусси. Бернс заявил, что, когда дойдет до дела, ораторов, надо надеяться,

не придется разыскивать в уборных (как Гайндмана во время событий в Трафальгарском сквере) и т. п., что Гайндман мог бы спасти дело, если бы вместо такой трудно обороняемой позиции, как Уорлдс-энд (триста человек создают там такой затор уличного движения, что полиция *вынуждена* вмешаться!), он оставил за собой Слоон-сквэр, но что он от него отказался, когда был присужден к штрафу в 1 шиллинг!

Ф. Энгельс — К. Каутскому 26 января 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 5.

3

Если будешь писать Шоу, можешь порекомендовать ему статью Конрада Шмидта в «Neue Zeit» * в качестве опровержения их «австрийской теории стоимости».

Ф. Энгельс — А. Бебелю 7 июля 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 38.

4

А что делали фабианцы * — не отдельные члены организации, а все Фабианское общество в целом? Оно проповедовало и осуществляло на практике *присоединение рабочих к либералам*, и произошло то, чего и следовало ожидать: либералы выделили для них четыре округа, завоевать которые было невозможно, и кандидаты фабианцев провалились с треском. Парадоксальный беллетрист Шоу — как беллетрист очень талантливый и остроумный, но решительно ничего не стоящий как экономист и политик, хотя он и честен и не карьерист, — писал Бебелю: если они, мол, не будут проводить эту политику, состоящую в том, чтобы называть либералам своих кандидатов, то не пожнут ничего, кроме «поражения» и «позора» (как будто «поражение» зачастую не бывает почетнее победы); ну, вот теперь они эту свою политику провели и пожинают и то и другое.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 4 сентября 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 114.

5

Из прилагаемого ты увидишь, какой вздор мелют о вашем партийном съезде * семеро швабов * из Лондона, сиречь фабианцы из «Chronicle» *. Беднягам туго приходится. После

того как великий Шоу в мае всячески доказывал вам, что необходимо завести интриги с либералами и что вне этой политики возможны только поражение и позор, он признает теперь, в речи, произнесенной в Демократическом клубе, что либералы подло обманули их, что на выборах пришлось пожать только поражение и позор и что либералы собираются, теперь уже вместе с тори, обмануть рабочих! И эти люди хотят учить вас «практической политике»! Теперь он даже говорит, что обе старые партии * придерживаются *одной и той же политики* и что помимо них существует только социал-демократия!

Ф. Энгельс — А. Бебелю 19 ноября
1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 160—161.

6

Точно так же обстоят дела и с фабианцами. Их, как и Социал-демократическую федерацию, переросли их собственные отделения в провинции; Ланкашир и Йоркшир и в этом движении, как в чартистском, снова стоят во главе. Люди вроде Сиднея Вебба, Бернарда Шоу и им подобных, желавшие «пропитать» либералов социализмом, теперь должны терпеть, чтобы рабочие члены их собственного Общества «пропитывали» их своими идеями. Как ни упираются они, как они ни выкручиваются, все бесполезно; они должны либо оставаться в одиночестве — офицерами без солдат, либо же идти в ногу с рабочими. Первое — более вероятно, да и более желательно.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 18 марта
1893 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 210.

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И ПИСЕМ
МОЛОДОГО
МАРКСА

ПИСЬМО К ОТЦУ *

1

Дорогой отец!

Бывают в жизни моменты, которые являются как бы пограничной чертой для истекшего периода времени, но которые, вместе с тем, с определенностью указывают на новое направление жизни.

В подобные переходные моменты мы чувствуем себя вынужденными обозреть орлиным взором мысли прошедшее и настоящее, чтобы таким образом осознать свое действительное положение. Да и сама всемирная история любит устремлять свой взор в прошлое, она оглядывается на себя, а это часто придает ей видимость попятного движения и застоя; между тем она, словно откинувшись в кресле, призадумалась только, желая понять себя, духовно проникнуть в свое собственное деяние — деяние духа.

Отдельная личность настраивается в такие моменты лирически, ибо каждая метаморфоза есть отчасти лебединая песнь, отчасти увертюра к новой большой поэме, которая стремится придать сверкающему богатству еще расплывающихся красок прочные формы. И, тем не менее, мы хотели бы воздвигнуть памятник тому, что уже однажды пережито, дабы оно вновь завоевало в нашем чувстве место, утраченное им для действия. Но есть ли для пережитого более священное хранилище, чем сердце родителей, этот самый милосердный судья, самый участливый друг, это солнце любви, пламя которого согревает сокровеннейшее средоточие наших стремлений! Да и как могло бы многое дурное, достойное порицания, быть столь успешно исправлено и заслужить прощение, если бы оно не обнаружилось как проявление существенного, необходимого состояния? И как, по крайней мере, могла бы злополучная подчас игра

случая и блужданий духа быть свободной от упрека в порочности сердца?

Следовательно, когда я теперь, в конце прожитого здесь года, оглядываюсь назад, на весь ход событий, чтобы ответить тебе, мой дорогой отец, на твое бесконечно дорогое для меня письмо из Эмса *, — да будет мне позволено обозреть мои дела так, как я рассматриваю жизнь вообще, а именно как выражение духовного деяния, проявляющего себя всесторонне — в науке, искусстве, частной жизни.

Когда я покинул вас, для меня открылся новый мир *, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, побудило бы к созерцанию природы, разожгло бы жажду жизни, оставило меня холодным. Оно даже сильно расстроило меня, ибо скалы, которые я увидел, были не более непреклонны и горды, чем мои чувства, обширные города не более оживленны, чем моя кровь, обеды в гостинице не более обильны и неудобоваримы, чем тот рой фантастических образов, который я носил в себе, и, наконец, искусство не так прекрасно, как Женни.

Приехав в Берлин, я порвал все прежние знакомства, неохотно сделал несколько визитов и попытался погрузиться в науку и искусство.

Для того состояния духа, в котором я тогда находился, лирическая поэзия должна была стать первой темой — по крайней мере самой приятной и близкой. Однако она была чисто идеалистической; причиной этому было мое состояние и все мое прежнее развитие. Мое небо, мое искусство стали чем-то столь же далеким и потусторонним, как и моя любовь. Все действительное расплылось, а все расплывающееся лишено каких-либо границ. Нападки на современность, неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, также некоторая теплота чувства и жажда смелого полета — вот чем отмечены все стихи в первых моих трех тетрадах, посланных Женни. Вся ширь стремления, не знающего никаких границ, прорывается здесь в разных формах, и стихи теряют необходимую сжатость и превращаются в нечто расплывчатое.

Но поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии, Обе

они так переплелись между собой, что я, с одной стороны, прочел — без всякого критического отношения, по-ученически — Гейнекция, Тибо * и источники (так, например, я перевел на немецкий язык две первые книги пандектов), с другой стороны, я пытался провести некоторую систему философии права через всю область права. В качестве введения я предпослал некоторые метафизические положения и довел этот злополучный опус, почти в триста листов, до публичного права.

К. Маркс. Письмо к отцу 10 ноября [1837 г.].
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 6—8.

2

При этом я усвоил себе привычку делать выписки из всех книг, какие я читал *, — например, из «Лаокоона» Лессинга, «Эрвина» Зольгера, «Истории искусств» Винкельмана, «Немецкой истории» Людена, — мимоходом нанося на бумагу свои размышления. В то же время я переводил «Германию» Тацита, «Элегии» Овидия * и начал изучать самостоятельно, т. е. по грамматикам, английский и итальянский языки — в чем я до сих пор ничего не достиг; читал «Уголовное право» Клейна и его «Анналы», а также все новинки литературы, но последнее только между прочим.

В конце семестра я снова обратился к пляскам муз и к музыке сатиров, и уже в последней тетради, посланной мною вам, идеализм пробивается сквозь вымученный юмор («Скорпион и Феликс»), сквозь неудачную, фантастическую драму («Оуланем»), пока, наконец, он не претерпевает полного превращения и не переходит в чистое искусство формы, по большей части без воодушевляющих объектов, без вдохновенного взлета идей.

И, однако, только в этих последних стихотворениях внезапно, как бы по удару волшебного жезла, — ах, удар этот вначале был сокрушающим, — передо мной блеснуло, словно далекий дворец фей, царство подлинной поэзии, и все, что было создано мною, рассыпалось в прах.

При этих разнообразных занятиях немало было проведено в течение первого семестра бессонных ночей, немало было пережито битв, немало испытано внутренних и внешних побуждений. Однако все это не очень меня обогатило, к тому же я забросил природу, искусство, весь мир, а своих друзей я от

себя оттолкнул. Это как будто почувствовал и мой организм. Один врач посоветовал мне уехать в деревню, и вот впервые, проехав через весь город, я очутился у его ворот, выходящих на дорогу к Штралову. Я не подозревал, что, хилый и немощный здесь, я стану там здоров и крепок телом.

Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов.

От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питая его из этого источника, — я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее.

Я уже раньше читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия. Я захотел еще раз погрузиться в море, но с определенным намерением — убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная; я не хотел больше заниматься фехтовальным искусством, а хотел испытать чистоту перлов при свете солнца.

Я написал диалог почти в 24 листа: «Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии» *. Здесь в известной степени соединились искусство и наука, совершенно разошедшиеся друг с другом. И вот я, неутомимый путник, принялся за дело, чтобы философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история. Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы, и эта работа, для которой я несколько ознакомился с естествознанием, Шеллингом, историей, стоила мне огромных умственных усилий и написана она так *conscience*¹ (она, в сущности, должна была быть новой логикой), что я сам теперь едва могу вдуматься в этот ход мыслей. Это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага.

От досады я несколько дней совершенно не был в состоянии думать и бегал, как безумный, в саду у грязных вод Шпре, «омывающих души и разжижающих чай» *; я даже отправился на охоту с моим хозяином, затем помчался в Берлин, готовый обнять каждого встречного.

Вскоре после этого я взялся за одни лишь положительные занятия. Я изучил сочинение Савиньи о владении, уголовное

¹ — тонко. *Ред.*

право Фейербаха и Грольмана, «О значении слов» Крамера, сочинения Веннинг-Ингенхейма о системе пандектов и «Учение пандектов» Мюленбруха, над чем я все еще работаю; я изучил, наконец, отдельные разделы по собранию Лаутербаха, гражданский процесс и особенно церковное право, первую часть которого, «Согласие противоречивых канонов» Грациана, почти целиком прочел в «Своде [канонического права]», сделав соответственные извлечения; изучил я также и приложение — «Институции» Ланчеллотти. Далее я перевел часть «Риторики» Аристотеля, прочел «О приращении наук» знаменитого Бэкона Веруламского, много занимался Реймарусом, книгу которого «О художественных инстинктах животных» я продумал с наслаждением. Я принялся также за германское право, но главным образом лишь постольку, поскольку я занимался капитуляриями франкских королей и письмами пап к последним.

От огорчения по поводу болезни Женни и моей напрасной бесплодной духовной работы, от грызущей досады, что приходится сотворить себе кумира из ненавистного мне воззрения, я заболел, как я уже раньше писал тебе, дорогой отец. Оправившись, я сжег все стихи и наброски новелл и пр., вообразив, что могу уже совершенно отречься от них; до сих пор, во всяком случае, я не дал каких-либо доказательств противоположного.

Во время болезни я ознакомился с Гегелем от начала до конца, а также с работами большинства его учеников. Благодаря частым встречам с друзьями в Штралове я попал в «Докторский клуб» *, среди членов которого было несколько приват-доцентов и ближайший из моих берлинских друзей, доктор Рутенберг. Здесь обнаружилось в спорах различные, противоположные друг другу взгляды, и все крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией, влияния которой я думал избежать; но все звуки утихли, меня охватило настоящее неистовство иронии, что легко могло случиться после того, как столь многое подверглось отрицанию. К этому присоединилось молчание Женни, и я не мог успокоиться, пока не отдал дань модернизму и точке зрения современной науки некоторыми плохими произведениями * вроде «Посещения» и т. д.

Если я здесь, может быть, недостаточно ясно изобразил тебе этот последний семестр в целом, а также не изложил всех подробностей, затушевывая все оттенки, то прости меня, дорогой отец, приняв во внимание мое страстное желание поговорить о моей теперешней жизни.

Г-н фон Шамиссо прислал мне записку * весьма незначительного содержания, в которой сообщает мне «о своем сожалении по поводу того, что не может использовать мои работы для альманаха, так как последний уже давно отпечатан». Я проглотил это с чувством досады. Книгопродавец Виганд переслал мой план * доктору Шмидту, поверенному вундеровской фирмы, торгующей хорошим сыром и плохой литературой. Я прилагаю его письмо; доктор Шмидт еще не ответил. Однако я ни в коем случае не отказываюсь от этого плана, тем более что все знаменитые эстетики гегелевской школы обещали свое сотрудничество через посредство доцента Бауэра, играющего среди них крупную роль, и моего сотоварища, доктора Рутенберга.

К. Маркс. Письмо к отцу 10 ноября [1837 г.].
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 12—14.

ИЗ СТАТЕЙ МАРКСА В «РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЕ»

I

Один наш корреспондент с Майна* писал, что аугсбургская «Allgemeine Zeitung» похвалила политический роман Юлиуса Мозена «Веронский конгресс» потому, что он вышел в издательстве Котты. Мы должны сознаться, что в литературно-критический отдел аугсбургской «Allgemeine Zeitung», — зная, насколько он убог, — мы заглядываем лишь случайно, что мы незнакомы с ее критикой Мозена и в этом вопросе положились à discretion¹ на добросовестность нашего корреспондента. Если даже согласиться относительно фактической стороны дела, все же корреспонденция не лишена была внутреннего правдоподобия, ибо даже теперь, после новых разъяснений аугсбургской «Allgemeine Zeitung», в которых полемика ведется больше с помощью крючкотворства, чем с помощью доводов, можно по меньшей мере усомниться в том, сохранила ли критическая совесть газеты независимость от штуртгартской типографии. Остается, таким образом, лишь утверждение, что мы не знали, в какой типографии печатался этот политический роман, но ведь, в конце концов, незнание места, где печатался тот или иной роман, не является еще смертным политическим грехом.

Впоследствии редакция, когда ее внимание было обращено на ошибку в указании места печатания, дала разъяснение в следующей заметке: «Мы только что узнали, что роман «Веронский конгресс» поэта Юлиуса Мозена появился вовсе не в издательстве Котты, мы и просим поэтому наших читателей иметь в виду эту поправку при оценке того, о чем сообщает помещенная в № 317 корреспонденция с Майна». Так как главное обвинение со стороны майнского корреспондента против

¹ — безусловно. *Ред.*

аугсбургской «Allgemeine Zeitung» основывалось только на предпосылке, что «Веронский конгресс» появился у Котты, так как мы объяснили, что этот роман появился не у Котты, так как всякое умозаключение теряет само собой силу, когда отброшена его предпосылка, — то мы вправе были предъявить к умственным способностям наших читателей непосильное, что и говорить, требование внести после этого разъяснения поправку в указанную корреспонденцию, и мы могли быть уверены, что искупили свою вину перед аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Но ведь мы имеем дело с аугсбургской логикой! Аугсбургская логика вкладывает в нашу поправку следующий смысл:

«Если бы «Веронский конгресс» Мозена появился у Котты, то все друзья права и свободы должны были бы рассматривать его как негодный, залежавшийся хлам; но так как мы впоследствии узнали, что книга вышла в Берлине, то мы просим наших уважаемых читателей приветствовать в ней, по собственным словам поэта, творение одного из духов вечной молодости, которые шествуют к нам по лучезарному пути и железной пятой попирают весь старый сброд».

Наш молодец орудует своим луком, точно чучело неуклюжее. Натяните-ка ему в виде мишени целое полотнище! — Попал, попал! — Ура!

«И это-то, — восклицает с торжеством аугсбургская кумушка, — и это-то «Rheinische Zeitung» называет своим образом мыслей, своей последовательностью!»

Но разве «Rheinische Zeitung» выдавала когда-либо последовательность аугсбургской логики за свою последовательность, а тот образ мыслей, на котором базируется эта логика, за свой образ мыслей? Аугсбургская кумушка имела право сделать только такой вывод: «Вот как дурно понимают в Аугсбурге, что такое последовательность и что такое образ мыслей!» Или в самом деле аугсбургская «Allgemeine Zeitung» думает, что, помещая тост Мозена, мы хотели дать комментарий, вносящий поправку в оценку «Веронского конгресса»? Мы посвятили очень подробный фельетон празднествам в честь Шиллера, мы указали на Шиллера «как на пророка нового движения умов» (см. № 326, корреспонденция из Лейпцига) и на вытекающее отсюда значение шиллеровских празднеств; почему же мы не должны были поместить тост Мозена, подчеркивавшего это значение? Потому разве, что в нем содержится выпад против аугсбургской «Allgemeine Zeitung», который она заслужила хотя бы за одну свою оценку Гервега? *

Но все это не имеет никакого отношения к майнской корреспонденции. Для этого мы должны были бы — как нам подсказывает это *аугсбургская кумушка* — написать: «Пусть читатель судит о корреспонденции с Майна в № 317 по стихотворению Мозена в № 320». Аугсбургская логика специально придумала эту бессмыслицу, чтобы навязать ее нам. Отзыв, помещенный в «*Rheinische Zeitung*» № 317, в статье о «Бернхарде Веймарском» Мозена, доказывает, — хотя это и не нуждается в доказательствах, — что и по отношению к Мозену она ни на шаг не отступает от своего обычая — критиковать, исходя из существа дела.

Мы, впрочем, охотно согласимся с аугсбургской кумушкой, что даже и «*Rheinische Zeitung*» не может отвадить от себя литературных кондотьеров — эту назойливую и отвратительную мразь, буйно расплодившуюся повсюду в Германии в газетную эру, воплощением которой является аугсбургская «*Allgemeine Zeitung*».

Под конец аугсбургская газета напоминает нам о метательной машине, «стреляющей громкими словами и фразами, которые совсем не задевают действительность». Аугсбургская «*Allgemeine Zeitung*» задевает, конечно, какую угодно действительность: мексиканскую действительность, бразильскую действительность, но только не германскую, и даже не баварскую, а если случайно она и заденет что-нибудь подобное, то обязательно примет иллюзию за действительность, а действительность — за иллюзию. Если бы речь шла о духовной и подлинной действительности, то «*Rheinische Zeitung*» могла бы по адресу аугсбургской кумушки крикнуть вместе с Лиром: «Напрасный труд, слепой Купидон *». Посмотри-ка на почерк!» А аугсбургской кумушке оставалось бы ответить вместе с Глостером: «Будь солнцем буква каждая, не вижу!»

К. Маркс. Poleмическая тактика аугсбургской газеты.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 217—220.

2

В приложении к № 335 аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*» помещена небезынтересная статья о сословных комиссиях в Пруссии. Так как мы намерены подвергнуть ее критике, то с самого же начала должны положить в основу одно простое правило, которое, тем не менее, часто забывается в пылу при-

страстной полемики. Рассуждение о каком-нибудь государственном учреждении не есть еще само это учреждение. Poleмика, направленная против такого рассуждения, вовсе не является поэтому полемикой против данного государственного учреждения. Консервативная печать, которая постоянно напоминает о том, что следует-де отвергнуть взгляды оппозиционной печати как всего лишь индивидуальное мнение и искажение действительности, постоянно забывает, что также и она не есть самый объект, а только известное мнение о нем и что, следовательно, борьба с консервативной печатью не означает непременно борьбы с ее объектом. Всякий объект, включаемый — с одобрением или с порицанием — в кругозор печати, тем самым становится литературным объектом и, значит, объектом литературной дискуссии.

Это-то и превращает печать в могучий рычаг культуры и духовного образования народа: печать превращает материальную борьбу в борьбу идейную, борьбу плоти и крови — в борьбу духовную, борьбу потребностей, страстей, эмпирии — в борьбу теории, разума, формы.

К. Маркс. О сословных комиссиях в Пруссии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 221.

3

Если даже признать, что «Евангелие для мирян» * и могло дать повод к подобному толкованию; если признать, что Саллет в этом произведении еще далеко не уяснил себе своей точки зрения, что он сам считает себя проповедником истинного смысла евангелия, что цитате, которую привела «Rhein- und Mosel-Zeitung», нетрудно противопоставить иные цитаты, звучащие совсем по-христиански, — то все же «Rhein- und Mosel-Zeitung» права в том, что Саллет на место исторического христианства ставит христианство своего собственного изделия.

В заключение еще одно слово по поводу тех мест, которые цитирует «Rhein- und Mosel-Zeitung». Все они страдают одним коренным недостатком — отсутствием поэзии. Да и вообще, что за нелепая идея излагать в стихах богословские споры! Приходило ли какому-нибудь композитору в голову положить догматику на музыку?

Не говоря уже об этой ереси в отношении законов искусства, каково содержание цитируемых мест? Саллет полагает,

что *несовместимо* с божественностью Христа, чтобы он, зная о предательских замыслах Иуды, ничего не предпринял для его исправления или для того, чтобы предотвратить злодеяние! И по этому поводу Саллет восклицает («Rhein- und Mosel-Zeitung» приводит эти строки):

«Позор тому — кто б ни был он, слепец! —
Кто господа таким изобразил:
Сей каплей знания людских сердец
Он дорогой нам образ исказил».

Суждение Саллета говорит о том, что он не был ни *теологом*, ни *философом*. Если бы он был *теологом*, он не стал бы беспокоиться по поводу того, что это противоречит *человеческому* разуму и *человеческой* нравственности, ибо для теолога человеческий разум и нравственность не являются мерилем для евангелия, а, наоборот, евангелие является мерилем для них. А если бы Саллет был *философом*, то он знал бы, что такого рода противоречия коренятся в *природе религиозного мышления*, он признал бы тогда и указанное противоречие *неизбежным продуктом* христианского мировоззрения, а отнюдь не осудил бы его как *фальсификацию* этого мировоззрения.

К. Маркс. «Rhein- und Mosel-Zeitung» как великий инквизитор.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 238—239.

ДЕБАТЫ ШЕСТОГО РЕЙНСКОГО ЛАНДТАГА * (Статья первая)

ДЕБАТЫ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ И ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ ПРОТОКОЛОВ СОСЛОВНОГО СОБРАНИЯ

К изумлению всей пишущей и читающей Германии прусская «*Staats-Zeitung*» * в одно прекрасное берлинское весеннее утро опубликовала свои признания. Она, конечно, избрала для этого великосветскую, дипломатическую форму, а не занимательную форму исповеди. Она сделала вид, что хочет показать своим сестрам зеркало познания, она мистически-загадочно говорила только о других прусских газетах, между тем как на самом деле она говорила о той газете, которая является прусской *par excellence* ¹ — о себе самой.

Это обстоятельство допускает различные объяснения. Цезарь говорил о себе в третьем лице. Почему же в таком случае прусской «*Staats-Zeitung*», когда она говорит о третьих лицах, не иметь в виду самое себя? Дети, говоря о себе, обыкновенно вместо слова «я» называют себя по имени: «Георг» и т. п. Почему же прусской «*Staats-Zeitung*» не замещать местоимение «я» именами «*Vossische*» *, «*Spencersche*» * или именем какого-нибудь другого святого?

Появилась новая цензурная инструкция. Наши газеты сочли необходимым усвоить манеры и внешние формы, подобающие свободе. И прусская «*Staats-Zeitung*» тоже была вынуждена встряхнуться и обзавестись какой-нибудь либеральной — по меньшей мере самостоятельной — идеей.

Первым необходимым условием свободы является, однако, самопознание, самопознание же невозможно без признаний.

¹ — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

Если только твердо помнить, что прусская «*Staats-Zeitung*» опубликовала здесь *свои признания*; если не упускать из виду, что мы тут видим перед собой первое пробуждение полуофициального газетного детища к самосознанию, — то все загадки будут разрешены. Мы убедимся, что прусская «*Staats-Zeitung*» «невозмутимым тоном произносит великие слова», и нам только трудно будет решить: восхищаться ли нам больше невозмутимостью этого величия или величием этой невозмутимости?

Едва только успела появиться цензурная инструкция, едва только успела «*Staats-Zeitung*» прийти в себя от этого удара, как она выступила с вопросом: «Какую пользу принесла вам, прусским газетам, большая свобода по отношению к цензуре?»

Она, очевидно, этим хочет сказать: какую пользу принесли мне долгие годы строгого цензурного надзора? Чем же я стала, несмотря на весь старательный надзор и всестороннюю опеку? И что же теперь будет со мной? Ходить самостоятельно я не научилась, а падкая на зрелища публика ждет всяких антраша от паралитика. Такая же участь ждет и вас, мои сестры! Признаем же открыто перед прусским народом наши слабости, но будем дипломатичны в этих своих признаниях. Мы не скажем ему прямо, что мы неинтересны. Но мы ему скажем, что если прусские газеты неинтересны прусскому народу, то прусское государство не представляет интереса для газет.

Смелый вопрос «*Staats-Zeitung*» и еще более смелый ответ являются только прелюдией к ее пробуждению, — это она сквозь сон бормочет текст той роли, которую она впоследствии исполнит. Она пробуждается к сознанию, она проявляет свою сокровенную сущность. Внимайте Эпимениду!

Известно, что первой теоретической деятельностью рас-судка, который еще колеблется между чувственностью и мышлением, является *счет*. Счет — это первый свободный теоретический акт рассудка *ребенка*. *Давайте считать* — зовет прусская «*Staats-Zeitung*» * к своим сестрам. *Статистика* — первая политическая наука! Я познал голову человека, если я знаю, сколько на ней волос.

Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы поступали по отношению к тебе. И можно ли оценить по достоинству нас самих, в особенности меня, прусскую «*Staats-Zeitung*», лучше, чем статистическим путем! Именно статистика удостоверит не только тот факт, что я столь же часто гьхожу в свет, как любая французская или английская

газета, но также и тот факт, что меня меньше читают, чем какую бы то ни было газету цивилизованного мира. Откиньте чиновников, которые без особого желания вынуждены интересоваться мной, сбросьте со счета общественные заведения, которые не могут обходиться без полуофициального органа, — кто же станет читать меня, — я спрашиваю, кто? Сосчитайте производимые на меня затраты, сосчитайте доходы, которые я приношу, и вы убедитесь, что произносить невозмутимым тоном великие слова вовсе не значит заниматься прибыльным делом. Видите, как убедительна статистика, как простой арифметический счет делает излишними всякие дальнейшие умственные операции. Итак, считайте! Цифровые таблицы прощещают публику, не возбуждая ее страстей.

«Staats-Zeitung» с ее высоким пониманием значения статистики ставит себя рядом не только с китайцем *, не только со статистиком мироздания — Пифагором. Она показывает, что находится под влиянием великого натурфилософа новейшего времени, который хотел представить в числовых рядах все различия в мире животных¹ и т. д.

Таким образом, для «Preußische Staats-Zeitung», несмотря на весь ее бросающийся в глаза позитивизм, не являются чуждыми и принципы современной философии.

«Staats-Zeitung» — газета всесторонняя. Она не успокаивается на *числе*, на *величине времени*. Она идет дальше в своем признании количественного принципа, она отдает должное и *пространственной величине*. Пространство — это первое, что импонирует *ребенку* своей величиной. Оно — первая величина, с которой ребенок сталкивается в мире. Ребенок поэтому считает человека большого роста большим человеком, и точно так же по-детски рассуждающая «Staats-Zeitung» повествует нам о том, что *толстые* книги несравненно лучше, чем *тонкие*, о *листочках* же, о *газетах*, выходящих ежедневно в размере одного только печатного листа, и говорить не приходится.

Вы, немцы, умеете высказываться только обстоятельно! Пишите же весьма пространные книги о государственном устройстве, пишите весьма солидные ученые труды, которых никто, кроме почтенного автора и почтенного рецензента, не читает, но помните, что ваши газеты — это не книги. Сосчитайте, какое количество листов бумаги содержит основательный трехтомный труд! Ищите поэтому дух наших дней, дух вре-

¹ Лоренца Окена. *Ред.*

мени не в газетах, которые предлагают вам статистические таблицы, а в книгах, размеры которых уже служат гарантией их основательности.

Помните, благонравные дети, что тут речь идет об «ученых» вещах. Штудируйте поэтому прежде всего толстые книги, и вы проникнетесь любовью также и к нам, газетам, за наш воздушный формат, за нашу светскую легкость, которые после толстых книг оказывают поистине освежающее действие.

Правда, наше время не имеет уже того настоящего чувства величия, которое восхищает нас в средних веках. Посмотрите на наши тощие пиетистские трактатики, на наши философские системы размером всего *in octavo*¹ и сравните их с двадцатью огромными фолиантами Дунса Скота. Эти фолианты вам даже не надо читать. Уже одни их фантастически огромные размеры трогают — подобно готическому зданию — ваше сердце, поражают ваши чувства. Эти первобытно-грубые колоссы действуют на душу как нечто материальное. Душа себя чувствует подавленной под тяжестью массы, а чувство подавленности есть начало благоговения. Не вы владеете этими книгами, а они владеют вами. Вы являетесь их акциденцией, и такой же акциденцией, по мнению прусской «*Staats-Zeitung*», должен стать народ по отношению к своей политической литературе.

Таким образом, «*Staats-Zeitung*» не лишена исторических, присущих солидному средневековью принципов, хотя и выражается она совершенно по-современному.

Если, однако, теоретическое мышление *ребенка* имеет количественный характер, то суждение ребенка, как и его практическое мышление, имеет характер прежде всего практически-чувственный. Чувственная природа организма ребенка — это первая связь, которая соединяет его с миром. *Практические органы чувств*, преимущественно нос и рот, являются первыми органами, при помощи которых он *оценивает* мир. Поэтому по-детски рассуждающая прусская «*Staats-Zeitung*» определяет при помощи *носа* ценность газет вообще, свою собственную ценность в частности. Если один греческий мыслитель* считает лучшими сухие души, то «*Staats-Zeitung*» считает «*хорошими*» газетами «*благовожные*». Она не может нахвалиться «*литературным ароматом*», присущим аугсбургской «*Allgemeine*»* и «*Journal des Débats*»*. Похвальная, редкая наивность! Великий, величайший Помпей!

¹ Формат книги в восьмую листа. *Ред.*

Развернув, таким образом, перед нами целый ряд отдельных, заслуживающих признательности мыслей, давших нам возможность глубоко заглянуть в ее душу, «*Staats-Zeitung*» резюмирует затем свой взгляд на государство в одном глубоком рассуждении, центральное место в котором занимает великое открытие, «что в Пруссии государственное управление и весь организм государства отделены от политического духа и поэтому не могут представлять никакого *политического* интереса ни для народа, ни для печати».

По *мнению прусской «Staats-Zeitung»*, таким образом, в Пруссии государственное управление непричастно к политическому духу, или политический дух непричастен к государственному управлению. Как неделикатно поступает здесь «*Staats-Zeitung*», высказывая нечто такое, хуже чего не мог бы придумать злейший враг, а именно, что действительная государственная жизнь лишена политического духа и что политический дух живет вне действительного государства!

Однако мы не должны забывать *детски-чувственную точку зрения* прусской «*Staats-Zeitung*». Она повествует нам о том, что, когда речь идет о железных дорогах, следует думать только о железе и дорогах, когда речь идет о торговых договорах, следует думать только о сахаре и кофе, когда речь идет о кожевенных заводах, — только о коже. Разумеется, ребенок не идет дальше *чувственного восприятия*, он видит только единичное, не подозревая существования тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевленные члены одухотворенного целого. Ребенок верит, что солнце вращается вокруг земли, всеобщее — вокруг частного. Ребенок поэтому не верит в *дух*, зато он верит в *привидения*.

В соответствии с этим прусская «*Staats-Zeitung*» считает политический дух французским привидением, и ей кажется, что она заклинает это привидение, бросая ему в голову кожу, сахар, штыки и цифры.

Однако, прервет нас здесь читатель, ведь мы хотели поговорить о «дебатах в рейнском ландтаге», а вместо этого нам преподносят «*невинного ангела*», старообразное детище прессы «*Preussische Staats-Zeitung*», и повторяют те старчески-премудрые колыбельные песни, при помощи которых она снова и снова пытается убаюкать себя и своих сестер, чтобы погрузиться в глубокий зимний сон.

Но разве не сказал Шиллер:

И то, что увидеть не может мудрец *,
Доходит до *детских невинных сердец*.

Прусская «*Staats-Zeitung*» «*в своей невинности сердечной*» напомнила нам, что в Пруссии, не хуже чем в Англии, мы имеем *сословные собрания*, дебаты которых ежедневная пресса *имела бы-де право* обсуждать, если бы она *умела* это делать, ибо в классически гордом сознании своего достоинства «*Staats-Zeitung*» полагает, что не хватает прусским газетам не *права*, а *умения*. Это качество в виде особой привилегии мы охотно за ней признаем и, не распространяясь дальше о ее способностях, берем на себя смелость осуществить на деле ту идею, которую она в своей невинности сердечной выболтала.

Опубликование протоколов ландтага лишь тогда станет действительностью, когда они будут обсуждаться как «*публичные факты*», т. е. когда они станут достоянием печати. Нас, конечно, ближе всего касается последний *рейнский* ландтаг.

Мы начинаем с «*дебатов о свободе печати*» и предварительно заметим, что при обсуждении этого вопроса мы будем иногда выступать как участники, высказывая наш собственный взгляд; в дальнейших же статьях мы будем следить за ходом прений и освещать его больше с точки зрения историка-наблюдателя.

Самый характер прений обуславливает это различие в способе изложения. В дебатах по всем остальным вопросам различные мнения защищались представителями сословий с одинаковой силой. В вопросе же о печати, наоборот, противники свободы печати имеют некоторое преимущество. Помимо ходячих выражений и общих мест, которые носятся в воздухе, мы встречаем у этих противников какой-то *патологический аффект*, страстную предвзятость, обусловленную их *действительным*, а не воображаемым отношением к печати, между тем как у *защитников печати* на этом ландтаге, вообще говоря, нет *никакого действительного отношения* к их подзащитному. Они никогда не знали свободу печати как *наущную потребность*. Для них она дело ума, в котором сердце не принимает никакого участия. Она для них «экзотическое» растение, с которым они связаны только как «любители». Вследствие этого они против особо «веских» доводов противников выставляют подчас слишком общие, расплывчатые рассуждения, но даже и самый скудоумный довод претендует на важное значение, пока он не разбит наголову.

Гёте как-то сказал *, что художнику удастся изображение только такого типа женской красоты, который он любил хотя бы в одном живом существе. Свободе печати также присуща своя красота, — хотя красота это отнюдь не женская, — и ее надо любить, чтобы быть в состоянии защищать ее. Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность, без него мое существование не может быть полным, удовлетворенным, совершенным. Между тем упомянутые защитники свободы печати, по-видимому, наслаждаются полнотой жизни и при отсутствии свободы печати.

Либеральная оппозиция показывает нам уровень политического собрания, как вообще оппозиция служит показателем уровня развития данного общества. В такое время, когда сомневаться в привидениях считается философской смелостью, когда протест против суда над ведьмами кажется парадоксом, — в такое время чем-то вполне *законным* признаются вера в привидения и процессы о ведьмах. Страна, которая, подобно древним Афинам, смотрит на прихлебателей, паразитов, льстецов, как на исключения, противоречащие народному разуму, как на *юрродство*, — такая страна есть страна независимости и самостоятельности. Народ же, который, как все народы доброго старого времени, право думать и высказывать истину предоставляет только *придворным шутам*, может быть только народом зависимым и обезличенным. Собрание сословий, в котором оппозиция уверяет, что свободная воля присуща человеческой природе, по меньшей мере не есть собрание сословий свободной воли. Исключение только подтверждает правило. Либеральная оппозиция показывает нам, во что превратилась либеральная позиция, показывает ту степень, в какой свобода воплотилась в человеке.

Если мы поэтому заметили, что защитники свободы печати в сословном собрании ни в коем случае не стоят на высоте своей задачи, то это еще в большей мере относится ко всему ландтагу вообще.

И тем не менее мы начинаем изложение дебатов ландтага именно с этого пункта, исходя не только из особого интереса к свободе печати, но также и из общего интереса к ландтагу. Нигде *специфически-сословный* дух не выразился яснее, определеннее и полнее, чем в дебатах о печати. В особенности это верно по отношению к *оппозиции против свободы печати*, подобно тому как вообще в оппозиции против *общей свободы* проявляется наиболее резко и беспощадно, как бы показывая

свои зубы, дух известного круга, индивидуальный интерес определенного сословия, естественная односторонность характера.

Дебаты дают нам полемику княжеского сословия против свободы печати, полемику дворянского сословия, полемику городского сословия, так что здесь полемизируют не *отдельные лица*, а *сословия*. Какое зеркало могло бы вернее отразить внутренний характер ландтага, чем дебаты о печати?

Мы начинаем с *оппонентов против свободы печати*, а именно, как и подобает, — с *оратора из княжеского сословия*.

Мы не будем подробно останавливаться на первой части его речи относительно того, «что и свобода печати и цензура составляют зло и т. д.», так как тема эта более основательно разобрана другим оратором. Но мы не можем обойти молчанием *характерную* для оратора *аргументацию*.

«Цензура — меньшее зло *, чем распушенность прессы». «*Это убеждение постепенно так укрепилось в нашей Германии*» (спрашивается, какая это часть Германии?), «что и *Союз* издал по этому поводу *законы*, которые Пруссия одобрила и которым она подчинилась».

Ландтаг обсуждает вопрос об освобождении печати от ее пут. Самые эти пути, говорит оратор, самые эти цепи, которыми скована печать, доказывают, что она не предназначена для свободного движения. Ее скованное существование свидетельствует о ее сущности. Законы против свободы печати опровергают свободу печати.

Это — *дипломатический* аргумент против всяких реформ, в наиболее решительной форме высказанный *классической теорией* известной партии *. Каждое ограничение свободы признается фактическим, неопровержимым доказательством того, что у власть имущих когда-то было убеждение в необходимости ограничения свободы, и это убеждение объявляется руководящим началом в последующее время.

Когда-то приказывали верить, что земля не движется вокруг солнца. Был ли Галилей опровергнут этим?

Точно так же в *нашей Германии* было узаконено общеимперское убеждение, разделяемое и каждым владетельным князем в отдельности, что крепостное состояние есть природное свойство определенных человеческих существ, что истина яснее всего доказывается посредством хирургических операций, т. е. с помощью пыток, что огонь ада лучше всего демонстрируется еретика пылающими кострами на земле.

Разве узаконенное крепостное состояние не являлось фактическим доказательством против рационалистической выдум-

ки, что человеческое тело не есть объект пользования и владения? Разве первобытно-грубая попытка не опровергала пустую теорию о том, что кровопусканием не обнаруживается истина, что растягивание позвоночника на лестнице для пыток не лишает человека стойкости, что судорога боли не есть признание?

Факт существования цензуры, по мнению оратора, опровергает свободу печати; и это фактически верно, это — истина, настолько связанная с известным фактом, что топография в состоянии установить ее пределы, — за определенными шлагаумами она перестает быть фактической и истинной.

«Ни в речах, ни в книгах», — поучают нас далее, — «ни в нашей Рейнской провинции, ни во всей Германии мы не видим, чтобы истинное и благородное духовное развитие было сковано».

Этот благородный свет истины, озаряющий нашу печать, является-де даром цензуры.

Обратим прежде всего приведенную аргументацию оратора против него же самого; вместо рационального довода мы приведем правительственный указ. В новейшей прусской цензурной инструкции официально заявляется, что печать до сих пор подвергалась слишком большим ограничениям, что ей еще только предстоит проникнуться истинно национальным содержанием. Оратор имеет возможность видеть, что убеждения в *нашей Германии* могут изменяться.

Но какой нелогичный парадокс — рассматривать цензуру как основу для лучшей части нашей печати!

Величайший оратор французской революции, *voix toujours tonnante*¹ которого доносится еще и до нашего времени; лев, рычание которого надо было самому слышать, чтобы вместе с народом восклицать: «здорово ты, лев, зарычал!»* — *Мирабо* — получил свое образование в тюрьмах. Уж не являются ли поэтому тюрьмы высшими школами красноречия?

Если, несмотря на все духовные кордоны, немецкий дух стал способен на крупные предприятия, то было бы поистине княжеским предрассудком думать, что он достиг этого именно благодаря таможенным заставам и кордонам. Духовное развитие Германии совершалось не *благодаря* цензуре, а *вопреки* ей. Когда печать при цензурных условиях прозябает и влачит жалкое существование, то это приводится как аргумент против свободы печати, хотя это говорит только против несвободы печати. Если печать, несмотря на цензуру, сохраняет свои характерные, существенные черты, то и это приводится в пользу

¹ — всегда гремевший голос. *Ред.*

цензуры, хотя это говорит только в пользу духа, а не в пользу оков.

Вопрос об «истинном, благородном развитии»; впрочем, — дело особое.

Во времена строгого соблюдения цензуры, от 1819 до 1830 года (позднее, — если и не в «нашей Германии», то все же в значительной части Германии, — цензура сама подпала под цензуру условий времени и необычных убеждений, сложившихся в этот период), наша литература переживала «стадию вечерних листков», которую с таким же правом можно назвать «истинной, благородной, живой и богато развитой», с каким редактор «*Abend-Zeitung*», по фамилии «*Винклер*», избрал себе забавным образом псевдоним «*Светлый*», хотя в нем света было меньше, чем в блуждающем по ночам над болотами огоньке. Этот темный провинциал (Krähwinkler¹) с псевдонимом «*Светлый*» и представляет собой прототип тогдашней литературы. Тогдашний великий духовный пост докажет будущим поколениям, что если только немногие святые выдерживали пост в течение сорока дней, то вся Германия, даже не будучи святой, могла прожить более двадцати лет, не производя и не потребляя духовной пищи. Печать опустилась до подлости, и трудно сказать, что преобладало: недостаток ума над недостатком характера, отсутствие формы над отсутствием содержания — или наоборот. Для Германии, пожалуй, было бы выгоднее всего, если бы критике удалось доказать, что этот период никогда не существовал. Единственная область литературы, в которой тогда еще билась живая жизнь, — область философской мысли, — перестала говорить по-немецки, потому что немецкий язык перестал быть языком мысли. Дух говорил непонятным, мистическим языком, ибо нельзя уже было говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось.

А что касается примера *рейнской литературы*, — этот пример, на самом деле, имеет довольно близкое отношение к рейнскому ландтагу, — то можно было бы обойти с фонарем Диогена в руках все пять правительственных округов и нигде не встретить «подлинного человека». Мы это отнюдь не считаем недостатком Рейнской провинции, а скорее доказательством ее практически-политического смысла. Рейнская провинция может создать «свободную печать», но для «несвободной» ей не хватает ни ловкости, ни иллюзий.

¹ Игра слов: Winkler — фамилия, «Krähwinkler» — житель глухой провинции» *Ред.*

Только что истекший литературный период, который мы можем назвать «литературным периодом строгой цензуры», служит, таким образом, очевидным, историческим доказательством того, что цензура, несомненно, нанесла жестокий и непростибельный ущерб развитию немецкого духа и что она ни в коем случае не предназначена быть *magister bonarum artium*¹, как это кажется оратору. Или, может быть, под «благородной, истинной прессой» следует понимать такую, которая с благопристойным видом носит свои цепи?

Если оратор «позволяет себе напомнить известную поговорку о мизинце и всей руке», то мы, наоборот, позволим себе спросить: не соответствует ли более всего достоинству правительства протянуть духу своего народа не *одну* только руку, а сразу обе руки?

Наш оратор, как мы видели, с небрежной важностью, с дипломатической трезвостью устранил вопрос об отношении цензуры к духовному развитию. Еще решительнее он проявляет отрицательные стороны своего сословия в своих нападках на *исторически сложившиеся формы свободы печати*.

Что касается-де существования свободы печати у других народов, то

«Англия не может служить примером, так как в течение целых столетий там исторически складывались такие условия, которые не могли бы быть созданы искусственно при помощи теории ни в какой другой стране, но которые находят свое обоснование в своеобразном положении Англии». «В Голландии свобода печати не сумела предохранить от бремени государственного долга и в значительной степени содействовала возникновению революции, результатом которой было отпадение половины территории».

Мы пока умалчиваем о Франции, чтобы вернуться к ней после.

«Наконец, находим ли мы в *Швейцарии* осчастливленное свободой печати Эльдорадо? Разве мы не вспоминаем с *отвращением* грубые споры между партиями, наполнявшие газетные страницы, когда партии, в верном сознании своего ничтожного человеческого достоинства, *различались по названиям частей животного организма — рогатые, копытные* — и своей плоской руганью вызывали презрение у всех соседей!»

Английская печать не является-де доводом в пользу свободы печати вообще, *потому что* она покоится на *исторических основах*. Печать в Англии имеет заслуги *лишь* потому, что она развилась исторически, а не в качестве печати вообще, так как

¹ — учителем благородных искусств. *Ред.*

последняя-де должна была бы развиться *без* исторических основ. Выходит, что это — заслуга истории, а не печати. Как будто печать не составляет также часть истории, как будто английской печати не приходилось при Генрихе VIII, Марии Католичке, Елизавете и Якове выдерживать жестокую и подчас варварскую борьбу, чтобы добыть английскому народу его исторические основы!

И разве не говорит это, наоборот, в пользу свободы печати, если английская печать, при наибольшей свободе, не подействовала разрушительно на исторические основы? Но оратор не отличается последовательностью.

Английская печать не является доводом *в пользу* печати вообще, *потому что* она — английская. Голландская печать является доводом *против* печати вообще, *хотя* она — только голландская. То все преимущества печати приписываются историческим основам, то все недостатки исторических основ приписываются печати. То печать не имеет своей доли участия в историческом прогрессе, то история не имеет своей доли участия в недостатках печати. Подобно тому как в Англии печать срослась с ее историей и особенностями ее положения, точно так же обстоит дело и в Голландии и в Швейцарии.

Что же должна делать печать в отношении исторических основ — отображать их, отбрасывать их или развивать? Оратор упрекает ее и в одном, и в другом, и в третьем.

Он порицает *голландскую* печать *потому*, что она развилась *исторически*. Она должна была бы *задержать ход истории*, она должна была бы оградить Голландию от бремени *государственного долга!* Какое неисторическое требование! Голландская печать не могла задержать ход вещей в период Людовика XIV; голландская печать не могла помешать тому, чтобы английский флот при Кромвелле стал первым в Европе. Она не могла заколдовать океан, чтобы он избавил Голландию от злополучной роли — служить ареной сражений для воюющих континентальных держав; она не могла, — как и все германские цензоры, вместе взятые, — уничтожить деспотические декреты Наполеона.

Но разве когда-нибудь *свободная* печать умножала государственные долги? А когда во время регентства герцога Орлеанского вся Франция запуталась в бешеных биржевых спекуляциях Ло, — кто тогда выступил наперекор этому фантастическому периоду бури и натиска денежных спекуляций? Только несколько сатириков, которым, конечно, в награду за это достались не банковые билеты, а билеты в Бастилию.

Требование, чтобы печать предохраняла от *государственного долга*, если пойти еще дальше, ведет к тому, что печать должна уплачивать и долги отдельных лиц. Это требование напоминает того литератора, который не переставал сердиться на своего врача за то, что тот, правда, избавил его от болезни, но не избавил заодно его произведений от опечаток. Свобода печати, подобно врачу, не обещает совершенства ни человеку, ни народу. Она сама не является совершенством. Довольно пошлая манера — поносить какое-либо благо за то, что оно — определенное благо, а не совокупность всех благ сразу, что оно — именно это благо, а не какое-либо другое. Конечно, если бы свобода печати представляла собой все и вся, она сделала бы излишними все остальные функции народа и даже самый народ.

Оратор вменяет голландской печати в вину *бельгийскую революцию*.

Ни один человек с некоторым историческим образованием не станет отрицать, что отделение Бельгии от Голландии было в несравненно большей степени *историческим событием*, чем их соединение.

Голландская печать вызвала-де бельгийскую революцию. Какая печать? Прогрессивная или реакционная? Такой же вопрос мы можем поставить и относительно Франции; и если оратор порицает клерикальную бельгийскую печать, которая в то же время была демократической, то он точно так же должен порицать и французскую клерикальную печать, которая в то же время была сторонницей абсолютизма. И та и другая содействовали ниспровержению своих правительств. Во Франции не свобода печати, а цензура подготовила почву для революции.

Но оставим это в стороне. Мы знаем, что бельгийская революция *проявилась* вначале как духовная революция, как революция печати. Вне этих рамок утверждение, будто пресса породила бельгийскую революцию, не имеет никакого смысла. Но разве это заслуживает порицания? Разве революция уже с самого начала должна выступать в *материальной форме*? Разве она уже с самого начала бьет, а не говорит? Правительственная власть может материализовать духовную революцию; материальная революция должна прежде всего одухотворить правительственную власть.

Бельгийская революция есть продукт бельгийского духа. Поэтому и печать — самое свободное в наши дни проявление духа — принимала участие в бельгийской революции. Бельгий-

ская печать не была бы бельгийской печатью, если бы она стояла в стороне от революции, но точно так же бельгийская революция не была бы бельгийской, если бы она в то же время не была революцией печати. Революция народа *целостна*; т. е. революция совершается по-своему в каждой области; почему же это не должно быть применимо к печати как таковой?

Оратор порицает, таким образом, в бельгийской печати не печать, *он порицает Бельгию*. И здесь мы обнаруживаем центральный пункт его исторического обзора свободы печати. *Народный* характер свободной печати, — как известно, и художник не пишет больших исторических полотен акварелью, — историческая индивидуальность свободной печати, то, что придает ей своеобразный характер, делает ее выражением определенного народного духа, — все это не по душе оратору из княжеского сословия. Он даже предъявляет требование к печати различных наций, чтобы она была печатью, выражающей *его* взгляды, печатью *haute volée*¹, и чтобы она вращалась вокруг отдельных личностей, а не вокруг духовных светил — вокруг наций. В критике, которой он подвергает *швейцарскую печать*, это требование выступает в неприкрытом виде.

Пока мы позволим себе задать один вопрос. Почему не вспомнил оратор, что швейцарская пресса, в лице Альбрехта фон Галлера, выступила против вольтеровского просвещения? Почему он не помнит, что если Швейцария и не Эльдorado, то все же она произвела также пророка будущего княжеского Эльдorado, а именно еще одного господина фон Галлера, который в своей «Реставрации науки о государстве» заложил основу для «более благородной, истинной» печати, для «*Berliner politisches Wochenblatt*»? * Дерево познается по его плодам. И какая еще земля в мире могла бы похвалиться тем, что она, подобно Швейцарии, произвела плод столь сочного легитимизма?

Оратор ставит в вину *швейцарской прессе*, что она пользуется «зоологическими названиями партий», вроде «рогатых» и «копытных», одним словом, что она говорит *по-швейцарски* и со *швейцарцами*, живущими в патриархальном соседстве с быками и коровами. *Пресса этой страны есть пресса именно этой страны*. Только это и можно сказать. Но вместе с тем именно свободная пресса выводит людей за тесные рамки местного партикуляризма, как это опять-таки доказывает швейцарская пресса.

¹ — высшего света. *Ред.*

О *зоологических названиях партий* мы, в частности, должны заметить, что сама религия возводит *животное* в символ духовного. Наш оратор, конечно, осудит ту *индийскую* прессу, которая в религиозном экстазе поклонялась корове Сабале и обезьяне Гануману. Он поставит индийской прессе в вину индийскую религию, как он швейцарской прессе ставит в вину швейцарский характер. Но есть пресса, которую он едва ли захочет подчинять цензуре, — мы имеем в виду *священную прессу — библию*. А разве она не делит все человечество на две большие партии — *козлиц* и *овец*? Разве сам бог не характеризует следующим образом свое отношение к коленам Иуды и Израиля: «Для колена Иуды я — *моль*, а для колена Израиля — *червь*»? Или, — что для нас, мирян, ближе, — разве нет *княжеской литературы*, которая превращает всю *антропологию* в *зоологию*? Мы имеем в виду *геральдическую* литературу. Там встречаются еще большие курьезы, чем партии «рогатых» и «копытных».

Что же, собственно, порицал оратор в свободе печати? *То, что недостатки народа вместе с тем составляют и недостатки его печати*, что она есть смелый язык исторического народного духа, его раскрытый образ. Доказал ли он, что на *немецкий народный дух* эта великая, естественная привилегия не распространяется? Он показал, что каждый народ проявляет *свой дух* в *своей* прессе. Неужели же философски образованный дух немцев должен быть лишен того, что, по собственному уверению оратора, можно встретить у швейцарцев, закосневших в своих зоологических представлениях?

Думает ли, наконец, оратор, что *национальные* недостатки свободной печати не являются также и *национальными недостатками цензоров*? Разве цензоры изъяты из исторического целого, остаются не затронутыми духом времени? К сожалению, это, может быть, и так. Но какой же здравомыслящий человек не простит скорее печати грехи нации и времени, чем цензуре — грехи против нации и времени?

Мы уже вначале заметили, что в лице различных ораторов, полемизирующих против свободы печати, полемизирует их *особое сословие*. Оратор из княжеского сословия привел сначала *дипломатические* основания. Он доказывал неправомерность свободы печати, исходя из *княжеских убеждений*, довольно ясно выраженных в законах о цензуре. Он думает, что благородное, истинное развитие немецкого духа *вызвано* стеснениями сверху. Он, наконец, полемизировал *против народов* и, преисполненный благородного негодования, отверг свободу пе-

чати как неделикатный, нескромный язык народа, обращенный им к самому себе.

Оратор из дворянского сословия, к которому мы теперь переходим, полемизирует не против народов, а против людей. В *свободе печати* он оспаривает *человеческую свободу*, в *законе о печати — закон*. Прежде чем заняться собственно вопросом о свободе печати, он касается вопроса о *ежедневном печатании дебатов ландтага в несокращенном виде*. Мы последуем за ним шаг за шагом.

«Первое из внесенных предложений, касающееся *опубликования наших дебатов*, удовлетворено». «*Всецело во власти ландтага разумно использовать предоставленное разрешение*».

Вот это именно и есть *punctum quaestionis*¹. Провинция думает, что ландтаг всецело в ее власти с того самого момента, как опубликование дебатов ландтага не предоставлено более произволу его мудрости, а стало необходимым требованием закона. Мы должны были бы назвать эту новую уступку новым шагом назад, если бы пришлось толковать ее в том смысле, что печатание будет зависеть от произвола сословного собрания.

Привилегии сословного собрания — это не права провинции. Скорее, наоборот, — права провинции перестают существовать с того именно момента, когда они становятся привилегиями сословного собрания. Так, например, сословия в средние века сосредоточили в своем лице все права страны и обратили их в качестве привилегий против страны.

Гражданин не признает прав, существующих в виде привилегий. Может ли он рассматривать как право прибавление новых привилегированных к прежнему кругу привилегированных?

Права ландтага в таком случае не являются более *правами провинции*, а *правами против провинции*, и самый ландтаг становится воплощением *наибольшего бесправия, обращенного против провинции*, притязая при этом на мистическое значение — на ореол величайшего ее права.

Следя далее за речью *оратора из дворянского сословия*, мы увидим, насколько он проникся этим *средневековым* взглядом на ландтаг, как бесцеремонно он защищает привилегию сословия против права страны.

«Более широкое использование этого разрешения» (публикации дебатов) «может пронестись только из *внутреннего* убеждения, а не из *внешних* воздействий».

¹ — суть вопроса. *Ред.*

Какой неожиданный ход мысли! Воздействие провинции на *ее* ландтаг считается чем-то *внешним*, и этому воздействию противопоставляется, как *утонченное внутреннее чувство*, убеждение сословного собрания, необыкновенно впечатлительная натура которого взывает к провинции: *Noli me tangere!*¹ Эта пустая элегическая фраза о «*внутреннем убеждении*», в противовес резкому, внешнему, недозволенному северному ветру «общественного убеждения», тем более достойна внимания, что внесенное предложение как раз имеет целью придать внутреннему убеждению сословного собрания внешнее выражение. Но и здесь, конечно, обнаруживается непоследовательность. Там, где это оратору кажется подходящим, — в вопросе о *церковных* спорах, — он апеллирует к провинции.

«Мы», — продолжает оратор, — «*допустим ее*» (публикацию дебатов) «там, где мы считаем это целесообразным, и *ограничим ее там, где распространение ее кажется нам бесцельным или даже вредным*».

Мы будем делать то, что *мы* захотим. *Sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas*². Это — поистине язык повелителей, который приобретает умилительный оттенок в устах современного вельможи.

Кто это «*мы*»? *Сословное собрание*. Опубликование дебатов предназначается для провинции, а не для сословий. Но оратор наставляет нас на путь истинный. Печатание протоколов также является *привилегией* сословного собрания, которое имеет право, — если ему это заблагорассудится, — поставить на службу своей мудрости многоголосое эхо печатного станка.

Оратор знает только провинцию сословного собрания, но не знает сословного собрания провинции. Сословное собрание имеет провинцию, на которую простирается привилегия его деятельности, но провинция не имеет такого сословного собрания, посредством которого она могла бы проявить свою деятельность. Правда, провинция имеет право, при заранее предписанных условиях, сотворить себе этих богов, но, сотворив их, она тотчас же, подобно идолопоклоннику, должна забыть, что эти боги — дело ее рук.

Тут становится среди прочего непонятным также и то, почему *монархия без ландтага* не лучше, чем *монархия с ландтагом*: раз ландтаг не является представителем воли провинции,

¹ — Не тронь меня! *Ред.*

² — Я так хочу, так приказываю, — воля заменяет разумные доводы. *Ред.*

то мы к публичному разуму правительства питаем больше доверия, чем к частному разуму землевладения.

Мы имеем здесь перед собой удивительное зрелище, отражающее, может быть, самую суть ландтага: провинция приходится бороться не столько через своих представителей, сколько против них. Судя по выступлению оратора, ландтаг не рассматривает общие права провинции как единственные свои привилегии, ибо в таком случае ежедневное печатание, в несокращенном виде, протоколов ландтага составило бы лишь новое право ландтага, — ведь оно явилось бы новым правом страны. Оратор же, напротив, хочет, чтобы страна рассматривала привилегии сословного собрания как свои единственные права, — но почему бы в таком случае не привилегии какого-нибудь класса чиновников, дворянства или духовенства!

Более того, наш оратор совершенно открыто заявляет, что привилегии сословного собрания уменьшаются в той мере, в какой увеличиваются права провинции.

«Насколько ему кажется желательным, чтобы здесь, в собрании, имела место свобода обсуждения и не приходилось робко взвешивать каждое слово, настолько же необходимо, по его мнению, для сохранения этой свободы слова и этого непринужденного характера речей, чтобы слова наши в данное время обсуждались лишь теми, для кого они предназначены».

Именно потому, что свобода дискуссии в нашем собрании, заключает оратор, является желательной, — а какие свободы нам нежелательны в тех случаях, когда речь идет о нас? — именно поэтому свобода дискуссии в провинции является нежелательной. Ввиду того что нам желательно говорить *непринужденно*, еще более желательно держать провинцию в плену тайны. *Наши слова не предназначены для провинции.*

Нужно воздать должное тому такту, который подсказал оратору, что печатание дебатов в несокращенном виде превратило бы ландтаг из привилегии сословного собрания в право провинции, что, сделавшись непосредственным объектом общественного духа, ландтаг должен был бы решиться стать воплощением общественного духа, что, будучи вынесен на свет всеобщего сознания, он должен был бы отказаться от своей особой сущности в пользу всеобщей.

Но если дворянский оратор выдает личные привилегии, индивидуальные свободы, противостоящие народу и правительству, за всеобщие права, — очень метко выражая этим, бесспорно, исключительный дух своего *сословия*, — то, напротив,

дух провинции он толкует самым превратным образом, превращая ее всеобщие требования в личные прихоти.

Так, оратор, по-видимому, приписывает провинции какое-то нескромное любопытство чисто личного характера к *нашим* словам (т. е. к словам отдельных представителей сословий).

Мы можем уверить его, что провинция отнюдь не интересуется «словами» представителей сословий как отдельных личностей, а ведь только «такие» слова они справедливо могут назвать «своими». Провинция, напротив, требует, чтобы слова представителей сословий превратились в публичный, повсюду слышный, голос страны.

Здесь речь идет о том, должна ли провинция *знать свое представительство* или нет! Должно ли к таинству правительства присоединиться еще и новое таинство — представительство? Но так народ представлен и в правительстве. Новое представительство народа в лице сословного собрания было бы, следовательно, лишено всякого смысла, если бы специфический характер этого представительства не заключался именно в том, что здесь не другие действуют за провинцию, а, напротив, действует она сама; не другие представляют вместо нее, а она сама себя представляет. Представительство, существующее оторванно от сознания представляемых, не есть представительство. О чем не знаешь, о том и не тужишь. Бессмысленное противоречие состоит здесь в том, что функция государства, преимущественно выражающая собой *самодельность* отдельных провинций, оказывается совершенно изъятой из сферы даже их *формального* содействия — их *осведомленности*; это бессмысленное противоречие состоит в том, что моя *самодельность* заключается в неизвестной мне деятельности другого.

Но такая публикация протоколов ландтага, которая представлена произволу сословного собрания, хуже, чем полное отсутствие публикации. Ведь если ландтаг выступает перед нами не таким, каким он является в действительности, а таким, каким он хочет казаться, то и мы рассматриваем его как то именно, за что он себя выдает, — как простую видимость, — и дело обстоит весьма плохо, когда видимость получает законное существование.

Но разве *опубликование* дебатов, хотя бы даже ежедневное и несокращенное, можно назвать действительно *несокращенным* и *публичным*? Разве замена живых слов письменным изложением, лиц — схемами, действительных действий — бумажными не есть сокращение? Разве публичность состоит лишь в

том, что *действительное* дело сообщается публике, а не в том, что оно сообщается *действительной публике*, т. е. не воображаемой, состоящей из читателей публике, а живой, тут же присутствующей?

Нет ничего более противоречивого, чем то, что *наивысшая публичная* функция провинции является тайной, что в частных процессах двери суда открыты для провинции, а в своем собственном процессе она должна оставаться за дверью.

Несокращенная публикация протоколов ландтага, в ее подлинном и последовательном смысле, не может быть чем-либо иным, как *полной публичностью деятельности ландтага*.

Наш оратор, наоборот, продолжает рассматривать ландтаг как своего рода клуб.

«На основе *многолетнего знакомства друг с другом* у большинства из нас сложились *хорошие личные отношения*, чему не мешает даже самое большое различие во взглядах. Эти отношения *переносятся по наследству на вновь вступающих*».

«И именно поэтому мы по большей части в состоянии правильно оценивать *значение наших слов*, и мы это будем делать с тем большей непринужденностью, чем меньше будем допускать воздействия *внешних влияний*, которое лишь тогда может быть полезно, когда оно служит нам поддержкой в виде *благожелательного совета*, а не стремится в форме *безапелляционного суждения*, похвалы или порицания, повлиять через *общественное мнение на нашу личность*».

Наш оратор апеллирует к чувству.

Мы встречаемся по-семейному, весьма непринужденно беседуем между собой, очень верно *оцениваем слова друг друга*; так неужели же нам следует нарушить наше столь патриархальное, столь почтенное, столь удобное положение, подчиняясь суждениям провинции, которая, может быть, придаст меньше значения нашим словам?

Помилуй бог! Ландтаг не переносит света. Во мраке частной жизни мы чувствуем себя лучше. Если вся провинция настолько доверчива, что вверяет свои права отдельным лицам, то эти отдельные лица, конечно, настолько снисходительны, что принимают доверие провинции, но было бы настоящим сумасбродством требовать, чтобы они отплатили той же монетой и с полным доверием отдали самих себя, свои труды, свою личность на суд той самой провинции, которая только что — самым фактом своего доверия — высказала о них свое суждение. Во всяком случае, гораздо важнее, чтобы провинция не нанесла ущерба личности представителей сословий, нежели то, чтобы эти представители не нанесли ущерба интересам провинции.

Мы хотим-де быть также справедливыми и милостивыми. Мы, — а ведь мы составляем нечто вроде правительства, — не разрешаем, правда, никакой отрицательной критики, похвалы или порицания, не разрешаем общественному мнению иметь влияние на нашу *persona sacrosancta*¹. Но мы разрешаем *благожелательный совет* — не в том абстрактном смысле, что он имеет своим намерением благо страны, а в том, более определенно звучащем смысле, что он выражает восторженную нежность к представителям сословий, особо высокое мнение об их превосходных качествах.

Можно было бы, пожалуй, подумать, что если гласность вредна для наших добрых отношений, то наши добрые отношения должны быть вредны для гласности. Но эта софистика забывает, что ландтаг есть собрание представителей сословий, а не собрание представителей провинции. И кто мог бы устоять против такого совершенно неотразимого аргумента? Получается, что если провинция, согласно государственным установлениям, выбирает представителей сословий, которые должны *представлять ее всеобщий разум*, то она тем самым совершенно отказывается от *собственного суждения* и собственного разума, воплощенных отныне целиком в избранных ею лицах. В легендах рассказывается, что великие изобретатели предавались смерти либо же — что отнюдь не легенда — заживо замуровывались в крепостях, как только они открывали свой секрет властелину. Подобно этому и политический разум провинции бросается на собственный меч всякий раз, когда он осуществляет свое великое изобретение — созыв сословного собрания, — для того, правда, чтобы вновь, как феникс, возродиться к следующим выборам.

После этого надоедливо-чувствительного описания всех опасностей, которыми опубликование протоколов угрожает представителям сословий извне, т. е. со стороны провинции, оратор заканчивает свою диатрибу *основной* своей мыслью, которую мы проследили через всю его речь.

«*Парламентская свобода*», — очень благозвучное выражение, — «находится еще в первоначальной стадии своего развития. Ее еще следует *сохранять* и *воспитывать*, дабы она приобрела ту *внутреннюю* силу и *самостоятельность*, которые безусловно необходимы для того, чтобы она без ущерба для себя могла подвергаться *внешним бурям*».

Опять старая, роковая противоположность между ландтагом, как чем-то *внутренним*, и провинцией, как чем-то *внешним*.

¹ — священную особу. *Ред.*

Мы, признаться, давно уже придерживаемся такого мнения, что *парламентская свобода* находится еще в самом зачаточном состоянии, и разбираемая речь нас опять убедила, что *primitiae studiorum*¹ в политических науках еще не усвоены. Но мы этим ни в коем случае не хотим сказать, — и разбираемая речь опять-таки подтверждает наше мнение, — что и впредь следует предоставлять ландтагу, заостренному в своей обособленности, возможность *противопоставлять* себя провинции. Может быть, оратор под *парламентской свободой* понимает свободу *старых французских парламентов*. По его собственному признанию, между сословными представителями установилось *многолетнее* знакомство, их дух, как *наследственная болезнь*, передается всем *homines novi*², и при этом все еще не настало время для гласности? Двенадцатый ландтаг ответит, пожалуй, так же, как и шестой, и разве только более решительно подчеркнет, что он-де *слишком* независим, чтобы позволить вырвать у себя *благородную привилегию тайного ведения своих дел*.

Конечно, развитие *парламентской* свободы в старофранцузском духе, самостоятельность, противопоставляющая себя общественному мнению, застой кастового духа, — все это наиболее основательно развивается при изоляции; но предостережение от опасности, что так именно пойдет дальнейшее развитие, никогда не может быть преждевременным. Политическое собрание в истинном смысле этого слова может процветать только под верховным покровительством *общественного духа*, как все живое — под благотворным действием *свободного притока воздуха*. Только «экзотические» растения, — растения, перенесенные в чуждый им климат, — нуждаются в *тепличной обстановке*. Неужели оратор рассматривает ландтаг как «экзотическое» растение среди привольной и веселой природы Рейнской провинции?

При виде того, как оратор из дворянского сословия с почти комической серьезностью, с почти меланхолическим достоинством и с чуть ли не религиозным пафосом развивает постулат о *высокой мудрости* сословного собрания, а также о его средневековой *свободе* и *независимости*, — при виде этого непосвященный удивится, что в вопросе о *свободе печати* тот же оратор с высот мудрости *ландтага* спускается в область обычного *неразумия человеческого рода*, что от только что превознесен-

¹ — начатки знаний. *Ред.*

² — новым людям. *Ред.*

ной независимости и свободы привилегированных сословий он переходит к *принципиальной несвободе и несамостоятельности человеческой природы*. Нас несколько не удивляет, что мы столкнулись здесь с одним из многочисленных в наши дни представителей христианско-рыцарского, современно-феодалного, одним словом, романтического принципа.

Эти господа хотят возвеличить свободу не как естественный дар всеобщего, ясного света разума, а как сверхъестественный дар особо благоприятного сочетания звезд. Так как они рассматривают свободу только как *индивидуальное свойство* отдельных лиц и сословий, то они неизбежно приходят к выводу, что всеобщий разум и всеобщая свобода относятся к разряду *вредных идей* и фантазмагорий «*логически построенных систем*». Желая спасти частные свободы привилегии, они осуждают всеобщую свободу человеческой природы. Но злое исчадие девятнадцатого века, да и собственное сознание современных рыцарей, зараженное ядом этого века, не может понять того, что само по себе непонятно, так как не содержит в себе понятия, — а именно: каким образом внутренние, существенные, общие атрибуты оказываются связанными с известными человеческими индивидами посредством внешних, случайных, частных моментов, не будучи в то же время связанными с существом человека, с разумом вообще, не будучи, следовательно, общими для всех людей; не понимая этого, они по необходимости прибегают к *чуду* и к *мистике*. Так как, далее, *действительное* положение этих господ в современном государстве далеко не соответствует тому представлению, которое они имеют о своем положении; так как они живут в мире, лежащем *по ту сторону действительного мира*; так как *сила воображения* заменяет им ум и сердце, — они, неудовлетворенные практикой, по необходимости прибегают к теории, но к *теории потустороннего мира*, к *религии*. Однако религия приобретает у них полемическую, проникнутую политической тенденциозностью ядовитость и становится, более или менее сознательно, покровом святости для весьма мирских, но вместе с тем и весьма фантастических, вождлений.

Так, мы увидим, что наш оратор противопоставляет практическим требованиям мистически-религиозную теорию воображения, действительным теориям — мелочно-рассудочную, делячески-изворотливую, заимствованную из самой поверхностной практики мудрость житейского опыта; человечески-понятному он противопоставляет сверхчеловеческие святыни, а действительной святости идей — произвол и неверие низменной точки

зрения. Более аристократический, более небрежный, а потому и более трезвый язык оратора из княжеского сословия сменяется здесь патетической взвинченностью и фантастически-экзальтированной елейностью, которые в княжеской речи отступали на задний план перед пафосом привилегии.

«Чем менее можно отрицать, что печать в настоящее время представляет собой политическую силу, тем ошибочнее кажется ему столь же широко распространенный взгляд, будто из борьбы между хорошей и дурной печатью рождаются истина и свет, а также надежда на более широкое и более действенное распространение последних. Человек в отдельности, как и в массе, — всегда один и тот же. По своей природе он несовершенен и незрел и нуждается в воспитании до тех пор, пока продолжается его развитие, прекращающееся только с его смертью. А искусство воспитания заключается не в наказании за недозволенные действия, а в содействии хорошим влияниям и в устранении дурных. Но в силу этого человеческого несовершенства то пение сирен, к которому прибегает все дурное, оказывает мощное воздействие на массы и является если и не абсолютным, то, во всяком случае, трудно преборимым препятствием для простого и трезвого голоса истины. Дурная печать обращается только к человеческим страстям, она не брезгает ни одним средством, лишь бы достичь, путем возбуждения страстей, своей цели — возможно более широкого распространения дурных принципов и возможно большего поощрения дурных умонастроений; к ее услугам все преимущества опаснейшего из всех наступательных действий, для которого объективно не существует границ права, а субъективно — законов нравственности, более того, не существует и законов формальной чести. Иное дело — хорошая печать; она всегда ограничивается одной лишь оборонительной тактикой. Влияние ее чаще всего — оборонительного, сдерживающего и укрепляющего характера; она не может похвалиться значительными успехами на территории противника. Хорошо еще, если внешние препятствия не мешают этому ее влиянию».

Мы привели эту тираду целиком, чтобы как-нибудь не ослабить возможного воздействия ее патетического тона на читателя.

Оратор поднялся à la hauteur des principes¹. Тому, кто борется против свободы печати, нужно защищать тезис о вечной незрелости человеческого рода. Утверждение: если несвобода составляет сущность человека, то свобода противоречит его сущности, — представляет собой чистую тавтологию. Что, если злые скептики осмелятся не поверить оратору на слово?

Если незрелость человеческого рода есть мистический довод против свободы печати, то цензура, во всяком случае, — в высшей степени реальное средство против зрелости рода человеческого.

Все, что развивается, — несовершенно. Развитие кончается

¹ — на высоту принципов. *Ред.*

только со смертью. В таком случае было бы весьма последовательно прикончить человека, дабы избавить его от этого состояния несовершенства. Так, по крайней мере, рассуждает оратор, желая прикончить свободу печати. Для него настоящее воспитание состоит в том, чтобы держать человека всю жизнь в пеленках, — ибо, учась ходить, человек учится и падать, и, только падая, он учится ходить. Но если мы все будем оставаться в пеленках, то кто же будет нас пеленать? Если мы все будем лежать в колыбели, то кто же будет нас качать? Если мы все будем арестантами, то кто же будет тюремщиком?

Человек по природе своей несовершенен как в отдельности, так и в массе. *De principiis non est disputandum*¹. Пусть так! Но что из этого следует? Рассуждения нашего оратора несовершенны, правительства несовершенны, ландтаги несовершенны, свобода печати несовершенна, всякая сфера человеческого существования несовершенна. Если, следовательно, хоть одна из них не должна существовать в силу этого несовершенства, то выходит, что нет среди них ни одной, которая имела бы право существовать, выходит, что человек вообще не имеет права на существование.

Если предположить принципиальное несовершенство человека, — допустим на минуту, что это так, — тогда мы относительно всех человеческих учреждений заранее знаем, что они несовершенны. На эту тему, стало быть, нечего распространяться, это не говорит ни за них, ни против них, это не их *специфический характер*, не их отличительный признак.

Почему среди всех этих несовершенств именно свободная печать должна быть совершенной? Почему несовершенное словесное собрание требует совершенной прессы?

Несовершенное нуждается в воспитании. Но разве воспитание не есть человеческое дело, следовательно, несовершенное дело? Разве воспитание не нуждается само в воспитании?

Но если даже допустить, что все человеческое в силу *того уже, что оно существует*, несовершенно, то разве отсюда следует, что мы должны все свалить в одну кучу, все чтить одинаково высоко — добро и зло, истину и ложь? Единственно верный вывод из этого заключается в следующем: подобно тому как при рассматривании картины необходимо оставить то место, с которого на картине видны только пятна, а не краски, только беспорядочно переплетающиеся линии, а не рисунок, —

¹ — О принципах не спорят. *Ред.*

подобно этому необходимо оставить и ту точку зрения, с которой мир и человеческие отношения видны только с их внешней стороны. Необходимо признать эту точку зрения негодной для суждения о ценности вещей, — может ли служить мне основой для правильного суждения и различения такой взгляд на мир, который сводится к плоскому представлению о том, что все существующее несовершенно? Эта точка зрения есть самое несовершенно из всех несовершенств, которые она только и видит вокруг себя. Мы должны поэтому оценивать бытие вещей с помощью мерил, которое дается сущностью внутренней идеи: ссылки же на односторонний и тривиальный опыт тем менее должны вводить нас в заблуждение, что при такой точке зрения отпадает всякий опыт, всякое суждение: все кошки оказываются серыми.

С точки зрения идеи понятно само собой, что свобода печати имеет совсем другое оправдание, чем цензура, так как свобода печати сама есть воплощение идеи, воплощение свободы, есть положительное добро; цензура, напротив, есть воплощение несвободы, есть борьба мировоззрения видимости против мировоззрения сущности, она имеет лишь отрицательную природу.

Нет! нет! нет! — восклицает, прерывая нас, оратор. — Я порицаю не явление, я порицаю сущность. Свобода есть самое нечестивое, что есть в свободе печати. Свобода дает возможность творить зло, поэтому свобода — зло.

Злая свобода!

В роще тенистой ее он убил *
И труп ее в Рейне, в глуби, потопил.

Но

Мой владыка и учитель *,
Выслушай меня спокойно!

Разве в стране цензуры нет уже вовсе никакой свободы печати? Печать вообще есть осуществление человеческой свободы. Следовательно, там, где есть печать, есть и свобода печати.

В стране цензуры государство, правда, не пользуется свободой печати, но один из органов государства ею все-таки пользуется — правительство. Не говоря уже о том, что официальные произведения правительства пользуются полной свободой печати, разве цензор не практикует ежедневно безусловную свободу печати, если не прямо, то косвенно?

Писатели, так сказать, — секретари цензора. Если секретарь не сумел выразить мнение начальника, последний просто зачеркивает негодное произведение. Цензура, стало быть, творит эту печать.

Цензорские перечеркивания представляют для печати то же самое, что прямые линии — гуа* — китайцев для мышления. Гуа цензора — категория литературы, а категория, как известно, это — существенное, типическое во всем многообразии содержания.

Свобода настолько присуща человеку, что даже ее противники осуществляют ее, борясь против ее осуществления; они хотят присвоить себе как драгоценнейшее украшение то, что они отвергли как украшение человеческой природы.

Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право.

Только теперь вопрос этот получил *правильную постановку*. Вопрос не в том, должна ли существовать свобода печати, — она всегда существует. Вопрос в том, составляет ли свобода печати привилегию отдельных лиц или же она есть привилегия человеческого духа. Вопрос в том, должно ли то, что по отношению к одной стороне есть право, стать бесправием по отношению к другой стороне. Не имеет ли «свобода духа» больше прав, чем «свободы, направленные против духа»?

Но если следует отвергнуть «свободную печать» и «свободу печати» как осуществление «всеобщей свободы», то тем более следует отвергнуть *цензуру* и *подцензурную печать* как осуществление *особой свободы*, — ибо может ли годиться *вид*, когда негоден *род*? Если бы оратор был последователен, он должен был бы отвергнуть не свободную печать, а печать вообще. Согласно его взгляду, печать только тогда была бы хороша, если бы она не была продуктом свободы, т. е. не была бы продуктом *человеческой* деятельности. На печать, следовательно, имели бы право либо только *животные*, либо *боги*.

Или, может быть, мы должны — оратор не осмеливается это высказать прямо — приписать правительству, да и ему самому, *божественное откровение*?

Если частное лицо возомнит о себе, что ему присуще божественное откровение, то в нашем обществе только один оппонент может официально его опровергнуть — *психиатр*.

Но *английская история* достаточно ясно показала, как идея божественного откровения свыше порождает противоположную идею о божественном откровении снизу: Карл I взшел на эшафот благодаря божественному откровению снизу.

Правда, наш оратор из дворянского сословия, продолжая свои рассуждения, изображает, как мы услышим далее, цензуру и свободу печати, подцензурную печать и свободную печать, в виде *двух зол*, но он еще не доходит до того, чтобы признать печать вообще *злом*.

Наоборот! Он делит всю печать на *«хорошую»* и *«дурную»* печать.

Про *дурную* печать он нам рассказывает невероятные вещи: целью ее, утверждает он, являются злонравие и распространение этого злонравия. Не будем касаться того, что оратор считает нас слишком легковверными, когда требует, чтобы мы верили ему на слово, будто существует *злонравие как профессия*. Мы напомним ему только его аксиому насчет несовершенства всего человеческого. Не вытекает ли отсюда тот вывод, что и дурная печать не есть совершенно дурная, т. е. что она является хорошей, а хорошая не есть совершенно хорошая, т. е. что она является дурной?

Но оратор показывает нам обратную сторону медали. Он утверждает, что дурная печать лучше хорошей, так как дурная постоянно находится, по его собственному мнению, в положении *наступающей*, хорошая же — в положении *обороняющейся*. Но он сам ведь сказал, что *развитие* человека кончается только с его *смертью*. Правда, этим он сказал немного, не сказал ничего кроме того, что жизнь кончается со смертью. Если же жизнь человека есть развитие, а хорошая печать всегда находится в положении обороняющейся, «только дает отпор, сдерживает и укрепляет», то разве этим она не оказывает непрерывное сопротивление развитию, а стало быть, и жизни? Следовательно, либо эта хорошая оборонительная печать дурна, либо развитие есть зло. Таким образом, утверждение оратора, что цель «дурной печати заключается в возможно более широком распространении дурных принципов и в возможно большем поощрении дурных умонастроений», — это утверждение перестает быть мистически невероятным, получив теперь рациональное толкование: зло дурной печати заключается в наиболее широком распространении принципов и в поощрении умонастроений.

Взаимоотношение между хорошей и дурной печатью становится еще более странным, когда оратор нас уверяет, что хоро-

шая печать *бессильна*, а дурная *всесильна*, ибо первая не имеет влияния на народ, вторая же производит неотразимое влияние. Для оратора хорошая печать и бессильная печать тождественны. Не хочет ли он сказать, что хорошее есть бессильное или что бессильное есть хорошее?

Пению сирен дурной печати он противопоставляет трезвый голос хорошей. А ведь трезвым голосом можно петь лучше всего и с наибольшим эффектом. Но оратору, очевидно, знаком только чувственный жар страсти, он не знает горячей страсти к истине, победоносного энтузиазма разума, неотразимого пафоса нравственных сил.

К умонастроениям дурной печати он относит «гордыню, не признающую никакого авторитета за церковью и государством», «зависть», проповедующую уничтожение аристократии, и многое другое, к чему мы еще вернемся. Пока же мы ограничимся вопросом: на каком основании оратор выделяет указанные учреждения как добро? Если всеобщие силы жизни дурны, — а мы только что слышали, что зло всемогуще и одно лишь действует на массы, — то, спрашивается, *кто и что* вправе выдавать себя за воплощение добра? Ведь утверждение, что моя индивидуальность есть добро, что те немногие личности, которые соответствуют моей индивидуальности, являются также воплощением добра, — ведь это утверждение чрезвычайно высокомерно, и злая, дурная печать никак не хочет признать его! Дурная печать!

Если оратор с самого начала превратил нападки на свободу печати в нападки на свободу вообще, то теперь они превращаются у него в нападки на добро. Его страх перед злом оказывается страхом перед добром. В основание цензуры он кладет, следовательно, признание зла и отрицание добра. В самом деле, разве я не презираю того человека, которому заранее говорю: противник твой должен победить в борьбе, потому что ты хоть и весьма трезвый парень и прекрасный сосед, но в герои совершенно не годишься; хотя ты и освятил свое оружие, но ты не умеешь им владеть; хотя мы оба — и я и ты — вполне убеждены в твоём совершенстве, но мир никогда не будет разделять этого убеждения; пусть дело и неплохо обстоит в отношении твоих намерений, но весьма плохо — в отношении твоей энергии.

Хотя устанавливаемое оратором деление печати на хорошую и дурную делает излишними всякие дальнейшие возражения, так как оно запутывается в своих собственных противоречиях, все же мы не должны упускать из виду главного,

а именно, что оратор совершенно неправильно ставит вопрос и в качестве основания приводит то, что он еще должен обосновать.

Если хотят говорить о двух видах печати, то это различие следует выводить из самой сущности печати, а не из соображений, лежащих вне ее. Подцензурная печать или свободная печать — одна из этих двух должна быть хорошей или дурной печатью. Ведь о том и идет спор, какая именно печать хороша — подцензурная или же свободная печать, т. е. соответствует ли сущности печати свободное или же несвободное бытие. Выставлять дурную печать как довод против свободной печати значит утверждать, что свободная печать дурна, а подцензурная хороша, — но ведь это-то как раз и нужно было доказать.

Низменный образ мыслей, личные дразги, гнусности могут иметь место как в подцензурной, так и в свободной печати. То обстоятельство, что как та, так и другая приносят отдельные плоды того или иного вида, не составляет, следовательно, их родового отличия. И на болоте растут цветы. Здесь дело идет о той сущности, о том внутреннем характере, которыми отличаются друг от друга подцензурная печать и печать свободная.

Та свободная печать, которая дурна, не соответствует характеру своей сущности. Подцензурная же печать в своем лицемерии, бесхарактерности, в присущем ей языке кастрата, в своем собачьем вилянии проявляет только внутренние условия своей сущности.

Подцензурная печать остается дурной, даже когда она приносит хорошие плоды, ибо плоды эти хороши лишь постольку, поскольку они внутри подцензурной печати служат проявлением свободной печати и поскольку для них не характерно то обстоятельство, что они оказались плодами подцензурной печати. Свободная печать остается хорошей, даже если она приносит дурные плоды, ибо эти плоды представляют собой лишь отклонения от природы свободной печати. Кастрат плох, как человек, даже если он обладает хорошим голосом. Природа остается хорошей, даже если она и производит уродов.

Сущность свободной печати — это мужественная, разумная, нравственная сущность свободы. Характер подцензурной печати — это бесхарактерное уродство несвободы, это — цивилизованное чудовище, надушенный урод.

Или нужны еще доказательства того, что свобода печати соответствует сущности печати, а цензура противоречит ей? Разве не понятно само собой, что внешние преграды духовной жизни не принадлежат к внутреннему характеру этой жизни, что они отрицают эту жизнь, а не утверждают ее?

Чтобы действительно оправдать цензуру, оратор должен был бы доказать, что цензура составляет сущность свободы печати. Вместо этого он доказывает, что свобода не составляет сущности человека. Он отвергает весь род в целом, чтобы сохранить одну хорошую его разновидность, ибо свобода есть ведь родовая сущность всего духовного бытия, а следовательно, и печати. Чтобы уничтожить возможность зла, он уничтожает возможность добра и осуществляет зло, ибо человечески хорошим может быть лишь то, что является осуществлением свободы.

Мы поэтому до тех пор будем считать подцензурную печать дурной печатью, пока нам не докажут, что цензура вытекает из самой сущности свободы печати.

Но если даже допустить, что цензура неотделима от природы печати, — хотя ни одно животное, а тем более разумное существо, не появляется на свет в цепях, то что же из этого следует? Только то, что и та свобода печати, которую официально осуществляет цензор, т. е. сама цензура, нуждается в цензуре. А кто же должен подвергать цензуре правительственную печать, если не народная печать?

Другой оратор думает, правда, будто зло цензуры уничтожается тем, что его утруждают, подчиняя местную цензуру провинциальной цензуре, а провинциальную цензуру, в свою очередь, берлинской цензуре; свобода печати, таким образом, осуществляется односторонне, цензура же — многосторонне. Сколько обходов, чтобы только жить на свете! Кто же будет подвергать цензуре берлинскую цензуру? Но вернемся к *нашему* оратору.

Уже с самого начала он нас поучал, что из *борьбы* между дурной и хорошей печатью не возжигается свет истины. Но, спросим мы, хочет ли он, чтобы эта *бесполезная* борьба тянулась *бесконечно*? Разве, по его же собственным словам, борьба между цензурой и печатью не есть борьба между хорошей и дурной печатью?

Цензура не уничтожает борьбы, она делает ее односторонней, она превращает ее из открытой борьбы в тайную, а борьбу принципов превращает в борьбу бессильного принципа с беспринципной силой. Истинная, коренящаяся в самом

существо свободы печати, цензура есть *критика*. Она — тот суд, который свобода печати порождает изнутри себя. Цензура есть критика в качестве монополии правительства. Но разве критика не теряет свой разумный характер, когда она является не открытой, а тайной, не теоретической, а практической, когда она не выше партии, а сама становится партией, когда она действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола, когда она хочет только выступить с критикой, но не подвергаться ей, когда она своим собственным осуществлением отрицает себя, когда, наконец, она настолько некритична, что ошибочно принимает отдельного индивида за воплощение универсальной мудрости, веления силы — за веления разума, чернильные пятна — за солнечные пятна, цензорские перечеркивания — за математические построения, а применение грубой силы — за сильный аргумент?

Изображая ход прений, мы показали, как фантастическая, слепая, мягкосердечная мистика оратора превращается в жестокосердие, в мелочно-изворотливое деячество ума, в ограниченность безыдейного эмпирического расчета. Его дальнейшие рассуждения *об отношении закона о цензуре к закону о печати, о предупредительных и репрессивных мерах* избавляют нас от этого труда, так как здесь он сам переходит к *сознательному применению* своей мистики.

«*Предупредительные* или же *репрессивные меры*, цензура или же закон о печати — *только* об этом идет речь; однако не лишне будет несколько внимательнее рассмотреть те *опасности*, которые следовало бы устранить на той или другой стороне. В то время как цензура хочет *предупредить* зло, закон о печати хочет путем наказания предупредить *повторение* его. Но и цензура и закон о печати, как *всякое* человеческое установление, *несовершенны*. Вопрос лишь в том, что является *наименее* несовершенным. Так как речь идет о чисто духовных вещах, то мы наталкиваемся здесь на такую задачу, притом самую важную для обеих сторон, — которая никогда не сможет быть удовлетворительно решена. Задача эта состоит в том, чтобы найти форму, настолько ясно и определенно выражающую намерение законодателя, что можно было бы строго отграничить законное от незаконного и, стало быть, устранить *всякий произвол*. Но что такое *произвол*, как не действие по *личному усмотрению*? И как устранить проявление личного усмотрения там, где речь идет о чисто духовных вещах? Найти руководящую нить, которая была бы так резко очерчена, что в силу внутренней необходимости она в каждом *отдельном* случае применялась бы *непрерывно* в духе законодателя, — вот тот философский камень, который до сих пор еще не найден и который едва ли можно будет когда-нибудь найти. Таким образом, *произвол* неотделим как от цензуры, так и от *закона о печати*, если под произволом понимать действие по личному усмотрению. Мы должны, следовательно, рассматривать и цензуру и закон о печати с точки зрения их неизбежного несовершенства и его последствий. Если цензура и может подавить кое-

что хорошее, то закон о печати не в силах предотвратить много дурного. Истину, однако, нельзя подавить надолго. Чем больше ставят ей препятствий, тем смелее преследует она свою цель, тем просветленнее становится она, достигнув этой цели. Между тем, злое слово подобно *греческому огню*, которого ничем не остановить, раз он выпущен из метательного снаряда; его действия не поддаются предвидению, потому что для него нет ничего святого и неприкосновенного, потому что злое слово находит как в устах человека, так и в сердце его пищу для своего распространения».

Оратору не везет по части сравнений. Он впадает в поэтическую экзальтацию, когда описывает всемогущество зла. Мы уже слышали, что голос добра, будучи слишком трезвым, бессилен против *пения сирен зла*. А теперь зло превратилось в *греческий огонь*, — для истины же оратор не находит никакого образного сравнения. Если бы мы хотели облечь в какое-нибудь сравнение его «трезвые» слова, то мы должны были бы уподобить истину в лучшем случае *кремню*, из которого выбиваются тем более яркие искры, чем сильнее по нему ударяют. Прекрасным аргументом для торговцев невольниками служит утверждение, будто ударами хлыста они пробуждают в негре его человеческую природу; превосходное правило для законодателя — объяснять издание репрессивных законов против истины тем обстоятельством, что при них-де истина смелее преследует свою цель. Оратор, по-видимому, только тогда начинает питать уважение к истине, когда она становится *первобытно-грубой* и для каждого *осязаемой*. Чем больше плотин вы ставите на пути истине, тем более основательную истину вы и получите! Итак, побольше плотин!

Однако послушаем же пение сирен!

Мистическая «теория несовершенства» нашего оратора принесла, наконец, свои земные плоды; сна бросила нам в голову свои лунные камни. Рассмотрим же эти лунные камни!

Все несовершенно. Цензура несовершенна, закон о печати несовершенно. Этим определяется их сущность. На тему о *правомерности их идеи* не приходится распространяться, нам остается лишь, — путем вычисления вероятности, предпринятого с точки зрения самой грубой эмпирии, — определить, в каком случае нам грозит наибольшее количество опасностей. Разница только во времени, в том, что те или иные мероприятия либо предупреждают самое зло посредством цензуры, либо же предупреждают повторение зла посредством закона о печати.

Мы видим, как оратор с помощью пустой фразы о «человеческом несовершенстве» ухитряется обойти существенное,

внутреннее, характерное различие между цензурой и законом о печати, превратить разногласие из принципиального вопроса в балаганный спор: достанется ли больше синяков от цензуры или же от закона о печати?

Но если противопоставляются закон о печати и закон о цензуре, то прежде всего речь идет не об их последствиях, а об их основаниях, не об их индивидуальном применении, а об их общей правомерности. Уже Монтескье учит, что деспотизм более удобен для применения, чем законность, а Макиавелли утверждает, что зло выгоднее для государей, чем добро. Если мы поэтому не желаем подтвердить старое *иезуитское* изречение, что хорошая цель, — а мы подвергаем сомнению даже доброкачественность цели, — оправдывает дурные средства, то прежде всего мы должны исследовать, *хорошим* ли средством является цензура по своему существу.

Оратор прав, когда он называет закон о цензуре мерой предупреждения; это — полицейская мера предосторожности против свободы; но он неправ, когда называет закон о печати репрессивной мерой. Это — мера самой свободы, которая делает себя мерилom для своих собственных исключений. Мероприятие цензуры не есть закон. Закон о печати не есть репрессивная мера.

В законе о печати карающей является свобода. В законе о цензуре свобода подвергается каре. Закон о цензуре есть закон, который берет свободу под подозрение. Закон о печати есть вотум доверия, который свобода выдает сама себе. Закон о печати карает злоупотребление свободой. Закон о цензуре карает свободу как некое злоупотребление. Он обращается со свободой как с преступницей; а разве не считается для любой сферы позорящей карой состоять под надзором полиции? Закон о цензуре имеет только *форму* закона. Закон о печати есть *действительный* закон.

Закон о печати есть *действительный закон*, потому что он выражает положительное бытие свободы. Он рассматривает свободу как *нормальное* состояние печати, печать — как бытие свободы; поэтому-то он вступает в конфликт только с проступками печати как с исключением, которое борется против своей собственной нормы и, таким образом, уничтожает себя. Свобода печати утверждает себя, как закон о печати, против этих покушений на нее самое, т. е. против проступков печати. Закон о печати исходит из того, что свобода внутренне присуща преступнику. То, что преступник, следовательно, совершил против свободы, он совершил против самого себя, и этот

проступок против самого себя выступает перед ним как *наказание*, в котором он видит признание своей свободы.

Закон о печати весьма далек от того, чтобы быть репрессивной мерой против свободы печати, простым средством против повторения преступлений, средством, которое действует с помощью страха перед наказанием. Наоборот: *отсутствие законодательства о печати* следует рассматривать как изъятие свободы печати из сферы юридической свободы, так как юридически признанная свобода существует в государстве в форме *закона*. Законы не являются репрессивными мерами против свободы, подобно тому как закон тяжести не есть репрессивная мера против движения; если в качестве закона тяготения он управляет вечными движениями мировых тел, то в качестве закона падения он убивает меня, когда я его нарушаю и пытаюсь плясать в воздухе. Напротив, законы — это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа.

Закон о печати есть, следовательно, *законодательное признание свободы печати*. Он есть выражение *права*, так как он есть положительное бытие свободы. Он поэтому должен существовать, — даже тогда, когда он совсем не применяется, как, например, в Северной Америке, — между тем как цензура, так же как и рабство, никогда не может стать законной, даже если бы она тысячекратно облекалась в форму закона.

Не существует действующих предупредительных законов. Закон предупреждает только как *повеление*. *Действенным* законом он становится лишь тогда, когда его нарушают, так как в роли *подлинного* закона он выступает тогда лишь, когда в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом. Там, где закон является действительным законом, т. е. осуществлением свободы, он является действительным осуществлением свободы человека. Законы, таким образом, не могут предупреждать действий человека, так как являются внутренними жизненными законами самих его действий, сознательными отображениями его жизни. Закон, следовательно, отступает перед жизнью человека, как жизнью свободы, и только когда действительный поступок человека показал, что человек перестал подчиняться естественному закону свободы, последний в форме государственного закона принуждает человека быть свободным, подобно тому как физические законы только тогда выступают как

нечто чуждое мне, когда моя жизнь перестает быть жизнью этих законов, когда она поражена болезнью. Предупредительный закон есть, следовательно, бессмысленное противоречие.

Предупредительный закон не заключает, следовательно, в себе никакой меры, никакого разумного правила, так как разумное правило может быть заимствовано только из самого существа вещей, в данном случае — из существа свободы. Он безмерен, так как для того, чтобы служить предупреждением против свободы, он должен быть так же всеобъемлющ, как и его объект, т. е. неограничен. Предупредительный закон представляет собой, следовательно, противоречие неограниченного ограничения, а тот предел, на который он наталкивается, возникает не в силу необходимости, а в силу случайности произвола, как это *ad oculos*¹ ежедневно доказывает цензура.

Человеческое тело от природы смертно. Болезни поэтому неизбежны. Почему, однако, человек обращается к врачу только тогда, когда заболевает, а не когда он здоров? Потому что не только болезнь, но и самый врач уже есть зло. Постоянная врачебная опека превратила бы жизнь в зло, а человеческое тело — в объект упражнений для медицинских коллегий. Разве не желательнее смерть, нежели жизнь, состоящая только из мер предупреждения против смерти? Разве жизни не присуще также и свободное движение? Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь? Неотступный врач уже сам по себе был бы болезнью, при которой даже не было бы надежды умереть, а оставалось бы только жить. Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить. Разве дух не имеет больше прав, чем тело? Правда, часто толковали это право в том смысле, что умам, способным к свободному полету, физическая свобода передвижения даже вредна, и их поэтому лишали этой свободы. Цензура исходит из того, что болезнь есть нормальное состояние, а нормальное состояние, свобода, есть болезнь. Цензура постоянно внушает печати, что она — печать — больна, и какие бы доказательства своего здорового состояния она ни давала, она все же должна подвергать себя лечению. Но цензура даже и не ученый врач, применяющий различные внутренние средства, смотря по болезни. Она лишь деревенский хирург, знающий против всего лишь одно универсальное механическое средство — нож. Она даже не хирург, стремящийся к восстановлению моего здоровья, она — хирург-эстет, который считает на моем теле лишним все то, что ему не

¹ — воочию. *Ред.*

нравится, и удаляет все, что на него неприятно действует. Она — шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, чтобы не видеть ее, не заботясь нисколько о том, что она может поразить более нежные внутренние части тела.

Вы считаете несправедливым ловить птиц. Разве клетка не есть мера предупреждения против хищных птиц, пуль и бурь? Вы считаете варварством ослеплять соловьев, но вы не считаете варварством — острыми цензорскими перьями выкалывать глаза печати. Вы считаете деспотизмом стричь волосы свободному человеку против его воли, а цензура ежедневно режет по живому телу мыслящих людей, и только бездушные существа, не реагирующие, смиренные, сходят у нее за здоровых!

Мы показали, в какой мере закон о печати выражает право, а закон о цензуре — бесправие. Но цензура сама признает, что она не есть самоцель, что она не есть нечто хорошее само по себе, что она, следовательно, покоится на принципе: «цель оправдывает средства». Но цель, для которой требуются не-правые средства, не есть правая цель; и разве печать, в свою очередь, также не могла бы провозгласить принцип: «цель оправдывает средства»?

Закон о цензуре есть, следовательно, не закон, а полицейская мера, и даже *плохая полицейская мера*, ибо она не достигает того, чего хочет, и не хочет того, чего достигает.

Если закон о цензуре хочет *ставить преграды свободе* как чему-то нежелательному, то он достигает как раз обратного. В стране цензуры всякая запрещенная, т. е. напечатанная без цензуры, книжка есть событие. Она считается мученицей, а мученичество не бывает без ореола и без верующих. Она считается исключением, и если свобода никогда не может перестать быть ценной для человека, то тем более это относится к исключениям из общего состояния несвободы. Всякая тайна подкупает. Там, где общественное мнение составляет тайну для самого себя, его заранее подкупает каждое произведение печати, формально нарушающее таинственные границы. Цензура делает каждое запрещенное произведение, будь оно плохое или хорошее, необычным произведением, в то время как свобода печати отнимает у произведения эту внешнюю импозантность.

Но если цензура *честна*, то она, конечно, хочет предупредить произвол, — между тем она возводит его в закон. Она не может предотвратить никакой опасности, которая была бы больше ее самой. Опасность, угрожающая жизни каждого

существа, заключается в утрате им самого себя. Отсутствие свободы и является поэтому подлинной смертельной опасностью для человека. Оставляя в стороне моральные последствия, следует, между тем, помнить, что нельзя пользоваться преимуществами свободной печати, не относясь в то же время терпимо к ее неудобствам. Нет розы без шипов! Но подумайте, что вы теряете вместе со свободной печатью!

Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преобразует материальную борьбу в духовную и идеализирует ее грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она — дух государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она всесторонняя, вездесуща, всеведуща. Она — идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком.

Наше изложение показало, что разница между цензурой и законом о печати такая же, как между произволом и свободой, как между формальным законом и действительным законом. Но то, что имеет силу для сущности, имеет также силу и для явления. То, что относится к правомерности цензуры и закона о печати, относится также к *их применению*. Как различны закон о печати и закон о цензуре, так же различно и отношение к печати со стороны *судьи и цензора*.

Но наш оратор, глаза которого обращены к небу, видит глубоко под собой землю как некую презренную кучу пыли, и обо всех цветах он может сказать лишь одно — что они запылены. Он и здесь видит только два мероприятия, которые в своем применении *одинаково произвольны*, ибо произвол есть, мол, действие по индивидуальному усмотрению, а индивидуальное усмотрение нельзя, мол, разделить от духовных вещей, и т. д. и т. д. Но если понимание духовных вещей *индивидуально*, то какое преимущество имеет одно воззрение перед другим, мнение цензора — перед мнением писателя? Однако мы поняли мысль оратора. Чтобы доказать правомерность цензуры, он весьма примечательным окольным путем доказывает,

что и цензура и закон о печати неправомерны в своем применении; так как он считает все земное несовершенным, то для него остается лишь один вопрос: должен ли стоять произвол на стороне народа или же на стороне правительства?

Его *мистика* превращается в *цинизм*, когда он ставит на одну доску *закон* и *произвол* и видит только формальную разницу там, где речь идет о нравственных и правовых противоположностях, ибо он полемизирует не против *закона о печати*, а против *закона вообще*. Существует ли такой закон, который, в силу внутренней необходимости, в *каждом отдельном случае* применялся бы *непрерывно* в духе законодателя, *абсолютно* исключая всякий *произвол*? Нужна невероятная смелость, чтобы называть подобную бессмысленную задачу *философским камнем*, так как только крайнее невежество может ставить подобную задачу. Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, — единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и *судья*. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни.

Но ведь все человеческое несовершенно!! Итак: *edite, bibite*¹. Зачем нужны вам судьи, раз судьи — люди? Зачем нужны вам законы, раз законы могут исполняться только людьми, а всякое человеческое исполнение — несовершенно? Положитесь на добрую волю начальства! Рейнская юстиция так же несовершенно, как и турецкая! Итак: *edite, bibite!*

Какая громадная разница между судьей и цензором!

Для цензора нет другого закона, кроме его начальника. Для судьи нет другого начальника, кроме закона. Судья обязан толковать закон, в применении к отдельному случаю, так, как *он понимает* закон при добросовестном рассмотрении. Цензор обязан понимать закон так, как это ему *официально предписано* для каждого отдельного случая. Независимый судья не принадлежит ни мне, ни правительству. Зависимый цензор сам является органом правительства. У судьи может проявиться в крайнем случае ненадежность индивидуального разума, у цензора же — ненадежность индивидуального характера. Перед судьей ставится для оценки *определенный* проступок печати, перед цензором — дух печати. Судья рассматривает мое действие на основании определенного закона; цензор не только карает преступления, но и сам их *фабрикует*. Когда меня пре-

¹ — ешьте, пейте! (Слова из песни немецких студентов.) *Ред.*

дают суду, то меня обвиняют в нарушении существующего закона, а где нарушается закон, там он по крайней мере должен быть налицо. Где нет закона о печати, там закон о печати не может быть и нарушен. Цензура не обвиняет меня в нарушении существующего закона. Она осуждает мое мнение за то, что оно не является мнением цензора и его начальства. Мое открытое действие, готовое подчиниться суду общества, государства и его закона, отдается под суд тайной, чисто отрицательной силы, которая не способна утвердить себя в качестве закона, которая боится дневного света, не связана никакими общими принципами.

Закон о цензуре невозможен, ибо он желает карать не проступки, а мнения; ибо он не может быть ничем иным, как *цензуром, превратившимся в формулу*; ибо ни одно государство не имеет мужества высказать в виде определенных законоположений то, что оно фактически может проводить при помощи цензора как своего органа. И поэтому заведование цензурой передается не судам, а полиции.

Если бы даже цензура фактически была тождественна с правосудием, то такое совпадение было бы, прежде всего, лишь фактом, но не являлось бы необходимостью. К тому же к свободе относится не только то, *чем я живу*, но также и то, *как я живу*, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно. В противном случае архитектор отличался бы от бобра лишь тем, что бобр — это архитектор, покрытый шкурой, а архитектор — это бобр, не имеющий шкуры.

Наш оратор без всякой надобности опять возвращается к роли свободы печати в тех странах, где она действительно существует. Так как мы уже разобрали этот вопрос по косточкам, то мы здесь коснемся только еще *французской* печати. Не говоря уже о том, что недостатки французской печати являются недостатками французской нации, мы видим зло не там, где его ищет оратор. Французская печать отнюдь не слишком свободна, — она недостаточно свободна. Хотя она и не подлежит духовной цензуре, но зато она подлежит материальной цензуре, высокому денежному залогу. Она действует материально именно потому, что она вырвана из своей подлинной сферы и вовлечена в сферу крупных торговых спекуляций. К тому же для крупных денежных спекуляций нужны крупные города. Французская печать концентрируется поэтому в немногих пунктах, а если материальная сила, будучи сконцентрирована в не-

многих пунктах, действует демонически, то почему же иначе должно обстоять дело с духовной силой?

Но если вы непременно хотите судить о свободе печати не на основании ее идеи, а на основании ее исторического существования, то почему вы не ищете ее там, где она исторически существует? Естествоиспытатели стараются с помощью эксперимента воспроизвести явление природы в его наиболее чистых условиях. Вы не нуждаетесь ни в каких экспериментах. В *Северной Америке* вы находите явление свободы печати в его наиболее чистой и естественной форме. Но если в Северной Америке имеются большие исторические основания для свободы печати, то еще бóльшие имеются в Германии. Литература и органически связанное с ней умственное образование народа являются, конечно, не только прямыми историческими основами печати, они — сама ее история. А какой народ в мире может более похвалиться этими, самыми непосредственными, историческими основами свободы печати, чем немецкий?

Но горе немецкой нравственности, — вновь прерывает нас оратор, — если печать в Германии станет свободной, так как свобода печати создает «внутреннюю *деморализацию*, которая старается подорвать веру в высшее назначение человека, а вместе с этим подорвать и основу истинной цивилизации».

Деморализующим образом действует одна только *подцензурная печать*. Величайший порок — лицемерие — от нее неотделим; из этого ее коренного порока проистекают все остальные ее недостатки, в которых нет и зародыша добродетели, проистекает ее самый отвратительный — даже с эстетической точки зрения — порок пассивности. Правительство слышит только *свой собственный голос*, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в *толпу людей, живущих только частной жизнью*.

Если господь бог только на шестой день сказал о своем собственном творении: «И увидел, что все — хорошо», то подцензурная печать каждый день восхваляет творения правительственной воли; но так как один день непременно противоречит другому, то печать постоянно лжет и при этом должна скрывать, что она сознает свою ложь, должна потерять всякий стыд.

Тем самым, что народ вынуждается рассматривать свободные произведения мысли как противозаконные, он приучается считать противозаконное свободным, свободу — беззаконием, а законное — несвободным. Так цензура убивает государственный дух.

Но наш оратор опасается свободы печати, исходя из интересов «частных лиц». Он не думает о том, что цензура есть постоянное покушение на права частных лиц и еще более на идеи. Он впадает в пафос, говоря об опасностях, угрожающих отдельным личностям; неужели же мы не должны впадать в пафос, когда говорим об опасностях, угрожающих всему обществу?

Мы не можем более резко разграничить наш взгляд и взгляд оратора, чем противопоставив его определениям «дурных умонастроений» наши собственные определения.

Дурным умонастроением, утверждает оратор, является «гордыня, не признающая никакого авторитета за церковь и государством». Неужели же мы не должны считать дурным умонастроением непризнание авторитета разума и закона? «Только зависть проповедует уничтожение всего того, что чернь называет аристократией». Мы же говорим, что зависть хочет уничтожить вечную аристократию человеческой природы — свободу, представляющую собой ту аристократию, в которой не может усомниться даже чернь.

«Только коварное злорадство, не отличая истины от лжи, находит удовольствие в пересудах, касающихся отдельных личностей, и властно требует гласности, чтобы ни один скандал частной жизни не оставался скрытым».

Коварное злорадство, скажем мы, вырывает из великого целого жизни народов сплетни и пересуды, касающиеся отдельных личностей, игнорируя разум истории и преподнося публике только скандалы истории; оно, будучи вообще неспособным судить о сути дела, цепляется за отдельные стороны явления, за отдельные личности и властно требует тайны, дабы всякое позорное пятно общественной жизни оставалось скрытым. «Это — порочность сердца и фантазии, которую щекочут непристойные картины». Да, порочность сердца и фантазии щекочет себя непристойными картинами всемогущества зла и бессилия добра; да, это — фантазия, которая кичится грехом, это — порочное сердце, которое скрывает свое светское высокомерие в мистических образах. «Это — отчаяние в своем собственном спасении, которое отрицанием бога хочет заглушить голос совести»,

Да, именно отчаяние в собственном спасении превращает личные слабости в слабости человечества, чтобы сбросить это бремя с собственной совести; именно отчаяние в спасении человечества отказывает человечеству в праве следовать присущим ему естественным законам и проповедует незрелость как нечто необходимое; именно лицемерие прикрывается богом, не веря ни в его действительность, ни во всемогущество добра; именно себялюбие ставит личное спасение выше спасения общественного целого.

Эти люди сомневаются в человечестве вообще и канонизируют отдельных людей. Они рисуют устрашающий образ человеческой природы и в то же время требуют, чтобы мы падали ниц перед священным образом отдельных привилегированных личностей. Мы знаем, что отдельный человек слаб, но мы знаем также, что целое — это сила.

Наконец, оратор напоминает о словах, прозвучавших некогда из ветвей древа познания, о плодах которого *мы* ныне, как и *тогда*, ведем спор: «Вы не умрете, вкусив от этих плодов, но откроются глаза ваши, вы будете как боги и познаете добро и зло».

Хотя мы и сомневаемся в том, вкусил ли оратор от плодов древа познания, а также в том, вели ли *мы* (рейнские сословные представители) *тогда* переговоры с дьяволом, — об этом книга «Бытия», по крайней мере, ничего не рассказывает, — тем не менее мы присоединяемся к мнению оратора и только хотим ему напомнить, что дьявол *нас тогда не обманул*, ибо бог сам говорит: «Адам стал как один из нас, познав добро и зло».

В качестве эпилога к этой речи уместно привести собственные слова оратора: «*Писать и говорить — дело технической сноровки*».

Как бы наш читатель ни устал от этой «технической сноровки», мы все же должны ради полноты дать место, после княжеского и дворянского сословий, словоизвержениям *городского сословия*, направленным *против* свободы печати. Здесь перед нами оппозиция буржуа, а не гражданина.

Оратор из городского сословия думает, что примыкает к Сиейсу, когда он по-обывательски заявляет:

«Свобода печати — *превосходная вещь*, пока в дело не вмешиваются *дурные люди*». «Против этого до сих пор не найдено еще верного средства» и т. д. и т. д.

Уже одно то, что свобода печати уподобляется *вещи*, — ве-

ликолепно по своей наивности. Этого оратора вообще можно упрекать в чем угодно, только не в отсутствии трезвости или в избытке фантазии.

Итак, свобода печати — превосходная вещь, способная укорасить милую привычку бытия, приятная, отменная вещь. Но, к несчастью, есть дурные люди, которые злоупотребляют языком для лжи, головой — для интриг, руками — для воровства, ногами — для дезертирства. Превосходная вещь — речь и мышление, руки и ноги, хороший слог, приятные мысли, ловкие руки, превосходнейшие ноги, — если бы только не было дурных людей, которые всем этим злоупотребляют! Но против этого еще не придумано никакого целительного средства.

«Симпатии к конституции и свободе печати должны были бы безусловно ослабеть, если бы поняли, что с этим связаны вечно меняющееся положение вещей в упомянутой стране» (читай: Франции) «и ужасающая неуверенность в будущем».

Когда в науке о вселенной сделано было открытие, что земля есть *mobile perpetuum*¹, то не один мирный немецкий обыватель хватался за свой ночной колпак и вздыхал по поводу вечно меняющегося положения своего отечества, и ужасающая неуверенность в будущем сделала ему постылым дом, который то и дело становится на голову.

Свобода печати так же мало *вызывает* «меняющееся положение вещей», как подзорная труба астронома — неустанное движение мировой системы. Коварная астрономия! Что за прекрасное было время, когда земля, подобно почтенному обывателю, еще находилась в центре вселенной, спокойно покуривала свою глиняную трубку, не утруждая себя даже добыванием света, так как солнце, луна и звезды кружились вокруг нее, как вечные лампадки, как «превосходные вещи».

Кто никогда того, что строил, не крушит*,
Тот стойко стоит
На брэнной сей земле, которая сама
Не стойко стоит, —

говорит Харири — по своему происхождению отнюдь не француз, а араб.

Совершенно определенно говорит устами оратора его *соловие*, когда он изрекает:

¹ — вечно движущееся. *Ред.*

«Истинный, честный патриот не в силах подавить в себе мысль, что конституция и свобода печати существуют не для блага народа, а для удовлетворения честолюбия отдельных лиц и для господства партий».

Известно, что существует такая психология, которая объясняет великое мелкими причинами; исходя из верной догадки, что все то, за что человек борется, связано с его интересом, эта психология приходит к неверному заключению, что существуют только «мелкие» интересы, только интересы неизменного себялюбия. Известно также, что такого сорта психология и знание людей в особенности встречаются в *городах*, где считается признаком большой проницательности все видеть насквозь и за пронсящейся вереницей идей и фактов усматривать ничтожных, завистливых, интригующих людишек, которые, дергая за ниточки, приводят в движение весь мир. Но, с другой стороны, также известно, что если слишком глубоко заглядывают в кружку, то ударяются о нее *своей собственной головой*; в таком случае знание людей и света у этих мудрецов есть прежде всего — в мистифицированном виде — удар по собственной голове.

К тому же еще половинчатость и нерешительность характеризуют сословие оратора.

«Присущее ему чувство независимости говорит в нем за свободу печати» (в том смысле, как ее понимает докладчик), «но он должен слушаться голоса разума и опыта».

Если бы оратор в заключение сказал, что хотя разум его — за свободу печати, но присущее ему чувство зависимости говорит против нее, то его речь была бы вполне верной жанровой картинкой городской реакции.

Кто, имея язык, молчит
Иль, имея клинок, не разит, —
Тот лишь без толку небо коптит.

Мы теперь переходим к *защитникам свободы печати* *. Начнем с *главного из внесенных предложений*. Более общие положения, метко и правильно выставленные во вступительных словах этого предложения, мы опускаем, чтобы сразу подчеркнуть своеобразную и характерную точку зрения, проведенную в самом докладе.

Докладчик хочет, чтобы *свобода печати как определенного промысла* не была исключена из *всеобщей промысловой свободы*, как это имеет место еще до сих пор, — это внутреннее

противоречие он рассматривает как классический образец непоследовательности.

«Работа рук и ног свободна, а работа головы находится под опекой. Конечно, под опекой более умных голов? Избави бог. Об этом не может быть и речи, когда дело касается цензоров. Кого бог награждает чином, того наделяет и умом».

Прежде всего странно то, что *свобода печати* подводится под *промысловую свободу*. Но мы все-таки не можем просто отвергнуть взгляд оратора. *Рембрандт* писал мадонну в виде нидерландской крестьянки; почему бы нашему оратору не изображать свободу в той форме, которая ему близка и понятна?

Мы не можем также отказать рассуждениям оратора в *относительной* правильности. Если смотреть на печать *только* как на промысел, то ей в качестве промысла, осуществляющегося посредством головы, подобает большая свобода, чем промыслам, где главную роль играют руки и ноги. Эмансипация рук и ног получает для человека значение только благодаря эмансипации головы: как известно, руки и ноги становятся человеческими руками и ногами лишь благодаря голове, которой они служат.

Какой бы своеобразной ни казалась на первый взгляд точка зрения оратора, мы все же безусловно должны отдать ей предпочтение перед бессодержательными, туманными и расплывчатыми рассуждениями тех немецких либералов, которые думают, что, перенося свободу с твердой почвы действительности в звездное небо воображения, они тем самым воздают ей честь. Этим резонерам воображения, этим сентиментальным энтузиастам, которые видят профанацию в каждом соприкосновении их идеала с будничной действительностью, мы, немцы, отчасти обязаны тем, что свобода до сих пор осталась для нас фантазией и сентиментальным пожеланием.

Немцы вообще склонны к сентиментам и экзальтации, они питают пристрастие к музыке небесной лазури. Поэтому отраднo, когда великая проблема идеи демонстрируется им с такой точки зрения, которая взята из суровой, реальной, непосредственно окружающей их действительности. Немцы уже от природы отличаются всеподданнейшей и благоговейнейшей преданностью. От чрезмерного уважения к идеям они их не осуществляют. Они делают идеи предметом культа, но не культивируют их. Таким образом, путь, по которому пошел оратор, пригоден, по-видимому, для того, чтобы *сроднить* немца с его идеями, чтобы показать ему, что речь идет не о недостижимых далях, а о его ближайших интересах, чтобы перевести язык богов на человеческий язык.

Как известно, греки полагали, что в египетских, ливийских, даже скифских богах им удастся узнать своего Аполлона, свою Афину, своего Зевса; они не обращали внимания на своеобразные особенности чужих культов, считая это чем-то второстепенным. Точно так же нет ничего предосудительного в том, что немец принимает незнакомую ему богиню свободы печати за одну из известных ему богинь и называет ее просто промысловой свободой или свободой собственности.

Но именно потому, что мы готовы признать нечто положительное во взглядах оратора, мы подвергаем их тем более резкой критике.

«Можно еще представить себе, что наряду с цехами существует свобода печати, потому что работа головой, как промысел, требует *более высокой квалификации*; она требует одинакового положения с семью старыми свободными искусствами. Но то обстоятельство, что наряду с промысловой свободой продолжает существовать несвобода печати, есть грех против святого духа».

Конечно! Низшая форма свободы сама по себе должна быть признана несправедливой, раз более высокая форма ее считается неправомерной. Право отдельного гражданина есть бессмыслица, когда не признано право государства. Если свобода вообще правомерна, то, разумеется, каждая определенная ее форма тем правомерней, чем ярче и полнее проявилась в ней свобода. Если *полип* имеет право на существование, потому что в нем обнаруживаются — хотя еще смутно и робко — признаки жизни природы, то что сказать о *льве*, в котором жизнь бушует и клокочет?

Но если и верно заключение, что существование более высокой формы права доказывается существованием права более низкой формы, то совершенно неверно *применять* более низкую сферу как *мерило* для более высокой сферы; в этом случае разумные в данных пределах законы искажаются и превращаются в карикатуру, так как им произвольно придается значение законов не этой определенной области, а другой, более высокой. Это все равно, как если бы я хотел заставить великана поселиться в доме пигмея.

Промысловая свобода, свобода собственности, совести, печати, суда — все это различные *виды* одного и того же рода, т. е. *свободы вообще, без собственного имени*. Но совершенно неправильно из-за единства забывать различие и делать *определенный вид* мерилом, нормой, сферой всех остальных видов. В этом случае один вид свободы настолько *нетерпим*, что позволяет существовать остальным ее видам лишь при том усло-

вии, если они отрекутся от самих себя и признают себя его васалами.

Промысловая свобода есть только промысловая свобода, а не какая-либо другая, так как в ней природа промысла беспрепятственно формируется сообразно внутреннему принципу своей жизни. Свобода суда есть свобода суда, если суд следует собственным, ему присущим законам права, а не законам другой сферы, — например, религии. Каждая определенная сфера свободы есть свобода определенной сферы, как и каждый определенный образ жизни есть образ жизни определенной сферы природы. Разве не извращением было бы требование, чтобы лев следовал законам жизни полипа? Как ложно понимал бы я связь и единство человеческого организма, если бы рассуждал следующим образом: так как руки и ноги функционируют характерным для них способом, то глаза и уши — те органы, которые отрывают человека от пут его индивидуальности, превращая его в зеркало и эхо вселенной, — имеют еще большее право на деятельность и, следовательно, должны обладать функцией ног и рук *в усиленном виде*.

Подобно тому как в мировой системе каждая отдельная планета, вращаясь вокруг себя, движется в то же время вокруг солнца, — так и в системе свободы каждый из ее миров, вращаясь вокруг себя, вращается вокруг центрального солнца свободы. Провозглашение свободы печати одним из видов промысловой свободы — это такая защита свободы печати, при которой она умерщвляется еще до защиты. Разве я не уничтожаю свободу характера, когда я требую, чтобы он был свободен на чужой лад? Твоя свобода — не моя свобода, говорит печать промыслу. Подобно тому как ты подчиняешься законам твоей сферы, так и я хочу подчиниться законам своей сферы. Быть свободной по-твоему для меня все равно, что не быть свободной вовсе, — ведь столяр едва ли был бы удовлетворен, если бы ему вместо свободы его ремесла предоставили, в качестве эквивалента, свободу философа.

Выразим мысль оратора в обнаженном виде. На вопрос: что такое свобода? — он отвечает: *«промысловая свобода»*. Это все равно, как если бы какой-нибудь студент на вопрос: что такое свобода? — ответил бы: *«свобода ночных похождений»*.

С тем же правом, как свободу печати, можно и всякий другой вид свободы подвести под промысловую свободу. Судья занимается промыслом юриста, проповедник — религиозным промыслом, отец семейства — промыслом воспитания детей; но

разве этим определена сущность юридической, религиозной, нравственной свободы?

Можно было бы подойти к делу с противоположной стороны и назвать промысловую свободу лишь *видом свободы печати*. Разве ремесленник работает только руками и ногами, а не и головой также? Разве язык слова есть единственный язык мысли; разве механик своей паровой машиной не говорит очень внятно моему уху, фабрикант кроватей — моим бокам, повар — моему желудку? Не является ли противоречием, что все эти виды свободы печати разрешены, и только один вид ее не разрешен, а именно тот, который говорит моему уму посредством типографской краски?

Чтобы защитить — и даже для того только, чтобы постигнуть, — свободу какой-либо определенной сферы, я должен исходить из существенного характера этой сферы, а не из ее внешних отношений. Но разве верна моему характеру, разве действует соответственно благородству своей природы, *разве свободна та печать, которая опускается до уровня промысла?* Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать.

Когда *Беранже* поет:

Живу для того лишь, чтоб песни слагать,
Но если, о сударь, лишен буду места,
То песни я буду слагать, чтобы жить, —

то в этой угрозе кроется ироническое признание, что поэт перестает быть поэтом, когда поэзия становится для него средством.

Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на *средство*. Она — *самоцель*; она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву *ее* существованию, когда это нужно, *свое* личное существование. Подобно религиозному проповеднику, — хотя и в другом смысле, — и он также следует принципу: «повиноваться больше богу, чем людям», — людям, к числу которых относится и он сам со своими человеческими потребностями и желаниями. Но что было бы, если бы ко мне явился портной, которому я заказал парижский фрак, а он принес бы мне римскую тогу на том основании, что она-де более соответствует вечному закону красоты!

Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого

материального средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием.

Конечно, печать существует также и как промысел, но тогда она является уже не делом писателей, а делом типографов и книготорговцев. Но здесь речь идет не о промысловой свободе книгоиздателей и книготорговцев, а о свободе печати.

И действительно, наш оратор не удовлетворяется тем, что выводит свободу печати из промысловой свободы. Он, кроме того, требует, чтобы свобода печати, вместо того чтобы подчиняться своим собственным законам, подчинялась законам промысловой свободы. Он даже полемизирует с докладчиком комиссии, защищающим более высокий взгляд на свободу печати, и выставляет требования, которые производят лишь комическое впечатление. Такое впечатление немедленно возникает вообще, когда законы более низкой сферы применяются к более высокой; и также, наоборот, комично, когда дети впадают в патетической тон.

«Он различает *компетентных* и *некомпетентных* авторов. Это различие имеет тот смысл, что пользование предоставленным правом даже и в области промысловой свободы всегда связано с каким-нибудь условием, которое выполнимо с большим или меньшим трудом, смотря по профессии». «Каменщики, плотники и архитекторы должны, понятно, удовлетворять таким условиям, от которых большинство других промыслов совершенно свободно». «Его предложение имеет в виду рассматриваемое право в его *особом*, а не в его *общем* выражении».

Прежде всего, *кто* будет решать вопрос о *компетентности*? Кант не признал бы Фихте компетентным философом, Птолемей — Коперника компетентным астрономом, Бернар Клервоский — Лютера компетентным теологом. Всякий ученый причисляет своих критиков к «*некомпетентным авторам*». Или же невежды должны будут решать, кто является компетентным ученым? Очевидно, решение должно было бы быть предоставлено некомпетентным авторам, ибо компетентные не могут же быть судьями в своем собственном деле. Или же компетенция должна быть связана с *сословием*! Сапожник Якоб Бёме был большой философ. Некоторые именитые философы — только большие сапожники.

Впрочем, раз речь идет о компетентных и некомпетентных авторах, то, при желании быть последовательным, нельзя ограничиваться тем, что различия проводятся между *отдельными лицами*, а надо промысел печати в свою очередь делить на *различные промыслы*. Не выдавать ли различные промысловые свидетельства для различных отраслей литературной деятель-

ности? Или, может быть, компетентный писатель должен уметь писать обо всем? Заранее можно сказать, что сапожник более компетентен писать о коже, нежели юрист. Поденщик не менее, чем теолог, компетентен писать о том, следует ли работать в дни праздников или нет. Если, следовательно, связывать компетенцию с особенными объективными условиями, то каждый гражданин в одно и то же время будет компетентным и некомпетентным писателем: компетентным — в делах, касающихся его профессии, некомпетентным — во всем прочем.

Не будем говорить уже о том, что при таких условиях печать, вместо того чтобы служить всеобщим связующим звеном для народа, стала бы на деле средством его разъединения, сословное деление получило бы свое зафиксированное духовное выражение, и история литературы опустилась бы до уровня естественной истории некоторых особых духовных пород животных. Не станем говорить и о том, что тогда возникли бы всякого рода споры из-за размежевания и такие коллизии, которых нельзя было бы ни разрешить, ни избежать. Не будем также останавливаться на том, что бездарность и ограниченность были бы возведены в закон, так как особое может рассматриваться духовно и свободно лишь в его связи с целым, а никак не в отрыве от него. Но и помимо всего этого, ведь чтение столь же важно, как и писание; поэтому необходимо было бы ввести также звание *компетентных* и *некомпетентных читателей* — вывод, который был сделан в древнем Египте, где жрецы, считавшиеся единственными компетентными писателями, в то же время считались и единственными компетентными читателями. И представляется весьма целесообразным, чтобы компетентным писателям было дано исключительное право приобретения и чтения своих собственных писаний.

Какая непоследовательность! Раз господствует привилегия, то, разумеется, правительство имеет полное право утверждать, что оно в отношении всех своих дел — *единственный компетентный автор*. Если же вы, в качестве граждан, считаете себя вправе писать не только о делах своего сословия, но и о наиболее общем — о государстве, то неужели прочие смертные, которых вы хотите этого права лишить, не имеют, в качестве людей, даже права высказать свое суждение по весьма частному вопросу, т. е. по поводу *вашей компетенции* и ваших произведений?

Получилось бы то комическое противоречие, что компетентный автор был бы вправе без цензуры писать о государстве,

некомпетентный же был бы вправе писать о компетентном только с разрешения цензуры.

Свобода печати ни в каком случае не будет достигнута тем, что вы наберете кучу официальных писателей из ваших рядов. Компетентные авторы стали бы *официальными авторами, борьба между свободой печати и цензурой превратилась бы в борьбу между компетентными и некомпетентными писателями.*

Совершенно справедливо предлагает в ответ на это член четвертого сословия:

«Если уж должно существовать какое-либо стеснение для печати, то пусть оно будет одинаково для всех партий, т. е. в этом отношении ни одному классу граждан не должно быть предоставлено больше прав, чем другому».

Цензуре подчинены мы все, подобно тому как в деспотии все уравнины, — правда, не в смысле признания ценности каждого из нас, а в смысле нашего общего обесценения, — предлагаемая же свобода печати введет олигархию в область духовной жизни. Цензура объявляет писателя в худшем случае неудобным, неподходящим в границах ее царства. А свобода печати в таком толковании претендует предвосхитить историю, предупредить голос народа, который до сих пор был единственным судьей в вопросе о «компетентности» и «некомпетентности» писателя. Если Солон решался судить о человеке только *по окончании его жизни, после его смерти*, то здесь решаются судить о писателе еще *до его рождения*.

Печать — это наиболее общий для индивидов способ раскрытия их духовного бытия. Она руководствуется уважением не к отдельным личностям, а только к разуму. Хотите ли вы способность духовного общения официально определить особыми внешними признаками? Чем я не могу быть для других, тем я не являюсь и не могу быть и для самого себя. Если я не вправе быть для других духовной силой, то я не вправе также быть духовной силой и для самого себя; а разве вы хотите привилегию быть духовным существом дать только отдельным лицам? Подобно тому как каждый учится писать и читать, точно так же и *право* писать и читать *должен иметь* каждый.

Кому же нужно это подразделение писателей на «компетентных» и «некомпетентных»? Очевидно, не тем, кто действительно компетентен, потому что они и без того проявят себя. Следовательно, оно нужно «некомпетентным», которые хотят защитить себя внешней привилегией и таким образом импонировать окружающим?

К тому же такой паллиатив не устраняет даже надобности в законе о печати, ибо, как замечает по этому поводу оратор из крестьянского сословия:

«Разве не может и привилегированный превысить свое право и навлечь на себя наказание? Поэтому какой-нибудь закон о печати так или иначе будет необходим, причем и здесь мы встретимся с теми же трудностями, как и при общем законе о печати».

Если немец оглянется назад, на свою историю, то одну из главных причин своего медленного политического развития, а также и жалкого состояния литературы до Лессинга, он увидит в «компетентных писателях». Профессиональные, цеховые, привилегированные ученые, доктора и т. п., бесцветные университетские писатели семнадцатого и восемнадцатого столетий, с их чопорными косичками, важным педантизмом и ничтожно-крохоборческими диссертациями, стали между народом и духом, между жизнью и наукой, между свободой и человеком. Писатели, не причисленные к рангу компетентных, создали нашу литературу. Готшед и Лессинг — выбирайте же между «компетентным» и «некомпетентным» автором!

Мы вообще не любим такую «свободу», которая желает существовать только во множественном числе. Англия дает нам, в крупном историческом масштабе, пример того, как опасен для «свободы» ограниченный горизонт «свобод».

«Разговор о свободах, о привилегиях», — говорит Вольтер, — «предполагает подчинение. Свободы являются изъятиями из общего рабства».

Если наш оратор, далее, желает исключить анонимных и пишущих под псевдонимом писателей из сферы действия свободы печати и подчинить их цензуре, то мы должны заметить, что имя в печати не относится к делу и что там, где господствует закон о печати, издатель, а через него и анонимный писатель и автор, пишущий под псевдонимом, подчиняются суду. К тому же Адам, когда он давал имена всем тварям в раю, забыл дать имена немецким газетным сотрудникам, и они так и останутся не имеющими имени in secula seculorum¹.

Если основной докладчик пытается ограничить лиц, субъектов печати, то другие сословия хотят ограничить объективный материал печати, круг ее действий и бытия. Пошло, по-рыночному они прицениваются: сколько свободы должно быть отпущено свободе печати?

¹ — во веки веков. Ред.

Одно сословие хочет ограничить печать обсуждением материальных, духовных и церковных дел Рейнской провинции; другое желает, чтобы выходили «общинные газеты», само название которых говорит об ограниченности их содержания; третье выражает даже желание, чтобы в каждой провинции можно было откровенно высказываться только *одной-единственной газете!!!*

Все эти попытки напоминают того учителя гимнастики, который в качестве самого лучшего метода обучения прыжкам предложил следующий: ученика подводят к большому рву и с помощью веревочки отмечают, до какого места он должен прыгать *через* ров. Понятно, ученик должен был учиться прыгать постепенно и в первый день не должен был перемахнуть через весь ров; время от времени веревка должна была передвигаться все дальше. К сожалению, ученик при первом же уроке упал в ров и лежит там и поныне. Учитель был немец, а ученика звали «Свобода».

Итак, по своему среднему *нормальному типу защитники свободы печати* на шестом рейнском ландтаге отличаются от ее *противников* не по своей сущности, а только по своей направленности. В лице одних — *сословная* ограниченность борется против печати, в лице других — та же ограниченность защищает ее. Одни хотят привилегии только для правительства, другие хотят распределить ее между многими лицами; одни хотят полной цензуры, другие — половину ее, одни — три восьмых свободы печати, другие не хотят никакой. Избави меня бог от моих друзей!

Но совершенно расходятся с *общим духом* ландтага речи *референта* и нескольких членов из *крестьянского сословия*.

Референт, между прочим, замечает:

«В жизни народов, как и в жизни отдельных людей, наступает момент, когда оковы слишком долгой опеки становятся невыносимыми, когда возникает стремление к самостоятельности и каждый желает сам отвечать за свои поступки». «С этого момента цензура отжила свой век; там, где она еще продолжает существовать, ее считают *ненавистными* путями, мешающими писать то, о чем говорят открыто».

Пиши, как говоришь, и говори, как пишешь, — учат нас уже учителя начальной школы. Впоследствии нас поучают: говори то, что тебе предписано, и пиши то, что ты говоришь согласно указке.

«Каждый раз, когда неудержимый поступательный ход времени вызывает к жизни новый важный интерес или выдвигает новую потребность,

для которых в существующем законодательстве не имеется соответствующих установлений, — необходимы новые законы для регулирования этого нового состояния общества. Такой именно случай теперь перед нами».

Это — *подлинно историческое* воззрение, выдвигаемое против мнимого, которое умерщвляет разум истории, чтобы затем воздать его останкам почести, какие воздаются историческим реликвиям.

«Решить задачу» (создания кодекса о печати), «конечно, не так-то легко; первая попытка, может быть, будет очень несовершенна! Но все государства будут чувствовать благодарность к тому законодателю, который первый этим займется, и при таком короле, как наш, прусскому правительству, может быть, выпала *честь* идти впереди других стран по этому пути, который один только и может привести к цели».

Насколько *изолированным* являлся в ландтаге этот мужественный, полный достоинства, решительный взгляд, показало все наше изложение. Слишком часто делал в этом смысле замечания референту сам председатель. Это, наконец, высказал член крестьянского сословия в запальчивой, но превосходной речи:

«Все ходят вокруг да около данного вопроса, как кот вокруг горячей каши». «Человеческий дух должен свободно развиваться *сообразно присущим ему законам* и обладать правом сообщать другим то, что им достигнуто, иначе прозрачный живительный поток превратится в зловонное болото. Если для какого-нибудь народа особенно пригодна свобода печати, то это именно для спокойного, добродушного немецкого народа, скорее нуждающегося в будоражении, которое выводило бы его из флегматичного состояния, чем в духовных тисках цензуры. Невозможность беспрепятственно передавать другим свои мысли и чувства очень напоминает северо-американскую систему одиночного заключения, которая своей крайней суровостью часто приводит заключенных к сумасшествию. Если человек не вправе порицать, то и похвала его не имеет значения. Все это по своей безжизненности напоминает китайскую картину, которой недостает теней. Постараемся же, чтобы мы не оказались в том положении, в каком находится этот обессиленный народ!»

Оглядываясь назад на весь ход прений о печати, мы не можем подавить в себе тоскливое и тягостное чувство, которое вызывает собрание представителей *Рейнской провинции*, колеблющихся между намеренной закоснелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма. Мы с горечью констатируем почти полное отсутствие общих и широких точек зрения, а равно небрежную поверхность, с которой дебатруется и устраняется вопрос о свободной печати. Мы еще раз спрашиваем себя, неужели так чужда печать сословным представителям, неужели так мало у нее реальных точек соприкосновения с последними, что они не

умеют защищать свободу печати с глубоким и серьезным интересом, вытекающим из действительной потребности.

Свобода печати подала свою петицию сословиям с *тончайшей cunctatio benevolentiae*¹.

Уже в самом начале заседаний ландтага возникли дебаты, в ходе которых *председатель* заявил, что *печатание протоколов ландтага* — как и всякого рода других произведений — подлежит *цензуре*, но что в данном случае *он*, председатель, заступает место цензора.

Разве уже в *одном* этом пункте дело *свободы печати* не совпало со *свободой ландтага*? Эта коллизия тем более интересна, что здесь ландтагу, в его собственном лице, дано было доказательство того, как призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати. Одна форма свободы обуславливает другую, как один член тела обуславливает другой. Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, — она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода — исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об *особой* форме существования свободы есть *особый вопрос*. Это — общий вопрос в пределах особой сферы. Свобода остается свободой, в чем бы она ни выражалась: в типографской ли краске, во владении ли землей, в совести или же в политическом собрании. Но лояльный друг свободы, который чувствовал бы себя задетым в своей чести, если бы пришлось голосованием ответить на вопрос: *быть или не быть свободе?* — этот самый друг свободы становится в тупик перед своеобразным жизненным материалом, в котором свобода нашла свое проявление; в разновидности он не узнает рода, из-за печати он забывает свободу. Ему кажется, что предмет его суждения — чуждая ему сущность, а между тем он осуждает свою собственную сущность. Таким образом, шестой рейнский ландтаг, осудив свободу печати, осудил самого себя.

Высокомудрые практики-бюрократы, думающие про себя втихомолку и без всякого основания то, что *Перикл* вслух и с полным правом говорил о себе: «В знании потребностей госу-

¹ — попыткой завоевать благосклонность. *Ред.*

дарства *, как и в искусстве развивать их, я могу померяться со всяким», — эти наследственные арендаторы политического разума, наверно, будут пожимать плечами и с важностью оракула вещать, что защитники свободы печати тратят зря свой порох, ибо *мягкая* цензура лучше ведь *суровой* свободы печати. Мы ответим им то же, что ответили спартанцы *Спертий* и *Булис персидскому сатрапу* Гидарну:

«Гидарн, совет, который ты нам предлагаешь *, ты не взвесил с обеих сторон. Ибо одно, что ты советуешь, ты испытал на себе самом; другое же осталось для тебя неиспытанным. Ты знаешь, что значит быть рабом; свободы же ты не вкусил еще ни разу и не знаешь, сладостна она или нет. Ибо если бы ты вкусил ее, то ты советовал бы нам сражаться за нее не только копьями, но и топорами».

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Дебаты шестого Рейнского ландтага. (Статья первая.)
Сочинения, т. I, стр. 30—34.

ИЗ СТАТЬИ «ЗАМЕТКИ О НОВЕЙШЕЙ ПРУССКОЙ ЦЕНЗУРНОЙ ИНСТРУКЦИИ» *

То исследование истины, которому цензура не должна препятствовать, характеризуется более конкретно — как *серьезное* и *скромное*. Оба определения относятся не к содержанию исследования, а скорее к чему-то такому, что лежит вне этого содержания. Они с самого начала отвлекают исследование от истины и заставляют его обращать внимание на какое-то неизвестное третье. Но разве исследование, постоянно направляющее свое внимание на этот третий элемент, который закон наделил правом придирчивости, — разве такое исследование не потеряет из виду истину? Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево? Разве не забуду я про самую суть дела, если я обязан прежде всего не забывать, что сказать об этом надо в известной предписанной форме?

Истина так же мало скромна, как свет; да и по отношению к кому она должна быть скромна? По отношению к самой себе? *Verum index sui et falsi*¹. Стало быть, *по отношению ко лжи?*

Если скромность составляет характерную особенность исследования, то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, скрывающее каждый мой шаг вперед. *Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами*, она — предохранительное средство против истины.

Далее: истина всеобща, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею. Мое достояние — это *форма*, составляющая мою духовную индивидуальность. «Стиль — это человек»*. И что же! Закон разрешает мне писать, но я должен писать не в *своем собственном стиле*, а в каком-то другом. Я имею право раскрыть мой духов-

¹ — Истина — пробный камень себя самой и лжи (Спиноза, «Этика»). *Ред.*

ный облик, но должен прежде придать ему *предписанное выражение!* Какой честный человек не покраснеет от этого требования и не спрячет лучше свою голову под тогу? По крайней мере, под тогой можно предполагать голову Юпитера. Предписанное выражение — это означает только одно: «хорошая мина при плохой игре».

Вы восторгаетесь восхитительным разнообразием, неисчерпаемым богатством природы. Ведь не требуете же вы, чтобы роза благоухала фиалкой, — почему же вы требуете, чтобы величайшее богатство — дух — существовало в *одном* только виде? Я юморист, но закон велит писать серьезно. Я задорен, но закон предписывает, чтобы стиль мой был скромен. *Бесцветность* — вот единственный дозволенный цвет этой свободы. Каждая капля росы, озаряемая солнцем, отливает неисчерпаемой игрой цветов, но духовное солнце, в скольких бы индивидуальностях, в каких бы предметах лучи его ни преломлялись, смеет породить только один, только *официальный цвет!* Существенная форма духа — это *радость, свет*, вы же делаете единственно законным проявлением духа — *тьма*; он должен облачаться только в черное, а ведь в природе нет ни одного черного цветка. Сущность духа — это исключительно *истина сама по себе*, а что же вы делаете его сущностью? *Скромность*. Только нищий скромен, говорит Гёте *, и в такого ничего вы хотите превратить дух? Или же эта скромность должна быть той скромностью гения, о которой говорит Шиллер? * В таком случае превратите сначала всех ваших граждан, и прежде всего ваших цензоров, в гениев. Но ведь скромность гениев состоит вовсе не в том, в чем состоит язык образованности, лишенный акцента и диалекта, а, наоборот, в том, чтобы говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности. Она состоит в том, чтобы, забыв о скромности и нескромности, выделить самый предмет. Всеобщая скромность духа — это разум, та универсальная независимость мысли, которая относится ко *всякой вещи* так, как того требует *сущность самой вещи*.

Если, далее, *серьезность* не должна подходить под определение Тристрама Шенди *, по которому она есть притворство тела, прикрывающее недостатки души, если она должна означать *серьезность в отношении к предмету*, — тогда теряет смысл все предписание. Ибо к смешному я отношусь серьезно, когда представляю его в смешном виде; оставаться же скромным по отношению к нескромности — это и есть самая серьезная нескромность духа.

Серьезно и скромно! Какие неустойчивые, относительные понятия! Где кончается серьезность, где начинается шутка? Где кончается скромность, где начинается нескромность? Мы поставлены в зависимость от *темперамента* цензора. Было бы так же неправильно предписывать темперамент цензору, как стиль писателю. Если вы хотите быть последовательными в вашей эстетической критике, то запретите также *слишком серьезно* и *слишком скромно* исследовать истину, ибо чрезмерная серьезность — это самое комичное, а чрезмерная скромность — это самая горькая ирония.

Наконец, исходной точкой служит при этом совершенно превратное и абстрактное понимание самой *истины*. Все объекты писательской деятельности подводятся под одно общее понятие «*истины*». Но если мы оставим даже в стороне все *субъективное*, а именно то обстоятельство, что один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров, то разве *характер самого предмета* не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеется, исследование должно быть серьезным, а когда предмет тягостен, исследование должно быть скромным? Вы, стало быть, нарушаете право объекта так же, как вы нарушаете право субъекта. Вы понимаете истину абстрактно и превращаете дух в *судебного следователя*, который сухо ее *протоколирует*.

Или, может быть, эти метафизические тонкости излишни? Быть может, истину следует понимать так, что *истинно то, что приказывает правительство*, а исследование допускается только как лишний, назойливый элемент, который, однако, по *соображениям этикета* не может быть полностью устранен? По-видимому, почти так оно и есть. Ибо исследование уже заранее понимается как нечто *противоположное* истине, оно появляется поэтому в подозрительном официальном сопровождении серьезности и скромности, которые и впрямь приличествуют мирянину перед лицом его пастыря. Рассудок правительства — единственный государственный разум. При известных условиях времени приходится, правда, делать некоторые уступки дру-

гому рассудку и его болтовне, но тогда он должен сознавать, что ему сделана уступка и что он, в сущности, бесправен, он должен выступать скромным и смиренным, серьезным и скучным. Если Вольтер говорит: «все жанры хороши, кроме скучного» *, то здесь скучный жанр исключает всякий иной, для доказательства чего достаточно сослаться на «Протоколы рейнского сословного собрания». Почему же в таком случае не вернуться совсем к немецкому канцелярскому слогу доброго старого времени? Пишите свободно, но каждое ваше слово должно быть поклоном перед либеральной цензурой, которая пропускает ваши, столь же серьезные, сколь и скромные, мнения. Не теряйте только чувства благоговения!

Закон ставит ударение не на истине, а на скромности и серьезности. Итак, все здесь наводит на размышления — все то, что говорится о серьезности, скромности и прежде всего об истине, за неопределенной широтой которой скрывается очень определенная, очень сомнительного свойства истина.

К. Маркс и Ф. Энгельс. За-
метки о новейшей прусской цензур-
ной инструкции.
Сочинения, т. I, стр. 5—8.

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И ПИСЕМ
МОЛОДОГО
ЭНГЕЛЬСА

ИЗ ПИСЕМ К БРАТЬЯМ ГРЕБЕРАМ *

1

Начну сейчас свой рассказ сразу с сообщения вам очень важной вещи: мой испанский романс провалился; этот парень, по-видимому, антиромантик, таким он и выглядит; но другое мое стихотворение — «Бедуины» *, прилагаемое к письму, было помещено в другой газете; только этот молодец изменил у меня последнюю строфу, чем создал невообразимую путаницу. Дело в том, что он, кажется, не понял слов: «вас люди в фраках не поймут, им вашей песни строй далек», потому что они кажутся странными. Главная мысль стихотворения заключается в противопоставлении бедуинов, даже в теперешнем их состоянии, публике, которая совершенно чужда им. А потому этот контраст не следует выражать одним голым описанием, данным в обеих резко обособленных частях; лишь в заключении он ярко выступает благодаря противопоставлению и заключительному выводу последней строфы. Кроме того, в стихотворении еще выражены отдельные мысли: 1) легкая ирония по адресу Коцебу и его приверженцев с противопоставлением ему Шиллера как доброго принципа нашего театра; 2) скорбь о теперешнем состоянии бедуинов с противопоставлением прежнему их состоянию; эти обе побочные мысли идут параллельно в обеих главных противоположностях. Убери последнюю строфу, и все идет прахом; но если редактор, желая сгладить заключение, пишет: «И после этого — позор! — за деньги пред толпой плясать! У вас недаром тусклый взор и на устах лежит печать!», — то, во-первых, заключение бледно, ибо оно составлено из использованных уже раньше общих фраз, а во-вторых, оно уничтожает мою главную мысль, ставя на ее место побочную: жалобу на состояние бедуинов и сопоставление его с прежним их состоянием. Итак, он учинил следующую беду: он совершенно уничтожил 1) главную мысль и 2) связь всего стихотворения. Впрочем, это ему обойдется еще

в один грот ($\frac{1}{2}$ зильбергроша), ибо он получит от меня надлежащую отповедь. Впрочем, лучше бы я не сочинял этого стихотворения, ибо мне совсем не удалось выразить свою мысль в ясной, изящной форме; риторические фразы...¹ — не более, как риторические фразы, страна фиников и Билед Уль Джерид — это одно и то же, так что одна и та же мысль повторяется дважды в одних и тех же выражениях, а как неблагозвучны некоторые из фраз: «раскаты смеха» и «проворные уста»! Странное испытываешь чувство, когда видишь напечатанными свои стихи; они тебе стали чужими, и ты их воспринимаешь гораздо более остро, чем когда они только что написаны.

Я здорово смеялся, когда увидел вдруг свои произведения опубликованными, но у меня вскоре пропала охота смеяться; когда я заметил сделанные изменения, то я пришел в ярость и варварски забушевал.

Ф. Энгельс. Письма братьям Греберам 17—18 сентября 1838 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». Госполитиздат, 1956, стр. 263—264.

2

С каждым днем я все более отчаиваюсь в своей поэзии и ее творческой силе, особенно с тех пор, как прочел у Гёте обе статьи «Молодым поэтам», в которых я обрисован так верно, как это только возможно; из них мне стало ясно, что мое рифмоплетство не имеет никакой цены для искусства; но, тем не менее, я буду и впредь продолжать заниматься рифмачеством, ибо это — «приятное дополнение», как выражается Гёте, а иное стихотворение тисну в какой-нибудь журнал, потому что так делают другие молодцы, которые такие же, если не большие, чем я, ослы, и потому также, что этим я не подниму и не унижу уровня немецкой литературы. Но когда я читаю хорошее стихотворение, то в душе мне становится всегда очень досадно: почему ты не сумел так написать! *Satis autem de hac re locuti sumus!*²

Ф. Энгельс. Письма братьям Греберам 17—18 сентября 1838 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». Госполитиздат, 1956, стр. 264.

¹ В тексте незаконченное слово: *Str.*, вероятно, имеется в виду Штрюккер (*Strücker*) — товарищ Энгельса. *Ред.*

² — Однако довольно об этом! *Ред.*

3

Если вы получите это письмо до отъезда в Кельн, то исполните следующее поручение: по прибытии туда разыщите Штрейтцейггассе, зайдите в типографию Эверерта, № 51 и купите мне народные книги*; «Зигфрид», «Уленшпигель», «Елена» у меня есть; важнее всего для меня: «Октавиан», «Шильдбюргеры» (неполное лейпцигское издание), «Дети Хеймона», «Доктор Фауст» и другие вещи, снабженные гравюрами; если встретятся мистические, то купите их тоже, особенно «Прорицания Сивиллы». Во всяком случае, вы можете истратить до двух или трех талеров, затем пошлите мне книги скорой почтой, со счетом; я вам пришлю вексель на моего старика*, который вам охотно заплатит. Или так: вы можете прислать книги моему старику, которому я сообщу всю историю, а он мне их подарит на рождество или когда ему вздумается. — Новым занятием у меня является изучение Якоба Бёме; это темная, но глубокая душа. Приходится страшно много возиться с ним, если хочешь понять что-нибудь; у него богатство поэтических мыслей, и он полон аллегорий; язык его совершенно своеобразный: все слова имеют у него другое значение, чем обыкновенно; вместо существа, сущности [Wesen, Wesenheit] он говорит мучение [Qual]; бога он называет безоснованием [Ungrund] и основанием [Grund], ибо он не имеет ни основания, ни начала своего существования, являясь сам основанием своей и всякой иной жизни. До сих пор мне удалось раздобыть лишь три сочинения его; на первых порах этого достаточно.

Ф. Энгельс. Письма братьям Греберам 17—18 сентября [1838 г.]. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». *Госполитиздат, 1956, стр. 265—266.*

4

Самая превосходная книга церковных песнопений — это, бесспорно, здешняя. В ней все знаменитости немецкой поэзии: Гёте (песня «Ты, что с неба»), Шиллер («Три слова веры»), Коцебу и многие другие. И швейцарские пастушьи песни, и всякого рода чепуха. Это невероятное варварство; кто этого сам не видел, тот не поверит; к тому же ужасное искажение всех наших прекрасных песен — преступление, лежащее также на совести Кнаппа (в его «Сокровищнице песен»).

Ф. Энгельс. Письма братьям Греберам 17—18 сентября [1838 г.]. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». *Госполитиздат, 1956, стр. 268.*

5

На обратном пути я старался разъяснить одному своему спутнику-филистеру красоту нижненемецкого языка, но увидел, что это невозможно. Такие филистеры несчастны, но в то же время сверхсчастливы в своей глупости, которую они принимают за высшую мудрость. Недавно вечером я был в театре; давали «Гамлета», но совершенно отвратительно. Уж лучше и не говорить об этом. — Очень хорошо, что вы едете в Берлин; в области искусства вы получите столько, сколько ни в одном университете, за исключением Мюнхена; зато по части поэзии природы будет скудно: песок, песок, песок! Здесь гораздо лучше. Дороги за городом большей частью очень живописны, разнообразные группы деревьев придают им большую прелесть; а горы, горы — черт возьми, как они хороши! Далее, в Берлине не хватает поэзии студенческой жизни, особенно развитой в Бонне, чему немало способствуют прогулки по поэтическим окрестностям.

Ф. Энгельс. Письма братьям Греберам 17—18 сентября [1838 г.].
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 267.

6

Замечательно, что если мы сопоставим наших величайших поэтов, то окажется, что они дополняют друг друга всегда парно: Клопшток и Лессинг, Гёте и Шиллер, Тик и Уланд. А теперь Рюккерт стоит совершенно одиноко, и вот интересно, обретет он свою пару или так и умрет. Похоже на то. Как поэта любви, его можно было бы сопоставить с Гейне, но, к сожалению, они в других отношениях так разнородны, что их никак нельзя соединить. Клопштока и Виланда можно сочетать хотя бы как противоположности, но у Рюккерта и Гейне нет ни малейшего подобия, они абсолютно различны. Берлинская группа «Молодой Германии» * представляет недурную компанию! Они хотят преобразовать нашу эпоху в эпоху «состояний и тонких взаимоотношений», другими словами: мы пишем, что в голову взбредет, и, чтобы заполнить страницы, мы изображаем несуществующие вещи, и это мы называем «состояниями»; или же мы перескакиваем с пятого на десятое, и это сходит под именем «тонких взаимоотношений». Этот Теодор Мундт марает, что ему в голову взбредет, о мадемуазель Тальони, «танцующей Гёте», украшает себя тем, что нахватал у Гёте, Гейне,

Рахили¹ и Штиглица, пишет забавнейшую ерунду о Беттине, но все до того современно, до того современно, что у всякого щелкопера или у какой-нибудь молодой, тщеславной, сластолюбивой дамы обязательно явится охота прочесть это. А Кюне, агент Мундта в Лейпциге, редактирует «*Zeitung für die elegante Welt*», и эта газета выглядит теперь точно дама, напялившая на себя современное платье, хотя телосложение ее создано для фижм, так что при каждом шаге ее видна сквозь тесно прилегающую ткань очаровательная кривизна ног. Замечательно! А этот Генрих Лаубе! Парень без устали малюет характеры, которых не существует, пишет путевые новеллы, которые вовсе не являются таковыми, городит всякую чепуху. Это ужасно! Я не знаю, что будет с немецкой литературой. У нас три талантливых автора: Карл Бек, Фердинанд Фрейлиграт и Юлиус Мозен; третий, правда, еврей; в его «Агасфере» вечный жид бросает повсюду вызов христианству; Гуцков, среди прочих еще наиболее разумный, порицает его за то, что Агасфер — ординарная натура, настоящий еврей-торгаш; Теодор Крейценах, тоже *juif*², яростно нападает на Гуцкова в «*Zeitung für die elegante Welt*», но Гуцков для него недосягаем. Этот Крейценах — заурядный писака, возносит Агасфера до небес, как раздавленного червя, и изрыгает хулу на Христа, как на самовластного гордого господина бога; конечно, говорит он, в народной книге Агасфер совсем ординарная фигура, но ведь и Фауст в ярмарочных балаганах зауряднейший колдун, что не помешало Гёте вложить в него «психологию нескольких веков». Последнее, ясно, имеет быть бессмыслицей (если не ошибаюсь, это чисто латинская конструкция), но меня это трогает только из-за народных книг. Конечно, если Теодор Крейценах ругает их, то они, видите ли, должны быть очень, очень плохими. Однако я осмеливаюсь заметить, что в народном Агасфере больше глубины и поэзии, чем во всем Теодоре Крейценахе вместе с его милой компанией.

Ф. Энгельс. Письма братьям Греберам 20 января (1839 г.).
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 273—274.

7

Я работаю теперь над некоторыми эпиграммами; несколько уже готовых сообщаю тебе:

¹ Имеется в виду Рахиль Варнхаген фон Энзе. *Ред.*

² — еврей. *Ред.*

ЖУРНАЛЫ

1. «ТЕЛЕГРАФ»

Сам ты себя скорописцем зовешь, а тогда мудрено ли,
Что наполняет тебя наскоро писанный хлам.

2. «УТРЕННИЙ ЛИСТОК» *

Утром прочтешь ты меня, а вечером вряд ли припомнишь,
Чистый ли был пред тобой иль напечатанный лист.

3. «ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА» *

Если долго не спится тебе, то возьми меня в руки,
И благодетельным сном будешь ты сразу объят.

4. «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИСТОК» *

В литературном лесу листок этот — самый колючий,
Но до чего же он сух! Ветер сдувает его.

Ничего другого в голову не приходит, поэтому я вынужден на этом кончить. Придется, как вижу теперь, здорово поторопиться, чтобы мне, бедняге, к завтрашнему дню управиться с письмами; сейчас у нас будут гости, а завтра много беготни и переписки, так что не бесполезно будет писать очень быстро.

Я читаю теперь четырехтомный роман Дуллера «Император и папа». У Дуллера раздутая репутация, его виттельсбаховские романы *, из которых многие можно найти у Хюльштетта *, ужасно плохи; он хотел подражать народной поэзии и стал вульгарным; его «Лойола» — отвратительная смесь всех хороших и дурных элементов исторического романа, приправленная скверным стилистическим соусом; его «Жизнь Граббе» — страшно неверна и одностороння; роман, который я сейчас читаю, уже лучше: отдельные характеры хороши, другие очерчены по меньшей мере недурно, отдельные ситуации схвачены довольно хорошо, а придуманные персонажи интересны. Но, судя по первому тому, у него совершенно отсутствует чувство меры в обрисовке второстепенных лиц и совсем нет новых, смелых взглядов на историю. Ему ничего не стоит убить в конце первого тома наилучше обрисованный им тип, и у него большое пристрастие к странному роду смерти: так, один герой умирает у него от ярости в тот самый момент, когда собирается вонзить кинжал в грудь своему врагу; сам этот враг стоит на кратере Этны, где он намерен отравиться, когда открывшаяся в горе трещина погребает его в потоке лавы. Опи-

сание этой сцены, а с ним и весь том, заканчивается следующими словами: «Волны скеана сомкнулись над верхушкой солнечного диска». Очень пикантное, хотя по существу банальное и глупое заключение. Пусть оно также послужит и заключением моего письма. Addio, adieu, á dios, a deos¹.

Ф. Энгельс — Ф. Греберу 20 января
[1839 г.].
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 274—275.

8

Что было у нас до 1830 года? Теодор Хелль и компания, Виллибальд Алексис, старый Гёте и старый Тик, c'est tout². И вдруг — раскаты грома июльской революции, самого прекрасного со времени освободительной войны проявления народной воли. Умирает Гёте, Тик все более дряхлеет, Хелль погружается в спячку, Вольфганг Менцель продолжает кропать свои топорные критические очерки, но в литературе веет новый дух. Среди поэтов на первом плане — Грюн и Ленау, в творчестве Рюккерта новый подъем, растет значение Иммермана, точно так же Платена, но это еще не все. Гейне и Бёрне были уже законченными характерами до июльской революции, но только теперь они приобретают значение, и на них опирается новое поколение, умеющее использовать литературу и жизнь всех народов; впереди всех Гуцков. Гуцков в 1830 г. был еще студентом. Он работал сперва для Менцеля в «Literaturblatt», но недолго; они разошлись во взглядах, Менцель поступил нагло: Гуцков написал пресловутую «Вали» (сомневающуюся), а Менцель поднял отвратительный шум, опорочив книгу и приписав самому Гуцкову высказываемые Вали взгляды, и действительно добился запрещения невинной книги. К Гуцкову примкнул Мундт, человек, правда, довольно посредственный, который ради заработка затевал всякого рода литературные предприятия, где он cum suis³ помещал еще статьи других авторов. Вскоре к ним присоединился Бейрман, остроумный малый и тонкий наблюдатель, затем Людольф Винбарг, Ф. Густав Кюне, и Винбарг придумал для этой литературной пятерки (nisi ego appo, 1835⁴) название: «Молодая Германия».

¹ — До свиданья (на итальянском, французском, испанском, португальском языках). *Ред.*

² — это всё. *Ред.*

³ — вместе со всеми. *Ред.*

⁴ — если не ошибаюсь, в 1835 году. *Ред.*

Ей противостояли: Менцель, которому уж лучше бы сидеть смиренно, так как Гуцков именно с этой целью исколотил его до смерти, затем «*Evangelische Kirchenzeitung*»*, которая в каждой аллегории видит идолопоклонство и в каждом проявлении чувственности — первородный грех (не называется ли Хенгстенберг этим именем по правилу *lucus a non lucendo*¹, т. е., может быть, на самом деле он — мерин², кастрат, евнух?). Эта благородная братия обвиняла «Молодую Германию» в том, что ее представители хотят эмансипации женщин и реставрации плоти, что, кроме того, они хотят попутно ниспровергнуть несколько тронов и стать папой и императором в одном лице. Из всех этих обвинений обоснованным было только то, которое касалось эмансипации женщин (в гётевском смысле), да и его можно было применить только к Гуцкову, который впоследствии дезавуировал его (как результат задорной юношеской опрометчивости). Благодаря этому содружеству цели «Молодой Германии» вырисовались отчетливее и «идеи времени» осознали себя в ней. Эти идеи века (как выразились Кюне и Мундт) не представляют чего-то демагогического или антихристианского, как их клеветнически изображали; они основываются на естественном праве каждого человека и касаются всего, что противоречит этому в современных отношениях. Так, к этим идеям относится, прежде всего, участие народа в управлении государством, следовательно, конституция; далее, эмансипация евреев, уничтожение всякого религиозного принуждения, всякой родовой аристократии и т. д. Кто может иметь что-нибудь против этого? На совести в «*Evangelische Kirchenzeitung*» и Менцеля лежит то, что они так порочили честь «Молодой Германии». Уже в 1836—1837 гг. у этих писателей, связанных единством воззрений, а не какой-нибудь особенной ассоциацией, ясно определились их идеи; благодаря своим ценным произведениям они добились признания у других, по большей части бездарных литераторов и привлекли к себе все молодые таланты. Их поэты — Анастасиус Грюн и Карл Бек; их критики — прежде всего, Гуцков, Кюне, Лаубе, а среди более молодых — Людвиг Виль, Левин Шюккинг и т. д.; кроме того, они пробуют свои силы в области романа, драмы и т. п. В последнее время, правда, возник спор между Гуцковым и Мундтом, на стороне которого Кюне и Лаубе; у обоих имеются сторонники: за Гуцковым идут более молодые — Виль, Шюккинг

¹ — буквально: роша, потому что в ней не светло. Известный пример сопоставления не по сходству, а по контрасту. *Ред.*

² Игра слов: «Hengst» — «жеребец». *Ред.*

и другие, за Мундтом — из молодежи лишь немногие; Бейрман, а также молодой очень талантливый Дингельштедт держатся довольно нейтрально, но больше склоняются к Гуцкову. Мундт в результате этого спора потерял весь свой авторитет; авторитет Кюне значительно пал, ибо у него хватает низости ругать все, что пишет Гуцков; Гуцков же, напротив, держится очень благородно и большей частью насмехается только над великой любовью между Мундтом и Кюне, которые хвалят друг друга. Что Гуцков чудеснейший, честнейший малый, это показывает его последняя статья* в «*Jahrbuch der Literatur*».

Кроме «Молодой Германии» у нас мало чего активного. Швабская школа уже с 1820 г. оставалась только пассивной; австрийцы — Цедлиц и Грильпарцер — мало интересные, так как пишут на чуждые нам темы (Цедлиц — на испанские, Грильпарцер — на античные); среди лириков Ленау, несмотря на свои церковные сюжеты, уже склоняется к «Молодой Германии», Франкль — это задушевный Уланд *en miniature*¹, К. Эберт совершенно обогемился; саксонцы — Хелль, Хеллер, Херлосзон, Морфель, Ваксман, Тромлиц — ах, боже мой, тут не хватает «Витца»²; писатели из круга Марто и берлинцы (куда ты не относишься) мерзки, из Рейнской провинции — Левальд, безусловно, наилучший из авторов, пишущий для занимательного чтения; его журнал «*Еигора*»* можно читать, но рецензии в нем отвратительны. Хуб, Шнецлер и компания стоят немного; Фрейлиграт, вот увидишь, еще раз повернется к «Молодой Германии», Дуллер — тоже, если только он раньше не выдохнется, а Рюккерт стоит, как старый папаша, и простирает руки, благословляя всех.

Ф. Энгельс — Ф. Греберу 8–9 апреля 1839 г.
К Глазке и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 279–281.

9

Раз ты не хочешь критиковать «Св. Ханора»*, «Флориду»* и «Бурю»*, то не заслуживаешь ни одного стиха; *уверение в debilitatis ingenii abhorret ab usata tua veriloquentia. Meam quidem mentem ad juvenilem Germaniam se inclinare, haud nocebit libertati; haec enim classis scriptorum non est, ut schola romantica, demagogia, et cett., societas clausa, sed ideas saeculi*

¹ — в миниатюре. *Ред.*

² Игра слов: «*Witz*» — «ум, остроумие». *Ред.*

nostrī, emancipationem judaeorum servorumque, constitutiona-
 lismum generalem aliasque bonas ideas in succum et sanguinem
 populi Teutonici intrare volunt tentantque. Quae quum ideae
 haud procul sint a directione animi mei, cur me separare? Non
 enim est, quod tu dicis: подчиниться какому-нибудь направле-
 нию, sed: примкнуть; sequitor a continuation in my room, and in
 wirting a polyglottic letter, I will take now the English language,
 ma no, il mio bello Italiano, dolce e soave, come il zefiro, con pa-
 role, somiglianti alle flori del più, bel giardino, y el Español,
 lingua como el viento en los árboles, e o Portuguez, como as olas
 da mar em riba de flores e prados, et le Français comme le mur-
 mure vite d'un font, très amusant, en de hollandsche taal, gelijk
 den damp uijt eener pijp Tobak, zeer gemoedlijk¹; но наш доро-
 гой немецкий — это все вместе взятое:

Волнам морским подобен язык полнозвучный Гомера,
 Мечет скалу за скалой Эсхил с вершины в долину,
 Рима язык — речь могучего Цезаря перед войсками;
 Смело хватает он камни — слова, из которых возводит,
 Пласт над пластом громоздя, ряды циклопических зданий.
 Младший язык италийцев, отмеченный прелестью нежной,
 В самый роскошный из южных садов переносит поэта,
 Где Петрарка цветы собирал, где блуждал Арносто.
 А испанский язык! Ты слышишь, как ветер могучий
 Гордо царит в густолиственной дуба вершине, откуда
 Чудные старые песни шумят нам навстречу, а грозди
 Лоз, обвивающих ствол, качаются в сени зеленой.
 Тихий прибой к берегам цветущим — язык португальский:
 Слышны в нем стоны наяд, уносимые легким зephyром.
 Франков язык, словно звонкий ручей, бежит торопливо,
 Неугомонной волною камень шлифует упрямый.

¹ — ...слабости духа не вяжется с твоей обычной правдивостью. То, что мой дух склоняется в сторону «Молодой Германии», не повредит свободе, ибо эта группа писателей, в отличие от романтической, демагогической школы и т. д., — не замкнутое общество; они хотя и стремятся, чтобы идеи нашего века — эмансипация евреев и рабов, всеобщий конституционализм и другие хорошие идеи — вошли в плоть и кровь немецкого народа. Так как эти идеи не расходятся с направлением моего духа, то почему я должен отделиться от них? Ведь дело идет не о том — как ты говоришь, — чтобы подчиниться какому-нибудь направлению, а о том, чтобы примкнуть; продолжение следует (лат.) в моей комнате, и так как я пишу многоязычное письмо, то теперь я перейду на английский язык (англ.), — или нет, на мой прекрасный итальянский, нежный и приятный, как зephyр, со словами, подобными цветам прекраснейшего сада (итал.), и испанский, подобный ветру в деревьях (испан.), и португальский, подобный шуму моря у берега, украшенного цветами и лужайками (португ.), и французский, подобный быстрому журчанию милого ручейка (франц.), и голландский, подобный дыму табачной трубки, такой уютный (голл.). *Ред.*

Англи старый язык — это памятник витязей мощный,
 Ветрами всеми обвеянный, дикой травой обросший;
 Буря, воля и свистя, повалить его тщетно стремится.
 Но немецкий язык звучит, как прибой громогласный
 На коралловый брег острова с климатом чудным.
 Там раздаётся кипение волн неумных Гомера,
 Там пробуждают эхо гигантские скалы Эсхила,
 Там ты громады найдешь циклопических зданий и там же
 Среди благовонных садов цветы благороднейших видов.
 Там гармонично шумят вершины тенистых деревьев,
 Тихо там стонет наяда, потоком шлифуются камни,
 И поднимаются к небу постройки витязей древних.
 Это — немецкий язык, вечный и славой повитый.

Эти гекзаметры я написал экспромтом; пусть они сделают для тебя более понятной ту ерунду на предыдущей странице, из которой они произошли. Только суди их, как экспромт.

Ф. Энгельс — В. Греберу [28]—30 апреля [1839 г.].
 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
 Госполитиздат, 1956, стр. 293—295.

10

За подробную рецензию о Фаусте * я тебе очень обязан. Переработка вещи, безусловно, паршивая, раупаховская, — этот негодяй вмешивается во все и портит не только Шиллера, образы и идеи которого он низводит до тривиальности в своих трагедиях, но и Гёте, с которым он черт знает как обрывается.

Ф. Энгельс — Ф. Греберу [23 апреля] — 1 мая 1839 г.
 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
 Госполитиздат, 1956, стр. 283—284.

11

Сегодня 24 мая, а от вас еще ни строчки. Вы добьетесь опять того, что не получите стихов. Я вас не понимаю. Но все же получай заметки о литературе современности.

Собрание сочинений Людвига Бёрне. I и II томы. «Страницы драматургии». — Бёрне, титанический борец за свободу и право, выступает здесь на эстетическом поприще. И здесь также он чувствует себя уверенно; все, что он говорит, так четко и ясно, так проникнуто верным чувством красоты и доказано так убедительно, что не может быть и речи о возражениях. Все это облито потоками ослепительнейшего остроумия, и, точно скалы, то здесь, то там поднимаются мощные и острые

идеи свободы. Большинство этих критических статей (из которых состоит книга) написано было сейчас же при появлении разбираемых в них вещей, т. е. в такое время, когда критика в оценке их еще брела ощупью, слепо и нерешительно; но Бёрне все видел насквозь и проникал до самых скрытых пружин действия. Лучше всего критический очерк о шиллеровском «Телле»* — статья, идущая вразрез с обычным взглядом на эту вещь и уже двадцать лет остающаяся неопровергнутой, ибо она неопровержима. — «Карденио» и «Хофер» Иммермана, «Исидор и Ольга» Раупаха, «Шерстяная ярмарка» Клаурена, с чем связываются другие интересы, «Маяк» и «Картина» Хоувальда, которые он так уничтожает, что от них ничего, ровно ничего не остается, и шекспировский «Гамлет»! Во всем Бёрне проявил себя как великий человек, который вызвал борьбу мнений, чреватую неисчислимыми последствиями, и уже этих двух томов было бы достаточно, чтобы обеспечить Бёрне место рядом с Лессингом; но он стал Лессингом на другом поприще, пусть в лице Карла Бека за ним последует другой Гёте!

«Ночи. Железные песни» — Карла Бека.

Я — дикий, необузданный султан;

Грозна моих железных песен сила.

Мне вокруг чела страданье положило

С таинственными складками тюрбан.

Если подобные образы встречаются уже во второй строфе пролога, то что же мы найдем в самой книге? Если у двадцатилетнего юноши бродят в голове такие мысли, то какие песни создаст нам зрелый муж? Карл Бек — поэтический талант, равного которому еще не было со времени Шиллера. Я нахожу поразительное сходство между «Разбойниками» Шиллера и «Ночами» Бека: тот же пылкий свободолюбивый дух, та же неукротимая фантазия, тот же юношеский задор, те же недостатки. Шиллер в «Разбойниках» стремился к свободе, они были серьезным предостережением его пропитанному рабством времени; но тогда подобное стремление не могло еще принять определенных очертаний; теперь в лице «Молодой Германии» у нас есть определенное, систематическое направление: выступает Карл Бек и громко призывает современников признать это направление и примкнуть к нему. *Benedictus qui venit in nomine Domini*¹.

«Странствующий поэт». Стихотворения Карла Бека. Молодой поэт вслед за первой книгой уже выпустил другую, кото-

¹ — Благословен грядый во имя господне. *Ред.*

рая несколько не уступает первой по силе, полноте мысли, лирическому подъему и глубине и бесконечно выше ее прекрасной формой и классичностью. Какой прогресс от «Творения» в «Ночах» до сонетов о Шиллере и Гёте в «Странствующем поэте»! Гуцков находит, что форма сонета наносит ущерб впечатлению от целого; я же готов утверждать, что такой шекспировский сонет представляет для этого своеобразного вида поэзии как раз надлежащую середину между эпической строфой и отдельным стихотворением. Это ведь не эпическая поэма, а чисто лирическая, слабо связанная эпической нитью, еще слабее, чем «Чайльд Гарольд» Байрона. Но благо нам, немцам, что родился Карл Бек.

«Блазедов и его сыновья». Комический роман Карла Гуцкова. I том. В основе этого трехтомного романа лежит идея о современном Дон-Кихоте, идея, которой пользовались уже не раз, но которую большей частью плохо обрабатывали и, конечно, далеко не исчерпали. Образ этого современного Дон-Кихота (Блазедова, деревенского священника), каким он представляется по первоначальному замыслу Гуцкова, был превосходен, но исполнение местами, безусловно, неудачно. Во всяком случае, этот роман Гуцкова, едва достигшего тридцатилетнего возраста (к тому же, как говорят, роман окончен еще три года назад), очень уступает в силе изображения «Дон-Кихоту» Сервантеса, произведению зрелого мужа. Но зато второстепенные персонажи, — Тобианус, по-видимому, соответствует Санчо Панса, — ситуация и язык великолепны.

Ф. Энгельс — В. Греберу 24 мая —
15 июня [1839 г.].
К. Маркс и Ф. Энгельс, «Из ранних
произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 297—299.

12

Мой дорогой Гульельмо!

Что у тебя за превратное представление обо мне? Здесь не может идти речь ни о скоморохе, ни о верном Эккарте* (или, как ты пишешь, об Эккардте), а только о логике, разуме, последовательности, *propositio maior* и *minor*¹ и т. д. Да, ты прав, кротостью здесь ничего не добьешься, этих карликов — раболепие, засилье аристократии, цензуру и т. д. — надо прогнать мечом. И мне бы следовало, конечно, изрядно шуметь и бушевать, но так как я имею дело с тобой, то постараюсь быть кротким, чтобы ты не «перекрестился», когда «дикая

¹ — большой посылке и малой. *Ред.*

свора» моей беспорядочной поэтической прозы промчится мимо тебя. Во-первых, я протестую против твоего мнения, будто я подгоняю дух времени пинками, чтобы он живее двигался вперед. Милый человек, какой страшной образиной представляется тебе моя бедная, курносая физиономия! Нет, от этого я воздерживаюсь, наоборот, когда дух времени налетает как буря, увлекая за собой железнодорожный поезд, то я быстро вскакиваю в вагон и даю себя немного подвезти. Да, вот о Карле Беке — дикая идея, будто он исписался, по всей вероятности, принадлежит пропащему Вихельхаусу, насчет которого мне дал надлежащие сведения Вурм. Мысль, будто двадцатидвухлетний человек, написавший такие неистовые стихотворения, вдруг перестанет творить, — нет, подобная бессмыслица мне еще не приходила в голову. Можешь ли ты себе вообразить, чтобы Гёте после «Гёца» перестал быть гениальным поэтом или Шиллер — после «Разбойников»? Кроме того, у тебя выходит, будто история отомстила «Молодой Германии»! Сохрани боже! Конечно, если думать, что всемирная история вручена господом богом Союзному сейму в качестве наследственного лена, то она отомстила Гуцкову трехмесячным арестом *, если же она — в чем мы более не сомневаемся — заключается в общественном (т. е. у нас литературном) мнении, то ее месть «Молодой Германии» выразилась в том, что она позволила ей завоевать себя с пером в руках, и теперь «Молодая Германия» королевой восседает на троне современной германской литературы. Какова была судьба Бёрне? Он пал, как герой, в феврале 1837 г., и еще в последние дни своей жизни имел счастье видеть, как его питомцы — Гуцков, Мундт, Винбарг, Бёйрман — уже крепко стали на ноги; правда, зловещие черные тучи еще висели над их головами, и Германию стягивала длинная, длинная цепь, которую Союзный сейм чинил в тех местах, где она грозила порваться, но даже и теперь он смеется над государями и, быть может, знает час, когда с их голов слетят украденные короны. За счастье Гейне я не хочу тебе ручаться, и вообще парень уже изрядное время как стал сквернословом; за счастье Бека — тоже нет, ибо он влюблен и печалится о нашей дорогой Германии; это последнее чувство разделяю и я, мне еще вообще предстоит немало столкновений, но старый милосердный господь бог наградил меня великолепным юмором, который меня изрядно утешает. А ты, карапуз, счастлив ли? — Что касается твоих взглядов на вдохновение, то держи их только про себя, а то не бывать тебе пастором в Вуппертале. Если бы я не был воспитан в крайно-

стях ортодоксии и пиетизма, если бы мне в церкви, в школе и дома не внушали бы всегда самой слепой, безусловной веры в библию и в соответствие между учением библии и учением церкви и даже особым учением *каждого* священника, то, может быть, я еще долго бы придерживался несколько либерального супернатурализма. В учении достаточно противоречий — столько, сколько есть библейских авторов, и вуппертальская вера вобрала в себя, таким образом, с дюжину индивидуальностей. Что касается родословной Иосифа, то Неандер, как известно, приписывает греческому переводчику еврейского оригинала ту, которая содержится в евангелии от Матфея; если я не ошибаюсь, *Вейсе* в своей «Жизни Иисуса» высказался, подобно тебе, против Луки. Объяснение, данное Фрицем, сводится, в конце концов, к таким невероятным предположениям, что оно не годится ни для одного из них. Я, конечно, *πρόμαχος*¹, но только не рационалистической, а либеральной партии. Происходит размежевание противоположных воззрений, они резко противостоят друг другу. Четыре либерала (одновременно и рационалиста), один аристократ, перешедший к нам, но из страха нарушения унаследованных в его семье принципов только что перебежавший обратно в лагерь аристократии, один аристократ, подающий, как мы надеемся, надежды, и несколько тупиц — таков тот круг, в котором ведутся споры. Я сражаюсь в качестве знатока древности, средних веков и современной жизни, в качестве грубияна и т. д., но эта моя борьба уже более не нужна, ибо мои подчиненные делают недурные успехи, вчера я им объяснил историческую необходимость событий с 1789 до 1839 г. и, кроме того, убедился, к своему удивлению, что я в споре значительно сильнее всех здешних учеников выпускного класса. После того как я над двоими из них — уже довольно давно — одержал полную победу, они решились и сговорились двинуть против меня самого большого умника, чтобы он разбил меня; к несчастью, он был тогда влюблен в Горация, так что разбил его я по всем правилам искусства. Тогда они страшно перепугались. А этот эксгорациоман теперь очень хорошо относится ко мне, о чем он поведал мне вчера вечером. В правильности моих отзывов ты немедленно убедился бы, если бы прочел рецензируемые книги *. К. Бек — крупнейший талант, более того — гений. Образы вроде:

«Вещает зычно голос грома то,
Что молнии вписали в недра тучи»,

¹ — передовой боец. *Ред.*

встречаются у него массажи. Послушай, что он говорит об обожаемом им Бёрне. Он обращается к Шиллеру:

Не чадо бреда Поза, твой маркиз! *
 А Бёрне днесь не той же ли породы?
 Он, новый Телль, с горы взирая вниз,
 Для нас трубит в волшебный рог свободы.
 Спокойно заострил стрелу, и лук звенит,
 И — — — яблоко пронзенное дрожит:
 То шар земной пронзен стрелой свободы.

А как чудесно он изображает нищету евреев и студенческую жизнь *, а «Странствующий поэт»! Человеке, образумься, прочти его! И слушай, если ты опровергнешь статью Бёрне о шиллеровском Телле, то я передам тебе весь гонорар, который рассчитываю получить за свой перевод Шелли *. Я прошая тебе разгром моей вуппертальской статьи *: я ее недавно перечитал и был поражен ее стилем. С того времени я не писал так хорошо. Не забудь следующий раз о Лео и Михелете. Как я уже сказал, ты очень ошибаешься, если думаешь, будто мы, младогерманцы, искусственно раздуваем дух времси; но подумай, раз этот *πνεῦμα*¹ дует, и хорошо дует, то разве не были бы мы ослами, если бы не подняли паруса? То, что вы шли за гробом Ганса, не будет забыто. Я в ближайшее же время пушу об этом заметку в «Elegante Zeitung» *. Мне крайне смешно, что все вы задним числом так мило просите прощения за чуточку буйства; вы еще вовсе не умеете произносить крепких слов, и вот вы все являетесь. Фриц посылает меня в ад, провожает до ворот преисподней, куда и вталкивает меня с низким поклоном, чтобы самому снова вознестись на небо. Ты через свои очки из шпата видишь все вдвойне и принимаешь моих трех товарищей за духов с горы госпожи Венеры *. — Карпуз, чего ты кричишь о верном Эккарте? Смотри, ведь вот он: маленький человек, с резким еврейским профилем; его зовут Бёрне; дай ему только взяться за дело, и он прогонит всю челядь госпожи Венеры. Затем ты тоже с полным смирением раскланиваешься со мной, а тут приходит и г-н Петер, который одной половиной лица смеется, а другой хмурится и показывает мне то хмурую половину, то смеющуюся.

В милом Бармене начинает теперь пробуждаться интерес к литературе. Фрейлиграт основал кружок для чтения драм, в котором, со времени ухода Фрейлитрата, Штрюккер и Нейбург (приказчики у Лангевише) являются *πρόμαχοι* либераль-

¹ — дух. Ред.

ных идей. При этом г-н Эвих сделал остроумные открытия: 1) что в этом кружке бродит дух «Молодой Германии», 2) что этот кружок *in rebo*¹ является автором писем из Вуппертала в «Telegraph». И он внезапно уразумел, что стихи Фрейлиграта — якобы бесцветнейшие в мире, что Фрейлиграт-де значительно ниже де ла Мот Фуке и будет через три года забыт. Точь-в-точь утверждение К. Бека:

О Шиллер, Шиллер, ты в паренин високом *
 Не забывал про страждущий народ!
 Ты людям вечно юным был пророком,
 Свободы знамя смело нес вперед!
 Когда бойцы бежали с поля брани
 И тусы, бросив меч, скрестили длани, —
 Ты щедро проливал за правду кровь;
 Ты жизнь свою, исполненную жара,
 Испепелил... Мир не отвергнул дара,
 Но оценил ли он твою любовь?
 Нет! Он твоей не понял тяжкой муки!
 Когда твоих стихов прибой все рос и рос,
 Он лишь небесные в нем слышал звуки,
 Но не увидел в нем кровавых слез.

Чья это вещь? — Карла Бека из «Странствующего поэта», с его могучими стихами и с пышностью его образов, но также с его неясностью, с его чрезмерными гиперболами и метафорами. Ведь общепризнано, что Шиллер — наш величайший либеральный поэт *; он предчувствовал, что после французской революции должна наступить новая эра, а Гёте этого не почувствовал даже после июльской революции; а если события двигались на него и уже заставляли его почти поверить, что наступает нечто новое, то он уходил в свои покои и запирался на ключ, чтобы оставаться непотревоженным. Это очень вредит Гёте; но когда разразилась революция, ему было 40 лет, и он был уже сложившимся человеком, так что его нельзя упрекать за это. Хочу тебе в заключение кое-что нарисовать.

Шлю вам кучу стихов, поделитесь между собой.

Твой Фридрих Энгельс

Ф. Энгельс — В. Греберу 30 июля
 1839 г.
 К Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних
 произведений».
 Госполитиздат, 1956, стр. 312—316.

¹ — в полном составе. *Ред.*

13

Я налегаю теперь на современный стиль, который, несомненно, является идеалом всякой стилистики. Образцом для него служат произведения Гейне, но особенно Кюне и Гуцкова. Однако мастером его является Винбарг. Из прежних стилистов особенно благоприятно повлияли на него Лессинг, Гёте, Жан Поль и больше всего Бёрне. О, Бёрне пишет стилем, который превосходит решительно всё. «Менцель-французод» в стилистическом отношении — лучшее произведение немецкой литературы, и к тому же первое, задача которого состоит в том, чтобы совершенно уничтожить противника; оно, конечно, у вас запрещено, чтобы не писали лучшим стилем, чем в королевских канцеляриях. Современный стиль соединяет в себе все преимущества стиля: предельная краткость и чеканность, характеризующая свой объект *одним* словом, вперемежку с эпическим, спокойным описанием; простой язык вперемежку со сверкающими образами и яркими блестками остроумия, — словом, юношески сильный Ганимед, увенчанный розами и с дротиком в руках, которым он убил Пифона. При этом для индивидуальности автора открыт широчайший простор, так что, несмотря на родство, никто не является подражателем другого. Гейне пишет ослепительно, Винбарг сердечно-тепло и лучезарно, Гуцков отличается изумительной меткостью и порой озаряем ясным солнечным лучом, Кюне пишет с приятной обстоятельностью, у него подчас слишком много света и слишком мало тени, Лаубе подражает Гейне, а теперь также и Гёте, но уродливым образом, ибо он подражает гётеанцу Варнхагену, а Мундт тоже подражает Варнхагену. Маргграф пишет все еще слишком обще и как будто пыхтя и отдуваясь, но это уляжется, а проза Бека еще не вышла из стадии ученичества. — Если соединить цветистость Жан Поля с точностью Бёрне, то получатся основные черты современного стиля. Гуцков сумел удачно впитать в себя блестящий, легкий, но сухой стиль французов. Этот французский стиль подобен летней паутинке; современный немецкий — точно клочок шелка. (Образ этот, к сожалению, неудачен.) Но то, что ради нового я не забываю старого, доказывают мои занятия божественными гётевскими песнями. Но нужно изучать их в музыкальном отношении, лучше всего в различных композициях.

Ф. Энгельс — В. Греберу 8 октября 1839 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 318.

14

Дражайший Гуилиельме, почему ты не пишешь? Все вы — из породы лентяев и лодырей. А я вот совсем другой! Я не только пишу вам больше, чем вы того заслуживаете, не только основательно знакомлю со всеми литературами мира, я втихомолку воздвигаю себе из новелл и стихов памятник славы, который, если только дыхание цензуры не превратит блистающей стали в отвратительную ржавчину, озарит своим ярким, юным блеском все немецкие государства, за исключением Австрии. В моей груди постоянное брожение и кипение, в моей порой нетрезвой голове непрерывное горение; я томлюсь в поисках великой мысли, которая очистит от мути то, что бродит в моей душе, и превратит жар в яркое пламя. У меня теперь зарождается великолепнейший сюжет, по сравнению с которым все прежде написанное мною только ребячество. Я хочу показать в «новелле-сказке» или в чем-нибудь подобном современные чаяния, обнаружившиеся уже в средние века; я хочу вызвать к жизни духов, которые, будучи погребены под фундаментом церковей и подземных темниц, билась под твердой земной корой, страстно добиваясь освобождения. Я хочу попытаться решить хотя бы часть той задачи, которую поставил себе Гюцков: еще только предстоит написать подлинную вторую часть «Фауста», где Фауст уже не эгоист больше, а жертвует собой за человечество. Вот «Фауст», вот «Вечный жид», вот «Дикий охотник» — три типа предчувствуемой свободы духа, которые легко можно связать друг с другом и соединить с Яном Гусом. Какой здесь для меня поэтический фон, на котором самовольно распоряжаются эти три демона! Прежде начатая мною поэма о «Диком охотнике» растворилась в этом. — Эти три типа (человеки, почему вы не пишете? ведь уже 14 ноября) я обработаю совершенно своеобразно; особенного эффекта я жду от трактовки Агасфера и «Дикого охотника». Чтобы сделать вещь более поэтической и значительной, я без труда могу вплести в нее другие элементы из немецких сказаний — что-нибудь уж попадетя под руку. В то время как новелла, над которой я теперь работаю, представляет скорее упражнение в стиле и в обрисовке характеров, новый замысел будет той настоящей вещью, посредством которой я надеюсь приобрести себе имя.

Ф. Энгельс — В. Греберу 13—20 ноября 1839 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 326—327.

15

Появился молодой еврей, Теодор Крейценах, пишущий различные поэмы и еще лучшие стихи. Он написал комедию, в которой здорово высмеиваются В. Менцель и компания*. Все теперь устремляются к новой школе, воздвигая дома, дворцы или хижины на фундаменте великих идей времени. Все остальное идет прахом, сентиментальные песенки затихают неслышанными, и пронзительный охотничий рог ждет охотника, который протрубит сигнал к охоте на тиранов; по верхушкам деревьев между тем проносится гроза божья, а молодежь Германии, потрясая мечами и подымая полные кубки, стоит в роще; на горах полыхают горящие замки, троны шатаются, алтари дрожат, и если воззовет господь в грозу и бурю: вперед, вперед, — то кто осмелится сопротивляться нам?

Ф. Энгельс — В. Греберу 13—20 ноября 1839 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 327.

16

В Берлине живет молодой поэт, Карл Грюн, чью «Книгу странствий» я на днях прочел — очень хорошая вещь. Но ему, кажется, уже 27 лет, и он мог бы поэтому писать лучше. У него иногда очень удачные мысли, но часто отвратительная гегелевская риторика. Например, что это значит: «Софокл — это высоконравственная Греция*, давшая разбиться своим титаническим порывам о стену абсолютной необходимости. В Шекспире выявилось понятие абсолютного характера».

Ф. Энгельс — В. Греберу 13—20 ноября 1839 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 328.

17

Я теперь чрезвычайный поставщик запрещенных книг для Пруссии: четыре экземпляра бёрневского «Французоеда», «Парижские письма» его же, в 6 томах, «Пруссия и пруссачество» Венедия, строго запрещенная вещь, в 5 экземплярах, лежат у меня готовыми к отправке в Бармен. Оба последних тома «Па-

рижских писем» я еще не прочел, они великолепны. Там ужасно досаждает королю Оттону греческому; так, он говорит в одном месте: «Будь я господом богом, я бы устроил чудесную штуку: я заставил бы всех великих греков восстать в одну прекрасную ночь». И далее следует замечательное описание, как эти эллины, Перикл, Аристотель и прочие, прогуливаются по Афинам. В это время получается известие, что прибыл король Оттон. Все собираются в путь, Диоген зажигает свет в своем фонаре, и все торопятся в Пирей. Король Оттон сходит на берег и держит следующую речь: «Эллины, посмотрите вверх. Небо украсилось баварскими национальными цветами». (Эта речь так хороша, что я должен ее списать целиком.) «Ведь Греция в древнейшие времена принадлежала Баварии. Пелазги жили в Оденвальде, и Инах был родом из Ландсгута. Я явился сюда осчастливить вас. Ваши демагоги, зачинщики волнений и газетные писаки привели вашу прекрасную страну на край гибели. Пагубная свобода печати породила всеобщий хаос. Посмотрите только, как выглядят масличные деревья. Я бы уже давно прибыл к вам, но не мог сделать этого раньше, ибо я *еще не так давно существую на свете*. Теперь вы — члены Германского союза; мои министры сообщают вам последние решения сейма. Я сумею блюсти права своей короны и сделать вас постепенно счастливыми. Для моего гражданского листа» (содержание короля в конституционном государстве) «вы будете мне давать ежегодно шесть миллионов пиастров, и я позволю вам заплатить мои долги». Греки приходят в смущение, Диоген тычет королю свой фонарь в лицо, Гипократ же посылает за шестью телегами чемерицы и т. д. и т. д. Вся эта ироническая вещичка — шедевр едкой сатиры и написана божественным стилем. Тебе меньше нравится Бёрне, вероятно, оттого, что ты читаешь одно из его слабых и ранних произведений «Картинки Парижа». Несравненно выше стоят «Страницы драматургии», критические статьи, афоризмы, а особенно «Парижские письма» и изумительный «Французед». Описание картинной галереи очень скучно, в этом ты прав. Но грация, геркулесовская сила, глубина чувства, убийственное остроумие «Французеда» недостижимы. Мы, надеюсь, на пасху или еще осенью увидимся в Бармене, и тогда ты получишь иное представление об этом Бёрне.

Ф. Энгельс -- В. Греберу 13--20 ноября 1839 г.
К Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 329--330.

18

Если ты думаешь, что немецкая литература постепенно загнула, то ты глубоко ошибаешься. Не воображай, что если ты, подобно страусу, спрятал от нее свою голову и не видишь ее, то она перестала существовать. *Au contraire*¹, она недурно развивается; ты бы в этом убедился, если бы обращал на нее больше внимания и жил не в Пруссии, где произведения Гукера и других нуждаются в особом, редко предоставляемом разрешении.

Ф. Энгельс — В. Греберу 13—20 ноября 1839 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 330.

19

Я прочел очень милую комедию Грильпарцера из Вены «Горе тому, кто лжет»; она значительно выше всей той дребедени, которая именуется в наше время комедией. Там и сям дает себя чувствовать благородный, свободный дух, придавленный невыносимым бременем австрийской цензуры. Ясно видишь, каких усилий стоит автору изобразить аристократа-дворянина так, чтобы не шокировать цензора-дворянина.

Ф. Энгельс — Ф. Греберу 9 декабря [1839 г.] — 5 февраля [1840 г.].
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 336.

¹ — Напротив. *Ред.*

ПИСЬМА ИЗ ВУППЕРТАЛЯ

1

Барменские проповедники мало чем отличаются друг от друга: все строго ортодоксальны, с большой или меньшей примесью пиетизма. Лишь *Штир* в Вихлингхаузене заслуживает некоторого внимания. Говорят, что Жан Поль знал его мальчиком и открыл в нем отличные способности. Штир служил пастором во Франклебене близ Галле и в это время выпустил несколько поэтических и прозаических писаний, улучшенное издание лютеранского катехизиса, суррогат этого последнего, и небольшое руководство для неспособных учителей, а также книжечку о недостатке книг церковных песнопений, наблюдаемом в провинции Саксония; эта книжечка удостоилась самого лестного отзыва в «*Evangelische Kirchenzeitung*» и по крайней мере заключала в себе более разумные взгляды на церковные песни, чем те, которые приходится слышать в благословенном Вуппертале *, хотя местами в ней попадаются и необоснованные утверждения. Собственные стихотворения Штира чрезвычайно скучны; он прославил себя еще и тем, что сделал приемлемыми для правоверных несколько языческих стихотворений Шиллера; так, например, стихи из «Богов Греции» он переделал следующим образом:

Когда еще царил в мире
Греховной силою своей,
Из рода в род людей водили
Вы, боги, из страны теней!
Ваш грешный культ еще тогда блистал
Совсем иной, чем ныне вижу я,
Твой храм людской род почитал,
Венера Амагузия!

Действительно, очень остроумно, даже поистине мистично! Уже с полгода Штир находится в Вихлингхаузене на месте Заудера, но пока еще не обогатил барменской литературы.

Ф. Энгельс. Письма из Вуппер-
таля

Сочинения, т. 1, стр. 462—463.

2

Само собой понятно, что в местности, до такой степени пропитанной пиетизмом, этот пиетистский дух, распространяясь во всех направлениях, пронизывает решительно все стороны жизни и пагубно на них влияет. Главное свое воздействие он оказывает на учебное дело, прежде всего, на народные школы. Часть их находится всецело в руках пиетистов; это — церковные школы, по одной в каждой общине. Большой свободой пользуются, хотя и они все еще находятся под надзором церковного попечительного совета, прочие народные школы, на которые более значительное влияние имеет гражданское управление. Таким образом, можно увидеть воочию тормозящее влияние мистицизма, ибо, в то время как церковные школы все еще, как некогда, при блаженной памяти курфюрсте Карле-Теодоре, кроме чтения, письма и счета, вдалбливают своим ученикам только катехизис, в других школах все же преподают и начатки некоторых наук, а также обучают немного французскому языку, так что многие из учеников под влиянием этого стараются и по окончании школы продолжать свое образование. Эти школы быстро развиваются и со времени введения прусской администрации далеко опередили церковные школы, от которых прежде очень отставали. Но церковные школы посещаются гораздо усерднее, ибо они значительно дешевле, и многие родители все еще посылают туда своих детей, частью из приверженности к религии, частью потому, что в умственном развитии детей они усматривают усиление светского духа за счет церковного.

Из учебных заведений повышенного типа Вупперталь содержит на свои средства три: городскую школу в Бармене, а в Эльберфельде — реальное училище и гимназию.

Барменская городская школа, очень слабо финансируемая и потому очень плохо обеспеченная учителями, делает, однако, все, что в ее силах. Школа эта всецело находится в руках ограниченного, скупого попечительного совета, который в большинстве случаев подбирает учителей также только из пиетистов. Директор тоже не чужд этому направлению, однако

при исполнении своих обязанностей руководствуется твердыми принципами и умеет очень искусно указать каждому учителю его место. За ним следует г-н Иоганн Якоб Эвих, который умеет хорошо преподавать по хорошему учебнику и в преподавании истории является ревностным приверженцем нессельтовской системы занимательных рассказов. Он автор многих педагогических трудов, из которых самый крупный — разумеется, по объему — носит название «Гуманный», издан в Везеле у Багеля, два тома, 40 листов, цена 1 рейхсталер. Все его писания полны высоких идей, благих пожеланий и неосуществимых проектов. Говорят, что его педагогическая практика далеко отстает от красивой теории.

Д-р Филипп Шифлин, второй старший учитель, — самый дельный педагог школы. Быть может, никто в Германии не проник так глубоко в грамматическую структуру современного французского языка, как он. В основу он положил не старороманский язык, а классический язык прошлого века, особенно язык Вольтера, и от него перешел к стилю новейших авторов. Результаты его исследований представлены в написанном им «Руководстве к изучению французского языка, в трех курсах», из которых первый и второй уже вышли в нескольких изданиях, а третий выйдет теперь к пасхе. Это, без сомнения, наряду с кнебелевским, лучший учебник французского языка, каким мы располагаем; сразу же после выхода первого курса этот учебник встретил всеобщее одобрение и уже теперь пользуется почти беспримерным распространением по всей Германии и далее вплоть до Венгрии и прибалтийских провинций России.

Остальные учителя — юноши, только что окончившие семинарию, из которых одни получили основательное образование, другие же обременены хаосом всякого рода знаний. Лучшим из этих молодых учителей был г-н Кёстер, друг Фрейлиграта; в одном пособии для учителей имеется его очерк поэтики, из которой он совершенно исключил дидактическую поэзию, а обычно приписываемые ей виды отнес к эпосу или лирике; статья свидетельствовала о понимании вопроса и ясности мысли. Его пригласили в Дюссельдорф, и, так как господа из попечительного совета знали его как врага всякого рода пиегизма, они его очень охотно отпустили. Противоположностью ему является другой учитель, который на вопрос ученика 4-го класса, кто такой был Гёте, ответил: «безбожник».

Эльберфельдское реальное училище финансируется очень хорошо; оно может поэтому подбирать лучших учителей и ор-

ганизовать более полный курс. Однако в нем господствует та ужасная система зубрежки, которая в полгода может превратить ученика в тупицу. Кстати сказать, дирекция мало дает себя чувствовать: директор полгода бывает в отъезде и дает знать о своем присутствии только сугубой строгостью. С реальным училищем соединено ремесленное училище, где ученики полжизни тратят на всякого рода черчение. Из учителей заслуживает внимания д-р Крузе; он пробыл шесть недель в Англии и написал брошюру об английском произношении, которая отличается совершенной непригодностью; ученики пользуются очень плохой репутацией, что дало Дистервегу повод к жалобам на эльберфельдскую молодежь.

Гимназия в Эльберфельде находится в очень стесненных обстоятельствах, но признается одной из лучших в прусском государстве. Она является собственностью реформатской общины, но мало страдает от ее мистицизма, так как проповедники ею не интересуются, а члены попечительного совета ничего не понимают в делах гимназии; но тем более ей приходится страдать от их скряжничества. Эти господа не имеют ни малейшего представления о преимуществах прусского гимназического образования, стараются предоставить реальному училищу все — средства и учеников, — а гимназии при этом ставят в упрек, что она не может платой за учение даже покрыть своих расходов. Теперь идут переговоры о передаче гимназии правительству, которое в этом очень заинтересовано; если передача не состоится, гимназию придется через несколько лет закрыть за недостатком средств. Подбор учителей находится теперь также в руках членов попечительного совета, людей, умеющих, правда, очень точно заносить ту или иную статью в гресбух, но не имеющих никакого понятия о греческом, латыни или математике. Главный принцип выбора у них такой: лучше выбрать бездарного реформата, чем *дельного* лютеранина или, что еще хуже, католика. Но так как среди прусских филологов гораздо больше лютеран, чем реформатов, то попечительный совет на деле почти никогда не в состоянии следовать своему принципу.

Д-р Ханчке, профессор и временный директор, родом из Луккау в Лаузице, пишет цicerоновской латынью в стихах и прозе и является автором многих проповедей, педагогических статей и пособия для изучения древнееврейского языка. Он давно стал бы постоянным директором, если бы не был лютеранином и если бы попечительный совет был менее скуп.

Д-р Эйххоф, второй старший учитель, написал вместе со своим младшим коллегой, д-ром Бельцем, латинскую грамматику, на которую, впрочем, в «Allgemeine Literatur-Zeitung» появилась не особенно лестная рецензия Ф. Гаазе. Его конек — греческий язык.

Д-р Клаузен, третий старший учитель, несомненно, самый дельный человек во всей школе — преподаватель, сведущий во всех областях, отличный знаток истории и литературы. Его манера изложения на редкость приятна; он единственный, кто умеет пробудить в учениках вкус к поэзии — вкус, который иначе самым жалким образом зачах бы среди филистеров Вупперталя. Как писатель он выступил, насколько мне известно, только с научно-методической работой на тему «Пинндар — лирик», которая создала ему громкое имя среди гимназических учителей в Пруссии и за ее пределами. На книжный рынок она, конечно, не попала.

Эти три школы были основаны лишь в 1820 г.; раньше в Эльберфельде и Бармене имелось только по одной ректорской школе* и множество частных школ, которые не могли дать достаточного образования. Последствия этого еще заметны на барменских купцах старшего поколения. Образования — ни малейшего; тот, кто играет в вист или на бильярде, умеет немного рассуждать о политике и сказать удачный комплимент, считается в Бармене и Эльберфельде образованным человеком. Ужасающий образ жизни ведут эти люди и, однако, чувствуют себя превосходно; днем они с головой уходят в свои торговые счета, погружаясь в них с такой страстностью и интересом, что и поверить трудно; вечером в определенный час все собираются компаниями и проводят время за картами, рассуждают о политике, курят и, как только часы пробьют девять, возвращаются домой. Так проходит их жизнь изо дня в день, без всяких изменений, и горе тому, кто нарушит этот уклад; он может быть уверен, что во всех лучших домах города к нему отнесутся самым немилостивым образом. — Отцы усердно наставляют на этот путь молодых людей; сыновья, в свою очередь, подают надежды пойти по стопам отцов. Предметы их бесед довольно однообразны: барменцы говорят больше о лошадях, эльберфельдцы — о собаках, а когда уж очень разойдутся, то начинается у них разбор наружности красивых женщин или же болтовня о делах, и это — все. Раз в кои-то веки заходит у них разговор и о литературе, под которой они понимают Поль де Кока, Марриэта, Тромлица, Нестроя и им подобных. В политике как истые пруссаки — ибо они нахо-

дятся под прусским владычеством — они а priori¹ решительно враждебны всякому либерализму, но все это, пока его величеству угодно сохранять им кодекс Наполеона, ибо с его отменой исчез бы и весь их патриотизм. Литературного значения «Молодой Германии» никто не понимает, ее рассматривают как тайный союз, нечто наподобие демагогов, под председательством гг. Гейне, Гуцкова и Мундта. Некоторые из благородных юношей читали, пожалуй, кое-что из Гейне, может быть, «Путевые картины», с пропуском содержащихся в них стихотворений, или «Доносчика», но об остальном у них имеются лишь смутные представления со слов пасторов или чиновников. Фрейлиграт с большинством из них знаком лично, его считают хорошим товарищем. Когда он приехал в Бармен, эти зеленые дворяне (так называет он молодых купчиков) осаждали его визитами; однако он очень скоро понял, с кем имеет дело, и отстранился от их общества; но они его преследовали, хвалили его стихи и его вино и всеми силами стремились к тому, чтобы выпить на брудершафт с человеком, который что-то напечатал, ибо для этих людей поэт ничто, но печатающийся автор — все. Постепенно Фрейлиграт прекратил всякое общение с этими людьми и встречается теперь лишь с немногими, после того как Кёстер покинул Бармен. Принципалы Фрейлиграта*, при их несколько затруднительном положении, всегда относились к нему уважительно и дружелюбно; и, что самое удивительное, — он чрезвычайно аккуратный и усердный конторский работник. Было бы совершенно излишне говорить о его поэтических достижениях, после того как Дингельштедт в «Jahrbuch der Literatur»* и Карьер в «Berliner Jahrbücher»* дали о нем такие подробные отзывы. Впрочем, они оба, мне кажется, недостаточно обратили внимание на то, что, хотя мысли Фрейлиграта и устремлены вдаль, у него все же чрезвычайно сильна привязанность к родине. На это указывают часто встречающиеся у него мотивы немецких народных сказок, таких, как «Царевна-лягушка»* (стр. 54), «Белоснежка»* (стр. 87) и мотивы других сказок, которым посвящено целое стихотворение («В лесу»*, стр. 157); указывают на это также и подражания Уланду («Ручной сокол»*, стр. 82, «Столяры-подмастерья», стр. 85; первое из двух написанных им надгробных стихотворений* также напоминает, к его чести, Уланда), затем «Изгнанники»* и, прежде всего, его несравненный «Принц Евгений»*. Отмеченные немногие моменты заслу-

¹ — заранее. *Ред.*

живают тем большего внимания, чем дальше Фрейлиграт отклоняется в противоположную сторону. Глубоко заглянуть в его душу позволяет и «Поэт в изгнании»*, особенно отрывки, напечатанные в «Morgenblatt»; здесь он уже чувствует, что далекий мир не раскроется перед ним до тех пор, пока он не сроднится с настоящей немецкой поэзией.

В собственно вуппертальской литературе важнейшее место занимает журналистика. На первом месте стоит редактируемая д-ром Мартином Рункелем «Elberfelder Zeitung», завоевавшая себе под его умелым руководством значительную и вполне заслуженную славу. Он взял на себя редактирование, когда две газеты — «Allgemeine» и «Provinzialzeitung» — слились в одну; газета возникла при не очень благоприятных видах на будущее; в роли конкурента выступила «Barmer Zeitung», но Рункель — благодаря своему стремлению создать сеть собственных корреспондентов и своим передовым статьям — постепенно превратил «Elberfelder Zeitung» в одну из первых газет прусского государства. Правда, в Эльберфельде, где передовицы читаются лишь немногими, газета встретила мало признания, но тем большее признание получила она в других местах, чему, возможно, способствовал и упадок «Prei3ische Staats-Zeitung». Беллетристическое приложение «Intelligenzblatt» не поднимается выше обычного уровня. «Barmer Zeitung», издатель, редакторы и цензоры которой часто менялись, находится теперь под редакцией Г. Пютмана, временами выступающего с рецензиями в «Abend-Zeitung». Он охотно улучшил бы газету, но ему связывает руки скупость издателя, имеющая свои довольно веские основания. Не улучшает положения вещей и отдел фельетона, заполненный несколькими стихотворениями Пютмана, рецензиями или выдержками из более крупных произведений. Выпускаемый в качестве приложения «Wupperthaler Lesekreis» питается почти исключительно материалом журнала Левальда «Еурога». Кроме того, выходит еще эльберфельдский «Täglicher Anzeiger» вместе с «Fremdenblatt» — преемник «Dorizeitung», не имеющий соперников по части душщипательных стихотворений и плохих острот, а также старый ночной колпак «Barmer Wochenblatt», у которого из-под беллетристической львиной шкуры беспрестанно выглядывают пиетистские ослиные уши.

Из прочих видов литературы проза лишена какой бы то ни было ценности; если отбросить теологические или, вернее, пиетистские статьи да несколько книжонок по истории Бармена и Эльберфельда, написанных весьма поверхностно, то от

прозы ничего не останется. Но поэзия имеет большой успех в «благословенной долине», и изрядное число поэтов избрало эту долину своей резиденцией.

Вильгельм Лангевиге, книготорговец в Бармене и в Изерлоне, пишет под именем В. Еманд¹; главное его сочинение — дидактическая трагедия «Вечный жид», которая, конечно, уступает обработке того же сюжета Мозеном. Как издатель он самый крупный среди своих вуппертальских конкурентов, что, впрочем, не так уж трудно, ибо двое из них, Хассель в Эльберфельде и Штейнхаус в Бармене, издают чисто пиетистские произведения. В его доме живет Фрейлиграт.

Карл Август Дёринг, проповедник в Эльберфельде, — автор множества прозаических и поэтических сочинений; к ним приложимы слова Платена: «Они — поток, водой обильный*, и никому его не переплывать».

Он делит свои стихи на духовные песни, оды и лирические стихотворения. Часто уже в середине стихотворения он забывает, с чего начал, и переносится неведь куда: с островов Тихого океана с их миссионерами — в ад, и от вздохов терзаемой души — ко льдам Северного полюса.

Лит, директор женской школы в Эльберфельде, — автор стихов для детей; большинство их написано в устаревшей уже манере и не может выдержать никакого сравнения со стихами Рюккерта, Гюлля и Гея, но среди них попадаются и отдельные недурные вещицы.

Фридрих Людвиг Вюльфинг — вот уж кто поистине величайший поэт Вупперталя, барменец по рождению, человек, которому никак нельзя отказать в гениальности. Долговязый субъект, лет сорока пяти, в длинном коричнево-красном сюртуке, который лишь вдвое моложе своего обладателя; на плечах — голова, не поддающаяся описанию, на носу — позолоченные очки, через стекла которых преломляется взгляд сияющих глаз; голова увенчана зеленой шапочкой, во рту цветок, в руке пуговица, которую он только что отвертел от сюртука, — таков наш барменский Гораций. Изо дня в день он прохаживается по Хардтбергу в ожидании, не посчастливится ли ему найти новую рифму или новую возлюбленную. До тридцатилетнего возраста сей неутомимый муж воздавал почести Афине Палладе, а затем попал в руки Афродиты, одарившей его девятью Дульсиньями, одной вслед за другой, — это и были его музы. Что говорить о Гёте, который умел

¹ — «Еманд» («Jemand») означает «некто». *Ред.*

раскрывать в каждом явлении его поэтическую сторону, или о Петрарке, претворявшем в сонет каждый взгляд, каждое слово возлюбленной, — им далеко до Вюльфинга. Кто считает песчинки под стопой возлюбленной? Это делает великий Вюльфинг. Кто воспевает забрызганные на болотистом лугу чулки Минхен (этой Клио из сонма девяти муз)? Только Вюльфинг. — Его эпиграммы — шедевры самой настоящей просто-народной грубости. Когда умерла его первая жена, он написал до слез тронувшее всех горничных извещение о ее смерти и еще более прекрасную элегию «Вильгельмина — имя лучшее из всех!» Через шесть недель он уже снова был обручен; а теперь у него уже третья жена. У этого изобретательного субъекта каждый день новые планы. В пору полного своего поэтического расцвета он собирался стать то пуговичником, то земледельцем, то торговцем бумагой; в конце концов, он очутился в тихой гавани свечного производства, чтобы тем или иным образом возжечь свой светильник. Писания его — что песок на берегу морском.

Монтанус Эремита*, золингенский аноним, должен быть отнесен к этой же группе, как сосед и приятель. Это наиболее поэтически настроенный историограф Бергской области; стихи же его не столь нелепы, сколь скучны и прозаичны.

Сюда же относится Иоганн Поль, пастор в Хедфельде, близ Изерлона, написавший томик стихов.

Бог нам дает королей, а также и миссионеров;
Но лишь от смертных прийти в мир может Гёте-поэт.

По этому примеру вы можете судить о духе, которым проникнута вся книга. Но Поль не лишен и остроумия, ибо говорит: «Поэты — светильники, а философы — прислужники истины»¹. А сколько фантазии в начальных строках его баллады «Аттила на Марне»:

Режущий, как меч и камень, на поток лавы похожий,
Сквозь развалины и пламя мчится в Галлию бич божий.

Он слагал и псалмы, вернее, комбинирует отрывки из псалмов Давида. Самое великое из его деяний состоит в том, что он воспел спор между Хюльсманом и Зандером и притом чрезвычайно оригинально — в эпиграммах. Основная мысль заключается в том, что рационалисты осмелились

дерзкою речью хулить того, чье имя — господь бог.

¹ Об остроумии Поля Энгельс говорит иронически: оно сводится к созвучию слов этой фразы по-немецки: «Die Dichter sind Lichter, die Philosophen sind der Wahrheit Zofen». *Ред.*

Ни Фосс, ни Шлегель никогда не заканчивали гекзаметра столь великолепным спондеем. Поль дает еще лучшую разработку своих стихов, чем Дёринг: он подразделяет их на «духовные песнопения и песни» и «смешанные стихи».

Ф. В. Круг, кандидат теологии, автор «Поэтических первенцев или прозаических реликвий», переводчик нескольких голландских и французских проповедей, написал также трогательную новеллу во вкусе Штиллинга, в которой, между прочим, приводит новое доказательство истинности моисеевой истории сотворения мира. Забавная книга!

В заключение я должен упомянуть еще об одном остроумном молодом человеке, который рассудил, что раз Фрейлиграт может быть одновременно приказчиком и поэтом, то почему бы и ему не быть тем же. Вероятно, в скором времени немецкая литература обогатится несколькими его новеллами, которые не уступают лучшим из существующих; единственные недостатки, которые можно им поставить в укор, это избыток фабулы, непродуманность замысла и небрежность стиля. Я охотно привел бы в выдержках какую-нибудь из них, если бы это позволяло приличие, но, быть может, вскоре какой-нибудь книгоиздатель сжалится над великим Д.¹ (я не смею назвать полного имени, чтобы уязвленная скромность не побудила его предъявить мне иск за оскорбление) и выпустит его новеллы. Он тоже *хочет* быть близким другом Фрейлиграта.

Вот и все, пожалуй, литературные явления прославленной долины. К ним, быть может, следовало бы присоединить еще несколько разгоряченных вином мощных гениев, которые время от времени пробуют свои силы в рифмоплетстве. Я бы очень рекомендовал их д-ру Дуллеру в качестве персонажей для нового романа. Вся эта местность затоплена морем пие-тизма и филистерства, но возвышаются над всем этим не прекрасные, цветущие острова, а лишь бесплодные голые утесы или длинные песчаные отмели, среди которых блуждает Фрейлиграт, как выброшенный на берег моряк.

Ф. Энгельс. Письма из Вуппер-
таля.
Сочинения, т. 1, стр. 464—472.

¹ Дюрхольт, конторщик из Нижнего Бармена. Ред.

ЭРНСТ МОРИЦ АРНДТ

Как верный Эскарт из саги, стоит старый Арндт у Рейна, предостерегая немецких юношей, вот уже многие годы заглядывающих на французскую Венерину гору, с высот которой манят их обольстительные пылкие девы — идеи. Но неистовые юноши не слушаются старого богатыря и устремляются туда, и не все остаются лежать обессиленные, как новый Тангейзер Гейне*.

Такова позиция Арндта по отношению к современной немецкой молодежи. Но, как бы высоко вся молодежь его ни почитала, его идеал немецкой жизни ее не удовлетворяет; она жаждет большей свободы действий, более полной, ликующей жизненной силы, пламенного, бурного биения всемирно-исторических артерий, по которым течет кровь Германии. Отсюда симпатия к Франции, разумеется, не симпатия, связанная с подчинением, о которой грезят французы, а более возвышенная и свободная, природу которой в противоположность тевтонской ограниченности так хорошо показал Бёрне в своем «Французоеде».

Арндт чувствовал, что современность ему чужда, что она чтит не его за его идею, а его идею чтит из уважения к его сильной, мужественной личности. И потому для него, как для человека, популярности которого способствовали его талант, убеждения, а также в течение ряда лет и самый ход событий, — стало обязанностью оставить своему народу памятник своего духовного развития, своего образа мыслей и своего времени. Это он и осуществил в своих нашумевших «Воспоминаниях о пережитых событиях»*.

Отвлекаясь пока от тенденций книги Арндта, следует заметить, что и с эстетической стороны она во всяком случае представляет одно из интереснейших явлений. Мы уже давно не слышали в нашей литературе такой сильной, выразительной речи, достойной иметь длительное влияние на многих представи-

телей нашего молодого поколения. Лучше суровость, чем расслабленность! Ведь есть авторы, по мнению которых, существо современного стиля заключается в том, чтобы всю остроту речи, всю ее мускулатуру облечь в красивые, мягкие формы, хотя бы даже с риском впасть в женственность. Нет, уж лучше мужественная суровость арндтовского стиля, чем расплывчатость иных «современных» стилистов! Тем более что Арндт, насколько это возможно, избежал причудливых особенностей стиля своих сотоварищей по 1813 г. *, и лишь употребление превосходной степени в абсолютном значении (свойственное южнороманским языкам) вносит в его речь элементы напыщенности. Такого ужасного пристрастия к иностранным словам, которое теперь снова в ходу, у Арндта даже искать нечего; он показывает, напротив, что мы можем обойтись, не испытывая затруднений, без прививки чужих ветвей к нашему языковому стволу. Право, колесница наших мыслей на многих и многих путях лучше может продвигаться с помощью немецких коней, чем с помощью французских или греческих, и вопрос не решается одними насмешками над крайностями пуристского направления.

Перейдем теперь к содержанию книги. Большую часть ее занимает набросанная подлинно поэтической рукой идиллия юношеского периода жизни. Навсегда может быть признателен providению тот, кто провел свои ранние годы, как Арндт! Не в пыли большого города, где радости отдельной личности подавляются интересами целого, не в детских приютах и филантропических тюрьмах, где заглушаются молодые беги, — нет, под открытым небом, в лесу и в поле природа создавала стального мужа, на которого, как на северного богатыря, с удивлением взирает изнеженное поколение. Большая пластическая сила, с которой Арндт излагает этот период своей жизни, почти наводит на мысль, что пока наши писатели *переживают* такие идиллии, как Арндт, всякие идиллические *фантазии* излишни. Особенно чуждым покажется нашему веку самовоспитание юноши Арндта, которое соединяет в себе германское целомудрие со спартанской строгостью. Но эту строгость, которая так наивно, без всякой примеси бахвальства, свойственного Яну, напевает про себя свое *hoc tibi proderit olim* ¹, следует, как нельзя более, рекомендовать нашей изнеженной молодежи. Нечего сказать, хороша опора отечества — молодежь, которая, подобно бешеной собаке, боится холодной воды, кутается в три-четыре одеяния при малейшем морозе и считает для себя честью освободиться по сла-

¹ — это когда-нибудь будет тебе на пользу. *Ред.*

босилию от военной службы! Говорить же о целомудрии в наше время, когда в каждом городе прежде всего осведомляются о том месте, «где домов последний ряд» *, она считает преступлением. Я, право, не абстрактный моралист, мне ненавистно всякое аскетическое уродство, никогда не стану я осуждать грешную любовь, но мне больно, что строгая нравственность грозит исчезнуть, а чувственность пытается возвести себя на пьедестал. Перед лицом такого человека, как Арндт, проповедники практической эмансипации плоти всегда должны будут краснеть от стыда.

В 1800 г. Арндт занимает предоставленную ему должность. Полчища Наполеона наводняют Европу, и с ростом могущества императора французов растет и ненависть к нему Арндта; грейфсвальдский профессор протестует от имени Германии против угнетения и вынужден бежать. Наконец, немецкий народ подымается, и Арндт возвращается обратно. Следовало бы пожелать, чтобы эта часть книги была изложена обстоятельнее; Арндт скромно умалчивает о национальном ополчении и его деяниях. Вместо того чтобы предоставить нам догадываться, что он не остался бездеятельным, ему следовало бы подробнее изобразить свое участие в движении того времени и рассказать со своей субъективной точки зрения историю тех дней. Последующие события изложены еще короче. Следует отметить здесь, с одной стороны, все более определенную склонность к ортодоксии в области религии и, с другой стороны, таинственную, почти верноподданническую и холопскую манеру, с которой Арндт говорит о своем отстранении от должности. Однако тот, на кого это произвело неприятное впечатление, мог убедиться из появившихся недавно в газетах объяснений самого Арндта, что он рассматривает свое восстановление в должности как акт *справедливости*, а не как дар милости, и что он еще обладает своей прежней твердостью и решительностью.

Особенное значение, однако, приобретает книга Арндта благодаря одновременному изданию множества воспоминаний об освободительной войне. Таким образом, опять живо встает перед нами то славное время, когда германская нация впервые за несколько столетий вновь поднялась и противопоставила всю свою силу и величие чужеземному игу. И нам, немцам, следует постоянно помнить о битвах того времени, чтобы заставить бодрствовать наше сонливое народное сознание, — не в том смысле, конечно, как это понимает партия, которая воображает, что все уже свершила, и, почив на лаврах 1813 г.,

самодовольно созерцает себя в зеркале истории, но скорее в противоположном смысле. Ибо не свержение чужеземного господства, которое держалось только на атлантовых плечах Наполеона и по своей вопиющей противоестественности рано или поздно должно было пасть само собой, не завоеванная «свобода» были главнейшим результатом борьбы, — результат этот заключался в самом факте борьбы и в одном ее моменте, ясно ощущавшемся лишь весьма немногими современниками. Тот факт, что мы осознали ценность потерянных национальных святынь, что мы вооружились, не ожидая всемилоштивейшего дозволения государей, что мы даже *заставили* властителей стать во главе нас¹, словом, что мы выступили на одно мгновение как источник государственной власти, как суверенный народ, — вот что было величайшим достижением тех лет. Поэтому после войны те люди, которые яснее всего это чувствовали и решительнее всех в этом направлении действовали, должны были казаться правительствам опасными. — Но как скоро опять задремала эта творческая сила! Из-за проклятой раздробленности воодушевление, столь необходимое стране в целом, поглощалось отдельными ее частями, общегерманские цели разменивались на множество провинциальных интересов. В результате стало невозможным заложить в Германии основу государственной жизни, подобную той, какую создала себе Испания в конституции 1812 года*. Напротив, наши подавленные гнетом сердца не устояли перед теплым весенним дождем всевозможных обещаний, которые неожиданно посыпались на нас из «высших сфер», а мы, глупцы, и не подумали, что есть обещания, нарушение которых с точки зрения нации совершенно непростительно, но с личной точки зрения считается очень легко извинительным. (?) Потом начались конгрессы, они дали немцам время выспаться после освободительного угара, чтобы, проснувшись, опять вернуться к старым отношениям его величества и верноподданных. Кто еще не утихомирился и не мог отучиться от привычки оказывать воздействие на нацию, того все силы времени гнали в тупик тевтономании. Лишь немногие исключительные умы пробились сквозь лабиринт и нашли путь, ведущий к истинной свободе.

Тевтономаны хотели дополнить дело освободительной войны и освободить Германию, вернувшую себе материальную независимость, также и от духовной гегемонии чужеземцев.

¹ Ср. по этому вопросу: Karl Bade. «Napoleon im Jahre 1813». Altona, 1840 [Карл Баде. «Наполеон в 1813 году». Альтона, 1840].

Но именно потому тевтономания стала отрицанием, а то, чем она кичилась, как положительным, было погребено во мраке неопределенности и никогда полностью не поднялось оттуда; то же, что вышло на дневной свет разума, большей частью оказывалось в достаточной мере бессмысленным. Все это мирозерцание было философски несостоятельно, ибо оно утверждало, что весь мир был создан ради немцев, а сами немцы давно достигли наивысшей ступени развития. Тевтономания была отрицанием, абстракцией в гегелевском смысле. Она создавала абстрактных немцев, отменяя все то, что не было истинно немецким до шестьдесят четвертого поколения предков и не выросло из народных корней. Даже то, что казалось в ней положительным, было отрицательным, ибо привести Германию к идеалам тевтономании можно было только путем отрицания целого тысячелетнего пути развития; она хотела, следовательно, отбросить нацию вспять, к германскому средневековью или даже к чистоте первобытного тевтонства из Тевтобургского леса. Выразителем крайностей этого направления стал Ян. Результатом этой односторонности явилось провозглашение немцев избранным народом Израиля и игнорирование бесчисленных ростков всемирно-исторического значения, которые произрастали не на немецкой почве. С особой силой и больше всего* иконоборческая ярость обрушилась на французов, чье нашествие было отражено и чья гегемония во всем внешнем основана на том, что они, во всяком случае, легче всех других народов усваивают *форму* европейской образованности, цивилизацию. Великие, вечные результаты революции подверглись глумлению как «романская мишура» или даже «романское шарлатанство»; никто не подумал о родстве этого гигантского народного дела с народным подъемом 1813 года; все, что принес Наполеон: эмансипацию евреев, суд присяжных, здоровое частное право вместо схоластики пандектов — все это подверглось осуждению только из-за личности инициатора. Французоненавистничество стало обязанностью, всякое воззрение, сумевшее стать выше этого, клеймилось как иноземщина. Таким образом, и патриотизм стал по существу чем-то отрицательным и в борьбе того времени оставил отечество без поддержки, изоцряясь в то же время в изобретении исконно немецких высокопарных выражений взамен давно укоренившихся в немецком языке иностранных слов. Если бы это направление было конкретно немецким, если бы оно рассматривало немца таким, каким он стал в результате двухтысячелетнего развития истории, если бы оно не проглядело существеннейшего момента нашего назначения — быть стрел-

кой на весах европейской истории и следить за развитием соседних народов, — оно бы избежало всех своих ошибок. — Но, с другой стороны, нельзя также не отметить, что тевтономания была необходимой ступенью развития нашего народного духа и образовала с последующей ступенью ту противоположность, на плечах которой покоится современное мирозерцание.

Этой противоположностью тевтономании был космополитический либерализм южногерманских сословных собраний, отрицавший национальные различия и ставивший своей целью образование великого, свободного, объединенного человечества. Он соответствовал религиозному рационализму, с которым имел общий источник в филантропии прошлого века, между тем как тевтономания вела последовательно к теологической ортодоксии, куда со временем пришли почти все ее приверженцы (Ардт, Стеффенс, Менцель). Односторонности космополитического свободомыслия часто вскрывались его противниками, правда, тоже с односторонней точки зрения, поэтому я могу остановиться на этом направлении коротко. Июльская революция, казалось, благоприятствовала ему сначала, однако это событие было использовано всеми партиями. Фактическое уничтожение тевтономании, или, вернее, ее жизнеспособности, датируется с июльской революцией и было заложено в ней. Но в то же время произошло и крушение мирового гражданства, ибо важнейшее значение великой недели заключалось именно в восстановлении французской нации в качестве великой державы, что побудило и другие нации стремиться к более сильной внутренней спаянности.

Еще до этого недавнего мирового потрясения два человека трудились в тиши над развитием немецкого духа, над современным развитием, как его обычно называют, два человека, которые при жизни почти не знали друг друга, и лишь после их смерти стало ясно, что они взаимно друг друга дополняют, — эти двое были *Бёрне* и *Гегель*. Часто, и совершенно несправедливо, Бёрне клеймили как космополита, но он был немцем больше, чем его враги. Журнал «*Hallische Jahrbücher*» * связал недавно тему «политической практики» с именем г-на фон Флоренкура; но последний на самом деле не является ее представителем. Он стоит на той точке, где соприкасаются крайности тевтономании и космополитизма, как это было в бурше-шафтах, и его лишь поверхностно затронули позднейшие этапы развития национального духа. Бёрне — вот кто человек политической практики, и историческое его значение в том и заключается, что он вполне осуществил это призвание. Он сорвал с

тевтономании ее блестящее мишурное одеяние и в то же время безжалостно раскрыл наготу космополитизма, питавшегося лишь бессильными благими пожеланиями. Он обратился к немцам со словами Сида *: *Lengua sin manos, sueto osas fablar?* ¹ Никто не умел так изображать величие дела, как Бёрне. Все в нем — жизнь, все — мощь. Лишь о *его* сочинениях можно сказать, что это — *деяния* во имя свободы. Не говорите мне здесь об «определениях рассудка», о «конечных категориях»! В том, как Бёрне понимал положение, занимаемое европейскими нациями, и их назначение, нет ничего спекулятивного. Но Бёрне первый правдиво осветил взаимоотношения Германии и Франции и этим оказал идее ббльшую услугу, чем гегельящцы, которые в это время учили наизусть «Энциклопедию» Гегеля и думали, что они тем самым сделали достаточно для своего века. Именно то освещение вопроса, которое дает Бёрне, и показывает, как высоко он стоит над плоским космополитизмом. Разумная односторонность была так же необходима Бёрне, как Гегелю чрезмерный схематизм; но вместо того, чтобы понять это, мы ничего не видим за грубоватыми и часто парадоксальными аксиомами «Парижских писем».

Рядом с Бёрне и в противовес ему — Гегель, человек мысли, преподнес нации свою, уже готовую систему. Власть имущие не взяли на себя труда проникнуть в смысл неясных форм системы и тяжеловесного стиля Гегеля; да и как могли они знать, что из тихой гавани теории эта философия отважится выйти в бурное море событий, что она уже обнажает меч, чтобы ополчиться как раз на практически существующее положение вещей? Ведь сам Гегель был таким солидным ортодоксальным человеком, и полемика его была направлена прямо против неодобряемых государственной властью течений, против рационализма и космополитического либерализма! Но господа, сидевшие у руля, не понимали, что эти направления оспаривались лишь для того, чтобы дать место высшему, и что новое учение должно сначала утвердиться, получив признание нации, чтобы затем иметь возможность свободно и последовательно развить свои жизненные принципы. Когда Бёрне нападал на Гегеля, он был со своей точки зрения совершенно прав, но когда власть покровительствовала Гегелю, когда она возвела его учение чуть ли не в ранг прусской государственной философии, она попала впросак и теперь, очевидно, раскаивается в этом. И неужели Альтенштейн, принадлежавший, правда,

¹ — Язык без рук, как держашь ты говорить? *Red.*

к более либеральному времени и стоявший на более возвышенной точке зрения, мог иметь такую свободу действий, что можно все отнести на его счет? Но как бы то ни было, когда после смерти Гегеля его доктрины коснулось свежее дыхание жизни, из «прусской государственной философии» выросли побеги, какие не снились ни одной партии. Штраус — на поприще теологии, Ганс и Руге — на поприще политики останутся знаменьями своего времени. Только теперь слабые туманные пятна спекулятивной философии превратились в сияющие звезды идей, которые должны будут освещать путь движению века. Можно сколько угодно ставить в укор эстетической критике Руге, что она страдает трезвостью и схематизмом доктрины; заслугой его остается то, что он привел политическую сторону гегелевской системы в соответствие с духом времени и оживил к ней интерес нации. Ганс сделал это лишь косвенно, продолжив философию истории до нашего времени; Руге открыто выразил свободомыслие гегельянства, Кёппен присоединился к нему; оба не побоялись вражды и продолжали идти своим путем, не останавливаясь даже перед опасностью раскола школы, и потому честь и слава их дерзанию! Вдохновенная, непоколебимая вера в идею, которая свойственна новогегельянству, есть единственная крепость, куда могут надежно укрыться свободомыслящие, если поощряемая свыше реакция одержит над ними временную победу.

Таковы последние этапы развития немецкого политического духа, и задача нашего времени заключается в том, чтобы завершить взаимопроникновение идей Гегеля и Бёрне. В младогегельянстве есть уже изрядная доля Бёрне, и немало статей в «Hallische Jahrbücher» Бёрне подписал бы не задумываясь. Но необходимость соединения мысли с делом частью еще недостаточно осознана, частью еще не проникла в нацию. Бёрне все еще рассматривается кое-где как прямая противоположность Гегелю; но так же, как не следует судить о практическом значении Гегеля для современности (не о его философском значении для всех времен) по чисто теоретической стороне его системы, точно так же и по отношению к Бёрне не следует ограничиваться плоской критикой его односторонностей и экстравагантностей, которые никогда не отрицались.

Думаю, что этим я достаточно охарактеризовал отношение тевтономании к нашему времени, чтобы перейти к более детальному рассмотрению отдельных ее сторон, освещенных Арндтом в его книге. Глубокая пропасть, отделяющая Арндта от теперешнего поколения, яснее всего видна в том, что для него

в государственной жизни безразлично именно то, за что мы готовы отдать кровь и жизнь. Арндт объявляет себя решительным монархистом — допустим. Но конституционным или абсолютистским — об этом он даже не упоминает. Спорный пункт вот в чем: Арндт и все его сторонники видят благо государства в том, что государь и народ привязаны друг к другу искренней любовью и сходятся в стремлении к всеобщему благу. Для нас, наоборот, неизбежно, что отношения между правящими и управляемыми должны быть установлены на почве *права* раньше, чем они могут стать и оставаться сердечными. Сначала право, потом справедливость! Едва ли найдется такой плохой государь, который не любил бы своего народа и — я говорю здесь о Германии — не был бы любим своим народом уже в силу того, что он его государь? Но какой государь смеет похвалиться, что с 1815 г. он значительно продвинул вперед свой народ? Не наше ли это собственное творение — все то, чем мы обладаем, разве оно не наше, вопреки контролю и надзору? Можно разглагольствовать о любви государя и народа друг к другу, и с тех пор, как великий поэт *, сочинивший «Хвала тебе, в венке победном!», пел: «Любовь свободных охраняет вершины те, где восседает на тронах сонм князей», с тех самых пор на эту тему наболтали бесконечно много всякого вздора. Грозящий нам сейчас с известной стороны образ правления можно было бы назвать реакцией, соответствующей духу времени; патриониальные суды для создания высшего дворянства, цехи для восстановления «почтенного» бюргерского сословия, поощрение всех так называемых исторических ростков, которые являются, собственно говоря, старыми обрубленными сучками.

Но не только в этом пункте тевтономания отдала в жертву решительной реакции свободу своей мысли. Ее идеи государственного устройства также напечтаны ей господами из «*Berliner politisches Wochenblatt*». Больно было видеть, как даже положительный, спокойный Арндт дал себя прельстить софистической мишурой «органического государства». Фразы об историческом развитии, об использовании данных обстоятельства, об организме и т. д., должно быть, имели для своего времени очарование, о котором мы не можем составить себе никакого представления, ибо мы видим, что это большей частью красивые слова, в которых нет серьезного соответствия с их собственным значением. Надо, наконец, покончить со всеми этими призраками! Что вы понимаете под органическим государством? Такое государство, установления которого развива-

лись в течение столетий вместе с нацией и из нее, а не конструировались из теории. Очень хорошо. А в применении к Германии? Этот организм, видите ли, заключается в том, что граждане государства подразделяются на дворян, горожан и крестьян вкупе со всем, что этому сопутствует. Все это должно заключаться в слове «организм» in pace¹. Разве это не жалкая, не позорная софистика? Саморазвитие нации — разве это не выглядит точь-в-точь так же, как свобода? Вы стараетесь схватить ее обеими руками и ловите — весь гнет средневековья и апсиен régime². К счастью, это фокусничество нельзя отнести на счет Арндта. Не приверженцы сословных делений, а мы, их противники, хотим органической государственной жизни. Речь идет пока вовсе не о «теоретической конструкции»; речь идет о том, чем нас хотят прельстить, — о саморазвитии нации. Только мы относимся серьезно и искренне к этому; но те господа не знают, что всякий организм становится неорганическим, коль скоро умирает; они приводят в движение гальваническим током трупы прошлого и хотят нас уверить, что это не механизм, а жизнь. Они хотят способствовать саморазвитию нации и заковывают ее ноги в колодки абсолютизма, чтобы она быстрее продвигалась вперед. Они не хотят знать, что то, что они называют теорией, идеологией или еще бог знает чем, давно уже перешло в плоть и кровь народа и частью уже вошло в жизнь, что в этом вопросе не мы, а они блуждают в области утопических теорий. Ибо то, что полстолетие тому назад действительно было еще теорией, развилось со времени революции как самостоятельный момент в государственном организме. И, что важнее всего, разве развитие человечества не стоит выше развития нации?

А порядки сословного строя? Никакой перегородки между горожанами и крестьянами при нем не существует, даже историческая школа не может этого серьезно отрицать; эта перегородка устанавливается только pro forma, чтобы сделать для нас более приемлемым обособление дворянства. Все вертится вокруг дворянства, с падением дворянства падет и сословный строй. Но с сословием дворянства дело обстоит еще и хуже, чем с его состоянием³. Ведь наследственное, основанное на майорате сословие, безусловно, представляет по современным понятиям архибессмыслицу. Другое дело средние века! Тогда и в имперских городах (как, например, в Бремене еще и теперь)

¹ — в зародыше. *Ред.*

² — старый порядок. *Ред.*

³ Игра слов: «Stand» — сословие, «Bestand» — состояние. *Ред.*

цехи и их привилегии были наследственными, там существовали поколения пекарей, поколения лудильщиков. И в самом деле, что значит дворянская спесь по сравнению с сознанием: мои предки были пивоварами до двадцатого колена! Кровь мясников, или, по более поэтической бременской терминологии, живодедов, еще течет в жилах дворян, воинственное призвание которых, установленное г-ном Фуке, как раз и состоит в непрекращающемся убиении и живодерстве. Смешна претензия со стороны дворянства считать себя сословием, ибо по законам всех государств ему вовсе не принадлежит исключительное право на какое-либо занятие, будь то военное дело, будь то крупное землевладение. Ко всякому сочинению о дворянстве можно было бы поставить эпиграфом слова трубадура Гийома де Пуатье: «Эта песня ни о чем» *. И так как дворянство чувствует свое внутреннее ничтожество, то ни один дворянин не может скрыть своей скорби по этому поводу, начиная с весьма остроумного барона фон Штернберга и кончая весьма скудоумным К. Л. Ф. В. Г. фон Альвенслебеном. Совершенно неуместна та терпимость, с которой предоставляют дворянству удовольствие считать себя чем-то особым, если только оно не требует себе еще каких-нибудь привилегий. Ибо пока и поскольку дворянство будет представлять собой нечто особое, постольку оно захочет и должно будет иметь привилегии. Мы остаемся при нашем требовании: никаких сословий, а лишь великая, единая, равноправная нация граждан!

Другое требование, предъявляемое Арндтом своему государству, — майораты, вообще аграрное законодательство, устанавливающее для землевладения неизменные отношения. И этот пункт также, независимо от общего его значения, заслуживает внимания уже потому, что упомянутая, соответствующая духу времени реакция грозит и в этой области вернуть положение вещей к периоду до 1789 года. Ведь в самое недавнее время многим было даровано дворянское звание под условием основать майорат, гарантирующий благосостояние семьи! — Арндт — решительный противник неограниченной свободы и дробления землевладения; он видит, что неизбежным следствием этого является разделение земли на parcelлы, причем ни одна из них не может прокормить своего хозяина. Но он не видит, что именно полная свобода земельной собственности дает возможность в общем и целом восстановить все то равновесие, которое она, конечно, в отдельных случаях может нарушать. Между тем запутанное законодательство большинства германских государств и столь же запутанные проекты Арндта

не только не устраняют возможных затруднений в аграрных отношениях, но в высшей степени усложняют их; в то же время при возникновении неурядиц они мешают добровольному восстановлению должного порядка, вызывают необходимость чрезвычайного вмешательства государства и тормозят совершенствование этого законодательства множеством мелочных, но неизбежных соображений частного порядка. Напротив, свобода земли не оставляет места для какой-либо крайности: ни для превращения крупных землевладельцев в аристократию, ни для раздробления земельных угодий на слишком мелкие, становящиеся бесполезными клочки земли. Если одна чаша весов опускается слишком низко, то на другой тотчас же происходит концентрация содержания, и равновесие восстанавливается. И если даже земельная собственность переходит из рук в руки, я все же предпочитаю волнующийся океан с его безграничной свободой маленькому озеру с его спокойной гладью, с его миниатюрными волнами, прерываемыми на каждом шагу то откосом берега, то корнем дерева, то камнем. Разрешая учреждение майоратов, государство не только дает согласие на образование аристократии: нет, это сковывание землевладения, как и всякое неотчуждаемое наследственное право, работает прямо на революцию. Если лучшая часть земли закреплена за отдельными семьями и делается недоступной остальным гражданам, не есть ли это прямой вызов народу? Разве институт майората не основан на таком понимании собственности, которое давно уже не соответствует нашим взглядам? Разве одно поколение имеет право неограниченно распоряжаться собственностью всех будущих поколений, которой оно в настоящий момент пользуется и управляет? Как будто свобода собственности не уничтожается таким самоуправством, которое лишает этой свободы всех потомков! Как будто такое прикрепление человека к земле может действительно сохраниться навеки! Впрочем, внимание, которое Арндт уделяет земельной собственности, вполне заслужено, и важность предмета, пожалуй, была бы достойна обстоятельного обсуждения с точки зрения современности и целиком своевременна. Все прежние теории страдают наследственной болезнью немецких ученых, усматривающих свою самостоятельность в том, что каждый создает для себя особую систему.

Если ретроградные стороны тевтономании и заслужили более внимательного рассмотрения отчасти из уважения к человеку, защищающему их по убеждению, отчасти вследствие поощрения, которого они недавно удостоились в Пруссии, то

другое направление тевтономании следует отвергнуть тем решительнее, что в настоящий момент оно угрожает снова восторжествовать у нас, — это французоненавистничество. Я не стану вступать в спор с Арндтом и прочими деятелями 1813 г., но подобострастная, беспринципная травля, поднятая теперь во всех газетах против французов*, противна мне до глубины души. Нужна высокая степень верноподданности, чтобы из июльского трактата* вынести убеждение, будто восточный вопрос является для Германии вопросом жизни и будто Мухаммед-Али представляет опасность для нашего народа. С этой точки зрения Франция поддержкой египтянина совершила, конечно, по отношению к немецкой национальности такое же преступление, в каком она провинилась в начале этого века. Печально, что вот уже в течение полугода нельзя взять в руки ни одной газеты, чтобы не натолкнуться на вновь ожившее неистовое французоедство. И для чего все это? Чтобы способствовать приросту владений русских и усилению торговой мощи англичан настолько, чтобы они могли нас, немцев, окончательно задушить и раздавить! Принцип равновесия, проводимый Англией, и система России — вот истинные враги европейского прогресса, а не Франция и ее движение. Но так как два германских государя сочли за благо присоединиться к трактату, вопрос вдруг становится немецким, Франция делается старым, истонным безбожным «романским» врагом, а совершенно естественные меры по вооружению, принятые действительно оскорбленной Францией, — дерзким вызовом, брошенным немецкой нации. Глупую болтовню нескольких французских журналистов по поводу рейнской границы считают заслуживающей пространных возражений, которых французы, к сожалению, совсем не читают, и песню Беккера «Они его не получат!»* хотят *par force*¹ сделать народной песней. Я охотно отдаю дань успеху песни Беккера и совсем не хочу входить в рассмотрение ее поэтического содержания, меня даже радует, когда я слышу такой немецкий образ мыслей с левого берега Рейна, но тем не менее, солидаризируясь с уже появившимися по этому вопросу в настоящем журнале статьями, которые мне только что попались на глаза, я нахожу смешными потуги возвести скромное стихотворение в ранг национального гимна. «Они его не получат!» Стало быть, опять отрицание? Неужели вы можете удовлетвориться народной песней, содержащей только отрицание? Неужели немецкое национальное чувство может

¹ — насильно. *Ред.*

найти опору только в полемике против заграницы? Текст «Марсельезы», несмотря на все вдохновение, — не очень высокого достоинства, но насколько благороднее здесь выход за пределы национально-ограниченного к общечеловеческому. И после того как у нас оторвали Бургундию и Лотарингию; после того как мы допустили, чтобы Фландрия стала французской, а Голландия и Бельгия приобрели независимость; после того как Франция с присоединением Эльзаса продвинулась уже до Рейна и в наших руках осталась лишь относительно малая часть некогда немецкого левого берега Рейна, — мы не стыдимся чваниться и вопить: а последней пяди вам все-таки не получить! Ох уж эти немцы! Если бы французы получили и Рейн, то мы со смехотворнейшей надменностью все же возгласили бы: Они его не получают, свободный немецкий Везер и т. д. вплоть до Эльбы и Одера, пока Германия не была бы поделена между французами и русскими и нам бы оставалось только петь: Они его не получают, свободный поток немецкой теории, доколе он спокойно катит свои волны в океан бесконечности, доколе на дне его шевелит плавниками хоть одна непрактичная мудрствующая рыбешка! И все это вместо того, чтобы принести глубокое покаяние за грехи, из-за которых мы потеряли все эти прекрасные земли, за разобщенность и предательство идеи, за провинциальный патриотизм, жертвующий целым из-за местных выгод, и за отсутствие национального сознания. Правда, у французов есть такая навязчивая идея, что Рейн составляет якобы их собственность, но единственным достойным немецкого народа ответом на это заносчивое требование является арндтовское восклицание: «Прочь из Эльзаса и Лотарингии!»

Дело в том, что я придерживаюсь, — может быть, в противоположность многим, взгляды которых я вообще разделяю, — той точки зрения, что для нас возврат говорящего по-немецки левого берега Рейна — дело национальной чести, германизация отложившихся Голландии и Бельгии — политическая необходимость. Неужели мы можем допустить в этих странах окончательное подавление немецкой национальности, в то время как на востоке славянство подымается все с большей силой? Неужели мы заплатим за дружбу Франции отказом от немецкого характера наших лучших провинций? Неужели нам следует примириться с завоеваниями, едва имеющими столетнюю давность, причем завоеватель даже не сумел ассимилировать того, что было им захвачено, и неужели мы должны считать трактаты 1815 г.* за приговор мирового духа в последней инстанции?

Но, с другой стороны, мы не будем достойны эльзасцев, пока не сможем дать им того, чем они располагают сейчас, — свободной общественной жизни в рамках великой державы. Нет сомнения, что нам придется еще раз померяться силами с Францией, и тогда будет видно, кто достоин левого берега Рейна. А до тех пор мы можем спокойно предоставить разрешение вопроса развитию нашей народности и мирового духа, до тех пор мы будем работать для достижения ясного взаимопонимания между европейскими нациями и стремиться к внутреннему единству — первой нашей потребности и основе нашей будущей свободы. Пока наше отечество будет оставаться раздробленным, до тех пор мы — политический нуль, до тех пор общественная жизнь, заверченный конституционализм, свобода печати и все прочие наши требования — одни благие пожелания, которым не суждено осуществиться до конца; вот к чему следует стремиться, а не к истреблению французов!

И при всем этом тевтономанское отрицание все еще не выполнило своей задачи до конца: еще много осталось такого, что следует отпирать восвояси — за Альпы, за Рейн и за Вислу. Русским мы оставим пентархию *, итальянцам — их папизм и все с ним связанное, их Беллини, Доницетти и даже Россини, если они хотят его хвастливо противопоставить Моцарту и Бетховену, французам — их высокомерные отзывы о нас, их водевили и оперы, их Скриба и Адана. Все эти нелепые чужеземные повадки и моды, все излишние иностранные слова мы прогоним туда, откуда они пришли; мы перестанем быть посмешищем для иностранцев и сольемся в единый, неделимый, мощный и — так угодно богу — *свободный* немецкий народ.

Ф. Энгельс. Эрнст Мориз Арндт.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 363—376.

«ВОСПОМИНАНИЯ» ИММЕРМАНА

Первый том. Гамбург, Гофман и Кампе. 1840¹

Известие о смерти Иммермана * было тяжелым ударом для нас, жителей Рейнской области, не только вследствие значения его как поэта, но и как человека, хотя о личности Иммермана можно еще скорее, чем об Иммермане-поэте, сказать, что значение ее только начало по-настоящему проявляться. Он находился в своеобразном отношении к молодым литературным силам, недавно объявившимся на Рейне и в Вестфалии; ведь в литературном отношении Вестфалия и Нижний Рейн тесно связаны, несмотря на резкое до сих пор разделение в политическом отношении, и несдаром «*Rheinisches Jahrbuch*» * является объединяющим центром для авторов обеих провинций. Насколько Рейнская область сторонилась до сих пор литературы, настолько стараются теперь рейнские поэты выступить в качестве представителей своей родины, действуя при этом если и не по единому плану, то все же с устремлением к *единой* цели. Подобное устремление редко обходится без центра в виде какой-либо сильной личности, которой подчиняются более молодые поэты, несколько при этом не поступаясь своей самостоятельностью, — и этим центром для рейнских поэтов, казалось, готовился стать Иммерман. Несмотря на кое-какие предубеждения против жителей Рейнской области, он мало-помалу сроднился с ними; он открыто примирился с современным литературным направлением, к которому принадлежала вся молодежь; он проникся новыми, свежими веяниями, и его произведения стали встречать все большее признание. Благодаря этому все более расширялся круг молодых поэтов, собиравшихся вокруг него и прибывавших к нему из соседних местностей; сколько раз, например, Фрейлиграт, когда он еще

¹ Immermanns Memorabilien. Erster Band. Hamburg, Hoffmann und Campe. 1840. *Ред.*

писал в Бармене фактуры и составлял текущие счета, захлопывал мемориал и гроссбух, чтобы провести день-другой в обществе Иммермана и дюссельдорфских художников! И вот Иммерман занял видное место в зарождавшихся кое-где мечтах о рейнско-вестфальской поэтической школе; он был связующим звеном между провинциальной и общегерманской литературой, пока не созрела слава Фрейлиграта. Кто способен разбираться в подобных взаимоотношениях и связях, для того это давно уже не составляло тайны; еще год назад Рейнхольд Кёстлин наряду с другими отмечал в «Еигора», что Иммерману предстоит занять то место, которое занимал Гёте на склоне своих лет. Смерть разбила все эти надежды и мечты о будущем.

Несколько недель спустя после смерти Иммермана появились его «Воспоминания». Но вполне ли уже созрел он для того, — ведь он был еще человеком средних лет, — чтобы писать свои собственные мемуары? Его судьба дает на этот вопрос утвердительный ответ, его книга — отрицательный. Но мы и не должны рассматривать «Воспоминания» как расчеты старца с жизнью, заявляющего тем самым о завершении своего жизненного пути. Иммерман подводил скорее итоги более раннему, исключительно романтическому периоду своей деятельности, и поэтому на его книге лежит, конечно, печать какого-то иного духа, чем на произведениях того периода. К тому же огромные перемены, происшедшие за последнее десятилетие, отодвинули описанные в ней события в такую даль, что даже ему, их современнику, они казались чем-то отошедшим в историческое прошлое. И все же, мне кажется, я вправе сказать, что десять лет спустя Иммерман сумел бы более свободно и широко охватить события своего времени и отнесся бы по-другому к освободительной войне — основному стержню своего повествования. Как бы то ни было, но «Воспоминания» приходится брать такими, какие они есть.

Если уже в «Эпигонах» прежний романтик стремился достичь вершин гётевской пластики и покоя, если «Мюнхгаузен» уже целиком написан в современной поэтической манере, то посмертное произведение Иммермана показывает еще с большей ясностью, как высоко умел он ценить новейшие литературные достижения. Стил, а вместе с тем и форма восприятия совершенно современные; только более продуманное содержание, более строгое распределение материала, резко выраженное своеобразие характеров и антисовременное, хотя и довольно замаскированное, настроение автора выделяют эту книгу из массы описаний, характеристик, мемуаров, бесед, ситуаций,

положений и т. д., которыми ныне насыщена наша литература, томящаяся по здоровой поэтической атмосфере. При этом у Иммермана достаточно такта, чтобы не так уж часто привлекать на форум рефлексии вещи, которые нуждаются в ином судилище, чем трибунал голого рассудка.

Темой лежащего перед нами первого тома является «Молодежь двадцать пять лет тому назад» и господствовавшие среди нее влияния. Во вступительном «Обращении» самым точным образом объясняется характер всего произведения. С одной стороны, современный стиль, современные словечки, даже современные принципы, а с другой — особенности автора, давно уже утратившие значение для широкого круга читателей. Иммерман пишет, как он довольно сухо отмечает, для современных немцев, для тех, кто одинаково далек от крайностей немецкого национализма и космополитизма; нацию он понимает в совершенно современном смысле и выдвигает предпосылки, которые, если их логически развить, привели бы к утверждению суверенности, как назначению народа; он решительно высказывается против «недостатка веры в себя, мании прислуживаться и унижаться»*, которой страдают немцы. И все же наряду с этим у Иммермана особое пристрастие к пруссачеству, в пользу которого он может привести лишь очень слабые доводы, и такое холодное, равнодушное упоминание о конституционных стремлениях в Германии, которое совершенно ясно показывает, что Иммерман все еще никак не уразумел единства всех сторон современной духовной жизни. Мы ясно видим, что понятие «современное» ему вовсе не по душе, потому что он восстает против многих факторов этого «современного», хотя в то же время и не может отказаться от этого понятия.

Собственно мемуары начинаются с «Воспоминаний мальчика». Иммерман остается верен своему обещанию рассказывать лишь о тех моментах, когда «история совершала свое шествие через него». Вместе с ростом сознания мальчика нарастают и мировые события, возводится колоссальное здание, свидетелем падения которого ему пришлось быть. Волны истории, вначале бушевавшие вдали, в битве при Иене разрушают плотину Северной Германии, разливаются по самодовольной Пруссии, подтверждая правильность изречения великого короля «Après moi le déluge»¹ также, в частности, и для

¹ — «После меня хоть потоп» (изречение, приписываемое Людовику XV). *Ред.*

государства Иммермана *, и затопляют в первую очередь его родной город — Магдебург. Эта часть книги — лучшая. Иммерман более силен в повествовании, чем в рассуждении, и ему отлично удалось изобразить отражение мировых событий в сердце отдельного человека. К тому же это как раз тот пункт, начиная с которого он открыто, — правда, только на время — примыкает к делу прогресса. Для него, как и для всех добровольцев 1813 г., Пруссия до 1806 г. представляет ancien régime¹ этого государства, но та же Пруссия после 1806 г., — с чем теперь менее охотно соглашаются, — совершенно возродившееся государство с новым порядком вещей *. Но возрождение Пруссии — это особый вопрос. Первое возрождение Пруссии — дело великого Фридриха — так прославляли в связи с прошлогодним юбилеем, что нельзя понять, каким образом двадцатилетнее междуцарствие * могло вызвать необходимость второго возрождения. А затем нас уверяют, что, несмотря на двукратное огненное крещение, встхий Адам в последнее время снова начал подавать заметные признаки жизни. Однако в рассматриваемом разделе Иммерман избавляет нас от прославлений status quo², и лишь дальше мы увидим яснее, где расходятся пути Иммермана и нового времени.

«Молодежь, до вступления ее в общественную жизнь, воспитывают семья, школа, литература. Для того поколения, о котором идет речь, четвертым средством воспитания являлся еще деспотизм. Семья делеет молодежь, школа изолирует ее, а литература опять выводит на простор; деспотизм же дал нам начала характера».

Часть книги, содержащая размышления, составлена на основе этой схемы, которую нельзя не одобрить, так как большим преимуществом ее является возможность рассматривать ход развития сознания в последовательной смене его ступеней. — Раздел книги, посвященный семье, вполне хорош, пока речь идет о *старой* семье, и остается только пожалеть, что Иммерман не попытался связать в одно целое светлые и темные стороны. Все его замечания здесь в высшей степени удачны. Но зато его взгляд на *новую* семью опять-таки показывает, что он все еще не освободился от старых предубеждений и от недовольства явлениями последнего десятилетия. Конечно, «патриархальное благодушие», удовлетворенность домашним очагом все более уступают место недовольству, неудовлетворенности радостями семейной жизни, но зато все

¹ — старый порядок. *Ред.*

² — существующего положения. *Ред.*

более исчезает и филистерство патриархального быта, ореол ночного колпака, — и указываемые Иммерманом почти совсем правильно, хотя и слишком резко, причины недовольства как раз и являются симптомами еще борющейся, незавершенной эпохи. Век, предшествовавший чужеземному господству, был завершен и как таковой носил на себе печать покоя, но также и бездеятельности; он влачил свое существование, тая в себе зародыш разложения. Наш автор мог бы сказать совсем кратко: новая семья не может освободиться от некоторого чувства неудобства потому, что к ней предъявляются новые требования, которые она не умеет еще сочетать со своими собственными правами. Общество, как соглашается и Иммерман, стало другим; появился совершенно новый момент — общественная жизнь; литература, политика, наука — все это проникает теперь глубже в семью, и ей трудно разместить всех этих чужих гостей. В этом все дело! В семье еще слишком сильны старые обычаи, чтобы столкнуться и наладить хорошие отношения с пришельцами, и все-таки здесь возрождение семьи безусловно происходит; мучительный процесс должен быть, наконец, пройден, и мне кажется, что старая семья действительно нуждается в этом. Впрочем, Иммерман изучал современную семью как раз в самой оживленной, особенно подверженной современным влияниям части Германии, на Рейне, а здесь ведь всего резче сказалось недовольство, вызываемое переходным процессом. В провинциальных городах центральной Германии старая семья все еще продолжает существовать под сенью единospасающего шлафрока; общество находится здесь еще на уровне 1799 года; от общественной жизни, литературы, науки отделяются с полным хладнокровием и спокойствием, и никто не позволяет выбить себя из привычной колеи. — В подтверждение сказанного им о старой семье автор приводит еще «педагогические анекдоты» и затем заканчивает повествовательную часть своей книги главой о «дяде», характерной фигуре старого времени. Воспитание, получаемое подрастающим поколением в семье, закончено; молодежь бросается в объятия науки и литературы. Здесь начинаются менее удавшиеся части книги. Что касается учебного периода, то он протекал у Иммермана в то время, когда душа всякой науки, философия, и основа знаний, преподносимых юношеству, — изучение древности, находились в процессе головокружительного преобразования, и Иммерману не посчастливилось в качестве ученика до конца участвовать в этом перевороте: когда последний завершился, он давно уже окончил школу. Сначала

Иммерман ограничивается только указанием на то, что обучение в те годы было односторонним, и лишь в дальнейшем он восполняет картину и в особых разделах останавливается на наиболее влиятельных умах своего времени. По поводу Фихте он пускается в философию, что может показаться нашим представителям философской мысли довольно странным. Он вдается здесь в остроумные рассуждения о предмете, для понимания которого недостаточно остроумия и поэтической наблюдательности. Как ужаснутся наши строгие гегельянцы, прочитав здесь изложение истории философии на трех страницах! И нужно признать, что трудно говорить о философии более дилетантским образом, чем это делается здесь. Уже первое положение его, будто философия всегда колеблется между двумя точками, отыскивая достоверное или в вещи или в «Я», написано, очевидно, в угоду следованию фихтевского «Я» за кантовской «вещью в себе»; и если это положение еще с трудом можно приложить к Шеллингу, то оно ли в коем случае неприменимо к Гегелю. — Сократ назван воплощением мышления, и именно поэтому за ним не признается способности создать свою систему; в нем якобы соединились чистая доктрина с непосредственным проникновением в эмпирию, а так как подобное сочетание оказалось за пределами понятия, то Сократ мог проявиться только как личность, но не как создатель особого учения. Разве такие положения не должны привести в величайшее смущение поколение, выросшее под влиянием Гегеля? Не прекращается ли всякая философия там, где согласованность мышления и эмпирии «выходит за пределы понятия»? Какая логика сможет удержаться там, где отсутствие системы признается необходимым атрибутом «воплощения мышления»?

Но зачем следовать за Иммерманом в область, которой он сам хотел коснуться лишь мимоходом? Достаточно указать на то, что он так же мало способен связать философию Фихте с его личностью, как и справиться с философскими положениями прошлых веков. Зато он опять-таки превосходно рисует характер Фихте как оратора, обращавшегося к немецкой нации, а также яркого проповедника гимнастики Яна. Эти характеристики проливают больше света на действующие силы и идеи, в сфере которых находилась тогдашняя молодежь, чем пространные рассуждения. Даже там, где Иммерман говорит о литературе, мы с большим интересом читаем об отношении «молодежи двадцать пять лет тому назад» к великим поэтам, чем слабо обоснованное рассуждение о том, что немецкая

литература, в отличие от всех ее сестер, имеет современное неромантическое происхождение. Нельзя не считать искусственной попытку искать у Корнеля романтически-средневековые корни или же видеть у Шекспира многое от средневековья помимо сырого материала, который он оттуда заимствовал. Не дает ли себя знать здесь, быть может, не совсем чистая совесть бывшего романтика, желающего избавиться от упрека в сохранившемся еще скрытом романтизме?

Раздел о деспотизме — именно наполеоновском — также не встретит одобрения. Гейневский культ Наполеона чужд народному сознанию, но вряд ли кому придется по душе, что Иммерман, претендующий здесь на беспристрастие историка, говорит как оскорбленный пруссак. Он, разумеется, чувствовал, что тут необходимо подняться над национально-германской и, особенно, прусской точкой зрения; поэтому он весьма осторожен в выражениях, пытается, насколько возможно, приспособиться к современному образу мыслей и решает говорить лишь о мелочах и второстепенных вещах. Но постепенно он становится более смелым, признается, что не вполне понимает, почему Наполеона причисляют к великим людям, рисует законченную систему деспотизма и доказывает, что в этом ремесле Наполеон был изрядным тупицей и бездарностью. Однако не таким путем можно понять великих людей.

Таким образом, Иммерман — если не говорить об отдельных мыслях, опередивших его убеждения, — во всяком случае в основном, чужд современному сознанию. Но все же его нельзя зачислить ни в одну из тех партий, на которые принято делить духовный *status quo* Германии. Он определенно отвергает то направление, к которому как будто наиболее близок, — тевтономанию. Известный иммермановский дуализм проявился в его образе мыслей, с одной стороны, как пруссачество, с другой — как романтика. Но первое постепенно вылилось у него в самую бездушную механически размеренную прозу, главным образом оттого, что он был чиновником, а вторая — в какую-то безмерную чувствительность. Пока Иммерман оставался на этой позиции, он не мог добиться настоящего признания и должен был все более и более убеждаться в том, что направления эти не только представляют полярные противоположности, но и становятся все более безразличными сердцу нации.

Наконец, он отважился на некоторый шаг вперед в области поэзии и написал «Эпигонов». И едва только это произведение покинуло лавку книгоиздателя, как оно дало своему автору

возможность понять, что препятствием к всеобщему признанию его таланта со стороны нации и молодой литературы являлось только его прежнее направление. «Эпигоны» почти повсюду были оценены по достоинству и дали повод к такой резкой критике характера их автора, к которой Иммерман до сих пор не привык. Молодая литература, — если применить это название к фрагментам того, что еще никогда не было целым, — первая признала значение Иммермана и по-настоящему познакомила нацию с поэтом. Вследствие все обострявшегося расхождения между пруссачеством и романтической поэзией и сравнительно малой популярности своих произведений Иммерман внутренне был раздражен и на его произведениях произвольно выступала все более заметно печать суровой изолированности. Теперь, сделав некоторый шаг вперед, он обрел вместе с признанием иной, более свободный и веселый дух. Слова воскресло прежнее юношеское воодушевление, и в «Мюнхгаузене» у Иммермана намечается уже перелом к примирению с практически-рассудочной стороной характера. Свои романтические симпатии, все еще крепко владевшие им, он утолил «Гисмондой» и «Тристаном»; но какая разница по сравнению с прежними романтическими сочинениями, сколько в них пластичности, в особенности по сравнению с «Мерлином»!

Вообще романтика была для Иммермана только формой; от мечтательности романтической школы его спасала трезвость пруссачества, но последняя, с другой стороны, сделала его в известной мере неприязненным по отношению к современному развитию. Известно, что Иммерман, хотя и был в религиозном отношении очень свободомыслящим человеком, в политическом отношении являлся слишком ревностным приверженцем правительства. Правда, благодаря своему отношению к молодой литературе он стал ближе к политическим стремлениям века и стал рассматривать их под другим углом зрения; между тем, как показывают «Воспоминания», пруссачество сидело в нем еще весьма крепко. Все же именно в этой книге встречается немало высказываний, так резко контрастирующих с основными воззрениями Иммермана и так тесно связанных с современной основой, что приходится признать значительное влияние на него современных идей. «Воспоминания» определенно свидетельствуют об усилиях их автора идти в ногу со своим временем, и, кто знает, может быть, поток истории и размыл бы постепенно плотину консерватизма и пруссачества, за которой укрылся Иммерман?

И еще одно замечание! Иммерман говорит, что характер той эпохи, которую он описывает в «Воспоминаниях», был по преимуществу юношеским: зазвучали юношеские мотивы, выступили на первый план юношеские настроения. Но разве не то же самое наблюдается в нашу эпоху? Старое литературное поколение вымерло, молодежь завладела словом. Наше будущее зависит, больше чем когда бы то ни было, от подрастающего поколения, ибо ему придется разрешать все более возрастающие противоречия. Правда, старики страшно жалуются на молодежь, и, действительно, она очень непослушна; но пусть молодежь идет своим путем; она найдет свою дорогу, а тот, кто заблудится, будет сам виноват в этом. Ведь пробным камнем для молодежи служит новая философия; требуется упорным трудом овладеть ею, не теряя в то же время молодого энтузиазма. Кто страшится лесных дебрей, в которых расположен дворец идей, кто не пробивается через них при помощи меча и не будит поцелуем спящей царевны, тот недостойн ее и ее царства; пусть идет куда хочет, пусть станет сельским пастором, купцом, ассессором или чем ему угодно, пусть женится, наплодит детей с благословения господня, но век не признает его своим сыном. Не обязательно для этого стать старогегельянцем, забрасывать вас терминами «в себе» и «для себя», «целокупность» и «этость», но не надо бояться работы мысли, ибо подлинен лишь тот энтузиазм, который, подобно орлу, не страшится мрачных облаков спекуляций и разреженного воздуха вершин абстракции, когда дело идет о том, чтобы лететь навстречу солнцу истины. А в этом смысле и современная молодежь прошла школу Гегеля; и не одно зерно освободившейся от сухой шелухи системы пышно взошло затем в юношеской груди. Но это и дает величайшую веру в современность, в то, что судьба ее зависит не от страшящегося борьбы благоразумия, не от вошедшего в привычку филистерства старости, а от благородного, неукротимого огня молодости. Будем же поэтому бороться за свободу, пока мы молоды и полны пламенной силы; кто знает, окажется ли мы еще способными на это, когда к нам подкрадется старость!

Ф. Энгельс. «Воспоминания» Иммермана.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 377—385.

ПЛАТЕН

Из поэтических сынов периода реставрации, сила которых не была парализована электрическими ударами 1830 г. и слава которых упрочилась лишь в современную литературную эпоху, заметным сходством отличаются трое: Иммерман, Шамиссо и Платен. У всех троих необычайная индивидуальность, значительный характер и сила рассудка, по меньшей мере уравновешивающая их поэтический талант. У Шамиссо преобладают фантазия и чувство, то холодный рассудок; в терциях, в особенности, видимость совершенно холодная и рассудочная, но под нею слышится биение благородного сердца; у Иммермана оба эти свойства борются между собою и образуют тот дуализм, который сам он признает и крайности которого сильная его индивидуальность в состоянии сдержать, но не объединить; наконец, у Платена поэтическая сила отказалась от своей самостоятельности и легко мирится с господством могучего разума. Если бы фантазия Платена не могла опереться на этот разум и на его замечательный характер, он не стал бы так знаменит. Поэтому он явился представителем рассудочного в поэзии, формы, и поэтому же не дано было сбыться его желанию закончить свое поприще значительным трудом. Он знал хорошо, что такой большой труд необходим, чтобы упрочить его славу; но он чувствовал также, что для этого ему недостает силы, и надеялся на будущее и на свои предварительные работы; между тем, время уплывало, он из своих предварительных работ так и не мог выбраться и, наконец, умер.

Фантазия Платена робко следовала за отважным ходом его рассудка; и когда потребовался гениальный труд, когда нужно было рискнуть на смелый прыжок, которого разум не в состоянии был сделать, не хватило и фантазии. Отсюда произошло заблуждение Платена, принявшего продукт своего рассудка за поэзию. Его поэтической творческой силы хватило на анакреонтические газели; временами она сверкала, как

метеор, и в его комедиях; но мы должны признать, что большая часть того, что присуще Платену, было продуктом разума и таковым всегда будет признаваться.

Его чересчур искусственные газели, его риторические оды будут утомлять; полемика его комедий будет большей частью считаться необоснованной; но придется отдавать должную дань остроумию его диалогов, возвышенности его парабаз и оправдывать его односторонность величием его характера. Литературная репутация Платена в общественном мнении изменится; он станет дальше от Гёте, но ближе к Бёрне.

Что его влекут больше к Бёрне и взгляды, об этом, кроме массы намеков в комедиях, свидетельствовало и несколько стихотворений в полном собрании сочинений. Пример: я упомяну лишь оду Карлу X *; ряд песен, воспевавших польскую освободительную борьбу *, не вошел в это собрание, хотя они должны были иметь высокий интерес для характеристики Платена. Теперь они вышли в другом издании как приложение к полному собранию. Я нахожу в них подтверждение своего взгляда на Платена. Мысль и характер должны здесь сильнее и в более заметной степени замещать поэзию, чем в других его произведениях. Поэтому Платен редко довольствуется простым складом песни; он предпочитает длинные растянутые стихи, из которых каждый может уместить мысль, или искусственные лады оды, серьезный, размеренный ход которых словно требует почти риторического содержания. С искусством стиха Платену приходят и мысли, и это есть сильнейшее доказательство рассудочного происхождения его стихотворений. Кто предъявляет Платену другие требования, того эти польские песни не удовлетворяют; но кто с этими ожиданиями возьмет книжку в руки, тот будет с избытком вознагражден за недостаток поэтического аромата обилием возвышенных могучих мыслей, выросших на почве благороднейшего характера, и «великолепную страстностью», как прекрасно сказано в предисловии. Жаль, что эти стихотворения не появились на несколько месяцев ранее, чем немецкое национальное сознание поднялось против императорского русско-европейского пятидержавия; они были бы наилучшим ответом на него. Быть может, пентархист нашел бы здесь не один эпитет для своей работы *.

КАРЛ БЕК

Я — дикий, необузданный султан*,
Грозна моих железных песен сила;
Мне вокруг чела страданье положило
С таинственными складками тюрбан.

С такими высокопарными словами г. Бек вступил в разряд немецких поэтов. Во взоре — гордое чувство своего призвания; вокруг уст — современная складка мировой скорби, — так протянул он руку за лавровым венком. С тех пор прошло два года; покрыл ли примиряюще венком «таинственные складки» на его челе?

Первый сборник его стихов был проникнут большою отвагой. «Железные песни», «Новая библия», «Юная Палестина» — двадцатилетний поэт со школьной скамьи устремился прямо в небо. В стихах его был разлит давно невиданный огонь; правда, огонь этот сильно дымил, он шел от совершенно зеленого, свежего дерева.

Молодая литература развилась чрезвычайно быстро и блестяще, и противники ее поняли, что высокомерным испризнанием или осуждением с кондачка можно больше потерять, чем выиграть. Приходилось внимательно присмотреться к ней и указать ее действительно слабые места. Но тем самым признавалось право молодой литературы на существование. Скоро было найдено изрядное число таких слабых сторон, — действительных или кажущихся — это для нас здесь безразлично; но громче всего утверждали, что бывшая «Молодая Германия» хочет уничтожить лирику. Действительно, Гейле сражался с швабами; Винбарг едко критиковал обыденность лирики и ее вечно повторяющиеся перепевы; Мундт отвергал всякую лирику за ее несвоевременность и пророчил пришествие литературного Мессии прозы; это было уже чересчур. Мы, немцы, искони гордились своими песнями; если французы хва-

лились своею самостоятельно завоеванною хартией и осмеивали нашу цензуру, мы гордо указывали на философию от Канта до Гегеля и на ряд певцов, начиная с «Песни о Людвиге» и вплоть до Николая Ленау. Неужели эта сокровищница лирики должна была теперь для нас погибнуть? И вот появляется лирика «молодой литературы» с Францем Дингельштедтом, Эрнстом фон дер Гайде, Теодором Крейценом и Карлом Бекон.

Незадолго до стихотворений Фрейлиграта появились «Ночи» Бека*. Известно, какое внимание обратили на себя оба эти сборника стихов. Появилось два юных лирика, рядом с которыми нельзя было тогда поставить никого из «молодых». В «Элегантной газете» Кюне со свойственной его «Характерам» манерой провел параллель между Бекон и Фрейлигратам. К его критике я хотел бы применить слова Винбарга, сказанные последним по поводу Г. Пфизера.

«Ночи», это — хаос. Все пестро и беспорядочно перепутано. Картины часто смелые, словно редкие формации скал; зародыши грядущей жизни, утопленные в море фраз; там и сям начинает расти цветок, оседает материк, образуется кристаллический слой. Но во всем еще царит сумятица и беспорядок. Слова, которыми Бек хочет охарактеризовать Бёрне, подходят скорее всего к нему самому:

Как образы, блистая, дико мчатся
В разгневанном, горячечном мозгу.

Образ, даваемый нам Бекон в первом его опыте о Бёрне, совершенно искажен и неверен; при этом нельзя упускать из виду влияние Кюне. Независимо от того, что никогда в жизни Бёрне не говорил бы такими фразами, он не знал также всей этой отчаянной мировой скорби, которую ему приписывает Бек. Неужели это светлый Бёрне, сильный несокрушимый характер, любовь которого грела, но не сжигала, и менее всего его самого? Нет, это не Бёрне, это лишь неясный идеал современного поэта, сотканный из гейневского кокетства и мундтовской риторички, идеал, от осуществления которого упаси нас, боже. В мозгу Бёрне никогда «образы, блистая, дико не мчались», он не проклинал небо «с вздыбленными кудрями»; в сердце его никогда не ударяла полночь, но всегда утренний час, небо его не было кроваво-красное, а всегда голубое. К счастью, Бёрне не был так безмерно полон отчаяния, чтобы он мог написать «Осьмнадцатую ночь». Если бы Бек не болтал так

много о крови, которую пишет его Бёрне, я подумал бы, что он не читал «Французоеда». Пусть Бек возьмет самую скорбную страницу из «Французоеда», и она окажется светлым днем по сравнению с его аффектированным «бурноночным» отчаянием. Разве Бёрне недостаточно поэтичен сам по себе и его нужно еще нашпиговать этой новомодной мировой скорбью? Новомодную, говорю я, ибо никогда не поверю, чтобы это было свойственно настоящей *современной* поэзии. Ведь в том-то и заключается величие Бёрне, что он был головою выше жалкой риторики и мелких лозунгов наших дней.

Еще раньше, чем могло сложиться законченное суждение о его «Ночах», Бек уже выступил с новым рядом стихотворений; «Странствующий поэт» показал нам его с другой стороны. Буря развеялась, хаос начал приходить в порядок. Нельзя было ожидать таких превосходных описаний, какие дали первая и вторая песни; нельзя было поверить, чтобы Шиллер и Гёте, попавшие в когти нашей педантической эстетики, могли предоставить материал для столь поэтического сопоставления, какое было дано в третьей песне; чтобы поэтическая рефлексия Бека так спокойно, почти по-филистерски, парила над Вартбургом, как это было в действительности.

С «Странствующим поэтом» Бек подлинным образом вступил в литературу. Бек возвестил «Тихие песни», и журналы сообщали, что он работает над трагедией «Погибшие души».

Прошел год. Кроме отдельных стихотворений, Бек ничем не давал о себе знать. «Тихие песни» не появлялись, и о «Погибших душах» нельзя было узнать ничего определенного. Наконец, «Эlegantная газета» преподнесла *повествовательные эскизы* его пера. Прозаический опыт такого автора мог, во всяком случае, остановить на себе внимание. Сомневаюсь, однако, чтобы этот опыт удовлетворил даже какого-нибудь друга бековской музыки.

По некоторым образом можно было узнать прежнего Бека; стиль мог, при тщательной отделке, недурно выработаться; но этим и исчерпывается все хорошее, что можно сказать об этой повестушке. Ни глубокими мыслями, ни поэтическим взлетом она не подымается выше уровня обычной беллетристики; выдумка довольно повседневно и красотой отнюдь не блещет, выполнение ординарное.

На одном концерте приятель мне сказал, что «Тихие песни» Бека, наконец, появились. В этот момент как раз послышались

звуки адажио бетховенской симфонии. Таковы, подумал я, будут эти песни; но я обманулся: в них было мало Бетховена и много беллиниевских ламентаций. Когда я взял в руки маленькую тетрадь, я испугался. Первая же песнь так бесконечно тривиальна, написана так плоско и манерно, квазиоригинальна лишь своими изысканными оборотами речи.

Эти песни напоминают «Ночи» только своей непомерной мечтательностью. Что по ночам многое могло присниться, было простительно; к «Странствующему поэту» были снисходительны, но и теперь еще г. Бек никак не может выпататься. На третьей странице ему уже грезится, на стр. 5, 8, 9, 15, 16, 23, 31, 33, 34, 35, 40 и т. д. — повсюду грезы. А затем еще целый ряд сновидений, что было бы смешно, когда бы не было так грустно. Надежда на оригинальность должна была исчезнуть, если не считать несколько новых стихотворных размеров; за это нас должны вознаградить гейневские отзвуки и безграничная *детская наивность*, которая тянется очень неприятно почти через все песни. От этого особенно страдает первый отдел: «Песни любви», «Ее дневник». От пылающего пламени, от сильного благородного духа, каким хочет быть Бек, я не ожидал бы такой вялой, противной каши. Только две или три песни сносны. «Его дневник» чуть лучше; в нем там и сям попадаетея настоящая песня, которая нас может вознаградить за великое множество нелепостей и пошлостей. Величайшая из пошлостей в «Его дневнике» — «Слеза». Известно, что раньше уже дал Бек в области «поэзии слез». Тогда у него: «Горе, грубый, кровавый корсар, тихое море слез бороздило», и в нем «плескалась тоска, немая, холодная рыба»; теперь он пускает еще больше слезы:

Слеза моя, недаром *
 Кипишь ты, как волна!
 Моей всей жизни жаром
 Ты до краев полна;
 Любовь и лирный глас мой
 Погружены в твои струи.
 Слеза моя, недаром
 Кипишь ты, как волна!

Как все это вздорно! «Сновидения» содержат еще лучшее из всей тетради, и среди них отдельные песни, по крайней мере, искренни, в особенности «Доброй ночи!», которая, судя по первому появлению в «Элегантной газете», должна принадлежать к более ранним из этих песен. Заключительное стихотво-

рение — одно из лучших, но и оно немного напыщенно и заканчивается опять «слезой, крепким щитом мирового духа».

Книжка заканчивается опытами в области баллады. «Цыганский король», начало которого сильно отдает фрейлигратовской манерой письма, слаб по сравнению с яркими образами цыганской жизни у Ленау, и фразистость, долженствующая убедить нас в силе и свежести стихотворения, усиливает только отталкивающее впечатление. Напротив, «Розочка» — красивая безделка. «Венгерская вахта» принадлежит к одной и той же категории с «Цыганским королем»; последняя баллада этого цикла дает пример того, как стихотворение может отличаться гладкостью и звучностью стиха, иметь красивую внешнюю форму, не оставляя в то же время особенного впечатления. Прежний Бек дал бы тремя удачными мазками более выпуклый образ мрачного разбойника Яносика. И этого он также заставляет, в конце концов, на предпоследней странице *помечтать*, и так заканчивается тетрадь, обрывая стихотворение, конец которого обещан во втором томике. Что это значит? Неужели и в поэтических произведениях, как в журналах, можно обрывать словами «продолжение следует»?

«Погибшие души» автор, как говорят, уничтожил после того, как режиссура нескольких театров признала их невозможными к постановке на сцене; кажется, он работает теперь над другой трагедией — «Саул»; по крайней мере, в «Эlegantной газете» был помещен первый ее акт, а в «Театральной хронике» — большой проспект о ней. Этот акт был уже предметом обсуждения на столбцах настоящего органа. К сожалению, я могу лишь подтвердить сказанное там, Бек, беспорядочная, мечущаяся фантастика которого делает его неспособным к пластическому изображению характеров и всем его действующим лицам подсказывает *одни и те же фразы*; Бек, который в своем понимании Бёрне обнаруживает, как мало он умеет понять характер, не говоря уже о творческом воссоздании, не мог напасть на более несчастную мысль, чем написать трагедию. Бек должен был невольно заимствовать изложение из прежних своих образов, должен был заставить говорить своего Давида и Меровию плаксивым тоном «Ее дневника», он должен был воспроизвести переходы настроения в душе Саула с неуклюжестью ярмарочной комедии. Слыша речи Моава, мы понимаем значение, которое имеет у его образца Авенир; этот Моав, этот грубый, кровавый поклонник Молоха, который скорее похож на зверя, чем на человека, неужели этот Моав мог

быть «злым духом» Саула? Человек природы еще не бестия, и Саул, который борется против жрецов, не находит еще поэтому удовольствия в человеческих жертвоприношениях. К тому же диалог—совершенно деревянный, язык—тусклый, и лишь несколько сносных картин, которые, однако, не могут скрасить целый акт трагедии, напоминают о надеждах, которые г. Бек, по-видимому, не в состоянии оправдать.

Ф. Энгельс. Карл Бек.
Сочинения, т. II, стр. 35—39.

ЛЮДВИГ БЁРНЕ

В это время в северной Германии все было гораздо спокойнее и на вид более бездеятельно. Лишь *один* человек излучал тогда весь жар своей жизненной силы в живом пламени, и он имел больше значения, чем все южногерманцы, взятые вместе, — я имею в виду *Бёрне*. В Бёрне, который со всей энергией своего характера поднялся над их половинчатостью, эта односторонность в результате внутренней борьбы полностью сама себя преодолела. Теория у него пробилась на свет из практики и раскрылась как прекраснейший цветок. Так он решительно стал на точку зрения северогерманского либерализма и явился его предтечей и пророком.

Ф. Э н г е л ь с. Северогерманский и южногерманский либерализм.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 498—499.

АЛЕКСАНДР ЮНГ.
«ЛЕКЦИИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НЕМЦЕВ»

Данциг, 1842. Герхард ¹

Чем отраднее мощное идейное движение, с помощью которого Кенигсберг старается поставить себя в центре германского политического развития, чем свободнее и определеннее проявляется там общественное мнение, тем более странным представляется, что именно там пытаются укрепиться в области философии группа своего рода *juste-milieu* ², которая должна, очевидно, прийти в противоречие с большинством местной публики. И если *Розенкранц* все еще обладает какими-то внушающими уважение чертами, хотя и ему не хватает смелости быть последовательным, то все бессилие и ничтожество философской *juste-milieu* выступает на свет в лице г-на *Александра Юнга*.

Во всяком движении, во всякой идейной борьбе существует известная категория путаных голов, которые чувствуют себя совсем хорошо только в мутной воде. До тех пор пока самые принципы еще не выкристаллизовались, таких субъектов терпят; пока каждый только стремится к ясности, нелегко распознать раз навсегда определившуюся неясность этих субъектов. Но когда элементы обособляются, принцип противопоставляется принципу, тогда настает время распрощаться с этими никчемными людьми и окончательно с ними разделаться, ибо тогда их пустота обнаруживается ужасающим образом.

К такого рода людям принадлежит и г-н Александр Юнг. Его вышеуказанную книгу лучше всего было бы оставить без всякого внимания; но так как он, помимо этого, издает «*Königsberger Literatur-Blatt*» * и здесь тоже еженедельно пре-

¹ Alexander Jung. «Vorlesungen über die moderne Literatur der Deutschen». Danzig, 1842, Gerhard. *Ред.*

² — золотой середины. *Ред.*

подносит публике свой скучный позитивизм, то, да простят мне читатели «Jahrbücher», если я возьмусь за него и охарактеризую его несколько подробнее.

Во времена блаженной памяти «Молодой Германии» он выступил с письмами о новейшей литературе *. Он прикнул к этому новейшему направлению и, помимо собственного желания, попал тогда вместе с ним в оппозицию. Каково положение для нашего примирителя! Г-н Александр Юнг на самой крайней левой! Легко себе представить, как неприятно чувствовал он себя в таком положении, какой поток успокоительных заверений он извергал. А ведь он питал особое пристрастие к Гуцкову, который слыл тогда закоренелым еретиком. Ему хотелось дать волю своему удрученному сердцу, но он боялся, он не хотел никого задевать. Как найти выход? Он прибег к жалкому средству, вполне достойному его. Он написал апофеоз Гуцкову, избегая называть его имя, а затем поставил заголовок: «Отрывки о незазванном». Как хотите, г-н Александр Юнг, но это была трусость!

Позже Юнг выступил опять с примирительной и путаной книгой: «Кенигсберг в Пруссии * и крайности местного пие-тизма». Одно заглавие чего стоит! Самый пие-тизм он допускает, но следует-де бороться против его *крайностей*, точно так же, как ныне в «Königsberger Literatur-Blatt» ведется борьба против крайностей младогегельянского направления. Ведь все крайности вообще от лукавого, и только дорогое сердцу примирение и умеренность чего-нибудь стоят! Как будто крайность не является просто последовательностью! Впрочем, эта книга в свое время подверглась обсуждению в «Hallische Jahrbücher» *.

Теперь он выступает с упомянутой выше книгой и выливает на нас целый ушат неопределенных, некритических утверждений, путаных суждений, пустых фраз и до смешного ограниченных взглядов. Можно подумать, что со времени своих «Писем» он спал. Rien arrgis, rien oublié! ¹ Отошла в прошлое «Молодая Германия», пришла младогегельянская школа, Штраус, Фейербах, Бауэр; к «Jahrbücher» привлечено всеобщее внимание, борьба принципов в полном разгаре, борьба идет не на жизнь, а на смерть, христианство поставлено на карту, политическое движение заполняет собой все, а добрый Юнг все еще пребывает в наивной вере, что у «нации» нет иного дела, кроме напряженного ожидания новой пьесы Гуцкова, обеща-

¹ — Ничему не научился, ничего не позабыл! *Ред.*

ного романа Мундта, очередных причуд Лаубе. В то время как по всей Германии раздается боевой клич, в то время как новые принципы обсуждаются под самым его ухом, г-н Юнг сидит в своей каморке, грызет перо и размышляет о понятии «современного». Он ничего не слышит, ничего не видит, ибо по уши погружен в груды книг, содержанием которых сейчас уже не интересуется больше ни один человек, и силится очень точно и аккуратно подвести отдельные вещи под гегелевские категории.

В преддверии своих лекций он ставит в роли стража жупел «современного». Что есть «современное»? Г-н Юнг говорит, что для определения этого понятия он берет за исходные пункты Байрона и Жорж Санд, что ближайшими принципиальными основами новой мировой эпохи для Германии являются Гегель и писатели так называемой «молодой литературы». — Что только ни подсовывается бедному Гегелю! Атеизм, всемогущество самосознания, революционное учение о государстве и, в довершение всего, еще «Молодая Германия». Но ведь просто смешно связывать Гегеля с этой кликой. Разве г-ну Юнгу неизвестно, что Гуцков издавна полемизировал с гегелевской философией, что Мундт и Кюне в этом деле ровным счетом ничего не понимают, что особенно Мундт в «Мадонне» и в других местах высказывал о Гегеле бессмысленнейшие вещи, величайшие несообразности и в настоящее время является открытым противником его учения? Разве ему неизвестно, что Винбарг точно так же высказывался против Гегеля, а Лаубе в своей истории литературы * все время неправильно применял гегелевские категории?

Затем г-н Юнг переходит к понятию «современного» и мучительно возится с ним на шести страницах, не будучи в силах с этим справиться. Да это и естественно! Как будто «современное» может когда-либо «быть возведено в понятие»! Как будто столь смутное, бессодержательное, неопределенное выражение, повсюду с особой таинственностью выдвигаемое поверхностными умами, может когда-либо стать философской категорией! Какая дистанция между «современным» Генриха Лаубе, которое отдает аристократическими салонами и олицетворяется лишь в образе какого-нибудь дэнди, и «современной наукой» в заголовке «Вероучения» Штрауса! * Вопреки всему этому г-н А. Юнг усматривает в этом заголовке доказательство того, что Штраус признает над собой власть «современного», именно младогерманского «современного», и единым махом ставит его на *одну* доску с «молодой литературой». В конце концов он определяет понятие «современного» как независимость субъекта

от всякого чисто внешнего авторитета. Мы давно уже знаем, что стремление к этому является основным моментом нынешнего движения, и *никто* не отрицает, что сюда примыкают и приверженцы «современного»; но тут прямо-таки блестяще обнаруживается нелепость стараний г-на Юнга непременно возвести часть в целое, пережитую переходную эпоху представить как время расцвета. «Молодую Германию» нужно, видите ли, во что бы то ни стало сделать носительницей всего духа времени, а мимоходом и Гегелю приходится отвести соответствующее местечко. Мы видим, что г-н Юнг до сих пор находился в состоянии раздвоения: в одном уголке сердца он носил Гегеля, в другом — «Молодую Германию». Теперь, составляя эти лекции, он вынужден был поставить то и другое в связь. Нелегкая задача! Левая рука ласкала философию, правая рука — поверхностную, мишурную нефилософию, и воистину, по-христиански, правая рука не ведала, что творила левая. Как выйти из такого положения? Вместо того чтобы честно отказаться от одной из несовместимых склонностей, он смелым поворотом вывел нефилософию из философии.

С этой целью бедному Гегелю отводится тридцать страниц. На могилу великого человека изливается мутным потоком напыщенный, высокопарный апофеоз; затем г-н Юнг силится доказать, что основной чертой гегелевской системы является утверждение свободного субъекта в противовес гетерономии косной объективности. Но вовсе не нужно быть особанным знатоком Гегеля, чтобы знать, что он стоял на гораздо более высокой ступени, придерживаясь точки зрения примирения субъекта с объективными силами, что он относился с огромным почтением к объективности, ставил действительность, существующее гораздо выше субъективного разума отдельной личности и от последней как раз и требовал признания объективной действительности разумной. Гегель не был пророком субъективной автономии, как полагает г-н Юнг и как она проявляется в форме произвола у «Молодой Германии». Принцип Гегеля — тоже гетерономия, подчинение субъекта всеобщему разуму, а иногда даже, как, например, в философии религии, — всеобщему неразумию. Больше всего Гегель презирал рассудок, а что это такое, как не разум, фиксированный в своей субъективности и единичности. На это г-н Юнг мне, пожалуй, возразит, что его не так поняли, что он говорит лишь о *чисто внешнем* авторите, что и он также не хочет видеть у Гегеля ничего другого, как только примирение обеих сторон, и что «современный» индивид стремится, по его мнению, только к тому, чтобы

видеть себя обусловленным лишь «собственным проникновением в разумность объективного»; — но тогда и я попрошу не валить Гегеля в одну кучу с младогерманцами, сущность которых как раз и состоит в субъективном произволе, причуде, странности; тогда «современный индивид» будет лишь другим выражением для определения гегельянца. При такой безграничной путанице г-н Юнг непременно отыщет «современное» и в недрах гегелевской школы, и тогда уж наверняка окажется, что ее левое направление более всего призвано к братанию с младогерманцами.

Наконец, он переходит к «современной» литературе, и тут начинается сплошной панегирик и расшаркивание. Здесь нет *никого*, кто бы не совершил чего-нибудь хорошего, *никого*, кто не был бы представителем чего-нибудь выдающегося, *никого*, кому литература не была бы обязана каким-нибудь достижением. Эти бесконечные комплименты, эти примирительные потуги, страсть разыгрывать литературного сводника и маклера — невыносимы. Какое дело литературе до того, что у того или иного писателя имеется крупица таланта, что он временами создает какой-нибудь пустяк, если он вообще никуда не годится, если все его направление, его литературный облик, все его творчество в целом ничего не стоят? В литературе всякий ценен не сам по себе, а лишь в своем взаимоотношении с целым. Если бы я придерживался такого метода критики, я должен был бы снисходительнее отнестись и к самому г-ну Юнгу, так как возможно, что страниц пять в этой книге недурно написаны и обнаруживают некоторый талант. — Г-н Юнг изрекает с чрезвычайной легкостью и даже с известной важностью массу курьезных суждений. Так, приводя резкие отзывы критики о Пюклере, он радуется тому, что она *«выносит свои приговоры, не считаясь с лицом и званием»*. Это поистине свидетельствует о высоком уровне внутренней независимости немецкой критики». Какого же дурного мнения должен быть г-н Юнг о немецкой нации, чтобы ставить ей это в такую великую заслугу! Как будто нужна невероятная смелость, чтобы раскритиковать сочинения какого-то князя!

Не будем останавливаться на этой болтовне, претендующей на то, чтобы стать историей литературы, и, кроме своей внутренней пустоты и бессвязности, изобилующей также огромными пробелами; так, в ней отсутствуют лирики: Грюн, Ленау, Фрейлиграт, Гервег, драматурги: Мозен и Клейн и т. д. Наконец, автор приходит к той же теме, которая влекла его с самого начала, — к своей обожаемой «Молодой Германии», являющейся

для него совершенным выражением «современного». Он начинает с *Бёрне*. В действительности же влияние Бёрне на «Молодую Германию» не так уж велико, Мундт и Кюне объявили его сумасшедшим, для Лаубе он был слишком демократичен, слишком решителен, и лишь на Гуцкове и Винбарге сказалось его более длительное влияние. Особенно Гуцков очень многим обязан Бёрне. Наибольшее влияние, которое оказал Бёрне, заключалось в его внешне незаметном воздействии на нацию, которая хранила его произведения как святыню и черпала в них силу и поддержку в мрачные времена 1832—1840 гг., пока не народились истинные сыны автора «Парижских писем» в лице новых, философских либералов. Без прямого и косвенного влияния Бёрне свободному направлению, вышедшему из школы Гегеля, было бы гораздо труднее конституироваться. Но теперь все сводилось лишь к тому, чтобы расчистить засыпанные пути мысли между Гегелем и Бёрне, а это было не так уж трудно. Оба эти человека стояли друг к другу ближе, чем это казалось. Непосредственность, здоровые воззрения Бёрне являлись практической стороной того, что Гегель имел в виду, по крайней мере, теоретически. Конечно, г-н Юнг этого также не видит. Правда, Бёрне для него в известной мере почтенная личность, обладавшая даже характером, что при определенных обстоятельствах очень ценно, у него имеются неоспоримые заслуги, примерно такие же, как у Варнхагена и Пюклера, он писал, в особенности, хорошие театральные рецензии, но он был фанатик и террорист, а от этого упаси нас, боже! Позор такому бесцветному, трусливому представлению о человеке, который единственно благодаря своим убеждениям стал выразителем духа своего времени! Этот Юнг, который хочет сконструировать «Молодую Германию» и даже личность Гуцкова из абсолютного понятия, никак не в состоянии понять такой простой характер, как Бёрне; он не видит, что даже самые крайние, самые радикальные суждения с необходимостью, последовательно вытекают из сокровеннейшего существа Бёрне, *что Бёрне по своей натуре был республиканцем* и что для республиканца «Парижские письма» написаны, право, не слишком резко. Или г-н Юнг никогда не слышал, что говорит швейцарец или североамериканец о монархических государствах? И кто поставит Бёрне в укор, что он «рассматривал жизнь только под углом зрения политики»? Разве Гегель делает не то же самое? Разве и для него государство в своем переходе к мировой истории, следовательно в области внутренней и внешней политики, не является конкретной реальностью абсолютного духа? И при

этом непосредственном, наивном воззрении Бёрне, которое находит себе дополнение в более широких воззрениях Гегеля и часто поразительнейшим образом с ними совпадает, г-н Юнг, как это ни смешно, все-таки полагает, что Бёрне якобы «набросал себе систему политики и счастья народов», какую-то абстрактную химеру, которой-де приходится объяснять его односторонности и крайности! Г-н Юнг не имеет никакого понятия о значении Бёрне, о его железном, непреклонном характере, о его импонирующей силе воли; и это потому, что сам он такой маленький, мягкосердечный, несамостоятельный, угодливый человечек. Он не знает, что Бёрне как личность — единственное в своем роде явление в немецкой истории; он не знает, что Бёрне был знаменосцем немецкой свободы, единственным *мужем* в Германии своего времени; он не представляет себе, что значит восстать против сорока миллионов немцев и провозгласить царство *идеи*; он не может понять, что Бёрне является Иоанном Крестителем нового времени, который проповедует самодовольным немцам о покаянии и возмещает им, что топор уже занесен над корнем дерева и что грядет сильнейший, который будет крестить огнем и безжалостно выметет все плевелы. К этим плевелам нужно отнести и г-на Юнга. Наконец, г-н Юнг добирается до своей дорогой «Молодой Германии» и для начала дает спосную, но чересчур уж подробную критику Гейне. Затем следуют по очереди остальные: сначала Лаубе, Мундт, Кюне, затем Винбарг, которому воздается дань по заслугам, и, наконец, *почти пятьдесят страниц* посвящается Гуцкову. На долю первых трех приходится обычная похвала в стиле *juste-milieu*, много одобрения и очень умеренное порицание; Винбаргу отдается решительное предпочтение, но ему уделяется лишь четыре страницы, и, наконец, Гуцков с бесстыдным низкопоклонством возводится в носители «современного», образ его конструируется по гегелевской схеме понятий, и он расценивается как личность первого ранга.

Если бы с подобными суждениями выступил молодой, только что начинающий автор, с этим можно было бы еще примириться. Ведь кое-кто в течение известного времени возлагал надежды на «молодую литературу» и в расчете на будущее оценивал ее произведения более снисходительно, чем сделал бы это при других обстоятельствах, следуя своему внутреннему убеждению. Особенно тот, кто воспроизводил в своем собственном сознании последние ступени развития германского духа, вероятно, когда-нибудь и относился с особой симпатией к про-

изведениям Мундта, Лаубе или Гуцкова. Но с тех пор литературное движение пошло энергично вперед, оставив далеко позади это направление, и пустота большинства младогерманцев обнаружилась с ужасающей очевидностью.

«Молодая Германия» вырвалась из неясности беспокойного времени, но сама еще оставалась в плену этой неясности. Мысли, бродившие тогда в головах в смутной и неразвитой форме и осознанные позже лишь с помощью философии, были использованы «Молодой Германией» для игры фантазии. Этим объясняется неопределенность, путаница понятий, господствовавшие среди самих младогерманцев. Гуцков и Винбург лучше других знали, чего они хотят, Лаубе — меньше всех. Мундт глядел за социальными фантазмагориями; Кюне, в котором проглядывало кое-что от Гегеля, схематизировал и классифицировал. Но при всеобщей неясности мысли не могло получиться ничего путного. Мысль о полноправности чувственного пачала понималась, по примеру Гейне, грубо и плоско; либеральные политические принципы были различны у разных лиц, и положение женщины давало повод к самым бесплодным и путаным дискуссиям. Никто не знал, чего ему ждать от другого. Всеобщей неурядице того времени следует приписать и меры, принятые различными правительствами против этих людей. Фантастическая форма, в которой пропагандировались эти воззрения, могла лишь способствовать усилению путаницы. Младогерманцы, благодаря внешнему блеску их произведений, остроумному, пикантному, живому стилю, таинственной мистике, в которую облекались главные лозунги, а также возрождению критики и оживлению беллетристических журналов под их влиянием, привлекли к себе вскоре массу молодых писателей, и через короткое время у каждого из них, кроме Винбурга, образовалась своя свита. Старая, бесцветная беллетристика должна была отступить под напором юных сил, и «молодая литература» заняла завоеванное поле, поделила его между собой — и во время этого дележа распалась. Так обнаружилась несостоятельность принципа. Оказалось, что все ошибалось друг в друге. Принципы исчезли, все дело свелось лишь к личностям. Гуцков или Мундт — вот как ставился вопрос. Журналы стали наполняться дрызгами различных клик, взаимными счетами, пустыми спорами.

Легкая победа сделала молодых людей заносчивыми и тщеславными. Они считали себя всемирно-историческими характерами. Где бы ни появлялся новый писатель, ему немедленно приставляли к груди пистолет и требовали безусловного под-

чинения. Каждый претендовал на роль единственного литературного бога. Да не будет у тебя других богов, кроме меня! Малейшее неодобрение вызывало смертельную вражду. Таким образом, это направление утратило всякое идейное содержание, какое оно когда-то еще имело, и опустилось до чистейших дрызг, которые достигли наивысшего предела в книге Гейне о Бёрне* и вылились в отвратительную пошлость. Из отдельных личностей наиболее благородной является, несомненно, *Винбарг* — цельный, сильный человек, подобный статуе, отлитой из одного блестящего куска металла, без единого пятнышка ржавчины. *Гуцков* — самый ясный, самый разумный; он написал больше всех и, наряду с Винбаргом, дал самые определенные свидетельства своего образа мыслей. Однако, если он хочет остаться на поприще драматургии, ему следует все-таки позаботиться о выборе лучшего и более богатого идейного материала, чем это было до сих пор, и исходить не из «современного», а из истинного духа нашего времени. Мы требуем большего идейного содержания, чем его можно найти в либеральных фразах Паткуля или в мягкой чувствительности Вернера. К чему у Гуцкова большой талант, это — к публицистике; он прирожденный журналист, но он может удержаться лишь при помощи одного средства: если он усвоит новейшие философские взгляды на религию и государство и всецело посвятит великому движению времени свой «Telegraph», который, как говорят, он собирается снова возродить. Если же он допустит, чтобы в журнале получили преобладание беллетристические упражнения сомнительного свойства, то этому журналу предстоит участь других беллетристических журналов, о которых можно сказать, что они — ни рыба, ни мясо, которые пестрят скучными рассказами, едва перелистываются и вообще по содержанию — а также в глазах публики — упали ниже, чем когда-либо раньше. Их время прошло, они постепенно поглощаются политическими газетами, которые вполне могут справиться с тем немногим, что появляется в области литературы.

Лаубе при всех своих отрицательных качествах, пожалуй, до некоторой степени еще привлекает читателей, но его беспорядочное, беспринципное сочинительство, сегодня — романы, завтра — история литературы, послезавтра — критика, драмы и т. д., его тщеславие и банальность не дают ему выдвинуться. Духа свободы у него так же мало, как и у *Кюне*. «Тенденции» блаженной памяти «молодой литературы» давно забыты, обо-

ими всецело овладели пустые, абстрактные литературные интересы. Напротив, у *Гейне* и *Мундта* индифферентность превратилась в открытое отступничество. Книга *Гейне* о Бёрне — самое недостойное, что когда-либо было написано на немецком языке; новейшие писания *Мундта* в «*Pilot*» окончательно лишают автора «Мадонны» последних остатков уважения в глазах нации. Здесь, в Берлине, знают слишком хорошо, чего хотят достигнуть Мундт ценой такого самоуничтожения: это — профессура; тем отвратительнее это внезапно обывавшее г-на Мундта верноподданничество. Пусть г-н Мундт и его оруженосец Ф. Радевелль продолжают объявлять подозрительной новейшую философию, хвататься за спасительный якорь шеллинговского откровения и выставлять себя на посмешище нации своими нелепыми попытками к самостоятельному философствованию. Свободная философия может спокойно наблюдать появление их ученических работ по философии, не подвергая их критике, — они сами расплзаются по швам. Все, что носит на себе имя г-на Мундта, заклеено, подобно произведениям Лео, печатью отступничества. Может быть, скоро Мундт приобретет в лице г-на Юнга нового вассала; г-н Юнг вполне готов к этому, как мы уже видели и увидим еще в дальнейшем.

Покончив с поставленной в своих лекциях действительной целью, г-н Юнг в заключение проникается неудержимым желанием еще раз стать посмешищем нации. От Гудкова он переходит к Давиду Штраусу и приписывает ему выдающуюся заслугу, которая заключается якобы в том, что он соединил в себе «выводы Гегеля и Шлейермахера и современного стиля» (не есть ли *это* образец современного *стиля?*), но при этом Юнг горько жалуется на ужасное, вечное отрицание. Все отрицание да отрицание! Бедные позитивисты и рыцари *juste-mi-Neu* видят, как волна отрицания вздымается все выше и выше; они крепко цепляются друг за друга и взывают к чему-либо положительному. И вот какой-нибудь Александр Юнг скорбит по поводу вечного движения мировой истории, называет прогресс отрицанием и, превратившись напоследок в лжепророка, возвещает «великое рождение позитивного»; заранее живописуемое в самых выпренных фразах, оно должно мечом господним поразить Штрауса, Фейербаха и их присных. В своем «*Literatur-Blatt*» он также предрекает приход нового «позитивного» мессии. Может ли быть что-либо более нефилософское, чем это неприкрытое недовольство, эта откровенная не-

удовлетворенность настоящим? Можно ли проявлять большую мягкотелость и бессилие, чем это делает г-н Юнг? Можно ли представить себе худшую фантастику, — за исключением нешеллингианской схоластики, — чем эта благочестивая вера в «позитивного мессию»? Существовала ли когда-либо бóльшая и, к сожалению, более распространенная путаница, чем та, которая ныне господствует в отношении понятий «позитивного и негативного»? Стоит лишь дать себе труд ближе присмотреться к столь опороченному отрицанию, чтобы убедиться, что оно по существу своему насквозь положительно. Конечно, для тех, кто объявляет разумное, мысль не положительной, ибо она не стоит на месте, а находится в движении, для тех, чей бессильный дух, подобно плющу на старой руине, нуждается в факте, чтобы за него держаться, — для тех, конечно, всякий прогресс является отрицанием. В действительности же мысль в своем развитии есть единственно вечное и положительное, тогда как фактическая, внешняя сторона происходящего есть именно отрицательное, исчезающее и подлежащее критике.

«Кто же принесет нам в дар это бесконечное, столь близко от нас таящееся сокровище?» — продолжает г-н Юнг со все более возрастающим пафосом. Да, кто будет тем мессией, который выведет слабые, колеблющиеся души из бездны отрицания, из темной ночи отчаяния в страну, изобилующую млеком и медом? «*Не Шеллинг ли?*.. Великие, святые надежды мы возлагаем на *Шеллинга* именно потому, что *Он* так долго оставался в уединении, именно потому, что он открыл тот престол покоя у истоков мышления и творчества, тот трон всемогущества, который заставляет время перестать быть временем» и т. д. И так говорит гегельянец! И далее («*Königsberger Literatur-Blatt*», № 4): «Мы ждем от *Шеллинга* чрезвычайно много. Мы надеемся, что Шеллинг пройдет через *историю* с тем же факелом нового, никогда не виданного света, с каким он в свое время прошел через природу» и т. д. Затем в № 7 — хвала неведомому богу Шеллинга. Философия мифологии и откровения * конструируется как нечто необходимое, и г-н Юнг блажен в сознании, что уже издавлека может восторженным оком проследить пути мыслей Шеллинга, великого Шеллинга. Этот Юнг духовно настолько безличен и всегда одержим тяготением к кому-нибудь, что находит удовлетворение только в слепом преклонении перед кем-либо другим, в подчинении чужому авторитету. В нем нет и тени независимости; стоит только отнять у него опору, за которую он держится, как он падает

духом и проливает крупные слезы печали. Даже перед тем, чего он еще не знает, он падает ниц, и, несмотря на довольно точные сведения, которые имелись о философии Шеллинга и специфическом содержании его лекций еще до его выступления в Берлине, г-н Юнг не знает большего блаженства, чем сидеть в пыли у ног Шеллинга. Он не знает, как Шеллинг отозвался о Гегеле в предисловии к книге Кузена *, или, вернее, он хорошо это знает, и все-таки он, гегельянец, смеет преклоняться перед Шеллингом, смеет после таких поступков упоминать еще имя Гегеля и ссылаться на него, выступая против новейших воззрений! И чтобы увенчать свое самоуничужение, он в № 13 еще раз с благоговением падает ниц перед Шеллингом, воскуря ему фимиам своего безмерного восторга и преклонения по поводу его первой лекции. Да, он находит здесь подтверждение всего того, что он о Шеллинге

«не только предполагал, но и знал, — то изумительно свежее, то и по форме законченное проникновение во все научные, художественные и этические элементы, которое в таком сочетании античного и христианского мира может возвести столь прославленного человека в совсем иной сан жреца всевышнего и его откровения, чем это только могут вообразить жрецы низшего порядка и миряне». Конечно, некоторые будут так испорчены, «что из зависти станут даже отрицать величие, раскрывающееся здесь всякому в чистой и ясной форме, как свет солнца». «Все величие Шеллинга, его превосходство над всем, что было наилучшего у односторонних лишь доктрин, ослепительно сияет перед нами в первой его лекции»... «Кто может так начать, тот должен дать *могучее* продолжение, должен закончить как победитель, и если все они устанут, поникнут, непривычные к таким взлетам, и никто больше не сможет следить за тем и понимать то, что говоришь Ты, изначально вдохновенный, то знай, что Тебе внимают тень Тебе равного, вернейшего, прекраснейшего из Твоих друзей, Тебе внимают тень старого Гегеля!»

Что мог иметь в виду г-н Юнг, когда он переносил на бумагу этот беспредметный энтузиазм, эти романтические бредни! Наш смиренный «жрец» и не подозревает того, о чем, по крайней мере здесь, в Берлине, всякий знал наперед или с уверенностью мог предположить. Какого рода «откровения» нам проповедовал этот самый «жрец всевышнего», в чем заключалось «величие», «призвание открыть человечеству наивысшее», «могучий взлет», как Шеллинг «закончил победителем», — об этом теперь знает весь свет. В брошюре «Шеллинг и откровение» *, в авторстве которой здесь признаюсь, я совершенно объективно изложил содержание нового откровения. Пусть г-н Юнг на материале этой брошюры докажет, что надежды его оправдались, или пусть, по крайней мере, обнаружит искренность и проявит *мужество*, признав свое блестящее заблуждение.

Не останавливаясь на критике Силсфилда, которой г-н Юнг заканчивает свою книгу, так как я и без того уже порядочно удалился от области беллетристики, в заключение хочу коснуться еще некоторых мест «Königsberger Literatur-Blatt», чтобы и здесь отметить вялость и безвкусную напыщенность г-на Юнга. Уже в 1-м номере, правда, очень сдержанно, указывается на «Сущность христианства» Фейербаха, во 2-м номере подвергается нападению, хотя еще в почтительной форме, теория отрицания «Jahrbücher», в 3-м номере воздается хвала Герbartу, как раньше Шеллингу, в номере 4-м — им обоим и, кроме того, выражается протест против радикализма, в номере 8-м начинается пространная критика книги Фейербаха, и половинчатая *juste-milieu* старается доказать свое превосходство над решительным радикализмом. Какие же приводятся здесь убедительные аргументы? Фейербах, говорит г-н Юнг, был бы вполне прав, если бы земля представляла собой всю вселенную; с земной точки зрения все его произведение прекрасно, убедительно, превосходно, неопровержимо; но с универсальной, с мировой точки зрения — оно ничтожно. Вот так теория! Как будто на луне дважды два — пять, будто на Венере камни бегают как живые, а на солнце растения могут говорить! Как будто за пределами земной атмосферы начинается особый, новый разум, и ум измеряется расстоянием от солнца! Как будто самосознание, к которому приходит в лице человечества земля, не становится мировым сознанием в то самое мгновение, когда оно познает свое положение как момент этого мирового сознания! Как будто такое возражение не служит всего лишь предлогом, чтобы неприятный ответ на старый вопрос отодвинуть в дурную бесконечность пространства! Разве не на редкость наивно звучит фраза, которую Юнг протаскивает в число своих основных аргументов: «разум, выходящий за пределы всякой чисто сферической определенности»? Как же в таком случае он может, признавая с земной точки зрения последовательность и разумность оспариваемого положения, отличить эту земную точку зрения от «универсальной»? Однако вполне достойно такого фантаста и мечтателя, каким является г-н Юнг, теряться в дурной бесконечности звездного неба, измышлять всякого рода курьезные гипотезы и удивительные выдумки о мыслящих, любящих, фантазирующих существах на других небесных телах. Смешно также, когда он предостерегает против безоговорочного, легковесного обвинения Фейербаха и Штрауса в атеизме и безусловном отрицании бессмертия.

Г-н Юнг не видит, что эти люди ни на какую иную точку зрения и не претендуют. Далее, в номере 12-м г-н Юнг грозит нам уже своим гневом; в номере 26-м восхваляется Лео, из-за несомненной талантливости которого абсолютно забывается и прикрашивается его образ мыслей; да и о Руге говорится столь же явно неправильно, как и о Лео. Номер 29-й присоединяется к бессодержательной критике, которой Хинрикс подверг «Трубный глас» * в «*Berliner Jahrbücher*», и высказывается еще решительнее против левого направления; номер 35-й дает полностью длинную, ужасающую статью о Ф. Баадере, которому к тому же еще вменяется в заслугу его сомнамбулическая и нефилософская мистика; наконец, номер 36-й жалуется на «злосчастную полемику», иными словами, очевидно, на статью Э. Мейена * в «*Rheinische Zeitung*», где он — как это ни странно — однажды высказал г-ну Юнгу всю правду. Г-н Юнг погружен в такой туман, в такую призрачную жизнь, что вообразил, будто он наш «соратник», «защитник тех же идей»; он думает, что, «несмотря на наличие разногласий» между ним и нами, «тождество принципов и целей все же является незыблемым». Надо надеяться, теперь он уразумел, что брататься с ним мы не хотим и не можем. Такие жалкие амфибии и двоедушные люди непригодны для борьбы, которую начали и могут продолжать только люди с решительным характером. На протяжении той же статьи он порочит себя еще тем, что самым пошлым образом распространяется о литературном деспотизме либералов и защищает свою свободу. Пусть эта свобода за ним и остается — можно спокойно предоставить ему болтать до скончания века. Но пусть он разрешит нам поблагодарить его за поддержку и сказать ему честно и открыто, за кого мы его принимаем. В противном случае он был бы литературным деспотом, а для этого он, пожалуй, слишком мягкосердечен. Тот же номер *достойно* заканчивается воплем о помощи против «себялюбивого, суетного крика, в своем *неистовстве* возводящего самосознание в ранг божества», — и «*Königsberger Literatur-Blatt*» даже осмеливается воспроизводить эти наводящие ужас возгласы: «Долой христианство, долой бессмертие, долой бога!!» Однако газета утешается тем, что «могильщики уже стоят у дверей дома, чтобы вынести безгласными трупами тех, кто пока еще так беспечно весел». Опять, стало быть, бессильная апелляция к будущему!

Дальнейших номеров газеты Юнга я еще не видел. Приведенных доводов, полагаю, достаточно, чтобы мотивировать исключение г-на Юнга из стана решительных и «свободных»;

ему самому теперь дана возможность видеть, что ему ставится в вину. Позволю себе еще одно замечание. Г-н Юнг, несомненно, самый бесхарактерный, самый бессильный, самый путаный писатель Германии. Откуда же все это, откуда та назидательная форма, которой он повсюду щеголяет? Быть может, это связано с тем, что, как говорят, г-н Юнг раньше должен был быть назидательным *ex officio*? *

Ф. Энгельс. Александр Юнг.
Лекции о современной литературе
немцев.
Сочинения, т. 1, стр. 473—486.

РЕТРОГРАДНЫЕ ЗНАМЕНА ВРЕМЕНИ

Ничто не ново под луной! Это одна из тех счастливых псевдоистин, которым была уготована самая блестящая карьера, которые, передаваясь из уст в уста, совершили свое победное шествие по всему земному шару и спустя столетия все еще повторяются так часто, словно только что явились на свет. Настоящим истинам редко выпадала такая удача; им приходилось бороться и терпеть, их истязали и заживо хоронили, каждый лепил их по своему вкусу. Ничто не ново под луной! Нет, нового достаточно, но его подавляют, когда оно не принадлежит к тем эластичным псевдоистинам, которые имеют всегда в запасе лояльную оговорку вроде «собственно говоря и т. д.» и, подобно вспыхивающему северному сиянию, вскоре опять уступают место ночи. Но если на горизонте восходит, как утренняя заря, новая, настоящая истина, тогда дети ночи хорошо знают, что их царству грозит гибель, и хватаются за оружие. Ведь северное сияние загорается всегда в ясном, а утренняя заря — в облачном небе, чью мглу она должна разогнать или озарить ее своим пламенем. Рассмотрим несколько таких *туч*, омрачивших утреннюю зарю нашего времени.

Или подойдем к нашей теме с другой стороны! Попытки сравнить ход истории с линией общеизвестны. В одном остром сочинении, направленном против гегелевской философии истории, мы читаем *: «Формой истории является не восхождение и нисхождение, не концентрический круг или спираль, а эпический параллелизм с линиями то сходящимися (это слово здесь, пожалуй, больше подходит, чем «совпадающими»), то расходящимися». Но я предпочитаю скорее сравнение со свободно, от руки начерченной спиралью, изгибы которой отнюдь не отличаются слишком большой точностью. Медленно начинает история свой бег от невидимой точки, вяло совершая вокруг нее свои обороты; но круги ее все растут, все быстрее и живее становится полет, наконец, она мчится, подобно пылающей

комете, от звезды к звезде, часто касаясь старых своих путей, часто пересекая их, и с каждым оборотом все больше приближается к бесконечности. Кто может предвидеть конец? И в тех местах, где она как будто возвращается на свой старый путь, поднимается самоуверенная ограниченность и кричит торжествуя, что у нее, видите ли, когда-то была подобная мысль! Тогда-то мы и слышим — ничто не ново под луной! Наши герои китайского застоя, наши мандарины регресса ликуют и пытаются вычеркнуть из анналов мировой истории целых три столетия, как дерзкий экскурс в запретные области, как горячечный бред, — и они не видят, что история устремляется лишь по кратчайшему пути к новому сияющему созвездию идей, которое скоро ослепит в своем солнечном величии их тупые взоры.

На таком повороте истории мы сейчас и стоим. Все идеи, которые выступали на арену со времен Карла Великого, все вкусы, которые вытесняли друг друга в течение пяти столетий, пытаются еще раз навязать современности свое отмершее право. Феодализм средневековья и абсолютизм Людовика XIV, иерархия Рима и пиетизм прошлого столетия оспаривают друг у друга честь искоренения свободной мысли! Да будет мне позволено не распространяться о них; ведь против каждого, кто вздумает провозгласить один из этих девизов, тотчас засверкают тысячи мечей, все — острее моего, и мы знаем, что все эти старые идеи рассыпятся в прах от взаимного столкновения и будут стерты твердой, как алмаз, стопой идущего вперед времени. Но этим мощным реакционным явлениям в жизни церкви и государства соответствуют *менее заметные* тенденции в искусстве и литературе, *бессознательные* попятные шаги к прошлым векам, представляющие угрозу если не для самой эпохи, то все же для ее вкусов, и странно, что сопоставление этих тенденций нигде еще не было сделано.

И совсем не нужно далеко ходить, чтобы натолкнуться на подобные явления. Стоит вам только посетить салон, меблированный в современном стиле, как вы увидите, чьими духовными чадами являются формы, которые вас окружают. Все уродливости стиля рококо из эпохи самого крайнего абсолютизма были вновь вызваны к жизни, чтобы навязать духу нашего времени те формы, в которых уютно себя чувствовал режим «l'état c'est moi»¹. Наши салоны украшены стульями, столами,

¹ — «государство — это я» (слова, приписываемые французскому королю Людовику XIV). *Ред.*

шкафами и диванами в стиле Ренессанс, и недоставало только натянуть парик на Гейне и нарядить в фижмы Беттину, чтобы вполне восстановить этот век.

Такая комната как раз для того и создана, чтобы в ней читать роман г-на фон Штернберга с его удивительным пристрастием к веку г-жи Ментенон. Это пристрастие прощали тонкому уму Штернберга, пытаясь, и, конечно, безуспешно, найти для подобного каприза какие-то более глубокие основания; я позволю себе, однако, утверждать, что именно эта черта штернберговских романов, способствующая, может быть, в настоящий момент их распространению, немало повредит их долговечности. Я уже не говорю о том, что красота поэтического произведения отнюдь не выигрывает от постоянного обращения к самому бесплодному прозаическому времени, с его взбалмошностью, метанием между небом и землей, с его марионетками, движущимися по правилам этикета; по сравнению с ним наше время и его дети кажутся еще естественными. Ведь мы слишком уж привыкли рассматривать это время в ироническом свете, чтобы оно нам долго могло импонировать в другом освещении, и в самом деле до крайности наскучит постоянно встречаться в каждом штернберговском романе все с тем же капризом. А тенденция эта, по крайней мере на мой взгляд, не больше, как простой каприз, и уже по одному этому она лишена всяких более глубоких оснований. Однако я думаю, что исходную точку ее надо искать в жизни «избранного общества». Г-н фон Штернберг был, без сомнения, воспитан для такого общества и вращался в нем с большим удовольствием; в его кругах он нашел, быть может, свою настоящую родину. Что же удивительного, если он питает нежные чувства ко времени, в котором общественные формы были гораздо более определенными и законченными, хотя и более неподвижными и безвкусными, чем нынешние. Гораздо смелее, чем у г-на фон Штернберга, дух века выступил у себя на родине, в Париже, где он пытается всерьез вновь вырвать у романтиков только что одержанную ими победу. Пришел Виктор Гюго, пришел Александр Дюма и с ними стадо подражателей; неестественность Ифигений и Аталий уступила место неестественности Лукреции Борджа, на смену оцепенению пришла горячка; французских классиков уличали в плагиате у древних авторов, — но вот выступает мадемуазель Рашель, и все забыто: Гюго и Дюма, Лукреция Борджа и плагиаты; Федра и Сид прогуливаются на подмостках размеренным шагом и говорят вылощенными александрийскими стихами,

Ахилл шествует по сцене, подделяваясь под великого Людовика, а Рюи Блаз и мадемуазель де Бель-Иль едва успевают показаться из-за кулис, как сейчас же ищут спасения на немецких фабриках литературных переводов и на немецкой национальной сцене. Какое блаженное чувство должен испытывать легитимист, имея возможность при лицезрении пьес Расина забыть о революции, Наполеоне и великой неделе*; *ancien régime*¹ воскресает во всем своем блеске, светские салоны увешиваются гобеленами, самодержавный Людовик в парчовом камзоле и пышном парике прогуливается по подстриженным аллеям Версаля, и всемогущий веер фаворитки правит счастливым двором и несчастной Францией.

Но в то время, как в данном случае воспроизведение прошлого не выходит за пределы самой Франции, одна особенность французской литературы прошлого века начинает как будто повторяться в современной немецкой литературе. Я имею в виду философский дилетантизм, который проявляется у некоторых новейших писателей в той же мере, как и у энциклопедистов. Чем там был материализм, тем здесь начинает становиться Гегель. *Мундт* был первым, кто, выражаясь его собственным языком, ввел в литературу гегелевские категории; *Кюне*, как всегда, не преминул последовать за ним и написал «Карантин в сумасшедшем доме», и хотя второй том «Характеров» свидетельствует о его частичном отречении от Гегеля, тем не менее первый том содержит достаточно мест, в которых он пытается перевести Гегеля на современный язык. К сожалению, эти переводы относятся к разряду тех, которые нельзя постигнуть без оригинала.

Этой аналогии отрицать нельзя; останется ли верным и по отношению к литературе нынешнего века тот вывод, который упомянутый выше автор сделал из судьбы философского дилетантизма в прошлом веке, а именно, что система приносит с собой в литературу зародыш смерти? Будет ли поле, обрабатываемое поэтическим гением, перерезано неподатливыми корнями системы, превосходящей своей последовательностью все прежние системы? Или эти явления свидетельствуют лишь о той любви, с которой философия идет навстречу литературе и плоды которой с таким блеском проявляются у Хото, Рётшера, Штрауса, Розенкранца и в «*Hallische Jahrbücher*»? Тогда, конечно, пришлось бы изменить точку зрения, и мы имели бы право надеяться на взаимодействие науки и жизни,

¹ — старый порядок. *Ред.*

философии и современных тенденций, Бёрне и Гегеля, — на то взаимодействие, подготовка которого уже раньше имелась в виду одной частью так называемой «Молодой Германии». Помимо этих путей остается еще только один, правда, по сравнению с этими двумя несколько комического характера, а именно тот, который исходит из предположения, что влияние Гегеля на художественную литературу лишено будет всякого значения. Я думаю, однако, что лишь немногие решатся сделать такой вывод.

Но мы должны вернуться назад еще дальше, ко времени, предшествовавшему энциклопедистам и г-же де Ментенон. Дуллер, Фрейлиграт и Бек берут на себя роль представителей второй силезской школы XVII в. в нашей литературе *. «Цепи и короны», «Антихрист», «Лойола», «Император и пана» — кому все эти произведения Дуллера по манере изображения не напоминают громоподобный пафос «Азиатской Банизы» блаженной памяти Циглера фон Клипхаузена или «Великого герцога Арминия с его светлейшей Туснельдой» Лознштейна? А Бек даже превзошел этих добрых мужей своей высокопарностью; отдельные места его стихотворений воспринимаются как продукты XVII в., погруженные в современную настойку из мировой скорби; и Фрейлиграт, тоже не умеющий порою отличать высокопарный язык от поэтического, возвращается целиком к Гофмансвальдау, возрождая александрийский стих * и кокетничая иностранными словами. Нужно, однако, надеяться, что он выбросит вместе с ними свои чужеземные сюжеты:

Пески уносит ветер *, и вянет пальмы цвет, —
В объятья родины бросается поэт
С душой, хоть изменившейся, но той же!

И если Фрейлиграт этого не сделает, то, право же, стихи его через сотню лет будут считаться чем-то вроде гербария или песочницы и, по аналогии с правилами латинского стихосложения, будут использоваться для преподавания естественной истории в школе. Пусть какой-нибудь Раупах рассчитывает лишь на подобного рода практическое бессмертие своих ямбических хроник, но Фрейлиграт, нужно надеяться, еще подарит нас поэтическими произведениями, вполне достойными XIX века. Однако не трогательно ли, что мы в нашей литературе, занимающейся воспроизведением старых сюжетов со времен романтической школы, поднялись уже из XII в. в XVII? Тогда, пожалуй, и Готшед не заставит себя долго ждать.

Я, признаюсь, испытываю большое затруднение, когда пытаюсь свести воедино все эти отдельные явления; я, сознаюсь, потерял нити, которые связывают их с катящимся вперед потоком времени. Быть может, они еще не созрели для верной оценки и будут еще расти в объеме и числе. Во всяком случае, достойно внимания, что эта *реакция* проявляется как в жизни, так и в искусстве и литературе, что жалобы министерских газет находят отклик в тех самых стенах, которые, по-видимому, слышали еще формулу «l'état c'est moi», и что воплю современных мракобесов в одной области соответствуют в другой области мрак и темнота, царящие в части новейшей немецкой поэзии.

Ф. Энгельс. Ретроградные зна-
мения времени.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних
произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 353—357.

РЕКВИЕМ ДЛЯ НЕМЕЦКОЙ «ADELSZEITUNG» *

Dies irae, dies illa
Saecla solvet in favilla ¹.

Тот день, когда Лютер извлек первоначальный текст Нового завета и с помощью этого греческого огня превратил в прах и пепел столетия средневековья, с их всесилием сеньориальной власти и бесправием крепостных, с их поэзией и скудомыслием, — тот день и последовавшие за ним три столетия породили, наконец, время, «при котором ведущее место целиком принадлежит общественному мнению, время, о котором Наполеон, — а ему, несмотря на его очень многие предосудительные, особенно в глазах немцев, качества, нельзя отказать в редкой пронизательности, — сказал: «Le journalisme est une puissance»» ². Я привожу здесь эти слова лишь для того, чтобы показать, как мало средневекового духа, т. е. скудомыслия, в проспекте «Adelszeitung», откуда они заимствованы. Немецкая «Adelszeitung» призвана была увенчать собой это общественное мнение и пробудить его сознание. Ибо ясно: Гутенберг изобрел книгопечатание не для того, чтобы помочь распространять по свету путанные мысли какому-нибудь Бёрне — этому демагогу, или Гегелю, который спереди раболепен, как доказал Гейне, а сзади революционер, как доказал Шубарт, или какому-нибудь другому бюргеру; — нет, он изобрел его единственно для того, чтобы дать возможность основать «Adelszeitung». — *Мир ей, она отошла в вечность!* Она взглянула только украдкой, робко на этот гадкий, несредневековый мир, и ее чистая девичья душа, или, вернее, душа благородной девицы, отпрянула в трепете перед мерзостью запустения, перед грязью демократической *canaille* ³, перед ужасающим высокомерием тех, кто не имеет доступа ко двору, перед всеми теми при-

¹ — День гнева, этот день разрушит мир, превратив его в пепел. *Ред.*

² — «Печать — это сила». *Ред.*

³ — черни. *Ред.*

скорбными обстоятельствами, взаимоотношениями и неурядицами нашего времени, которые, появляясь у ворот баронских замков, удостаиваются приветствия хлыстом. Мир ей, она отошла в вечность, она не видит больше ничтожества демократии, потрясения основ существующего, слез высокородных и высокоблагородных, она опочила вечным сном.

Requiem aeternam dona ei, Domine!¹

И все-таки мы многое потеряли с ее кончиной! Как радовались во всех салонах, куда допускаются лишь господа, насчитывающие не менее чем шестнадцать поколений предков, как ликовали на всех, наполовину потерянных, аванпостах правоверной аристократии! Вот сидит в наследственном кресле старый сиятельный папаша, окруженный любимыми собаками, держа в правой руке наследственную трубку, а в левой наследственный арапник, и благоговейно изучает допотопное генеалогическое древо в первой книге Моисея, как вдруг раскрывается дверь и ему приносят проспект «Adelszeitung». Высокоблагородный, заметив напечатанное большими буквами слово *дворянская*, поспешно поправляет очки и с чувством блаженства читает листок; он видит, что в новой газете уделено место также и семейным новостям, и радуется при мысли о своем будущем некрологе — с каким интересом он прочел бы его сам! — когда в один прекрасный день он присоединится к сонму своих предков. — Но вот во двор замка въезжают галопом молодые господа; старик поспешно посылает за ними. Г-н Теодерих «фон дер Нейге»² загоняет ударом хлыста лошадей в конюшню; г-н Зигварт сшибает с ног нескольких лакеев, наступает на хвост кошке и рыцарски отталкивает в сторону старого крестьянина, который пришел с просьбой и получил отказ; г-н Гизелер приказывает слугам под страхом телесного наказания тщательнейшим образом приготовить все для охоты; наконец, юные бароны с шумом входят в зал. Собаки с лаем бросаются им навстречу, но ударами арапников их загоняют под стол, и г-н Зигварт фон дер Нейге, успокоивший любимую собаку ударом сиятельной ноги, на этот раз не встречает со стороны восхищенного отца даже обычного в таких случаях сердитого взора. Г-н Теодерих, который кроме библии и родословной читал еще кое-что в энциклопедическом словаре и потому правильное других произносит иностранное слово, должен прочесть вслух проспект,

¹ — Вечный покой даруй ей, господи! *Ред.*

² «Neige» означает «остаток», «последыш». *Ред.*

а старик, проливая слезы радости, забывает про указ о выкупе и про обложение дворян налогами.

Как нравственно-скромно-снисходительно прискакала милостивая госпожа в современный мир на своем белом бумажном иноходце, как смело глядели вперед оба ее рыцаря — бароны с головы до ног, в каждой капле крови — плод шестидесяти четырех равных бракосочетаний, в каждом взгляде — вызов! Первый — г-н фон *Альвенслебен*, который гарцевал раньше на своем рыцарском боевом коне по тощим степям французских романов и мемуаров, а теперь решился напасть на дикарей-бюргеров. На его щите начертан девиз: «Благоприобретенное право никогда не может стать несправедливостью», и он громким голосом кричит на весь мир: «Дворянство в прошлом имело счастье отличиться, теперь оно поживает на лаврах, или, говоря проще, разленилось; дворянство мощной рукой защищало князей, а тем самым и народы, и я позабочусь о том, чтобы эти великие деяния не были забыты, а моя возлюбленная «Adelszeitung» — requiescat in pace¹ — прекраснейшая в мире дама, и кто это отрицает, тот...».

Но тут благородный рыцарь летит с лошади, и на смену ему плетется рысцей на ристалище г-н Фридрих, барон де ля *Мот Фуке*. Старый «светло-гнедой» Росинант, у которого от продолжительного пребывания в конюшне отвалились подковы, — этот гиппогриф, который не был упитанным даже в лучшие свои времена и давно уже прекратил романтические прыжки под седлом северных богатырей, начал вдруг бить копытом землю. Г-н фон Фуке позабыл ежегодный поэтический комментарий к «Berliner politisches Wochenblatt»*, приказал почистить панцирь, вывести старого слепого коня и с величием одинокого героя двинулся в путь, чтобы принять участие в крестовом походе идей времени. Но, чтобы честолюбивое бюргерское сословие не подумало, что надломленное копье старого богатыря направлено против него, Фуке кидает ему вступительное слово*. Столь снисходительная милость заслуживает рассмотрения.

Вступительное слово поучает нас, что всемирная история существует не для того, чтобы осуществить понятие свободы, как весьма ошибочно полагает Гегель, а лишь для того, чтобы доказать необходимость существования трех сословий, причем дворяне обязаны воевать, бюргеры — мыслить, крестьяне — пахать. Однако это не должны быть кастовые различия; сосло-

¹ — да почиет с миром. *Ред.*

вия должны взаимно поддерживать и обновлять друг друга, но не путем неравных браков, а путем возведения в высшее сословие. Конечно, трудно понять, каким образом это «прозрачное, как родниковая вода, озеро» дворянства, которое образовалось из чистых источников, бивших с высот разбойничьих замков, может нуждаться еще в каком-то освежающем пополнении. Но благородный барон разрешает людям, которые были не только бюргерами, но и «конюхами рыцарей», а *может быть, даже портняжными подмастерьями*, обновлять дворянство. Однако г-н Фуке не говорит, каким образом дворянство должно обновлять другие сословия, — вероятно, с помощью опустившихся из рядов дворянства субъектов. Или же — поскольку г-н Фуке в своей доброте готов согласиться, что дворянство внутренне, собственно говоря, нисколько не лучше черни, — может быть, для дворянина возвышение в бюргерское сословие или даже в крестьянское сословие будет столь же почетно, как дворянский диплом для бюргера? В государстве г-на Фуке уж позаботятся о том, чтобы философия не очень-то поднимала голову. Кант со своими идеями вечного мира попал бы там на костер, ибо при вечном мире дворяне не могли бы драться, в лучшем случае этим занимались бы разве лишь подмастерья.

Несомненно, что за свое основательное изучение истории и государствоведения г-н Фуке заслуживает возведения в мыслящее, т. е. бюргерское, сословие; он превосходно наловчился отыскивать среди гуннов и аваров, среди башкир и могикиан и даже среди допотопных людей не только почтенную публику, но даже и знатное дворянство. К тому же он сделал совершенно новое открытие, — что в средние века, когда крестьяне были крепостными, они встречали любовь и ласку со стороны двух других сословий и платили им тем же. Его язык несравненен, он мечет в читателя «проникающие до самых корней размеры» и «умеет извлекать золото из явлений *в себе* (Гегель — Саул среди пророков) самых темных».

Et lux perpetua luceat eis¹ —

они поистине нуждаются в этом.

У покойной «Adelszeitung» было еще так много прекрасных мыслей, например мысль о дворянском землевладении и еще сотни других, что восхвалять все эти мысли было бы невозможным делом. Но счастливейшая ее мысль состояла, однако, в том, чтобы уже в самом первом своем номере поме-

¹ — И пусть вечный свет просияет им. *Ред.*

стить среди объявлений извещение об одном *неравном браке*. Готова ли она с такой же гуманностью причислить г-на фон Ротшильда к немецкому дворянству, — об этом она не сообщила. Да утешит господь бог горестных родителей, да возведет усопшую в небесное графское достоинство.

Пусть спит она спокойно
До страшного суда! —

Мы же споем ей реквием и произнесем надгробную речь, как это подобает честному бюргеру.

Tuba mirum spargens sonum
Per sepulcra regionum
Coget omnes ante thronum¹.

Разве вы не слышите трубного гласа, опрокидывающего могильные плиты и заставляющего радостно колебаться землю, так что разверзаются гробницы? Настал судный день, день, который никогда больше не сменится ночью; дух, вечный царь, воссел на своем троне, и у ног его собираются народы земли, чтобы дать отчет о своих помыслах и деяниях; новая жизнь пронизывает весь мир, и старое древо народов радостно колышет свои покрытые листвою ветви в дыхании утра, сбрасывая увядшие листья; ветер уносит их и собирает в один большой костер, который сам бог зажигает своими молниями. Свершился суд над земными поколениями, суд, который дети прошлого прекратили бы столь же охотно, как процесс о наследстве; но вечный судья неумолим, и грозен его пронизывающий взор; талант, которого они не использовали, отнимается у них, и они низвергаются во тьму кромешную, где их не усладит ни единый луч духа.

Ф. Энгельс. Реквием для немецкой «Adelszeitung».
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 358—362.

¹ — Труба, доносящая дивный глас до гробниц всех стран света, кличет всех предстать перед господним престолом. *Ред.*

ЛАНДШАФТЫ

1

Эллада имела счастье видеть, как характер ее ландшафта был осознан в религии ее жителей. Эллада — страна пантеизма. Все ее ландшафты оправлены — или, по меньшей мере, были оправлены — в рамки гармонии. А между тем каждое дерево в ней, каждый источник, каждая гора слишком выпирает на первый план, а между тем ее небо чересчур синее, ее солнце чересчур ослепительно, ее море чересчур грандиозно, чтобы они могли довольствоваться лаконическим одухотворением какого-то шеллиевского Spirit of nature, какого-то всеобъемлющего Пана; всякая особенность притягивает в своей прекрасной округлости на отдельного бога, всякая река требует своих нимф, всякая роща — своих дриад, и так вот образовалась религия эллинов. Другие местности не были так счастливы; они ни у одного народа не стали основой его веры и должны ждать поэта, который бы пробудил к жизни дремлющего в них религиозного гения. Если вы находитесь на вершине Драхенфельза или Рохусберга у Бингена и, глядя вдаль поверх благоухающей от виноградных лоз Рейнской долины, видите, как далекие голубые горы сливаются с горизонтом, как зелень полей и виноградников, облитая золотом солнца, и синева неба отражены в реке, — то небо, кажется, пригибается со всей своей лучезарностью к земле и глядится в нее, дух погружается в материю, слово становится плотью и живет среди нас: перед вами воплощенное христианство. Диаметрально противоположна этому северно-германская степь; здесь видишь только высохшие стебли и жалкий вереск, который в сознании своей слабости не решается подняться от земли; там и сям торчит некогда смелое, а теперь разбитое молнией дерево; и чем безоблачнее небо, тем резче обособляется оно в своем самодовлеющем великолепии от бедной, проклятой земли, лежащей перед ним во

вретище и в пепле, тем более гневно глядит его солнечное око на голый, бесплодный песок: здесь представлено иудейское мировоззрение.

Степь бранили немало, вся литература¹ полна проклятиями ей, сделав ее, как в «Эдипе» Платена, предметом сатиры, но почему-то забыли вскрыть ее редкую прелесть, ее затаенное поэтическое очарование. Нужно вырасти в прекрасной местности, на высоте гор, увенчанных лесистыми скалами, чтобы как следует почувствовать весь ужас, всю безнадежность северно-немецкой Сахары, но чтобы в то же время любовно искать скрытые, подобно ливийскому миражу, не всегда видимые красоты этой страны. Подлинная проза Германии представлена только картофельными степями левого берега Эльбы. Но родина саксов, этого энергичнейшего германского племени, поэтична и в своей пустынности. В бурную ночь, когда облака, точно привидения, носятся вокруг луны, когда собаки издали заливаются лаем, помчитесь на бешеном коне в безграничную степь, скачите во весь опор по выветрившимся гранитным глыбам и по могильным курганам; вдали, отражая лунный свет, сверкает вода болот, над которыми порхают блуждающие огоньки, жутко раздается рев бури над далекой, плоской степью; почва становится под вами неверной, и вы чувствуете, что попали в царство немецких сказаний. Только с тех пор, как я познакомился с северно-немецкой степью, я по-настоящему понял «Детские сказки» Гриммов. Почти на всех этих сказках заметен отпечаток того, что они зародились здесь, где с наступлением ночи исчезает человеческая жизнь, и жуткие бесформенные творения народной фантазии проносятся над местностью, пустыньность которой пугает даже в яркий полдень. Они — воплощение чувств, которые охватывают одинокого жителя степи, когда он в подобную бурную ночь шагает по земле своей родины или же с высокой башни созерцает пустынную гладь ее. Тогда перед ним снова встают впечатления, сохранившиеся с детства от бурных ночей степи, и принимают форму этих сказок. На Рейне или в Швабии вы не подслушаете тайны возникновения народных сказок, между тем как здесь каждая молнийная ночь, — лучезарная молнийная ночь, говорит Лаубе, твердит об этом языками громов.

Паутинка моей апологии степи, уносимая ветром, могла бы вытягиваться дальше, если бы вдруг она не обвилась вокруг несчастного, выкрашенного в ганноверские государственные

¹ В третьем томе Блазедова старик вступает за степь,

цвета, дорожного столба. Я долго размышлял о значении этих цветов. Королевско-прусские цвета совсем не показывают того, что находит в них Тирш в своей скверной прусской песне*; но все же в своей прозе они напоминают о холодной, бессердечной бюрократии и обо всем том, что далеко не представляется привлекательным в пруссачестве жителю Рейнской области; резкая противоположность между черным и белым может выражать аналогию между королем и подданным в абсолютной монархии; и так как, согласно Ньютону, белое и черное вовсе не цвета, то они могут иметь тот смысл, что лояльный образ мыслей в абсолютной монархии это тот, который не придерживается никакого цвета. Веселый красный и белый флаг ганзейцев имел еще смысл, по крайней мере, в прошлом; французский *esprit* сверкает в трехцветном знамени, цвета которого усвоила себе и флегматическая Голландия, вероятно, для того, чтобы посмеяться над самой собой; но красивее и многозначительнее всего, несомненно, все-таки злополучная немецкая трехцветка. Но ганноверские цвета! Вообразите себе щеголя, шагающего целый час в своих белых невыразимых через пни и кочки, через канавы и недавно вспаханные поля, вообразите себе соляной столп Лота — пример былого ганноверского *pinquam retrorsum*, в назидание для многих, — вообразите себе, как невоспитанная бедунская молодежь обмазывает глиной этот достопочтенный памятник, и вы получите ганноверский дорожный столб с государственными цветами. Или, может быть, белое означает невинный основной государственный закон, а желтое — грязь, которой его забрызгали некоторые продажные перья?

Если иметь в виду религиозный характер местностей, то голландские ландшафты по существу кальвинистические. Всепоглощающая проза, отсутствие одухотворения, как бы висящие над голландскими видами, серое небо, так подходящее к ним, — все это вызывает те же впечатления, какие оставляют в нас непогрешимые решения Дордрехтского синода. Ветряные мельницы, единственная одаренная движением вещь ландшафта, напоминают об избранниках предопределения, которых приводит в действие лишь дыхание божественной благодати; все остальное пребывает в «духовной смерти». И Рейн, подобно стремительному, живому духу христианства, теряет в этой засохшей ортодоксии свою оплодотворяющую силу и вынужден здесь обмелеть. Такими представляются голландские берега Рейна, рассматриваемые с реки. — Роттердам, со своими тенистыми набережными, со своими каналами и су-

дами, представляет для провинциалов из внутренней Германии оазис; здесь понимаешь, как фантазия Фрейлиграта могла рваться вместе с уходящими фрегатами вдаль к более прекрасным берегам. А затем следуют опять проклятые Зеландские острова, суда и плотины, ветряные мельницы и церковные башни со своими колоколами, между которыми пароход продельвает часами свои зигзаги!

Но какое блаженное чувство охватывает нас, когда мы, наконец, выбираемся из филистерских плотин, из туго затянутой кальвинистской ортодоксии на простор свободного духа! Исчезает Гельветслуис, направо и налево берега Ваалы опускаются вниз перед вздымающимися с ликованием все выше волнами, песочная желтизна воды превращается в зеленый цвет, — забудем теперь то, что осталось позади, и устремимся радостно в темно-зеленые, прозрачные воды!

Обиды злого рока *
 Ты, наконец, забудь!
 Перед тобой широко
 Открыт свободный путь.
 Гляди! Склонен бездонный
 Над морем небосвод;
 Меж них ты — раздвоенный —
 Как мнишь найти проход?
 К вселенной с лаской страстной
 Прижался небосклон;
 Он плотию прекрасной
 Блаженно опьянен.
 Волны порыв влюбленный
 Вздымает бурно грудь; —
 А ты — ты — раздвоенный —
 Как завершишь свой путь?
 С благим, бессмертным богом
 Мир сочтан навек,
 И их любви залогом
 Явился человек.
 Бог несказанным чудом
 Живет в груди твоей:
 Достойным будь сосудом
 И божий дух лелей!

Уцепись за канаты бугшприта и гляди на волны, как, рассекаемые килем, они перекатываются белой пеной брызг далеко через твою голову, смотри поверх далекой, зеленой глади, где, вечно неугомонные, подымаются из вод пенящиеся главы волн, где солнечные лучи попадают в твой глаз из тысячи пляшущих зеркал, где зелень моря сливается с зеркальной синевой неба и золотом солнца в один чудесный цвет —

и тогда исчезнут у тебя все мелкие заботы, все воспоминания о врагах света и их хитростях, и ты растворишься в гордом сознании свободного, бесконечного духа! Я знаю только *одно* ощущение, которое я могу сравнить с этим переживанием: когда впервые передо мной раскрылась идея божества последнего философа, эта самая гигантская мысль XIX столетия, тогда меня охватил тот же блаженный трепет, вокруг меня точно повеяло свежим морским воздухом, спускающимся с чистого неба; глубины философской спекуляции лежали передо мной, точно бездонное море, от которого не может оторваться устремленный в пучину его взор; мы живем, работаем и существуем в божестве! На море мы начинаем сознавать это; мы чувствуем, что все вокруг нас и мы сами пронизаны дыханием божьим; вся природа так близка нам, волны мигают нам так дружелюбно, небо простирается так любовно над землей, а свет солнца имеет столь неописуемый блеск, что кажется, будто можешь схватить его руками.

Солнце закатывается на северо-западе; налево от него из моря поднимается блестящая полоса, побережье Кента, южный берег Темзы. На море ложатся уже туманы сумерек, только на западе, на море, как и на небо, пал пурпур вечера; на востоке небо густо-голубого цвета, и оттуда появилась уже яркая Венера; на юго-западе вдоль горизонта тянется Маргет, из окон которого отражаются краски вечера, длинная, золотая полоса в волшебном свете; а теперь машите шапками и приветствуйте свободную Англию радостными криками и полными стаканами. Спокойной ночи, до радостного пробуждения в Лондоне.

Вы, жалующиеся на прозу железных дорог, которых вы никогда не видели, садитесь на поезд, идущий из Лондона в Ливерпуль. Если есть какая-нибудь страна, которая создана для того, чтобы пронестись через нее по железной дороге, то это Англия. В ней нет ослепительной красоты, нет колоссальных массивов скал, вся она полна мягких, волнистых холмов, которые при английском, всегда несколько бледном солнечном освещении представляют неотразимое очарование. Изумляешься многообразию картин при простоте рисунка; из нескольких холмов, поля, деревьев, пасущегося скота природа создает тысячи грациозных ландшафтов. Особенно прекрасны деревья, покрывающие в одиночку и группами все поля, так что вся местность немного похожа на парк. Затем туннель, поглощающий на несколько минут своим мраком вагон и кончающийся ложиной, из которой внезапно снова вырывается на смеющиеся, солнечные поля. В одном месте дорога ведет по

виадуку поперек длинной долины; глубоко внизу лежат города и деревни, леса и луга, между которыми извивается речка; направо и налево горы, расплывающиеся на заднем фоне, а над очаровательной долиной волшебное освещение, полутуман, полусолнечный свет; но едва только ты успел осмотреть прелестную местность, как ты попадаешь на обнаженную лошину и имеешь время воссоздать фантазией магическую картину. И так оно продолжается, пока не наступит ночь и сон не смежит уставших от созерцания взоров. О, какая дивная поэзия заключена в провинциях Британии! Часто кажется, что ты находишься в *golden days of merry England* и вот-вот увидишь Шекспира с ружьем за плечом, крадущимся в кустарниках за чужой дичью, или же удивляешься, что на этой зеленой лужайке не разыгрывается в действительности одна из его божественных комедий. Ибо где бы ни происходило в его пьесах действие — в Италии, Франции или Наварре, — по существу перед нами всегда *merry England*, родина его чудацких простолудинов, его умничающих школьных учителей, его милых, странных женщин; на всем видишь, что действие может происходить только под английским небом. Только в некоторых комедиях, — как, например, «Сон в летнюю ночь», — в характерах действующих лиц чувствуется влияние юга с его климатом так же сильно, как в «Ромео и Джульетте».

Но вернемся к своему отечеству! Художественная и романтическая Вестфалия* рассердилась на своего сына, Фрейлиграта, который совершенно забыл ее из-за гораздо более, правда, художественного и романтического Рейна; утешим ее несколькими любезными словами, чтобы терпение ее не лопнуло раньше, чем появится второй выпуск. Вестфалия отделена горными цепями от Германии, будучи открыта в сторону Голландии, — точно ее вытолкнули из Германии. И, однако, дети ее — настоящие саксы, верные, хорошие немцы. В этих горах есть великолепные пункты: на юге — долины Рура и Ленны, на востоке — долина Везера, на севере — горная цепь от Миндена до Оснабрюка — повсюду самые причудливые виды, и только посредине области скучная песчаная равнина, просвечивающая сквозь траву и хлеба. А затем старые, прекрасные города, прежде всего Мюнстер со своими готическими церквями, с аркадами своего рынка, с Аннетой-Елизаветой фон Дросте-Гюльсгоф и Левин Шюккингом. Последний, с которым я имел удовольствие познакомиться там, любезно указал мне на стихотворение этой дамы, и я не могу при этом случае не

взять на себя часть вины немецкой публики по отношению к этим стихам. На примере с ними опять оказалось, что хвалебная немецкая основательность довольно легкомысленно относится к поэзии; книгу со стихами перелистывают, рассматривают, гладок ли стих, хороши ли рифмы, легко ли понятно содержание и богато ли оно ударными или, по меньшей мере, ослепительными образами, — и приговор готов. Но книги, подобные этой, в которой дают себя знать глубокое чувство, деликатность и оригинальность картин природы, не уступающие поэзии Шелли, смелая байроновская фантазия, правда, в облачении несколько строгой формы и не свободное от провинциализмов языка, — такие книги проходят без следа; у кого найдется охота читать их несколько медленнее, чем это делается обычно? Ведь стихи берут в руки лишь тогда, когда наступает час послеобеденного отдыха, и красота их могла бы только нарушить сон! К тому же наша поэтесса — верующая католичка, и разве протестант позволит себе заинтересоваться таким автором! Но дело в том, что если пиетизм делает смешным Альберта Кнаппа — этого мужа, магистра, старшего адъюнкт-пастора, — то детская вера очень идет девице фон Дросте. Религиозное свободомыслие — вещь рискованная для женщины. Жорж-Занды, госпожи Шелли — редкое явление: скепсис слишком легко разъедает женский характер, усиливая у них рассудок больше, чем это годится для женщин. Но если идеи, за которые боремся мы, дети нового времени, истинны, то недалеко уже пора, когда женские сердца начнут биться за идеалы современного духа так же горячо, как они бьются за набожную веру отцов, — и лишь тогда наступит победа нового, когда молодое поколение станет его впитывать вместе с молоком матери.

Ф. Энгельс. *Ландшафты.*
Сочинения, т. II, стр. 55—61.

2

Устав созерцать, я вошел в деревянный дом, стоящий на вершине, и попросил, чтобы мне дали что-нибудь выпить. Мою просьбу удовлетворили и вместе с тем вручили мне книгу для гостей. Всем известно, чем заполнены подобные книги; каждый филистер считает их орудиями своего увековечения и пользуется случаем, чтобы передать потомству свое никому неизвестное имя и ту или другую из своих безнадежно-тривиаль-

ных мыслей; чем он ограниченнее, тем более длинными замечаниями сопровождает он свое имя. Купцы стремятся доказать, что наряду с кофе, ворванью или хлопком в их сердце сохранено местечко для красавицы природы, которая создала все это и, в придачу, золото; женщины изливают в них потоки своих чувств, студенты — свое веселье и свою насмешливость, а умудренные знаниями и опытом школьные учителя выдают природе высокопарный аттестат зрелости. «Чудный Ютлиберг, опасный соперник Риги!» — так начал свое цитероновское обращение какой-то доктор несвободных искусств. Я с раздражением перевернул страницу и оставил непрочитанными всех немцев, французов и англичан. И вдруг мне на глаза попался сонет Петрарки на итальянском языке, который в переводе звучит приблизительно так:

Я поднят был мечтой к жилищу милой *.
Та, что ищу я на земле напрасно,
Мне ласковой и ангельски прекрасной
Предстала в сфере третьего светила.

Дав руку мне, она проговорила:
«Нас здесь разъединить судьба не властна;
Я — та, что мучила тебя всечасно
И до заката день свой завершила.

Ах, людям не понять, как я блаженна!
Тебя лишь жду и мой покров, тобою
Любимый и оставшийся в юдоли».

Зачем она умолкла так мгновенно?
Еще бы звук, — и, прелестью святою
Пронзен, я б с неба не вернулся боле.

Вписал его в книгу некий Иоахим Трибони из Генуи; я сразу почувствовал в нем друга, ибо на фоне остальных, пустых и бессмысленных, записей сонет этот выделялся особенно ярко, подействовал на меня особенно сильно. Кто ничего не чувствует перед лицом природы, когда она разворачивает перед нами все свое великолепие, когда дремлющая в ней идея если не просыпается, то как будто погружена в золотые грезы, и кто способен лишь на такое восклицание: «как ты прекрасна, природа!» — тот не вправе считать себя выше серой и плоской толпы. У более глубоких натур при этом всплывают наружу личные недуги и страдания, но лишь с тем, чтобы раствориться в окружающем великолепии и обрести благостное разрешение. Это чувство примирения не могло найти себе лучшего выражения, чем в приведенном сонете. Но еще одно обстоя-

тельство сблизило меня с этим гемуэзцем: уже *кто-то* до меня принес на эту вершину свою любовную муку, и я стоял здесь не один с сердцем, которое месяц тому назад было так бесконечно счастливо, а ныне чувствовало себя разорванным и опустошенным. И то сказать, какая мука имеет большее право излиться перед лицом прекрасной природы, чем самая благородная, самая возвышенная и самая индивидуальная из мук — мука любви?

Ф. Энгельс. Скитания по Ломбардии. Через Альпы.
Сочинения, т. II, стр. 91—92.

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ КНИГИ

Разве не является большой похвалой для книги то, что она — народная книга, немецкая народная книга? Однако именно поэтому мы вправе желать большего от подобной книги, именно поэтому она должна удовлетворять всем разумным требованиям и быть во всех отношениях безукоризненной. Народная книга призвана развлечь крестьянина, когда он, утомленный, возвращается вечером со своей тяжелой работы, позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; она призвана обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак измученного ученика в мир поэзии, в золотой дворец, а его дюжую красотку представить в виде прекрасной принцессы; но она также призвана, наряду с библией, прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству.

Следовательно, если можно справедливо требовать, чтобы народная книга вообще отличалась богатым поэтическим содержанием, сочным остроумием, нравственной чистотой, а немецкая народная книга еще и здоровым, честным *немецким* духом, — т. е. качествами, которые во все времена остаются одинаковыми, — то мы наряду с этим вправе также потребовать, чтобы народная книга отвечала своему времени, иначе она перестанет быть народной. В частности, если взять современную нам жизнь, ту борьбу за свободу, которой проникнуты все явления современности, — развивающийся конституционализм, сопротивление гнету аристократии, борьбу мысли с спитизмом, жизнерадостности с остатками угрюмого аскетизма, то я не вижу, почему мы не вправе были бы требовать от народной книги, чтобы она в этом отношении пришла на помощь малообразованному человеку, показала ему, хотя, конечно, не путем непосредственной дедукции, истинность и разумность этих

стремлений, — но ни в коем случае не потворствовала бы лицемерию, низкопоклонству перед знатью и пиетизму. Само собой разумеется, однако, что народной книге должны быть чужды те обычаи прежних времен, которые являются теперь бессмыслицей или даже несправедливостью.

Мы вправе и обязаны рассматривать согласно этим принципам и те книги, которые являются теперь действительно немецкими народными книгами и обычно объединяются под этим названием. Отчасти они продукт средневековой немецкой или романской поэзии, отчасти — народного суеверия. Прежде они служили для высших сословий предметом презрения и насмешек, потом, как известно, романтики разыскали их, обработали, больше того — прославили. Но романтики интересовались только их поэтическим содержанием; насколько они были не способны понять их значение как народных книг, показывает *Гёррес* в своем сочинении, посвященном этому предмету *. Относительно Гёрреса мы еще совсем недавно могли убедиться, что вообще все его суждения — *плод фантазии*. Однако обычное мнение об этих книгах все еще основывается на его книге, и *Марбах* в объявлении о своем издании опирается все еще на это мнение. В связи с тремя новыми обработками этих книг, *Марбахом* в прозе, *Зимроком* в прозе и стихах *, — из которых две предназначаются опять-таки для народа, — возникает потребность еще раз точно проверить предмет этих обработок с точки зрения его значения для народа.

Пока поэзия средневековья вообще оценивается так различно, суждение о поэтических достоинствах этих книг должно быть предоставлено каждому в отдельности; но никто, конечно, не станет отрицать, что они действительно по-настоящему поэтичны. Поэтому если они и не добьются признания в качестве народных книг, то во всей своей силе должна сохраниться их поэтическая ценность; более того, согласно словам Шиллера:

Что живет бессмертно в песнопенье *,
В жизни гибель обретет,

иной поэт, может быть, даже найдет лишний повод сохранить для поэзии путем обработки то, что не может удержаться в народе.

Между повествованиями германского и романского происхождения наблюдается очень характерное различие: германские — подлинные народные сказания — выставляют на первый план активно действующего мужчину; романские выдвигают

женщину — или просто как страдающее существо (Геновефа), или как существо любящее, следовательно, тоже пассивное по отношению к страсти. Исключением являются только «Дети Хеймона» и «Фортунат» — два романских сказания, но также относящиеся к народным, между тем как «Октавиан», «Мелюзина» и т. д. являются продуктом придворной поэзии и лишь впоследствии распространились в народе в результате прозаической обработки. — Из комических произведений тоже только одно не прямо германского происхождения — «Соломон и Морольф», между тем как «Уленшпигель», «Шильдбюргеры» и т. д., бесспорно, являются нашими.

Если рассматривать все эти книги в целом и оценивать их согласно высказанным в начале принципам, то ясно, что они с одной лишь стороны удовлетворяют этим требованиям: в них много поэзии и остроумия, к тому же в форме, в общем вполне доступной даже самым необразованным людям; но, с другой стороны, книги эти совсем не удовлетворяют нас. Некоторые из них обнаруживают свойства, противоречащие нашим требованиям, другие удовлетворяют им только отчасти. Поскольку они являются продуктами средневековья, им, естественно, совершенно чужды те особые цели, которые может ставить перед ними наше время. Поэтому, несмотря на внешнее богатство этой области литературы и несмотря на декламации Тика и Гёрреса, они оставляют желать еще очень многого; но будет ли когда-нибудь заполнен этот пробел — другой вопрос, на который я не берусь ответить.

Переходя теперь к отдельным произведениям, можно сказать, что, бесспорно, важнейшее из них — это *«История о неуязвимом Зигфриде»*. — Эта книга мне нравится, это — рассказ, оставляющий желать немногого; он полон превосходной поэзии, поданной то с величайшей наивностью, то с прекраснейшим юмористическим пафосом; книга брызжет остроумием — кто не знает великолепного эпизода, изображающего борьбу двух трусов? Здесь есть характер, дерзкое, юношески-свежее чувство, которое может послужить примером для любого странствующего подмастерья, хотя ему и не приходится теперь бороться с драконами и великанами. И если бы только устранить опечатки, которых особенно много в лежащем предо мной (кельнском) издании, и расставить правильно знаки препинания, то переработки Шваба и Марбаха * померкнут перед этим образцом подлинно народного стиля. Но и народ, со своей стороны, также оказался благородным: ни одну из народных книг я не встречал так часто, как эту.

«Герцог Генрих Лев». — Мне, к сожалению, не удалось раздобыть старого экземпляра этой книги; по-видимому, новое издание, напечатанное в Эйнбеке, совершенно вытеснило старое. В начале помещена генеалогия брауншвейгского дома, доведенная до 1735 г., затем следует биография герцога Генриха согласно истории, а потом народное сказание. К этому присоединены еще рассказ, повествующий о Готфриде Бульонском, то же самое, что народное сказание приписывает Генриху Льву, история о рабе Андронике, принадлежащая, как предполагают, палестинскому настоятелю Геразими, в конце значительно измененная, и одно стихотворение новейшей романтической школы, автора которого я не могу припомнить, где снова передается сказание о Льве. В результате этого само сказание, лежащее в основе народной книги, совершенно исчезает под грузом всяких привесков, которыми снабдила ее щедрость мудрого издателя. Само сказание прекрасно, остальное же неинтересно, — что за дело швабам до брауншвейгской истории? И какой смысл давать современную многословную балладу после простого стиля народной книги? Но и стиль этот исчез; гениальный автор обработки, которым, на мой взгляд, был какой-нибудь священник или школьный учитель конца прошлого века, пишет следующим образом: «Итак, цель путешествия была достигнута, обетованная земля лежала перед глазами, можно было ступить на землю, с которой связаны самые значительные воспоминания религиозной истории! Благочестивое простодушие, взиравшее на нее с вожделением, претворилось здесь в пламенное благоговение, нашло здесь полное умиротворение и стало живейшей радостью в господе». — Пусть восстановят древний язык сказания; пусть прибавят к нему, чтобы заполнить книгу, другие подлинные народные сказания и в таком виде распространят его в народе, тогда оно сохранит поэтический дух; но в нынешней своей форме оно недостойно того, чтобы обращаться к народу.

«Герцог Эрнст». — Автор этой книги не был особенно крупным поэтом: все поэтические элементы он нашел в восточной сказке. Но книга хорошо написана и представляет собой весьма занимательное чтение для народа; этим, однако, все и ограничивается. Так как ни один человек не поверит уже в реальность встречающихся в ней фантастических образов, то ее можно оставить в руках народа без изменений.

Я перехожу теперь к двум сказаниям, созданным немецким народом и получившим в его творчестве дальнейшее развитие, сказаниям, принадлежащим к самым глубоким творениям

народной поэзии всех народов. Я имею в виду сказание о *Фаусте* и о *Вечном жиде*. Они неисчерпаемы; каждая эпоха может, не изменяя их существа, присвоить их себе; и хотя обработки сказания о Фаусте после Гёте то же самое, что обработки Илиады post Homerum¹, все же в них открываются каждый раз новые стороны, не говоря уже о важности сказания об Агасфере для новейшей поэзии. Но в каком виде приводятся эти сказания в народных книгах! Они представлены там отнюдь не как произведения свободной фантазии, нет, а как творения рабского суеверия: книга о Вечном жиде требует от нас даже религиозной веры в ее содержание, которую она пытается оправдать библией и рядом нелепых легенд. От сказания в ней осталась лишь самая внешняя оболочка, зато она содержит в себе очень длинное и скучное крестьянское назидание о жиде Агасфере. Сказание о Фаусте низведено до уровня банальной истории о ведьмах, прикрашенной обычными анекдотами о волшебстве; даже та крупница поэзии, которая сохранилась в народной комедии, почти совершенно исчезла. Обе эти книги не только не способны доставить поэтическое наслаждение, но в современном своем виде могут лишь снова укрепить и обновить старое суеверие; да и чего другого можно ожидать от подобной чертовщины? Понимание сказания и его содержания, по-видимому, исчезло совершенно и в народе. Фауст рассматривается как обыкновенный колдун, а Агасфер — как величайший злодей после Иуды Искарюта. Но разве невозможно было бы спасти оба эти сказания для немецкого народа, восстановить их в своей первоначальной чистоте и выразить их сущность так ясно, чтобы их глубокий смысл стал более доступным и менее образованным людям? Марбах и Зимрок еще не добрались до обработки этих сказаний; пожелаем им в этом деле руководствоваться мудрой критикой!

Перед нами лежит другой ряд народных книг — это шуточные: *«Уленшпигель»*, *«Соломон и Морольф»*, *«Поп из Каленберга»*, *«Семь швабов»*, *«Шильдбюргеры»*. У немногих народов можно встретить такую коллекцию. Это остроумие, эта естественность замысла и исполнения, добродушный юмор, всегда сопровождающий едкую насмешку, чтобы она не стала слишком злой, поразительная комичность положений — все это, по правде сказать, могло бы заткнуть за пояс значительную часть нашей литературы. У кого из современных авторов хватило бы достаточно выдумки, чтобы создать такую книгу, как

¹ — после Гомера. *Ред.*

«Шильдбюргеры». Сколь прозаическим кажется юмор Мундта, когда сравниваешь его с юмором «Семи швабов»! Конечно, для создания подобных вещей нужен был век более спокойный, чем наш, всегда занятый, подобно беспокойному деловому человеку, важными вопросами, на которые он должен дать ответ, прежде чем помышлять о чем-либо другом. Что касается формы этих книг, то если выкинуть из них пару-другую неудачных острот и исправить исковерканный стиль, то в них пришлось бы изменить немногое. Относительно «Уленшигеля» следует заметить, что некоторые издания его, помеченные прусским цензурным штемпелем, не совсем полны; в самом начале не хватает одной крепкой остроты, смысл которой выражен у Марбаха в отличной гравюре.

Резкую противоположность по отношению к этим произведениям представляют собой истории о *Геновефе*, *Гризеле* и *Хирлянде*, три книги романского происхождения, героиней которых является женщина и именно страдающая женщина; они характеризуют, и притом весьма поэтическим образом, отношение средневековья к религии; только «Геновефа» и «Хирлянда» сделаны слишком уж по одному образцу. Но, ради бога, что до этого теперь немецкому народу? Можно, конечно, очень хорошо представить себе в образе Гризелды немецкий народ, а в образе маркграфа Вальтера — князей, но в таком случае комедия должна была бы иметь совсем иной конец, чем в народной книге; обе стороны возражали бы против такого сравнения и были бы в какой-то степени правы. Чтобы представить себе «Гризелду» по-прежнему в виде народной книги, я должен вообразить ее себе в качестве петиции об эмансипации женщин к высокому германскому Союзному сейму. Однако небезызвестно, как были встречены четыре года тому назад подобные романические петиции, и меня удивляет поэтому, что Марбах не был задним числом причислен к «Молодой Германии». Народ достаточно долго играл роли Гризелды и Геновефы; пусть он теперь сыграет хоть раз Зигфрида и Рейнальда; но разве можно научить его этому, расхваливая эти старые, проповедующие смирение истории?

Книга об *императоре Октавиане* в первой своей части принадлежит к этому же типу, а вторая ее часть примыкает по своему содержанию к собственно любовным историям. История *Елены* — лишь подражание «Октавиану», а может быть, оба произведения — различные варианты одного и того же сказания. Вторая часть «Октавиана» — прекрасная народная книга, которую можно сравнить только с «Зигфридом»; харак-

теристика Флоренса, как и его приемного отца Климента, а также Клавдия, превосходна, и у Тика здесь не было никаких затруднений*; но разве не проходит повсюду красной нитью мысль, что дворянская кровь лучше бюргерской? И разве мы не встречаем часто этой мысли еще в самом народе! Если нельзя вытравить ее из «Октавиана», — а я считаю это невозможным, — если учесть, что *такая идея* в первую очередь подлежит искоренению там, где должен быть установлен конституционный строй, то, как бы ни была поэтична книга, *senseo Carthaginem esse delendam*¹.

Вышеназванным трем слезливым историям о страдании и терпении противостоят три других, прославляющих любовь. Это — «*Магелона*», «*Мелюзина*» и «*Тристан*». В качестве народной книги мне больше всего нравится «Магелона»; «Мелюзина» же полна абсурдных нелепостей и сказочных преувеличений, так что в ней можно было бы видеть своего рода донкихотиаду, и я опять-таки спрашиваю: какое до этого дело немецкому народу? Или вот история Тристана и Изольды, — я не буду касаться ее поэтического значения, ибо я люблю великолепную переработку Готфрида Страсбургского, хотя в повествовании и могут найтись кое-какие недостатки; но нет такой книги, которую в такой же степени не следовало бы давать в руки народу, как именно эту книгу. Правда, здесь снова всплывает современный вопрос — вопрос об эмансипации женщин; в настоящее время искусный поэт при обработке «Тристана» никак не мог бы исключить из своей работы эту проблему, если он не хотел бы при этом впасть в манерную и скучную тенденциозную поэзию. Но в народной книге, где нет вовсе речи об этом вопросе, весь рассказ сводится к оправданию нарушения супружеской верности, и давать ее в таком виде народу очень рискованно. Между тем книга почти совершенно исчезла из обращения, и лишь с большим трудом можно раздобыть хоть один экземпляр ее.

«*Дети Хеймона*» и «*Фортунат*», где мы снова видим в центре действия *мужчину*, — опять-таки две настоящие народные книги. В «Фортунате» нас привлекает исключительно веселый юмор, с которым сын фортуны совершает все свои похождения; в «Детях Хеймона» — дерзкое своеобразие, неукротимый дух оппозиции, который с юношеской силой противостоит абсолютной, тиранической власти Карла Великого и не боится отомстить собственной рукой, даже на глазах государя, за нанесенные

¹ — считаю, что Карфаген должен быть разрушен. *Ред.*

оскорбления. В народных книгах должен царить подобный юношеский дух, и ради него можно не обращать внимания на многие недостатки. Но где найти его в «Гризельде» и родственных ей произведениях?

И, наконец, самые замечательные вещи — гениальный столетний *календарь*, сверхмудрый *сонник*, никогда не обманывающее *колесо счастья* и тому подобные бессмысленные порождения пагубного суеверия. Всякий, заглянувший хоть раз в книгу Гёрреса, знает, какими жалкими софизмами он оправдывал всю эту чепуху. Все эти ничтожные книги прусская цензура удостоила своей печатью. Они, конечно, ни революционны, как письма Бёрне *, ни безнравственны, как это утверждают в отношении «Вали». Мы видим, сколь ложны обвинения, будто прусская цензура исключительно строга. Мне, разумеется, нет необходимости больше доказывать, что подобная чепуха не должна распространяться в народе.

О прочих народных книгах нечего сказать: истории о *Понтусе*, *Фьерабрасе* и т. п. уже давно забыты и, следовательно, не заслуживают больше этого названия. Но мне кажется, что уже в этих немногих замечаниях я показал, как неудовлетворительна эта литература, если рассматривать ее с точки зрения интересов народа, а не интересов поэзии. Она нуждается в обработке после строгого отбора, причем без необходимости не следует отклоняться от старинных выражений, должна быть хорошо издана и тогда может распространяться среди народа. Было бы нелегко и неблагоприятно насильственно уничтожить те из книг, которые не выдерживают требований критики; только такой книге, которая действительно распространяет суеверие, цензура могла бы отказать в разрешении. Прочие исчезают сами собой; «Гризельда» встречается редко, а «Тристана» почти совсем нельзя встретить. В некоторых местностях, как, например, в Вуппертале, невозможно найти ни одного экземпляра; в других же, как, например, в Кельне, Бремене и т. д., почти каждый лавочник выставляет в окна экземпляры этих книг для приезжающих крестьян.

Но неужели ради немецкого народа не стоило бы издать лучшие из этих книг в разумной обработке? Конечно, не всякий способен выполнить такую обработку; я знаю только двух авторов, обладающих достаточной критической проницательностью и вкусом для правильного отбора и умением пользоваться при изложении старинным стилем, — это братья *Гримм*; но найдется ли у них охота и досуг для этой работы? Обработка *Марбаха* совершенно не годится для народа. Да и на что

тут рассчитывать, если он сразу начинает с «Гризельды»? Он не только лишен всякого критического чутья, но и позволил себе делать такие пропуски, в которых вовсе не было никакой необходимости; к тому же он сделал стиль этих произведений совершенно тусклым и бесцветным — достаточно сравнить народную книгу о «Неуязвимом Зигфриде» или какую-нибудь другую книгу с его обработкой. У него встречаешь только не связанные друг с другом предложения, перестановки слов, для которых не было другого повода, кроме мании г-на Марбаха, за отсутствием самостоятельности иного рода, казаться самостоятельным хоть здесь. Что же другое, как не это, побудило его изменить прекраснейшие места в народной книге и расставить там свои ненужные знаки препинания? Для того, кто не знает народной книги, рассказы Марбаха вполне хороши, но достаточно сравнить то и другое, чтобы убедиться, что вся заслуга Марбаха сводится к исправлению опечаток. Его гравюры весьма различного достоинства. Обработка Зимрока не подвинулась еще настолько вперед, чтобы можно было высказать о ней суждение; но я гораздо больше доверяю Зимроку, чем его сопернику. Гравюры его тоже, как правило, лучше, чем марбаховские.

Необычайной поэтической прелестью обладают для меня эти старые народные книги, с их старинной речью, с их опечатками и плохими гравюрами. Они уносят меня от наших запутанных современных «порядков, неурядиц, и утонченных взаимоотношений» в мир, который гораздо ближе к природе. Но об этом здесь не может быть речи. Главный аргумент Тика заключался именно в этой поэтической прелести, но что значит авторитет Тика, Гёрреса и всех прочих романтиков, когда разум говорит против него и когда дело идет о *немецком народе?*

Ф. Энгельс. Немецкие народные книги.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».

Госполитиздат, 1956, стр. 344—352.

ЛЕГЕНДА О ЗИГФРИДЕ И НЕМЕЦКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Что захватывает нас с такой силой в сказании о Зигфриде? Не история сама по себе, не подлое предательство, жертвой которого становится молодой герой, а вложенная в него глубокая значительность. Зигфрид — представитель немецкой молодежи. Мы все, у которых бьется в груди еще не укрощенное условностями жизни сердце, мы все знаем, что это значит. Мы все чувствуем ту же жажду подвига, тот же бунт против традиций, который выгнал Зигфрида из замка его отца; нам бесконечно противны вечные колебания, филистерский страх перед новым делом, мы хотим вырваться на простор свободного мира, мы хотим забыть о благоразумии и бороться за венец жизни — подвиг. О драконах и великанах позаботились для нас филистеры, ими полна церковная и государственная жизнь. Но время уже не то; нас запирают в темницы, называемые школами, где мы, вместо того чтобы драться самим, вызубриваем, точно в насмешку, во всех наклонениях и временах греческое спряжение глагола «драться»; а когда нас выпускают из школьной казармы, то мы попадаем в объятия богини нашего века — полиции. Полиция, когда думаешь; полиция, когда говоришь; полиция, когда ходишь, едешь верхом, катаешься; паспорта, виды на жительство, таможенные квитанции, — пусть черт поберет всех великанов и драконов! Они нам оставили только тень подвига, рапиру вместо меча, а к чему нам все искусство фехтования рапирой, если его нельзя применить к мечу? А когда, наконец, вырываешься на волю, когда удастся справиться с филистерством и индифферентизмом, когда жажда подвигов находит себе выход, то видите ли вы там, по ту сторону Рейна, башню Везеля? Цитадель этого города, называемая твердыней немецкой свободы, стала могилой немецкой молодежи, и она лежит как раз напротив колыбели величайшего германского юноши.

.
Но я спущусь к Рейну и послушаю, что рассказывают освещенные вечерней зарей волны родине Зигфрида о его могиле в Вормсе и о погруженном в водах сокровище. Может быть, добрая фея Моргана воздвигнет передо мной вновь замок Зигфрида и покажет мне, словно в зеркале, какие геройские подвиги суждены сыновьям его в XIX столетии.

Ф. Энгельс. Родина Зигфрида.
Сочинения, т. II, стр. 65, 66.

РЕЙНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА *

И из всех искусств именно музыка больше всего подходит к тому, чтобы образовать центральный пункт такого дружеского провинциального собрания, где вся интеллигенция округа сходится для взаимного освежения, житейской бодрости и юношеского веселья. Если у древних народную массу притягивали комическое представление, турнир поэтов-трагиков на Панатенеях и вакхических празднествах, то у нас, при наших климатических и социальных отношениях, все это может заменить лишь музыка. Ибо как напечатанная только, не говорящая слуху музыка не может нам доставить наслаждения, так и трагедия оставалась для древних мертвою и чуждой, пока не говорила с фимелы и оркестра живыми устами актеров. Ныне каждый город имеет свой театр, где играют ежедневно, между тем как для эллинов сцена оживала только по большим праздникам; ныне печать распространяет каждую новую драму по всей Германии, между тем как у древних лишь немногим доставалась написанная драма для прочтения. Поэтому драма не может больше составить центральный пункт для больших собраний; такую службу должно сыграть другое искусство, и это может только музыка, ибо лишь она одна допускает сотрудничество большой массы людей и этим даже значительно выигрывает в силе выражения; в ней одной наслаждение совпадает с живым исполнением, и круг действия по размеру соответствует античной драме. И воистину немец может праздновать и лелеять музыку, в которой он является царем всех народов, ибо как ему лишь удалось выявить из современной глубины на свет и выразить в звуках высшее и священнейшее, интимнейшую тайну человеческого настроения, точно так же и ему одному дано ощущать во всей полноте силу музыки, разуметь до конца язык инструментов и пения.

Но музыка тут не главное. А что же? Вот именно музыкальное торжество. Как мало центр без окружности составляет круг, так же мало представляет здесь музыка без радостной, дружной жизни, образующей окружность вокруг этого музыкального центра.

Ф. Энгельс. Рейнские празднества.
Сочинения, т. II, стр. 226—227.

СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И НЕМЕЦКАЯ ЖИВОПИСЬ

До сих пор нашу силу составлял средний класс — факт, который, может быть, удивит английского читателя, если он не знает, что этот класс в Германии значительно менее своекорыстен, пристрастен и туп, чем в Англии, по той простой причине, что он менее богат. Однако мы надеемся в скором времени найти опору в рабочем классе, который всегда и повсюду должен являться силой и оплотом социалистической партии и который уже пробужден от своего летаргического сна нуждой, угнетением и безработицей, а также волнениями в промышленных округах Силезии и Богемии. Позвольте мне в связи с этим упомянуть о картине одного из лучших немецких художников, Гюбнера, которая сделала гораздо больше для социалистической агитации, чем это могла бы сделать сотня памфлетов. Картина изображает группу силезских ткачей, принесших холст фабриканту, и с необычайной силой показывает контраст жестокосердного богатства, с одной стороны, и безысходной нищеты — с другой. Упитанный фабрикант, с медно-красным, бесчувственным лицом, пренебрежительно отшвыривает кусок холста; женщина, которой принадлежит этот холст, видя, что нет никакой надежды продать его, лишается чувств и падает; её обнимают двое маленьких детей, в то время как стоящий рядом старик с трудом ее поддерживает. Приказчик рассматривает другой кусок холста, владельцы которого с мучительным напряжением ждут результата осмотра; молодой человек показывает подавленной отчаянием матери жалкий заработок, который он получил за свой труд; на каменной скамье сидят в ожидании своей очереди старик, девушка и мальчик, а двое мужчин, взвалив на спину куски забракованного холста, выходят из комнаты; один из них потрясает в бешенстве кулаком, между тем как другой, положив руку на плечо своему товарищу, указывает на небо, как бы говоря: будь покоен, есть еще судья, который покарает его.

Вся эта сцена разыгрывается в холодной, нежилого вида прихожей с каменным полом; только фабрикант стоит на коврике. Между тем в глубине картины, позади прилавка, открывается вид на богато обставленную контору, с роскошными шторами и зеркалами, где несколько приказчиков пишут, не обращая внимания на то, что происходит за их спиной, а сын хозяина, молодой фронт, стоит, опершись о прилавок, с хлыстом в руке, покуривая сигару и равнодушно взирая на несчастных ткачей. Эта картина выставлена была в нескольких городах Германии и, конечно, подготовила много умов к восприятию социальных идей. Мы также с огромным удовлетворением узнали, что наш лучший художник в области исторической живописи, Карл Лессинг, перешел на сторону социализма. Фактически в настоящее время позиции социализма в Германии уже в десять раз лучше, нежели в Англии.

Ф. Энгельс. Быстрые успехи коммунизма в Германии.
Сочинения, т. 2, 1955, стр. 519—520.

ЛИТЕРАТУРА
В ЖИЗНИ
МАРКСА
И
ЭНГЕЛЬСА

«ИСПОВЕДЬ»¹*

Достоинство, которое Вы больше всего цените	
в людях	Простота.
» мужчине	Сила.
» женщине	Слабость.
Ваша отличительная черта	Единство цели.
Ваше представление о счастье	Борьба.
» » о несчастье	Подчинение.
Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить	Легковерие.
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	Угодничество.
Ваша антипатия	Мартин Таппер.
Ваше любимое занятие	Рыться в книгах.
Ваши любимые поэты	Шекспир, Эсхил, Гёте.
Ваш любимый прозаик	Дидро.
Ваш любимый герой	Спартак, Кеплер.
Ваша любимая героиня	Гретхен.
Ваш любимый цветок*	Лавр.
» » цвет	Красный.
Ваше любимое имя	Лаура, Женни.
Ваше любимое блюдо	Рыба.
Ваше любимое изречение	Nihil humani a me alienum puto ² ,
Ваш любимый девиз	De omnibus dubi- tandum ³ .

Карл Маркс

К. Маркс. Исповедь.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 274—275.

¹ «Исповедь», относящаяся к 1865 г., представляет собой ответы Маркса на анкету, получившую в то время широкое распространение в Англии и Германии. Хотя ответы составлены в полушутливой форме, они все же представляют интерес для характеристики Маркса как человека. *Ред.*

² — Ничто человеческое мне не чуждо. *Ред.*

³ — Подвергай все сомнению. *Ред.*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СЕМЬЕ МАРКСА

1

С того рокового дня * он был у меня дома только однажды, на одну минуту и в мое отсутствие. Называл себя «счастливым». Женничка назвала его: «Benedic the married man»¹, но Лаурочка сказала: что «Benedic was a wit, he is but a «clown», and a cheap clown too»². Дети постоянно читают Шекспира.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 апреля
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 133.

2

О Кентербери тебе, конечно, известно все — во всяком случае, больше того, чем могу похвалиться я, — из твоего Ивса (Eves), надежного источника знания всех английских Ев (никак не могу толковать с тобой без каламбуров). Но подумай: у Теккерера выходит еще хуже, он рифмует Eves [вечера] и Ewes [овцы] (по английскому произношению: Ивз и Юс).

К. Маркс — своей дочери Лауре
20 марта 1866 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 468

3

Тусси в очень хорошем настроении. Сегодня утром вся семья бегала по лавкам, завтра вечером они хотят идти в театр. «Германа и Доротею» она прочла, хотя и не без труда из-за утомительной болтовни идиллических филистеров. Теперь

¹ Бенедикт женатый мужчина. *Ред.*

² Бенедикт был блестящ *, а этот — клоун, и притом очень дешевый клоун. *Ред.*

я ей дал Младшую Эдду, где есть несколько красивых мест; после этого она сможет прочесть из Старшей Эдды песни о Сигурде и Гудруне. На рояли она тоже играет прилежно. Я читал с нею и датские богатырские былины.

Ф. Энгельс — К. Марксу 22 июня
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 203.

4

Тусси читает «Геца фон Берлихингена», потом я дам ей «Эгмонта».

Ф. Энгельс — К. Марксу 25 июля
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 221.

5

Тусси читает теперь Фирдуси в очень хорошей обработке Шака *. Пока он ей очень нравится, но сумеет ли она одолеть весь этот громадный том, это другой вопрос.

Ф. Энгельс — К. Марксу 30 июля
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 224.

6

Оперы тоже были получены своевременно и доставили моей дочери большое удовольствие ¹. Но она думала, что они были посланы ей одной знакомой русской дамой, а теперь просит меня передать ее сердечную благодарность неизвестному отправителю.

К. Маркс — Н. Ф. Даниэльсону
18 января [18]73 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 315.

7

Моя дочь шлет сердечный привет Вашей жене и Вам. Она, между прочим, согрешила переводом статьи профессора Делиуса «Эпический элемент у Шекспира» *, изданным здешним шекспировским обществом, членом которого она состоит; этим она, однако, заслужила большие похвалы со стороны г. Дели-

¹ Речь идет об операх Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и «Руслан и Людмила», присланных Даниэльсоном, по просьбе Лопатина, старшей дочери Маркса — Женни. *Ред.*

уса. Она просит узнать у Вас имя швабского профессора, противника Шекспира *, и название его произведения, о котором Вы нам говорили в Карлсбаде. Матадор здешнего шекспировского общества, мистер Фернивэлл, ни в коем случае не хочет отказаться от удовольствия познакомиться с этим сочинением.

К. Маркс — Вильгельму-Александр
Фрейнду 21 января 1877 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 450.

8

Получил ли Джонни «Рейнеке-лиса», которого я ему послал, и имеет ли бедняжка хоть кого-нибудь, кто бы мог ему прочесть эту книжку?

К. Маркс — Ж. Лонге 6 июня 1881 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 136.

9

Маркс все еще нетрудоспособен, не выходит из своей комнаты (он приехал тотчас же после смерти дочери) и читает французские романы. У него, по-видимому, очень сложная болезнь.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 1 марта 1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 290.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МАРКСЕ

ПОЛЬ ЛАФАРГ

1

В расстановке книг Маркс не руководствовался внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они — мои рабы, — говорил он, — и должны служить мне, как я хочу». Он не обращал внимания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом он не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Гейне и Гёте, которых Маркс в разговоре часто цитировал, он знал наизусть. Он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы. Ежегодно перечитывал он Эсхила в греческом оригинале; его и Шекспира он любил как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество. Шекспира, которого он особенно любил, он изучал специально. Он знал его самых незначительных персонажей. В семье Маркса господствовал настоящий

культ великого английского драматурга. Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 года Маркс задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором он еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; он внимательно изучал и часть полемических произведений Уильяма Коббета, которого он очень высоко ценил. Данте и Бёрнс были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие, когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского поэта Бёрнса.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в том и состоял его отдых.

Маркс был такой же неутомимый труженик, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу.

По временам Маркс ложился на диван и читал романы, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия, и особенно Филдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де Кок, Чарлз Левер, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Пуритане» («Old Mortality») он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом.

Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в «Дон-Кихоте» он видел эпос вымиравшего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмешки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать исследование о его крупнейшем произведении «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Луи-Филиппе

находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе».

Маркс обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через какие-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать официальные документы, опубликование которых в силу содержащихся в них ужасных разоблачений правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними¹.

Поль Лафарг. Воспоминания
о Марксе.
«Воспоминания о Марксе и
Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 63—65.

2

По воскресеньям дочери не позволяли ему работать: он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую таверну выпить имбирного пива и закусить хлебом с сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, — сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была бесподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но

¹ Маркс глубоко изучал историю аграрных отношений в России, положение рабочих и крестьян, а также внешнюю политику царской России. *Ред.*

никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением.

Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, кого называли «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот трагичный и вместе величественный эпизод из истории борьбы классов древнего мира.

Поль Лафарг. Воспоминания о Марксе.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 72.

3

Вико сказал: «Всякая вещь является телом только для бога, который все знает; для человека, который познает только внешние стороны явлений, вещь остается только поверхностью». Маркс постигал вещи по образу бога Вико. Он видел не только поверхность, он проникал внутрь, он исследовал составные части в их взаимодействии и в их взаимном противодействии. Он изолировал каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. После этого он переходил от вещи к ее обстановке и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался затем к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям и доходил до его самых отдаленных действий. Он видел перед собой не отдельную вещь для себя и в себе, без связи с окружающим, а целый сложный, вечно движущийся мир. И Маркс стремился представить жизнь этого мира в его разнообразных и неустанно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы из школы Флобера и Гонкура жалуются на трудности, встречаемые художником при его попытке воспроизвести то, что он видит. А ведь то, что они стремятся изобразить, есть только та поверхность, о которой говорит Вико, только полученное ими впечатление. Их литературная работа — только одна игра в сравнении с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять явления действительности, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел показать.

Маркс никогда не был доволен своей работой; он всегда впоследствии делал в ней изменения и всегда находил, что его изложение не дает достаточно ясного представления о предмете. Психологический этюд Бальзака, «Le chef-d'oeuvre inconnu», из которого Золя сделал свой жалкий плагиат *, произвел на Маркса глубокое впечатление; Бальзак здесь описывает настроение, которое отчасти пришлось пережить самому Марксу; в этом рассказе гениальный живописец, стараясь изобразить вещи именно так, как они представляются его уму, долго бьется над своим произведением и постоянно переделывает его, пока наконец не превращает своей картины в какую-то бесформенную массу красок, которая, однако же, его помутившемуся взору представляется совершенным воспроизведением действительности.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя: разложить предмет на его составные части и затем восстановить его со всеми его деталями и различными формами развития и открыть внутреннюю их зависимость — это он делал мастерски.

П. Лафарг. Карл Маркс. По личным воспоминаниям.
«К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве».
«Искусство», 1938, стр. 662—663.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

1

Мавр, будучи старше нас всего на 5—6 лет, чувствовал за собой по отношению к нам, «молодым», все преимущества зрелого возраста и пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какому-нибудь «студенту» щекотливый вопрос, он тут же на нем доказывал всю ничтожность наших университетов и нашего академического образования.

Но он и воспитывал, воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле, и в более узком и в более широком, что он был моим учителем. И это относилось ко всем областям. О политической экономии я уж не говорю — в папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в Союзе коммунистов я скажу ниже. Старые

и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... испанского языка! Мигом извлек он из груди книг «Дон-Кихота» и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался. И как терпелив был он в преподавании — он, обычно такой бурно-нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку.

Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон-Кихота» или другой испанской книги до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз, — с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркской трибуны») написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты», — на классическом французском; один из его друзей французов*, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский язык, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не удалось осуществить. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память, — а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей, — тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже нетрудно.

Вильгельм Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».

Госполитиздат, 1956, стр. 92—93.

2

Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона «стиль — это человек», то именно к Марксу. Стиль Маркса — это Маркс. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом добытые, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в своих книгах показать себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, incapable к притворству и к позе, он всегда был самим собой как в своих произведениях, так и в своей жизни. Правда, при такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре и стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс — творец «Капитала», Маркс — автор «Восемнадцатого брюмера» и Маркс — создатель «Господина Фогта» — три различных Маркса, и все-таки при всем различии это один Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство — единство большой личности, которая разное проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же.

Конечно, стиль «Капитала» труден, но разве легко излагаемый в нем предмет? Стиль — не только человек, он и материал, он должен приспособляться к предмету исследования. *There is no royal road to science* — в науке нет широкой столбовой дороги, тут каждый должен напрягаться и тянуться сам, даже когда его ведет наилучший проводник. Жаловаться на трудный, с трудом усваиваемый или даже тяжеловесный стиль «Капитала» — значит только признать собственную леность и неспособность к мышлению.

Можно ли сказать, что «Восемнадцатое брюмера» непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впиивающаяся в тело? Разве непонятно копье, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова «Восемнадцатого брюмера» — стрелы и копья, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в «Восемнадцатом брюмера», в котором соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте. Здесь стиль становится *stilus*, то есть тем, чем он был в руках римлян, — острым стальным клинком, который пишет

и колет. Стыль — кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце.

А в «Господине Фогте» этот ликующий юмор, эта напоминающая Шекспира радость от того, что найден Фальстаф¹ и в его лице — неисчерпаемый запас для целого арсенала насмешек!

Стыль Маркса — это именно сам Маркс. Его упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценил ясность и точность выражения. Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых он читал почти ежедневно, он считал своими учителями в области слова.

В отношении чистоты и правильности языка он был добросовестен до щепетильности. Помню, как он отчитал меня однажды, в первое время моего пребывания в Лондоне, за то, что я в одной из своих статей написал «stattgehabte Versammlung»*. Я попробовал было сослаться на общеупотребительность этого выражения, но тут Маркс разразился: «Жалкие немецкие гимназии, в которых нельзя научиться немецкому языку, жалкие немецкие университеты» и т. д. Я защищался, как мог, приводил в пример классиков, но никогда более не говорил «stattgehabte» или «stattgefunden» Ereignisse*, да и еще кое-кого отучил от этого...

Маркс был строгим пуристом; нередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он не терпел злоупотребления иностранными словами, и если он все-таки часто их употреблял — там, где предмет этого и не требовал, — то это следует отнести за счет его долгого пребывания за границей, главным образом в Англии... Но какое огромное количество оригинальных, подлинно немецких выражений и словообразований находим мы у Маркса, который, несмотря на то, что две трети жизни провел за границей, имеет огромные заслуги перед немецким языком и принадлежит к крупнейшим мастерам и творцам немецкой прозы!

Вильгельм Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Госполитиздат, 1956, стр. 96—98.

¹ Персонажи в пьесах Шекспира «Король Генрих IV» и «Виндзорские кумушки». *Ред.*

3

Но самым большим «treat» (удовольствием) было общее катание на осликах*. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас — нас вдвойне: во-первых, своим более чем примитивным умением ездить верхом, а во-вторых, тем фанатизмом, с каким он утверждал свою виртуозность в этом искусстве. Виртуозность состояла в том, что он, еще будучи студентом, взял несколько уроков верховой езды, — Энгельс уверяет, что он не пошел дальше третьего урока, — и что во время своих поездок в Манчестер, раз в семь лет, он выезжал на почтенном Росинанте¹, по всей вероятности, правнучке той смиреннейшей кобылы, которую блаженной памяти Фриц² подарил доброму Геллерту.

По дороге домой из Хэмпстед-Хис бывало всегда очень весело, хотя уже миновавшее удовольствие обычно будит в нас менее радостное чувство, чем удовольствие, которое еще только предстоит. Против меланхолии, для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, мы были застрахованы нашим неисчерпаемым юмором. Для нас не существовало нудных эмигрантских забот — тому, кто принимался жаловаться, тотчас же настойчиво напоминали об общественных обязанностях.

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшие за день дети составляли арьергард вместе с Ленхен, которая теперь, когда корзина уже была пуста и сама она шла налегке, могла заняться ими. Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни пели редко, а чаще всего пели народные, преимущественно чувствительные песни, и — это сушая правда — «патриотические» песни об «отечестве», как, например: «О Страсбург, Страсбург, дивный город!», — эту песню особенно любили. Или же дети пели нам негритянские песни и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою исключительную память. Он декламировал длинные отрывки из «Божественной комедии», которую знал наизусть почти целиком. Чи-

¹ Конь Дон-Кихота из одноименного романа Сервантеса. *Ред.*

² Прусский король Фридрих II. *Ред.*

тал он также сцены из Шекспира, причем его жена, превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его...

Вильгельм Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Госполитиздат, 1956, стр. 115.

4

К старикам Вестфаленам * Ленхен * навсегда сохранила нежную привязанность. Мавр * их тоже очень любил. Он не уставал рассказывать нам о старом бароне фон Вестфалене, о его удивительном знании Шекспира и Гомера. Тот мог декламировать целые песни Гомера, от первого до последнего слова, и большинство драм Шекспира он тоже знал наизусть по-английски и по-немецки. Отец Мавра — Мавр чрезвычайно высоко ценил своего отца — был, напротив, настоящим «французом» XVIII столетия. Он знал наизусть Вольтера и Руссо, как старик Вестфален Гомера и Шекспира. Своей удивительной многогранностью Мавр был бесспорно в значительной мере обязан этим «наследственным» влияниям.

Вильгельм Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Госполитиздат, 1956, стр. 126.

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ

Много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю», — требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рёкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!

Ганс Рёкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежные дела его всегда были запутаны. Его лавка была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяйка, четвероногие животные и птицы — в таком же большом

количестве, как и в новом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то, что он был волшебником, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле.

Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мне ко дню моего рождения роман — бессмертного «Петра Простака»¹. Потом последовали полные собрания сочинений Марриэта и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Марриэта, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне.

Однако, прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным родом Кампбелл*. Затем возникли планы подготовки восстания в Горной Шотландии и повторения «45-го года» (1745 г.)². Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдингга.

¹ Роман английского писателя Ф. Марриэта. *Ред.*

² Речь идет о романе Вальтера Скотта «Ваверлей», в котором нашли отражение события 1745 г. в Шотландии — восстание против английского господства. *Ред.*

Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не замечала, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и, хотя она и не сознавала, что ее учат, — а то бы она стала противиться этому, — он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот «суровый и озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о политике и религии. Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку, которая произвела на меня сильное впечатление), и я, конечно, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все так ясно и убедительно, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало сомнений.

А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами; я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Элеонора Маркс-Эвелинг.
Карл Маркс.
«Воспоминания о Марксе и
Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 257—259.

ФРАНЦИСКА КУГЕЛЬМАН

1

Это были как раз первые дни страстной недели*, и мои родители просили, чтобы он обязательно прослушал с ними в страстную пятницу «Страсти по Матфею» Баха. Но Маркс, хотя он и был большим поклонником музыки и особенно почитал Баха, с сожалением отказался от этого, так как предполагал уехать самое позднее в великий четверг.

Все же он пробыл в Ганновере четыре недели¹, и мои родители всегда с таким удовольствием вспоминали об этих днях, так долго хранили в памяти все разговоры и различные подробности, что это время, не тронутое серым покровом забвения, выделялось среди повседневной жизни, как озаряемая светом вершина...

Не только в домашней обстановке, но и в кругу знакомых моих родителей Маркс был мил и любезен, принимал во всем

¹ Маркс был в Ганновере с 17 апреля до середины мая 1867 г. *Ред.*

участие и, когда кто-нибудь особенно нравился ему или когда он слышал оригинальное замечание, он прикладывал к глазу свой монокль и весело, с живым интересом смотрел на этого человека.

Он был несколько близорук, но очки носил только при длительном чтении или письме. С особенной радостью вспоминали мои родители беседы с Марксом в ранние утренние часы, во время которых им никто не мешал. Поэтому моя мать вставала очень рано, чтобы по возможности до завтрака освободиться от всех хозяйственных забот. Иногда они часами сидели за кофе, и мой отец всегда сожалел, что из-за врачебной практики он был вынужден рано уходить из дому.

Помимо вопросов, связанных с внутренними переживаниями и обстоятельствами жизни этого благородного, любезного и выдающегося человека, в разговоре затрагивались все области искусства, науки, поэзии и философии. Обо всем этом Маркс говорил, не впадая в поучительный тон. Моя мать очень интересовалась философией, хотя самостоятельно не занималась ею и не освоила ее глубоко. Маркс говорил с ней о Канте, Фихте, Шопенгауэре, иногда также и о Гегеле, восторженным приверженцем которого он был в своей молодости.

Правда, по поводу Гегеля он говорил, что, по словам самого Гегеля, ни один из его учеников не понял его, кроме Розенкранца, да и тот понял неправильно... *

Сентиментальность, эта карикатура на истинное чувство, глубоко претила Марксу. При случае он цитировал слова Гёте: «Я никогда не был высокого мнения о сентиментальных людях, в случае каких-нибудь происшествий они всегда оказываются плохими товарищами». Очень часто, когда при нем кто-нибудь проявлял преувеличенную чувствительность, он приводил стихи Гейне:

Раз барышня стояла *
Над морем в поздний час
И горестно вздыхала,
Что солнца луч погас.

Маркс лично знал Гейне и посетил несчастного поэта в Париже в последний период его болезни. Гейне как раз перестилали постель, когда вошел Маркс; он был так болен, что к нему едва можно было прикоснуться, сиделки поэтомунесли его в кровать на простыне. Гейне, которого даже в этот момент не оставил его юмор, совсем слабым голосом приветствовал Маркса: «Видите, дорогой Маркс, дамы все еще носят меня на руках».

По мнению Маркса, чудесные песни Гейне о любви были лишь плодом его творческого воображения. Он никогда не испытал счастливой любви и меньше всего нашел счастья в своем браке. Его стихи:

Чем свет его вешать на площадь вели *,
А в семь его сняли — в могилу снесли.
А в восемь она, как ни в чем не бывало,
Вино попивая, с другим хохотала, —

как нельзя больше подходят к его собственной кончине.

Характер Гейне Маркс оценивал очень отрицательно. Особенно осуждал он его неблагодарность за оказанную ему доброту и дружбу. Например, нельзя оправдать его насмешливое стихотворение о Христиани: «Этот юноша любезный * вызвать восхищенье может» и т. д.

Дружбу Маркс считал священной. Однажды один посетивший его партийный товарищ позволил себе сделать замечание по адресу Фридриха Энгельса, что последний как состоятельный человек мог бы сделать больше для освобождения Маркса от тяжелых материальных забот. Тогда Маркс резко перебил его: «Между Энгельсом и мной существуют такие близкие и душевные отношения, что никто не вправе вмешиваться в них». То, с чем он не соглашался, он в большинстве случаев опровергал в шуточной форме, да и вообще он никогда не прибегал к грубому оружию защиты и даже в самой ожесточенной борьбе пускал в ход тонкое лезвие кинжала, которое, однако, очень метко разило врага.

Поистине, не было такой области знания, в которую он не проник бы глубоко, такого искусства, которым бы он не воспользовался, красоты природы, которая не поглощала бы его целиком. Но ему были противны всякая ложь, пустословие, хвастовство и лицемерие.

Обычно час-полтора до обеда он писал письма, работал, читал газеты в той комнате, которая, помимо спальни, была предоставлена в его полное распоряжение. Там он также редактировал первый том «Капитала». Здесь стояла статуэтка Минервы с ее эмблемой — маленькой совой. Маркс, который очень восхищался моей матерью, ее сердечной добротой, ее находчивостью, хорошим характером и большими для ее молодых лет познаниями, особенно в области поэзии и художественной литературы, сказал ей однажды шутя, что она сама — молодая богиня мудрости. «О нет, — возразила моя мать, — я только совушка, которая, прислушиваясь, сидит у

ее ног». Поэтому он называл ее иногда своей милой совушкой. Позднее он перенес это название на маленькую девочку, которую очень любил, с которой часами играл и болтал, когда она сидела у него на коленях.

Франциска Кугельман. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Госполитиздат, 1956, стр. 287—289.

2

Не только в области науки и изобразительного искусства, но и в области поэзии у Маркса был тончайший вкус, его начитанность и память были одинаково поразительны. Он не только разделял восхищение моего отца великими поэтами греческой классической древности, а также Шекспиром и Гёте, но к его любимцам принадлежали и такие поэты, как Шамиссо и Рюккерт. Из Шамиссо он цитировал трогательное стихотворение «Нищий и его собака». У Рюккерта он восторгался искусством языка, ему нравились также его «Макамы Харири»*, мастерски переведенные с персидского; по своей оригинальности они вряд ли могут быть сравнимы с чем-либо другим. Много лет спустя он подарил их моей матери на память об этом времени.

У Маркса были редкие способности к языкам. Кроме английского, он владел французским настолько, что сам переводил «Капитал» на французский язык¹; греческий, латинский, испанский и русский языки он знал так, что мог, читая вслух, тут же перевести с этих языков на немецкий. Русский он выучил совершенно самостоятельно, «чтобы отвлечься» в то время, когда его мучил сильный карбункулез.

Маркс находил, что Тургенев необычайно верно изобразил своеобразие русского народа с его славянской сдержанной эмоциональностью. Он считал, что вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы, во всяком случае, редко кто достигал такого мастерства. Из испанцев он особенно любил Кальдерона. У него были с собой некоторые произведения Кальдерона, и он часто читал их вслух...

В нашей квартире была очень большая комната в пять окон, в которой занимались музыкой и которая называлась

¹ Маркс не переводил I том «Капитала» на французский язык, а тщательно редактировал неудовлетворивший его перевод Ж. Руа. *Ред.*

залом. Но друзья дома называли эту комнату Олимпом, потому что по стенам ее стояли копии античных бюстов греческих богов. Над всеми ими возвышался превосходящий всех по размерам Зевс из Отриколи.

Мой отец считал, что Маркс очень похож на этого Зевса, и многие были согласны с ним. У обоих могучая голова с целой копной курчавых волос, великолепный лоб со складкой мыслителя, повелительное и в то же время доброе выражение лица. Мой отец находил у Маркса, как и у своих любимых олимпийцев, бодрое и жизнеутверждающее спокойствие души, которой были чужды всякая рассеянность и смятение. Он часто вспоминал один меткий ответ Маркса на брошенный упрек, что «классические боги — символ вечного покоя, чуждого страсти». «Наоборот, — сказал он, — у них вечная страсть, чуждая тревоги». Когда речь заходила о партийно-политической деятельности, мой отец мог очень взволнованно осуждать тех, кто втягивал Маркса в свои беспокойные дела. Ему хотелось, чтобы Маркс, подобно олимпийскому отцу богов и людей, ограничивался тем, что метал свои сверкающие молнии, а при случае и громовые стрелы, но не расточал своего драгоценного времени на повседневную суету. Так очень быстро летели дни в серьезных разговорах и в шутках. Сам Маркс не раз называл это время оазисом в пустыне своей жизни.

Два года спустя моим родителям снова посчастливилось в течение нескольких недель видеть у себя Маркса *. На этот раз его сопровождала старшая дочь Женни. Привлекательная, стройная, с темными локонами, она по внешнему виду и по складу ума была очень похожа на своего отца. Это была веселая, живая и приветливая, в высшей степени воспитанная и тактичная девушка; все грубое, бросающееся в глаза, ей претило.

Моя мать быстро подружилась с Женни и всю свою жизнь с любовью вспоминала о ней. Мать часто рассказывала, как много Женни читала, как широк был ее кругозор и как она восхищалась всем благородным и прекрасным. Она была большой почитательницей Шекспира и, вероятно, обладала драматическим талантом, так как однажды выступила в одном лондонском театре в роли леди Макбет. Как-то она исполнила у нас, но только в присутствии моих родителей и своего отца, демоническую сцену с письмом из этой роли. Деньги, которые она получила тогда в Лондоне как артистка, она дала на пальто из настоящего бархата для старой верной служанки *, которая вместе с семьей Маркса приехала из Трира в Ан-

глию и которая в радости, горе и нужде неизменно сохраняла свою любовь и привязанность и всю жизнь оставалась преданной этой семье.

Франциска Кугельман. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 291—292.

3

Во время своего пребывания в Ганновере Женни подарила моей матери так называемую «книгу-исповедь»; такие книги появились тогда в Англии, а затем и в Германии под названием «Познай самого себя». Маркс должен был начать эту книгу, и Женни написала для своего отца на первой странице ряд заранее данных вопросов, но они так и остались незаполненными; он на них не ответил¹. Сама Женни написала свои признания на втором листке, и мои родители нашли их настолько для нее характерными, что я хочу воспроизвести их здесь. Она написала их по-английски, что для нее было привычнее, чем по-немецки. Она считала, что по-английски она напишет на одной странице столько, сколько по-немецки — на четырех, ибо английский язык, по ее мнению, более краток, точен и деловит. Свои дружеские письма, напротив, она писала на французском языке, который казался ей сердечнее и теплее для передачи мыслей и чувств. Ее немецкое произношение было совершенно прирейнским, как и произношение ее отца. Она с детства не была на Рейне и слышала только, как говорят родители и верная служанка из Трира.

Для понимания «исповеди» я должна предпослать несколько слов. Женни пишет, что в женщине она больше всего ценит «благочестие». Вечером, перед тем как она написала это, разговор зашел о религии. Маркс, Женни и мой отец были совершенно свободомыслящими людьми, тогда как моя мать придерживалась других взглядов на религию, хотя ей отвратителен был всякий пиетизм и догматическая ограниченность...

Моя мать говорила так просто, глубоко и сердечно, без всякого ложного пафоса, что все были тронуты, и, вспоминая

¹ Ответы Маркса на аналогичные вопросы даны в настоящем томе, стр. 577. *Примеч. сост.*

этот разговор, Женни написала, что ей больше всего нравится в женщине «благочестие».

И отец и дочь ненавидели Наполеона I, которого они называли не иначе, как «Буонапарт», а Наполеона III они презирали настолько, что даже не хотели называть его имени. Вот почему Женни написала, что самые отвратительные для нее исторические личности — Бонапарт и его племянник.

В связи с этим я вспоминаю остроуту, сказанную Марксом: «Napoléon I a eu génie — Napoléon III a Eugénie»¹.

Женни полностью разделяла восхищение своего отца классической музыкой, они находили музыкальные произведения Генделя в высшей степени революционными. Вагнер был ей еще совершенно неизвестен, в Ганновере она впервые услышала «Тангейзера» в прекрасном исполнении и пришла от него в такой восторг, что причислила Вагнера к своим любимым композиторам. Ее «изречение» в «исповеди» является, по-видимому, цитатой, так как заключено в кавычки. Вопрос о счастье и несчастье она оставила без ответа. Я воспроизвожу все так, как было в оригинале:

Достоинство, которое Вы больше всего цените	
в людях	Гуманность.
» мужчине	Моральное мужество.
» женщине	Благочестие.
Ваше представление о счастье . . .	
» » о несчастье . .	
Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить	Расточительность.
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	Зависть.
Ваша антипатия	Дворяне, попы, женщины.
Ваше любимое занятие	Чтение.
Исторические личности, которые Вам больше всего неприятны . . .	Бонапарт и его племянник.
Ваш любимый поэт	Шекспир.
» » прозаик	Сервантес.
» » композитор	Гендель, Бетховен, Вагнер.

¹ — «Наполеон I обладал гением, Наполеон III — Евгений» *. Ред.

» » цвет Красный.
 Ваше любимое изречение «Будь верен самому себе»¹.
 Ваш любимый девиз Все за одного, один за всех.

У нас на вечерах часто пел прекрасный концертный исполнитель Жозеф Риссе. У него был необычайно могучий баритон широкого диапазона и выдающиеся музыкальные способности. Между прочим, он издал большое количество ирландских народных песен на слова Томаса Мура в собственном переводе и музыкальной обработке под заглавием «Арфа Ирландии». Один из выпусков посвящен моему отцу. Маркс особенно охотно слушал эти трогательные песни, ибо он, как и вся его семья, глубоко сочувствовал несчастной угнетенной Ирландии. Говорят, Тусси долгое время выражала это чувство и внешне, избрав своим любимым цветом зеленый и одеваясь большей частью в зеленое.

Франциска Кугельман. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса.
 «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
 Госполитиздат, 1956, стр. 293—295.

4

Когда он называл кого-нибудь только одним именем, то в этом уже чувствовалась легкая ирония. Например, Кинкеля он называл не иначе, как «Готфрид». Маркс был очень невысокого мнения о нем и считал, что только пребывание Кинкеля в плену после авантюристского участия в баденском восстании, прервавшее его ничем не примечательную учительскую деятельность, затем его романтическое освобождение верным, мужественным Карлом Шурцем послужили рельефным фоном для его довольно приятного, но отнюдь не выдающегося поэтического таланта, и что за это он должен лишь благодарить судьбу.

Франциска Кугельман. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса.
 «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
 Госполитиздат, 1956, стр. 296.

¹ Шекспир. «Гамлет». *Ред.*

5

Маркс был все такой же *, как и раньше, даже внешне не изменился. Он с интересом наблюдал курортную жизнь людей из разных стран, по своей привычке давал юмористические прозвища более или менее бросающимся в глаза прохожим.

Разнообразные прекрасные прогулки в покрытых лесом горах, особенно романтический Эгерталь, приводили Маркса в восторг. Легенда оживила там странные очертания гор и назвала их скалами Ганса Хейлинга.

Согласно этой легенде, Ганс Хейлинг был молодой пастух, завоевавший любовь речной нимфы Эгер, которая потребовала от него вечной верности, угрожая в случае измены ужасной мстью. Ганс Хейлинг поклялся никогда не оставлять ее, но через несколько лет он забыл свою клятву и женился на одной молодой деревенской девушке. В день его свадьбы из воли реки вдруг появилась гневная нимфа и превратила всю свадебную процессию в груды застывших камней.

Марксу доставляло удовольствие выискивать в очертании скал шествующих впереди музыкантов с их валторнами и трубами, свадебную карету, празднично одетую старую даму, которая заботливо подбирает свое платье, чтобы влезть в карету. Маркс при этом прислушивался к быстрой пеннстой речке, журчанье которой в зачарованной долине должно было обозначать вечные слезы бессмертного существа из-за человеческого непостоянства.

В Дальвице ¹ мы посетили знаменитые кёрнеровские дубы, под которыми часто сидел медленно выздоравливавший от тяжелого ранения поэт *, написавший красивое стихотворение «Дубы».

С большим интересом осматривал Маркс знаменитую фарфоровую фабрику в Айхе ² и наблюдал изготовление фарфора. Сначала мягкая серая масса режется веревками, а затем давливается в разнообразные формы. Один рабочий обслуживал странный, похожий на прялку, вертящийся станок, на котором выделялись очень изящные чашки.

«Вы всегда делаете эту операцию, или у вас есть еще и другая работа?» — спросил Маркс. «Нет, — ответил рабочий, — я уже многие годы не выполняю ничего другого. Только путем практики удается так наладить машину, чтобы эти трудные формы выходили гладкими и безупречными». «Разделение

¹ Чешское название — Даловице. *Ред.*

² Чешское название — Дуб. *Ред.*

труда приводит к тому, что человек становится придатком машины, — сказал Маркс моему отцу, когда мы пошли дальше, — и умственные способности уступают место привычным движениям мускулов».

Процесс обжигания и многие отдельные небольшие процессы, затем покраска и позолота готовых предметов в большом светлом зале, повторное обжигание и, наконец, точная сортировка безупречного и менее удачного материала, даже упаковочное помещение — все было отлично организовано. Мы накупили всяких вещей на память.

Маркс очень охотно слушал прекрасную курортную капеллу под управлением Лабицкого, а серьезные политические разговоры и обсуждение партийных дел он сокращал до минимума, перенося их на время коротких утренних прогулок с моим отцом или другими знакомыми мужчинами. Среди последних находился один польский революционер, граф Платер, который так увлекался своими идеями, что ему явно трудно было включиться в легкий разговор, как этого требовал Маркс, когда он находился в более широком кругу или в приятном обществе дам. Граф был приземистым, черноволосым и несколько неуклюжим человеком. Художник Отто Книлле (автор картин на исторические сюжеты), друг моего отца, говорил, что если кто-нибудь спросил бы, который из двух граф, Маркс или Платер, то, без сомнения, был бы назван первый из них. С Книлле Маркс охотно и часто говорил об искусстве. Так текли дни, полные разнообразия и радостного оживления.

Но вдруг в последние дни, после одной более длительной прогулки, которую предприняли Маркс и мой отец, между ними произошел разрыв отношений, которые никогда больше не восстановились. Мой отец говорил об этом только намеками. По-видимому, он попытался убедить Маркса воздержаться от всякой политической пропаганды и прежде всего заняться третьим томом «Капитала»... «Маркс опередил свое время на целое столетие, — часто говорил позднее мой отец, — а для успехов сегодняшнего дня больше всего пригодны те люди, которые не поднимаются выше уровня своего времени; дальнорукие не замечают близлежащих вещей, ясно видимых близорукими».

Быть может, мой отец проявил тогда чрезмерное рвение, оказался до некоторой степени «злым Венцелем», и этого вмешательства более молодого друга Маркс не мог стерпеть; возможно, что это показалось ему посягательством на его свободу. В результате этого прекратилась и переписка. Тусси,

правда, писала время от времени, писала ли Женни, я не знаю. Гусси всегда передавала приветы от своего отца, который посылал также книги моей матери на память о прежних беседах: рюккертовский перевод «Макамы Харири», произведения Шамиссо, «Крошку Цахеса» Э. Т. А. Гофмана, сатира которого, облеченная в сказочную форму, очень забавляла Маркса. Сам он никогда не писал больше моему отцу. Он, вероятно, не хотел оскорбить моего отца, игнорируя его, но все же не мог забыть того, что произошло.

Франциска Кугельман. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 299—301.

АНСЕЛЬМО ЛОРЕНЦО

Вскоре мой извозчик остановился перед домом, в котором жил Маркс. В дверях появился старик. Он был похож на величественного патриарха.

Подойдя робко и почтительно, я представился как делегат Испанской федерации Интернационала. Старик обнял меня, поцеловал в лоб и, заговорив по-испански, повел меня в дом. Это был Карл Маркс.

Собралась его семья, и он сам с пленительной любезностью подал мне ужин. Потом мы пили чай и пространно беседовали о революционных идеях, о пропаганде, организации, причем Маркс выразил свое удовлетворение достижениями в Испании.

Исчерпали ли мы тему разговора или мой почтенный собеседник хотел следовать особой склонности, но он заговорил об испанской литературе, которую, оказалось, отлично знал. Я был поражен тем, что он сказал о нашем старинном театре, историю и развитие которого он постиг в совершенстве. Кальдерон, Лопе де Вега, Тирсо де Молина — эти великие мастера, по его мнению, не только испанского, но и европейского театра — были охарактеризованы им в сжатых и, на мой взгляд, безошибочных суждениях.

В присутствии этого великого человека я чувствовал себя ничтожным. Тем не менее, сделав почти героическое усилие, чтобы не показаться жалким невеждой, я сопоставил, как это принято, Кальдерона с Шекспиром и заговорил о Сервантесе. Обо всем этом Маркс говорил исключительно ярко и восхищался гениальным ламанчским гидальго.

Надо заметить, что разговор происходил на испанском языке, которым Маркс хорошо владел, но произношение у него было неправильное, большей частью по вине наших жестких «кх», «хх» и «рр».

На рассвете он проводил меня в предназначенную мне квартиру.

На следующее утро я был представлен дочерям Маркса, а потом разным делегатам и другим лицам.

Старшая дочь Маркса, исключительно красивая девушка, не была похожа ни на один виденный мною образец женской красоты. Она знала испанский язык, но, как и ее отец, произносила слова не совсем правильно. Чтобы послушать правильное произношение, она попросила меня прочесть что-нибудь вслух. Я подошел к большой библиотеке и вынул «Дон-Кихота» и собрание драм Кальдерона. Из первой книги я прочел речь Дон-Кихота к пастухам, из второй — возвышенные звучные стихи из драмы «Жизнь есть сон», признанные перлами испанского языка и блистательнейшим выражением человеческой мысли. Я стал было пояснять их, но это оказалось излишним: моя юная собеседница обладала достаточным образованием и тонкостью чувств, она обнаружила это, прибавив к моему изложению множество метких замечаний, каких мне никогда не приходилось слышать.

Ансельмо Лоренцо. Из воспоминаний о I Интернационале.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 303—304.

М. КОВАЛЕВСКИЙ

Приходит мне на ум еще один семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла * с двумя ее сыновьями. Сестра никак не могла примириться с тем, что ее брат — вождь социалистов, и настаивала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом... Не прочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета или несравненно более ценимого им Ирвинга.

М. Ковалевский. Встречи с Марксом.
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
Госполитиздат, 1956, стр. 313—314.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ЭНГЕЛЬСЕ

Н. С. РУСАНОВ

Вдруг Энгельс быстро встал и воскликнул:

— Да вот, я кое-что прочту вам из старой русской библиотеки Маркса... Большинство его русских книг я роздал * в другие учреждения и людям, которые могут лучше пользоваться ими... Но некоторые вещи я оставил у себя...

И дружески Энгельс попросил меня пройти с ним в соседнюю комнату. То было такое же светлое, такое же обширное помещение, — судя по длинным, приделанным к стене шкафам, библиотека. Энгельс по-прежнему быстро подошел к одной из полок, с мгновение поглядел на нее, сразу, не колеблясь, достал с нее в старом переплете книгу и показал ее мне: то было одно из первых изданий пушкинского «Евгения Онегина».

В аппарате моей тогда хорошей памяти словно кто-то нажал кнопку. Мне захотелось показать Энгельсу, что и мы, жертвы «политического романтизма» *, кое-что читали и кое-что знаем:

— Дорогой гражданин, вы хотели, очевидно, что-то отсюда мне прочитать? Позвольте мне самому прочитать вам цитату, с которой вы собирались познакомить меня.

Энгельс бросил искоса на меня дружелюбно-насмешливый взгляд:

— Сделайте одолжение. — И Энгельс протянул мне книгу. Я сжал в руках томик и продекламировал наизусть:

...Читал Адама Смита
И был глубокий эконо́м,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И отчего, и почему¹.

¹ У Пушкина эта строка звучит так: «И чем живет, и почему». *Ред.*

Не нужно золота ему,
 Когда *сырой*¹ продукт имеет...
 Его отец понять не мог²
 И земли отдавал в залог.

— Donnerwetter!.. Potztausend!..³ — воскликнул несколько раз по-немецки Энгельс. — Черт возьми, вы угадали... Верно, верно: эту именно цитату я и хотел прочитать вам. Но что навело вас на это?

— Ассоциация идей.

— Какая?

— Вы хотели, очевидно, процитировать мне нечто, касающееся неизбежной отсталости русской жизни. Когда я увидел в ваших руках томик «Евгения Онегина», я сейчас же припомнил, что Маркс привел как раз эту цитату, и притом по-русски, в своей работе «К критике политической экономии»*:

Его отец понять не мог
 И земли отдавал в залог, —

чтобы показать, что идеи буржуазной политической экономии не могут быть применены к обществу, основанному на труде крепостных...

Н. С. Русанов, Мое знакомство с
 Энгельсом.
 «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
 Госполитиздат, 1956, стр. 337—338.

Ф. М. КРАВЧИНСКАЯ

Между присутствующими шли ожесточенные споры, они горячились, шумели, обращались к Энгельсу за решением вопроса.

Вдруг Энгельс обратился ко мне и, учитывая мое незнание иностранных языков, заговорил по-русски. Он стал цитировать из Пушкина:

V

Мы все учились понемногу,
 Чему-нибудь и как-нибудь,
 Так воспитаньем, слава богу,
 У нас немудрено блеснуть.
 Онегин был, по мнению многих
 (Судей решительных и строгих),
 Ученый малый, но педант.

¹ У Пушкина: «простой». *Ред.*

² У Пушкина: «Отец понять его не мог». *Ред.*

³ — Черт побери! *Ред.*

Имел он счастливый талант
 Без принужденья в разговоре
 Коснуться до всего слегка.
 С ученым видом знатока
 Хранить молчанье в важном споре
 И возбуждать улыбку дам
 Огнем неожиданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
 Так, если правду вам сказать,
 Он знал довольно по-латыни,
 Чтоб эпиграфы разбирать,
 Потолковать об Ювенале,
 В конце письма поставить *vale*¹,
 Да помнил, хоть не без греха,
 Из Энеиды два стиха.
 Он рыться не имел охоты
 В хронологической пыли
 Бытописания земли;
 Но дней минувших анекдоты,
 От Ромула до наших дней,
 Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
 Для звуков жизни не щадить,
 Не мог он ямба от хорея,
 Как мы ни бились, отличить.
 Бранил Гомера, Феокрита;
 Зато читал Адама Смита
 И был глубокий эконом,
 То есть умел судить о том,
 Как государство богатеет,
 И чем живет, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда *простой продукт* имеет.
 Отец понять его не мог
 И земли отдавал в залог.

Прочитировал он это наизусть на прекрасном русском языке. Я захлопала в ладоши, но Энгельс сказал: «Увы, этим кончаются мои познания в русском языке».

Этот человек произвел на меня неизгладимое впечатление: такой гостеприимный, открытый.

Ф. М. Кравчинская. Из воспоминаний.
 «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».
 Госполитиздат, 1956, стр. 351—352.

¹ — будь здоров. *Ред.*

КОММЕНТАРИИ
И
УКАЗАТЕЛИ

КОММЕНТАРИИ

К стр. 7. «Критическая критика» — ироническое название, присвоенное Марксом и Энгельсом группе младогегельянцев, объединившихся вокруг «Всеобщей литературной газеты» (братья Бруно и Эдгар Бауэр, Фаухер, Юнгниц, Цыхлинский). Против этой группы была направлена первая совместная работа основоположников марксизма — «Святое семейство, или критика критической критики» (1845). Одна из ее составных частей — написанный Марксом разбор статьи Шелиги (Цыхлинского) о «Парижских тайнах» Эжена Сю. Философско-историческое кредо группы было наиболее четко сформулировано ее главным теоретиком Бруно Бауэром, заявившим на страницах «Литературной газеты», что «все великие дела прежней истории были ошибочны с самого начала, потому что ими интересовались и восторгались массы». В исторической деятельности масс младогегельянцы видели выражение материальных жизненных интересов, несовместимых, с их точки зрения, с сознательно критическим отношением к действительности. Поэтому в противоположность «грубой массе» они выдвигали идеал мыслящего индивида, возвышающегося над материальными интересами и практической деятельностью. Полное примирение с буржуазной современностью, отказ от всякой действительной борьбы за переделку мира — таково было объективное содержание этого противопоставления массы и личности, «некритической» деятельности и «критического» созерцания. «Эти господа, — писал о братьях Бауэр В. И. Ленин, — проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 9). Характерные черты этой философии сказались в статье Шелиги о романе Эжена Сю. Маркс показал, что мелкобуржуазная прожектерско-филантропическая социальная философия Сю во многом совпадает со «спекулятивным» идеалистическим мировоззрением его критика. «Спекулятивное» мышление не признает за чувственной природой человека самостоятельного и независимого существования — оно рассматривает ее как проявление духовной субстанции. Развитие человеческого сознания для идеалистической философии возможно лишь через сознательное ограничение и подавление материально-чувственных потребностей. Из этого принципа исходит не только Шелига, но и Эжен Сю, пытаясь на идеалистический лад разрешить социальные противоречия буржуазного строя. Носителем «спекулятивного принципа» в романе Сю Шелига считает князя Рудольфа Герольштейнского — «критического индивида», противопоставленного плебейским персонажам романа (Резака, Мастак, Флёр де Мари). Рудольф «исправляет» и примиряет с обществом люмпен-пролетариев Парижа. Заставляя их подовать в себе чувственные стремления, он помогает им стать живым воплощением христианского аскетизма и смирения. Анализ Маркса

подчеркивает эгоистическую ограниченность Рудольфа и, наоборот, полноту человеческого достоинства, мужество и силу, отличающую таких персонажей из народа, как Флёр де Мари. Христианское «обращение», через которое проходит часть персонажей, является поворотным моментом в развитии художественной логики романа. Отрицая материально-чувственную природу своих героев во имя абстрактной христианской морали, Сю лишает их человеческой привлекательности и индивидуального своеобразия, превращает созданные им художественные образы в аллегории «долга» и «нравственности». Саморазвитие художественного образа исчезает. Реальная логика жизненных отношений уступает место авторской тенденции, не вытекающей из образа, но навязанной ему извне. Спекулятивный метод, превращающий «действительных людей в абстрактные точки зрения», изгоняет художественный реализм. Таков главный эстетический вывод, который делает Маркс из анализа «Парижских тайн», намечая, таким образом, впервые то понимание реализма, связанное с критикой идеалистического мышления, которое впоследствии было развито в ряде высказываний основоположников марксизма.

— «Клянусь честью, более сорока лет я говорю прозой...» — Мольер, «Мещанин во дворянстве» (акт II, сцена 6).

К стр. 8. ...*времен «хартии-истины»*... — Речь идет о Конституционной хартии (Charte constitutionnelle), принятой после буржуазной революции 1830 г. во Франции, в годы июльской монархии. Выражение «хартия-истина» — иронический намек на заключительные слова прокламации Луи-Филиппа от 31 июля 1830 г.: «Отныне хартия будет истиной».

К стр. 16. «*В присутствии земных богов...*» — Маркс перефразирует двустипшие Гёте из «Фауста» (ч. I, сцена 6; «Кухня ведьмы»).

К стр. 20. «*Запреты и контрабанды неразлучны в любви, как и в торговле.*» — Цитата из произведения Ш. Фурье «Теория всемирного единства» (т. III, ч. II, гл. 3).

К стр. 23. *Парнй в своих прекрасных стихах к Элеоноре воспевал метиску.* — См. стихотворения Парни: «Le lendemain», «La discretion», «Envoi à Éléonore», «Retour à Éléonore» и др.

К стр. 25. ...«*честность*», *говорит Шекспир, «не пуританка».* — Шекспир, «Всё хорошо, что хорошо кончается» (акт I, явл. 3).

К стр. 26. «*Книга об изобретателях вещей.*» — «Polydori Vergilii liber de rebus inventoribus», Lugduni, 1706.

К стр. 35. «*Ханеман, иди впереди...*» — Из немецкой народной комической повести «Семь швабов».

К стр. 48. «*Тот лишь к монастырской двери...*» — Гёте, «Кроткие ксенин», IX, 11.

К стр. 64. «*Journal des Débats*» («Газета прений»), «*Siècle*» («Век»), «*Petites affiches de Paris*» («Маленькие объявления») — парижские буржуазные газеты.

К стр. 65. «*Anekdoten*» («Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik») — «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики». — Сборник, изданный А. Руге в Швейцарии в 1843 г. В сборнике были напечатаны статьи К. Маркса, Л. Фейербаха, Б. Бауэра, Ф. Кеппена и других,

К стр. 76. ...«бессилие в действии». — Цитата из книги Ш. Фурье, «Теория четырех движений и всеобщих судеб», ч. II, эпилог.

К стр. 80. «Молодая Англия». — См. примеч. к стр. 420 т. I настоящего издания.

К стр. 89. «Истинный социализм» — система расплывчатых утопически-социалистических воззрений, сложившаяся в мелкобуржуазной Германии начала 40-х гг. под влиянием развития коммунизма в Англии и Франции. В разрешение социальных вопросов «истинные» социалисты (М. Гесс, К. Грюн) привнесли традиционную для Германии отвлеченность, идеалистическое высокомерие по отношению к практической революционной борьбе. Заимствованным ими у англо-французских коммунистов идеям они придали абстрактный моралистический характер, истолковав их в духе надклассовой любви и человечности, лишив их связи с реальным коммунистическим движением и борьбой пролетариата.

В 1845—1847 гг. Марксу и Энгельсу, стремившимся к соединению рабочего движения с научным социализмом, пришлось вести упорную борьбу с идеями «истинных» социалистов в печати и в рамках «Союза коммунистов».

— Так, требования первой французской революции для немецких философов XVIII века имели смысл лишь как требования «практического разума». — Имеются в виду Кант и Фихте, которые выдвинули в своей этике идеи свободы и братства, ставшие во Франции основными требованиями буржуазной революции. У немецких мыслителей эти идеи получили отвлеченный нравственный смысл.

К стр. 93. Вышеназванная книга... — См. примеч. к стр. 498 т. I настоящего издания.

К стр. 94. Кого не радуют подобные цветы... — Моцарт, «Волшебная флейта», ария Зарастро, д. II (перефразировано).

К стр. 97. «Volks-Tribun» («Народный трибун») — еженедельная газета, основанная немецкими «истинными социалистами» в Нью-Йорке. Выходила с 5 января по 31 декабря 1846 г.

К стр. 101. ...приведенные выше характеристики «истинных социалистов»... — См. «Немецкая идеология», т. II, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 457—544.

Произведение Ф. Энгельса «Истинные социалисты», содержащее характеристику поэтов этого течения, было задумано как продолжение т. II «Немецкой идеологии». Оно написано, по-видимому, в январе — апреле 1847 г. и, судя по концу рукописи, осталось незавершенным.

В условиях начавшегося в 40-х гг. разрушения «устоев» ремесленно-патриархальной Германии «истинный социализм» с его морализующей критикой капиталистического «зла», проповедью неопределенной гармонии и человечности завоевал общественную популярность, превратившись в идейное выражение широкой мелкобуржуазной оппозиции надвигающемуся капитализму. Значительное влияние «истинный социализм» оказал в это время на немецкую поэзию. В период расцвета «истинного социализма» к нему примыкал и ряд поэтических группировок в различных областях Германии. Состав этих группировок был пестрым. Наряду с поэтами, ставшими позднее видными представителями революционной поэзии (Ф. Фрейлиграт), «истинный социализм» привлекал под свое знамя плеяду

мелкобуржуазных поэтов и беллетристов, писавших о «социальном вопросе». К числу последних принадлежали К. Бек, А. Мейснер, М. Гартман («австрийская группа»), Л. Отто, Г. Ф. Земмиг («саксонская группа»); Земмиг одновременно был и «истинно-социалистическим» публицистом), Г. Пюттман (издатель ряда альманахов «истинного социализма») и другие. Общей чертой всей поэзии «истинного социализма» было непонимание борьбы классов и революционной миссии пролетариата. Переполющая свои произведения отвлеченно-тенденциозным изображением «социального» зла, «истинные социалисты» отвергали революционную борьбу. Они ограничивались патетическими тирадами по адресу окружающей «бесчеловечности», призывали к гуманности, к братству между угнетенными и угнетателями.

15 января 1847 г., после окончания «Немецкой идеологии» (заключительный раздел которой направлен против «истинно-социалистической» публицистики), Энгельс писал Марксу: «Как бы было хорошо, если бы мы могли еще раз написать главу об истинном социализме, теперь, когда они развились во всех направлениях, когда образовались вестфальская школа, саксонская школа, берлинская школа и т. д., и т. д. вместе с одиночными звездами, Пюттман и т. д. Их можно было бы подразделить по созвездиям на небе» (Сочинения, т. XXI, стр. 63). Статья Энгельса «Истинные социалисты» соответствует этому замыслу. Поэты и публицисты «истинного социализма» названы здесь именами созвездий (Лев — Герман Криге; Рак — Юлиус Хельмих; Овен — Иосиф Вейдемайер; Телец — Отто Люнинг; Орион — Альфред Мейснер; Андромеда — Луиза Отто; Большая Медведица — Герман Пюттман и т. д.).

К стр. 102. «*Westphälisches Dampfboot*» («Вестфальский пароход») — журнал «истинных социалистов», выходивший в Билефельде и Падерборне в 1845—1848 гг.

— ...в качестве народного трибуна... — Намек на название газеты «Народный трибун» («*Der Volks-Tribun*»), издававшейся под редакцией Г. Криге в Нью-Йорке в 1846 г.

...«народное хозяйство в его грядущей форме»... — Речь идет о статье Ю. Майера «Учение о народном хозяйстве в его современной и грядущей форме», помещенной в названном издании О. Люнинга «Эта книга принадлежит народу» (т. II, Билефельд, 1845).

К стр. 103. «*Gesellschaftsspiegel*» («Зеркало общества») — журнал «истинных социалистов», издававшийся под редакцией М. Гесса в Эльберфельде в 1845—1846 гг.

— «*Der Rheinische Beobachter*» («Рейнский обозреватель») — газета, выходившая в Кельне.

— ...с тех пор как ему был закрыт Везер... — Энгельс имеет в виду запрещение журнала «*Weser-Dampfboot*» («Везерский пароход»), выходившего под редакцией О. Люнинга в 1844 г. С начала 1845 г. журнал был преобразован в «*Westphälisches Dampfboot*».

К стр. 104. ...нашу критику нью-йоркского «*Volks-Tribun*»... — см. К. Маркс и Ф. Энгельс, «Циркуляр против Криге» (Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. I—16).

— ...«*Werkstatt*» («Мастерская») — журнал «истинных социалистов», издававшийся под редакцией Г. Ширгеса в Гамбурге в 1845—1847 гг.

К стр. 105. ...«*beatus ille qui procul negotiis*»... («блажен лишь тот, кто суеты не ведает») — Гораций, Эпод 2 (стих 1).

К стр. 109. *...херуск...* — Название одного из древнегерманских племен. В 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу херуски во главе с военачальником Арминием разбили римлян, предводительствуемых Варом.

К стр. 110. *...знак умножения...* — корреспондентский знак одного из сотрудников журнала «Das Westphälische Dampfboot».

— *...некоей массивной Немезиды.* — На обложке журнала «Gesellschaftsspiegel» была изображена древнегреческая богиня возмездия Немезида.

К стр. 111. *...главным образом в следующем...* — Далее Энгельс цитирует статьи Ф. Шнаке в журнале «Gesellschaftsspiegel», направленные против К. Гуцкова, Ф. Штейнмана и Т. Опица.

— *И если зада не дано...* — Из эпиграммы Гёте «Целостность».

К стр. 113. *Мы уже отметили выше...* — См. стр. 93 настоящего тома.

К стр. 114. *...«один среди трупов с любящей душой»...* — Перефразированная цитата из баллады Шиллера «Кубок» (в оригинале — «Среди чудищ» (Larven)).

К стр. 115. *...требуемые двадцать листов...* — По существовавшему законодательству о печати от предварительной цензуры в ряде германских государств освобождались только книги, превышающие по своему объему 20 печатных листов.

К стр. 116. *...в «Парке Лили»...* — Энгельс приводит далее три цитаты из названного им стихотворения Гёте.

К стр. 121. *Così fan tutti* (так делают все)... — Крылатое выражение, происходящее от названия комической оперы Моцарта «Così fan tutte» («Так поступают все женщины»).

— *«Veilchen, harmlose Blätter für die moderne Kritik»* («Фиалки. Невиновые листки современной критики») — еженедельник «истинных социалистов» издавался под редакцией Г. Шлюсселя в Бауцене (Саксония) в 1846—1847 гг.

К стр. 122. *«Trier'sche Zeitung»* («Трирская газета») — основана в 1757 г.; в середине 40-х гг. находилась под влиянием «истинных социалистов».

— *Сосредоточенна, скромна...* — Из баллады Гёте «Фиалка».

К стр. 123. *...стоящее выше всякой видимости, как говорит Гамлет...* — Шекспир, «Гамлет» (акт I, сцена 2).

— *О ты, полный предчувствия ангел!* — Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена 16; «Сад Марты»).

К стр. 131. Характеристику *«Друга детей» Рохова (1776)*, распространенной в Германии XVIII в. книги для чтения в сельских школах, см. в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», отд. II, гл. V (Сочинения, т. XIV, стр. 187—188).

— *Олимпийский цирк* — театр в Париже.

К стр. 132. *...in partibus infidelium...* — вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных») — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран).

В тексте содержится намек на патриотические стихотворения Гервега («Немецкий флот», 1841) и Фрейлиграта («Мечты о флоте», 1843; «Два

флага», 1844), в которых воспевалось будущее не существовавшего еще немецкого флота.

К стр. 135. *«Человеконенавистничество и раскаяние»* (*«Menschenhass und Reue»*) — название драмы А. Коцебу.

К стр. 136. *«Леноре снился страшный сон»*... — Начальный стих баллады Бюргера «Ленора».

К стр. 137—138. *«Шиллеровская мать-детоубийца... знакомый возглас: «Иосиф, Иосиф!»* — Имеется в виду стихотворение Шиллера «Детоубийца».

К стр. 140. *«Лейпцигское августовское волнение»*... — Речь идет о расстреле саксонскими войсками народной демонстрации в Лейпциге 12 августа 1845 г. Демонстрация была направлена против преследования саксонским правительством буржуазного движения «немецких католиков».

К стр. 145. *«Если б их слить воедино, это было бы слишком для мира»*... — Перефразированная цитата из «Двустийши» Людвиг Баварского — см. примеч. к стр. 506 т. 1 настоящего издания.

— *«Leipziger Allgemeine Zeitung»* («Лейпцигская всеобщая газета») — ежедневная газета, выходившая в 1837—1843 гг.; в начале 40-х гг. прогрессивный буржуазный орган. Эпиграфом газеты были слова «Истина и право, свобода и закон».

К стр. 147. *«Le Siècle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 г. В 40-х гг. XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ.

К стр. 153. *«Шиллеровского шалашика, в котором находит приют любящая счастливая пара»*... — См. Шиллер, «Юноша у ручья».

К стр. 154. *Пражское восстание*. — Имеется в виду стихийное восстание текстильщиков Праги в июне 1844 г., вызвавшее рабочие волнения также в других промышленных центрах Чехии.

К стр. 155. *«Утренняя заря»* — популярная немецкая песня на текст стихотворения В. Гауфа «Утренняя песня всадника».

К стр. 158. *«Друзья света»* — религиозное течение внутри протестантской церкви, отражавшее оппозиционные настроения немецкой буржуазии 1840-х гг.

К стр. 163. *«Благоприятствующая этой перемене»*. — Речь идет о росте оппозиционных настроений против меттерниховского режима.

— *Европейским Китаем* Маркс и Энгельс называют здесь Австрию.

К стр. 164. *«Sozialdemokrat»* — еженедельная газета, центральный орган германской социал-демократической партии в эпоху исключительного закона против социалистов; выходила в Цюрихе (1879—1888) и Лондоне (1889—1890); редактор — Э. Бернштейн.

К стр. 165. *«Грубьянская литература»*. — «Грубьянская литература» появилась в Германии XV—XVI вв. как своеобразное дополнение к морализующе-дидактическим наставлениям о правилах поведения за столом и в обществе. Пользуясь традиционным образом «грубияна», бюргерские писатели XV—XVI вв. высмеивали моральную распущенность, грубое поведение, противоположное нормам бюргерской морали, и одновременно — увлечение «светскими» науками и вольномыслием, Памятником «литера-

туры грубиянов», давшим название всему направлению, является латинская поэма Ф. Дедекинда «Grobianus» («Грубиян», 1549).

К стр. 166. *...честное сознание...* — Разъяснение этого выражения, заимствованного из философской терминологии Гегеля, см. на стр. 211 настоящего тома и примеч. к ней.

— *Манифест Гейнца*, который Маркс иронически оценивает как возрождение «литературы грубиянов», — статья немецкого демократа К. Гейнца «Представитель коммунистов» («Deutsche Brüsseler Zeitung», 1847, № 84), опубликованная им в ответ на статью Энгельса «Коммунисты и К. Гейнцен» (Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 268—285). В своей статье Гейнцен противопоставлял будто бы «оторванным от жизни» идеям коммунистов программу борьбы за буржуазную демократию.

— *Спрячься, Ахилл...* — Шекспир, «Бесплодные усилия любви» (акт V, сцена 2).

К стр. 167. Разговор Аякса и Терсита — Шекспир, «Троил и Крессида» (акт II, сцена 1).

К стр. 169. *Изегрим был ужасен и дик...* Из поэмы Гёте «Рейнеке-Лис» (песнь 12, ст. 38—46).

К стр. 170. *Готфрид Кинкель и его соратники.* — Победа контрреволюции, по выражению Маркса и Энгельса, «спасла» мелкобуржуазных деятелей революции 1848—1849 гг. от бесславного конца. После поражения революции мелкобуржуазные демократы собираются в Лондоне, где программами, манифестами, газетной шумихой стремятся восстановить свой пошатнувшийся авторитет. Одним из документов непримиримой борьбы Маркса и Энгельса с кликой вождей немецкой вульгарной демократии, ничему не научившейся на опыте революции 1848 г., является памфлет «Великие люди эмиграции» (1852), первая часть которого посвящена Готфриду Кинкелю.

Маркс и Энгельс разоблачили в этом памфлете жалкую роль представителей мелкобуржуазной демократии во время германской революции 1848 г., ее интриги и сомнительные финансовые махинации в «эмигрантском болоте».

Второстепенный по своему дарованию поэт, Г. Кинкель после поражения революции превратился в легендарного национально-революционного «героя» немецкого мещанства. Избранный в 1848 г. боннскими ремесленниками (перед которыми он развил фантастическую программу увековечения цехового строя с помощью государственных субсидий) в Прусскую палату представителей, Кинкель после роспуска ее принял участие в борьбе за имперскую конституцию. Он участвовал 10 мая 1849 г. в организованном поручиком Аннеке авантюристическом нападении на Зигбургский цейхгауз, участники которого были смяты горстью прусских драгун. Затем Кинкель вступил добровольцем в баденско-пфальцский отряд Виллиха (в котором одновременно находился Энгельс). Раненный при Раштатте в голову, Кинкель был взят в плен правительственными войсками. С этого момента начинается та трагикомическая эпопея, которую Маркс и Энгельс характеризуют как «эпоху в истории развития мещанства». Представ 4 августа 1849 г. перед военным судом, Кинкель, не смотря на то, что в это время в казематах Раштатта происходили расстрелы республиканцев, произнес покаянную речь, в которой отмежевался от революции. После заключения Кинкеля в тюрьму жена его, поэтесса И. Моккель, организует кампанию за освобождение мужа. С помощью богатых друзей ей удается наводнить Германию портретами изображенного в

тюрьме за прялкой «героя», организовать печатание статей и брошюр, превозносящих Кинкеля в качестве национального поэта и мученика за свободу. В ноябре 1850 г. И. Моккель с помощью К. Шурца организует на средства баронессы Брюнинг побег мужа в Лондон. Явившись сюда в качестве героя, окруженного романтическим ореолом, Кинкель становится одним из популярнейших лиц среди немецкой демократической эмиграции. С борьбой И. Моккель за создание ее мужу репутации национального героя был связан выход апологетической двухтомной биографии, написанной Штродтманом (1850), которой пользовались Маркс и Энгельс, разоблачая этого героя демократической фразы (см. о борьбе Маркса и Энгельса с Кинкелем в книге А. И. Белецкого «К. Маркс, Ф. Энгельс и история литературы», М., «Мир», стр. 89—93).

К стр. 170. *«Воспой, бессмертная душа...»* — Начальный стих поэмы Клопштока «Мессиада».

— *Готфрид является героем демократического зигвартовского периода...* — Зигварт — герой одноименного сентиментального романа Иоганна-Мартина Миллера (1776). Появившаяся два года спустя после «Страданий молодого Вертера» история Зигварта — мученика несчастной любви — вызвала в Германии потоки слез и демонстрации сентиментальной чувствительности. Называя Кинкеля героем «демократического зигвартовского периода», Маркс и Энгельс имеют в виду организованную И. Моккель агитацию за его освобождение.

К стр. 171. *«Кто в дебри умозренья погружен...»* Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена 4; «Кабинет Фауста»).

— *...уничтожь же разум и науку!* — Из той же сцены «Фауста».

К стр. 177. *Магадо* — «великий бог», прозвище Шивы, одного из верховных индийских божеств. Изображение Шивы, изготовленные индийскими девушками, служили для них предметом поклонения. Возможно, что Маркс и Энгельс намекают на балладу Гёте «Бог и баядера».

К стр. 179. *Он казался самому себе тем Генрихом, который томится в городке у подножья Вартбурга, и тоска по голубому цветку охватила его с непреодолимой силой.* — Голубой цветок в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» — символ романтического томления души по «бесконечному» и в то же время — символ возлюбленной, через союз с которой должно совершиться вступление Генриха в новую жизнь.

— *...и там пишет свои элегии...* — Речь идет о «Римских элегиях» (1788).

— *Ведь даже у кита есть виш...* — Гёте, «Кроткие ксении», 5.

К стр. 180. *Драхенфельс* — скала на Рейне близ Кенигсвинтера с развалинами средневекового замка.

К стр. 181. *Еще старик Гегель правильно заметил, что благородное сознание всегда переходит в низменное.* — См. примеч. к стр. 469 т. I настоящего издания.

К стр. 183. *«сочетаться браком» с новой любовью.* — Маркс и Энгельс имеют в виду автобиографический роман Юнг-Штиллинга «Юношеские годы Генриха Штиллинга» (1778).

К стр. 186. *Геттингенский «Hainbund» («Роща»)* — в Германии 70-х гг. XVIII в. кружок молодых поэтов, почитателей Клопштока, боровшихся против влияния французского классицизма, за национальную самобытность (Бойе, Гельти, братья Штольберг, Фосс и другие).

К стр. 187. ...из *«Сродства душ»*. — Гёте, *«Сродство душ»* (*«Wahlverwandschaften»*; ч. I, гл. 12).

К стр. 191. *«Спасайся, ремесло!»* — G. Kinkel, *«Handwerk, errette Dich! oder Was soll der deutsche Handwerker fordern und thun, um seinen Stand zu bessern?»* Bonn, 1848 (Г. Кинкель, *«Спасайся, ремесло! или Что немецкие ремесленники должны требовать и делать, чтобы улучшить положение своего сословия?»* Бонн, 1848).

— *Winkelblehiaden* — «Винкельблехиадами» (по имени немецкого экономиста К. Г. Винкельблеха, выступавшего с реакционной теорией восстановления цехового строя), здесь иронически называются собиравшиеся в ряде немецких городов в 1848 г. съезды ремесленников, на которых выдвигались реакционно-утопические программы восстановления цехов.

К стр. 194. ...дарованную сверху вторую палату... — Вторая палата прусского парламента была создана 5 февраля 1849 г. на основе конституции, октроированной (дарованной) Фридрихом-Вильгельмом IV 5 декабря 1848 г. в результате контрреволюционного переворота в Пруссии. Несмотря на то, что выборы в палату происходили на основе крайне урезанного избирательного закона, в палате образовалось сильное оппозиционное левое крыло. Уже 28 апреля 1849 г. вторая палата была распущена правительством.

К стр. 195. ...ему поручили управление морскими делами... — Пфальц не имеет морских границ.

К стр. 196. ...с которым нам предстоит еще познакомиться поближе... — См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 8, стр. 336—340.

— *При Раштатте*. — При Раштатте 29—30 июня 1849 г. состоялось последнее сражение революционной баденской армии с прусскими войсками. Остатки баденской армии, осажденные в крепости Раштатт, капитулировали 23 июля.

К стр. 197. Он произнес перед военным судом защитительную речь... — См. стр. 212—214 настоящего тома.

— ...мы увидим, как он переплывает океан с... денежной сумкой. — См. примеч. к стр. 305.

К стр. 199. Перед присяжными Кинкель выступил в роли источника слез... — Сравни характеристику речи Кинкеля в письме Фрейлиграта к Марксу от 5 мая 1850 г. (Ф. Фрейлиграт, *Избранные произведения*. Гослитиздат, М., 1956, стр. 311—313).

— ...история Ричарда Львиное Сердце и Блонделя... — Легенда рассказывает, что любимец английского короля Ричарда Львиное Сердце, трувер Блондель, спас его из австрийской темницы Дюрнштейн.

К стр. 200. ...он побывал у Диккенса, в редакциях английских либеральных газет... — См. примеч. к стр. 306.

— *«Household Words»* («Знакомые слова») — еженедельный английский литературный журнал; в 1850—1859 гг. издавался в Лондоне Чарльзом Диккенсом.

— *«Illustrated News»* (полностью *«Illustrated London News»* — «Иллюстрированные лондонские новости») — еженедельный английский иллюстрированный журнал, выходящий с 1842 г.

К стр. 201. *«Der Kosmos»* («Космос») — еженедельный орган немецких мелкобуржуазных эмигрантов-демократов; издавался в Лондоне в 1851 г. Э. Хаугом.

К стр. 202. *...страшный суд демократии, столь прославленный месяц май 1852 г. ...* — В мае 1852 г. во Франции должны были состояться выборы президента республики. В кругах мелкобуржуазной демократии, в частности в эмигрантских кругах, с этой датой связывали надежды на приход демократических партий к власти.

— *...великанов комедии имперской конституции...* — Имеется в виду кампания в защиту имперской конституции, принятой Франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 г. Характеристика кампании за имперскую конституцию дана в работах Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (Сочинения, изд. 2, т. 7, стр. 111—207) и «Революция и контрреволюция в Германии» (там же, т. 8, стр. 89—102).

К стр. 203. *...центрального бюро по делам германской эмиграции...* — Попытки создать центральное бюро германской эмиграции были направлены против руководимого Марксом и Энгельсом Социал-демократического эмигрантского комитета. Целью этих попыток было подчинить пролетарские элементы эмиграции влиянию мелкобуржуазных эмигрантов-демократов.

— *«Я скорее согласен быть нахальным болтуном, нежели вовсе не быть».* — Д. Дидро, «Племянник Рамо», М., Гослитиздат, 1956, стр. 20.

К стр. 204. *...в «Клубе решительных прогрессистов»...* — «Клуб решительного прогресса», основанный 5 июня 1849 г. в Карлсруэ, объединял радикальное крыло мелкобуржуазных демократов-республиканцев (Г. Струве, К. Гейнцен и другие). Члены клуба пытались бороться с капитулянтской политикой временного баденско-пфальцкого правительства, которое возглавлял Лоренц Brentано.

— *...в защиту интересов Союзного сейма...* — Союзный сейм — центральный орган Германского союза, заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей германских государств. Союзный сейм явился орудием немецкой реакции.

— *...германского католицизма...* — Германский (немецкий) католицизм — религиозное движение, возникшее в 1844 г. в ряде германских государств и охватившее значительные слои средней и мелкой буржуазии. Отвергая главенство папы, «немецкие католики» стремились приспособить католицизм к нуждам немецкой буржуазии.

К стр. 205. *...обычных четырех факультетов...* Обычными факультетами в немецких университетах были богословский, юридический, медицинский и философский.

— *«Deutscher Zuschauer»* («Германский зритель») — немецкая газета мелкобуржуазно-радикального направления; выходила в 1846—1848 гг. в Мангейме и Базеле под редакцией Г. Струве.

— *...изображенные самим Густавом...* — В книге G. Struve, «Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden» (Г. Струве, «История трех народных восстаний в Бадене», Берн, 1849).

К стр. 206. *«Правительственный орган... Свобода, благосостояние, просвещение».* — Имеется в виду «*Republikanisches Regierungs-Blatt*» («Республиканская правительственная газета»), орган мелкобуржуазных демократов; издавался Г. Струве и К. Блиндом в Лёррахе во время второго баденского восстания в сентябре 1848 г. Цитируемые Марксом и Энгельсом лозунги были напечатаны в этой газете в качестве подзаголовков.

— см. *Gögg, Rückblick...* — Речь идет о вышедшей анонимно в Париже в 1850 г. книге А. Гёгга «*Rückblick auf die Badische Revolution unter Hin-*

weisung auf die gegenwärtige Lage Deutschlands» («Петроспективный взгляд на баденскую революцию в связи с современным положением в Германии»).

К стр. 207. ...в немецкой «Londoner Zeitung»... — Имеется в виду «Deutsche Londoner Zeitung» («Немецкая лондонская газета») — газета немецких эмигрантов в Лондоне, выходившая с 1845 по 1851 г. под редакцией Л. Бамбергера; наряду с произведениями мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в этой газете были напечатаны некоторые сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса.

К стр. 208. ...за демагогические проделки... — Имеется в виду оппозиционное движение немецкой интеллигенции после освобождения Германии от наполеоновского ига. Убийство в 1819 г. К. Зандом сторонника Священного союза и царского агента Коцебу послужило предлогом для репрессий против «демагогов», как были названы участники этого оппозиционного движения в постановлениях Карлсбадской конференции министров немецких государств в августе 1819 г.

— ...привратником германской философии... — Так назвал Руге Г. Гейне в предисловии ко второму изданию очерка «К истории религии и философии в Германии» (1852).

— ...как в Галлеских, так и в Немецких «Jahrbücher»... — «Hallische Jahrbücher» («Галлеский ежегодник») — литературно-философский журнал младегелевцев; выходил в 1838—1841 гг. в Галле; в связи с запрещением издание было перенесено в Лейпциг и журнал был переименован в «Deutsche Jahrbücher» («Немецкий ежегодник»); под этим названием он выходил с 1841 по 1843 г. Редакторами-издателями обоих журналов были А. Руге и Т. Эхтермайер.

— «Berliner Monatsschrift» («Берлинский ежемесячник») — журнал берлинского кружка просветителей, издававшийся Ф. Николаи; выходил в 1783—1796 гг.

К стр. 209. ...спекулятивных словесных построений. — В т. 8 Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, который вышел из печати, когда текст настоящей книги был уже набран, после этого следует фраза: «Подобно Николаи, он доблестно боролся против романтики как раз потому, что Гегель в своей «Эстетике» критически, а Гейне в «Романтической школе» литературно давно с ней покончили».

К стр. 211. ...изображал «честное сознание»... — Изображение «честного сознания» Гегель дал в «Феноменологии духа» (глава «Духовное царство животных») — см. G.-W.-F. Hegel, Sämtliche Werke, Bd. II, Herausg. v. H. Glockner, Stuttgart, 1927, S. 316—317.

— ...наш друг Арнольд внушил поэту мысль об Атте Тролле. — В лице медведя Атта Тrolля, героя одноименной поэмы, Гейне создал классическую сатиру на немецкого мелкобуржуазного революционера 1840-х гг. В своей борьбе против представителей мелкобуржуазной демократии Маркс и Энгельс неоднократно обращались к этому классическому образу Гейне.

К стр. 215. Весь коммунизм этого субъекта... — Речь идет об А. Виллихе.

— Что касается стихотворения... — В письме к Марксу от 10 июня 1854 г. Энгельс писал: «Прилагаю духовную песню. Узнай: 1. Какого она столетия? 2. Кто автор? Просьба подробно ответить» (Сочинения, т. XXII, стр. 43). Ответом на эти вопросы является данный абзац в письме Маркса. Какое стихотворение посылал Энгельс Марксу, неизвестно.

К стр. 216. *«Ганс Ибелес»* — роман И. Кинкель (Иоганна Моккель), изданный Г. Кинкелем после смерти жены. В романе изображена жизнь немецких демократических эмигрантов в Лондоне.

К стр. 218. *...декабрьские дни...* — Имеется в виду государственный переворот 2 декабря 1851 г. во Франции — захват власти Наполеоном III.
— *«Advertiser»* (полностью *«Morning Advertiser»* — «Утренний вестник») — ежедневная лондонская буржуазная газета, основанная в 1794 г.

К стр. 219. *«Ave Maria» Пиа...* — памфлет Ф. Пиа, написанный в традиционной форме католической молитвы богородице.

— *Porte st. Martin* — театр в Париже у ворот св. Мартина.

— *«Morning Post»* («Утренняя почта») — английская политическая газета, основанная в 1772 г., орган ториев.

К стр. 220. *...о Французской секции.* — Речь идет об эмигрантской французской секции в Лондоне во главе с Ф. Пиа, П. Везинье и П. Ле Любе, борющейся против Генерального Совета I Интернационала и исключенной из Интернационала на его Брюссельском конгрессе (6—13 сентября 1869 г.).

К стр. 221. *...мы, т. е. Генеральный совет, поместили... официальную заметку...* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 271.

К стр. 222. *...в органе которого...* — Речь идет об издававшейся Ф. Пиа газете *«La commune»* («Коммуна»).

— *...свою резолюцию от 10 мая 1870 г. ...* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 380.

К стр. 223. *...воззвание по поводу Коммуны...* — Речь идет о работе К. Маркса «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих» (Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 293—337).

К стр. 230. *«Тугендбунд»* («Союз добродетели») — тайное политическое общество, возникшее в Пруссии в 1808 г. и ставившее своей задачей освобождение страны от наполеоновской оккупации и борьбу за конституцию.

К стр. 231. *Г. Фр. Даумер. «Религия нового века...».* — В этой статье Маркс и Энгельс подвергли критике специфическую немецкую форму идейной реакции на революцию 1848 г. В сочинениях конца 1830-х — начала 1840-х гг. Даумер принял участие в борьбе левых гегельянцев с религией. В работах по истории религии («Поклонение древних евреев огню и Молоху», 1842, и др.) он рассматривал христианство как последнюю историческую форму враждебной человеку «религии уничтожения», основанной на страхе и подавленности личности. Даумер без достаточных оснований выдвинул гипотезу о влиянии на христианство вавилонского культа Молоха и о наличии у ранних христиан человеческих жертвоприношений. В «Религии нового века» (1850) Даумер перешел к построению — в противовес христианству — новой «положительной» религии, отводя в своей книге немало места филистерскому осуждению революции.

— *«Korrespondent von und für Deutschland»* («Немецкий корреспондент») — буржуазно-либеральная газета; выходила в Нюрнберге с 1806 г.

К стр. 232. *...«опасно будить льва»...* — Начало известного отрывка из стихотворения Шиллера «Песнь о колоколе», в котором Шиллер осуждает революционный террор первой французской революции.

К стр. 233. *Суры нового корана...* — Иронический намек на книгу Даумера «Магомет и его творение» («Mahomed und sein Werk», Hamburg, 1848); суры — арабское название глав корана

К стр. 235. *...оду весне Клопштока...* — Речь идет об оде «Празднество весны» («Die Frühlingsfeier», 1759).

К стр. 236. *...эри Вильгельм Мейстер.* — Имеются в виду главы романа Гёте, «Годы учения Вильгельма Мейстера», изображающие пребывание героя в имении графа и зависимость искусства от титулованных особ (кн. 3, гл. 5—12).

К стр. 237. *Французам и русским досталась земля...* — Гейне, «Германия, Зимняя сказка», гл. VII.

К стр. 238. *Если итальянцы хотят иметь пример того, на какое участие они могут рассчитывать со стороны грубых хвастунов освободительной эпохи...* — Отрывок извлечен из ответа Энгельса итальянской буржуазно-демократической газете «Реформа» («Riforma»), призывавшей немцев поддержать итальянскую освободительную борьбу и проводившей параллель между итальянским движением 1848 г. и немецкими освободительными войнами 1813 и 1815 гг. В своем ответе Энгельс указывал на непригодность этого сравнения, противопоставляя консервативно и монархически настроенным «героям 1813 г.», ненавидящим революционную Италию, немецкий народ.

— *Пусть прославляют край...* — Песня на слова Фридрихсена (музыка Фоллена).

К стр. 239. *«Шлезвиг-Голштиния, окруженная морем»* («Schleswig-Holstein Meerumschlungen») — стихотворение М. Г. Кемница (1844), положенное на музыку Бельманом и ставшее в Германии конца 40-х гг. популярной песней. Приводимые в тексте стихи являются пародией на это стихотворение. Ср. стр. 556 т. 1 настоящего издания.

К стр. 241. *Чтобы сделать для немецкого бюргера свою теорию...* — Отрывок направлен против М. Штирнера (см. примеч. к стр. 148 т. 1 настоящего издания).

— *...сын дикой природы» (которого вывел на сцену Ф. Гальм)...* — Намек на драму Гальма «Сын вольности» («Der Sohn der Wildnis», 1842).

— *...на Купферграбене в Берлине, где воздвигнул свой замок деспот «новой философии»...* — В доме № 4 на Купферграбене (набережная канала в Берлине) жил в последние годы жизни Гегель.

К стр. 242. *Лишь в Германии...* — Из стихотворения Гофмана фон Фаллерслебена «Лишь в Германии».

К стр. 244. *...коварный и подлый поход против безоружных масс.* — Речь идет о расстреле саксонскими войсками народной демонстрации в Лейпциге 12 августа 1845 г.

К стр. 245. *...эта болтливая сорока бонапартизма...* — Речь идет о бонапартисте Э. Абу.

— *...Да-Да Фогта... в «Исследованиях» немецкого Да-Да.* — Речь идет о книге К. Фогта «Исследование о современном положении Европы» («Studien zur gegenwärtigen Lage Europas», Geneve, 1859).

Маркс иронически называет Фогта именем арабского публициста Да-Да, бонапартиста и автора восторженных стихов о Наполеоне III. Точно так же посредственного буржуазного романиста, автора солдатских расска-

зов и придворного карьериста Гаклендера Маркс иронически сравнивает с Ласарильо из Тормеса, знаменитым героем анонимного испанского «плутовского» романа XVI века. (О Фогте см. памфлет К. Маркса «Господин Фогт» (1860).

К стр. 245. *Присутствовал... на заседании второй палаты.* — В начале апреля 1861 г. Маркс, будучи проездом в Берлине, посетил одно из заседаний прусской палаты представителей.

— *...летом 1848 г. был на заседании прусских соглашателей.* — Речь идет о заседании Прусского национального собрания, на котором Маркс присутствовал 8—10 сентября 1848 г.

К стр. 246. «*Julian Schmidt*» («Г-н Юлиан Шмидт, как историк литературы», 1860) — работа Лассалья, направленная против известного немецкого либерально-буржуазного историка литературы Ю. Шмидта.

К стр. 247. «*Freischütz*» («Вольный стрелок») — газета литературы и театральной критики, издававшаяся в 1859—1860 гг. в Гамбурге Э. Мейеном и Ленцом; в ней была помещена отрицательная рецензия на книгу Лассалья.

— «*Über Land und Meer*» («На суше и на море») — еженедельный иллюстрированный литературный журнал, издававшийся в 1858—1923 гг.; основан Ф. Гаклендером; журнал был рассчитан на вкусы консервативного мещанского читателя.

К стр. 249. *...после покушений и закона против социалистов...* — Имеются в виду покушения Гёделя и Нобилинга на Вильгельма I в 1878 г. и исключительный закон против социалистов, принятый германским рейхстагом 19 октября 1878 г. По этому закону запрещались все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать и т. д. В октябре 1890 г. правительство Германии было вынуждено отменить закон против социалистов.

К стр. 251. «*Presse*» («Пресса») — ежедневная политическая газета, основанная в Париже в 1836 г.; издавалась Э. де Жирарденом.

К стр. 253. *В этой каннибальской войне...* — Маркс имеет в виду войну версальцев против Парижской Коммуны.

К стр. 256. *О Мартине Тэппере* — см. А. И. Белецкий, «К. Маркс, Ф. Энгельс и история литературы», М., изд-во «Мир», б. г., стр. 45—46. М. Тэппер был автором «Пословичной философии» — сборника мещанских прописей, изложенных в стихах и прозе, который выдержал в свое время около 60 изданий и разошелся в США в миллионе экземпляров.

К стр. 257. «*Punch*» («Петрушка, или Лондонское шаривари») — английский еженедельный юмористический журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Лондоне с 1841 г.

— «Станьте среди попов, мой добрый лорд...» — Шекспир, «Ричард III» (акт III, сцена 7).

К стр. 258. *...Пиндар начинает свой гимн...* — Пиндар, «Олимпийские оды» (ода I).

— *Даунинг-стрит* — улица в Лондоне, где находится резиденция премьер-министра Великобритании.

— *...роль неистового персонажа из оперы Моцарта...* — Речь идет об Осмине, персонаже оперы Моцарта «Похищение из Сераяля».

К стр. 261. *Война в Италии... войны в Познани... бои в Праге...* — Речь идет о политических событиях 1848 г.

— *...война в Шлезвиг-Гольштейне* — война за присоединение Шлезвиг-Гольштейна (находившегося под властью Дании) к Германии; война эта имела национально-освободительный характер.

— *...омываемый морями Шлезвиг-Гольштейн...* — См. стр. 239 настоящего тома и примеч. к ней.

К стр. 262. *«Morgenbladet»* («Утренняя газета») — норвежская газета, основанная в Христиании (Осло) в 1819 г.; в 30—40-х гг. была органом так называемой «народной партии».

К стр. 264. *Панславизм... теперь больше, чем когда-либо, наш смертельный враг...* — Энгельс имеет в виду выдвигавшиеся в 1880-х гг. реакцией планы войны царской России против Турции за Константинополь и господство над проливами.

К стр. 267. *«Vorwärts»* («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии; издавался в Берлине с 1890 г. под редакцией В. Либкнехта.

К стр. 271. *Эйзенахцы* — члены социал-демократической рабочей партии Германии (которая образовалась на конгрессе в Эйзенахе в 1869 г.), боровшиеся за революционный путь объединения Германии.

— *Лассальянцы* — последователи Лассалья, представители оппортунистического течения в германском рабочем движении, которые «вели шаткую тактику, приспосаблиясь к гегемонии юнкера Бисмарка» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 265).

— *...закона против социалистов...* — См. примеч. к стр. 249.

К стр. 272. *О Каутской* см. примеч. к стр. 7 т. I настоящего издания.

К стр. 275. *«Egalité»* («Равенство») — социалистическая газета, основанная в Париже Ж. Гэдом в 1877 г.; была возобновлена в 1880—1881 гг.; с 1889 г. — орган французской рабочей партии.

К стр. 277. *О П. Эрнсте и «бунте литераторов»* см. т. I, стр. 123—128 настоящего издания и примеч. к ним.

— *«Arbeiter-Zeitung»* («Рабочая газета») — центральный орган австрийской социал-демократической партии; основана в 1889 г.

К стр. 278. *«Volkszeitung»* («New-Yorker Volkszeitung») («Нью-Йоркская рабочая газета») — социал-демократическая газета на немецком языке, основанная в 1878 г. в Нью-Йорке; какую статью Грунцига имеет в виду Энгельс, установить не удалось.

— *Сен-Сирская школа* — привилегированная офицерская школа во Франции.

К стр. 279. *«Critica sociale»* («Социальная критика») — социалистический (позднее реформистский) журнал. Издавался с 1891 г. в Милане под редакцией Ф. Турати.

К стр. 283. *Гейне*. — В декабре 1843 г., вернувшись из Гамбурга в Париж, Гейне через посредство А. Руге познакомился с Марксом. Весной 1844 г. Маркс привлек Гейне к участию в «Немецко-французских ежегодниках»; для единственного вышедшего номера журнала Гейне дал свои «Хвалебные песни королю Людовику». К 1844 г. относится и совместное

участие Гейне и Маркса в выходявшей в Париже радикальной немецкой газете «Vorwärts».

В сентябре 1844 г. Гейне прислал Марксу для напечатания в «Vorwärts» корректурные листы своей крупнейшей политической сатиры «Германия — Зимняя сказка». Дружеское общение Маркса и Гейне в 1843—1844 гг. совпадает с периодом расцвета политической лирики Гейне. Из числа произведений, оплодотворенных идейным влиянием Маркса, надо особо отметить «Ткачей»; понимание силезского восстания как сознательного классового выступления пролетариата было впервые сформулировано Марксом на страницах «Vorwärts» в августе 1844 г. («Критические заметки к статье «Пруссака», «Король прусский и социальная реформа». Сочинения, изд. 2, т. 1, стр. 430—448). После переезда в Брюссель в феврале 1845 г. Маркс приглашает Гейне принять участие в бесцензурном журнале «Рейнские ежегодники» (см. стр. 288 настоящего тома) и в то же время собирается выступить в печати в защиту книги Гейне о Берне (см. стр. 290 настоящего тома). По выходе «Святого семейства» (1845) Маркс посылает один экземпляр Гейне. В 1845—1847 гг. Маркс почти регулярно получает сведения о Гейне сперва от Эвербека, а потом и от Энгельса. В 1848 г., собираясь издавать «Новую Рейнскую газету», Маркс поручил Ф. Вольфу зайти к Гейне и предложить ему сотрудничать в газете. Гейне ответил согласием, которое, однако, из-за болезни ему не удалось реализовать. В 1849 г., приехав после закрытия «Новой Рейнской газеты» в Париж, Маркс навещал тяжело больного поэта. После переезда в Лондон, вплоть до 1855 г., он получает сведения о Гейне и поддерживает с ним отношения через Рейнгардта. (См. об отношении Гейне и Маркса: G. Mayer, «Drei Briefe von Marx an Heine», Grünberg's Archiv für die Geschichte des Sozialismus, Jahrgang IX, 1921, Н. 1, 130; Ф. Меринг, «Мировая литература и пролетариат», М., 1924 (статья о Гейне); Ф. Шиллер, «Очерки по истории революционной поэзии», М., 1933 (статья «Гейне и Маркс»).

— ...правда, он назывался Генрих Гейне. — В 1834 г. была написана книга Гейне «К истории религии и философии в Германии», в которой великий поэт подробно развил мысль о революционном содержании немецкой классической философии. Противопоставление гейневского взгляда на немецкую философию либерально-буржуазному ее истолкованию имеет большое значение для понимания того, какие стороны мировоззрения Гейне высоко ценили основоположники марксизма.

Ожесточенные нападки либералов на классиков немецкой философии были непосредственно связаны с ограниченным пониманием задач революционной борьбы. Классическая немецкая философия — и философия Гегеля в частности — выросла на почве разочарования в возможностях буржуазной революции и глубоко критического отношения к ее результатам. Но в условиях классовой борьбы начала XIX в. в отсталой неразвитой Германии это критическое отношение к буржуазной действительности не было революционным, его оборотной стороной был компромисс с прусским феодально-чиновничьим государством. Только этот реакционный компромисс и был доступен взору либеральных критиков Гегеля, осудивших его философию с точки зрения абстрактной противоположности феодального и буржуазного мира, то есть с такой точки зрения, которая в XVIII в. заключала в себе великую историческую истину, а в XIX в. выродилась в живую либеральную схему. Отрицая феодально-патриархальный порядок во имя утверждения буржуазного права как абсолютной и окончательной нормы общественных отношений, либералы менее всего могли оценить революционное богатство гегелевской диалектики, источ-

ником которой было понимание исторической относительности и противоречивого развития общественных форм. Поэтому оценка революционного смысла гегелевской диалектики могла быть достигнута лишь в борьбе с либеральным пониманием прогресса, она требовала революционного преодоления веры в «естественный», вечный характер буржуазного миропорядка. Заслугой Гейне было то, что он уже в начале 1830-х гг. сумел критически отнестись к буржуазному либерализму. Противопоставляя его либералам, Энгельс определил этим и историческое место Гейне в развитии немецкой революции и немецкой литературы.

К стр. 285. *Без единой слезы в урюжых глазах...* — в отличие от текста «Силезских ткачей», опубликованного Гейне в газете «Vorwärts», № 55 от 10 июля 1844 г., первая строфа сделанного Энгельсом английского перевода имеет дополнительную (третью по счету) строчку. Возможно, что Энгельс перевел стихотворение не с печатного текста, а с известного ему рукописного варианта.

К стр. 286. *«Ведь если обдумать вопрос хорошо...»* — Из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка», глава XVI.

— *Все немцы были пьяны в дым...* — Из стихотворения Гейне «Георгу Гервегу» («Современные стихотворения»).

К стр. 287. *Ведь это же воздух отчизны!* — Из поэмы Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка», глава VIII.

— *Ребенок с тиковой-головой...* — Из стихотворения Гейне «Подкидыш» («Современные стихотворения»).

— «Allgemeine Zeitung» — Речь идет об «Аугсбургской всеобщей газете» (см. примеч. к стр. 391).

К стр. 288. *...Гейне прав, говоря, что ни один человек...* — В «Открытом письме Якобу Венедееу» Гейне цитирует известную строфу из стихотворения Шиллера «Песня о колоколе»: «Опасно будить льва и страшны зубы тигра, но все же самый ужасный из всех ужасов — это человек в его безумии», — заменяя в последней строчке человека — ослом. Эту пародийную переделку шиллеровского текста имеет в виду Маркс, говоря, что Гейне считал «взбесившего осла» опаснее любого человека.

— *Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике...* — Имеется в виду «Послесловие к Романцеро» — Г. Гейне (Собр. соч., т. III, М., ГИХЛ, 1939, стр. 169.).

К стр. 289. *...может быть, также и Ваш «Германский флот».* — В «Нашем флоте» («Современные стихотворения») Гейне высмеивает неопределенно утопическое свободолюбие, характерное для многих поэтов буржуазно-демократического лагеря в начале 40-х гг., исходивших из отвлеченных представлений о народе, угнетателя-тиранах и свободе «вообще». Что это стихотворение могло быть отмечено особым вниманием Маркса, становится ясно при сравнении, например, с очень близкой по смыслу критикой, которой Маркс и Энгельс подвергали фрейлигратовский сборник «Сага» (см. стр. 132—133 настоящего тома).

К стр. 290. *К. Маркс — Г. Гейне [приблизительно 5 апреля 1846 г.]* — В письме Маркса речь идет о книге Гейне, «Людвиг Берне» (1840), направленной против лидера немецких радикалов 1830-х гг. Огромная популярность, которой при жизни пользовался Берне в широких кругах либеральной и демократической интеллигенции, дала возможность его многочисленным последователям в течение ряда лет после выхода этой книги вести ожесточенную кампанию против Гейне. Активное участие в борьбе с Гейне принимали как представители радикальной оппозиции (например,

писатели «Молодой Германии» во главе с К. Гуцковым, нападавшие на Гейне, как на «отступника» революции), так и националистические элементы («христианско-германские ослы»), видевшие в нем вождя франкофильской, революционной партии. Нападки на Гейне достигли своего апогея, после того как литературные наследники Берне выпустили упоминаемый Марксом памфлет «Суждения Берне о Г. Гейне» (1844), составленный Берне из отрывков «Парижских писем». Демократические критики Гейне сделали все возможное, чтобы затушевать принципиальный смысл гейневской полемики с Берне и свести все к «личной вражде»; между тем ожесточенность нападков и масштаб полемики свидетельствовали о том, что поднятые Гейне вопросы имели исключительное значение на пороге революции 1848 г. в Германии.

Книга Гейне против Берне была блестящим разоблачением идейной и практической ограниченности мелкобуржуазного радикализма. Для немецких демократов 1830—1840-х гг. было характерно полное отвлечение от материальных условий революции, от реальных общественных классов во имя абстрактных лозунгов политической свободы и гражданского равенства. Против этой отвлеченности демократических идеалов и было направлено острое гейневской полемики. «Назарейству» Берне, требующему от человека отказа от своих потребностей и интересов, предлагающему ему возвыситься над материальной жизнью, для того чтобы стать идеальным республиканцем, Гейне противопоставляет свой идеал «эллинизма», чувственно-реалистического мировоззрения в духе древних греков, в основе которого лежит представление о материальном человеке со всеми присущими ему потребностями. Еще задолго до своей книги о Берне Гейне пришел к убеждению, что наиболее глубокие вопросы «не касаются ни форм, ни личности, ни установления республики, ни ограничения монархии, а касаются материального благосостояния народа». Объективный смысл гейневского эллинизма, на который он опирался в своем споре с Берне, и заключался в выдвижении материальных вопросов жизни, разрешение которых могло быть достигнуто только в социальной революции, изменяющей самые условия существования масс. Две концепции революции — чисто «политической» революции, за которую боролись мелкобуржуазные радикалы, и революции социальной — столкнулись в этой полемике. Этим объясняется активный интерес Маркса к книге Гейне и его намерение выступить в печати с защитой поэта от его правых и «левых» критиков.

К стр. 291. *Кобес I* — имя, под которым Гейне высмеял Венедея в одноименном стихотворении.

— *Между прочим, он рассказывает подробно выдумку о том...* — После февральской революции 1848 г. во Франции был опубликован список лиц, тайно получавших пенсию от правительства Луи-Филиппа. Имя Гейне значилось в этом списке, чем и было вызвано появление резкой статьи против него в «Аугсбургской всеобщей газете». Шесть лет спустя, в «Ретроспективном объяснении» ко второй части «Лютеций», Гейне писал: «Я помню, что в то время многие из моих соотечественников, в том числе решительнейший и умнейший между ними, доктор Маркс, пришли ко мне, чтобы высказать свое негодование по поводу клеветнической статьи во «Всеобщей газете» и советовали не отвечать на нее ни одним словом, ибо они сами заявили уже в немецких газетах, что я, конечно, принял эту пенсию с той целью, чтобы иметь возможность деятельнее помогать тем из моих соотечественников, которые беднее меня. То же самое говорили мне как бывший редактор «Новой Рейнской газеты», так и друзья, со-

ставлявшие его генеральный штаб». Следует отметить, что статья «Аугсбургской газеты» была напечатана 28 апреля 1848 г., между тем как Маркс и Энгельс выехали из Парижа еще 7 апреля. Тем не менее для характеристики отношения Маркса к Гейне показательно то, что Маркс не счел нужным выступить в печати прогив смертельно больного поэта, чтобы разоблачить попытку Гейне воспользоваться его (Маркса) моральным и политическим авторитетом.

К стр. 292. *В семь часов она плясала...* — из стихотворения Гейне «Женщина» («Новые стихотворения»).

К стр. 293. *Путнем требует после Базанкура...* — Речь идет об американском журнале «Putnam's Monthly», для которого Энгельсом был написан критический разбор книги Базанкура о севастопольской кампании. Собираясь написать для «Putnam's Monthly» статью о Гейне, Маркс специально обращался к Рейнгардту, прося сообщить ему биографические сведения о поэте.

— *Старик Гораций напоминает мне местами Гейне...* — Энгельс имеет в виду такие факты биографии Гейне, как получение пенсии от Луи-Филиппа или предложение, сделанное Гейне в 1830-х гг. прусскому правительству, — издавать в Париже газету в «прусском духе».

— *Гейне послал Марксу из Гамбурга...* — С посылкой Марксу «Зимней сказки» связано единственное дошедшее до нас письмо Гейне к Марксу. Гейне писал 21 сентября 1844 г.: «Книга моя отпечатана, но выйдет здесь только дней через 10—14, чтобы шум поднялся не сразу. Корректурные листы политического отдела — те именно, где находится мое большое стихотворение, я вам сегодня посылаю под бандеролью с тройной целью. А именно, во-первых, чтобы вы ими позабавились; во-вторых, чтобы вы сразу могли начать действовать в пользу книги в немецкой прессе; в-третьих, чтобы вы, если найдете это уместным, могли бы напечатать все лучшее из нового стихотворения в «Vorwärts». Сообщая далее подробности, относящиеся к напечатанию поэмы, Гейне обращается к Марксу с просьбой написать специально для «Vorwärts» предисловие к «Зимней сказке». Письмо заканчивается словами: «Я не могу перечить того, что написал, но ведь нам то довольно одного знака, чтобы понять друг друга».

К стр. 294. *Лассаль пытался использовать Гейне в интересах графини...* — В начале 1846 г. Лассаль взял на себя ведение бракоразводного процесса графини Софии Гатцфельд. Считая что процесс имеет огромный общественный интерес, Лассаль не стеснялся в выборе средств, «лишь бы они сулили успех». По его инициативе двое друзей Гатцфельд похитили у баронессы Мейендорф, любовницы графа Гатцфельда, шкатулку, в которой, по предположению Лассалья, должны были содержаться важные для процесса документы. Кража была раскрыта, один из ее участников бежал за границу, другой был арестован и судим («процесс со шкатулкой 46-го года»). Позднее и Лассаль был привлечен к суду по обвинению в подстрекательстве к краже; судебный процесс, состоявшийся в 1848 г. («Лассалевский процесс»), закончился оправданием Лассалья. К 1846 г. относится и попытка Лассалья, неудавшаяся из-за отказа Гейне, использовать поэта в интересах графини: через посредство Гейне Лассаль рассчитывал добиться того, чтобы авторитетные органы французской и английской печати выступили в защиту Гатцфельд. Отметим, что предположение Энгельса о качествах, которыми Лассаль мог импонировать Гейне, находит себе почти дословное подтверждение в отзывах Гейне о Лассале.

всегда подчеркивающих «умение действовать», «сочетание таланта и характера». См. Е. Книпович, «История одной дружбы» (в книге «Гейне как политический лирик», М., 1932).

К стр. 295. *Гервег*. — Знакомство Маркса с Гервегом состоялось осенью 1842 г. Совершая поездку по Германии в целях пропаганды задуманного им журнала, Гервег остановился в Кельне, где он был дружески встречен кружком сотрудников и организаторов «Рейнской газеты» во главе с Марксом. Автор «Стихов живого человека» был к тому времени уже сотрудником «Рейнской газеты»; в частности, летом 1842 г. на страницах газеты было опубликовано стихотворение Гервега «Партия» — апофеоз партии и политически целеустремленной деятельности художника. К осени 1842 г. относится конфликт Гервега и Руге с младогегельянским кружком берлинских «Свободных». В этом конфликте Маркс решительно встал на сторону Гервега, опубликовав в «Рейнской газете» (№ 333 от 29 ноября 1842 г.) заметку «Отношение Гервега и Руге к «Свободным», в которой он привел отзыв Гервега о «Свободных»: они «своей революционной романтикой, гениальничанием и самохвальством компрометируют дело свободы и ее партию». Это письмо, «переполненное меру терпения гневных олимпийцев» (К. Маркс — Руге 30 ноября 1842 г.), освободило «Рейнскую газету» от ее берлинских сотрудников. Вскоре Маркс снова принял сторону Гервега, причем в момент, очень тяжелый для поэта. В конце 1842 г. Гервег приказом короля был выслан за пределы Пруссии. Причиной высылки явилось попавшее в печать открытое письмо Гервега королю, в котором поэт протестовал против запрещения задуманного им журнала. Одновременно начавшиеся гонения на печать сделали Гервега предметом ожесточенной травли не только со стороны реакции, но и в значительной мере со стороны печати оппозиционного лагеря. Эта последняя в особенности использовала то ложное положение, в котором оказался Гервег, незадолго до этого имевший аудиенцию у короля, что дало повод иронически сравнивать его с шиллеровским маркизом Позой (например, в стихотворении Гейне «Георгу Гервегу»). Попытка политически скомпрометировать революционного поэта, даже допустившего ошибку, могла быть наруку только реакции; к тому же адресованные Гервегу упреки в том, что его поведение явилось причиной правительственных репрессий, сами по себе были проявлением либерального недомыслия. Эти соображения определили позицию Маркса; «Рейнская газета» выступила в защиту Гервега. Насколько неизменным было отношение Маркса к Гервегу в этот период, свидетельствует и то, что в январе 1843 г., накануне закрытия «Рейнской газеты», Маркс предложил Гервегу свое сотрудничество в журнале «Немецкий вестник из Швейцарии», редактором которого намечался Гервег (Г. Гервег — Эмме Гервег 30 января 1843 г.). Дальнейшее сближение Маркса с Гервегом относится к 1844 г., когда Маркс переехал из Брюсселя в Париж, где в то время жил и Гервег. Летом 1844 г. дружба с Гервегом стала последней причиной давно назревшего разрыва отношений между Марксом и Руге. Последний в разговоре с Марксом филистерски напал на «безиравственность» и «сибаритство» Гервега. Ханжеский морализм эмигрантских Атта-Тролей никогда не встречал поддержки у Маркса. «Мой взгляд, — пишет об этом разговоре Руге. — ...оказался филистерским, негуманным, негениальным...» (A. Ruge, «Briefwechsel», Bd. I, Berlin, 1886, S. 345, 350; письмо Руге к Дункеру 29 августа 1844 г.; «Tägliche Rundschau», 1921, 22 июля). В письме к Руге Маркс заявил (слова Маркса известны только в передаче Руге), что Гервег гениален и его ждет великая будущность. Однако очень важно отметить, что уже в это время, как

и в последующие годы, в идейном развитии поэта определяющим было влияние не Маркса, но Бакунина. Дружба с Бакуниным и воспринятые через него идеи анархизма подготовили Гервега к активному участию в авантюристском походе вооруженного отряда немецких ремесленников из Парижа в Германию (весной 1848 г.) в целях провозглашения там республики. Публичное выступление Маркса против идеи похода, в дальнейшем оказавшегося полицейской провокацией, не послужило предостережением для Гервега.

Распространившиеся в германской прессе слухи о поддержке, якобы оказываемой Марксом Гервегу, вынудили Маркса в печати («Вестфальский пароход» Вейдемейера) отмежеваться от авантюристских планов Гервега — Борнштедта и предостеречь против участия в организованном ими обществе. Позорно провалившийся путч стал концом активной политической деятельности Гервега и вместе с тем дружбы поэта с Марксом. После 1848 г. прекращаются все партийные и личные отношения Маркса с Гервегом. (См. об отношениях Маркса и Гервега «1848. Briefe von und an G. Herwegh», Herausg. v. M. Herwegh, 1896; V. Fleury, «Le poète George Herwegh», Paris, 1911; Ф. Меринг, «Мировая литература и пролетариат», М., 1924; статья «Гервег, Фрейлиграт, Гейне»; М. В. Серебряков, «Поэт Гервег и Маркс», Л., 1949).

К стр. 296. *...когда [Борнштедт] готов во всех отношениях идти нам навстречу...* — В газете Борнштедта «Deutsche Brüsseler Zeitung» Маркс активно сотрудничал в течение полугода (сентябрь 1847 г. — февраль 1848 г.), поместив в ней ряд статей и оказав решающее влияние на политическую линию газеты.

К стр. 297. *С моими рукописями дело обстоит приблизительно так же...* — Маркс, очевидно, имеет в виду свою статью, написанную для «Немецкой идеологии», о книге К. Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии», которую он хотел выпустить отдельной брошюрой. Печатание статьи в Германии встретило препятствия, так как кельнские друзья Маркса — Бюргерс, Даниэльс, д'Эстер — не могли подыскать для нее издателя.

— *В Париже ты получишь список опечаток...* — Речь идет о работе Маркса против Прудона «Нищета философии» (1847), написанной по-французски.

К стр. 298. *Если ты когда-нибудь снова попадешь сюда...* — В июле 1847 г. Гервег уже приезжал в Брюссель, главным образом с тем, чтобы повидать Маркса (V. Fleury, «La poète G. Herwegh», P., 1911, стр. 138).

— *От тебя я хотел бы узнать...* — в письме от 3 ноября 1848 г. Гервег ответил согласием на предложение Маркса, оговорив необходимость лично условиться о подробностях. План издания журнала не осуществился по независящим от Маркса и Гервега обстоятельствам.

К стр. 299. *Они основали здесь черно-красно-золотой союз contre nous...* — Маркс подразумевает националистическую окраску «Немецкого демократического общества», основанного Борнштедтом и Гервегом в противовес Немецкому рабочему клубу, у руководства которого стояли члены Союза коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом. Характеризуя «Демократическое общество» в письме к Вейдемейеру, жена Маркса писала: «Немецкий рабочий клуб... не имеет ничего общего с немецкой Демократической ассоциацией... — обществом, которое подняло черно-красно-золотое знамя, говорит об отце Блюхере и обучается по-секционно прусскими отставными офицерами. В высшей степени необходимо отмежеваться пе-

ред лицом Франции и Германии от этого общества, так как оно срамит немцев».

К стр. 299. *Идиотское стихотворение Гервега...*— В июле — августе 1859 г. Маркс руководил выходившей в Лондоне на немецком языке газетой «Das Volk» («Народ»). О каком стихотворении идет речь, установить не удалось.

К стр. 301. *Фрейлиграт*.— Первые отклики Маркса на литературную деятельность Фрейлиграта относятся ко времени пребывания поэта в рядах сторонников «чистого искусства», девизом которых были его слова: «поэт на башне более высокой, чем вышка партии, стоит» («Из Испании», 1841). В 1843 г. Фрейлиграт опубликовал стихотворение «Письмо», содержащее нападки на высланного в то время из Германии Гервега (см. примеч. к переписке с Гервегом). Редактируемая Марксом «Рейнская газета» предоставила место ответным статьям и стихотворениям, резко оценивавшим выступление Фрейлиграта (Гейнцен, Пруц). В это время Маркс отзывался о Фрейлиграте как о «враге Гервега и свободы». Переход поэта на сторону демократической оппозиции, относящийся к 1844 г. («Исповедание веры»), изменил отношение Маркса к Фрейлиграту, сделав возможным и личное сближение. В феврале 1845 г. Маркс знакомится в Брюсселе с Фрейлигратом, заявив друзьям (по воспоминаниям Бюргера), что «его [Фрейлиграта] «Исповедание веры» загладило всё». В этом отзыве сказались положительная оценка разрыва Фрейлиграта с реакцией, но отнюдь не признание идейных и художественных достоинств его поэзии. Это видно из той критики, которой Маркс и Энгельс подвергли следующий — относительно более зрелый — сборник Фрейлиграта «*Са га*», написанный под сильным влиянием «истинного социализма» с характерными для этого направления абстрактными и наивно-идиллическими представлениями о революции и классовой борьбе (см. стр. 132—133 настоящего тома). Дальнейшее сближение Маркса с Фрейлигратом относится к революции 1848 г. — периоду наибольшей политической зрелости поэта. Осенью 1848 г. Маркс предложил Фрейлиграту — в то время уже автору ряда революционных стихов, известных всей Германии, — участвовать в редактировании «Новой Рейнской газеты». Приняв это предложение, Фрейлиграт осенью 1848 г. переезжает в Кельн, вступает в редакцию «Новой Рейнской газеты» и в Союз коммунистов. Октябрь 1848 г. — май 1849 г. — время наиболее тесного общения Маркса с Фрейлигратом; политически острые и содержательные стихи этого периода, как, например, «Вена» — призыв помочь революционной Вене подавлением контрреволюции в своей стране — или знаменитое «Прощальное слово «Новой Рейнской газеты», помещенное в последнем номере вместо место передовой, служат лучшим доказательством того, насколько эта близость была плодотворна для Фрейлиграта. После отъезда Маркса из Германии в 1849 г. временно остававшийся в Кельне Фрейлиграт выполнял отдельные партийные поручения Маркса. С 1851 г. — года перехода Фрейлиграта в эмиграцию — начинается новый период его отношений с основоположниками марксизма. Маркс и Энгельс борются в этот период за сохранение Фрейлиграта для партии, вопреки разлагающему влиянию мелкобуржуазной эмигрантской среды. Наступление реакции и переход к будням политической работы, а также личные обстоятельства жизни Фрейлиграта оказали решающее влияние на дальнейшие взаимоотношения поэта с пролетарской партией. Сближение Фрейлиграта с вождами немецкой мелкобуржуазной демократии Кинкелем и Блиндом, его колеблющаяся позиция во время борьбы Маркса с Фоггом, стремление отде-

лить себя от партии свидетельствовали о постепенно подготавливавшемся разрыве поэта с революционным прошлым. «Я счастлив, — писал Фрейлиграт Б. Ауэрбаху в 1874 г., — ...что я уже в течение ряда лет стою на той более высокой башне, о которой я однажды нел». Возвращение к «более высокой башне» оказалось роковым для творческой деятельности Фрейлиграта: стихи на семейные темы и «тиртейские песнопения» в духе национал-либерализма отмечают последний этап его творчества. После возвращения Фрейлиграта в Германию на деньги, собранные рейнской буржуазией, все личные отношения между ним и Марксом прекращаются (см. об отношениях Фрейлиграта и Маркса: Ф. Меринг, «Фрейлиграт и Маркс в их переписке» («Библиотека марксиста», вып. XVIII), М., 1929, а также статьи о Фрейлиграте в указанной выше книге Ф. Меринга. Часть писем Фрейлиграта к Марксу (26), опубликованных Мерингом в отрывках, полностью напечатана в книге: Ф. Фрейлиграт, Избранные произведения, ред. А. Л. Дымшица, М., 1956, стр. 303—338; см. там же, вступительную статью и комментарий).

— *...поведение Лассалья очень меня удивляет...* — Летом 1849 г., испытывая острую нужду в деньгах, Маркс обратился к нескольким друзьям — в том числе к Фрейлиграту и Лассалю — с просьбой о поддержке. Недовольство Маркса было вызвано безтактностью Лассалья, устроившего сбор в пользу Маркса среди его рейнских знакомых (см. письма Фрейлиграта Марксу от 29 июля и 6 августа 1849 г. Ф. Фрейлиграт, Избранные произведения, М., 1956, стр. 303—307).

К стр. 303. *...я имею все основания рассчитывать...* — Замысел Маркса был осуществлен в следующем году. Журнал «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение» выходил с марта по ноябрь 1850 г. (всего вышло 5 выпусков).

К стр. 305. *На все такие попытки он очень грубо отвечал...* — Отом, насколько лойялен был Фрейлиграт в партийных отношениях в первые годы эмиграции, свидетельствует следующее письмо к Руге, написанное поэтом в ответ на предложение Руге явиться на митинг, где должен был быть основан новый «Клуб» или «Союз» немецких эмигрантов: «Я не могу принять Ваше предложение вступить в учреждаемый Вами клуб и потому не явлюсь сегодня вечером в квартиру господина Фиклера. Мой отказ не удивит Вас, когда Вы узнаете, что я — по основаниям внешним и внутренним — считаю Вас автором статьи в Бременской «Хронике дня»... Эта статья не только нападает самым отвратительным образом на моих друзей Маркса и Энгельса; она пытается также унижить «Новую Рейнскую газету» — орган, к которому я в течение семи месяцев принадлежал в качестве соредатора... «Антецеденты» подобного рода, право, не могут заставить меня действовать с Вами заодно. К тому же я уже в течение многих лет состою членом существующей партии и не нуждаюсь в вступлении в партию, только что организующуюся».

— *Мавританский князь* — герой одноименного стихотворения Фрейлиграта («Der Mohrenfürst»). Маркс нередко называл так самого поэта.

— *«На этих днях сюда прибыл посланец лондонского «Агитационного союза»...* — В письме Вейдемейера рассказан эпизод той «войны мышей и лягушек» — по характеристике Маркса, — которую вели между собой две организации немецких эмигрантов в Лондоне: «Агитационный союз» Руге и «Эмигрантский клуб» Готфрида Кинкеля. Готфрид Кинкель — «страстоцвет немецкого филлистерства», как назвал его Маркс, — считал, что в революции все сводится к «небольшому, хорошо вооруженному отряду, богато снабженному деньгами». Кинкель предпринял «революцион-

но-агитационно-увеселительное» турне по Соединенным Штатам с целью организации займа на устройство революции в Германии. Одновременно с Кинкелем Соединенные Штаты объезжал в целях революционной пропаганды Кошут («*Кошутовская сенсация*») — см. «Господин Фогт» (Партиздат 1934, стр. 332), а также «Великие люди эмиграции».

К стр. 305. *О Кинкеле* см. стр. 170 настоящего тома и примеч. к ней. — «*Review*» — «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение» (см. примеч. к стр. 303).

— *Но прежде всего пришли какое-нибудь стихотворение Фрейлиграта.*..» — Письмо Вейдемейера Марксу содержало просьбу о сотрудничестве в задуманном Вейдемейером двухнедельном журнале «Революция».

К стр. 306. *Общество переехало...* — Речь идет о Союзе коммунистов, заседания которого из-за дальности расстояния Фрейлиграт в то время редко посещал.

— *...стихотворение и письмо Фрейлиграта.* — Речь идет о стихотворении Фрейлиграта «Послание к Вейдемейеру», 1 января 1852 г. Маркс писал Вейдемейеру: «Вчера я всячески приставал к Фрейлиграту, и он пообещал мне состряпать для тебя стихотворение на тему о последних событиях». Под последними событиями имелось в виду «революционное» попрошайничество Кинкеля, разоблачению которого Маркс придавал большое значение в силу той репутации «героя», которой Кинкель еще пользовался среди значительной части немецких эмигрантов. Похождения Кинкеля стали темой первого «Послания к Вейдемейеру».

К стр. 307. *Строфа, которую ты мне прислал на просмотр...* — Речь идет о втором «Послании к Вейдемейеру», в котором выведен датский писатель Андерсен, трусливо не пожелавший узнать Фрейлиграта — поэта-изгнанника — при случайной встрече с ним в Лондоне. Уже отправив стихотворение Вейдемейеру, Фрейлиграт написал Марксу, что ему «пришла в голову еще одна строфа, посвященная Кинкелю, о котором тебе, наверное, известно, что ему удалось лишь после невыразимых унижений и беготни добиться помещения своей физиономии в «*Illustrated News Paper*». Приводим разбираемую Марксом строфу вместе с предыдущей, также относящейся к Кинкелю.

Поэт германский, кем тут встречен ты?
Хоть в словаре Брокгауза ты отмечен,
И Котта издавал твои листы,
И местом был в тюрьме ты обеспечен,
Как некогда в альбомах дам! — Пусты
Надежды, чтобы ты был там замечен,
Где Черинг-Кросс и Темпл-Бар гудят..
В леса Висконсина ступай назад!

Коль не был Вавилону б по душе ты,
Благодаря цветистым сочиненьям,
И коль не угождал бы лъстиво свету
За покровительство своим твореньям,
Коль в прессе не фиглярничал, как все, ты,
Лишь циркачей дивя своим уменьем, —
Тогда бы в «*Иллюстрейтед*», мой поэт,
Себе бы ты не выслужил портрет!..

К стр. 308. *Я получил письмо от Бермбаха...* — Речь идет об обвиняемых по кельнскому процессу коммунистах, к тому времени уже девять месяцев находившихся в предварительном заключении.

К стр. 310. *...Фрейлиграт... вдруг принимается воспевать это жалкое происшествие.* — Маркс имеет в виду стихотворение «На смерть Иоганны Кинкель», положившее начало сближению между Фрейлигратом и Кинкелем.

К стр. 311. «*Hermann*» — журнал, издававшийся Кинкелем в Лондоне.

— *Фрейлиграт, как мне кажется по его короткому письмецу ко мне...* — Письмо от 1 января 1859 г., о котором говорит Маркс, содержит иронический отзыв о кинкелевском еженедельнике «Hermann» (Ф. Фрейлиграт, Избранные произведения, М., 1956, стр. 325). Неделий позже Фрейлиграт писал Марксу: «Само собою разумеется, что, хотя я и сочувствую Кинкелю от всей души по случаю его трагической потери, политически мы по-прежнему решительно расходимся» (там же, стр. 325). Дальнейшее развитие отношений между Фрейлигратом и Кинкелем показало, насколько неудачна была попытка Фрейлиграта провести грань между личными отношениями с Кинкелем и своей политической самостоятельностью.

К стр. 313. *Тут у меня появился снова один вунпертальский поэт...* — Речь идет о К. Зибеле (см. стр. 368 настоящего тома).

К стр. 316. *...в здешнем кинкелевском или шиллеровском торжестве...* — Подготовка к столетнему юбилею со дня рождения Шиллера совпала с оживлением надежд в среде немецкой эмиграции на скорую политическую амнистию. Это придало особую окраску всему юбилею. Кинкель и его группа, захватившие в свои руки организацию юбилея, использовали его наряду с беззастенчивой саморекламой также для инсценировки «национального единения». Помещенный в одном из номеров журнала «Gartenlaube» отчет о подготовительном собрании к юбилею так и назывался: «Праздник национального единения немцев в Лондоне». Благонамеренность единения была подчеркнута приглашением в юбилейный комитет чиновника из прусского посольства, сыгравшего реакционную роль в кельнском процессе коммунистов. С другой стороны, к участию в комитете не был приглашен ни один из бывших членов Союза коммунистов, за исключением Фрейлиграта. В этих условиях участие Фрейлиграта в юбилее было крупной политической ошибкой, делавшей его орудием в руках политических спекулянтов из лагеря мелкобуржуазной демократии.

Ввиду того что далее дело Фогта занимает очень видное место в отношениях Маркса с Фрейлигратом, даем последовательное изложение важнейших моментов дела, так или иначе отразившихся в приводимых письмах Маркса к Энгельсу и Фрейлиграту.

В июле 1859 г. В. Либкнехт послал в «Аугсбургскую всеобщую газету», где он работал корреспондентом, анонимную листовку, найденную им в печатне лондонского типографа Холингера. «Предупреждение для распространения» — так называлась листовка — было направлено против К. Фогта, которого оно обличало в бонапартизме и продажности. Автор листовки К. Блинд еще за месяц до ее опубликования при встрече с Марксом на публичном митинге сообщил ему все основные факты, содержащиеся в листовке. Фогт возбудил против «Аугсбургской газеты» судебный процесс по обвинению в клевете. Редакция газеты потребовала от

Либкнехта доказательств правильности выдвинутых против Фогта обвинений. Либкнехт обратился к Блинду и Марксу. Маркс поддержал Либкнехта, так как он независимо от Блинда в результате анализа литературной продукции Фогта («Исследование современного состояния Европы») пришел к убеждению, что Фогт — бонапартистский агент. Блинд же не только отказался представить доказательства измены Фогта, имевшиеся у него согласно его прежним заявлениям, но и категорически отрицал свое авторство. Считая необходимым принудить Блинда к активному выступлению против Фогта, Маркс достал у наборщика Фегеле заверенное у судьи показание (affidavit), утверждавшее, что рукопись листовки «Предупреждение» была написана почерком Блинда. Идя навстречу просьбе редактора «Аугсбургской газеты», Маркс передал этот документ в распоряжение газеты. В ответ на этот шаг Блинд выступил в «Аугсбургской газете» с заявлением, в котором он отрицал свое авторство, ссылаясь на соответствующие свидетельства Холингера и наборщика Вие. После новых заявлений и контрзаявлений Маркса и Блинда «Аугсбургская газета» объявила полемику законченной. Фогт и его друзья использовали отпирательство Блинда, чтобы распространить слухи о принадлежности брошюры Марксу, что создавало возможность демагогически представить выдвинутые против Фогта обвинения результатом «партийной ненависти»; необходимость дезавуирования Блинда стала еще более настоятельной. В феврале 1860 г. Маркс и Либкнехт получили от Вие affidavit, в котором он отрицал правильность своего первого заявления в пользу Блинда и, с своей стороны, указывал на Блинда как на автора листовки. Оба показания — Фегеле и Вие — были сообщены Марксом ряду лиц, в том числе и Фрейлиграту. В результате в «Daily Telegraph» 18 февраля появилось открытое письмо доктора Шайбле — интимного друга Блинда, — «признавшего» себя автором листовки. Тем временем дело Фогта вступило в новую фазу, так как в январе 1860 г. Фогт выпустил из печати брошюру «Мой процесс против «Всеобщей газеты», содержащую ряд грязных инсинуаций по адресу Маркса и распущенного в 1852 г. Союза коммунистов; главным было обвинение в вымогательстве денег у проживавших в Германии лиц, скомпрометированных участием в революционном движении. Две газеты — берлинская «National-Zeitung» и лондонская «Daily Telegraph» — подхватили «обвинения» Фогта в передовых статьях. Маркс возбудил против обеих газет судебные процессы по обвинению в клевете, одновременно начав подготовку и к литературному разоблачению Фогта. Судебные процессы не состоялись, так как все судебные инстанции Пруссии отвергли жалобу Маркса («ввиду отсутствия намерения оскорбить» (!) и по другим подобным мотивам), лондонский же процесс зависел от берлинского. Тогда Маркс применил литературное оружие. В вышедшем в конце 1860 г. памфлете «Господин Фогт» он опроверг клевету Фогта и исчерпывающим образом разоблачил бонапартистско-продажный характер его деятельности (Сочинения, т. XII, ч. I и т. XXV, в особенности — письма Маркса к Веберу, стр. 285, 299, 332).

Фрейлиграт имел все данные для активного участия в разоблачении «демократических хитрецов» Фогта и Блинда: 1) Фрейлиграт мог подтвердить тождество полученных им от Блинда сведений о деятельности Фогта и фактов, изложенных в листовке «Предостережение», 2) у Фрейлиграта находилось письмо Фогта с приложенной к нему политической программой «на ближайшее будущее» и 3) заявление Фрейлиграта — бывшего члена ЦК Союза коммунистов и широко популярного в Германии поэта — с разоблачением фогтовской клеветы на партию могло стать значительной поддержкой в борьбе Маркса с Фогтом. Исходя из этого, В. Либкнехт еще

в начале выступления Фогта против «Всеобщей газеты» сообщил ее редакции, что в случае перенесения процесса в Лондон (так как листовка Блинда была напечатана и в газете Бискампта «Народ») Маркс и Фрейлиграт выступят в качестве свидетелей. Когда на этом основании Фрейлиграт был назван в качестве одного из возможных обвинителей Фогта, он немедленно прислал в «Всеобщую газету» заявление, в котором он, отрицая какое-либо свое участие в газете «Народ», писал: «...имя мое было присоединено к именам обвинителей Фогта без моего ведома и согласия». Не удовлетворившись этим, Фрейлиграт вторично выступил в «Всеобщей газете» уже после заявления Маркса, где была сделана ссылка на Фрейлиграта (см. стр. 338 настоящего тома), заявив о своем нейтралитете и «решительно протестуя» против какого бы то ни было соединения его имени с делом Фогта. Никаких изменений в позиции Фрейлиграта не произошло и после того, как Фогт использовал его имя в своих интересах (в брошюре о своем процессе). Таким образом, Фрейлиграт обнаружил политическую беспринципность.

К стр. 322. *...только Блинд мог написать абзац против Фогта в «Free Press»...* — Еще в мае 1859 г. в лондонской газете «Free Press» была напечатана анонимная заметка, содержащая указания на бонапартистские связи Фогта (не названного по имени); автором статьи был тот же К. Блинд.

К стр. 323. *Вся эта история так гнусно запутана...* — Рассказанный Марксом инцидент непосредственно связан с изложенным выше делом Фогта — Блинда. В интересах Блинда было испортить отношения между Марксом и Фрейлигратом, с тем чтобы исключить возможность их солидарного выступления.

...пожелал познакомиться с 43-м номером «Gartenlaube». — В 43-м номере этого близкого к Кинкелю журнала была напечатана апологетическая статья о Фрейлиграте, содержащая несколько грубых выпадов против Маркса. Ближайший сподвижник Кинкеля Бетцх писал об отношениях Фрейлиграта с Марксом: «При всем нашем глубоком уважении к поэту мы не хотим впасть в идолопоклонство. Поэтому нам приходится сказать, что под влиянием этого злополучного виртуоза ненависти... Фрейлиграт утратил свой голос, свою свободу, свою выдержку. С тех пор как Фрейлиграт находится под влиянием Карла Маркса, он поет не часто». После появления этой статьи, не вызвавшей протеста со стороны Фрейлиграта, Маркс писал Лассалю: «Я не буду больше касаться этой темы и замечу только, что многим весьма делившим людям из нашей партии кажется, что я к своим старым личным и партийным друзьям отношусь чересчур снисходительно» (Меринг, Фрейлиграт, стр. 49; К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 275).

К стр. 325. *О событиях в хрустальном дворце...* — т. е. о праздновании шиллеровского юбилея в Лондоне.

К стр. 327. *Что касается Либкнехта, то Кольб...* — Опубликовав во «Всеобщей газете» первое заявление Фрейлиграта, редактор газеты Кольб снабдил его примечанием, в котором он требовал от Либкнехта оправдать свою ссылку на Фрейлиграта. Между тем Либкнехту не в чем было оправдываться перед Кольбом, так как он указал на Фрейлиграта только как на свидетеля, могущего подтвердить, что именно Блинд является автором листовки «Предостережение». Кольб же говорил на страницах газеты о Фрейлиграте как о возможном обвинителе Фогта.

К стр. 329. *...даже если бы его к этому вынуждали его отношения к Фази...* — Фрейлиграт служил управляющим лондонским отделением швейцарского банка, директор которого Фази был близким другом Фогта.

...в связи с тогдашней историей с «How do you do?»... — В одном из номеров выходившего на немецком языке в Лондоне журнала «How do you do?» была помещена статья, содержавшая оскорбительные намеки на родственные отношения Маркса с прусским министром внутренних дел фон Вестфаленом (брат жены Маркса). Бета был в это время (1851) редактором журнала. Таким образом, в случае с Фрейлигратом Бета не впервые выступал с клеветническими нападками на Маркса.

К стр. 332. *...ненавижу и избегаю невежественную чернь...* — См. Гораций, ода 1, книга III, ст. 1.

— *...до Фогта и до его гнусной лжи в бильском «Handelskurier'e».* — Речь идет об открытом письме Фогта в журнал «Schweizer Handelskurier» (2 мая 1859 г.), в котором Маркс был назван главой клики эмигрантов, находящейся в сговоре с тайной полицией и замышляющей пагубные для немецких рабочих заговоры. Этот памфлет, «более глупый нежели гнусный» (Меринг), по настоянию Маркса был перепечатан в газете «Das Volk» («Народ»).

К стр. 337. *...процесс Эйхгофа — Штибера...* — Эйхгоф опубликовал несколько статей в «Негтапп'е», разоблачавших шпионскую деятельность Штибера; этот последний привлек его к суду за «клевету». Разоблачения Штибера как фальсификатора и клятвопреступника, сделанные Марксом во время кельнского процесса коммунистов, подтверждали правильность всех обвинений Эйхгофа.

К стр. 340. *«Материал», который я доставил Юху...* — В письме к Марксу от 28 февраля 1860 г. Фрейлиграт высказал «опасения», что материалы, предоставленные Марксом в распоряжение Юха, дадут прусской полиции новые данные против бывших членов Союза Коммунистов. «Меня лично, — оговаривает Фрейлиграт, — это затронуть не может, хотя в течение кельнского процесса моя причастность союзу не была установлена, хотя даже вопрос обо мне остался еще открытым!» (подчеркнуто Фрейлигратом; см. Меринг, «Фрейлиграт», стр. 65—66).

К стр. 341. *«Книга протоколов».* — Сборник полицейских фальшивок, фигурировавший на кельском процессе коммунистов в качестве обвинительного материала.

К стр. 342. *Итак, «о партии» в том смысле, в каком ты о ней пишешь...* — В уже цитированном выше письме Фрейлиграт, характеризуя свое отношение к партии, писал: «Когда в конце 1852 г., вследствие кельнского процесса, было объявлено о роспуске союза, я освободился от всех оков, наложенных на меня партией как таковой, и сохранил лишь мои отношения с тобой, моим другом и товарищем по убеждениям. От партии я в течение 7 лет держался далеко, на собраниях ее я не присутствовал, ее действия и постановления оставались мне чужды. Таким образом, отношения мои с партией давно не существуют... Я могу лишь сказать, что при этом я себя прекрасно чувствовал. Моей природе, как и природе всякого поэта, необходима свобода! Партия — тоже клетка, и песни даже за партию, лучше распевать снаружи клетки, чем внутри ее» (Меринг, «Фрейлиграт», стр. 63—66).

К стр. 344. *...в этом XIX столетии наша партия выделяется своей чистоплотностью.* — Невозможность для поэта подчиняться дисциплине

партии не была единственным доводом, приведенным Фрейлигратом в оправдание своего отступничества. Он писал: «Еще и по другим соображениям я ни разу не пожалел о том, что отошел от партии. Когда я вспоминаю обо всех двусмысленных и сомнительных элементах, успешных уже, несмотря на все предосторожности пробраться в партию, когда я вспоминаю о всех Теллерингах, Флери и пр. и пр., тогда я из одного лишь чувства опрятности бесконечно рад, что давно уже не принадлежу фактически к обществу, в котором мог бы изо дня в день приходиться в соприкосновение с такого рода личностями». Гневной отповедью на эту тираду и были слова Маркса о «респектабельной подлости или подлой респектабельности платежеспособной морали»: сведения о Клапке, личном друге Фрейлиграта, должны были показать этому последнему, что он поддерживает близкие отношения с морально нечистоплотными людьми отнюдь не в рамках пролетарской партии.

К стр. 348. *...разоблачения всей фазиевской грязи...* — В «Господине Фогте» Маркс разоблачил Фази как бонапартистского агента, действовавшего в ущерб национальным интересам Швейцарии.

К стр. 350. *«Подлость» «Tribune»...* — Маркс имеет в виду опротестование векселя на 30 фунтов стерлингов, выданного ему редактором «Tribune» под поручительство газеты.

К стр. 351. *Итциг — Ф. Лассаль.*

К стр. 352. *Я ничего не знаю о всей этой истории.* — Настоящее письмо Маркса является ответом на сообщенный ему Фрейлигратом инцидент с В. Либкнехтом, не отдававшим лондонскому книгопродавцу Вильямсу денег, занятых им под поручительство Фрейлиграта.

К стр. 356. *Я бы предпочел быть котенком и кричать «мяу», чем таким рифмоплетом!* — Цитата из Шекспира («Генрих IV», ч. I, действие 3, сцена I; слова Перси Хотспура).

— *Даже исторические катастрофы, как нынешняя...* — Маркс имеет в виду стихотворение Фрейлиграта «К Вольфгангу на поле битвы» («An Wolfgang im Felde» из цикла «Neueres und Neuestes»), написанное во время франко-прусской войны; поэт обращается в этом стихотворении к своему сыну, вступившему в санитарный отряд при действующей армии, с призывом «быть твердым и мужественным и завоевать шпоры на службе человечности!»

К стр. 357. *«Ты, гордая женищина Германия»* («Hurra, du stolzes, schönes Weib!») — первая строка из стихотворения Фрейлиграта «Ура, Германия».

К стр. 358. *Веерт.* — Начиная с 1845 г. и до последнего года своей жизни Веерт находился в переписке с Марксом и Энгельсом, своими ближайшими друзьями. Письма Веерта дают дополнительный материал для истории его отношений с основоположниками марксизма, как она вырисовывается из приводимых нами текстов (письма Маркса и Энгельса к Веерту были уничтожены братом поэта, в руки которого попал его архив).

Первое знакомство Веерта с Энгельсом относится, по-видимому, еще к 1836—1837 гг.; в эти годы Веерт служил учеником у купца в Эльберфельде, а Энгельс там же посещал гимназию и позднее работал в конторе. В 1843—1844 гг. в Манчестере они уже встретились как старые знакомые. В Англии Энгельс снабжает Веерта книгами, которые он выписывал из Швейцарии; по его совету Веерт обращается к изучению Фейербаха.

Влияние Энгельса на Веерта уже в эти годы несомненно. Сотрудничая в немецкой прессе «истинного социализма», Веерт почти одновременно с книгой Энгельса о положении рабочего класса в Англии печатает серию статей на ту же тему, заключая их ссылкой на работу Энгельса: «Я заканчиваю этим свое неполное сообщение о пролетариях в Англии и счастлив, что в этот момент один из лучших философских умов в Германии занят подробным изображением жизни английских рабочих — труд, важность которого неизмерима. Во всяком случае, этот автор сможет лучше меня представить отдельные факты в их истинном освещении, и благодаря длительному своему пребыванию в Манчестере — колыбели пролетариата — он имел больше возможности наблюдать рабочих, нежели я...».

В это же время Веерт восторженно отзывался о «Немецко-французских ежегодниках», выходявших под редакцией Маркса и Руге. «Там великолепные статьи, — пишет он брату, — вещи в тысячу раз лучше, чем в прежних Галлеских ежегодниках».

Личное знакомство Веерта с Марксом относится к 1845 г. Весной 1845 г. Веерт посылает Марксу и Энгельсу в Брюссель рассказы и стихи для журнала, который они предполагали там издавать. Пользуясь своей профессиональной коммувиоажера, Веерт осуществляет связь между отдельными общинами Союза коммунистов. Не без гордости Веерт сообщает своей матери, жене «пастора-суперинтенданта» о принадлежности ее сына к «боснякам-коммунистам». С лета 1846 г. Веерт совсем переезжает в Брюссель, где он поселится в одном доме с Марксом. Из писем Веерта этого периода мы знаем, какое огромное впечатление производит на него личность Маркса, его беспредельная работоспособность («этот человек уже много лет спит по ночам не более 4-х часов»), исторический масштаб его деятельности... «Маркса считают до некоторой степени главой коммунистической партии, Маркс работает днем и ночью над тем, чтобы выбить из голов американских, французских, немецких и т. д. ремесленников их idiotские системы, рекомендуя им изучение современных условий». Под прямым влиянием Маркса и Энгельса Веерт делает изучение политической экономики и истории главным предметом своих собственных научных занятий в эти годы.

После начала революции в Германии ЦК Союза коммунистов посылает Веерта из Парижа в Кельн, где он подготавливает организацию «Новой Рейнской газеты». Участие в газете принесло расцвет творческой деятельности Веерта — политического поэта, фельетониста, публициста.

Письма Веерта к Марксу и Энгельсу опубликованы в книге: Г. В е е р т, Избранные произведения, под ред. А. Дымшица, т. II, Гослитиздат, М., 1957, стр. 439—494).

Об отношениях Маркса и Энгельса с Веертом см.: Ф. Шиллер, «Георг Веерт», М., 1932; G. Weert, «Sämtliche Werke», Bd. I-V, herausg. v. B. Kaiser, Berlin, 1957; А. Л. Дымшиц, «Георг Веерт» — в книге Г. В е е р т, Избранные произведения, т. I, Гослитиздат, М., 1957.

К стр. 361. *После него слово взял г-н Веерт...* — Энгельс цитирует далее речь Веерта на брюссельском конгрессе по поводу свободы торговли, состоявшемся 16—18 сентября 1847 г. На конгрессе присутствовало около 150 представителей, главным образом экономистов, промышленников и купцов. В то время как другие делегаты конгресса — представители буржуазии — восхваляли свободу торговли как панацею от всех зол, Веерт в своей речи разоблачил буржуазный характер лозунга свободы торговли, его неудовлетворительность с точки зрения интересов пролетариата. Марксу, который также присутствовал на конгрессе, устроители не

дали слова. Изложение его речи (непроизнесенной) см. Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 263—267. (Ср. Е. П. Кандель, «К. Маркс и Ф. Энгельс — организаторы Союза коммунистов», М., Госполитиздат, 1953, стр. 184—187.)

К стр. 363. *...Лигой в 1842 г. ...* — В августе 1842 г. Лига против хлебных законов, стремясь использовать рабочее движение, подстрекала рабочих к выступлениям. Но размах забастовок испугал либеральную буржуазию, и она поддержала репрессии против рабочих. Предательство либералов и буржуазных радикалов ускорило разрыв с ними чартистов.

— *Бюзансе, Лион!* — Имеется в виду кровавое подавление восстания лионских рабочих в 1831 и 1834 гг., а также имевшая место в 1847 г. в Бюзансе (департамент Эндр) расправа правительственных войск с голодающими рабочими.

К стр. 364. *Хорошо, что немцы представлены рабочим.* — В письме Энгельса речь идет о II конгрессе Союза коммунистов, заседавшем в Лондоне в ноябре — декабре 1847 г.

— *Ради бога только не Веерт как представитель!* — После своей речи на конгрессе защитников свободной торговли Веерт был так увлечен ее внезапным успехом, что стал выступать на собраниях с ответственными заявлениями без согласования их с руководителями Союза коммунистов. Этим и вызван протест Энгельса.

— *Веерт пишет мне сегодня...* — Письмо Веерта к Энгельсу см. Г. Веерт, Избранные произведения, т. II, Гослитиздат, М., 1957, стр. 486—487.

— *Главная причина тому — Веерт...* — Веерт гостил у Маркса в Лондоне около 20—27 сентября 1852 г.

— *Нужно удержать его в его сфере.* — Под «сферой» Веерта Энгельс подразумевал его литературную деятельность.

К стр. 365. *Известие о смерти Веерта...* — Веерт умер 30 июля 1856 г. в Гаванне. Некролога о нем в «Трибуне» Марксу поместить не удалось.

— *...моего старика...* — Речь идет об Энгельсе-отце, приезжавшем в Лондон в сентябре 1856 г.

К стр. 366. *...о деле Веерта.* — Речь идет об издании литературного наследства поэта. Дневники Веерта опубликованы не были.

— *Прилагаемое стихотворение Веерта...* — О каком стихотворении идет речь, не установлено.

— *...напечатаете ли Вы фельетон...* — Имеется в виду статья Энгельса о Веерте, впервые напечатанная в газете «Социал-демократ», 1883, № 24 от 7 июня.

К стр. 367. «*Gesellschaftsspiegel*» («Зеркало общества») — «истинно-социалистический» журнал, издававшийся М. Гессом в Эльберфельде в 1845—1846 гг.

— *...о сборнике его стихов...* — Сборник стихов Веерта, издан впервые в СССР в 1936 г.

К стр. 373. *Эвелинг собирается поставить несколько своих пьес.* — Эдвард Эвелинг (1851—1898) — английский врач и писатель-социалист; муж младшей дочери К. Маркса Элеоноры. С начала 80-х гг. под влиянием Энгельса Эвелинг стал приближаться к марксизму; был членом Социал-демократической Федерации и одним из основателей Социалистической лиги (1884), активным участником движения так называемых «неоргани-

зованных» рабочих, направленного против оппортунизма тред-юнионистских вождей; в 1893—1895 гг. был членом Независимой рабочей партии.

К стр. 373. Мы поедем на «City of Berlin»... — На этом пароходе Энгельс вместе с К. Шорлеммером и супругами Эвелинг совершил в августе 1888 г. поездку в Америку.

К стр. 375. О Гайндмане см. статью В. И. Ленина «Гайндман о Марксе» (1911). «Автобиография Гайндмана, — пишет здесь В. И. Ленин, — есть биография английского буржуазного филлистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму, никогда не отделяясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 274).

— «*To-Day*» («Сегодня») — ежемесячный социалистический журнал, основанный Э. Б. Баксом; выходил в Лондоне с апреля 1883 по 1889 г.; в 1884—1885 гг. в нем принимали участие Э. Эвелинг и Э. Маркс-Эвелинг; начиная с 1886 г. преобладающее влияние в журнале получили фабианцы.

О борьбе Гайндмана против «*To-Day*» см. также письмо Энгельса к Э. Бернштейну от 29 декабря 1884 г. (Сочинения, т. XXVII, стр. 438—439).

— *Вышли из Федерации...* — Речь идет о Социал-демократической федерации, основанной в 1881 г. группой социалистов и радикалов во главе с Гайндманом. В. И. Ленин считал характерными чертами Социал-демократической федерации превращение марксизма в догму, отрыв от массового рабочего движения.

— *Их органом будет небольшой ежемесячный журнальчик.* — Речь идет о литературно-политическом журнале «*The Progress*» («Прогресс»), который в 1884 г. редактировал Э. Эвелинг (журнал выходил в Лондоне с 1883 по 1887 г.).

К стр. 376. «*Justice*» — еженедельный орган Социал-демократической федерации; основан Гайндманом в 1884 г.; выходил до 1925 г. Издатель — Г. Квелч.

— *Социалистическая лига* основана в 1884 г. вышедшими из Социал-демократической федерации Э. Эвелингом, Э. Маркс-Эвелинг, Э. Б. Баксом, В. Моррисом и другими. Вскоре руководство в лиге захватили анархисты, в связи с чем Эвелинги и Бакс вышли из нее. В 1889 г. Социалистическая лига распалась.

— «*Commonweal*» («Общее благо») — еженедельный орган Социалистической лиги; издавался в Лондоне в 1885—1894 гг.; редактор В. Моррис. Эвелинг в начале был одним из редакторов «*Commonweal*», но в апреле 1886 г. отказался от редакторства.

К стр. 377. «*Капитал*» на английском языке в переводе С. Мура вышел в конце 1886 г.

К стр. 378. ...сообщение о созыве конгресса... — Речь идет о воззвании к социалистам Европы и Америки о созыве Международного рабочего и социалистического конгресса в Париже 14—21 июля 1889 г. (на котором был основан II Интернационал). Воззвание это вызвало неистовый протест органа оппортунистической Социал-демократической федерации — газеты «*Justice*» (от 16 марта 1889 г.) и протестующий манифест Федерации (от 25 мая 1889 г.). Немецкие социал-демократы ответили на статью «*Justice*» двумя уничтожающими памфлетами, написанными Э. Бернштейном и отредактированными Энгельсом (Сочинения, т. XXVIII, стр. 401—423).

— *Поссибилисты* — представители оппортунистического течения во французском рабочем движении, которое возглавляли Брусс и Малон; Гайдман и его газета поддерживали поссибилистов.

К стр. 379. *People's Press* («Народная пресса») — социалистическая газета, выходившая с 1890 по 1891 г. в Лондоне.

К стр. 380. *«Развитие социализма от утопии к науке»* — брошюра Энгельса вышедшая на английском языке в Лондоне в 1892 г. в переводе Э. Эвелинга.

— *«Workman's Times»* («Рабочий Таймс») — еженедельник, издававшийся в 1890—1894 гг. в Хеддерсфилде, Лондоне и Манчестере.

К стр. 381. ...*статью Конрада Шмидта в «Neue Zeit»...* — Отзыг Энгельса об этой статье (помещенной в «Neue Zeit», 1892—1893, № 3 и 4) см. в предисловии к т. III «Капитала» (Сочинения, т. XIX, ч. I, стр. 12). Здесь же Энгельс иронически замечает, что, если бы Бернарду Шоу была известна вульгарно-буржуазная теория стоимости В. Лексиса, он «был бы способен ухватиться за нее обеими руками, дать отставку Джевонсу и Карлу Менгеру (авторы «австрийской» (субъективной) теории стоимости. — Г. Ф.) и на этом камне вновь воздвигнуть фабианскую церковь будущего» (там же, стр. 9).

— Общую оценку *фабианцев* см. в письме Энгельса к К. Каутскому от 4 сентября 1892 г., из которого извлечен данный отрывок (Сочинения, т. XXIX, стр. 114—115).

— ...*о вашем партийном съезде...* — Речь идет о съезде немецких социал-демократов в Берлине в ноябре 1892 г.

— ...*семеро швабов...* — Намек на название одной из немецких народных книг (см. стр. 563 настоящего тома).

— *«Chronicle»* (полностью — «Daily Chronicle» — «Ежедневная хроника») — газета либерал-юнионистов; выходила в Лондоне.

К стр. 382. ...*обе старые партии...* — Тори и виги.

К стр. 385. *Письмо к отцу* от 10 ноября 1837 г. является одним из важнейших документов, освещающих духовную жизнь Маркса в наиболее ранний период его развития. Оно написано во время второго зимнего семестра, проведенного Марксом на юридическом факультете Берлинского университета, куда он перевелся в октябре 1836 г. из Бонна, и содержит подробный отчет о занятиях Маркса в течение года, о его эстетических интересах и поэтическом творчестве в этот период.

Общую характеристику поэтических опытов и литературно-художественных интересов молодого Маркса см. в книгах: М. Лифшиц, «Вопросы искусства и философии», Гослитиздат, М., 1935, стр. 161—169; A. Cornu, «K. Marx und F. Engels. Leben und Werk», Bd. I, Aufbau-Verlag, Berlin, 1954, S. 63—104.

В первый период умственного развития Маркса (1835—1841 гг.) литературно-художественные интересы занимали у него одно из важнейших мест. Отпускное свидетельство Боннского университета, выданное Марксу в связи с его переездом в Берлин 22 августа 1836 г. (см. K. Marx u. F. Engels, Werke. Schriften. Briefe. Historisch-kritische Gesamtausgabe, herausg. v. Institut Marx — Engels — Lenin, Bd. I, Halbband 2, Berlin, 1929, S. 194; в дальнейшем это издание обозначается кратко MEGA), указывает, что наряду с изучением права Маркс в период пребывания в университете слушал курс Велькера о мифологии греков и римлян, Э. д'Альтона по истории нового искусства и лекции А. В. Шлегеля о специальных вопросах

античной поэзии (о Гомере и элегиях Проперция). Все указанные профессора были выдающимися учеными. В годы учения в Берлинском университете Маркс в 1840—1841 гг. слушал курс лекций Гепперта об Еврипиде. В Берлине Маркс много читал по вопросам искусства. К списку книг, указанных им в письме к отцу, следует прибавить «Эстетику» Гегеля, которую Маркс изучал, вероятно, летом 1837 г.

К 1835—1837 гг. относится ряд поэтических опытов Маркса. В ноябре 1835 г. Маркс посылает из Бонна отцу философское стихотворение (MEGA, B. I, Halbband 2, стр. 187). По свидетельству М. Карьера, с зимы 1835 до лета 1836 г. Маркс вместе с Э. Гейбелем, К. Грюном и другими представителями боннского студенчества участвовал в поэтическом кружке, соревновавшемся с аналогичным кружком геттингенских студентов. Сохранившиеся письма отца Маркса к сыну 1835—1837 гг. содержат постоянные, то скрытые, то высказываемые открыто опасения по поводу его увлечения поэзией.

Стихотворения, написанные в первые месяцы после переезда в Берлин, Маркс объединил в конце 1836 г. в трех тетрадах («Книга песен» и две части «Книги любви»), которые послал своей невесте Женни фон Вестфален. Эти тетради, полученные Ж. фон Вестфален в Крейцнахе в декабре 1836 г., в настоящее время утрачены. В свое время они были в руках Ф. Меринга, охарактеризовавшего их в первом томе изданного им «Литературного наследства» Маркса и Энгельса («Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx u. F. Engels», herausg. v. F. Mehring, Stuttgart, 1902, Bd. I, S. 25—28; К. Маркс и Ф. Энгельс «Литературное наследство», т. I, М., 1907, стр. 27—30). Здесь же Меринг опубликовал четыре отрывка из стихотворений этой тетради.

До нас дошла другая, позднейшая тетрадь юношеских произведений Маркса, посланная им из Берлина в подарок отцу ко дню рождения в октябре 1837 г. Она заполнена произведениями, написанными, по-видимому, в промежуток с ноября 1836 г. по апрель 1837 г. Однако некоторые из стихотворений этой тетради по содержанию совпадают со стихотворениями, охарактеризованными Мерингом («Песня сирен», «Люцинда», «Песня к звездам», «Бледная дева»). Очевидно, они относятся к более раннему времени и переписаны Марксом из одной из более старых тетрадей, посвященных невесте.

Произведения Маркса, вошедшие в указанную тетрадь, посвященную отцу, напечатаны в MEGA, Bd. I, Halbband 2, S. 1—89. Это — 39 стихотворений (лирика, баллады, романсы, эпиграммы и т. д.), сцены из незаконченной трагедии «Оуланем» (первый акт) и несколько глав из юмористического романа «Скорпион и Феликс» (кн. I, гл. 10—48).

Два стихотворения из своей юношеской тетради («Ночная любовь» и «Скрипач») Маркс опубликовал в 1841 г. в берлинском младогегельянском журнале «Атенеум» (№ 4 от 23 января) под общим заглавием «Неистовые песни» («Wilde Lieder»). Для опубликования в «Атенеуме» эти стихотворения подвергались стилистической правке (см. MEGA, B. I, Halbband 2, S. 327—328). Эти два стихотворения в русском переводе напечатаны: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 422—423.

К стр. 386. — *...твое бесконечно дорогое для меня письмо из Эмса...* — Это письмо Г. Маркса от 12—14 августа 1837 г. напечатано в MEGA, Band I, Halbband 2, S. 205—208.

— *Когда я покинул вас, для меня открылся новый мир...* — Во время летних каникул, проведенных Марксом в августе — октябре 1837 г. в родительском доме в Трире, состоялась его помолвка с Женни фон Вестфа-

лен. О помолвке знали лишь родители Маркса, так как Маркс и его невеста опасались, что ее родители не дадут согласия на этот брак.

К стр. 387. — *Гейнекий, Тибо* — имеются в виду книги: И. Г. Гейнекий, «Основы гражданского права» («Elementa juris civilis», Amsterdam, 1728); А. Ф. Тибо, «Система пандектного права» («System des Pandektenrechts», Jena, 1803).

— ...выписки из всех книг, какие я читал... — Ср. позднейшие аналогичные выписки. MEGA, Bd. I, Halbband II, S. 114—118.

— ...переводил... «Элегии Овидия»... — До нас дошел перевод одной (первой) элегии из книги «Скорби» («Tristia»).

К стр. 388. «Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии». — Диалог этот не сохранился.

— ...«омывающих души и разжигающих чай»... — Г. Гейне, «Книга песен», «Северное море» (цикл I, стихотворение «Мир»).

К стр. 389. — «Докторский клуб». — Так назывался кружок радикальных ученых и литераторов-младогегельянцев в Берлине. Маркс посещал его с лета 1837 г., познакомившись здесь с Б. и Э. Бауэрами, Ф. Кеппенем, А. Рутенбергом, К. Науверком и другими представителями радикально-гегельянского лагеря. См. о докторском клубе в книгах: Ф. Меринг, «Карл Маркс. История его жизни», М., 1957, стр. 46—49; Sepp Miller, Bruno Sawadzki, «Karl Marx in Berlin», «Das neue Berlin», s. a., S. 68—80.

...некоторыми плохими произведениями... — Эти произведения не сохранились.

К стр. 390. *Г-н фон Шамиссо прислал мне записку*... — В октябре 1837 г. Маркс предложил Шамиссо для напечатания в «Немецком альманахе муз» («Deutsches Musenalmanach») несколько стихотворений. Стихотворения не были приняты в уже готовый к этому времени альманах и были возвращены Марксу с запиской Шамиссо, которая не сохранилась.

...мой план... — Речь идет о театрально-критическом журнале, который Маркс собирался издавать в это время.

К стр. 391. *Один наш корреспондент с Майна*... — С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником, а с октября того же года одним из редакторов «Рейнской газеты» («Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe»), выходившей в Кельне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 г. Благодаря сотрудничеству Маркса эта оппозиционная газета, основанная представителями рейнской буржуазии, стала постепенно приобретать революционно-демократическую окраску, что и вызвало ее закрытие. Настоящая статья (как и ряд последующих) была напечатана в «Рейнской газете».

— *Аугсбургская «Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета») — немецкая газета реакционного направления (1810—1882), с которой «Рейнская газета» вела оживленную полемику.

К стр. 392. ...за одну свою оценку Гервега... — См. примеч. к стр. 295.

К стр. 393. ...«Напрасный труд, слепой Купидон». — Шекспир, «Король Лир» (акт IV, сцена 7).

К стр. 394. *Если даже признать, что «Евангелие для мирян»*... — Отрывок представляет собой часть ответа Маркса на статью реакционно-католической «Рейнско-Мозельской газеты» (март 1843), направленную против только что умершего гегельянца-теолога Фридриха фон Саллета,

автора стихотворного «Евангелия для мирян». Газета обвиняла Саллета в отступничестве от религиозной ортодоксии. Маркс же в своем ответе, наоборот, критиковал Саллета за половинчатость его отношения к религии. «Терроризму веры» Маркс противопоставил «терроризм разума», не признающего веры.

К стр. 396. *Дебаты шестого Рейнского ландтага.* — В начале 1840-х гг. в Пруссии произошла смена правительственного курса. Вступивший в 1840 г. на престол Фридрих-Вильгельм IV вместо полицейско-бюрократического режима своего отца провозгласил новую либерально-романтическую правительственную программу. Одним из либеральных жестов, с которых началось новое царствование, было временное ослабление законов о цензуре. С этими мероприятиями правительства связаны первые публицистические выступления Маркса. В статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», написанной в начале 1842 г. для «Немецких летописей», но появившейся в печати лишь через год (так как издатель — А. Руге — не смог ее напечатать), Маркс подверг беспощадной критике изданную правительством 24 декабря 1841 г. цензурную инструкцию. В следующей большой статье — «Дебаты о свободе печати» — Маркс дал подробное обсуждение прений по этому вопросу, возникших в шестом Рейнском ландтаге (заседавшем в Дюссельдорфе в мае—июне 1841 г.) в связи с предоставлением правительством провинциальным ландтагам права публиковать протоколы своих заседаний. Статья эта была напечатана в мае 1842 г. в «Рейнской газете».

Маркс занял в своих статьях революционно-демократическую позицию, отличную от позиции других младогегельянцев и либеральной прессы вообще. В то время как либеральные круги приветствовали новую цензурную инструкцию, Маркс вскрыл ее реакционный характер, показав несоместимость крепостнической цензуры и свободы печати. Маркс доказывал в своих статьях, что реакционная политика Пруссии не противоречит подлинной «сущности» прусского государства, как полагали гегельянцы, а является прямым выражением его реакционной социальной природы.

Статьи Маркса содержат общую формулировку его взглядов в революционно-демократический период развития на задачи печати и литературной деятельности. Позиция, занятая Марксом в этих статьях, определяется, с одной стороны, беспощадной критикой цензуры и подцензурной печати, а с другой — критикой буржуазно-торгашеского взгляда на литературу, низводящего ее до уровня ремесла, приравнивающего свободу печати к промышленной свободе. В борьбе с реакцией и буржуазно-торгашеским взглядом на литературу Маркс защищал смелую и свободную демократическую печать.

На примере обсуждения вопросов о свободе печати и об опубликовании протоколов собрания Маркс показал, что реакционный рейнский ландтаг не имел ничего общего с народным представительством, что он отстаивал сословные привилегии, вопреки интересам народа.

Опубликование статьи, посвященной дебатам о свободе печати, положило начало сотрудничеству Маркса в «Рейнской газете».

— «*Staats-Zeitung*» («Всеобщая прусская государственная газета») — полуофициальный орган прусского правительства.

— «*Vossische Zeitung*» («Берлинская королевско-привилегированная газета») — распространенная газета, владельцем которой был Фосс.

— «*Spencersche Zeitung*» («Берлинские известия») — близкая к правительству газета, издателем которой был Шпенер.

К стр. 397. *Давайте считать, — взывает прусская «Staats-Zeitung»...* — Намек на помещенную в «Staats-Zeitung» статью «Отечественная пресса и отечественная статистика».

К стр. 398. *...с китайцем...* — По-видимому, речь идет о Конфуции, которого в XIX в. считали автором наиболее раннего комментария к «И-цзин» («Книга перемен»). В этом древнейшем памятнике китайской литературы содержатся основы натурфилософской концепции, главной идеей которой является изменяемость всего существующего. Согласно «И-цзин», знаки «гуа», образованные из различных сочетаний трех целых и прерванных прямых линий, символизируют вещи и явления мира.

К стр. 399. *...один греческий мыслитель...* — Маркс имеет в виду изречение Гераклита: «сухая душа — мудрейшая и наилучшая».
— «Allgemeine», «Journal des Débats» — см. примеч. к стр. 391 и 64.

К стр. 401. *И то, что увидеть не может мудрец...* — Шиллер, «Слова веры».

К стр. 402. *Гёте как-то сказал...* — В своих «Заметках об искусстве» («Verschiedenes Einzelne über Kunst»).

К стр. 403. *«Цензура — меньшее зло...»* — Здесь и далее Маркс цитирует протоколы заседаний ландтага («Sitzungs-Protokolle des 6-ten Rheinischen Provinzial-Landtags», Koblenz, 1841).

— *...известной партии...* — Речь идет об исторической школе права (см. стр. 414 т. I настоящего издания и примеч. к ней).

К стр. 404. *«здорово ты, лев, зарычал!»* — Шекспир, «Сон в летнюю ночь» (акт V, сцена 1).

К стр. 409. «*Berliner politisches Wochenblatt*» («Берлинский политический еженедельник») — орган крайней реакции, выходивший с 1831 по 1841 г. при участии К. Галлера, Г. Лео, Ф. Раумера и других; пользовался покровительством кронпринца (будущего Фридриха-Вильгельма IV).

К стр. 421. *В роце тенистой ее он убил...* — Из стихотворения Л. Уланда «Местъ» (перефразировано).

— *Мой владыка и учитель...* — Из стихотворения Гёте «Ученик чародея» (перефразировано).

К стр. 422. *Гуа.* — См. примеч. к стр. 398.

К стр. 439. *Кто никогда того, что строил, не крушит...* — Здесь и далее Маркс цитирует стихи Харири в переложении Ф. Рюккерта (F. Rückert, «Die Verwandlungen des Abu-Seid von Serug, oder die Makamen des Hariri, 2-te Auflage, Stuttgart und Tübingen, 1837, Bd. I, S. 136»).

К стр. 440. *...к защитникам свободы печати...* — Под защитниками свободы печати Маркс здесь и далее имеет в виду представителей буржуазной оппозиции в шестом Рейнском ландтаге.

К стр. 452. *«В знании потребностей государства...»* — Фукидид, «История пелопоннесской войны», кн. II.

— *«Гидарн, совет, который ты нам предлагаешь...»* — Геродот, «История», кн. VII.

К стр. 453. *«...о новейшей прусской цензурной инструкции».* — См. примеч. к стр. 396.

— «*Стиль — это человек*». — Слова Бюффона из его речи при вступлении в Академию (1753).

К стр. 454. *Только нищий скромн, говорит Гёте...* — В стихотворении «Отчет» («*Rechenschaft*»).

— *...скромность гения, о которой говорит Шиллер...* — В трактате «О наивной и сентиментальной поэзии» (см. Ф. Шиллер, Собр. соч., т. VI, ГИХЛ, М. — Л., 1950, стр. 423).

— *...под определение Тристрама Шенди.* — См. примеч. к стр. 375 т. I настоящего издания.

К стр. 456. *«все жанры хороши, кроме скучного»...* — Из предисловия к комедии Вольтера «Блудный сын» (1736).

К стр. 459. *Из писем к братьям Гребер.* — Как и Маркс, Энгельс в молодые годы горячо интересовался литературой и искусством и сам проповедовал свои силы в области литературного творчества. Борьба между стремлением к поэзии и желанием отца, предназначавшего его для купеческой конторы, составляет содержание первого серьезного конфликта в жизни Энгельса.

Дошедшие до нас литературные опыты Энгельса — стихотворные и прозаические — напечатаны на языке оригинала в MEGA, Bd. II, Berlin, 1930, S. 5—18, 83—87, 90, 109—110, 126—127, 132—154, 464—477. В русском переводе они частично помещены в Сочинениях Маркса и Энгельса, т. II, стр. 443—470; К. Маркс и Ф. Энгельс, «Из ранних произведений», Госполитиздат, М., 1956, стр. 466—496.

После того как Энгельс в 1837 г. был взят родителями из гимназии и в августе 1838 г. должен был поступить учеником в торговую контору в Бремене, он продолжал горячо увлекаться литературой. Литературные интересы и склонности Энгельса 1838—1841 гг. нашли яркое отражение в письмах, которые он посылал на родину сестре Марии и своим школьным друзьям-братьям Ф. и В. Греберам (MEGA, Bd. II, S. 485—627; К. Маркс и Ф. Энгельс, «Из ранних произведений», Госполитиздат, М., 1956, стр. 261—343; здесь же напечатан ряд поэтических опытов Энгельса, которые он посылал Греберам).

Как видно из переписки Энгельса с Греберами, известная нам часть его юношеских произведений не исчерпывает всего написанного им в эти годы. Вместе с Греберами и еще несколькими друзьями детства Энгельс в 1838—1840 гг. участвовал в составлении рукописного литературного журнала, для которого он неустанно поставлял рецензии, прозу, стихи. «У Гуилельмуса (В. Гребера) еще целая тетрадь моих стихов», — читаем мы в письме к Греберам 18 сентября 1838 г. («Из ранних произведений», стр. 267). В декабре 1839 г. Энгельс сообщает Ф. Греберу названия нескольких новых своих произведений, которым он сам, однако, не придавал серьезного значения. «Я усиленно занимаюсь литературными работами: ...я пишу много стихов, которые, однако, нуждаются в тщательной отделке, и работаю над различными прозаическими вещами для выработки стиля. Позавчера я написал «Бременскую любовную историю», вчера — «Евреев в Бармене», завтра я думаю написать статьи «Новейшая литература в Бармене», «Ученик» (имеется в виду конторский ученик) или что-нибудь в этом роде. За две недели можно, при наличии хорошего настроения, свободно настрочить пять листов, затем отшлифовать стиль, вставить там и сям для разнообразия стихи и издать под названием «Бременские вечера». Мой издатель в сре пришел ко мне вчера, я ему прочел «Odiseus Redivivus», который его привел в необычайный восторг; он намерен взять

первый роман моего изготовления, а вчера хотел во что бы то ни стало заполучить томик стихов. Но их, к сожалению, недостаточно и к тому же — цензура!» (там же, стр. 332). Однако период литературной активности скоро проходит под влиянием новых и более сильных интересов; в 1840—1841 гг. Энгельс уже только эпизодически обращается к художественному творчеству.

О поэтических произведениях и литературных взглядах молодого Энгельса см. Ф. П. Шиллер, «Энгельс как литературный критик», ГИХЛ, М.—Л., 1933, стр. 11—38; Г. Фридендер, «Фридрих Энгельс и вопросы литературы» (журн. «Литературный критик», 1940, № 11—12, стр. 9—16); А. Согни, «K. Marx und F. Engels. Leben und Werk», Bd. I, Aufbau-Verlag, Berlin, 1954, S. 104—122.

— «Бедуины» — см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений», Госполитиздат, М., 1956, стр. 266—267. Стихотворение «Бедуины» было напечатано в газете: «Bremisches Conversationsblatt», 1838, № 40 от 16 сентября. Это было первое выступление Энгельса в печати.

К стр. 461. ...*купите мне народные книги...* Интерес Энгельса к немецким народным книгам получил отражение во фрагментах трагикомедии «Неуязвимый Зигфрид» (1839) и в статьях «Немецкие народные книги» (1839) и «Родина Зигфрида» (1840) (см. стр. 559—569 настоящего тома).

— ...*на моего старика...* — Речь идет об отце.

К стр. 462. Энгельс и «Молодая Германия». — Настоящий отзыв — очень резкая оценка «берлинской партии» или «лево-рейнского лагеря» «Молодой Германии» (Лаубе, Мундт, Кюне) — первый отзыв Энгельса о писателях «Молодой Германии». В апреле того же года Энгельс сообщает В. Греберу уже о своем единомыслии с «Молодой Германией». Однако здесь нет решительного перелома во взглядах, так как отрицательное отношение к писателям «берлинской партии» Энгельс сохраняет и в период своего активного сотрудничества с «Молодой Германией», — неоромантическое фразерство и эстетский модернизм берлинских литераторов ни в какой мере не принадлежали к числу элементов, привлекавших Энгельса к современной ему литературе. Для молодого Энгельса, выросшего в маленьком провинциальном городе, вся духовная жизнь которого протекала под знаком поповского мракобесия и ханжества, в обстановке консервативной и пнигистски настроенной купеческой семьи, произведения лучших представителей «Молодой Германии» были прежде всего литературой, помогавшей ему освободиться от уз политического и религиозного традиционализма. «Что мне, бедняге, делать теперь? — пишет он Ф. Греберу 9 апреля 1839 г. — Продолжать зубрить? Никакой охоты. Стать лойяльным? Тыфу, черт!.. Следовательно, я должен стать младогерманцем, или, скорее, я уж таков душой и телом. По ночам я не могу спать от всех этих идей века; когда я стою на почте и смотрю на прусский государственный герб, меня охватывает дух свободы; каждый раз, когда я заглядываю в какой-нибудь журнал, я слежу за успехами свободы; эти идеи прокрадываются в мои поэмы и издеваются над обскурантами в клубках и горностае. Но от всех этих риторических фраз о мировой скорби, о всемирно-историческом, о скорби иудейства и т. д. я держусь в стороне, ибо теперь они уже устарели» (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Из ранних произведений», стр. 281).

Этой направленностью интересов Энгельса объясняется то предпочтение, которое он отдает Бёрне, критику с наиболее выраженным политическим темпераментом среди писателей демократического направления. «Фридрих Энгельс, младогерманец» (там же, стр. 300), как он подпи-

сывает в это время одно из писем к В. Греберу, он считает, что «Менцель-французоед» Бёрне в стилистическом отношении — лучшее произведение немецкой литературы». Энгельс с увлечением пересказывает своим друзьям то из «Парижских писем» Бёрне, в котором немецкий критик пародирует демагогическое тевтономанство Людвига Баварского. Бёрне помог Энгельсу стать революционным демократом. Среди самых же младогерманцев Энгельс отдает свои симпатии «праворейнской» группе литераторов во главе с К. Гуцковым, отличавшейся в это время сравнительной радикальностью и живым интересом к общественным вопросам. В гамбургском журнале Гуцкого «Телеграф для Германии» («Telegraph für Deutschland», 1838—1848) Энгельс печатает свои первые очерки «Письма из Вуппертала» (март—апрель 1839 г.). С этого времени начинается систематическое сотрудничество Энгельса в «Телеграфе», продолжавшееся в течение двух лет. За это время Энгельс опубликовал в «Телеграфе» несколько стихотворений и следующие статьи: «Немецкие народные книги» (ноябрь 1839 г.), «Карл Бек» (декабрь 1839 г.), «Ретроградные знамена времени» (февраль 1840 г.), «Платен» (февраль 1840 г.), «Реквием для немецкой «Adels-Zeitung» (апрель 1840 г.), «Йоель Якоби» (июнь 1840 г.), «Ландшафты» (июль 1840 г.), «Родина Зигфрида» (декабрь 1840 г.), «Эрнст-Мориц Арндт» (январь 1841 г.) и «Воспоминания Иммермана» (апрель 1841 г.). Следует иметь в виду, что статьи Энгельса подвергались правке со стороны Гуцкого, исходившего как из требований цензуры, так и из своих редакторских вкусов.

Сотрудничество Энгельса в «Телеграфе» падает в основном на бременский период его жизни. Весной 1841 г. Энгельс покидает Бремен, а осенью того же года переезжает в Берлин, где отбывает воинскую повинность и слушает лекции в университете. Статья об Иммермане была последней статьей Энгельса в младогерманском органе. В декабре 1841 г. он еще посылает в журнал Гуцкого изложение первой лекции Шеллинга («Шеллинг о Гегеле»), но уже очерк о поездке по Италии «Скитания по Ломбардин» помещает в младогегельянском журнале «Атенеум», на обложке которого его имя со второй половины 1841 г. значится в числе постоянных сотрудников. Литературно-критическая работа вообще уже не имела для Энгельса прежнего значения. Ко времени переезда в Берлин он был близок к взгляду, позднее высказанному Марксом в статье «К критике гегелевской философии права»: в Германии в первую очередь критики заслуживает философия, так как это та единственная область немецкой идеологии, которая стояла на уровне современных общественных отношений. Тем показательней, что единственная крупная литературно-критическая статья Энгельса, написанная в берлинский период, — о книге Александра Юнга «Лекции о современной литературе немцев» (см. стр. 524—538 настоящего тома), посвящена характеристике того направления, которое еще недавно было близким Энгельсу. За несколько лет Энгельс прошел путь от христианства в духе Шлейермахера к последовательному атеизму, от распыленного сочувствия «идеям века» к демократизму. Он ставит теперь своей задачей осуществить синтез Бёрне и Гегеля, соединить буржуазно-демократическую революционность с той всеобъемлющей критикой современных общественных отношений, зачатки которой содержались в философии Гегеля. Энгельс критикует теперь вождей «Молодой Германии» (в это время начавших уже эволюционировать вправо) прежде всего за недостаток политического характера, за неспособность отдаться борьбе за дело демократии. В рецензии на лекции немецкого юмориста Л. Валесроде «Комментарии и заметки на полях к современным текстам» (май 1842 г.) Энгельс пишет, что авторы «блаженной памяти «Молодой Германии»... не

оправдали возложенных на них надежд и погрязли в расслабленности, получившейся в результате бесплодных стремлений к внутреннему единству. Неспособность создать что-либо *цельное* была подводной скалой, на которой они потерпели крушение, так как они сами не были *цельными людьми*» (Сочинения, т. II, стр. 236). Этот отзыв перекликается с датируемой гораздо более поздним временем характеристикой Гуцкова и Лаубе (Энгельс — Бебелю 16 декабря 1879 г. см. стр. 164 настоящего тома).

Опубликование статьи о Юнге означало полный и демонстративный разрыв ее автора с «Молодой Германией». Вскоре после напечатания статьи Гуцков, относивший на свой счет «печальную честь введения Освальда в литературу», со скорбью писал пострадавшему Юнгу: «Таковы все эти новички. Нам они обязаны тем, что умеют мыслить и писать, и первым их делом является духовное отцеубийство» (Сочинения, т. II, стр. XVII. Предисловие редактора).

К стр. 464. «*Утренний листок*» («*Morgenblatt für gebildete Leser*») — литературная газета, издававшаяся в Штутгарте и Тюбингене в 1807—1865 гг. В 1840—1841 гг. в ней было помещено несколько корреспонденций Энгельса.

— «*Вечерняя газета*» («*Abendzeitung*») — литературная газета, издававшаяся в Дрездене и Лейпциге в 1817—1857 гг.

— «*Литературный листок*» («*Literaturblatt*») — приложение к газете «*Morgenblatt*».

— «...*виттельсбаховские романсы*...» — Речь идет о сборнике баллад Э. Дуллера «*Виттельсбахи*» (1831), который был посвящен правящей баварской династии.

— «...*у Хюльштетта*...» — Имеется в виду хрестоматия Г. Хюльштетта по немецкой литературе для учащихся гимназий.

К стр. 466. «*Evangelische Kirchenzeitung*» («Евангелическая церковная газета») — издавалась в Берлине.

К стр. 467. «...*его последняя статья*...» — К. Гуцков, «Прошлое и настоящее» («*Jahrbuch der Literatur*», 1839), критический обзор немецкой литературы в 1830—1838 гг.

— «*Europa. Chronik der gebildeten Welt*» («Европа. Хроника образованного мира») — журнал, выходивший в Штутгарте.

— «*Св. Ханор*», «*Флорида*», «*Буря*» — стихотворения Энгельса.

К стр. 469. «...*о Фаусте*...» — Речь идет, по всей вероятности, о только что появившейся обработке «Фауста» Г.-Л. Вольфрама (1839).

К стр. 470. «...*критический очерк о шиллеровском «Телле»*...» — Энгельс имеет в виду статью Л. Бёрне «О характере Вильгельма Телля в драме Шиллера» («*Über den Charakter von Wilhelm Tell in Schiller's Drama*»). Статья содержит очень резкую оценку шиллеровского героя, которого Бёрне считает «порядочным филистером», имеющим в характере гораздо больше общего с мелким буржуа, чем со «смелым горцем».

К стр. 471. «*Здесь не может идти речь ни о скomorохе, ни о верном Эккарте*...» — Энгельс отвечает на письмо В. Гребера, в котором будущий пастор в Эльберфельде, потрясенный религиозным и политическим свободомыслием своего друга, желает ему «верного Эккарта», который мог бы предохранить его от грозящего «обольщения злом» (ср. примеч. к стр. 474).

К стр. 472. «...*она отомстила Гуцкову трехмесячным арестом*...» — В декабре 1835 г., после того как союзный рейхстаг запретил произведения пи-

сателей «Молодой Германии», Гуцков был подвергнут трехмесячному аресту, как автор нашумевшего романа «Вали-сомневающаяся», посвященного вопросу об «эмансипации женщины».

К стр. 473. *В правильности моих отзывов ты немедленно убедился бы, если бы прочел рецензируемые книги.* — См. письмо Энгельса к В. Греберу от 24 мая 1839 г. (стр. 469—471 настоящего тома).

К стр. 474. *«Не чадо бреда Поэза, твой маркиз!...»* — К. Бек, «Дом Шиллера в Голисе».

— *А как чудесно он изображает нищету евреев и студенческую жизнь...* — См. стихи Бека «Немецкие студенты», «Юная Палестина».

— *...если ты опровергнешь статью Бёрне о шиллеровском Телле, то я передам тебе весь гонорар, который рассчитываю получить за свой перевод Шелли.* — Переводы из Шелли, о которых говорит Энгельс, не сохранились. Отметим, что когда в 80-х гг. Элеонора Маркс написала для социалистической газеты «Neue Zeit» статью о Шелли, Энгельс перевел на немецкий язык все встречающиеся в статье отрывки из произведений поэта (см. «Neue Zeit», 1888, стр. 540).

— *...разгром моей вуппертальской статьи...* — Речь идет о «Письмах из Вупперталя» (см. стр. 481 настоящего тома).

— *«Elegante Zeitung».* — Имеется в виду газета младогерманцев «Zeitung für die elegante Welt». Заметки Энгельса о похоронах Э. Ганса в этой газете напечатано не было.

— *...за духов с горы госпожи Венеры...* — Название Венериной горы (Venusberg) в южно-немецком фольклоре носит гора Герзельберг (около Эйзенаха), считавшаяся обиталищем богини Гольды. Образами «Венериной горы» и охраняющего вход в нее доброго гения немецких народных сказаний богатыря Эккарта Энгельс воспользовался в статье об Арндте (см. стр. 491 настоящего тома).

К стр. 475. *О, Шиллер, Шиллер, ты в парении высоком...* — Из стихотворения К. Бека «Странствующий поэт».

— *...общепризнано, что Шиллер — наш величайший либеральный поэт...* — В противопоставлении Шиллера и Гёте оказалось влияние на молодого Энгельса Людвига Бёрне. Абстрактный революционный пафос шиллеровской драматургии вызывал восторженное отношение к ней со стороны немецких демократов 30-х гг., не прощавших Гёте скептического отношения к буржуазной революции, отсутствия либеральной «тенденции» в его творчестве (ср. отзыв молодого Энгельса с позднейшими его высказываниями о Гёте в рецензии на книгу К. Грюна (стр. 498 т. 1 настоящего издания)).

К стр. 478. *Он написал комедию, в которой здорово высмеиваются В. Менцель и компания.* — Речь идет об одноактной комедии Крейценаха «Швабский Аполлон» (Т. Kreuzenach, «Der schwäbische Apoll», Dichtungen, Mannheim, 1839).

— *«Софокл — это высоконравственная Греция...»* — К. Grün, «Buch der Wanderungen», 1839.

К стр. 481. *...благословенном Вуппертале...* — Родина Энгельса Вупперталь — долина, в которой расположены близко отстоящие друг от друга города Бармен и Эльберфельд. Энгельс окончил гимназию в Эльберфельде.

К стр. 485. *Ректорскими школами* в Рейнской провинции и Вестфалии назывались начальные пятиклассные школы.

К стр. 486. *Принципалы Фрейлиграта...* — Речь идет о владельцах барменской торговой фирмы «Эйнер и сыновья», у которых Фрейлиграт в 1837—1839 гг. служил приказчиком.

— *«Jahrbuch der Literatur»* («Литературный ежегодник») — журнал, выходивший в Гамбурге.

— *«Berliner Jahrbücher»*. — Имеется в виду правогегельянский журнал «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*» («Ежегодник научной критики»).

— *«Царевна-лягушка»*, *«Белоснежка»*. — Мотивами первой сказки Фрейлиграт воспользовался в стихотворении «Ласточкина сказка» («*Schwalbenmärchen*»), второй — в стихотворении «Прогулка по морю» («*Meerfahrt*»).

К стр. 486—487. *«В лесу»*, *«Ручной сокол»*, *...первое из двух... надгробных стихотворений...*, *«Изгнанники»*, *«Принц Евгений»*, *«Поэт в изгнании»*. — См. Ф. Фрейлиграт, *«Избранные произведения»*, Гослитиздат, М., 1956, стр. 3—80 («В лесу», «Сокол», «Две могилы», «Переселенцы», «Принц Евгений, рыцарь смелый», «Поэт-скиталец»).

К стр. 488. *«Они — поток, водой обильный...»*. — Из комедии Платена «Романтический Эдип» (акт III, сцена 4).

К стр. 489. *Монтанус Эремита* — горный отшельник. Так Энгельс иронически называет немецкого писателя В. Цуккальмально, выпустившего в 1836 г. в Золингене под псевдонимом Монтанус книгу о прошлом областей Клеве-Марк, Юлих-Берг и Вестфалия.

К стр. 491. *...новый Тангейзер Гейне*. — Намек на поэму Гейне «Тангейзер» (1837) — ироническое переосмысление средневекового сказания о Тангейзере — и на болезнь поэта (начинающийся паралич).

— *«Воспоминания о пережитых событиях»* Э.-М. Арндта вышли в 1840 г. в Лейпциге.

К стр. 492. *...Арндт... избежал причудливых особенностей стиля своих сововарищей по 1813 г. ...* — Речь идет о высокопарности и ложной аффектации, свойственных массовой патриотической литературе, появившейся в Германии во время войны с Наполеоном и в последующие годы. Суждение о стиле Арндта содержит критику стиля берлинских младогерманцев (Лаубе, Кюне), которых Энгельс имеет в виду, говоря о «женственности» некоторых современных авторов.

К стр. 493. *...«где домов последний ряд»...* — Из баллады Гёте «Бог и баядера».

К стр. 494. *Конституция 1812 года* в Испании ограничила власть короля кортесами и уничтожила некоторые пережитки феодализма. В 1814 г. она была отменена в связи с победой реакции.

К стр. 496. *Журнал «Hallische Jahrbücher»...* — Речь идет о статье А. Руге «Фридрих фон Флоренкур и категории политической практики» («*Hallische Jahrbücher*», 1840, № 281 и 282 от 23 и 24 ноября).

К стр. 497. *Он обратился к немцам со словами Сиды...* — См. «*Poeta dal Cid*», Edicion anodate por Ramon Menendes Pidal, Madrid, 1900, p. 101, vers 3328 (стих этот цитируется Бёрне в «*Менцеле-французоеде*»).

К стр. 499. *...великий поэт...* — Энгельс иронически называет так Б.-Г. Шумахера, автора песни «Хвала тебе, в венке победном», положенной в основу прусского гимна.

К стр. 501. *«Эта песня ни о чем»* — См. А. Jeanroy, «Poésies de Guillaume IX, conte de Poitiers», Paris, 1905, p. 28.

К стр. 503. *...беспринципная травля, поднятая теперь во всех газетах против французов...* — В 1840 г. отношения между Францией и Пруссией обострились в результате конфликта по восточному вопросу. Франция активно поддерживала египетского хедива пашу Мухаммеда-Али в его борьбе с Турецкой империей. Военные успехи Мухаммеда-Али в 1840 г., разбившего турецкую армию, укрепляли французские позиции на ближнем Востоке, что создавало угрозу торговым и колониальным интересам Англии. Английское правительство воспользовалось старой ненавистью прусского юнкерства к Франции для создания блока четырех держав — Англии, Пруссии, Австрии и России. По Лондонской конвенции от 15 июля 1840 г. (*«Июльский трактат»*) эти державы согласились силой оружия защищать целостность Турецкой империи от посягательства египетского хедива. Участие Пруссии в разрешении египетского вопроса сопровождалось антифранцузской кампанией в печати со стороны реакционных «французоедов», деятельность которых, как на это указывает Энгельс, не была продиктована национальными интересами немецкого народа.

— *«Они его не получат!»...* — Начальная строка популярного в 1840-х гг. в Германии стихотворения Н. Беккера «Немецкий Рейн» (1841), направленного против притязаний французских националистов.

К стр. 504. *...трактаты 1815 г. ...* — Речь идет о решениях Венского конгресса (1814—1815), утвердивших в Европе господство дворянско-монархической реакции и закрепивших раздробленность Германии.

К стр. 505. *Пентархия*. — Имеется в виду союз пяти держав — России, Австрии, Пруссии, Англии и Франции, — образовавшийся в 1818 г. на Ахенском конгрессе Священного Союза для борьбы с революционным движением и существовавший до 1822 г.

К стр. 506. *Известие о смерти Иммермана...* — Иммерман умер 25 августа 1840 г. в Дюссельдорфе. Энгельс посвятил ему также стихотворение «Памяти Иммермана» (MEGA, V, II, S. 126—127).

— *«Rheinisches Jahrbuch»* («Рейнские ежегодники») издавались в 1840—1841 гг. в Кельне Ф. Фрейлигратом и К. Зимроком.

К стр. 508. *...он решительно высказывается против «недостатка веры в себя, мании прислуживаться и унижаться»...* — Memorabilien, I, Hamburg, 1840, S. 27.

К стр. 509. *...подтверждая правильность изречения великого короля «Après moi le déluge», также, в частности, и для государства Иммермана...* — См. письмо Фридриха II к принцу Генриху Прусскому от 18 октября 1782 г., в котором это изречение употреблено как поговорка (Frédéric le Grand, Oeuvres, v. XXVI, Berlin, 1852).

— *...Пруссия до 1806 г. представляет ancien régime этого государства, но та же Пруссия после 1806 г. ... совершенно возродившееся государство с новым порядком вещей.* — В 1806 г. прусская армия в битвах под Иеной и Ауштадтом была разгромлена войсками Наполеона I. Фактическая потеря национальной независимости и недовольство народа поставили правительство Фридриха Вильгельма II перед необходимостью проведения либеральных реформ, без которых немисливо было подготовить отпор Наполеону. Осуществленные в последующие годы отмена крепост-

ного права, централизация управления, реформа армии послужили поводом для легенды о якобы «обновленной Пруссии» после 1806 г.

— «...двадцатилетнее междуцарствие...» — от года смерти Фридриха II (1786) до Иенского поражения (1806).

К стр. 516. ...упомяну лишь оду Карлу X... — А. v. Platen, «Gesammelte Werke in einem Bande», Stuttgart u. Tübingen, 1839, S. 115, Ode XXIX.

— ...ряд песен, воспевавших польскую освободительную борьбу, вышли в другом издании. — См. А. Platen, «Gedichte aus dem ungedruckten Nachlasse», Straßburg, 1839.

— *Быть может, пентархист нашел бы здесь не один эпитет для своей работы.* — Речь идет об анонимном политическом памфлете «Европейское пятидержавие» («Die europäische Pentarchie»), выпущенном в 1839 г. Автор памфлета оправдывал внешнюю политику царской России, доказывая, что она не преследует завоевательных целей, и рекомендовал мелким немецким княжествам ориентироваться на сближение не с Пруссией или Австрией, а с Россией

К стр. 517. Я — дикий, необузданный султан.. («Der Sultan»). Из цикла «Gepanzerte Lieder».

К стр. 518. Незадолго до стихотворений Фрейлиграта появились «Ноши» Бека. — Речь идет о первом поэтическом сборнике Фрейлиграта «Стихотворения» («Gedichte», 1838).

К стр. 520. Слеза моя, недаром.. («Eine Thräne»). — Из цикла «Stille Lieder».

К стр. 524. «Königberger Literatur-Blatt» («Кенигсбергская литературная газета»), находившаяся под влиянием «Молодой Германии», издавалась под редакцией А. Юнга в 1841—1845 гг.

К стр. 525. ...с письмами о новейшей литературе... — А. Jung, «Briefe über die moderne Literatur», Hamburg, 1837.

— «Кёнигсберг в Пруссии...» — А. Jung, «Königsberg in Preußen und die Extreme des dortigen Pietismus», Braunsberg, 1840.

— «Hallische Jahrbücher». — См. примеч. к стр. 208.

К стр. 526. ...Лаубе в своей истории литературы... — Н. Laube, «Geschichte der deutschen Literatur», Bd. I—IV, Stuttgart, 1839—1840.

— «Вероучение» Штрауса. — Речь идет о книге Д. Ф. Штрауса «Христианское вероучение в его историческом развитии и в борьбе с современной наукой» (D.-F. Strauß, «Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft», V. I—II, Tübingen — Stuttgart, 1840—1841).

К стр. 532. ...книге Гейне о Бёрне... — См. примеч. к стр. 290.

К стр. 534. Философия мифологии и откровения... — См. примеч. к стр. 493 т. 1 настоящего издания.

К стр. 535. ...как Шеллинг отзывался о Гегеле в предисловии к книге Кузена... — См. V. Cousin, «Über französische und deutsche Philosophie. Nebst einer Vorrede von Schelling», Stuttgart und Tübingen, 1834.

— «Шеллинг и откровение» — См. К. Маркс и Ф. Энгельс, «Из ранних произведений», Госполитиздат, М., 1956, стр. 394—445. Брошюра эта была издана Энгельсом анонимно в Лейпциге в апреле 1842 г.

К стр. 537. «Трубный глас». — Имеется в виду вышедшая в Лейпциге в 1841 г. анонимно брошюра Б. Бауэра «Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом», направленная против реакции (русское издание, Соцэкгиз, М., 1933).

— ...*статью Э. Мейена...* — Рецензия Э. Мейена на книгу А. Юнга «Лекции о современной литературе немцев» была опубликована в «Rheinische Zeitung», 1842, № 149—151 от 29—31 мая.

К стр. 538. ...*г-н Юнг раньше должен был быть назидательным ex officio.* — Намек на юношеское намерение А. Юнга стать проповедником. Юнг напечатал ответ на данную статью Энгельса («Königsberger Literaturblatt», 1842, № 42 от 20 июля).

К стр. 539. *В одном остроумном сочинении... мы читаем...* — Из книги К. Гутцкова «К философии истории» (K. Gutzkow, «Zur Philosophie der Geschichte», Hamburg, 1836, S. 53).

К стр. 542. *Великая неделя.* — Так Энгельс называет здесь июльскую революцию во Франции (27 июля — 2 августа 1830 г.).

К стр. 543. ...*представителей второй силезской школы XVII в. в нашей литературе...* — Вторая силезская школа — группа немецких писателей XVII в., принадлежавших к течению аристократического барокко. Для этих писателей было характерно тяготение к средневековой и крайняя вычурность художественной формы. Называемые Энгельсом фон Гофмансвальдау, Лозэнштейн и Циглер были крупнейшими писателями этой школы.

— ...*Фрейлиграт... возвращается целиком к Гофмансвальдау, возрождая александрийский стих...* — Намек на цикл стихов Фрейлиграта под общим названием «Александрийские стихи».

— *Пески уносит ветер...* — Из стихотворения Ф. Фрейлиграта «Тайное судилище в Дортмунде» («Freistuhl zu Dortmund»).

К стр. 545. «Adelszeitung» — (полностью «Zeitung für den deutschen Adel» — «Газета для немецкого дворянства») — реакционная газета, выходившая в Лейпциге в 1840—1844 гг.

К стр. 547. «Berliner politisches Wochenblatt» — См. примеч. к стр. 409.

— ...*Фуке кидает ему вступительное слово...* — Энгельс имеет в виду передовую статью редактора «Adelszeitung» Фуке, «Вступительное слово к нашим читателям» (1840, № 1).

К стр. 552. ...*Тириш в своей скверной прусской песне...* — Joh. Bernhard Thiersch, «Ich bin ein Preuße» (в сборнике «Lieder und Gedichte», Halberstadt, 1833).

К стр. 553. *Обиды злого рока...* — Установить автора этого стихотворения не удалось.

К стр. 555. *Художественная и романтическая Вестфалия...* — Намек на название книги Ф. Фрейлиграта и Л. Шюккинга («Das malerische und romantische Westfalen», Barmen — Leipzig, 1840).

К стр. 557. *Я поднят был мечтой к жилищу милой.* — 260-й сонет Петрарки.

К стр. 560. ...*показывает Гёррес в своем сочинении, посвященном этому предмету.* — И. Гёррес, «Немецкие народные книги» (Die teutschen Volksbücher, Heidelberg, 1807).

— В связи с тремя новыми обработками этих книг, Марбахом в прозе, Зимроком в прозе и стихах... — Энгельс имеет в виду следующие издания: «Volksbücher», herausg. v. O. Marbach, Lpz., 1838—1845; «Deutsche Volksbücher nach den ältesten Ausgaben», herausg. v. K. Simrock, Berlin, 1839; «Deutsche Volksbücher neu gereimt», herausg. v. K. Simrock, Berlin, 1839.

— *Что живет бессмертно в песнопенье...* — Из стихотворения Шиллера «Боги Греции».

К стр. 561. *...переработки Шваба и Марбаха...* — «Buch der schönsten Geschichten und Sagen für jung und alt wiedererzählt von G. Schwab», Bd. I—II, Stuttgart, 1836—1837. Издание Марбаха указано выше.

К стр. 565. *...и у Тика здесь не было никаких затруднений...* — Намек на комедию Л. Тика «Император Октавиан», написанную по мотивам одноименной народной книги.

К стр. 566. *...Они, конечно, ни революционны, как письма Бёрне...* — Имеются в виду «Парижские письма».

К стр. 570. *Рейнские празднества.* — Из юношеской переписки Энгельса мы знаем, насколько живо он интересовался музыкой в молодые годы. В особенности это относится ко времени жизни Энгельса в Бремене. Он был здесь членом певческого союза и сам пробовал силы в композиции (сочинял хоралы). Для характеристики музыкальных вкусов Энгельса не лишено интереса мимоходом высказанное в одном из писем к сестре сожаление о том, что Гендель, Моцарт и Бетховен заставляют бременцев пренебрегать Бахом, Глюком и Гайдном.

К стр. 577. *«Исповедь».* — О вопросах, ответы на которых составляют эту «исповедь», см. далее, на стр. 597.

— *Ваш любимый цветок...* — Лавр. — Намек на имя дочери Маркса Лауры (Лаура и лавр — традиционно связанные образы в сонетах Петрарки). Имена обеих старших дочерей Маркса, на вопросы которых отвечает «исповедь», названы Марксом в этой анкете как его любимые имена.

К стр. 578. *С того рокового дня...* — Маркс рассказывает Энгельсу в этом письме об их общем знакомом, члене Союза коммунистов Пипере, попытавшемся занять денег у зеленщика, дочь которого влюбилась в Пипера.

— *...Бenedикт женатый...* — *Бenedикт был блестящ...* — Маркс иронически противопоставляет Пипера Бенедикту — герою комедии Шекспира «Много шума из ничего».

К стр. 579. *...в очень хорошей обработке Шака.* — «Die Heldensagen des Firdusi». Aus dem persischen metrisch übersetzt von F. Schak, Berlin, 1851.

— *...переводом статьи профессора Делиуса «Эпический элемент у Шекспира»...* — Элеонора Маркс-Эвелинг в молодости была активным членом Нового Шекспировского общества (New Shakespeare Society), организованного Ферниваллом. В 1876 г. в «Сообщениях» этого общества был напечатан сделанный ею перевод статьи известного немецкого шекспироведа, боннского профессора Н. Делиуса «Эпические элементы в драмах Шекспира» (N. Delius, «Shakespeare's use of narration in his dramas», English by E. Gordon and E. Marx, Transactions of the New Shakespeare Society, 1875—1876, № II—IV, publ. XI—XII). Как можно полагать, выбор статьи, переведенной Э. Маркс-Эвелинг, не случаен. Статья Делиуса (представляющая дополненный автором доклад на годовом собрании «Не-

мецкого шекспировского общества»), несмотря на академическую форму изложения, имеет скрытый полемический характер. Делнус стремится на анализе «эпических элементов в драмах Шекспира» (под которым он понимает рассказ действующих лиц о событиях, не воспроизводимых в драме сценически) доказать, что построение драм Шекспира тонко художественно продумано, давая тем самым отповедь критикам Шекспира из лагеря немецких профессиональных литераторов и драматургов 60—70-х гг. Перевод Элеоноры Маркс должен быть поставлен тем самым в определенную связь с презрительным отношением Маркса и Энгельса к мелкобуржуазной критике Шекспира. Замечания Делиуса об английском переводе его статьи см. в книге: N. Delius, «Abhandlungen zu Shakespeare», Elberfeld, 1878, стр. XXV (здесь же, стр. 418—448 — оригинал статьи).

К стр. 580. *...имя швабского профессора, противника Шекспира...* — Возможно, что речь идет о Г. Рюмелине (G. Rümelin, «Shakespearestudien», Stuttgart, 1866), противопоставлявшем Шекспиру Гёте и Шиллера.

К стр. 585. *Психологический этюд Бальзака, «Le chef-d'oeuvre inconnu», из которого Золя сделал свой жалкий плагиат...* — Имеется в виду роман Золя «Творчество» (1886). «Le chef d'oeuvre inconnu» («Неведомый шедевр») — одна из философских повестей Бальзака (см. отзыв Маркса о ней на стр. 527 настоящего издания).

Об отношении Энгельса и Лафарга к Золя см. статью В. Гоффеншера «Поль Лафарг и критика натурализма» — журнал «Вопросы литературы», 1957, № 5.

К стр. 586. *...один из его друзей французов...* — Из переписки Маркса мы не знаем, давал ли он кому-либо для просмотра рукопись «Нищеты философии».

К стр. 588. *...«stattgehable Versammlung»* — имевшее место собрание. — *...«stattgefundenene» Ereignisse* — имевшие место события.

К стр. 589. *...общее катание на осликах.* — В. Либкнехт рассказывает в этом отрывке о воскресных прогулках Маркса вместе с семьей на Хэмпстед-Хис — луга близ Лондона, которые были излюбленным местом прогулок Маркса.

К стр. 590. *Старики Вестфалены* — родители жены Маркса, Женни фон Вестфален; *Ленхен* — Елена Демут; *Мавр* — прозвище Маркса в дружеском кругу.

К стр. 591. *...в отдаленном родстве с ненавистным родом Кампбелл...* — Кампбелл — родовое имя одного из шотландских горных кланов (вождями которого были герцоги Аргайль); различные моменты из истории рода Кампбелл рассказаны в романах В. Скотта. Мать жены Маркса, Женни фон Вестфален, происходила из семьи имевшей шотландское происхождение — по материнской линии она принадлежала к роду Кампбелл оф Орчард.

К стр. 592. *...первые дни страстной недели...* — Ф. Кугельман рассказывает о жизни Маркса в доме ее отца в Ганновере во время пребывания Маркса в Германии весной 1867 г., в связи с печатанием I тома «Капитала».

К стр. 593. *...да и тот понял неправильно.* — Этот анекдот о Гегеле рассказывает Г. Гейне в третьей книге своего очерка «К истории религии и философии в Германии» (1834).

К стр. 594. *Чем свет его вешать на площадь вели...* — Из стихотворения Г. Гейне, «Женщина» (ср. стр. 292).

— *«Этот юноша любезный...»* — Г. Гейне, «Книга песен», цикл «Опять на родине» (№ 70).

К стр. 595. ...*«Макамы Харири»*... — См. примеч. к стр. 439.

К стр. 596. ... *в течение нескольких недель видеть у себя Маркса.* — Маркс приехал в Германию вместе с дочерью Женни около 18 сентября и вернулся в Лондон около 7 октября 1869 г. Большую часть этого времени он провел в Ганновере у Кугельмана.

— ... *для старой верной служанки...* — Речь идет об Елене Демут.

К стр. 598. *Евгения* — императрица, жена Наполеона III.

К стр. 599. ...концертный исполнитель Жозеф Риссе... — После того, как текст настоящей книги был уже набран, во французском журнале «Pensée» (1957, № 75) была опубликована заметка Ф. Энгельса об ирландских народных песнях, написанная им по просьбе Женни Маркс для сборника песен Ж. Риссе. Заметка эта была переслана Ж. Маркс Людвигу Кугельману.

К стр. 600. *Маркс был все такой же...* — Ф. Кугельман описывает далее встречу семьи Кугельманов с Марксом и его дочерью Элеонорой в Карлсбаде (Карловых Варах) в августе — сентябре 1874 г.

— ... *выздоровливавший от тяжелого ранения поэт...* — Речь идет о поэте Теодоре Кернере, герое национально-освободительных войн против Наполеона. Стихотворение «Дубы» было написано им в 1813 г. в Даловице, где он лечился после ранения, полученного в бою с французами.

К стр. 603. ... *прибывшую из Капской земли сестру Карла...* — Имеется в виду сестра К. Маркса Луиза (1824—1893), жившая в Капштадте.

К стр. 604. *Большинство его русских книг я роздал...* — См. примеч. к стр. 531 т. I настоящего издания.

— ... *жертвы «политического романтизма»...* — Н. С. Русанов был народовольцем.

К стр. 605 ... *в своей работе «К критике политической экономии»...* — См. стр. 535 т. I настоящего издания.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абеляр Пьер* (1079—1142) — средневековый французский философ-схоластик и богослов. — 1: 330, 331.
- Абу Эдмон* (1828—1885) — французский писатель, бонапартист. — 2: 245, 621.
- Авакум* (конец VII в. до н. э.) — один из так наз. «малых» пророков Библии. — 1: 131.
- Август Октавиан* (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.). — 2: 293.
- Август* (1526—1586) — курфюрст саксонский (1553—1586). — 1: 354, 603.
- Августин* (354—430) — епископ из Гиппона, один из «отцов» католической церкви, христианский богослов и философ. — 1: 416.
- Авенель Жорж* (1828—1876) — французский историк, автор работ по истории первой французской буржуазной революции. — 1: 528.
- Адам Бременский* (XI в.) — древне немецкий историк-хронист. — 1: 312.
- Адан Адольф Шарль* (1803—1856) — французский композитор, автор романтических балетов и комических опер. — 2: 505.
- Аддисон Джозеф* (1672—1719) — английский буржуазный просветитель, писатель и журналист. — 1: 501, 615.
- Адлер Виктор* (1852—1918) — один из деятелей австрийской социал-демократии, организатор объединительного съезда австрийской социал-демократии в Гайнфельде (1889); с 1889 г. редактор центрального органа партии «Arbeiterzeitung», впоследствии представитель реформизма во II Интернационале, центрист. — 1: 574.
- Аксаков Иван Сергеевич* (1823—1886) — русский поэт и публицист, славянофил. — 2: 264.
- Александр Македонский* (356—323 гг. до н. э.) — македонский царь (336—323 гг. до н. э.); величайший полководец древности. — 1: 129, 299, 320, 332, 336.
- Александр I* (1777—1825) — русский император (1801—1825). — 1: 424, 428, 429; 2: 81.
- Александр II* (1818—1881) — русский император (1855—1881). — 1: 539, 543.
- Алексис Виллибальд* — литературный псевдоним *Георга Вильгельма Херинга* (1798—1871) — немецкого писателя, автора ряда исторических романов. — 2: 465.
- Алисон Уильям Палтни* (1790—1859) — профессор медицины в Эдинбургском университете, тори. — 1: 444.

¹ В указателе имен и названий включены также авторы и произведения, которые цитируются (или подразумеваются) Марксом и Энгельсом. Полужирными цифрами обозначен том, светлыми — страница. Страницы, относящиеся к комментариям, набраны курсивом.

- Альберт принц Саксен-Кобургский* (1819—1861) — муж английской королевы Виктории. — 2: 335.
- Альвенслебен Карл Людвиг Фридрих фон* (1800—1868) — немецкий реакционный писатель и публицист; в 1840—1842 гг. — один из издателей и редакторов «*Zeitung für den Deutschen Adel*», защитник привилегий немецкого феодального дворянства. — 2: 501, 547.
- Альтенштейн Карл* (1770—1840) — прусский министр по делам просвещения (1817—1838). — 2: 497.
- Аммон Христоф Фридрих* (1766—1850) — немецкий теолог, протестант. — 1: 416.
- Амхланиб* — см. *Олаф*.
- Анакреонт* (ок. 570—478 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. — 1: 316.
- Анаксагор из Клазамен* (ок. 500—428 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. — 1: 297, 360.
- Анаксандрид* — легендарный царь Спарты. — 1: 289.
- Андерс* (прозвище «*Лалландец*») — член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне. — 2: 335.
- Андромеда* — см. *Отто Луиза*.
- Анлаф* — см. *Олаф*.
- Анна* (1665—1714) — английская королева (1702—1714). — 1: 553.
- Аннеке Фридрих* (1818—1872) — прусский артиллерийский офицер, уволенный в 1846 г. из армии за социалистические убеждения. Член Союза коммунистов; в 1849 г. — участник баденско-пфальцкого восстания; эмигрировал в Америку, где принял участие в гражданской войне на стороне северян. — 2: 110, 195, 304, 615.
- Анненков Павел Васильевич* (1813—1887) — русский литератор, либерал-западник, корреспондент Маркса. Друг Гоголя, Белинского и Тургенева, автор воспоминаний о них. Издатель и биограф Пушкина. — 1: 83; 2: 289.
- Анри Жозеф* (род. ок. 1795 г.) — французский предприниматель; в июле 1846 г. совершил покушение на Луи-Филиппа; приговорен к пожизненной каторге. — 2: 107.
- Ансельм Кентерберийский* (1033—1109) — средневековый богослов, представитель ранней схоластики. — 1: 330.
- Антиной* (I в. н. э.) — юноша из Вифинии, любимец римского императора Адриана; изображен рядом римских скульпторов в качестве идеала юношеской красоты. — 1: 208.
- Антипатр* (2-я половина II в. до н. э.) — древнегреческий поэт. — 1: 179.
- Анценгрубер Людвиг* (1839—1889) — австрийский прозаик и драматург; описывал быт крестьянства и городской бедноты. — 1: 570.
- Аппиан из Александрии* (конец I в. — 70-е годы II в.) — позднегреческий историк, автор «*Истории Рима*». — 1: 365.
- Араго Доминик Франсуа* (1786—1853) — французский математик и астроном. Член временного республиканского правительства в 1848 г. — 1: 251.
- Аретино Пьетро* (1492—1556) — итальянский поэт-комедиограф. — 1: 348, 411.
- Ариосто Лодовико* (1474—1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «*Неистовый Роланд*». — 1: 67, 347; 2: 468.
- Аристон* — легендарный царь Спарты. — 1: 289.
- Аристотель* (384—323 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, колебавшийся между материализмом и идеализмом. «*Величайший мыслитель древности*» (Маркс). — 1: 19, 20, 45, 131, 132, 175, 179, 281,

- 293, 296, 299, 302, 303, 385, 586, 593, 594, 598, 600; 2: 389, 479, 586.
- Аристофан* (ок. 446—385 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург, автор политических, сатирических комедий, осмеивавших упадок афинской демократии. — 1: 9, 290, 598.
- Армийн* (17 г. до н. э. — 21 г. н. э.) — военачальник германского племени херусков, разбивший в 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу римские войска во главе с Варом. — 1: 571, 600; 2: 102, 613.
- Ардт Эрнст Мориц* (1769—1860) — немецкий поэт, участник национально-освободительной борьбы против Наполеона. — 1: 433, 609; 2: 213, 491—505, 648, 651.
- Арним Беттина (Елизавета)* (1785—1859) — немецкая романтическая писательница, сестра Клеменса Брентано, автор известной книги «Переписка Гёте с ребенком» («Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde»), в 40-х гг. участвовала в либеральном общественном движении. — 2: 185, 463, 541.
- Арним Людвиг Иоахим (Ахим)* (1781—1831) — немецкий поэт и новеллист-романтик, издавший (вместе с К. Брентано) сборник немецких народных песен «Волшебный рожок юноши» (1806—1808). — 1: 432, 609, 622.
- Арнольд Брешианский* (ок. 1100—1155 гг.) — итальянский средневековый реформатор, идеолог движения городских низов против папы и светских феодалов; казнен как еретик. — 1: 330.
- Архилох* (VII в. до н. э.) — древнегреческий лирический поэт, которому приписывают создание ямба. — 1: 176.
- Ассинг Людмила* (1821—1880) — немецкая писательница, издательница дневников Варнгагена фон Энзе, приятельница Лассалья. — 1: 435, 610.
- Астон Луиза* (1814—1871) — немецкая буржуазно-демократическая писательница. — 2: 136, 232.
- Аудорф Якоб* (1835—1898) — германский социал-демократ, ранее лассальянец; один из основателей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; в 1868 г. эмигрировал в Россию, в 1887 г. вернулся в Германию и был одним из редакторов газеты «Hamburger Echo». — 2: 271.
- Ауренгзеб Аламгир I* (1618—1708) — делийский падишах (1659—1707) из династии Великих Моголов. — 1: 374.
- Ауэрбах Бертольд* (1812—1882) — немецкий писатель, автор рассказов из жизни крестьян Шварцвальда. — 1: 487; 2: 232, 234, 247, 631.
- Ауэрсвальд Рудольф* (1795—1866) — прусский либерал, министр без портфеля в министерстве «новой эры» (1858—1862). — 2: 341, 359.
- Афразиаб* — король Туранский. — 1: 336.
- Баадер Франц* (1765—1841) — немецкий реакционный философ-мистик. — 2: 537.
- Бабель Гракх* (настоящее имя *Франсуа Ноэль*) (1760—1797) — французский революционер, выдающийся представитель утопического уравнилельного коммунизма. — 2: 114.
- Баде Карл* — прусский офицер, военный писатель. — 2: 494.
- Баденэ* — прозвище Наполеона III (см.) по имени рабочего каменщика, в одежде которого Луи Наполеон бежал из крепости Гам (25 мая 1846 г.).
- Базанкур Цезарь*, барон (1810—1865) — французский военный писатель. — 2: 293, 627.

- Байрон Джордж Ноэл Гордон* (1788—1824). — 1: 231, 233, 435, 610; 2: 471, 526, 556.
- Бакс Эрнст Белфорт* (1854—1926) — английский социалист; в 1881 г. вместе с Гайндманом основал Социал-демократическую федерацию; один из редакторов «Justice» и «То-Day»; в 1884 г. временно порвал с Гайндманом и был одним из организаторов Социалистической Лиги; впоследствии один из лидеров Британской социалистической партии, реформист. — 2: 375, 376, 377, 380, 640.
- Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876) — русский анархист, участник дрезденского восстания 1849 г.; в 1864 г. вступил в I Интернационал, в 1868 г. создал тайное общество «Альянс социалистической демократии», при помощи которого намеревался захватить в свои руки руководство I Интернационалом и навязать ему анархистскую программу. Вел ожесточенную фракционную борьбу против Генерального совета, руководимого Марксом. После разоблачения «Альянса» был исключен из I Интернационала на Гаагском конгрессе (1872). — 1: 283, 531, 536, 542, 598, 620; 2: 278, 298, 629.
- Бальзак Оноре* (1799—1850). — 1: 11, 12, 525—528, 583, 584, 617; 2: 582, 583, 585, 591, 656.
- Банг Катринус Доротеус* (1822—1898) — историк скандинавской литературы, норвежец, профессор в Христиании. — 1: 315.
- Бандя Янош (Йоанн)* (1817—1868) — венгерский журналист, полковник венгерской революционной армии в 1848—1849 гг.; впоследствии полицейский шпион. — 2: 344, 345.
- Бар Эрик Герман* (1863—1934) — австрийский публицист, один из редакторов еженедельника «Die Zeit» в Вене; вначале социалист, затем перешел к анархизму, а с 1912 г. — сторонник католицизма; литературный критик и драматург. — 1: 123, 125—127, 592.
- Барбес Арман* (1809—1880) — французский революционер-демократ 30—40-х гг. — 1: 227.
- Барро Одилон* (1791—1873) — французский буржуазный политический деятель; до февраля 1848 г. — глава либеральной оппозиции, в декабре 1848 г. — октябре 1849 г. возглавлял министерство, опиравшееся на контрреволюционный блок монархических фракций и расчистившее путь Наполеону III. — 1: 59, 365; 2: 107.
- Барт Пауль* (1858—1922) — немецкий буржуазный социолог и историк, противник марксизма. — 1: 105, 107, 590.
- Бартелими Эмманюэль* (ок. 1820—1855 гг.) — французский рабочий, бланкист, участник тайных революционных обществ в период июньского восстания и июльской монархии 1848 г. в Париже, затем эмигрант в Англии, один из руководителей французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне; казнен в 1855 г. по обвинению в уголовном преступлении. — 1: 60.
- Бастиа Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист, проповедник гармонии интересов труда и капитала. — 1: 179.
- Бастид Жюль* (1800—1879) — французский буржуазный политический деятель и публицист; один из редакторов буржуазно-республиканской газеты «National» (1836—1846); министр иностранных дел (май — декабрь 1848 г.). — 1: 480.
- Баур Фердинанд Христиан* (1792—1860) — немецкий теолог, глава тюбингенской школы. — 1: 430.
- Баур Bruno* (1809—1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших младогегельянцев, буржуазный радикал, автор ценных научных работ по истории христианства; после революции 1848 г. — реакцион-

- ный журналист; после 1866 г. — национал-либерал. — 1: 204, 302, 454, 455, 487, 488, 494, 596, 600, 605, 611, 613; 2: 39, 65—68, 185, 210, 211, 390, 525, 609, 610, 643, 654.
- Бауэр Эгберт* — немецкий публицист и книгоиздатель, младогегельянец, брат Б. Бауэра. — 1: 494.
- Бауэр Эдгар* (1820—1886) — публицист, младогегельянец, брат и сотрудник Б. Бауэра. В 1859 г. — редактор лондонской газеты «Neue Zeit»; перешел после ее закрытия в газету Кинкеля. — 1: 487, 494; 2: 62.
- Бах Иоганн Себастьян* (1685—1750). — 1: 409; 2: 592.
- Бахофен Иоганн Якоб* (1815—1887) — швейцарский юрист и этнолог, профессор римского права в Базеле; автор книги «Das Mutterrecht» («Материнское право»), 1861 г., в которой он доказывал, что патриархальной форме семьи предшествовали более примитивные ее формы. — 1: 283—286.
- Бабель Август* (1840—1913) — видный деятель немецкого рабочего движения, один из основателей немецкой социал-демократии и II Интернационала. В качестве вождя партии проводил в 60—80-х гг. под руководством и влиянием Маркса и Энгельса пролетарски-революционную политику. После смерти Энгельса стал отходить вправо, возглавив центристское течение во II Интернационале. — 1: 65, 103, 559, 560, 562, 570, 581; 2: 164, 250, 268, 271, 273, 377, 381, 382.
- Бегебольд* — жених Иоганны Кинкель. — 2: 182.
- Бегебольд София* — сестра Бегебольда. — 2: 182, 187.
- Бедфорд* — английская аристократическая фамилия, из которой происходил лорд Джон Рассель. — 2: 254.
- Бейль Пьер* (1647—1706) — французский вольнодумец и философ-скептик, борец с религиозным догматизмом. — 1: 355, 376, 604.
- Бейрман Эдуард* (1804—1883) — немецкий писатель, примыкавший к литературной группе «Молодая Германия», тайный агент австрийского правительства. — 2: 465, 467, 472.
- Бей Карл* (1817—1879) — немецкий социальный поэт, одно время широко популярный в Германии; в 40-х гг. примкнул к «истинному социализму». — 2: 125, 130, 144—159, 356, 463, 466, 470—473, 475, 476, 517—522, 543, 612, 648, 650, 653.
- Беккариа Чезаре Бонесана де* (1738—1794) — итальянский математик, экономист, просветитель. — 1: 175, 176.
- Беккер Герман* (1820—1885) — немецкий публицист, член ЦК Союза коммунистов в Кельне, подсудимый в Кельнском процессе коммунистов; впоследствии национал-либерал. — 2: 308.
- Беккер Иоганн Филипп* (1809—1886) — немецкий коммунист, рабочий-щеточник, ветеран революции 1848 г., участник южногерманского восстания в 1849 г. В эмиграции — один из организаторов секции I Интернационала в Женеве; боролся в немецко-швейцарской секции Интернационала за проведение линии Маркса; друг Маркса и Энгельса. — 1: 79, 559—561, 567; 2: 272.
- Беккер Карл Фердинанд* (1775—1849) — немецкий филолог. — 1: 432.
- Беккер Николаус* (1809—1845) — немецкий поэт. — 2: 503, 652.
- Беккерат Герман* (1801—1870) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской буржуазии, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру; в августе — сентябре 1848 г. министр финансов имперского правительства. — 1: 58.
- Беллини Винченцо* (1801—1835) — итальянский композитор. — 2: 177, 505, 520.
- Беллон Виктор Перен де, герцог* (1766—1841) — французский маршал, военный министр в 1821 г. — 1: 428.

- Бельмонте Луи* (1799—1879) — французский поэт и публицист, бонапартист. — 2: 251.
- Бельц* — учитель Эльберфельдской гимназии. — 2: 485.
- Беляев Иван Дмитриевич* (1810—1873) — русский юрист и историк-славянофил. — 1: 618.
- Беме Якоб* (1575—1624) — немецкий ремесленник, философ-мистик. — 1: 361, 409; 2: 445, 461.
- Бен Джонсон* (1573—1637) — английский драматург. — 1: 443, 458.
- Бенедикс Родерих* (1811—1873) — немецкий критик и посредственный драматический писатель, издатель либеральной газеты для народа. — 1: 363, 364, 603.
- Бенигнус* (ум. в 468 г.) — ирландский церковный деятель, епископ Армага, преемник Патрика (см.). — 1: 321.
- Бентам Иеремия* (1748—1832) — английский политический деятель, основатель утилитаризма. «Гений буржуазной глупости» (Маркс). — 1: 233, 383—386, 389, 390; 2: 51, 61, 68, 256.
- Бранже Пьер Жан* (1780—1857) — французский демократический поэт-песенник. — 1: 429, 473, 474, 612; 2: 444.
- Бергасс Никола* (1750—1832) — французский адвокат, консервативный политический деятель, писатель по политическим и экономическим вопросам; физиократ. — 1: 187.
- Бергесс Джозеф* (псевдоним *Аутоликус*) (род. в 1853 г.) — английский социалист, рабочий-текстильщик; в 1891—1894 гг. издатель «The Workman's Times» в Лондоне; в 1893 г. один из основателей Независимой рабочей партии, член ее Национального административного совета. — 1: 65, 589.
- Беринг Александр* (1774—1848) — глава банкирского дома в Лондоне. — 2: 105.
- Берк Эдмунд* (1729—1797) — английский писатель и политический деятель, консерватор, один из противников французской буржуазной революции. — 1: 398, 399, 410, 606; 2: 258.
- Бермбах Адольф* (1822—1875) — кельнский нотариус; в начале 50-х гг. сочувствовал коммунизму, позднее — либерал. — 2: 308, 633.
- Бернайс Людвиг Лазарь Фердинанд Целестин* (1815—1879) — немецкий демократический публицист, в 1844 г. — редактор парижского «Vorwärts», в 1849 г. переехал в Америку. — 2: 295.
- Бернар Симон Франсуа* (1817—1862) — французский писатель и врач; участник революции 1848—1849 гг.; принимал участие в покушении Орсини на Наполеона III. — 2: 219.
- Бернар Клервосский* (ок. 1091—1153 гг.) — французский богослов, защитник католицизма, яростно преследовал еретиков. — 1: 330; 2: 445.
- Бернарден де Сен-Пьер* (1737—1814) — французский писатель-русоист, автор романа «Поль и Виргиния». — 1: 370.
- Бёрне Людвиг* (1786—1837) — немецкий демократический публицист и литературный критик, идеолог «Молодой Германии». — 1: 508, 523, 534; 2: 100, 289, 290, 465, 469, 470, 472, 474, 476, 478, 479, 491, 496, 497, 498, 516, 518, 519, 521, 523, 529, 530, 532, 533, 543, 545, 566, 624—626, 647—651, 653, 655.
- Бернцгау* (ум. в 1849 г.) — кельнский демократ, бывший прусский офицер, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., расстрелян по приговору прусского военно-полевого суда. — 2: 213.
- Бернс Джон* (род. в 1858 г.) — английский рабочий-механик; один из лидеров Социал-демократической федерации, руководитель движения безработных и стачки докеров в 1889 г.; с 1892 г. — член парламента.

- в 1893 г. вступил в Независимую рабочую партию; в дальнейшем оппортунист. — 2: 380.
- Бернс Роберт* (1759—1796) — великий шотландский народный поэт. — 2: 582.
- Бернс Мэри Эллен (Пумпс)* — племянница Энгельса. — 1: 10.
- Бернье Франсуа* (1625—1688) — французский врач, путешественник и писатель, посетил Сирию, Египет, Индию. — 1: 374, 604.
- Бернштейн Эдуард* (1850—1932) — немецкий социал-демократ; с 1881 по 1890 г. редактор нелегального органа германской социал-демократической партии «Sozial-demokrat». После смерти Энгельса Бернштейн выступил с ревизией марксизма по основным вопросам теории и тактики в статьях в «Neue Zeit» и в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899); в дальнейшем — вождь и теоретик оппортунизма. — 1: 63, 79, 80, 82—85, 103, 211, 557, 573, 590, 603, 624; 2: 217, 249, 267, 275, 289, 300, 373, 376, 580, 614, 640.
- Беррийский герцог Шарль Фердинанд* (1778—1820) — сын герцога Артуа, впоследствии — Карла X, один из последних Бурбонов. — 1: 428.
- Берроуз Герберт* (1895—1923) — английский теософ, деятель Социал-демократической федерации. — 2: 376.
- Бертон Роберт* (1576—1639) — английский писатель и врач, автор «Анатомии меланхолии». — 1: 373.
- Берье Пьер Антуан* (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, в период «второй республики» депутат Учредительного и Законодательного собраний, легитимист. — 1: 59.
- Бессель Фридрих Вильгельм* (1784—1846) — немецкий астроном. — 1: 251.
- Бессон Александр* — французский рабочий-слесарь, эмигрант в Лондоне, член комитета якобинско-бланкистской организации «Comité Révolutionnaire», член Генерального совета I Интернационала в 1866—1867 гг., секретарь-корреспондент для Бельгии, один из руководителей французской секции в Лондоне, ведущей клеветническую кампанию против Генерального совета. — 2: 219.
- Бета* — см. *Бетцих*.
- Беттина* — см. *Арним Беттина*.
- Бетховен Людвиг* (1770—1827) — 1: 410; 2: 505, 520, 598, 655.
- Бетцих (Бета) Генрих* (1813—1876) — немецкий писатель и журналист полубуржуазного типа, мелкобуржуазный демократ. Эмигрант в Лондоне. — 2: 316, 317, 321, 324, 326, 329—332, 334, 635.
- Бизе Франц* (1803—1895) — немецкий философ и эстетик. — 1: 179.
- Бир* — псевдоним *Байера Карла Роберта* (1835—1902) — немецкого писателя-романиста. — 2: 247.
- Бискамп Элард* — немецкий демократический публицист, основатель лондонской немецкой газеты «Das Volk». — 1: 526; 2: 299, 321, 353, 635.
- Бисмарк Отто Эдуард Леопольд* (1815—1898) — прусский (позже германский) канцлер; идеолог реакционного юнкерства. В 60—70-х гг. осуществил воссоединение Германии «сверху» под гегемонией Пруссии. Автор «исключительных законов» против социалистов. — 1: 62, 64, 80, 82, 107, 289; 2: 222, 248, 623.
- Бичер-Стоу Гэрриет Елизавета* (1811—1896) — известная американская писательница, аболиционистка, автор книги «Хижина дяди Тома» (1852). — 1: 576, 624.
- Блан Луи* (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист и историк; член республиканского временного правительства в 1848 г. — 1: 54, 60, 61, 468, 474, 542; 2: 346, 347.
- Бланк Эмиль* — сын шурина Энгельса. — 1: 479.

- Бланкенбург Мориц фон (Дон-Кихот Бланкенбургский)* (1815—1888) — друг Бисмарка, реакционер, член прусского ландтага. — 2: 246.
- Бланки Луи Огюст* (1805—1881) — французский революционер-заговорщик, организатор заговора «Общества времен года» (1839). Один из вождей рабочих в 1848 г. — 1: 227, 501; 2: 109, 221.
- Блек Фридрих* (1793—1859) — немецкий протестантский теолог, профессор теологии в Боннском университете. — 2: 170, 171.
- Бленкер Людвиг* (1812—1863) — полковник баденско-пфальцской революционной армии, позже бригадный генерал в американской гражданской войне. — 1: 556, 562, 623.
- Блинд Карл* (1826—1907) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г. В 1850-х гг. эмигрант в Лондоне, впоследствии национал-либерал. — 1: 433, 609; 2: 303, 318, 321—323, 325, 326, 328, 330, 331, 335—339, 345—347, 349, 350, 352, 618, 630, 633—635.
- Блондель де Нель* (конец XII — начало XIII в.) — трубадур; по преданию, придворный поэт английского короля Ричарда Львиное Сердце, освободивший его из австрийского плена. — 2: 199, 617.
- Блох Иосиф* (род. в 1871 г.) — германский социал-демократ, литератор, ревизионист, редактор ревизионистского органа «Sozialistische Monatshefte». — 1: 98, 101.
- Блэкстон Уильям* (1723—1780) — английский юрист, автор комментариев к английским законам. — 2: 70.
- Блом Роберт* (1807—1848) — немецкий демократ, лидер левого крыла франкфуртского Национального собрания. Участник венского восстания 1848 г., расстрелян австрийской контрреволюцией. — 1: 556, 562, 589, 623.
- Бовио Дженнаро* — итальянский профессор в Трани, один из первых агитировал в Италии в пользу Интернационала (выступление на съезде итальянских рабочих обществ взаимопомощи в Неаполе в 1864 г.), член I Интернационала. — 1: 484, 613.
- Боденштедт Фридрих* (1819—1882) — немецкий поэт, знаток восточных и славянских языков, в 1860-х гг. служил в театральном ведомстве. — 2: 248.
- Боккаччо Джованни* (1313—1375) — итальянский новеллист и поэт эпохи Возрождения. — 1: 343, 344.
- Болингброк Генри* (1678—1751) — английский философ-деист и политический деятель, один из лидеров партии тори. — 1: 379, 380.
- Болл Джон* (ум. в 1381 г.) — английский народный проповедник, один из вождей восстания Уота Тайлера. — 1: 357.
- Большая Медведица* — см. *Пютман Г.*
- Бомарше Пьер Огюстен Карон* (1732—1799) — выдающийся французский комедиограф. — 1: 81, 407.
- Бомба* — см. *Фердинанд II.*
- Бомель Лоран* (1727—1773) — французский писатель, противник Вольтера. — 1: 399.
- Бомон Густав Август* (1802—1866) — французский юрист и политический деятель; вместе с А. Токвилем написал книгу «Пенитенциарная система в США» (1833). — 2: 60.
- Бональд Луи Габриэль Амбруаз виконт* (1753—1840) — французский политический деятель и публицист, монархист, один из идеологов аристократической и клерикальной реакции в период Реставрации. — 1: 423, 424.
- Бонапарт* — см. *Наполеон I* и *Наполеон III.*

- Бопп Франц* (1791—1867) — немецкий филолог, основатель сравнительного языкознания. — 1: 432.
- Боркейм Сигизмунд Людвиг* (1825—1885) — немецкий публицист, демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии и Англии. — 1: 530.
- Борнштедт Адальберт* (1808—1851) — радикальный публицист, редактор «Deutsche Brüsseler Zeitung»; в 1848 г. — руководитель легиона немецких ремесленников в Париже. С середины 40-х гг. — тайный агент прусской полиции. — 2: 219, 296, 299, 300, 629.
- Борхард Луи* — немецкий врач в Манчестере, друг В. Вольфа и Ф. Энгельса. — 2: 319.
- Боуринг Джон* (1792—1872) — английский политический деятель, последователь Бентама. Фритредер, с конца 60-х гг. — один из лидеров партии либералов. — 2: 363.
- Бозций Аниций* (480—524) — римский государственный деятель и философ-неоплатоник. — 1: 333.
- Брайт Джон* (1811—1889) — английский фабрикант, лидер фритредеров, министр торговли в кабинете Гладстона. — 1: 472; 2: 345, 363.
- Брасс Август* (1818—1876) — немецкий журналист, демократ, после 1848 г. — эмигрант, позднее — приверженец Бисмарка. — 2: 353.
- Брауншвейгский герцог Карл Фридрих Август Вильгельм* (1804—1873), правил с 1823 г.; после дворцового переворота, лишившего его престола (1830), жил в Англии, Франции и Швейцарии, где поддерживал связь с демократическими элементами эмиграции, финансировал «Deutsche Londoner Zeitung». — 2: 207.
- Бредлоу Чарльз* (1833—1891) — английский адвокат; буржуазный радикал, издатель газеты «National Reformer» (с 1860 г.), участник движения за парламентскую реформу (1867), выступал в своей газете с клеветническими обвинениями против Маркса. — 1: 342.
- Брентано Клеменс* (1778—1842) — немецкий поэт-романтик. Издатель сборника немецких народных песен «Волшебный рожок юноши» (1806—1808). — 1: 622.
- Брентано Лоренц* (1813—1891) — баденский мелкобуржуазный демократ, по профессии адвокат; в 1848 г. — депутат (левого крыла) франкфуртского Национального собрания; в 1849 г. стоял во главе баденского временного правительства, после поражения баденско-пфальцкого восстания эмигрировал в Швейцарию, затем в США. — 2: 204, 206, 618.
- Брентано Луио* (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист, один из главных представителей катедер-социализма и младоисторической школы в политической экономии, противник марксизма. — 1: 65, 81, 589, 590.
- Бриан Борумха* (926—1014) — верховный король Ирландии. — 1: 325—327.
- Бродар* — см. *Брудгир*.
- Бродгаус Джон* — английский переводчик I тома «Капитала». — 1: 86.
- Бронте Шарлотта (Керрер Белл)* (1816—1855) — английская писательница-реалистка. — 1: 529.
- Брудгир* (ум. в 1014 г.) — норманский викинг, убийца короля Бриана Борумха. — 1: 325, 327.
- Брун Карл* (род. в 1803 г.) — член Союза отверженных и Союза коммунистов, из которого был исключен в 1850 г. С 1860 г. — издатель газеты «Nordstern» в Гамбурге. — 2: 352.

- Брут Марк Юний* (ок. 79—42 гг. до н. э.) — римский политический деятель, республиканец; участник убийства Юлия Цезаря. — 1: 130, 180, 593; 2: 221.
- Брюггеман Карл Генрих* (1810—1887) — немецкий буржуазный публицист, либерал; в 1845—1855 гг. главный редактор «*Kölnische Zeitung*». — 1: 54.
- Брюнинг фон, баронесса* (ум. 1853 г.) — демократка, участвовала в устройстве побега Г. Кинкеля из крепости. Эмигрировала в Америку. — 2: 216, 310, 616.
- Буагильбер Пьер* (1646—1714) — французский экономист, предшественник физиократов, родоначальник классической буржуазной политической экономии во Франции. — 1: 548.
- Буало Депрео Никола* (1636—1711) — поэт и критик. Законодатель французского классицизма. — 1: 593.
- Бугге Софус Эльзеус* (1833—1907) — норвежский языковед, профессор в Осло, исследователь и издатель памятников древнескандинавской литературы. — 1: 315.
- Булис* (V в. до н. э.) — спартанец. — 2: 452.
- Бульвер Эдуард Джордж лорд Литтон* (1803—1873) — английский романист. — 1: 575, 624; 2: 134.
- Бурбон* (1520—1590) — кардинал, претендент на французский престол, умер в темнице. — 1: 356.
- Бурбоны* — французская королевская династия (1589—1792 и 1814—1830). — 1: 210, 428, 429.
- Бургонь Ги де* — см. *Каликт II*.
- Буридан Иоанн* (XIV в.) — французский философ-схоластик — 2: 187.
- Бухер Лотар* (1817—1892) — прусский чиновник, публицист, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому центру, впоследствии национал-либерал, сторонник Бисмарка. — 2: 246.
- Бэббедж Чарлз* (1792—1871) — английский экономист. — 1: 216.
- Бэкон Фрэнсис лорд Веруламский* (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма. — 1: 360, 361; 2: 389.
- Бюргер Готфрид Август* (1747—1794) — немецкий поэт-демократ, автор баллады «Ленора» (1773). — 2: 136, 614.
- Бургерс Генрих* (1820—1878) — немецкий коммунист, участник Кельнского процесса, впоследствии либерал. — 2: 308, 315, 343, 629, 630.
- Бюффон Жорж Луи Леклерк* (1707—1788) — французский естествоиспытатель. — 2: 455, 587, 646.
- Бухнер Людвиг* (1824—1868) — немецкий философ, вульгарный материалист, автор книги «Сила и материя». — 1: 411.
- Бюше Филипп* (1796—1865) — французский социалист-утопист, сенсимонист, впоследствии глава католического (христианского) социализма во Франции. — 1: 502, 513.
- Вагнер Герман* (1815—1889) — реакционный германский политический деятель, консерватор, основатель «Новой прусской газеты» — 2: 246.
- Вагнер Рихард* (1813—1883) — 1: 317, 318, 572, 573, 601, 623; 2: 598.
- Ваксман Карл Адольф фон* (1787—1862) — немецкий писатель и публицист умеренно-либерального направления. — 2: 467.
- Ваксмут Эрнст Вильгельм* (1784—1866) — немецкий историк древности. — 1: 107, 290, 598.
- Валесроде Людвиг Рейнгольд* (псевдоним *Эмиль Вагнер*) (1810—1889) — немецкий демократический публицист и критик. — 2: 356, 648.

- Валлес Жюль* (1832—1885) — французский писатель, мелкобуржуазный социалист, член I Интернационала и Парижской Коммуны, редактор газеты «*Сгі du Peuple*», автор ряда социальных романов. — 2: 217.
- Валори Франческо* (1439—1498) — флорентийский политический деятель. — 1: 340.
- Вальдау Макс* (настоящая фамилия *Гауэншильд Рихард Георг*) (1825—1855) — немецкий беллетрист. — 2: 232.
- Вальдек Бенедикт* (1802—1870) — немецкий политический деятель, демократ, в мае 1849 г. был арестован и предан суду по обвинению в государственной измене, но присяжными оправдан; позднее — один из вождей прогрессистов. — 2: 246.
- Вальполь* — см. *Уолпол*.
- Вар Публий Квинталий* (I в. до н. э.) — римский наместник сначала в Сирии, а затем в Германии. В 9 г. н. э. был разбит в Тевтобургском лесу восставшими херусками во главе с Арминием. — 1: 306, 613.
- Варнгаген фон Энзе Карл Август* (1785—1858) — немецкий литератор и критик; в 1840—50-х гг. стоял в центре либеральных литературных кругов Германии. — 1: 434, 435, 610; 2: 463, 529.
- Варнгаген фон Энзе Рахиль* (1771—1833) — жена Карла Августа Варнгагена фон Энзе; знаменита своим литературным салоном в Берлине; приятельница Гейне. — 1: 8; 2: 463.
- Вебб Сидней* (1859—1947) — историк и теоретик английского тред-юнионизма, один из основателей фабрианского общества. — 2: 382.
- Вебер Карл Мария* (1786—1826) — немецкий композитор-романтик. — 1: 434, 610; 2: 221.
- Веерт Георг Людвиг* (1822—1856) — выдающийся немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов, редактор отдела фельетона в «Новой Рейнской газете», друг Маркса и Энгельса. — 1: 83; 2: 137, 281, 307, 356—367, 637—639.
- Веерт Карл* — брат Георга Веерта. — 2: 366.
- Везели Э.* — переводчик собрания сербских песен Вука Стефановича на немецкий язык. — 1: 533.
- Везель фон* — полковник. — 1: 58.
- Везинье Пьер* (1826—1902) — французский журналист, республиканец, член Интернационала, прудонист; в 1868 г. исключен из Интернационала; участник Коммуны. — 2: 221, 620.
- Вейдемейер Иосиф* (1818—1866) — прусский артиллерийский офицер, инженер и журналист. Член Союза коммунистов, участник революции 1848 г., в 1851 г. эмигрировал в Америку, где издавал журналы «*Revolution*» (1853) и «*Stimme des Volkes*» (1860) и создал организацию «Союз коммунистов»; участвовал в гражданской войне на стороне северян. — 1: 116, 347, 414, 591, 602; 2: 102, 103, 105, 110, 111, 118, 215, 301, 305—307, 612, 629, 632.
- Вейль Карл* (1806—1878) — немецкий публицист либерального направления, издатель «*Constitutionelle Jahrbücher*» (1842—1846). — 2: 34.
- Вейсе Христиан Герман* (1801—1866) — немецкий философ-идеалист, представитель так наз. позитивных философов, выступивших с критикой Гегеля справа. — 2: 473.
- Вейтлинг Вильгельм* (1808—1871) — немецкий революционер, коммунист-утопист, автор книги «Гарантии гармонии и свободы», оказавшей большое влияние на немецкое рабочее движение 1840-х гг. — 1: 234, 335, 602.
- Веллингтон Артур*, герцог (1769—1852) — английский полководец, реакционный государственный деятель, тори, премьер-министр (1828—1830). — 1: 56, 437.

- Велькер Карл Теодор* (1790—1869) — немецкий юрист и публицист, издатель журнала «Der Freisinnige», один из вождей немецких либералов 30—40-х гг. — 1: 515, 562; 2: 205.
- Венедей Якоб* (1805—1871) — немецкий мелкобуржуазный демократ, публицист, член умеренной левой франкфуртского Национального собрания, осмеян Г. Гейне под именем Кобеса I. — 2: 291, 292, 625, 626.
- Веннинг Ингенхейм Иоганн Непомук* (1790—1861) — немецкий юрист, автор сочинения «Система пандектов». — 2: 389.
- Венцеслав (Вацлав IV)* (1361—1419) — чешский король и германский император с 1378 по 1400 г. — 1: 344, 602.
- Вергилий Публий Марон* (70—19 г. до н. э.) — древнеримский эпический поэт, автор «Энеиды». — 2: 248.
- Вергилий Полидори* (1470—1555) — английский историк, родом итальянец, автор 26-томной «Истории Англии». — 2: 26, 610.
- Верне Орас* (1789—1863) — французский художник-баталист. — 1: 251.
- Вернер Минна* — возлюбленная Г. Кинкеля. — 2: 177, 180, 216.
- Верон Луи Дезире* (1798—1867) — французский публицист, до 1848 г. — орлеанист, затем бонапартист, основатель газеты «Constitutionnel», был прототипом Крevelя — одного из персонажей романа Бальзака «Кухина Бета». — 1: 525.
- Вестминстер*, лорд, — см. *Гровнор Ричард*.
- Вестфален Женни фон* — см. *Маркс Женни*.
- Вестфален Людвиг фон* (1770—1842) — отец Женни Маркс, прусский регистратор в Трире в 1816—1835 гг. — 2: 590, 656.
- Вестфален Фердинанд фон* (1799—1876) — брат жены Маркса; с 1850 г. по 1858 г. — реакционный прусский министр внутренних дел. — 2: 345, 636.
- Виганд Отто* (1795—1870) — издатель и типограф в Лейпциге, демократ. — 1: 68; 2: 390.
- Видок Франсуа Эжен* (1775—1857) — французский авантюрист и полицейский сыщик, в течение ряда лет — глава полиции Парижа; в 1828 г. издал свои мемуары. — 2: 28, 35, 341.
- Вице Иоганн Фридрих* — наборщик типографии Холлингера в Лондоне. — 2: 336, 345, 634.
- Визетелли Генри* (1820—1894) — английский издатель и журналист. — 1: 10, 583.
- Вико Джованни Баттиста* (1668—1744) — итальянский философ, основоположник философии истории. — 1: 376, 377, 605; 2: 584.
- Виктория* (1819—1901) — английская королева (1837—1901). — 2: 103.
- Виланд Кристоф Мартин* (1733—1813) — немецкий писатель эпохи Просвещения. — 1: 410, 505; 2: 462.
- Виллель Жозеф* (1773—1854) — французский политический деятель эпохи Реставрации, вождь крайних роялистов; министр-президент в 1822—1827 гг. — 1: 424—427, 429.
- Виллих Август* (1810—1878) — прусский лейтенант, член Союза коммунистов, командир отряда в баденском восстании, с 1849 г. — эмигрант. Один из «коммунистов чувства» (Энгельс), Виллих в 1850 г. возглавил раскол в Союзе коммунистов, выступив против руководимого Марксом ЦК с авантюристской программой «немедленного действия». Исключенный из Союза, вместе с Шаппером организовал «Особый Союз» (Sonderbund), просуществовавший до 1852 г. С 1852 г. — эмигрант в Америке; во время гражданской войны — генерал армии северян — 1: 336, 602, 612; 2: 196, 213, 215, 216, 615, 619.

- Виль Людвиг* (1807—1882) — немецкий писатель и критик, примыкавший к литературной группе «Молодая Германия». — 2: 466.
- Вильгельм* — см. *Гребер*.
- Вильгельм* — см. *Рейфф Вильгельм Иосиф*.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король, с 1871 г. — император Германии. — 1: 63, 107, 483; 2: 214, 246, 248, 622.
- Вильгельм III Оранский* (1650—1702) — штатгальтер Нидерландов (1672—1702), английский король (1689—1702). — 1: 553, 566.
- Вильямс С.* — лондонский книготорговец. — 2: 352.
- Винбарг Лудолф* (1802—1872) — теоретик и поэт «Молодой Германии». — 1: 584; 2: 465, 472, 476, 517, 518, 529, 531, 532.
- Винкельман Иоганн Иоахим* (1717—1768) — немецкий археолог и историк искусства, сыграл большую роль в развитии передовых эстетических идей XVIII в. — 1: 599; 2: 387.
- Винклер Карл Готфрид Теодор* (псевдоним — *Теодор Хелль*) (1775—1856) — немецкий реакционный писатель, драматург, издатель «Abendzeitung» и ряда альманахов. — 2: 405, 465, 467.
- Винкельрид Арнольд* — швейцарский национальный герой, погибший в битве при Земпахе. — 1: 207, 209, 210.
- Винчи Леонардо да* (1452—1519) — великий итальянский художник, скульптор, архитектор и ученый эпохи Возрождения. — 1: 250, 346.
- Вергилий* — см. *Вергилий*.
- Вирт Макс* (1822—1900) — немецкий буржуазный экономист. — 1: 393.
- Виткинд* (конец VIII — нач. IX в.) — военачальник саксов во время их борьбы с Карлом Великим. — 1: 332.
- Вихельхаус Иоганнес* (1819—1858) — протестантский теолог, учился вместе с Энгельсом в Эльберфельдской гимназии. — 2: 472.
- Вобан Себастьян ле Претр* (1633—1707) — французский маршал, военный инженер, автор экономического произведения «La Dime royale» («Королевская десятина»). — 1: 548.
- Волопас* — см. *Земмиг Г.-Ф.*
- Вольней Константин Франсуа* (1757—1820) — французский буржуазный просветитель, философ-деист. — 1: 381.
- Вольтер Мари Франсуа (Аруэ)* (1694—1778) — 1: 81, 231, 232, 307, 343, 355, 362, 379, 399—402, 413, 416, 602, 606; 2: 448, 458, 483, 590, 646.
- Вольф Вильгельм (Луис)* (1809—1864) — учитель из Силезии, один из организаторов и член ЦК Союза коммунистов, соредатор «Новой Рейнской газеты». После 1848 г. — эмигрант в Англии. Близкий друг Маркса и Энгельса. В. Вольфу посвящен I том «Капитала»: «Смелому, верному, благородному, передовому бойцу пролетариата» (Маркс). — 2: 246, 319, 332, 355, 359, 364, 365.
- Вольф Фердинанд («Красный Вольф»)* (1812—1900) — член Союза коммунистов, член редакции «Новой Рейнской газеты», депутат франкфуртского Национального собрания. После 1848 г. — эмигрант в Англии. — 1: 59; 2: 307, 624.
- Вольф Фридрих Август* (1759—1824) — немецкий филолог и критик, получивший всемирную известность благодаря своим работам о гомеровском эпосе. — 1: 377.
- Вольф Христиан* (1679—1764) — немецкий философ и математик, популяризатор философии Лейбница. — 2: 21, 256.
- Вольфганг* — см. *Фрейлиграт Вольфганг*.
- Вольферс Франц Антон* (род. в 1813 г.) — немецкий буржуазный журналист, по национальности бельгиец; в 1847—1849 гг. сотрудник и член

- редакции «Kölnische Zeitung», впоследствии — бонапартистский агент. — 1: 54.
- Вольфрам фон Эшенбах* (ок. 1170—1220) — средневековый немецкий поэт. — 1: 334, 601; 2: 176.
- Воль-Штраус Жаннетта* (1783—1861) — подруга Л. Бёрне, жена Соломона Штрауса из Франкфурта, после смерти Бёрне к ней перешло его литературное наследство. — 2: 292.
- Вуд Уильям* (1671—1730) — английский промышленник, владелец железоделательных и медеплавильных заводов в Западной Англии. — 1: 395.
- Вурм Густав* (1819—1888) — школьный товарищ Энгельса, впоследствии филолог. — 2: 472.
- Вольфинг Фридрих Людвиг* — барменский поэт. — 2: 488, 489.
- Г.* — см. *Гермес К.*
- Гаазе Фридрих* (1808—1867) — немецкий филолог-классик. — 2: 485.
- Гай Людевит* (1809—1872) — хорватский журналист, филолог и политический деятель; в 1848 г. член временного правительства Хорватии, проводил политику, направленную на сохранение Габсбургской монархии. — 1: 534.
- Гаиде Эрнст фон дер* — см. *Грюн Карл.*
- Гайдн Иосиф* (1732—1809) — австрийский композитор. — 2: 655.
- Гайндман Генри Майер* (1842—1921) — английский адвокат и публицист, один из основателей и лидеров Социал-демократической федерации; впоследствии — социал-шовинист. — 1: 582; 2: 375, 376, 378, 381, 640.
- Гаклендер Фридрих Вильгельм фон* (1816—1877) — популярный немецкий писатель-беллетрист, занимал ряд придворных должностей. — 2: 245, 622.
- Гакстаузен Август*, барон (1792—1866) — прусский реакционный экономист, автор работ об аграрных отношениях в Пруссии и России. — 1: 620.
- Галилей Галилео* (1564—1642). — 2: 403.
- Галлер Карл Людвиг* (1768—1854) — профессор истории и государственных наук в Берне, реакционер, теоретик феодальной реставрации. — 1: 187, 424, 436; 2: 409, 645.
- Гальм Фридрих* (псевдоним *Франца Мюнх-Беллингхаузена*) (1806—1871) — австрийский писатель-романтик. — 2: 241, 621.
- Ганзман Давид Юстус* (1790—1864) — один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — июне 1848 г. министр финансов, в июле — сентябре глава правительства Пруссии; вел предательскую политику соглашения с юнкерской реакцией. — 1: 372, 562.
- Ганиль Шарль* (1758—1836) — французский экономист-неомеркантилист. — 1: 189, 195.
- Ганка Вацлав* (1791—1861) — чешский ученый, поэт и деятель национально-освободительного движения. Получил широкую известность как издатель «Зеленогородской» и «Краледворской» рукописей, выданных им за старинные чешские памятники. Впоследствии эти рукописи были признаны мастерской подделкой. — 1: 532—534, 620.
- Ганс Эдуард* (1798—1839) — профессор права в Берлине, либеральный гегельянец, один из учеников Гегеля и издатель его сочинений. — 2: 52, 474, 498, 650.
- Гарибальди Джузеппе* (1807—1882). — 1: 62, 338, 339, 365, 400.
- Гаркнесс Маргарет* (писала под псевдонимом *Джон Лоу*) — английская писательница-социалистка 80-х гг. — 1: 10—12, 582, 583.

- Гарнье Жермен*, граф (1754—1821) — французский экономист, переводчик и комментатор Адама Смита, сенатор в эпоху первой империи. — 1: 192, 198, 595.
- Гарнье Пажез Луи Антуан* (1803—1878) — французский политический деятель, умеренный буржуазный республиканец, в 1848 г. — член временного правительства. — 1: 479.
- Гаррис Джемс*, сэр, впоследствии граф *Мальмсбери* (1746—1820) — английский дипломат, посол в Петербурге (1777—1802). — 1: 175, 176.
- Гартман Мориц* (1821—1872) — австрийский поэт, примыкавший в 1840-х гг. к «истинному социализму», выдающийся лирик и сатирик. — 1: 568, 590; 2: 124, 612.
- Гаскелл Элизабет Эллегорн* (1810—1865) — английская писательница, автор реалистических, социальных романов, наиболее известны из них — «Мери Бартон» (1848) и «Север и Юг» (1855). — 1: 529.
- Гассе Лео* — друг Г. Кинкеля, член союза «Майских жуков». — 2: 187.
- Гаттерер* — см. *Энгельгардт Магдалина Филиппина*.
- Гатицфельд София фон*, графиня (1805—1881) — приятельница Лассалья; принимала участие в рабочем движении; после смерти Лассалья пыталась влиять на политику «Всеобщего рабочего союза» в духе лассалевского оппортунизма. — 1: 16; 2: 136, 246, 294, 298, 301, 627.
- Гауф Вильгельм* (1802—1827) — немецкий писатель-романтик. — 2: 155, 614.
- Гафиз (Хафиз) Шамседдин Мохаммед* (1300—1389) — персидский лирический поэт. — 1: 335; 2: 234.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — 1: 9, 17, 19, 34, 54, 56, 63, 64, 71—75, 78, 100, 106, 151, 301, 381, 383, 385—387, 402—406, 411, 413, 430, 449, 453, 456, 462, 492—494, 497, 503, 505, 507, 520, 523, 568, 586, 588, 589, 595, 599, 605, 606, 608, 611, 612, 615—617; 2: 10—14, 39, 52, 65—67, 77, 93, 171, 181, 186, 209, 211, 241, 389, 496, 497, 511, 514, 518, 526—531, 533, 535, 542, 543, 545, 547, 581, 593, 615, 616, 619, 621, 624, 642, 648, 653, 656.
- Гёгг Армандус* (1820—1897) — немецкий журналист, буржуазный демократ, в 1849 г. — член баденского временного правительства, позднее эмигрант, в 70-х гг. примкнул к германской социал-демократии. — 2: 206, 618.
- Геден Адольф* — врач из Познани; в 1841 г. — член франкфуртского Национального собрания. — 1: 67.
- Гезиод (Гесиод)* (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. — 1: 94.
- Гей Жюль* (1807 — после 1876) — французский коммунист-утопист. — 1: 383.
- Гей Иоганн Вильгельм* (1789—1854) — немецкий священник, автор басен и стихов для детей. — 2: 488.
- Гейзе Герман* (1820—1860) — немецкий демократ, участник революции 1848 г., впоследствии — эмигрант в Лондоне. — 2: 215.
- Гейзе Иоганн Христиан Август* (1764—1829) — немецкий филолог — 1: 432.
- Гейзер Бруно* (1846—1898) — немецкий социал-демократ, писатель, зять В. Либкнехта; один из лидеров правого крыла социал-демократической партии; находился под сильным влиянием мелкобуржуазных элементов. — 1: 590, 623, 624; 2: 274.
- Гейне Генрих* (1797—1856) — 1: 62, 79, 283, 584, 588, 598; 2: 137, 154, 211, 212, 237, 256, 278, 281, 283—294, 327, 355, 359, 388, 462, 465, 472, 476, 486, 491, 512, 517, 518, 530—533, 541, 545, 581, 593, 594, 619, 623—628, 643, 651, 653, 656, 657.

- Гейне Матильда* (1815—1883) — жена Генриха Гейне. — 2: 289, 292.
- Гейнекций Иоганн Готлиб* (1681—1741) — немецкий юрист, крупнейший историк римского права. — 1: 387, 643.
- Гейцен Карл* (1809—1880) — немецкий публицист, буржуазный демократ, выступал против Маркса и Энгельса, участник революции 1848 г., позднее — эмигрант в Америке. — 1: 115, 116, 591; 2: 165—169, 215, 291, 615, 618, 630.
- Геккель Эрнст* (1834—1919) — видный немецкий естествоиспытатель — эволюционист, материалист, сторонник Ч. Дарвина. — 1: 404, 497, 613.
- Геккер Фридрих Карл* (1811—1881) — немецкий демократ, один из руководителей баденско-пфальцского восстания 1849 г. Эмигрировал в Америку, участник гражданской войны на стороне северян. — 1: 556, 562, 623; 2: 299.
- Гекшер Мартин* — врач в Манчестере, лечивший Энгельса. — 2: 311.
- Геллерт Христиан Фюрхтеготт* (1715—1769) — немецкий писатель, представитель бюргерского просветительства. — 2: 589.
- Гельвальд Фридрих Антон Геллер* (1842—1892) — немецкий этнограф, географ и историк. — 2: 247.
- Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771) — выдающийся французский философ-материалист, просветитель. — 1: 381, 383, 384, 386, 388, 389; 2: 256.
- Гендель Георг Фридрих* (1685—1759) — великий немецкий композитор. — 1: 410; 2: 598, 655.
- Генрих* (1489—1568) — герцог Брауншвейгский (1514—1568), противник реформации в Германии, вождь католической Лиги. — 1: 353.
- Генрих III* (1551—1589) — король Франции (1574—1589). — 1: 165.
- Генрих IV* (1553—1610) — король Франции (1594—1610). — 1: 356, 429.
- Генрих VIII* (1491—1547) — английский король (1509—1547). — 1: 359; 2: 407.
- Генрих Лев* (1129—1195) — герцог Баварии и Саксонии (1139—1181). — 2: 562.
- Генрих* — см. Бюргерс.
- Георг I* (1660—1727) — английский король (1714—1727). — 1: 554.
- Георг IV* (1762—1830) — принц-регент (1811—1820) и король Англии (1820—1830). — 1: 401.
- Геннер Адольф* (1846—1923) — германский социал-демократ; в 1869 г. помощник Либкнехта в редакции «Volkstaat», делегат на Гаагском конгрессе I Интернационала; после объявления исключительного закона эмигрировал в Америку, где занимался литературно-издательской деятельностью. С 1906 г. вернулся в Германию; во время войны — социал-шовинист. — 2: 276.
- Герасими* (ум. в 475 г.) — палестинский аббат, которому приписывают «Историю о рабе Андронике». — 2: 562.
- Гераклит* (ок. 540—480 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, стихийный материалист. — 1: 430; 2: 399, 645.
- Герbart Иоганн Фридрих* (1776—1841) — немецкий философ-идеалист, психолог и педагог. — 1: 568; 2: 536.
- Гервег Георг* (1817—1875) — немецкий революционный поэт, мелкобуржуазный демократ. — 1: 597, 612; 2: 281, 288, 295—300, 310, 351, 352, 528, 613, 625, 628—630, 643.
- Гергей Артур* (1818—1916) — венгерский генерал; с конца марта 1849 г. — главнокомандующий революционной армией. — 2: 302.
- Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий просветитель, писатель и философ. — 1: 410.

- Герман* — см. *Криге Герман*.
- Гермес Карл Генрих* (1800—1856) — немецкий журналист, реакционер. — 1: 299, 600.
- Геродот* (V в. до н. э.) — древнегреческий историк и этнограф, «отец истории». — 1: 94, 290, 598; 2: 452, 645.
- Гёррес Иоганн Иосиф* (1776—1848) — немецкий публицист и историк. Один из вождей феодально-католического романтизма. — 2: 560, 566, 567.
- Герстенберг Исидор* (ум. в 1876 г.) — банкир в Лондоне, приверженец Г. Кинкеля. — 2: 342.
- Герхард* — данцигский книгоиздатель. — 2: 524.
- Герцен Александр Иванович* (1812—1870). — 1: 539, 543, 618, 619, 621.
- Гершель Уильям* (1738—1822) — английский астроном; усовершенствовал телескоп, открыл систему двойных и сложных звезд. — 1: 251.
- Геснер Соломон* (1730—1788) — швейцарский поэт и художник, представитель идиллической поэзии. — 1: 413, 414.
- Гесс Моисей* (1812—1875) — немецкий публицист, теоретик «истинного социализма»; в 1847 г. работал под руководством Маркса и Энгельса в «*Deutsche Brüsseler Zeitung*», был членом Союза справедливых и Союза коммунистов. После раскола в Союзе коммунистов — сторонник фракции Виллиха—Шаппера. В 1861 г. примкнул к Лассалю; был членом I Интернационала и делегатом Базельского и Брюссельского конгрессов. — 1: 242, 506, 597; 2: 96, 288, 352, 367, 611, 612, 639.
- Гессенский*, ландграф, — см. *Филипп I*.
- Гесслер граф фон Брунек Герман* (XIV в.) — австрийский наместник, убитый В. Теллем. — 1: 595.
- Гёте Иоганн Вольфганг* (1749—1832). — 1: 25, 40, 71, 167, 168, 213, 318, 370, 451, 453, 458, 489, 492—523, 556, 589, 594, 596, 613—616; 2: 16, 48, 111, 116, 122, 123, 171, 179, 180, 181, 199, 231, 232, 236, 240, 243, 245, 309, 310, 327, 360, 402, 421, 456, 460, 461, 462, 463, 465, 469, 471, 472, 475, 476, 483, 488, 489, 493, 507, 516, 519, 563, 577, 581, 588, 593, 595, 610, 613, 615—617, 621, 645, 646, 650, 651, 656.
- Гетце Петер Отто фон* (1793—1880) — лингвист-славяновед, издатель сербских и русских народных песен. — 1: 533.
- Гейфнер Леопольд* (род. в 1820 г.) — венский журналист, в 1848 г. редактор левой газеты «*Constitution*», после революции — эмигрант, активный член созданного в 1850 г. авантюристического «Революционного комитета» в Париже. — 1: 398.
- Гейффер Мориц Вильгельм* (1792—1873) — немецкий историк и филолог. — 1: 532.
- Гехберг Карл* (1853—1885) — немецкий социал-реформист, филантроп, издавал ряд социал-демократических журналов; старался увлечь немецкую социал-демократию на путь реформизма. — 2: 274.
- Гидарн* — персидский сатрап. — 2: 452.
- Гиз Шарль, герцог Майенский* (ум. в 1611 г.) — один из деятелей католической Лиги, противник Генриха IV. — 1: 356.
- Гизо Франсуа Пьер Гильом* (1787—1874) — французский либеральный историк и политический деятель. — 1: 130, 379, 380, 461, 477, 605, 611, 616; 2: 106, 107.
- Гийом VII граф Де Пуатье (Гильом IX Аквитанский)* (1071—1127) — трубадур. — 1: 334; 2: 501.
- Гиллани Фридрих Вильгельм* (1807—1876) — немецкий теолог-рационалист. — 2: 232.
- Гиллакиарайн* — скандинавский военачальник. — 1: 326.

- Гиллемино Арман Шарль* (1774—1840) — французский генерал и дипломат. — 1: 428, 429.
- Гильо (Жилло) Жак* (1550—1619) — французский писатель времен гражданских войн, сторонник Генриха IV, один из авторов «Менипповой сатиры». — 1: 356.
- Гильом IX Аквитанский* — см. *Гийом VII граф де Пуатье*.
- Гильом-Шак Гертруда* — немецкая анархистка. — 2: 378.
- Гиппократ* (ок. 460—377 гг. до н. э.) — выдающийся врач Древней Греции, один из основоположников античной медицины. — 2: 479.
- Гирш Вильгельм* — приказчик из Гамбурга, был агентом прусской полиции. — 2: 341.
- Гиршфельд* — типограф в Лондоне. — 2: 350.
- Гитклен де Сасуань* — см. *Витикинд*.
- Гладстон Уильям Юарт* (1809—1898) — лидер английских либералов во второй половине XIX в., участник ряда кабинетов, премьер-министр в 1868—1874, 1880—1886 и 1892—1894 гг. — 1: 64, 280, 283, 590, 597, 598.
- Глинка Михаил Иванович* (1804—1857). — 2: 579.
- Глунайрн* — скандинавский военачальник. — 1: 326.
- Глюк Кристофор Виллибальд* (1714—1787) — великий немецкий композитор. — 1: 410; 2: 655.
- Гоббс Томас* (1588—1679) — английский философ, представитель механистического материализма. — 1: 100, 380, 386, 388, 390.
- Говитт, Уильям* (1792—1879) и *Мэри* (1799—1888) — муж и жена, английские поэты. — 2: 305.
- Гог и Магог* — легендарные народы, которые по предсказанию Апокалипсиса должны были разрушить Иудею. — 1: 257.
- Гогенлинден* — франкфуртский банкир. — 2: 292.
- Гогенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918). — 2: 287.
- Гоголь Николай Васильевич* (1809—1852). — 2: 583.
- Годвин Уильям* (1756—1836) — английский радикальный писатель и публицист, один из родоначальников анархизма. — 1: 233, 389.
- Гойолль* — живописец, немецкий эмигрант в Лондоне. — 2: 319.
- Гольбах Поль Анри* (1723—1789) — французский философ-материалист эпохи Просвещения. Автор «Системы природы». — 1: 231, 233, 381, 384, 385, 386—389, 500, 615.
- Гомер*. — 1: 41, 94, 135, 273—283, 288, 289, 304, 377, 411, 416, 597, 598; 2: 65, 361, 468, 469, 563, 590, 591, 606, 642.
- Гонкуры, Жюль* (1830—1870) и *Эдмон* (1822—1896) — французские романисты-натуралисты. — 2: 584.
- Гораций Квинт Флакк* (65—8 гг. до н. э.) — древнеримский поэт. — 1: 305, 306; 2: 248, 293, 331, 361, 473, 488, 612, 627.
- Готфрид Бульонский* (ок. 1060—1100 гг.) — герцог Нижней Лотарингии (1089—1100), один из предводителей первого крестового похода. — 2: 562.
- Готфрид Страсбургский* (род. ок. 1220 г.) — поэт немецкого средневековья, автор стихотворной обработки куртуазного романа «Тристан и Изольда». — 2: 176, 565.
- Готфрид (Готфридуэ)* — см. *Кинкель*.
- Готшед Иоганн Кристоф* (1700—1766) — немецкий писатель и умеренный бюргерский просветитель, насаждавший в Германии классицизм. — 1: 410; 2: 314, 448, 543.

- Гофман* — гамбургский книгоиздатель, совладелец издательской фирмы «Гофман и Кампе», основанной в 1818 г. — 2: 170, 359, 506.
- Гофман Эрнст Теодор Амадей* (1776—1822) — немецкий писатель-романтик. — 2: 179, 590, 591, 602.
- Гофман Фаллерслебен Август Генрих фон* (1798—1874) — немецкий поэт, буржуазный радикал, позднее — националист. — 2: 123, 242, 621.
- Гофмансвальдау Кристиан Гофман фон* (1613—1679) — немецкий поэт, глава так наз. «второй силезской школы». — 2: 543, 654.
- Граббе Кристиан* (1801—1836) — немецкий драматург. — 2: 464.
- Гракхи, Тиберий* (163—132 гг. до н. э.) и *Гай* (153—121 гг. до н. э.) — трибуны Древнего Рима, боровшиеся за осуществление аграрной реформы в интересах крестьянских и плебейских масс, погибли в борьбе с римской аристократией. — 1: 130, 593; 2: 584.
- Гранье де Кассаньяк* — см. *Кассаньяк*.
- Грант Джемс* (1802—1879) — английский журналист и издатель. — 2: 323.
- Графн Красный* — норманнский военачальник. — 1: 325.
- Грациан Франциск* (прибл. XII в.) — итальянский монах, автор трактата по церковному праву. — 2: 389.
- Гребер Вильгельм* (1824—1895) — друг детства Энгельса, сын пастора в Бармене. — 2: 459—480, 646—650.
- Гребер Фридрих* (1822—1895) — друг детства Энгельса, брат Вильгельма Гребера. — 2: 459—480, 646, 647.
- Греви Жюль* (1807—1891) — французский буржуазный политик, умеренный республиканец, при второй республике — член Учредительного и Законодательного собраний, противник бонапартистского переворота; с 1879 по 1887 гг. — президент Французской республики. — 2: 217.
- Грейлих Герман* (1842—1925) — немецкий рабочий-переплетчик, основатель швейцарской секции I Интернационала, затем — руководитель швейцарской социал-демократии, один из лидеров правого, реформистского крыла II Интернационала. — 2: 278.
- Грибоедов Александр Сергеевич* (1795—1829). — 1: 619.
- Грильпарцер Франц* (1791—1872) — австрийский драматург-романтик. — 2: 467, 480.
- Гримм Вильгельм* (1787—1859) — немецкий ученый, собиратель и издатель народных сказок и других произведений народного творчества. — 1: 601; 2: 551, 566, 586.
- Гримм Яков* (1785—1863) — выдающийся немецкий филолог-романтик, собиратель и издатель народных сказок, историк немецкого языка. — 1: 79, 173, 312, 313, 334, 335, 431, 432, 488, 589, 602; 2: 551, 566, 586.
- Грин Томас* (род. в 1820 г.) — английский политический деятель, консерватор-пилит, член парламента. — 1: 357.
- Гровнор Ричард маркиз Вестминстер* (1795—1869) — крупный английский землевладелец, известный своим богатством. — 2: 105.
- Грольман Карл Людвиг фон* (1775—1829) — немецкий юрист, профессор в Гессене, с 1821 г. — министр внутренних дел и юстиции в Дармштадте. — 2: 389.
- Грот Джордж* (1794—1871) — английский историк, автор «Истории Греции». — 1: 277, 278.
- Грумбах Вильгельм фон* (1503—1567) — франкский дворянин, боровшийся против Вюрцбургского епископа и курфюрста Августа Саксонского. — 1: 354.
- Грунциг Юлиус* (род. в 1855 г.) — германский социал-демократ, писатель; судился за распространение газеты «Sozial-demokrat», и был выслан из

- Берлина; в 80-х годах эмигрировал в Америку, где вступил в Социалистическую рабочую партию; сотрудник «New Yorker Volks-Zeitung». — 2: 277, 278, 623.
- Грюн Анастазий (граф Ауэрсперг)* (1806—1876) — немецко-австрийский лирический поэт. — 2: 465, 466.
- Грюн Карл* (1817—1887) — немецкий публицист, виднейший представитель «истинного социализма», последователь Прудона. — 1: 497—523, 613—615; 2: 91, 93—96, 101, 113, 212, 478, 518, 528, 611, 629, 642, 650.
- Гуго Густав* (1764—1844) — геттингенский юрист, основоположник исторической школы права. — 1: 414—417, 608.
- Гуилельмус* — см. *Гребер Вильгельм*.
- Гумбольдт Александр* (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник, один из основоположников современной географии. — 2: 245.
- Гус Ян* (1369—1415) — вождь реформации в Чехии, профессор Пражского университета, вдохновитель чешского национально-освободительного движения; обвинен в ереси и сожжен на костре; национальный герой чешского народа. — 2: 477.
- Густав II Адольф* (1594—1632) — шведский король (1611—1632) и полководец; стремясь к господству на Балтийском море, вел войны с Данией, Польшей и Россией, участвовал в Тридцатилетней войне, возглавляя союз протестантских государств. — 1: 394.
- Гутенберг Иоганн* (ок. 1400—1468 гг.) — создатель европейского способа книгопечатания. — 2: 545.
- Гуттен Ульрих фон* (1489—1523) — германский гуманист и политический деятель времен Реформации, автор памфлетов, направленных против папства. Участник восстания южногерманских рыцарей 1522 г. под руководством Франца фон Зикингена. — 1: 16, 25, 30, 31, 35, 39, 40, 44, 349—353.
- Гуцков Карл* (1811—1878) — немецкий драматург, романист и журналист, представитель «Молодой Германии». — 1: 584; 2: 111, 114, 164, 232, 291, 463, 466, 467, 471, 472, 476, 480, 486, 525, 526, 529, 530, 531, 532, 533, 551, 566, 613, 626, 648—650, 654.
- Гюбнер Карл* (1814—1879) — немецкий художник реалистического направления, демократ. — 2: 572.
- Гюго Виктор* (1802—1885). — 1: 481—485, 613; 2: 541.
- Гюль Фридрих* (1812—1879) — немецкий поэт, автор стихотворений и песен для детей. — 2: 488.
- Д.* — см. *Дюрхольт*.
- Давид* — древнееврейский царь (конец XI — первая четверть X в. до н. э.). — 2: 489.
- Дагоберт I* (602—638) — франкский король (628—638). — 1: 532.
- Да-Да* — арабский публицист, по поручению алжирских властей переводивший бонапартистские памфлеты на родной язык. — 2: 245, 621.
- Дайре* (V в.) — один из тэнов (вождей кланов) Ольстера (Северная Ирландия). — 1: 321.
- Д'Аламбер Жан Лерон* (1717—1783) — французский математик и философ эпохи Просвещения. — 1: 379.
- Дана Чарлз Андерсон* (1819—1897) — американский буржуазный журналист, издатель прогрессивной газеты «Нью-Йоркская Трибуна», в которой в 1851—1862 гг. печатались Маркс и Энгельс. — 1: 603.
- Даниэльс Амалия* — жена Роланда Даниэльса (см.). — 2: 309, 315.

- Даниэльс Роланд* (1819—1855) — врач в Кельне, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по Кельнскому процессу коммунистов (1852). — 2: 304, 308, 310, 341, 629.
- Даниельсон Николай Францевич («Николай-он»)* (1844—1918) — русский экономист и публицист, один из идеологов народничества; вместе с Г. А. Лопатиным перевел на русский язык I том «Капитала», а затем, один — II и III тома. Поддерживал с Марксом и Энгельсом оживленную переписку. — 1: 64, 536, 537, 545, 577, 618, 620; 2: 579.
- Данкомб Томас Слингсби* (1796—1861) — английский буржуазный радикал, в 40-х гг. участвовал в чартистском движении. — 2: 363.
- Данте Алигьери* (1265—1321). — 1: 9, 338—342, 520, 602; 2: 244, 582, 587, 588, 589.
- Дантон Жорж Жак* (1759—1794) — видный буржуазный революционер, революционный оратор, один из вождей якобинцев. — 1: 54, 60, 130, 462.
- Дарвин Чарлз* (1809—1882). — 2: 582.
- Дасье Андре* (1651—1722) — французский филолог, подготовил критическое издание «Поэтики» Аристотеля. — 1: 593.
- Даумер Георг Фридрих* (1800—1875) — немецкий теолог и философ, выдвинул научно не подтвердившуюся теорию о происхождении христианства из культа Молоха; после 1848 г. — реакционер. — 1: 366, 604; 2: 231—236, 620.
- Деблер Людвиг* (1801—1864) — немецкий гравер. — 2: 201.
- Дезами Теодор* (1803—1850) — французский публицист, представитель революционного направления утопического коммунизма. — 1: 383; 2: 100.
- Деказ Эли*, герцог (1780—1860) — французский делец; государственный деятель периода Реставрации; монархист, сторонник соглашения помещиков с крупной буржуазией. — 2: 105.
- Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ-дуалист, математик и естествоиспытатель. — 1: 381, 385.
- Делаод Люсьен* (1808—1865) — французский публицист, участник тайных революционных обществ периода Реставрации и июльской монархии, полицейский агент. — 1: 14, 575, 584.
- Делессер Габриэль* (1786—1858) — префект полиции в Париже (1836—1848). — 1: 576.
- Делиус Николаус* (1813—1888) — профессор Боннского университета, шекспировед. — 2: 579, 655, 656.
- Делл Уильям* — английский рабочий-драпировщик, заместитель председателя «Национальной лиги независимости Польши», член Генерального совета I Интернационала в 1864—1868 гг. и его казначей в 1865—1867 гг., делегат Лондонской конференции в 1865 г., один из руководителей «Лиги реформы». — 1: 379.
- Демаре* — жандарм, убивший 3 апреля 1871 г. деятеля Парижской Коммуны Г. Флуранса. — 1: 400.
- Дембинский Генрих* (1791—1864) — польский генерал, участник польского восстания 1830—1831 гг. и венгерского восстания 1848 г. — 2: 302.
- Демокрит* (ок. 460—370 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ-материалист, один из основателей атомистической теории. — 1: 296, 360, 599.
- Демулен Камилл* (1760—1794) — французский революционер, якобинец, дантонист, издатель «Старого кордельера» и памфлетов «Революции Франции и Брабанта». — 1: 130, 187, 595; 2: 94.
- Демут Елена (Ленхен)* (1823—1890) — домашняя работница в доме К. Маркса, близкий друг всей семьи; после смерти Маркса жила у Энгельса. — 1: 10; 2: 353, 589, 590, 597, 656, 657.

- Депрэ Марсель* (1843—1918) — французский физик; известен своими опытами электропередачи постоянного тока. — 1: 533.
- Державин Гавриил Романович* (1743—1816). — 1: 535, 619.
- Деринг Карл Август* (ум. в 1844 г.) — протестантский проповедник в Эльберфельде, автор стихов религиозного содержания. — 2: 488, 490.
- Дестют де Траси Антуан Луи Клод*, граф (1754—1836), — французский философ, либеральный политик и экономист; создатель так наз. школы «идеологов». — 1: 189, 245.
- Дефо Даниэль* (1660—1731) — английский писатель, один из творцов реалистического романа эпохи Просвещения в Англии — 1: 391—394.
- Джексон Чарлз Томас* (1805—1880) — американский врач и химик; ввел в употребление эфир в качестве анестезирующего средства. — 1: 510.
- Дженкинс* — корреспондент английской консервативной газеты «Morning Post». — 2: 219.
- Джилльпин* — директор лондонского филиала швейцарского банка. — 2: 345.
- Джойнс Дж.-Л.* — английский учитель и журналист, сторонник Г. Джорджа, сподвижник Гайндмана в Социал-демократической федерации, сотрудник редакции «То-Дау». — 1: 380.
- Джонни* — см. *Лонге Жан*.
- Джонс Вильям* (1746—1794) — английский ученый ориенталист. — 1: 336.
- Джонс Ричард* (1790—1855) — английский экономист, преемник Мальтуса по кафедре политической экономии в университете Хейлбери; выдвинул идею об историческом своеобразии различных способов производства. — 1: 272.
- Джонс Эрнст Чарлз* (1819—1869) — лидер левого крыла чартистов и революционный поэт. Издавал газеты «Notes to the people» (1851—1852), «The people's paper» (1852—1858), на которые Маркс имел значительное влияние. Друг Маркса и Энгельса. — 2: 345, 346.
- Джонсон Сэмюэл* (1709—1784) — английский писатель-классик. Один из видных теоретиков английского классицизма. Издатель комментированного собрания сочинений Шекспира. — 1: 364, 603.
- Джонстон Джеймс* (ум. в 1798 г.) — английский священник, исследователь скандинавской древности. — 1: 324.
- Джордж Генри* (1839—1897) — американский экономист, «буржуазный национализатор земли» (Ленин). — 1: 84, 590.
- Дидро Дени* (1713—1784) — французский философ-материалист, драматург, романист, художественный критик. Редактор-издатель «Энциклопедии». — 1: 173, 233, 355, 379, 381, 385, 401—403, 537; 2: 203, 577, 618.
- Дизраэли Бенджамин* (1804—1881), граф *Биконсфилд* — английский государственный деятель и романист, лидер тори; в 30-х гг. примыкал к группе «Молодая Англия». — 1: 368, 609.
- Диккенс Чарлз (Боз)* (1812—1870) — 1: 485, 529, 618; 2: 200, 617.
- Дингельштедт Франц фон* (1814—1881) — немецкий политический лирик 30-х гг. — 2: 232, 467, 486, 518.
- Диоген Лаэртий* (III в.) — древнегреческий историк философии, составитель обширной компиляции о древних философах. — 1: 302—304, 600; 2: 405, 479.
- Диодор Сицилийский* (вторая половина I в. до н. э.) — греческий историк. — 1: 95, 178, 314.
- Дионисий Галикарнасский* (I в. до н. э.) — греческий историк. — 1: 274, 279.
- Дистервег Адольф* (1790—1866) — немецкий педагог, последователь Песталоцци. — 2: 484.

- Дитц Иоганн Генрих Вильгельм* (1843—1922) — немецкий социал-демократ; основатель и руководитель крупнейшего немецкого социал-демократического издательства. — 1: 571.
- Диц Фридрих* (1794—1876) — немецкий филолог, основоположник сравнительного изучения романских языков, автор «Грамматики романских языков». — 1: 432.
- Добровский Йосеф* (1753—1829) — чешский писатель, филолог и этнолог. — 1: 488, 534.
- Добролюбов Николай Александрович* (1836—1861). — 1: 536, 537, 619.
- Дольх* — д-р, один из организаторов шиллеровских торжеств 1859 г. в Манчестере. — 2: 320.
- Доницетти Газтано* (1797—1848) — итальянский оперный композитор. — 2: 505.
- Дон-Кихот Бланкенбургский* — см. *Бланкенбург Мориц*.
- Дронке Эрнст* (1822—1891) — немецкий публицист, вначале «истинный социалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Новой Рейнской газеты», после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Англию и отошел от политической деятельности. — 2: 133—136.
- Дросте-Гюльсгоф Аннетта Елизавета* (1797—1848) — видная немецкая поэтесса. — 1: 561, 562; 2: 555, 556.
- Дросте-Фишеринг* — кельнский архиепископ в 1848 г. — 1: 562.
- Друкер Луи* — издатель в Берлине, участник революции 1848 г., впоследствии эмигрировал в Лондон. — 2: 324, 326.
- Дубгал* (XI в.) — норманский военачальник, павший в сражении с ирландцами. — 1: 326.
- Дубтах* — ирландский юрист и придворный поэт первой половины V в. — 1: 321.
- Дуллер Эдуард* (1809—1853) — немецкий поэт, историк и романист, видный деятель немецкого католического движения. — 2: 464, 467, 490, 543, 649.
- Дункер* — полицейский чиновник. — 2: 340.
- Дункер Франц* (1822—1888) — немецкий либеральный публицист и издатель. В 50-х гг. издал сочинение Маркса «К критике политической экономии» и брошюру Энгельса «По и Рейн». — 1: 23, 586, 587; 2: 628.
- Дунс Скот Иоанн* (ок. 1265—1308 гг.) — шотландский философ-схоластик, приверженец номинализма. — 2: 399.
- Дэйкинс Джон* (ум. в 1910 г.) — английский геолог, друг Маркса, член I Интернационала. — 1: 529, 530.
- Дэр Эжен* (1798—1847) — французский экономист, издатель сочинений по политической экономии. — 1: 133.
- Дюма Александр* (1804—1870) — французский романист и драматург, романтик; автор известных авантюрно-исторических романов. — 1: 474, 574; 2: 134, 541, 582.
- Дюма Жан Батист* (1800—1884) — видный французский химик; в 1849—1851 гг. министр земледелия и торговли, впоследствии сенатор. — 1: 500.
- Дюввэг Гуго* — товарищ Г. Кинкеля. — 2: 176.
- Дюпен Андре Мари Жан Жак* (1783—1866) — французский юрист и политический деятель, орлеанист, председатель Законодательного собрания (1849—1850); затем бонапартист. — 1: 59.
- Дюпон Пьер* (1821—1870) — выдающийся французский поэт-рабочий 1840-х гг. — 1: 558.
- Дюпон Эжен Кловис* (1830—1902) — французский рабочий-социалист, член Генерального совета I Интернационала. — 2: 223.
- Цюпон де Лер Жак Шарль* (1767—1855) — французский политический деятель, либерал; участник буржуазной революции конца XVIII в. и рево-

- люции 1830 г.; в 40-х гг. был близок к умеренным буржуазным республиканцам; в 1848 г. председатель временного правительства. — 1: 479.
- Дююи Шарль Франсуа* (1742—1809) — французский буржуазный просветитель. — 1: 381.
- Дюрер Альбрехт* (1471—1528) — великий немецкий живописец, гравер и рисовальщик эпохи Возрождения. — 1: 346, 348, 349, 603.
- Дюринг Евгений* (1833—1921) — германский мелкобуржуазный социалист, приват-доцент Берлинского университета; в 1870-х гг. оказывал большое влияние на остальные слои германской социал-демократии. Автор универсальной «системы всех наук», которую Энгельс подверг сокрушительной критике в «Анти-Дюринге». — 1: 128, 404—406, 411, 496, 572, 607.
- Дюро де ла Маль Адольф Жюль Цезарь Огюст* (1777—1857) — французский историк и экономист. — 1: 94, 590.
- Дюрхольт Шарль* (1803—1867) — конторщик из Нижнего Бармена, начинающий писатель. — 2: 490.
- Дюшатель Шарль* (1803—1867) — французский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел (1839, 1840 — февраль 1848); мальтузианец. — 1: 477; 2: 147.
- Евгений IV* — римский папа (1431—1447). — 1: 345.
- Евгения де Монтихо* (1826—1920) — французская императрица (1853—1870), жена Наполеона III. — 2: 598, 657.
- Еврипид* (480—406 гг. до н. э.) — 1: 175, 287, 290, 589, 598; 2: 642.
- Евстафий Солунский* (ум. ок. 1193 г.) — византийский писатель-богослов и церковный оратор, автор комментариев к «Илиаде» и «Одиссее». — 1: 277.
- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796). — 1: 401, 535.
- Елизавета* (1533—1603) — английская королева (1558—1603). — 1: 566; 2: 407.
- Жан Поль* — псевдоним *Иоганна Пауля Фридриха Рихтера* (1763—1825), известного немецкого писателя-юмориста. — 1: 302, 462; 2: 227—230, 476, 481.
- Жанен Жюль* (1804—1874) — французский писатель-романист, фельетонист и критик эпохи Луи-Филиппа. — 1: 403, 606.
- Женен Ф.* — французский ученый-филолог, издатель «Песни о Роланде». — 2: 331.
- Женни* — см. *Маркс Женни*.
- Жижка Ян* (1360—1424) — чешский национальный герой, вождь гуситского движения. — 1: 39, 40.
- Жискэ Анри Жозеф* (1792—1866) — парижский полицейский префект. — 2: 341.
- Жоффруа де Прельи* (XI в.) — французские хроники приписывают ему учреждение рыцарских турниров. — 1: 331.
- Зак Карл Генрих* (прозвище — *Бейтель*) (1789—1875) — протестантский теолог, ученик Шлейермахера, профессор теологии в Бонне. — 2: 78.
- Замельсон Александр* — один из организаторов шиллеровских торжеств в Манчестере. — 2: 320.

Занд Жорж — см. *Санд Жорж*.

Зандер Иммануил Фридрих (1797—1859) — проповедник в Вихлинггаузене, мистик, борец против рационализма. — 2: 482, 489.

Засс Фридрих (1819—1851) — немецкий публицист, «истинный социалист». — 2: 134, 136.

Засулич Вера Ивановна (1851—1919) — русская социал-демократка, в молодости — участница народнического движения, в 1883 г. — одна из основательниц группы «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП — меньшевичка. — 1: 64, 532, 619.

Зейдлиц — немецкий естествоиспытатель, дарвинист. — 2: 247.

Земмиг Фридрих Герман (Волопас) (1820—1897) — немецкий писатель, в середине 40-х годов — «истинный социалист». — 2: 117—123, 138—139, 612.

Зенон Элейский (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, представитель метафизического материализма, родоначальник субъективной диалектики понятий. — 1: 303, 304.

Зенф Эмиль — комиссар юстиции в провинции Познань, депутат франкфуртского Национального собрания. — 1: 67, 69.

Зеркала рыцарь — см. *Шнаке Ф.*

Зибель Карл — поэт, родственник Ф. Энгельса. — 1: 28, 551; 2: 281, 313, 319, 320, 334, 368—369.

Зибер Николай Иванович (1844—1888) — русский экономист. — 1: 618.

Зикинген Франц фон (1481—1523) — немецкий рыцарь, военный и политический руководитель восстания швабских и рейнских рыцарей в 1522 г.; по материалам этого восстания написана драма Ф. Лассала «Франц фон Зикинген». — 1: 16, 25, 30, 31, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 47, 51, 350, 352, 584—587.

Зимрок Карл (1802—1876) — немецкий поэт и филолог-германист. Автор переводов старонемецких произведений. Издатель немецких народных книг. — 2: 560, 563, 567, 652, 655.

Зингер Пауль (1844—1911) — немецкий социал-демократ, выходец из буржуазии, член партии с 1878 г., с 1887 г. — член правления партии, председатель ряда партийных съездов; с 1884 г. — член рейхстага, центрист. — 1: 561.

Зихфрит — сын Лодара, см. *Сигурд Лаудрисон*.

Зольгер Карл Вильгельм Фердинанд (1780—1819) — немецкий эстетик романтического направления. — 2: 387.

Зольте — член обществ «Молодая Америка» и «Ассоциация социальных реформ», проповедовавших в Америке в 1840-х гг. идеи аграрного коммунизма. — 2: 100.

Золя Эмиль (1840—1902) — французский романист, вождь натурализма во французской литературе. — 1: 11; 2: 269, 585, 656.

Зорге Фридрих Альберт (1828—1906) — немецкий революционер, участник баденского восстания 1849 г. В 1852 г. эмигрировал в Америку, где основал «Всеобщий немецкий рабочий союз». С 1872 по 1874 г. — секретарь Генерального совета I Интернационала. Корреспондент Маркса и Энгельса. — 1: 66, 80, 84, 484; 2: 272, 275, 278, 373, 376, 378, 379, 382.

Ибсен Генрик (1828—1906) — норвежский драматург. — 1: 123, 125, 575, 592; 2: 374.

Игнатьев Николай Павлович, граф (1832—1908), — русский дипломат и консервативный государственный деятель, с 1864 г. посланник в Кон-

- стантинополе, в 1881 г. министр государственных имуществ, затем министр внутренних дел. — 2: 264.
- Ида* — возлюбленная Э. Пиндара. — 1: 527.
- Изоkrat* (436—338 гг. до н. э.) — греческий оратор. — 1: 178.
- Имандт Петер* — член Союза коммунистов, участник революционного движения 1848—1849 гг., позднее — эмигрант в Швейцарии и в Англии. — 2: 321.
- Иммерман Карл* (1796—1840) — немецкий поэт и романист. — 2: 310, 465, 470, 506—514, 515, 648, 652.
- Иоганн принц Саксонский* (1801—1873) — с 1854 г. король Саксонии. — 2: 244.
- Иосс Фритц* (ум. ок. 1516 г.) — солдат из Унтергромбаха, деятель крестьянского движения в эпоху, предшествовавшую великой крестьянской войне 1525 г., восстановитель «Союзного башмака» на Верхнем Рейне. — 1: 30.
- Ирвинг Вашингтон* (1783—1859) — выдающийся американский писатель-романтик. — 1: 618.
- Ирвинг Генри* (1838—1905) — английский актер-трагик и режиссер. — 2: 603.
- Искандер-бей* — см. *Александр Македонский*.
- Итциг* — см. *Лассаль Фердинанд*.
- Иффланд Август Вильгельм* (1759—1814) — немецкий актер и театральный деятель, автор пьес, идеализирующих реакционный строй Германии и проникнутых мещанской моралью. — 2: 158.
- Ициштейн Иоганн* (1775—1855) — немецкий политический деятель, либерал. — 1: 515.
- Йонгхаус Петер* (род. в 1816 г.) — школьный товарищ Энгельса, впоследствии пастор. — 2: 474.
- Йордан Вильгельм* (1819—1904) — немецкий поэт, член левого крыла франкфуртского Национального собрания. — 1: 67—71, 589.
- Йосиф II* (1741—1790) — австрийский император (1766—1790). — 2: 124.
- Кабе Этьенн* (1788—1856) — французский коммунист-утопист; автор «Путешествия в Икарию» (1839). Основал коммунистическую колонию «Наувоо» в Иллинойсе (США). — 1: 383, 542; 2: 100, 114.
- Каликст II* (ум. в 1124 г.) — римский папа (1119—1124). — 1: 331.
- Кавальканти Гвидо* (ок. 1259—1300 гг.) — флорентийский поэт и философ, друг Данте. — 1: 340.
- Кавеньяк Луи Эжен* (1802—1857) — французский генерал и политический деятель, буржуазный республиканец; принимал участие в завоевании Алжира, после февральской революции 1848 г. губернатор Алжира; отличался варварскими методами ведения войны; с мая 1848 г. французский военный министр, с исключительной жестокостью подавил июньское восстание парижских рабочих; глава исполнительной власти (июнь — декабрь 1848 г.). — 1: 480, 612.
- Кайрнех* (526—598) — ирландский епископ. — 1: 321.
- Калачов Николай Васильевич* (1819—1885) — историк русского права. — 1: 618.
- Калонн де* (1734—1802) — министр финансов Людовика XVI (1783—1787). — 2: 253.
- Кальвин Жан* (1509—1564) — деятель реформации. Основатель одного из направлений протестантизма (кальвинизма). — 1: 106.

- Кальдерон Педро де ла Барка* (1600—1681) — великий испанский поэт и драматург. — 1: 369, 370; 2: 595, 600—603.
- Камозис Луис* (1524—1580) — великий португальский поэт. Создал национальный эпос — поэму «Лузиады» (1572). — 1: 398.
- Кампгаузен Людольф* (1803—1890) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — июне 1848 г. министр-президент Пруссии, вел предательскую политику соглашения с реакцией. — 1: 562, 2: 203.
- Кампбелл* — шотландский клан, принимавший участие в ряде якобитских восстаний XVIII в.; упоминается в романах В. Скотта. — 2: 591.
- Кампе Юлий* (1792—1867) — издатель в Гамбурге, издавал Г. Гейне и других левых писателей. — 2: 170, 364, 366, 506.
- Канепа Джузеппе* — итальянский социалист. — 1: 339—340.
- Каннинг Джорж* (1770—1827) — английский государственный деятель, министр иностранных дел и премьер-министр (1827), тори. — 1: 427—428.
- Кант Иммануил* (1724—1804). — 1: 100, 106, 410, 415, 492, 568, 611, 616—617; 2: 52, 189, 227, 229, 445, 518, 548, 593, 611.
- Капет Гуго* — французский король (987—996), родоначальник династии Капетингов. — 1: 332.
- Капетинги* — королевская династия во Франции (987—1328). — 1: 332.
- Каппер Зигфрид* (1821—1879) — чешский писатель, врач, автор лирических произведений на чешском и немецком языках. — 1: 533.
- Караджич Вук Стефанович* (1787—1864) — сербский писатель и филолог, реформатор литературного языка, собиратель произведений сербского народного творчества. — 1: 533, 557.
- Карден Ричард Уолтер* (род. в 1801 г.) — английский тори, член парламента. — 2: 344.
- Карл I* (1600—1649) — английский король (1625—1649), казнен во время английской буржуазной революции XVII в. — 1: 566.
- Карл IV* (1316—1378) — римско-германский император (1346—1378). — 1: 343, 344.
- Карл VIII* (1470—1498) — французский король (1483—1498). — 1: 340.
- Карл X* (1757—1836) — французский король (1824—1830). — 1: 429; 2: 516, 653.
- Карл Август* (1757—1828) — герцог саксен-веймар-эйзенахский, при дворе которого жил Гёте. — 1: 409, 519.
- Карл Великий* (742—814) — франкский король (с 768 г.) и римский император (800—814). — 1: 330, 331, 334; 2: 50, 565.
- Карл Моор Второй (Младший)* — см. *Мейснер Альфред*.
- Карл II Стюарт* (1630—1685) — английский король (1660—1685). — 1: 450, 553.
- Карл Смелый* (1433—1477) — бургундский герцог. — 1: 595.
- Карл Филипп Теодор* (1724—1799) — курфюрст пфальцский. — 2: 482.
- Карлейль Томас* (1795—1881) — английский писатель и философ-романтик. Создатель романтического «культа гения»; эволюционировал к реакции. — 1: 184, 419, 436—473, 595, 609, 610—611.
- Карлье Пьер* (1799—1858) — префект парижской полиции (1849—1851), бонапартист. — 2: 257.
- Карно Лазар Никола* (1753—1823) — французский математик, политический и военный деятель, буржуазный республиканец; в период французской буржуазной революции конца XVIII в. примыкал к якобинцам, в 1794 г. участвовал в контрреволюционном перевороте 9 термидора. — 1: 60.
- Каррель Арман* (1800—1836) — французский буржуазный публицист, либерал; один из основателей и редактор газеты «National». — 1: 429.

- Карвер Мориц* (1817—1895) — немецкий философ и эстетик, гегельянец. — 2: 232, 486, 642.
- Кассаньяк Адольф Гранье де* (1808—1880) — французский публицист и историк-бонапартист. — 1: 348, 525.
- Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — русский реакционный публицист, редактор «Московских Ведомостей» (с 1851 г.) и «Русского Вестника» (с 1856 г.). — 2: 264.
- Катон Старший* (234—149 гг. до н. э.) — римский консул и цензор, защитник аристократических привилегий; автор сочинения о земледелии. — 1: 180.
- Каутская Луиза* — австрийская социалистка, первая жена Карла Каутского; с 1890 г. — секретарь Ф. Энгельса. — 1: 10.
- Каутская Минна* (1835—1912) — мать К. Каутского, социал-демократическая писательница 80—90-х гг., автор ряда романов и повестей на социальные темы. — 1: 7—10, 581—582; 2: 272, 623.
- Каутский Карл* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии. Весной 1881 г. познакомился с Марксом и Энгельсом и под их влиянием некоторое время стоял на революционных позициях. В дальнейшем — один из вождей центризма и лидеров II Интернационала. В годы империалистической войны — социал-шовинист; после Великой Октябрьской революции — ренегат, враг Советского Союза. — 1: 10, 63, 65, 103, 104, 318, 359, 360, 573, 581, 603, 608; 2: 248, 264, 269, 274, 276, 380, 381, 641.
- Кауфман Илларион Игнатьевич* (1848—1916) — русский буржуазный экономист. — 1: 618.
- Кварк Макс* (1859—1930) — германский социал-демократ, реформист; в начале 1880-х гг. выступал в печати под именем Фрейвальд Тюрингер. — 2: 274.
- Келер Людвиг* (1819—1862) — немецкий писатель, в середине 40-х гг. «истинный социалист». — 2: 138.
- Кемпбель Джордж, сэр* (1824—1892) — английский чиновник в Индии, занимавший здесь различные административные посты в период 1842—1874 гг.; с 1875 г. — член парламента, либерал. — 1: 398.
- Кенэ Франсуа* (1694—1774) — французский экономист, основатель школы физиократов, по профессии врач. — 1: 132, 591.
- Кеплер Иоганн* (1571—1630) — великий немецкий астроном, основатель европейской астрономии нового времени. — 1: 409; 2: 577.
- Кеппен Карл Фридрих* (1808—1863) — немецкий радикальный публицист и историк, младогегельянец. — 2: 498, 610, 643.
- Керрер Белл* — псевдоним английской романистки Шарлотты Бронте (см.).
- Кернер Теодор* (1791—1813) — немецкий поэт и драматург; погиб во время освободительной войны против Наполеона. — 2: 600, 657.
- Кертцалфад* — воин короля Бриана Борумха (см.). — 1: 325, 327.
- Кестер Генрих* (1807—1881) — немецкий филолог, педагог, друг Ф. Фрейлиграта. — 2: 483, 486.
- Кестлин Карл Рейнгольд* (1819—1894) — младогегельянский богослов и эстетик. — 2: 507.
- Кетхен* — см. *Фрейлиграт Екатерина*.
- Кимбет* (ок. 300 г. н. э.) — король Ольстера (Северная Ирландия). — 1: 320.
- Кинкель Готфрид* (1815—1882) — немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г.; был осужден, бежал из тюрьмы и жил в Лондоне как эмигрант, выступал против Маркса. —

- 1: 612; 2: 170—215, 305, 308—309, 310, 311, 312—318, 321, 323—325, 327, 329, 330, 334, 335, 349, 599, 615—617, 620, 630—633, 635.
- Кинкель Иоганна (урожд. Моккель)* (1810—1858) — писательница, жена Готфрида Кинкеля. — 2: 174, 183—184, 186—189, 197—199, 201, 216, 310, 311, 314—316, 327, 329, 349, 615, 616, 620, 633.
- Кинкель Иоганна* — сестра поэта Г. Кинкеля. — 2: 174, 182.
- Кинтана Мануэль Хосе дон* (1772—1857), — испанский поэт, участник войны за независимость, секретарь Центральной хунты. — 1: 369.
- Киприан* — публицист, автор книг о южных славянах (1843—1851). — 1: 533.
- Китс Джон* (1795—1821) — английский поэт-романтик. — 1: 618.
- Клайв Роберт*, барон (1725—1774) — английский губернатор Бенгалии (1765—1766), один из завоевателей Ост-Индии. — 1: 214.
- Кларикард Улик Джон де Бург*, маркиз (1802—1874), — английский политический деятель и дипломат, посол в Петербурге (1838—1841), член палаты лордов, виг. — 1: 526.
- Клапка Дьердь* (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии (1848—1849), автор «Истории венгерской войны»; после поражения революции — эмигрант. — 1: 400; 2: 344—345, 637.
- Клапрот Генрих Юлий фон* (1783—1835) — немецкий ориенталист, исследователь языков Азии и Кавказа. — 1: 533.
- Клаузен* — учитель гимназии в Эльберфельде. — 2: 485.
- Клаузен Генрих* — псевдоним *Карла Геуна* (1771—1854), немецкого писателя, автора сентиментально-эротических романов. — 2: 178, 185, 354, 470.
- Клейн Карл Вильгельм* — ремесленник из Золингена; участник эльберфельдского и золингенского восстаний 1849 г. — 1: 347.
- Клейн Эрнст Фердинанд* (1744—1810) — немецкий юрист, автор работ по уголовному и гражданскому праву. — 2: 387.
- Клейн Юлиус Леопольд* (1810—1876) — немецкий драматург и театральный критик. — 2: 528.
- Клейст-Ретцов Ганс Гуго* (1814—1892) — прусский политический деятель консервативного направления. — 1: 58.
- Климент VI* (1291—1352) — римский папа (1342—1352). — 1: 343.
- Клопшток Фридрих Готлиб* (1724—1803) — немецкий поэт, автор «Мессиады». — 1: 411, 412, 505, 506, 608; 2: 170, 235, 462, 616.
- Клусс Адольф* — немецкий инженер, член Союза коммунистов, после 1849 г. эмигрировал в Америку; до 1854 г. — активный сторонник Маркса, в конце жизни — чиновник адмиралтейства. — 1: 347, 602; 2: 310.
- Кнапп Альберт* (1798—1864) — немецкий поэт-пиелист, автор церковных песен. — 2: 176, 195, 461, 556.
- Книгге Адольф* (1752—1796) — немецкий писатель, борец против иезуитов, масон. — 2: 235.
- Книлле Отто* (1832—1898) — немецкий художник. — 2: 601.
- Коббет Джон Морган* (1802—1877) — сын *Уильяма Коббета* (см.), член парламента, консерватор. — 1: 564, 566.
- Коббет Уильям* (1762—1835) — английский радикальный публицист, критик обеих британских правящих партий (тори и вигов) и всей официальной Англии, представителей которой он обличал в своих памфлетах. «Народный писатель» (Маркс). — 1: 81, 82, 122, 461, 564—567; 2: 258, 582.
- Кобден Ричард* (1804—1865) — манчестерский фабрикант, лидер английских фритредеров, глава Лиги борьбы против хлебных законов. — 1: 54, 437, 472, 567, 623; 2: 302, 363.

- Ковалевский Максим Максимович* (1851—1916) — русский ученый-социолог, историк и юрист, либеральный политический деятель. — 1: 132, 618; 2: 603.
- Козегартен Вильгельм* (1792—1868) — немецкий реакционный публицист, проповедовал возврат к средневековью. — 1: 187.
- Кок Поль де* (1794—1871) — французский романист. — 1: 573; 2: 485, 582.
- Кокоский Самуэль* (1838—1893) — немецкий социал-демократ; в 1874 г. перевел на немецкий язык брошюру Ф. Энгельса и П. Лафарга «Альянс социалистической демократии». — 1: 83, 84.
- Колар (Коллар) Ян* (1793—1852) — чешский поэт и филолог. — 1: 534.
- Кольб Густав Эдуард* (1798—1865) — редактор аугсбургской «Всеобщей газеты». — 2: 327, 635.
- Кольридж Самуэль Тейлор* (1772—1834) — английский поэт из группы романтиков «озерной школы». — 1: 618.
- Комп Альберт* — корреспондент филиала Дармштадтского банка в Нью-Йорке, друг И. Вейдемейера. — 2: 342.
- Конайнг* — ирландский военачальник, родственник короля Бриана. — 1: 326.
- Кондильяк Этьенн Бонно* (1715—1780) — французский философ-просветитель, сенсуалист, последователь Локка. — 1: 381.
- Констан де Ребекк Анри Бенжамен* (1767—1830) — французский публицист и либеральный политический деятель. Автор романа «Адольф». — 1: 130.
- Коперник Николай* (1473—1543). — 2: 445.
- Копитар Варфоломей* (1780—1844) — словацкий ученый-лингвист, автор ряда работ по славянскому языкознанию. — 1: 534.
- Корк (V в.)* — король Мэнстера (Южная Ирландия). — 1: 321.
- Кормак Мак Кулинан* (836—908) — епископ Кашеля и король Мэнстера (901—908), считается одним из первых ирландских законодателей. — 1: 322.
- Кормак Улфада* (ум. в 277 г.) — король Коннаута (Западная Ирландия) и верховный король Ирландии (с 258 г.) — 1: 323.
- Корнель Пьер* (1606—1684) — великий французский драматург эпохи классицизма. — 2: 512, 541—542.
- Коссидьер Марк* (1809—1861) — французский левый республиканец, префект республиканской полиции в Париже в 1848 г. — 1: 54, 60.
- Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — русский историк и беллетрист. — 1: 618.
- Котта Иоганн Фридрих* (1764—1832) — владелец издательской фирмы в Аугсбурге и Штуттгарте. — 2: 216, 327, 391, 392.
- Коцебу Август Фридрих Фердинанд* (1761—1819) — немецкий драматург, реакционер, политический агент Священного Союза; убит студентом К. Зандом. — 1: 403, 560; 2: 158, 159, 461, 614, 619.
- Кошелев Александр Иванович* (1806—1883) — помещик, публицист-славянофил. — 1: 618.
- Кошут Лайош* (1802—1894) — венгерский революционер-демократ, борец за независимость, один из деятелей венгерской революции 1848—1849 гг. После поражения революции — эмигрант. — 1: 400; 2: 305, 344.
- Кравчинская Фанни Марковна (урожд. Личкус)* — в начале 70-х гг. участница революционного народнического движения в Петербурге; в 1879 г. эмигрировала за границу, где вышла замуж за С. М. Степняка-Кравчинского; после смерти мужа — издательница его сочинений. — 2: 605, 606.
- Крамер Иоганн Ульрих* (1706—1772) — профессор права в Марбурге, вольфианец. — 2: 389.

- Крамер Карл Готлоб* (1758—1817) — немецкий романист, автор сентиментальных рыцарских и разбойничьих романов. — 2: 178.
- Красс Марк Лициний* (115—53 гг. до н. э.) — римский полководец, в 71 г. подавил восстание Спартака; участник I триумvirата (Цезарь, Помпей и Красс). — 1: 365.
- Крейценах Теодор* (1818—1877) — второстепенный немецкий поэт-романтик, позднее ученый-филолог. — 2: 463, 478, 518.
- Крекер Эдуард* — немецкий купец в Лондоне, муж дочери Фрейлиграта, Екатерины. — 2: 354.
- Кремье Адольф* (1796—1880) — французский адвокат и буржуазный политический деятель, в 40-х гг. либерал; в период революции 1848 г. член временного правительства, в период второй республики — депутат Учредительного и Законодательного собраний. — 1: 479.
- Кретьен Флоран* (1541—1596) — один из авторов «Менипповой сатиры». — 1: 356.
- Крехер Паула фон* — прибыла в Лондон из Бреславля и пыталась войти в доверие Маркса и Энгельса, но была разоблачена как полицейский агент. — 2: 345.
- Криге Герман (Лев)* (1820—1850) — немецкий журналист, представитель «истинного социализма», во второй половине 40-х гг. возглавлял группу немецких «истинных социалистов» в Нью-Йорке. — 2: 97—100, 102, 104, 612.
- Кромвель Оливер* (1599—1658) — деятель английской буржуазной революции XVII в.; с 1653 г. — лорд-протектор Англии. — 1: 131, 461, 462, 566.
- Крот Рубен* (настоящее имя *Иоганн Егер*) (1480 — ок. 1539 г.) — немецкий ученый-гуманист. — 1: 353.
- Круг Вильгельм Траугот* (1770—1842) — немецкий философ-идеалист. — 1: 568; 2: 232.
- Круг Ф.-В.* — кандидат теологии, вуппертальский поэт. — 2: 490.
- Крузе* — учитель Эльберфельдского реального училища. — 2: 484.
- Круммахер Фридрих Вильгельм* (1796—1868) — немецкий теолог и проповедник, кальвинистский пастор, глава вуппертальских pietистов. — 2: 185.
- Ксенофонт* (ок. 430—355 гг. до н. э.) — древнегреческий историк. Автор «Греческой истории», «Анабасиса» и других произведений. По своим политическим убеждениям — противник афинской демократии, поклонник аристократической Спарты. — 1: 177.
- Кугельман Людвиг* (1830—1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г., член I Интернационала, корреспондент К. Маркса в Германии (1862—1874). — 1: 401, 528, 610; 2: 221, 351, 355, 597.
- Кугельман Франциска* — дочь Л. Кугельмана (см.) — 2: 592—602, 656, 657.
- Кузен Виктор* (1792—1867) — французский философ, основатель «эклектической школы», либеральный политический деятель; министр народного просвещения в 1840 г. — 1: 130; 2: 535, 653.
- Куланж* — см. *Фюстель де Куланж*.
- Кульман Георг* (род. в 1812 г.) — один из руководителей вейтлингенского движения в Швейцарии; «истинный социалист», политический шарлатан и провокатор. — 1: 249.
- Куно Фридрих Теодор* (1846—1934) — немецкий социалист, делегат Гаагского конгресса I Интернационала; впоследствии участник рабочего движения в Америке; по профессии инженер — 1: 564.
- Кунце А.* — второстепенный немецкий литератор. — 2: 232.

- Купер Джемс Фенимор* (1789—1851) — американский писатель, автор серии романов из жизни американских индейцев и истории колонизации Северной Америки. — 1: 575, 624; 2: 591.
- Купер Томас* (1759—1840) — американский демократический публицист, экономист, последователь классической школы в политической экономии: 1: 249.
- Курбе Густав* (1819—1877) — французский живописец-реалист, деятель Парижской Коммуны. — 1: 237, 596.
- Курье де Море Поль Луи* (1772—1824) — демократический публицист эпохи Реставрации. — 1: 81, 189.
- Кэмден Вильям* (1551—1623) — английский историк, автор капитального труда по истории Англии, Шотландии и Ирландии. — 1: 328.
- Кэри Генри Чарлз* (1793—1879) — американский буржуазный экономист, апологет капитализма, проповедовал гармонию классовых интересов. — 1: 393, 605.
- Кюве Жорж* (1769—1832) — французский естествоиспытатель, зоолог и палеонтолог, отстаивал теорию катастроф. — 1: 97; 2: 582.
- Кюне Густав* (1806—1888) — немецкий писатель-младогерманец. — 1: 584; 2: 463, 465—467, 476, 518, 527, 529—532, 542, 647, 654.
- Лабичкий Иосиф* (1802—1881) — чешский музыкант, капельмейстер придворной капеллы в Карлсбаде (Карловых Варах). — 2: 601.
- Лабриола Антонио* (1843—1904) — итальянский публицист; в конце 70-х гг. отошел от либерализма и приблизился к марксизму, находясь под влиянием Энгельса, с которым он переписывался; написал книгу «Об историческом материализме», которую В. И. Ленин назвал «превосходной»; в этот период Лабриола вел борьбу с различными извращениями марксизма, с ревизионизмом. — 1: 377, 2: 278—279.
- Лавров Петр Лаврович* (1823—1900) — философ и социолог, один из теоретиков народничества, друг Маркса и Энгельса. — 1: 598, 618.
- Лагард Огюст Мари де* (род. в 1720 г.) — французский дипломат, генерал, посол в Мадриде. — 1: 426.
- Лазарь* — см. *Лассаль Ф.*
- Ламарк Максимилиан* (1770—1832) — французский генерал, один из видных деятелей либеральной оппозиции в период Реставрации и июльской монархии. — 1: 497.
- Ламартин Альфонс* (1790—1869) — французский поэт-романтик, историк и буржуазный политический деятель. Министр иностранных дел республиканского временного правительства в 1848 г. — 1: 463, 474—481, 612; 2: 300.
- Ламеннэ Фелиситэ Робер* (1782—1865) — французский писатель, один из родоначальников христианского социализма. — 1: 429; 2: 100.
- Ламетри Жюльен* (1709—1751) — французский врач и философ, видный представитель механистического материализма. — 1: 381.
- Ланге Фридрих Альберт* (1828—1875) — немецкий публицист и философ, один из основоположников неокантианства. — 1: 411.
- Лангевиче Вильгельм* — книготорговец в Бармене и Изерлоне, выступавший на литературном поприще под псевдонимом W. Jemand (В. Некто). — 2: 474, 488.
- Ланццолле Карл Вильгельм Делез* (1790—1871) — немецкий юрист и историк. — 1: 187.
- Ланчеллотти Секонд* (1570—1643) — итальянский аббат, историк. — 2: 389.

Ланландец — см. *Андерс*.

Ларошфуко (Рошфуко) Франсуа, герцог (1613—1680) — французский писатель-моралист и политический деятель времен Фронды. — 1: 374, 375, 604.

Ласкер Отто — брат Э. Ласкера (см.). — 2: 247.

Ласкер Эдуард (1829—1884) — германский политический деятель. Один из основателей и лидеров национал-либеральной партии. — 1: 80; 2: 247.

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — немецкий адвокат, участник революции 1848 г., гегельянец. С конца 50-х гг. начал вести агитацию среди рабочих. В 1863 г. стал во главе первой массовой пролетарской организации Германии — Всеобщего германского рабочего союза. Поддерживая политику объединения Германии «сверху», под гегемонией контрреволюционной Пруссии, пытался добиться соглашения с правительством Бисмарка. Автор ряда теоретических работ, ставших одним из источников оппортунизма в рабочем движении. — 1: 15, 17, 23, 24, 27, 32, 51, 52, 63, 80, 132, 377, 436, 494, 574, 584—588, 605, 613, 624; 2: 246—271, 294, 301, 304, 335, 336, 350—352, 622, 623, 627, 631, 635, 637.

Лаубе Генрих (1806—1884) — немецкий писатель, младогерманец. — 1: 584; 2: 154, 466, 476, 526, 529, 530, 531, 532, 551, 647, 649, 651, 653.

Лаура — см. *Маркс Лаура*.

Лаутербах Вольфганг Адам (1618—1678) — немецкий правовед, один из крупных юристов XVII в. — 2: 389.

Лафарг Лаура — см. *Маркс Лаура*.

Лафарг Поль (1842—1911) — один из первых вождей марксистского крыла во французском рабочем движении. Член I Интернационала. Организатор французской социалистической рабочей партии (1880). Автор многочисленных пропагандистских произведений, популяризирующих марксизм, и работ историко-культурного и литературного характера. Муж младшей дочери Маркса, Лауры. — 1: 593; 2: 269, 278, 374, 379, 581, 583—585, 656.

Ла Ферронэ Пьер Луи Огюст (1777—1842) — французский дипломат. — 1: 427.

Лафонтен Август (1758—1831) — немецкий писатель-романист, представитель сентиментализма. — 2: 131.

Лаффит Жак (1767—1844) — французский банкир и политический деятель, орлеанист, представитель финансовой буржуазии. — 2: 147.

Лазгайр (ум. в 458 г.) — верховный король Ирландии (428—458). — 1: 321.

Лев — см. *Криге Герман*.

Левальд Август (1792—1871) — немецкий писатель, близко стоявший к литературной группе «Молодая Германия», основатель и редактор либерального журнала «Еигора» (1835—1846). — 2: 467, 487.

Левальд — защитник Эйхгофа в процессе Эйхгоф — Штибер. — 2: 341.

Левассер Рене (1747—1834) — врач, деятель французской буржуазной революции XVIII в., якобинец, автор известных мемуаров о французской революции. — 1: 567.

Леве фон Кальбе Вильгельм (1814—1886) — член франкфуртского Национального собрания в 1848 г., позднее член рейхстага, национал-либерал. — 1: 59; 2: 292.

Левер Чарлз Джемс (1806—1872) — английский писатель-реалист. — 1: 530; 2: 582.

Левьерь Урбен Жан Жозеф (1811—1877) — выдающийся французский астроном. — 1: 510.

Леви Густав — немецкий социалист, член Всеобщего германского рабочего союза, лассальянец. — 2: 342.

- Ледрю-Роллен Александр Огюст* (1807—1874) — французский адвокат и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазных демократов, редактор газеты «La Réforme», член временного правительства (1848). — 1: 480; 2: 219.
- Лейбниц Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — великий немецкий математик и философ-идеалист. — 1: 376, 381, 382, 409, 561.
- Леклер Александр* — парижский коммерсант, сторонник партии порядка, участник подавления июньского восстания рабочих в 1848 г. — 1: 486.
- Лелевель Иоахим* (1786—1861) — польский историк и революционер, участник восстания 1830 г., позднее — эмигрант. Автор «Истории Польши». — 1: 68, 69, 488, 567.
- Лемпло Джон Вильям* (1859—1926) — английский геолог, впоследствии академик, председатель геологического общества в Лондоне. — 1: 373.
- Ленау Николай* (псевдоним *Николая фон Штреленау*) (1802—1850) — австрийский поэт-романтик. — 2: 465, 467, 518, 521.
- Ленгленд Уильям* (ок. 1332—1377 гг.) — английский поэт, автор аллегорической антифеодальной поэмы «Видение о Петре-Пахаре». — 1: 357, 358.
- Ленгэ Симон Никола Анри* (1736—1794) — французский адвокат; публицист, историк и экономист, критик теории физиократов. — 1: 133, 366.
- Ленхен* — см. *Демут Елена*.
- Лео Генрих* (1799—1878) — немецкий консервативный историк и публицист. — 1: 187; 2: 474, 533, 537, 645.
- Леопольд* (1676—1747) — герцог Дессауский. — 1: 409.
- Лермонтов Михаил Юрьевич* (1814—1841). — 2: 595.
- Ле Руа Пьер* (XVI в.) — каноник, сатирический поэт, один из авторов «Менипповой сатиры». — 1: 356.
- Леруа* — см. *Сент-Арно*.
- Лессинг Готхольд Эфраим* (1729—1781) — немецкий писатель и критик. Глава демократического крыла немецкого Просвещения. — 1: 103, 104, 192, 354, 410—411, 413, 505—506, 536—537, 590, 603, 608; 2: 387, 448, 462, 470, 476, 588.
- Лессинг Карл Фридрих* (1808—1880) — немецкий художник, исторический живописец и пейзажист. — 2: 573.
- Леске Карл Вильгельм* — книгоиздатель в Дармштадте, демократ. — 2: 288.
- Либих Юстус* (1803—1873) — выдающийся немецкий ученый, один из основателей агрохимии. — 1: 500.
- Либкнехт Вильгельм* (1826—1900) — член Союза коммунистов. Участник баденских восстаний 1848—1849 гг. После 1848 г. эмигрировал в Лондон. Один из основателей немецкой социал-демократической партии. Друг Маркса и Энгельса. — 1: 63, 83, 560; 2: 273, 293, 325, 327, 328, 330, 331, 335, 338, 339, 352, 377, 585—590, 623, 633, 635.
- Либкнехт Наталия* (урожд. *Ре*) (1837—1909) — вторая жена В. Либкнехта. — 2: 272.
- Ливер* — см. *Леввер Чарлз Джемс*.
- Ливий Тит* (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — древнеримский историк. — 1: 589.
- Лина* — см. *Шелер Лина*.
- Линдау Пауль* (1839—1919) — немецкий буржуазный писатель и журналист, редактор журнала «Gegenwart» (1839—1919) и «Nord und Süd» (1878—1904). — 2: 268.
- Линк* — участник шиллеровских торжеств 1859 г. в Манчестере. — 2: 320.
- Лит* — заведующий женской школой в Эльберфельде. — 2: 488

- Лихновский Феликс*, князь (1814—1848) — член франкфуртского Национального собрания 1848 г., легитимист; был убит восставшими крестьянами в сентябре 1848 г. Выведен под именем Шнаппганского в романе Г. Вертера «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского». — 1: 370; 2: 359.
- Ло Джон* (1671—1729) — английский буржуазный экономист и финансист, министр финансов во Франции (1719—1720); известен своей спекулятивной деятельностью по выпуску бумажных денег, закончившейся грандиозным крахом. — 2: 407.
- Лодар* — ярл Оркнейских островов. — 1: 326—327.
- Лойд Самюэл Джонс* (1796—1883) — английский банкир и экономист-рикардианец. — 2: 105.
- Локк Джон* (1632—1704) — английский философ-сенсуалист, непоследовательный материалист. — 1: 100, 131, 380—382, 386, 388, 390.
- Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765). — 1: 619.
- Лонг* (IV или V в. н. э.) — древнегреческий софист, автор пастушеского романа «Дафнис и Хлоя». — 1: 316.
- Лонге Жан (Джонни)* (1876—1938) — сын Ж. Маркс и Ш. Лонге, внук К. Маркса, впоследствии адвокат, французский социалист, реформист, основатель газеты «Populaire». — 2: 580.
- Лонге Женни* — см. *Маркс Женни*.
- Лонге Шарль* (1833—1903) — французский социалист, прудонист, член Генерального совета I Интернационала и Парижской Коммуны, муж дочери Маркса, Женни. — 1: 494, 581; 2: 248.
- Лопатин Герман Александрович* (1845—1918) — русский революционер-народник; живя в Лондоне, сблизился с Марксом, которого информировал о положении дел в России. Член I Интернационала; вместе с Н. Даниельсоном — переводчик I тома «Капитала» Маркса. — 1: 544, 618; 2: 579.
- Лопе де Вега Карнио Феликс* (1562—1635) — великий испанский драматург. — 2: 602.
- Лоренцо Ансельмо* (1841—1915) — испанский социалист, рабочий-типограф; член I Интернационала, делегат Лондонской конференции 1871 г., генеральный секретарь испанского федерального совета (1872). — 2: 602—603.
- Лориа Ахилл* (1857—1926) — итальянский буржуазный экономист-социолог. — 1: 338.
- Лохнер Георг* (род. ок. 1824 г.) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, эмигрировал в Лондон, член Генерального совета I Интернационала (1864, 1866 и 1871—1872), сотрудник Маркса. — 2: 232, 654.
- Лознштейн Даниэль Каспар фон* (1635—1683) — немецкий драматург, поэт и романист, один из представителей второй силезской школы. Автор известного романа «Арминий и Туснельда». — 2: 543.
- Лугард Себастьян* — друг Г. Кинкеля, член союза «Майских жуков». — 2: 187.
- Луи Бонапарт* — см. *Наполеон III*.
- Луи Наполеон* — см. *Наполеон III*.
- Луи Филипп Орлеанский* (1773—1850) — французский король (1830—1848). — 1: 14, 403, 429, 566, 583; 2: 148—149, 291, 296, 582, 610, 626, 627.
- Лукиан* (ок. 120—180) — древнегреческий писатель-сатирик; автор диалогов, осмеивающих эпоху упадка античной культуры. — 1: 53, 299, 307, 308, 600.
- Лукреций Кар Тит* (98—55 гг. до н. э.) — древнеримский поэт и философ-материалист, автор философской поэмы «О природе вещей». — 1: 94, 299, 303—305, 600.

Лукулл Луций Луциний (ок. 110—56 гг. до н. э.) — древнеримский полководец, соперник Цезаря; во время своих походов в Грецию и Азию награбил колоссальные богатства. — 1: 365.

Лупус — см. *Вольф Вильгельм*.

Людмила — см. *Ассинг Людмила*.

Людвиг V (1478—1544) — курфюрст Пфальцский (1508—1544); участвовал в подавлении рыцарского восстания 1522—1523 гг.; один из организаторов расправы с крестьянским восстанием во Франконии в 1525 г. — 1: 352.

Людвиг I Баварский (1786—1868) — баварский король. — 1: 506, 615; 2: 140, 145, 153, 614, 648.

Люден Генрих (1780—1847) — немецкий буржуазный историк, профессор в Иене. — 2: 387.

Людovic VI (Толстый) (ок. 1081—1137) — французский король (1108—1137) из династии Капетингов. Значительно укрепил королевскую власть. — 1: 332.

Людovic IX (Святой) (1215—1270) — французский король (1226—1270). — 1: 429.

Людovic XI (1423—1483) — французский король (1461—1483). — 1: 351.

Людovic XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715). — 1: 131, 520, 548; 2: 8, 540, 542.

Людovic XV (1710—1774) — французский король (1715—1774). — 2: 508.

Людovic XVI (1754—1793) — французский король (с 1774 г.); казнен 21 января 1793 г. — 1: 209.

Людovic XVIII (1755—1824) — французский король (1814—1824). — 1: 424, 427—429.

Люнинг Отто (1818—1868) — немецкий врач и публицист, в середине 40-х гг. — представитель «истинного социализма». — 2: 103, 104, 106, 107, 110, 111, 118, 612.

Лютер Мартин (1483—1546) — вождь религиозно-реформатского движения против папства в Германии. — 1: 20, 26, 41, 45, 130, 346, 353—355, 594, 602; 2: 445, 545.

Мабли Габриель Бонно де (1709—1785) — аббат; французский просветитель, утопический коммунист. — 1: 133, 378.

Мавр — прозвище Маркса.

Магомет (Мухаммед) (570—632) — основатель мусульманской религии. — 1: 271, 332; 2: 234.

Мадзини Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей национально-освободительного движения в Италии, в 1849 г. глава временного правительства Римской республики, в 1850 г. — один из организаторов Центрального комитета европейской демократии в Лондоне. — 2: 219.

Майер Густав — биограф Энгельса. — 1: 51.

Майергофер — заместитель военного министра в баденском временном правительстве в 1849 г., предательски саботировал необходимые военные мероприятия. — 2: 206.

Макай Чарлз (1814—1889) — шотландский писатель; в 1862—1865 гг. был военным корреспондентом лондонской газеты «Таймс» в Соединенных Штатах. — 2: 260.

Макиавелли Николо (1469—1527) — флорентийский политический писатель и историк эпохи Возрождения. — 1: 339, 346.

- Мак Кэллох Джон Рамси* (1789—1864) — английский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 1: 179, 189, 201, 202.
- Маколей Томас Бабингтон*, барон (1800—1859) — английский историк и политический деятель, либерал, член парламента. — 1: 361.
- Макрин* (164—218) — римский император (217—218). — 1: 309.
- Макс Святой* — см. *Штирнер Макс*.
- Макферсон Джеймс* (1736—1796) — шотландский поэт, автор «Песен Оссиана» — сентиментальной обработки старинных кельтских сказаний. — 1: 323.
- Малахия* — см. *Маолсеахлайн*.
- Малон Бенуа* (1841—1893) — французский мелкобуржуазный социалист, левый прудонист; с 1865 г. член I Интернационала, бакунист, участник Парижской Коммуны (сторонник «меньшинства»), после подавления Коммуны — эмигрант в Швейцарии; в 1880 г. один из лидеров социалистов. — 2: 217, 641.
- Мальбранш Никола* (1638—1715) — французский философ-идеалист. — 1: 381, 382.
- Мальтус Томас Роберт* (1766—1834) — английский священник, экономист. Выдвинул теорию абсолютного перенаселения и пропагандировал ограничение рождаемости в среде рабочего класса как единственное средство борьбы с нищетой. Антинаучная теория Мальтуса как апология капиталистической эксплуатации, имела огромный успех в буржуазных кругах, несмотря на то, что она была целиком спланирована им у предшественников. — 1: 78, 118—122, 231, 591.
- Мальт Пес* — см. *Гартман Мориц*.
- Мандевиль Бернанд де* (1670—1733) — английский писатель-моралист и сатирик. 1: 216—217, 382, 396, 397, 566, 606.
- Мантейфель Отто Теодор*, барон (1805—1882) — реакционный прусский государственный деятель; министр внутренних дел (ноябрь 1848 г. — ноябрь 1850 г.), в 1849 г. депутат первой и второй палат, министр-президент (1850—1858). — 1: 526; 2: 145.
- Маолморда* (ум. в 1014 г.) — король Лейнстера (Восточная Ирландия) с 999 г. — 1: 324, 326.
- Маолсеахлайн* (ум. в 1022 г.) — король Тара (980—1001), затем король Мита (Восточная Ирландия), после смерти короля *Бриана Борумхи* (см.) — его преемник. — 1: 326.
- Марбах Освальд Готгард* (1810—1890) — немецкий поэт, издатель немецких народных книг. — 2: 560, 561, 563—567, 655.
- Марвиц Фридрих Август Людвиг* (1777—1837) — прусский генерал, участник национально-освободительных войн. — 1: 423.
- Марграф Герман* (1809—1864) — немецкий писатель и публицист. — 2: 476.
- Маргейнке Филипп Конрад* (1780—1846) — немецкий теолог-гегельянец. — 2: 171.
- Маргольм Л.* — псевдоним *Лауры Хансон* (род. в 1854 г.) — немецкой писательницы, поборницы женского равноправия. — 1: 592.
- Мари Александр* (1795—1870) — французский адвокат и политический деятель, либерал, умеренный буржуазный республиканец, в 1848 г. член временного правительства. — 1: 479.
- Мария* (*Католичка*) (1516—1558) — английская королева (1553—1558). — 2: 407.
- Марко Поло* (1254—1323) — венецианец, путешественник; в 1271—1295 гг. посетил Китай. — 1: 338.

- Маркс Генрих* (1782—1838) — отец К. Маркса. — 2: 385—390, 590, 641, 642.
- Маркс Женни* (урожд. фон Вестфален) (1814—1881) — жена К. Маркса. — 2: 289, 303, 324, 332, 346, 347, 348, 352, 386, 389, 583, 589, 590, 597, 629, 642, 656.
- Маркс Женни* (1844—1883) — старшая дочь К. Маркса, с 1872 г. жена французского социалиста Шарля Лонге. — 1: 205, 495, 530, 581; 2: 248, 309, 578, 579, 583, 589, 596—598, 602, 656.
- Маркс Лаура* (1845—1911) — дочь К. Маркса, с 1868 г. жена Поля Лафарга; видная деятельница французского рабочего движения. — 2: 380, 578, 583, 589, 655.
- Маркс Элеонора* (1856—1898) — младшая дочь К. Маркса, с 1884 г. жена Эдуарда Эвелинга; активная участница английского и международного рабочего движения. — 1: 317, 435, 575, 590; 2: 373, 376, 379, 380, 578, 579, 583, 589, 590—592, 601, 602, 639, 640, 650, 655—657.
- Маркус* — доктор, участник шиллеровского юбилея 1859 г. в Манчестере. — 2: 320.
- Марраст Арман* (1801—1852) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров умеренных, буржуазных республиканцев, редактор газеты «National»; в 1848 г. — член временного правительства и мэр Парижа, председатель Учредительного собрания (1848—1849). — 1: 479.
- Марриэт Фредерик* (1792—1848) — английский романист, автор приключенческих романов из жизни моряков. — 1: 530; 2: 475, 591.
- Мартиньетти Паскаль* — переводчик на итальянский язык работ Энгельса: «Развитие социализма» (Беневенто, 1883) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Беневенто, 1885). — 1: 85.
- Марто* — книгоиздатель в Кельне. — 2: 467.
- Марштейн* — легендарный властитель Ирландии. — 1: 324.
- Масоль Мари Александр* (1805—1875) — французский философ и публицист; в начале 40-х гг. — сен-симонист, затем прудонист, сотрудник газеты «Réforme». — 1: 61.
- Мастерс В.-И.* — торговец вином в Лондоне. — 2: 306.
- Матильда* — см. *Гейне Матильда*.
- Мединг* — см. *Самаров Грегор*.
- Мезер Юстус* (1720—1794) — немецкий консервативный публицист и историк, автор «Патриотических фантазий» (1774—1786). — 1: 187.
- Мейен Эдуард* (1812—1870) — немецкий публицист, младогегельянец; впоследствии национал-либерал. — 1: 483; 2: 537, 622, 654.
- Мейендорф*, баронесса, — авантюристка, любовница графа Эдмунда Гатцфельда. — 2: 294, 627.
- Мейер Зигфрид* (1840—1872) — немецкий социалист, член I Интернационала. С 1867 г. жил в Америке. Активный участник американского рабочего движения, один из основателей Нью-Йоркского всеобщего немецкого рабочего союза. Вел переписку с К. Марксом. — 1: 431, 531, 609.
- Мейер Юлиус* (ум. в 1867 г.) — вестфальский предприниматель и публицист, в середине 40-х гг. — «истинный социалист». — 2: 102, 612.
- Мейерер Герман* (1813 — ок. 1882 г.) — немецкий писатель демократического направления, член Союза отверженных, а затем Союза справедливых. — 2: 232, 290.
- Мейснер Альфред* («Карл Моор» Второй (Младший)). «Орион» (1822—1855) — немецкий поэт, романист и драматург, в 40-х гг. — «истинный социалист». — 2: 123, 124, 125, 126—132, 232, 292, 319, 320, 612.

- Меланхтон Филипп* (1497—1560) — немецкий богослов, ближайший помощник Лютера, враждебно относился к революционным идеям Томаса Мюнцера. — 1: 354.
- Меллине Франсуа* (1768—1852) — бельгийский генерал, француз по происхождению; активный участник бельгийской буржуазной революции 1830 г. и демократического движения в Бельгии, почетный председатель брюссельской Демократической ассоциации. — 1: 567.
- Мельбурн Уильям*, виконт (1779—1848) — английский политический деятель, виг, премьер-министр (1835—1841). — 1: 526.
- Мен Томас* (1571—1641) — английский экономист, меркантилист. — 1: 96, 591.
- Мендельсон Моисей* (1729—1852) — немецкий философ-просветитель, друг Лессинга. — 1: 411—412, 608.
- Мендельсон Арнольд* (1818—1854) — друг Лассалья. — 1: 16.
- Менений Агриппа* (ум. в 493 г. до н. э.) — римский патриций. — 1: 76, 152, 589, 594.
- Менке* — немецкий картограф, составитель исторического атласа по географии средневековой Европы. — 1: 408.
- Менипп* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт и сатирик, принадлежащий к кинической школе; его именем была названа «Мениппова сатира», направленная против реакционной феодально-католической Лиги. — 1: 356.
- Ментенон Франсуаза д'Обинье*, маркиза (1635—1719) — фаворитка, позднее жена Людовика XIV. — 2: 541, 543.
- Менцель Вольфганг* (1793—1873) — немецкий критик и публицист; в 20-х гг. — либерал, позднее перешел на сторону реакции, выступал против «Молодой Германии». — 1: 508, 523; 2: 465, 466, 476, 478, 650.
- Меринг Франц* (1846—1919) — один из вождей левого крыла германской социал-демократии, член союза «Спартак», в 1918—1919 гг. один из основателей коммунистической партии Германии, крупный историк и литературовед. Автор работ о Марксе и Энгельсе, которые положили начало изучению биографии основоположников марксизма. — 1: 103—109, 424, 573, 582, 586, 590, 623, 624; 2: 267, 268, 624, 629, 631, 636, 642, 643.
- Меровинги* — первая династия франкских королей, основателем которой считается победивший аллеманов и вестготов король Хлодвиг (481—511). — 1: 332.
- Мерсье де ла Ривьер Поль Пьер* (1720—1794) — французский экономист, физиократ. — 1: 132.
- Местр Жозеф де* (1753—1821) — французский реакционный публицист, враг французской буржуазной революции конца XVIII в., один из идеологов реставрации. — 1: 424.
- Метастазιο Пьетро Антонио Доменико Бонавентура* (1698—1782) — итальянский поэт, автор оперных либретто. — 1: 369.
- Меттерних Клеменс Венцель Лотар*, князь (1773—1859), — австрийский реакционный государственный деятель, канцлер, фактический руководитель политики Священного союза. — 1: 426, 478, 534, 575, 596.
- Мид Эдуард* — английский рабочий; поэт, автор песни «Царь-пар». — 1: 557.
- Миклошич Франтишек (Франц)* (1813—1891) — ученый, филолог, словенец по национальности, автор ряда работ по славянской филологии, основоположник сравнительной грамматики славянских языков. — 1: 534.
- Милль Джон Стюарт* (1806—1873) — английский буржуазный экономист и философ-позитивист. — 1: 189, 389, 538.

- Мильде Карл Август* (1805—1861) — сilesский фабрикант, один из представителей немецкой либеральной буржуазии; министр торговли в министерстве Ауэрсвальда — Ганземана (июнь — сентябрь 1848 г.), председатель прусского Национального собрания, где принадлежал к правому крылу. — 1: 562.
- Мильтон Джон* (1608—1674) — английский поэт, публицист и политический деятель, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», в которых он в библейских образах отразил пафос английской буржуазной революции. — 1: 196, 373, 379.
- Минна* — см. *Вернер Минна*.
- Мирабо Оноре Габриель Рикетти*, граф (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции XVIII в., один из вождей крупной буржуазии. — 2: 246.
- Мирхонд* (1433—1498) — персидский историк-компилятор. — 1: 336.
- Митридат Великий* (132—63 гг. до н. э.) — понтийский царь. — 1: 365.
- Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — русский публицист и литературный критик, идеолог либерального народничества, противник марксизма, глава «субъективной школы в социологии»; сотрудник «Отечественных записок». — 1: 549.
- Михелет Карл Людвиг* (1801—1893) — немецкий философ-идеалист, гегельянец, профессор Берлинского университета. — 2: 474.
- Мишель Франциск Ксавье* (1809—1887) — французский ученый-филолог. — 1: 331.
- Мозен Юлиус* (1803—1867) — немецкий писатель, элигон романтического направления. — 2: 391—393, 463, 488, 528.
- Мойрер* — см. *Мейрер Герман*.
- Моккель Иоганна* — см. *Кинкель Иоганна*.
- Мольер (Покелен) Жан Батист* (1622—1673). — 2: 7, 258, 610.
- Монморанси Матье Жан Фелиситэ* (1760—1826) — французский политический деятель, министр иностранных дел, представитель Франции на Веронском конгрессе. — 1: 425.
- Монпансье Антуан Мари Филипп Луи*, герцог (1824—1890) — сын Луи Филиппа. — 2: 93.
- Монталамбер Марк Рене*, маркиз (1713—1799) — французский военный инженер, специалист по военным укреплениям. — 1: 346.
- Монтанус Эремита* — см. *Цуккальмало Винченца*.
- Монтейль (Монтей) Аман Алексис* (1769—1850) — французский историк, автор «Истории французов». — 1: 547, 548; 2: 25, 110.
- Монтень Мишель* (1533—1592) — выдающийся французский философ-скептик и писатель эпохи Возрождения. — 1: 416.
- Монтескье Шарль Луи*, граф (1689—1755) — французский просветитель, идеолог либеральной буржуазии. — 1: 106; 2: 429.
- Монтион Антуан*, барон (1733—1820) — французский филантроп, основатель монтионовской премии. — 2: 62.
- Монье Анри де ла Сизерани* (1797—1878) — французский писатель и политический деятель. — 2: 30.
- Мор Томас* (1478—1535) — английский политический деятель, лорд-канцлер, писатель-гуманист, один из ранних представителей утопического коммунизма, автор «Утопии». — 1: 358—360, 503.
- Морган Льюис Генри* (1818—1881) — американский этнолог и социолог, создавший эпоху в науке о доклассовом обществе. — 1: 273, 274, 276, 281, 287, 524, 597, 598, 601, 617.
- Морелли*, аббат — французский публицист XVIII в., утопический коммунист, автор сочинения «Кодекс природы». — 1: 378.

- Морель* — один из участников шиллеровских торжеств 1859 г. в Манчестере. — 2: 320.
- Мориц Саксонский* (1696—1750) — французский маршал, автор военно-теоретических работ, оказавших влияние на развитие буржуазного военного искусства XVIII в. — 2: 209.
- Моррис Уильям* (1834—1896) — английский социалист-утопист, поэт и художник; в 1883 г. примкнул к Социал-демократической федерации; в 1884 г. — один из организаторов Социалистической лиги, редактор журнала «Commonweal». — 2: 375—379, 640.
- Морфель* — немецкий малоизвестный писатель, писал в «Силезском альманахе муз» (1833). — 2: 467.
- Мосх* (II в. до н. э.) — древнегреческий поэт-идиллик. — 1: 293, 316.
- Мотт* — см. *Фуке де ла Мотт*.
- Моттелер* — жена Ю. Моттелера (см.). — 2: 272.
- Моттелер Юлиус* (1838—1907) — немецкий социал-демократ, один из основателей эйзенахской партии; в 1873—1878 гг. заведовал лейпцигской кооперативной типографией, в которой печаталась «Фольксштат», в годы исключительных законов организовал доставку газеты «Sozial-Demokrat» из Цюриха контрабандой в Германию, за что получил прозвище «Красного почтмейстера», с 1888 по 1905 г. жил в Лондоне. — 1: 560; 2: 272, 373.
- Моцарт Вольфганг Амадей* (1756—1791). — 1: 250, 410, 467, 597; 2: 258, 505, 611, 613, 622, 655.
- Мундт Теодор* (1808—1861) — немецкий писатель и издатель ряда журналов 30-х и 40-х гг. Принадлежал к «Молодой Германии»; с 1842 г. — приват-доцент берлинского университета. — 1: 584; 2: 232, 462, 463, 466, 467, 472, 476, 486, 517, 526, 529—531, 533, 542, 564, 647.
- Мур Сэмюэл* (ок. 1830 — 1912) — английский юрист, член I Интернационала, перевел на английский язык I том «Капитала» (вместе с Эвелингом) и «Манифест Коммунистической партии»; друг Маркса и Энгельса. — 1: 317, 529.
- Мур Томас* (1779—1852) — английский поэт-романтик, друг Дж.-Г. Байрона. В молодости был связан с ирландским освободительным движением. — 1: 320; 2: 599.
- Мурнер Томас* (1475—1537) — немецкий писатель-сатирик; выступал против реформации; сторонниками лютеранства был прозван «Гусиным проповедником». — 2: 166.
- Мурхад* — ирландский военачальник, сын короля *Бриана* (см.). — 1: 326.
- Муций Сцевола* — легендарный герой Древнего Рима; согласно преданию, сжег свою правую руку на глазах у осаждавшего Рим в 507 г. до н. э. этрусского царя в доказательство мужества и патриотизма римлян. — 2: 147.
- Мухаммед-Али* (1769—1849) — правитель Египта в 1805—1849 гг. В 1831—1833 и 1839—1840 гг. вел национально-освободительную войну с Турцией. — 2: 503, 652.
- Мюленбрух Христиан Фридрих* (1785—1843) — немецкий правовед. — 2: 389.
- Мюллер Иоганн* (1752—1809) — немецко-швейцарский историк, автор «Истории Швейцарии». — 1: 206.
- Мюллер Адам Генрих* (1779—1829) — немецкий реакционный публицист и социолог-романтик. — 1: 424, 488.
- Мюллер Христиан* — управляющий таможней в Лёррахе. — 2: 206.
- Мюллер-Геллеринг Эдгард фон* — журналист, венский корреспондент «Новой Рейнской газеты» (1848), в 50-х гг. эмигрировал в Лондон; участ-

- вовал в клеветнической кампании против Маркса. — 2: 342, 344, 345, 637.
- Мюльнер Адольф* (1774—1829) — немецкий драматург, один из представителей романтической трагедии рока. — 1: 216.
- Мюнцер Томас* (1490—1525) — вождь революционных крестьян и плебеев во время Великой крестьянской войны 1525 г. в Германии. — 1: 26, 41, 45, 46, 172, 345, 585, 594.
- Наполеон I* (1769—1821) — французский император (1804—1815). — 1: 54, 124, 130, 237, 410, 429, 482, 509, 596, 604; 2: 229, 486, 493, 494, 495, 512, 542, 545, 598, 652.
- Наполеон III* (1808—1873) — французский император (1852—1870). — 1: 54, 59—63, 117, 131, 373, 400, 414, 473, 481—483, 563, 588, 606, 608, 612, 617; 2: 220, 221, 222, 245, 251, 302, 306, 359, 583, 598, 620.
- Наут Стефан Адольф* — член Союза коммунистов в Кельне, издатель «Новой Рейнской газеты». — 2: 301.
- Неандер Аугуст* (1789—1850) — немецкий протестантский теолог и историк христианской церкви, реакционер. — 2: 473.
- Нейбург* — приказчик книготорговца Лангевитше. — 2: 474.
- Нейхаус Густав Рейнхард* (1823—1892) — немецкий поэт, в середине 40-х гг. примыкал к «истинному социализму». — 2: 139.
- Неккер Жак* (1732—1804) — французский банкир и министр финансов Людовика XVI. — 1: 462.
- Некрасов Николай Алексеевич* (1821—1877). — 1: 619.
- Нельсон Горацио* (1758—1805) — английский адмирал. — 1: 209.
- Нерон Клавдий* (37—68) — римский император (54—68). — 1: 307, 309; 2: 253.
- Нестер* — см. *Нестрой*.
- Нестрой Иоганн Непомук* (1802—1862) — австрийский драматург и актер, автор многочисленных комедий. — 1: 570, 571, 623; 2: 475.
- Нечаев Сергей Геннадиевич* (1847—1882) — русский революционер-заговорщик, бакунист, организатор студенческих заговорщических кружков в России; в 1872 г. был выдан царскому правительству швейцарским правительством и заключен в Петропавловскую крепость. — 1: 542, 620.
- Нибур Бартольд Георг* (1776—1831) — немецкий историк. Автор «Истории римских царей», положившей начало научному изучению римской истории древнейшего периода. — 1: 377.
- Николаи Фридрих* (1733—1811) — немецкий просветитель, сторонник «просвещенного абсолютизма», выступал против Гёте, Канта и Фихте. — 1: 413, 431; 2: 209, 619.
- Николай I* (1796—1855) — русский император (1825—1855). — 1: 70.
- Нитч Карл Иммануил* (1787—1868) — немецкий теолог, профессор и проповедник при Боннском университете (1822—1847). — 2: 170.
- Ноак Людвиг* (1819—1885) — немецкий теолог и философ. — 2: 232.
- Новалис* — псевдоним *Фридриха фон Гарденберга* (1772—1801) — немецкого поэта-романтика. — 2: 178, 179, 616.
- Нотт Клод Франсуа* (1711—1793) — французский писатель, иезуит; известен своей полемикой с Вольтером. — 1: 399.
- Нострадамус* (подлинная фамилия *Мишель*) (1505—1566) — французский врач, астролог. — 2: 235.
- Н.. х.. с* — см. *Нейхаус Густав Рейнхард*.
- Ньютон Исаак* (1643—1727). — 1: 74; 2: 552.

- Овен* — см. *Вейдемейер Иосиф*.
- Овидий Публий Назон* (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — древнеримский поэт. — 1: 306; 2: 387, 643.
- О'Донован Джон* (1809—1861) — ирландский ученый-филолог, исследователь ирландских древностей. — 1: 319.
- Ози* — бельгийский аристократ, спекулировал хлебом. — 2: 296.
- О'Клери Михаил* (1575—1643) — ирландский хронист. — 1: 319.
- О'Коннор Артур* (1763—1852) — ирландский революционер, один из руководителей общества «Объединенных ирландцев» в ирландском восточном 1798 г. — 1: 320, 321.
- О'Коннор Фергюс* (1794—1855) — один из лидеров левого крыла чартистского движения, основатель и редактор газеты «Northern Star», после 1848 г. — реформист. — 1: 82, 320, 321; 2: 363.
- О'Коннор Чарлз* (1764—1828) — ирландский историк и археограф, знаток ирландской старины, издатель летописей и древних документов. — 1: 319.
- О'Конноры* — ирландский королевский род в Коннауте (Западная Ирландия). — 1: 320.
- Олаф* (*Амхланиб, Анлаф*) (X в.) — отец *Дубгала* (см.). — 1: 326.
- О'Кулинан* — ирландский род в Корке (Южная Ирландия). — 1: 328.
- Опиц Мартин* (1597—1639) — немецкий поэт, теоретик поэзии, основатель так наз. первой силезской школы. — 2: 215.
- Опиц Теодор* — младогегельянский публицист. — 2: 111, 138.
- Оргес Герман* (1821—1874) — немецкий публицист, редактор военного отдела «Аугсбургской всеобщей газеты». — 2: 321.
- Ориген из Александрии* (185—254) — деятель христианской церкви, богослов. — 2: 51.
- Орион* — см. *Мейснер Альфред*.
- Орсини Феличе* (1819—1858) — итальянский революционер-заговорщик, покушавшийся на Наполеона III в 1857 г. — 1: 612; 2: 310.
- Освальд* — псевдоним молодого Ф. *Энгельса*.
- Осман Жорж Эжен* (1809—1891) — французский чиновник, бонапартист; будучи префектом департамента Сены, руководил перестройкой Парижа; при этом, переселяя рабочих на окраины города, в центре создавал роскошные буржуазные кварталы; с целью затруднить баррикадную борьбу прокладывал широкие и прямые улицы. — 1: 236.
- Оспак* — ратник, сражавшийся в войске короля *Бриана* (см.). — 1: 327.
- Оссиан* — см. *Макферсон*.
- Остин* — лейтенант, тюремный чиновник в Бирмингеме. — 1: 472.
- Остлер Ричард* (1789—1861) — английский политический деятель, примыкал к партии тори, в борьбе против фритредерской буржуазии выступал за законодательное ограничение рабочего дня. — 1: 439.
- Отто Луиза (Андромеда)* (1819—1895) — немецкая писательница, в середине 40-х гг. — представительница «истинного социализма», впоследствии деятельница буржуазного женского движения. — 1: 123, 124, 139, 612.
- Оуэн Роберт* (1771—1858) — великий английский социалист-утопист. — 1: 11, 250, 383, 544, 567, 611; 2: 61.
- Офиух* — см. *Дронке Эрнст*.

Павлов Платон Васильевич (1823—1895) — русский либеральный историк и общественный деятель, профессор; в 1862 г. был подвергнут высылке в административном порядке. — 1: 544.

- Паганини Николо* (1782—1840) — знаменитый итальянский скрипач-виртуоз. — 1: 143.
- Палацкий Франтишек* (1798—1876) — чешский историк, буржуазный политический деятель, либерал; председательствовал на Славянском съезде в Праге в 1848 г.; проводил политику, направленную на сохранение Габсбургской монархии. — 1: 534.
- Пальмерстон Генри Джон Темпл*, виконт (1784—1865) — английский государственный деятель; один из лидеров партии вигов. В 1830—1865 гг. занимал крупные посты во всех кабинетах, образовывавшихся вигами; соединял «демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями» (Маркс). Активный выразитель колониальной политики английской буржуазии, душитель революционного движения. Реакционная политика Пальмерстона была разоблачена Марксом в его памфлете «Лорд Пальмерстон». — 1: 55, 56, 368, 432; 2: 219, 306, 327.
- Паньер Лоран Антуан* (1805—1854) — французский политический деятель, издатель и книготорговец; сторонник Кавеньяка. — 1: 68.
- Паприц Е. Э.* (1853—1919) — русская певица, затем исследовательница русской музыки; была связана с московским нелегальным «Обществом переводчиков и издателей» (1882—1884), выпустившим ряд произведений Маркса и Энгельса на русском языке. — 1: 537.
- Пари Полен* (1800 — ок. 1872 г.) — французский ученый, филолог и историк литературы. — 1: 331.
- Парижский*, граф (принц *Людвик Филипп Орлеанский*) (1838—1894) — внук Луи Филиппа, отрекшегося в 1848 г. в его пользу от престола. — 2: 302.
- Парнелл Чарлз Стюарт* (1846—1891) — ирландский буржуазный националист; член английского парламента, сторонник гомруля. — 1: 65.
- Парни Эварист Дезире Дефорж*, виконт (1753—1814) — французский поэт-элегик. — 1: 522, 616; 2: 23, 610.
- Пассера Жан* (1534—1602) — французский поэт и ученый, один из авторов «Менипповой сатиры». — 1: 356.
- Патрик* (384—465) — ирландский миссионер, основатель католической церкви в Ирландии. — 1: 321.
- Паула* — см. *Крехер Паула*.
- Паули Филипп* — химик, друг Энгельса. — 1: 571.
- Пауэр Эрнст* (1826—1905) — австрийский композитор, жил в Лондоне. — 2: 317.
- Пекар Константин* (1801—1887) — французский экономист, буржуазный социалист. — 1: 222.
- Пелльтан Эжен* (1813—1884) — французский журналист, радикал, во время империи — оппозиционный депутат Законодательного корпуса; в 1870—1871 гг. член правительства «Национальной обороны» и версальского Национального собрания. — 2: 251.
- Перикл* (499—429 гг. до н. э.) — греческий государственный деятель, руководитель афинского демократического государства в эпоху его наивысшего расцвета (445—429). — 1: 477; 2: 451, 479.
- Персей* — см. *Шнаке Фридрих*.
- Персиани Фанни* (урожд. *Тагинарди*) (1842—1867) — итальянская певица. — 1: 204.
- Персий Авл Флакк* (34—62) — древнеримский поэт-сатирик. — 1: 307.
- Персинь Жан Жильбер Виктор Фиален*, граф (1808—1872) — политический деятель, бонапартист, участник переворота 2 декабря. — 2: 219.
- Петер* — см. *Йонгауз*.
- Петерсон* — хозяин кофейни в Лондоне. — 2: 303.

- Петрарка Франческо* (1304—1374) — итальянский поэт и гуманист. — 1: 342, 343; 2: 468, 489, 557.
- Петти Уильям* (1623—1687) — английский экономист. «Основатель современной политической экономии» (Маркс). — 1: 175.
- Петти Альберт* — книготорговец, издатель книги Маркса «Господин Фогт». — 2: 349.
- Пиа Феликс* (1810—1889) — французский мелкобуржуазный радикал, участник революции 1848 г. и Парижской Коммуны; в 1871 г. эмигрировал в Лондон. — 2: 218—224, 620.
- Пий IX* (граф Джованни Мاستан Феррати) (1792—1878) — римский папа (1846—1878). — 1: 462.
- Пикколомини Эней Сильвий* (1405—1464) — итальянский гуманист; в 1458 г. стал папой под именем Пия II. — 1: 344, 345.
- Пиль Бобби* — см. *Пиль Роберт*.
- Пиль Роберт* (1788—1850) — английский государственный деятель, умеренный тори, премьер-министр (1841—1846), при поддержке либералов провел отмену хлебных законов (1846). — 1: 437.
- Пиндар* (522 — ок. 442 г. до н. э.) — великий древнегреческий поэт-лирик. — 2: 258, 622.
- Пиндар Питер* — псевдоним английского поэта-сатирика *Джона Уолкота* (см.).
- Пиндар Эдвард* — русский эмигрант в Лондоне. — 1: 527, 617.
- Пипер Фридрих Людвиг Вильгельм* (род. в 1826 г.) — немецкий филолог и журналист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне, друг Маркса и Энгельса. — 1: 335, 572; 2: 307, 655.
- Питу Пьер* (1539—1596) — французский писатель и юрист, один из авторов «Менипповой сатиры». — 1: 356.
- Пифагор* (ок. 580 — 500 г. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист и математик. — 2: 398.
- Платен (фон Платен-Галлермюнде) Август* (1796—1835) — немецкий поэт 20—30-х гг. Вначале находился под влиянием романтизма, позже — неоклассик. — 2: 465, 488, 515, 516, 551, 648, 651, 653.
- Платер Владислав, граф* (1806—1886) — польский публицист, участник восстания 1830—1831 гг., после поражения восстания эмигрировал за границу. — 2: 601.
- Платон* (ок. 427—347 г. до н. э.) — древнегреческий философ, объективный идеалист. — 1: 45, 176—178, 477; 2: 52, 561.
- Плейфер Лайон* (1818—1898) — английский химик. — 1: 500.
- Плеханов Георгий Валентинович* (1856—1918) — один из крупнейших русских марксистов; в 70-х гг. — народник; организатор первой русской марксистской группы «Освобождение труда» (1883), выдающийся пропагандист марксизма в России. После II съезда РСДРП — меньшевик. — 1: 540, 546, 549, 621.
- Плутарх* (46—126) — древнегреческий историк и моралист, автор 46 жизнеописаний знаменитых греков и римлян. — 1: 289, 296, 304, 305, 598, 600.
- Поджо Браччолини* (1380—1459) — итальянский гуманист, юрист по образованию, переводил на латинский язык древнегреческих писателей и философов. — 1: 344, 345.
- Полиньяк Жюль Огюст* (1780—1847) — французский государственный деятель-роялист, министр-президент при Карле X (1829—1830). — 1: 429.
- Поль Иоганн* — протестантский пастор в Хельфельде (недалеко от Вупперталя), автор стихов религиозного содержания. — 2: 489, 490.

- Поляков Николай Петрович* — петербургский издатель; издал «Капитал» К. Маркса, «Положение рабочего класса в России» Флеровского и др. — 1: 548.
- Помпей Гней* (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. — 1: 365, 604.
- Помпийян Жан Жак Ле Фран де*, маркиз (1709—1784) — французский поэт, писал главным образом на религиозные темы, литературный противник Вольтера. — 1: 399.
- Поп Александр* (1688—1744) — английский поэт-сатирик, представитель классицизма, провозвестник идей Просвещения XVIII в., автор сатирической поэмы «Дунсиада». — 1: 398, 606.
- Поццо ди-Борго Карл Андреа*, граф (1764—1842) — русский дипломат; в 1814—1832 гг. — посол в Париже, 1834—1838 гг. — в Лондоне. — 1: 427.
- Прево д'Экзиль Антуан Франсуа* (1697—1763) — аббат, французский писатель. — 1: 407.
- Проперций Секст* (49 г. до н. э. — 15 г. н. э.) — древнеримский поэт-эпик. — 1: 162; 2: 642.
- Прохвост* — см. *Сигизмунд II*.
- Прудон Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист; позднее — один из основоположников анархизма. Оценка Прудона дана Марксом в «Нищете философии» и в письме Швейцеру «О Прудоне». — 1: 77, 78, 93, 229, 407, 596, 616; 2: 100, 233, 234, 419, 485, 510, 517.
- Принц Прусский* — см. *Вильгельм I*.
- Пруц Роберт Эдуард* (1816—1872) — немецкий политический лирик 40-х гг., позже — историк литературы; либерал. — 1: 363; 2: 123, 211, 630.
- Птоломей Клавдий* (II в.) — древнегреческий астроном и географ, создатель учения о геоцентрической системе мира. — 1: 310; 2: 445.
- Публикола Публий Валерий* (IV в. до н. э.) — один из основателей Римской республики, прославился законами, ограждавшими права народа, и личными доблестями. — 1: 130, 593.
- Пупис* — см. *Бернс Мэри Эллен*.
- Путнем Джорж Пальмер* (1814—1872) — книготорговец и издатель в Нью-Йорке, издавал журнал «Putnam's Magazine». — 2: 293.
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799—1837). — 1: 535, 536, 618—620; 2: 583, 604—606.
- Пфальцкий курфюрст* — см. *Карл Филипп Теодор*.
- Пфицер Густав* (1807—1890) — немецкий лирический поэт и критик швабской школы. — 1: 519.
- Пэйн Томас* (1737—1809) — английский радикальный публицист, республиканец, участник войны за независимость США и французской буржуазной революции XVIII в. — 1: 232.
- Пюклер Мускау Герман*, князь (1785—1871) — немецкий писатель. — 2: 528, 529.
- Пюттман Георг* (*Большая Медведица*) (1811—1894) — радикальный поэт из Эльберфельда; в 40-х гг. издатель ряда журналов «истинного социализма», позднее принимал участие в «Новой Рейнской газете». — 2: 115, 118, 136—138, 142, 143, 144, 239, 487, 612.
- Раглан Фитцрой Джеймс Генри Сомерсет* (1788—1855) — английский генерал, главнокомандующий британской армией во время Крымской войны. — 1: 56.

- Радевель Фридрих* — немецкий поэт, автор комедии «Тиль Эйленшпигель» (1840). — 2: 533.
- Радовиц Йозеф фон* (1797—1853) — прусский генерал и государственный деятель, представитель придворной камарильи, в 1848—1849 гг. один из лидеров правого крыла во франкфуртском Национальном собрании. — 1: 370.
- Разин Степан Тимофеевич* (казнен в 1671 г.) — вождь крестьянского движения в России в XVII в. — 1: 542.
- Рак* — см. *Хельмих Юлиус*.
- Рамадзини Бернардини* (1633—1714) — профессор практической медицины в Падуе. — 1: 151.
- Рамзей Эндрю Кромби* (1814—1891) — английский геолог, профессор в Лондоне, с 1871 г. директор геологического института. — 1: 529.
- Ранк Артур* (1831—1908) — французский радикальный журналист, член Коммуны; депутат французской палаты в 1881—1883 гг. — 1: 574, 624.
- Рапен Никола* (1540—1608) — французский поэт, один из авторов «Менипповой сатиры». — 1: 356.
- Рассел Джон* — см. *Рэссель Джон*.
- Расин Жан Батист* (1639—1699) — великий французский драматург эпохи классицизма. — 2: 541, 542.
- Распайль Франсуа Венсен* (1794—1878) — французский левый республиканец; врач и публицист, участник революций 1830 и 1848 гг.; в 1849 г. выслан из Франции; впоследствии — буржуазный демократ, член палаты депутатов. — 1: 227.
- Раумер Фридрих Людвиг Георг фон* (1781—1873) — консервативный немецкий историк. — 1: 406; 2: 232, 645.
- Раунах Эрнст Бенъямин Соломон* (1784—1852) — посредственный немецкий драматург, долгое время живший в России. Пользовался популярностью в Германии в 20—30-х гг. — 2: 469, 470, 543.
- Рафаэль Санти* (1483—1520). — 1: 250, 597.
- Рахиль* — см. *Варнаген фон Энзе Рахиль*.
- Раш Густав* (1825—1878) — немецкий публицист, демократ. — 2: 353—355.
- Рашель Элиза* (1821—1858) — знаменитая французская трагическая актриса. — 2: 541.
- Реймарус Герман Самуэль* (1694—1768) — немецкий ученый и философ, дейст., автор исследования «О художественных инстинктах животных» (1760). — 2: 389.
- Рейнгардт Рихард* (1829—1898) — член Союза коммунистов, немецкий эмигрант в Париже, секретарь Гейне; друг Маркса и Энгельса. — 2: 140, 292, 624, 627.
- Рейнике (Рейник) Роберт* (1805—1852) — немецкий художник и поэт. — 1: 571.
- Рейфф Вильгельм Иосиф* (род. ок. 1824 г.) — участник Кельнского процесса коммунистов. — 2: 335, 345.
- Рейх Эдуард* (1836—1915) — немецкий врач, популяризатор естественных наук. — 1: 151.
- Рейхлин Иоганн* (1455—1522) — немецкий гуманист. Борьбой с религиозным обскурантизмом сыграл видную роль в развитии европейского гуманизма. — 1: 44.
- Рембрандт ван Рейн* (1606—1669) — 2: 444.
- Ремпель Рудольф* (1815—1868) — немецкий предприниматель, в середине 40-х гг. — «истинный социалист». — 2: 102.
- Ренан Эрнст* (1823—1892) — французский теолог и историк, идеалист, автор книги «Жизнь Иисуса». — 1: 574, 613, 624.

- Ренуар Антуан Огюстен* (1756—1853) — французский историк литературы и библиограф. — 1: 333.
- Ретиер Генрих Теодор* (1803—1871) — немецкий эстетик и критик-гегельянец. — 2: 542.
- Риго-и-Нуньенс Рафаэль* (1785—1823) — испанский революционер. — 1: 424.
- Риенци Кола ди* (1313—1354) — итальянский политический деятель, возглавлявший республику в Риме в 1347 и 1354 гг. — 1: 343.
- Рикардо Давид* (1772—1823) — английский экономист, крупнейший представитель классической школы. — 1: 117—122, 178, 189, 392—393, 494, 594.
- Риссе Жозеф* — певец, музыкант, переводчик и издатель ирландских народных песен. — 2: 599, 657.
- Рихард* (1467—1531) — курфюрст и архиепископ Трирский (1511—1531), ярый противник Реформации, участвовал в подавлении восстания швабских рыцарей в 1522—1523 гг. и крестьянского восстания в 1525 г. — 1: 26.
- Рихтер Евгений* (1838—1906) — немецкий публицист, член рейхстага, лидер партии прогрессистов, затем «свободомыслящих», ярый враг социализма. — 2: 267.
- Рихтер Иоганн Пауль Фридрих* — см. *Жан Поль*.
- Ричард I Львиное Сердце* (1157—1199) — король Англии (1189—1199). — 1: 106; 2: 199.
- Ричардсон Самюэл* (1689—1761) — английский писатель, положивший начало буржуазному семейно-бытовому роману. — 1: 416.
- Ришелье Арман Жан Дю-Плесси* (1585—1642) — французский кардинал и министр, фактический правитель королевства при короле Людовике XIII. — 1: 394.
- Роберт Анжуйский* (1265—1343) — король неаполитанский; трубадур, автор сборника стихотворений. — 1: 343.
- Робеспьер Максимилиан Мари* (1758—1794) — выдающийся деятель Великой французской революции, вождь якобинцев. — 1: 54, 130.
- Робине Жан Батист Рене* (1735—1820) — французский философ-материалист. — 1: 381.
- Роз Беби* — английский драматург. — 2: 374.
- Роз Джордж* (1744—1818) — английский министр финансов в 1782—1783 и 1784—1801 гг. — 1: 362.
- Розенкранц Иоганн Карл Фридрих* (1805—1879) — профессор философии в Кеннигсберге, правый гегельянец, биограф Гегеля. — 1: 70; 2: 524, 542.
- Розус* — псевдоним автора статьи «Die Blutopfer» («Кровавые жертвы») в «Neue Zeit» за 1883 г. — 2: 274.
- Ройэ-Коллар Пьер Поль* (1773—1845) — французский реакционный политик и философ. — 1: 130.
- Ронге Иоганнес* (1813—1887) — немецкий священник, один из инициаторов движения «немецких католиков», стремившихся приспособить католицизм к нуждам немецкой буржуазии. — 2: 231, 232, 244.
- Росса* (V в.) — ирландский юрист. — 1: 321.
- Россель Джон* — см. *Рассель Джон*.
- Росси Пелегрино Луиджи* (1787—1848) — итальянский государственный деятель, профессор уголовного права и политической экономии. — 1: 198, 595.
- Росцелин Иоганн* (ок. 1050—1122) — философ-схоластик, родоначальник средневекового номинализма. — 1: 330.

- Роттек Карл Венцеслав* (1775—1840) — историк и политический деятель; либерал, издатель журнала «Политические летописи», проводившего конституционно-монархические идеи. — 1: 562; 2: 205.
- Ротшильд Джеймс Майер* (1792—1868) — глава банкирского дома Ротшильдов в Париже. — 1: 477; 2: 105, 144—151, 549.
- Рохов Фридрих Эберхард* (1734—1805) — немецкий педагог, автор пошлых нравственно-назидательных книг для юношества. — 2: 131, 613.
- Рошер Вильгельм* (1818—1894) — немецкий вульгарный экономист, глава «исторической школы» буржуазных экономистов. — 1: 215.
- Руа Жозеф* — французский переводчик I тома «Капитала» К. Маркса. — 1: 97, 496, 595.
- Рубеан* — см. *Крот Рубеан*.
- Руге Арнольд* (1802—1880) — младогегельянский философ, публицист и политический деятель. Совместно с К. Марксом издавал «Deutsch-französische Jahrbücher»; вскоре разошелся с ним. Буржуазный демократ, впоследствии сторонник Бисмарка. — 1: 116, 363, 364, 559, 604; 2: 203, 208—212, 215, 343, 351, 498, 610, 619, 623, 628, 631, 638, 644.
- Рункель Мартин* — редактор «Эльберфельдской газеты». — 2: 487.
- Русанов Н. С.* (литературный псевдоним — *Сергеевский*) (ум. в 1916 г.) — публицист, народолюбец; впоследствии — эсер. — 2: 604, 605, 657.
- Руссо Жан Жак* (1712—1778). — 1: 106, 231, 232, 379, 385, 392, 401—407, 416—418, 606, 607.
- Рутенберг Адольф* (1808—1869) — младогегельянец, участник кружка «Свободных», друг К. Маркса в годы его учения в университете, редактор «Рейнской газеты» до Маркса. Впоследствии — национал-либерал. — 2: 389, 390, 643.
- Рэссель Джон* (1792—1878) — английский государственный деятель, лидер вигов, в 1846—1852 и в 1865—1866 гг. — премьер-министр; в 1859—1865 гг. — министр иностранных дел. — 1: 368, 369, 437, 526; 2: 254, 255, 306.
- Рюккерт Фридрих* (1788—1866) — немецкий поэт, переводчик восточной поэзии. — 2: 462, 465, 467, 488, 595, 602, 645.
- Савиньи Фридрих Карл фон* (1779—1861) — немецкий юрист, глава исторической школы права. — 1: 608; 2: 388.
- Савонарола Джироламо* (1452—1498) — итальянский монах-проповедник, религиозно-политический реформатор во Флоренции. — 1: 340.
- Сакс Ганс* (1494—1576) — нюрнбергский поэт-ремесленник, крупнейший представитель немецкого мейстерзанга (поэзии средневековых мастеров-ремесленников). — 2: 236.
- Саксон Грамматик* (ок. 1140—1208) — датский средневековый писатель-хронист, автор «Истории Дании» (оконч. 1208, изд. 1514 г.). — 1: 312.
- Саллет Фридрих фон* (1812—1843) — немецкий поэт, либерал, выступал против церковников. — 2: 394, 395, 643, 644.
- Салтыков Алексей Дмитриевич*, князь (1806—1859) — русский путешественник, писатель и художник. В 1840-х гг. два раза посетил Индию; в 1848 г. издал на французском языке описание своего путешествия. — 1: 213.
- Салтыков Михаил Евграфович* (*Н. Щедрин*) (1821—1889). — 1: 547, 619, 621; 2: 583.
- Сальвини Томазо* (1829—1916) — великий итальянский трагический актер. — 2: 603.

- Самарин Юрий Федорович* (1819—1876) — русский публицист, славянофил. — 1: 618.
- Самаров Грегор* (1829—1903) — псевдоним немецкого романиста Оскара Мединга, автора бульварных романов на исторические темы. — 2: 272.
- Санд Жорж* (псевдоним *Авроры Дюдеван*) (1804—1876) — французская писательница; автор многочисленных социальных романов. — 1: 68, 485, 560, 613; 2: 526, 556.
- Санчо* — см. *Штирнер Макс*.
- Сафир Мориц Готлиб* (1795—1858) — австрийский сатирик и юморист. — 2: 232.
- Свифт Джонатан* (1667—1745) — английский писатель-сатирик. — 1: 394, 396, 605.
- Свобода Вацлав* (1781—1849) — чешский поэт и филолог, перевел на немецкий язык «Краледворскую рукопись». — 1: 532, 533, 620.
- Секст Эмпирик* (II в.) — древнегреческий философ-скептик. — 1: 176.
- Семевский Василий Иванович* (1848—1916) — русский историк народнического направления, автор работ по истории русского крестьянства. — 1: 618.
- Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович* (1827—1914) — русский географ и статистик, почетный академик. — 1: 618.
- Семирамида* — полулегендарная царица Ассирии (исторический прототип — ассирийская царица Шаммурамат) (809—806 гг. до н. э.). — 1: 401.
- Сенека Луций Анней* (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — древнеримский философ-стоик и драматург. — 1: 307.
- Сен-Жюст Антуан* (1767—1794) — один из вождей якобинцев, член Конвента и Комитета общественного спасения, друг и сторонник Робеспьера. — 1: 39, 130.
- Сен-Симон Анри Клод* (1760—1825) — великий французский социалист-утопист. — 1: 11, 39, 78, 189.
- Сент-Арно Арман Жак Леруа де* (1801—1854) — французский маршал, военный министр (1851—1854), активный участник переворота 2 декабря 1851 г., главнокомандующий французских войск в Крыму. — 1: 56.
- Сент-Бёв Шарль Огюстен* (1804—1869) — французский критик, поэт и историк литературы. — 1: 430, 609.
- Септимий Север* (146—211) — римский император (193—211). — 1: 309.
- Сервантес Сааведра Мигуэль де* (1547—1616). — 1: 9, 68, 149, 371—372, 594, 604; 2: 471, 582, 589, 602.
- Сергеевич Василий Иванович* (1835—1911) — русский историк права. — 1: 618.
- Серраге Огюст* (род. в 1840 г.) — французский рабочий; с 1889 г. член Генерального совета I Интернационала; в 1871—1872 гг. секретарь-корреспондент для Франции, сторонник Маркса; в 1870 г. был послан Генеральным советом в Париж в качестве уполномоченного, член Коммуны, после падения Коммуны вернулся в Англию; делегат Лондонской конференции (1871), Гаагского конгресса I Интернационала (1872). — 2: 223, 224.
- Серторий Квинт* (ок. I в. до н. э.) — римский полководец. — 1: 365.
- Сигизмунд II («Прохвост»)* (1361—1437) — германский император (1411—1437). — 1: 344.
- Сигтриг* (ум. в 1042 г.) — король дублинских норманнов (980—1035). — 1: 325, 327.
- Сигурд Лаудрисон* (ум. в 1014 г.) — норманский правитель Оркнейских и Шетландских островов (980—1014). — 1: 325, 327.

- Сидней Филип* (1554—1586) — английский поэт, один из создателей жанра пасторального романа в Англии. — 1: 56.
- Сидоний Аполлинарий* (ок. 430—480) — позднеримский писатель; с 472 г. — епископ в Клермоне (в Галлии). Автор посланий, обращенных к представителям римской и галльской знати. — 1: 331.
- Силсфилд Чарльз* (литературный псевдоним *Карла Постеля*) (1793—1864) — австрийский писатель, либерал. — 2: 536.
- Симон Людвиг* (1810—1882) — адвокат из Трира, буржуазный демократ; член франкфуртского Национального собрания (1848—1849). — 2: 291, 344.
- Симпсон Леонард Френсис* — английский писатель и журналист. — 1: 432.
- Симсон Мартин Эдуард фон* (1810—1899) — немецкий юрист и буржуазный политический деятель, член прусского Национального собрания. — 2: 245.
- Сисмонди Жан Шарль Леонард Симон де* (1773—1842) — швейцарский мелкобуржуазный историк и экономист-романтик. В своих экономических сочинениях выступил с критикой капитализма и классической школы (Смит, Рикардо) с точки зрения интересов мелкого производства. См. о нем статью Ленина «К характеристике экономического романтизма». — 1: 118, 187, 225, 254, 370, 604.
- Скалдин* (псевдоним *Еленева Федора Павловича*) (1828—1902) — русский либеральный публицист, автор очерков «В захолустье и в столице» (1870). — 1: 618.
- Скечли Джон* — английский социалист, деятель чартистского движения и английских тред-юнионов, сотрудник «Justice», автор ряда книг по профдвижению. — 2: 376.
- Скот Эригена* (Иоанн Скот) (ок. 810—880) — средневековый богослов и философ-схоластик. — 1: 330.
- Скотт Вальтер* (1771—1832) — шотландский поэт и исторический романист. — 1: 524, 617; 2: 582, 591, 656.
- Скребицкий Александр Ильич* (1827—1915) — русский врач-окулист, историк, автор работы «Крестьянское дело в царствование Александра II». — 1: 618.
- Скриб Огюстен Эжен* (1791—1861) — известный французский драматург. — 2: 505.
- Смит Адам* (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 1: 106, 132, 175, 190—192, 194, 197, 199, 231, 249, 392, 397, 411, 535, 536, 594, 595, 596, 604, 606.
- Смит Голдвин* (1823—1910) — английский историк, антиклерикал, известен рядом исторических и философских трудов и политических памфлетов. — 1: 327, 601, 605.
- Содерини Паоло Антонио* (1448—1499) — флорентийский политический деятель, поддерживал Савонаролу. — 1: 340.
- Соэе Жан Пьер* (1800—1876) — французский адвокат и консервативный политический деятель, орлеанист, председатель палаты депутатов (1839—февраль 1848 г.). — 2: 147.
- Сократ* (470—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, учитель Платона. — 2: 205, 511.
- Соломон* — царь Израиля и Иудеи (ок. 960—935 гг. до н. э.). — 2: 235.
- Соути Роберт* (1774—1843) — английский поэт, в молодости поклонник Великой французской революции, позднее тори и клерикал. — 1: 435, 610.
- София* — см. *Бёгехольд София*.

- Софокл* (ок. 497—406 гг. до н. э.) — 1: 63, 166, 216, 275, 495, 589, 594, 598, 613; 2: 478, 650.
- Спартак* (ум. в 71 г. до н. э.) — вождь восстания римских рабов. — 1: 365; 2: 577.
- Спертий* (V в. до н. э.) — спартанец. — 2: 452.
- Спиноза Бенедикт* (1632—1677) — великий голландский философ-материалист. — 1: 376, 382, 383, 385, 411, 413, 600, 608; 2: 457.
- Стерн Лоуренс* (1713—1768) — английский писатель-сентименталист. — 1: 375, 604, 2: 456.
- Стефанович Вук* — см. *Караджич*.
- Стеффенс Генрих* (1773—1845) — норвежский философ-шеллингианец и писатель. — 1: 209, 496.
- Страбон* (63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) — древнегреческий путешественник, географ и историк. — 1: 306, 600.
- Струве Амалия* — жена *Густава Струве* (см.) — 2: 206, 207.
- Струве Густав* (1805—1870) — немецкий буржуазный демократ, участник баденского восстания (1848). — 1: 556, 562, 623, 2: 203, 204—207, 299, 354, 618.
- Стюарт Дугалд* (1753—1828) — шотландский философ, представитель так наз. школы «здорового смысла». — 1: 152.
- Стюарты* — династия английских королей (1603—1649 и 1660—1714). — 1: 380.
- Сугерий* (ок. 1081—1151) — аббат, французский политический и церковный деятель, вел упорную борьбу за усиление центральной власти, за подчинение королю светских и духовных феодалов. — 1: 332.
- Сула Лукреций Корнелий* (138—78 г. до н. э.) — римский диктатор. — 1: 365.
- Сулук* (1787—1867) — негр, президент республики Гаити, провозгласивший себя в 1849 г. императором. Был свергнут в 1859 г. — 1: 525; 2: 358.
- Сэй Жан Батист* (1767—1832) — французский вульгарный экономист. Переработал идеи классической школы в духе буржуазной апологетики. Защитник гармонии классовых интересов и свободы торговли. — 1: 130, 190, 410.
- Сю Эжен* (1804—1857) — французский писатель-романтик, мелкобуржуазный филантроп. Автор популярных в 30—40-х гг. социальных романов. — 1: 485—487, 613; 2: 5—85, 134, 609, 610.
- Талейран-Перигор Шарль Морис*, князь (1754—1838) — французский дипломат, отличавшийся крайней беспринципностью. — 2: 214.
- Талландье Альфред* (1828—1890) — французский адвокат и журналист, республиканец, позднее бакунист, участник революции 1848 г. во Франции, после переворота 1851 г. эмигрировал в Англию; член Генерального совета I Интернационала в 1865 г., возвратился во Францию во время Парижской Коммуны; в 70-х гг. примыкал в палате депутатов к крайней республиканской левой. — 2: 220.
- Тальефер* — норманский певец-жонглер, перед битвой при Гастингсе (1066) или во время этой битвы исполнявший, по летописному преданию, «Песню о Роланде», чтобы воодушевить бойцов. — 1: 331.
- Тальони Мария* (1804—1884) — знаменитая итальянская танцовщица, представительница классической школы балета. — 2: 462.
- Тамерлан* — см. *Тимур*.
- Таппер М.* — см. *Тэппер Мартин*.

- Таузену Карл* (1808—1873) — австрийский журналист, в 1848 г. — президент Демократического союза в Вене, эмигрант, один из руководителей мелкобуржуазного агитационного общества в Лондоне. — 1: 483.
- Таушер Леонгард* (1840—1914) — германский социал-демократ, типограф; во время исключительного закона участвовал в издании газеты «*Sozial-Demokrat*». — 2: 373.
- Тацит Корнелий* (ок. 55—120) — древнеримский историк. — 1: 273, 310, 314; 2: 387, 587.
- Тейлор Седлей* — профессор Кембриджского университета, экономист, выступил на стороне Брентано в его полемике против Маркса. — 1: 590.
- Теккет Джон Дебелл* (ум. в 1864 г.) — английский экономист. — 1: 153.
- Теккерей Уильям Мейкпис* (1811—1863) — выдающийся английский писатель-реалист. — 1: 27; 2: 578.
- Телец* — см. *Люнинг Отто*.
- Теллеринг* — см. *Мюллер-Теллеринг*.
- Теодорес* — участник шиллеровских торжеств 1859 г. в Манчестере. — 2: 320.
- Теокрит* — см. *Феокрит*.
- Терульд (Teroldus)* — имя, распространенное в норманских хрониках. Предполагаемый автор «Песни о Роланде». Был ли он ее составителем, сказителем или переписчиком — неизвестно. — 1: 331, 332.
- Техов Густав Адольф* (ок. 1813—1893) — бывший прусский офицер, участник мартовской революции в Берлине, начальник штаба баденской революционной армии, эмигрант. — 1: 398.
- Тиберий Клавдий Нерон* (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — римский император (14—37). — 1: 309.
- Тибо Антон Фридрих Юстус* (1772—1840) — немецкий юрист, представитель «исторической школы права». — 2: 387, 643.
- Тигернах* (ум. в 1088 г.) — древнеирландский хронист. — 1: 319, 320.
- Тик Людвиг* (1773—1853) — один из вождей немецкого романтизма, поэт, романист и драматург. Автор обработки немецких народных книг. — 1: 168; 2: 462, 465, 561, 565, 567, 655.
- Тимур (Тамерлан)* (1336—1405) — знаменитый восточный полководец и завоеватель, эмир Самарканда. — 1: 400.
- Тиндаль Джон* (1820—1893) — английский физик, известный популяризатор физики. — 1: 407, 608.
- Тирсо де Молина* (настоящее имя и фамилия — *Габриель Тельес*) (1571—1648) — испанский драматург. — 2: 602.
- Тириш Бернгард* (1794—1855) — второстепенный немецкий поэт. — 2: 552, 654.
- Тициан (Тициано Вечеллио)* (1477—1576) — 1: 250, 347.
- Ткачев Петр Никитич* (1844—1886) — русский литературный критик, публицист и революционер-народник, сотрудник журналов «Русское слово» и «Дело»; за границей (с 1873 г.) примкнул к бланкистам. — 1: 81, 282—283, 539, 598.
- Токвиль Алексис Шарль Анри* (1805—1859) — французский буржуазный историк и политический деятель. — 2: 60.
- Толстой Григорий Михайлович* (1808—1871) — казанский помещик, знакомый П. В. Анненкова и Г. Гервега; познакомился с К. Марксом в Париже в 1844 г. — 2: 298.
- Томпсон Уильям* (1785—1833) — английский экономист, оуэннист. — 1: 153.
- Торвальдсен Бертель* (1770—1844) — датский скульптор. — 1: 143, 209, 210.

- Тордельвах* — ирландский военачальник, служил в войске короля *Бриана* (см.). — 1: 326, 327.
- Торнтон Уильям Томас* (1813—1880) — английский экономист, секретарь общественных работ в управлении по делам Индии; сторонник Дж.-Ст. Милля. — 1: 358.
- Торштейн Сидугальсон* (X—XI вв.) — исландский военачальник. — 1: 325.
- Трибони Иоахим* — путешественник из Генуи. — 2: 557.
- Тридон Эдуард Мари Гюстав* (1841—1871) — французский журналист, бланкист, член I Интернационала (с 1866 г.), автор брошюры «Жиронда и жирондисты» (1869); с сентября 1870 г. издавал вместе с Бланки газету «La patrie en danger», член Парижской Коммуны, после падения Коммуны бежал в Бельгию. — 2: 223.
- Трир Герсон* — датский социал-демократ; переводчик «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. В годы первой империалистической войны — интернационалист. — 2: 379.
- Тристан Флора* (1803—1844) — французская писательница, представительница мелкобуржуазного утопического социализма. — 2: 62.
- Тромлиц А.* (псевдоним *Августа Вицлебена*) (1773—1839) — немецкий буржуазный беллетрист, автор романов и новелл на исторические темы. — 2: 467, 475.
- Трошо Луи Жюль* (1815—1896) — французский генерал и политический деятель, участник Крымской войны 1854—1856 гг. и итальянской кампании 1859 г.; после падения Второй империи — глава временного правительства и губернатор Парижа; один из палачей Коммуны. — 1: 236.
- Турати Филиппо* (1857—1932) — один из основателей (1892) и вождей итальянской социал-демократии, редактор журнала «Critica sociale», оппортунист. — 1: 485; 2: 279, 623.
- Тургенев Иван Сергеевич* (1818—1883) — 2: 595.
- Турпин* — архиепископ Реймский (753—794); его авторству приписана латинская хроника «О жизни и деяниях Карла Великого» (XII в.). — 1: 331.
- Тусси* — прозвище *Элеоноры Маркс-Эвелинг* (см.).
- Тьер Луи Адольф* (1798—1877) — французский буржуазный политический деятель и историк. Глава Версальского правительства (1871); палач Парижской Коммуны. — 1: 59, 202, 236, 400, 495, 613; 2: 107—109, 252, 253, 302.
- Тэн Ипполит* (1828—1893) — французский историк и теоретик искусства. — 1: 528.
- Тэппер (Таппер) Мартин* (1810—1889) — популярный поэт в Англии 1850—начала 1860-х гг., автор мещанских прописей в прозе и в стихах. — 2: 256, 577, 622.
- Тюрго Анн Робер Жак* (1727—1781) — французский философ-просветитель и экономист-физиократ. — 1: 462, 591.
- Тюркен*, виконтесса (XVI в.) — любовница папы Климента VI. — 1: 343.
- Тюрр Иштван* (1824—1908) — венгерский офицер, участник венгерской революции 1848—1849 гг. и итальянского национально-освободительного движения; принимал участие в Крымской войне на стороне союзников. — 1: 338.
- Уитмэн Уолт* (1819—1892) — известный американский поэт-демократ, автор «Листьев травы». — 1: 624.
- Уланд Людвиг фон* (1787—1862) — немецкий поэт-романтик, глава швабской школы; член франкфуртского Национального собрания. — 1: 329, 433—434; 2: 421, 462, 486, 645.

- Ульф Грейда* (X—XI вв.) — ирландский военачальник. — 1: 325—327.
- Ульфила* (311—383) — вестготский епископ, изобретатель готского алфавита, перевел Библию на готский язык. — 1: 431, 609.
- Уолкот Джон* (писал под псевдонимом *Питер Пиндар*) (1738—1819) — английский поэт-сатирик. — 1: 398.
- Уолпол Спенсер Горацио* (1806—1899) — консервативный английский политический деятель. — 2: 219.
- Уолтер Джон* (1776—1847) — английский политический деятель, примыкал к партии тори. — 1: 439.
- Уотс Джон* (1818—1887) — английский социальный реформатор-оуэнист. — 1: 232.
- Урквард Дэвид* (1805—1877) — английский дипломат и публицист, противник Пальмерстона. — 1: 151.
- Ус Василий* (ум. в 1671 г.) — один из помощников Степана Разина; был атаманом в Астрахани. — 1: 542.
- Фази Джеймс* (1796—1878) — швейцарский публицист и политический деятель, буржуазный радикал, директор Швейцарского генерального банка, разоблачен в книге К. Маркса «Господин Фогт» как бонапартистский агент. — 2: 207, 328, 348, 636, 637.
- Фаларис* — тиран агригентский (вторая пол. VII в. до н. э.), прославившийся своей жестокостью; по рассказам, в медном быке жарил своих врагов. — 1: 447.
- Фальмерайер Якоб Филипп* (1790—1861) — немецкий писатель, историк и путешественник. — 2: 288.
- Фарадей Майкл* (1791—1867) — выдающийся английский ученый, создатель учения об электромагнитном поле. — 1: 500.
- Фатхер Юлиус* (1820—1878) — немецкий публицист, принадлежал к кругу Бруно Бауэра, в 60-х гг. — представитель немецкого «манчестерства». — 2: 323, 338, 609.
- Фегеле Август* — наборщик типографии Холлингера в Лондоне, свидетель в процессе Маркса против К. Фогта. — 2: 345, 634.
- Фейербах Ансельм* (1775—1833) — немецкий криминалист, отец Людвиг Фейербаха. — 2: 389.
- Фейербах Людвиг* (1804—1872) — философ, последний представитель немецкой классической философии, в 40-х гг. перешел от идеализма Гегеля к материализму. Впоследствии член социал-демократической партии Германии. — 1: 73, 78, 375, 454—455, 497, 498, 505, 507, 604, 611; 2: 8, 189, 283, 525, 536, 533, 537, 610.
- Феликс V* (1383—1451) — антипапа (1439—1449), избран собором в Базеле. Был признан главой церкви в Савойе, Арагонии, Венгрии и нескольких немецких княжествах. Непризнанный правителями больших государств, сложил с себя в 1449 г. папский сан. — 1: 345.
- Фемистокл* (ок. 525—460 г. до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и полководец периода греко-персидских войн. — 1: 300.
- Феокрит* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт-идиллик. — 1: 293, 316; 2: 606.
- Фергус* (первая половина V в.) — ирландский писатель и юрист. — 1: 321.
- Фергюс* — см. *О'Коннор Фергюс*.
- Фергюсон Адам* (1723—1816) — шотландский философ и историк, автор работы «История гражданского общества», оказавшей большое влияние на экономическую (А. Смит) и философско-эстетическую (Шиллер) мысль XVIII столетия. — 1: 153.

- Фердинанд II (Франц Бомба)* (1810—1859) — король неаполитанский (1830—1859), жестоко подавил революцию 1848 г. в Неаполе. — 1: 62, 209, 480.
- Фердинанд VII* (1784—1833) — испанский король (1808—1833). — 1: 429.
- Фернивэлл Фредерик Джемс* (1825—1910) — английский историк литературы, христианский социалист, основал несколько литературных обществ, среди них «New Shakespeare Society» («Новое шекспировское общество») (1873). — 2: 580.
- Ферранд Уильям* — английский землевладелец, примыкал к партии торн. — 1: 439.
- Фехнер Густав Теодор* (1801—1887) — немецкий физик и философ-идеалист. — 1: 411.
- Филдинг Генри* (1707—1754) — крупнейший романист английского Просвещения. — 2: 582, 591.
- Филипп I* (1504—1567) — ландграф Гессенский; участвовал в разгроме рыцарского восстания 1522—1523 гг.; организатор подавления крестьянского восстания в Тюрингии в 1525 г. — 1: 352.
- Филипп Орлеанский* (1674—1723) — регент, управляющий Францией в малолетство Людовика XV, после смерти Людовика XIV. — 1: 417.
- Филипп Август* (1165—1223) — французский король (1180—1223), участник Третьего крестового похода. — 1: 106.
- Филострат* — имя двух древнегреческих авторов — *Филострата*-старшего (II в. до н. э.) и *Филострата*-младшего (III в.), авторов жизнеописания Аполлония Тианского, «Картин» и других сочинений. — 1: 574.
- Финке Георг Эрнст Фридрих* (1811—1875) — немецкий либерал, член франкфуртского Национального собрания, прусской палаты депутатов и прусского ландтага. — 1: 187, 370; 2: 246.
- Финн Мак Кумхал (Финн Мак Кол)* (ум. в 283 г.) — легендарный сын ирландского короля Кормака Улфада, реформировавший, по преданию, ирландское войско. — 1: 323, 326.
- Фирдоуси Абуль Касим* (934 — ок. 1020 г.) — великий таджикский поэт, автор гениальной поэмы «Шах-Наме». — 2: 579.
- Фирекк Луи* (1851—1921) — немецкий социал-демократ, дюрингианец; в эпоху исключительных законов против социалистов — один из лидеров правого крыла партии; в 1884—1886 гг. — член рейхстага, оппортунист; в конце 80-х гг. эмигрировал в Америку и отошел от социалистического движения. — 1: 82; 2: 274.
- Фитцджеральд Джон Дэвис*, лорд (1816—1889) — ирландский либерал, член английского парламента. — 2: 376.
- Фихте Иоганн Готтлиб* (1766—1814) — немецкий философ, «классический представитель субъективного идеализма» (Ленин); в развитии диалектики — один из предшественников Гегеля. — 1: 106, 430, 492, 611; 2: 445, 511, 593, 611.
- Фишер Фридрих Теодор* (1807—1888) — философ, автор известной гегельянской эстетики. Переработал гегелевскую эстетику в буржуазно-либеральном духе. — 2: 248.
- Флери Карл Фридрих Август* (род. в 1824 г.) — немецкий коммерсант, прусский полицейский агент в Лондоне. — 2: 344, 637.
- Флеровский Н. (Берви Василий Васильевич)* (1829—1918) — русский публицист, народник, автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869). — 1: 531, 545, 547—550, 618, 619, 621, 622.
- Флобер Гюстав* (1821—1880). — 2: 584.
- Флокон Фердинанд* (1800—1866) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, один из редакторов газеты «Réforme», в 1848 г. член временного правительства. — 1: 60.

- Флоренкур Франц (Фридрих) фон* (1803—1886) — немецкий публицист, редактор ряда немецких периодических изданий; в начале своей деятельности — либерал, впоследствии — консерватор. — 2: 496.
- Флориан Пьер Кларисс* (1755—1794) — французский поэт и баснописец, автор поэмы «Вильгельм Телль, или Освобожденная Швейцария». — 1: 206, 356.
- Флуранс Гюстав* (1838—1871) — французский журналист, бланкист, член ЦК Национальной гвардии, член военной комиссии Парижской Коммуны; убит версальцами 3 апреля 1871 г. — 1: 400.
- Фогт Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист; вульгарный материалист; в 1848—1849 гг. член франкфуртского Национального собрания и имперского регентства; в эмиграции — один из лидеров мелкобуржуазной демократии. Агент Наполеона III. Разоблачен Марксом в памфлете «Господин Фогт» (1860). — 1: 398, 400, 526, 527, 606; 2: 245, 288, 322, 325—328, 331, 332, 335, 336, 339, 340, 342, 345—349, 587, 588, 621, 622, 630, 632—636.
- Фоллен Август Адольф Людвиг* (1794—1855) — немецкий поэт, участник национально-освободительных войн против Наполеона I. — 2: 238, 621.
- Фольмар Георг Генрих фон* (1850—1922) — германский социал-демократ, бывший офицер, в 1879—1880 гг. редактор цюрихского «Sozial-Demokrat»; в 1881—1886 гг. и в 1890—1918 гг. член рейхстага; с начала 90-х гг. один из вождей оппортунизма. — 1: 561.
- Форшель Клод* (1772—1842) — французский историк и критик. — 1: 331.
- Фортескью Джон* (прибл. 1394—1476) — английский юрист; в 1442 г. — верховный судья. — 1: 358.
- Фосс Йоганн Генрих* (1751—1826) — немецкий поэт и переводчик Гомера. — 2: 490, 616.
- Франк Себастиан* (1499—1542) — немецкий гуманист, идеолог передовой части бюргерства. — 1: 354, 355.
- Франкель Лео* (1844—1896) — венгерский социалист, член I Интернационала и Парижской Коммуны; один из основателей венгерской социал-демократической партии (1890), соратник Маркса и Энгельса. — 2: 223, 224.
- Франклин Бенджамен* (1706—1790) — североамериканский политик и экономист, выдающийся деятель американского Просвещения и войны за независимость. — 1: 162.
- Франкль Людвиг Август* (1810—1894) — австрийский поэт-романтик. — 2: 467.
- Франц Бомба* — см. *Фердинанд II*.
- Фрейвальд Тюрингер* — см. *Кварк Макс*.
- Фрейр дон Мануэль* (1765—1834) — испанский генерал. — 1: 425.
- Фрейлиграт Вольфганг* (р. в 1847 г.) — сын поэта Ф. Фрейлиграта. — 2: 309, 637.
- Фрейлиграт Екатерина (Кетхен)* (1845—1904) — дочь Ф. Фрейлиграта, писательница. — 2: 324, 354.
- Фрейлиграт Ида* (1817—1899) — жена поэта Ф. Фрейлиграта. — 2: 303, 304, 324, 325, 329, 333.
- Фрейлиграт Фердинанд* (1810—1876) — немецкий революционный поэт, член редакции «Новой Рейнской газеты» и Союза коммунистов; в конце 50-х гг. примкнул к буржуазно-демократическим элементам немецкой эмиграции; в 1868 г. вернулся в Германию. — 1: 15, 17, 23, 595; 2: 123, 132—133, 270, 281, 301—357, 365—366, 463, 467, 474, 475, 481, 486, 490, 506, 507, 518, 528, 542, 543, 553, 555, 613, 617, 630—637, 651—654.

- Фрейнд Вильгельм Александр* (1833—1917) — приват-доцент в Бреславле, гистолог. — 1: 573; 2: 580.
- Фрейтаг Густав* (1816—1895) — немецкий буржуазный романист и драматург; национал-либерал. — 2: 246.
- Фрерон Эли Катрин* (1719—1776) — французский писатель, реакционер, известен своими нападениями на энциклопедистов, в особенности на Вольтера. — 1: 399.
- Фридберг Герман* (1817—1884) — немецкий профессор, хирург. — 2: 247.
- Фридендер Макс* (1829—1872) — немецкий буржуазный публицист, редактор венской газеты «Die Presse», кузен Ф. Лассалья. — 1: 24, 587.
- Фридрих* — см. *Фридрих II*.
- Фридрих II* (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 1: 103, 408; 2: 360, 508, 509, 589, 652, 653.
- Фридрих III* (1286—1330) — германский император (1314—1330). — 1: 344—345.
- Фридрих Вильгельм I* (1688—1740) — прусский король (1713—1740). — 1: 107.
- Фридрих Вильгельм IV* (1795—1861) — прусский король (1840—1861). — 1: 62, 609; 2: 186, 215, 617, 644, 645.
- Фриз Якоб Фридрих* (1773—1843) — немецкий философ-идеалист. — 1: 568.
- Фриц* — см. *Гребер Фридрих*.
- Фриц* — см. *Фридрих II*.
- Фроман М.* — полицейский чиновник в эпоху Реставрации, написал книгу «Разоблаченная полиция» (1829). — 2: 29.
- Фроме Карл Эгон* (1850—1933) — немецкий социал-демократ, лассальянец, участник объединительного съезда в Готе. — 2: 250.
- Фруассар* (1337—1410) — французский хронист. — 1: 357.
- Фуа Максимилиан Себастьян* (1775—1825) — французский генерал, популярный член палаты депутатов (1819—1824). — 2: 29.
- Фуке Фридрих де ла Мотт* (1777—1843) — немецкий поэт-романтик, автор «Ундины». — 2: 475, 501, 547, 548, 654.
- Фукидид* (ок. 460—395 г. до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны». — 1: 176, 177, 281, 598; 2: 645.
- Функе Георг Людвиг Вильгельм* — немецкий теолог, правый гегельянец. — 1: 187.
- Фурье Шарль* (1772—1837) — великий французский социалист-утопист. — 1: 78, 264, 382, 542, 597; 2: 68, 70, 71, 94—96, 113, 610, 611.
- Фуше Жозеф, герцог Отрантский* (1759—1820) — французский политический деятель, министр полиции (1799—1815). — 2: 214.
- Фюльширон Жан Клод* (1774—1859) — французский капиталист, консервативный политический деятель, защитник интересов финансовой аристократии. — 1: 477; 2: 105.
- Фюстель де Куланж Нюма Дени* (1830—1889) — французский буржуазный историк. — 1: 278.
- Ханчке* — директор гимназии в Эльберфельде. — 2: 484.
- Харири Абу Мухаммед* (1054—1122) — арабский писатель. — 2: 439, 440, 595, 602, 645, 657.
- Харун-ар-Рашид* — арабский халиф (786—809) из династии Аббасидов, идеализированный в арабских сказках «Тысяча и одна ночь». — 2: 53.
- Хассель* — издатель в Эльберфельде. — 2: 488.
- Хафиз* — см. *Гафиз*.

- Хеллер Роберт* (1812—1871) — немецкий писатель и публицист, либерал. — 2: 467.
- Хель Теодор* — см. *Винклер Теодор*.
- Хельмих Юлиус (Рак)* — вестфальский издатель и книготорговец, «истинный социалист». — 2: 102, 612.
- Хенгстенберг Эрнст Вильгельм* (1802—1869) — немецкий теолог, профессор Берлинского университета, фанатический реакционер, обскурант. — 2: 466.
- Хент Ли* (1784—1859) — английский публицист-романтик. — 1: 618.
- Херлосзон Карл* (1804—1849) — немецкий писатель, либерал. — 2: 467.
- Херуск* — см. *Криге Герман*.
- Хиллер* — шваб, убивший своих пятерых детей. — 2: 138, 142, 143.
- Хинрикс Герман Фридрих Вильгельм* (1794—1861) — немецкий профессор философии, правый гегельянец. — 2: 537.
- Холиншед (Holinshead)* (ум. ок. 1590) — английский историк. — 1: 359.
- Холингер Фиделио* — владелец типографии в Лондоне, где печаталось большинство немецких эмигрантских газет. — 2: 336, 347, 633, 634.
- Хольберг Людвиг* (1684—1754) — выдающийся датский писатель, баснописец и драматург. — 2: 261.
- Хорнер Леонард* (1785—1864) — английский геолог и общественный деятель; член комиссии по обследованию фабричного труда в 1833 г. и детского труда в 1841 г. — 1: 367.
- Хото Генрих Густав* (1802—1873) — немецкий эстетик-гегельянец. — 2: 542.
- Хоувальд Кристоф Эрнст* (1778—1845) — немецкий драматург реакционно-романтического направления. — 2: 470.
- Христиани Рудольф* — друг Г. Гейне. — 2: 594.
- Хуб Игнац* (1810—1880) — немецкий поэт. — 2: 467.
- Хюльсман* — вуппертальский проповедник. — 2: 489.
- Хюльштетт Г.* — бременский книготорговец. — 2: 464, 649.
- Цедлиц Иозеф Христиан* (1790—1862) — австрийский поэт, реакционный романтик, приверженец Меттерниха. — 2: 467.
- Цезарь* — см. *Юлий Цезарь*.
- Целлер Пауль* — друг Готфрида Кинкеля. — 2: 170, 172—175.
- Целлер Элиза* — сестра *Пауля Целлера* (см.). — 2: 172, 174, 175, 179.
- Цыхлинский (Шелига) Франц фон* (1816—1900) — прусский офицер, младогегельянский критик и публицист. — 2: 7—85, 609.
- Циглер-унд-Клиппгаузен Генрих Ансельм фон* (1663—1696) — немецкий писатель, представитель прециозной литературы. — 2: 543, 654.
- Цинн Христиан* — мелкобуржуазный демократ, журналист из Кайзерслаутерна, капитан пфальцской революционной армии в 1849 г. — 2: 335.
- Цитц Франц* (1803—1877) — адвокат из Майнца, член левого крыла франкфуртского Национального собрания, участник баденско-пфальцкого восстания, эмигрировал в США. — 1: 556, 562, 623.
- Цицерон Марк Туллий* (106—43 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, оратор и писатель. — 1: 179, 296, 299, 599, 600.
- Цуккальмальо Винченца* (псевдоним — *Монтанус*) — немецкий писатель. — 2: 489, 651.
- Чемпион Генри Хайд* (1857—1928) — английский социалист, издатель «Labour Elector»; в 1887 г. был исключен из Социал-демократической федерации за тайную финансовую и избирательную сделку с консервато-

- рами; эмигрировал в Австралию, где вместе с Томасом Мэном в течение долгих лет стоял во главе социалистической партии. — 2: 376.
- Чернышевский Николай Гаврилович* (1828—1889). — 1: 531, 536—546, 550, 618—621.
- Черчилль Генри Спенсер, лорд Рандольф* (1849—1895) — английский консерватор; отец Уинстона Черчилля, идеолог так наз. «демократического торизма»; в 1885 г. статс-секретарь по делам Индии в кабинете Солсбери; в 1886 г. — канцлер казначейства. — 2: 376.
- Чех Генрих Людвиг* (1789—1844) — юрист; в 1837—1841 гг. бургомистр г. Сторкова (Пруссия), демократ; 26 июля 1844 г. совершил неудачное покушение на жизнь прусского короля Фридриха Вильгельма IV; 14 декабря был казнен. — 1: 561, 562.
- Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904) — русский юрист, историк права и публицист, либерал. — 1: 618.
- Чосер Джеффри* (1340—1400) — английский поэт, один из основоположников английской национальной литературы. — 1: 358.
- Чуди Эгидиус* (1505—1572) — швейцарский историк и географ. — 1: 206.
- Шабелиц Жак* (1827—1899) — издатель и книготорговец в Базеле, радикал, один из редакторов «Deutsche Londoner Zeitung» в 1848 г. — 2: 343.
- Шайбле Карл Генрих* (1824—1899) — немецкий демократ, участник баденского восстания, позднее эмигрант в Лондоне. — 2: 345—347, 634.
- Шак Адольф* (1815—1894) — немецкий писатель и историк литературы. — 2: 579.
- Шак г-жа* — см. *Гильом-Шак Гертруда*.
- Шамиссо Адальберт (Луи Шарль Аделаид де Шамиссо де Бонкур)* (1781—1838) — немецкий поэт-романтик, автор «Необыкновенной истории Петера Шлемиля». — 2: 176, 195; 2: 390, 515, 595, 602, 643.
- Шангарнье Никола Эме* (1793—1877) — французский генерал и политический деятель, орлеанист. Участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г. в Париже. — 1: 59.
- Шанпер Карл* (1813—1870) — немецкий революционер, один из руководителей «Союза справедливых», член ЦК Союза коммунистов, участник германской революции 1848 г. В 1850 г. вместе с Виллихом возглавил антимарксистскую фракцию Союза коммунистов, подготовлявшую авантюристский путч в Германии. Позже в эмиграции вновь сблизился с Марксом. В 1865 г. был членом Генерального совета I Интернационала. — 2: 215.
- Шаптал Жан Антуан* (1756—1832) — французский химик, буржуазный политический деятель. — 2: 75.
- Шатобриан Франсуа Рене, виконт* (1768—1848) — французский поэт-романтик, романист; после реставрации — министр; в 1821 г. — представитель Франции на Веронском конгрессе. 1: 370, 424—430, 609.
- Шафарик Павел Иосиф* (1795—1861) — известный чешский историк и филолог. — 1: 532, 534.
- Шваб Густав* (1792—1850) — немецкий поэт; один из главных представителей швабской школы. — 2: 561, 655.
- Швейхель Роберт* — германский социал-демократ; сотрудничал в «Neue Zeit». — 1: 528.
- Швейцер* — см. *Гартман Мориц*.
- Швейцер Иоганн Баптист* (1833—1875) — франкфуртский адвокат, лассальянец. Вскоре после смерти Лассаля стал во главе «Всеобщего германского рабочего союза»; основатель берлинской газеты «Sozial-De-

- тократ», на которую, как обнаружилось впоследствии, он получал субсидию от Бисмарка. — 1: 78, 622.
- Швейцер Иосиф* — немецкий поэт, «истинный социалист». — 2: 138, 139.
- Швердтлейн Рудольф* — немецкий поэт, «истинный социалист». — 2: 141.
- Шевалье Мишель* (1806—1879) — французский экономист и публицист. — 1: 189.
- Шези Хельмина фон* (1783—1856) — немецкая писательница романтического направления. — 1: 434, 610.
- Шекспир Вильям* (1564—1616). — 1: 26, 29, 31, 56, 82, 134, 135, 165, 167—169, 172, 228, 244, 361—369, 458, 585, 588, 589, 594, 603, 604; 2: 25, 123, 166, 167, 257, 393, 404, 462, 470, 478, 512, 555, 577, 578, 580, 581, 588, 590, 591, 595, 596, 598, 599, 602, 603, 610, 613, 615, 622, 637, 643, 645, 655, 656.
- Шелер Лина* — учительница, друг семьи Маркса. — 2: 315.
- Шелига* — см. *Цыхлинский*.
- Шелли Мэри* (1798—1851) — английская писательница-романистка, дочь публициста Уильяма Годвина, вторая жена поэта П.-Б. Шелли. — 2: 556.
- Шелли Перси Биши* (1792—1822) — английский революционный поэт-романтик. — 1: 231—233, 435, 618; 2: 474, 550, 556, 650.
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф* (1775—1854) — немецкий философ-идеалист, предшественник Гегеля. После смерти Гегеля стал одним из ярких представителей идеологической реакции. — 1: 453, 611; 2: 388, 511, 534, 535, 648, 653.
- Шеман Георг Фридрих* (1793—1879) — немецкий историк и языковед, автор ряда работ по истории Греции. — 1: 276, 279, 289, 597, 598.
- Шенайх Христофор Отто*, барон (1725—1806) — немецкий поэт, автор эпюпы «Герман» («Арминий»). — 1: 410; 2: 314.
- Шеню Адольф* (род. в 1816 г.) — член тайных обществ при июльской монархии, полицейский агент. — 1: 14, 576, 584.
- Шерр Иоганн* (1817—1886) — немецкий либеральный историк литературы и писатель. — 2: 138.
- Шерцер Андреас* (1807—1879) — портной из Баварии, последователь Вейтлинга, редактор лондонской «Neue Zeit» и сотрудник «Volk». — 2: 342.
- Шефтсбери Антони*, граф (1671—1713) — английский философ-моралист, видный представитель деизма, последователь Локка. — 1: 379, 380.
- Шефтсбери*, граф — см. *Эшли Антони*.
- Шиллер Иоганн Фридрих* (1759—1805). — 1: 9, 26, 31, 41, 206, 208, 216, 217, 410, 413, 489, 492, 505, 506, 523, 585, 586, 608; 2: 78, 123, 124, 126, 138, 153, 181, 231, 232, 240, 316—321, 323, 325, 330, 334, 342, 392, 401, 456, 459, 461, 462, 469—472, 474, 475, 481, 519, 560, 613, 614, 620, 625, 645, 646, 649, 655, 656, 659.
- Шиндерганнес*, прозвище *Иоганна Бюклера* (1777—1803) — атамана шайки разбойников в Рейнской области, казненного в 1803 г. — 1: 211.
- Шиппель Макс* (1859—1928) — германский социал-демократ, публицист; с 1886 г. — член социал-демократической партии, примыкал к полуанархической группе «молодых», в 1880—1905 гг. — член рейхстага, редактор и сотрудник ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte», во время империалистической войны — социал-шовинист. — 2: 269, 274.
- Ширгес Георг* (1811—1879) — немецкий писатель и публицист, в середине 40-х гг. — «истинный социалист». — 2: 104, 105, 612.
- Шифлин* — учитель городской школы в Бармене. — 2: 483.

- Шлегель Август Вильгельм* (1767—1845) — немецкий писатель-романтик и литературный критик, переводчик Шекспира и Кальдерона. — 1: 168; 2: 166, 490, 641.
- Шлегель Фридрих* (1772—1829) — немецкий литературный критик, филолог и поэт, один из теоретиков романтизма. — 1: 430.
- Шлейермахер Фридрих* (1768—1834) — немецкий философ-идеалист, теолог и проповедник. — 2: 533, 648.
- Шленбах Карл Арнольд* (1807—1866) — немецкий поэт, друг Г. Кинкеля. — 2: 187.
- Шлепине Мария* — возлюбленная Г. Кинкеля. — 2: 176, 179.
- Шлецер Август Людвиг* (1735—1809) — немецкий историк. — 1: 409.
- Шлик Каспар* (ок. 1400—1449 г.) — канцлер германского императора Сигизмунда II. — 1: 344.
- Шлоссер Фридрих Христоф* (1776—1861) — немецкий либерально-буржуазный историк, автор многотомной «Всеобщей истории». — 1: 365.
- Шлюссель Г.* — издатель одного из журналов «истинного социализма» — «Фиалка» (1846—1847). — 2: 121, 122, 613.
- Шлотер Герман* (ум. в 1919 г.) — немецкий социал-демократ; в 1883 г. руководил в Цюрихе книжным издательством «Sozial-Demokrat». Автор ряда работ по истории английского и американского рабочего движения. — 1: 529, 555, 556, 622; 2: 275, 373.
- Шмальгаузен Вильгельм Роберт* (ум. в 1862 г.) — адвокат, муж сестры Маркса, Софии. — 2: 351.
- Шмидт, д-р* — поверенный издательской фирмы Вундера. — 2: 390.
- Шмидт Конрад* (1863—1932) — немецкий социал-демократ, корреспондент Энгельса; позднее ревизионист-неокантианец. — 1: 101, 102, 593; 2: 277, 294, 374, 381, 641.
- Шмидт Юлиан* (1818—1886) — немецкий историк литературы, национал-либерал. — 2: 246, 622.
- Шнаке Фридрих (Персей)* — немецкий журналист, в середине 40-х гг. — «истинный социалист». — 2: 103, 110, 111, 112, 118, 613.
- Шнецлер Август Фердинанд* (1809—1853) — немецкий поэт и журналист, почтовый чиновник. — 2: 467.
- Шопенгауэр Артур* (1788—1860) — немецкий философ-идеалист. — 1: 568; 2: 593.
- Шорлеммер Карл* (1834—1897) — немецкий химик, коммунист, близкий друг Маркса и Энгельса. — 1: 317, 529, 640.
- Шоу Джордж Бернард* (1856—1950) — выдающийся английский драматург и политический деятель; с конца 80-х гг. — один из лидеров фабианского общества. — 2: 376, 380—382, 641.
- Шписс Кристиан Генрих* (1755—1799) — немецкий писатель, автор широко популярных в конце XVIII в. разбойничьих и рыцарских романов. — 2: 178.
- Шпрунер Карл фон Мерц* (1803—1892) — немецкий историк-картограф. — 1: 408.
- Шрамм Конрад* (1822—1858) — немецкий революционер, член Союза коммунистов. — 2: 304.
- Шрамм Рудольф* (1813—1882) — брат К. Шрамма, немецкий политик и публицист, мелкобуржуазный демократ, член прусского Национального собрания (1848), впоследствии сторонник Бисмарка. — 2: 203, 310.
- Шредер Людвиг* (1848—1914) — немецкий социал-демократ, один из лидеров горнорабочих в Германии. — 2: 335.
- Штар Адольф Вильгельм* (1805—1876) — немецкий историк литературы. — 2: 198.

- Штарке К. Н.* — автор книги о Фейербахе. — 1: 402, 606.
- Штаркенбурге Гейнц* — немецкий социал-демократ, сотрудник «Neue Zeit», корреспондент Энгельса. — 1: 99.
- Штауффахер* (XIV в.) — легендарный швейцарский герой. — 1: 209.
- Штейнталь* — глава торговой фирмы в Манчестере. — 2: 366.
- Штейнхауз* — берлинский книгоиздатель. — 2: 488.
- Штенцель Густав Адольф* (1792—1854) — немецкий историк, член франкфуртского Национального собрания. — 1: 67, 589.
- Штернберг Александр, барон фон Унгерн* (1806—1868) — немецкий беллетрист, реакционер. — 2: 232, 501, 541.
- Штибер Вильгельм* (1818—1882) — директор прусской политической полиции, организатор Кельнского процесса коммунистов; во время войн 1866 и 1870—1871 гг. стоял во главе прусской контрразведки; с 1861 по 1864 г. служил в русской полиции главным агентом по наблюдению за царством Польским. — 2: 337, 340, 341, 636.
- Штиглиц Генрих* (1801—1849) — немецкий поэт. — 2: 463.
- Штир Рудольф Эвальд* (1800—1862) — немецкий протестантский теолог и пастор. — 2: 481, 482.
- Штирнер Макс* (псевдоним *Иоганна Каспара Шмидта*) (1806—1856) — немецкий философ, младогегельянец, теоретик мелкобуржуазного анархизма. — 1: 149, 150, 204, 205, 243—245, 247—252, 257, 302, 304, 308, 388, 411, 412, 433, 594, 597, 600, 605, 608; 2: 128, 229, 241, 242, 621.
- Штольберге Кристиан фон* (1748—1821) — немецкий поэт, друг молодого Гёте, переводчик античных писателей. — 1: 179, 595; 2: 616.
- Шторх Генрих Фридрих* (1766—1835) — экономист, автор ряда работ по экономике и статистике России. — 1: 190—193, 596.
- Штраус Давид Фридрих* (1808—1874) — немецкий теолог-левогегельянец, автор «Жизни Иисуса» (1835). — 1: 231, 233, 439, 453, 462, 613; 2: 498, 525, 526, 533, 537, 542, 653.
- Штраусиха* — см. *Воль-Штраус Жаннета*.
- Штротман Адольф Генрих* (1829—1879) — немецкий писатель, буржуазный демократ, биограф Г. Кинкеля — 2: 170, 172, 183, 185, 310, 616.
- Штрюккер* — товарищ Энгельса по Эльберфельду. — 2: 460, 474.
- Шубарт Иоганн Кристиан Клефельд фон* (1734—1787) — немецкий агроном. — 1: 409.
- Шубарт Карл Эрнст* (1796—1861) — немецкий консервативный публицист, учитель гимназии в Хиршберге. — 2: 545.
- Шурц Карл* (1829—1906) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцкого восстания 1849 г.; в 1852 г. устроил побег Кинкеля из тюрьмы; эмигрировал в США, где стал членом правительства и видным государственным деятелем. — 2: 185, 199, 200, 599, 616.
- Шюккинг Кристоф Бернгард Левин* (1814—1883) — немецкий писатель и журналист, близко стоявший к Гуцкову и Фрейлиграту. — 2: 466, 555, 654.
- Шюц Кристиан Готфрид* (1747—1832) — немецкий филолог. — 1: 287.

Щедрин — см. *Салтыков М. Е.*

Эбер Жак (1757—1794) — деятель Великой французской революции, представитель левого крыла якобинцев. — 1: 588.

Эбердин Джордж Гамильтон Гордон, граф (1784—1860) — английский государственный деятель, консерватор, министр иностранных дел (1828—

- 1830 и 1841—1846) и премьер-министр (1852—1855). — 1: 362, 363, 603.
- Эберт Карл Эгон фон* (1801—1882) — австрийский поэт-романтик. — 2: 467.
- Эбнер Герман* (1805—1855) — друг Фрейлиграта, немецкий демократический издатель и журналист; был тайным агентом австрийского правительства. — 2: 305, 308.
- Эвелинг Эдвард* (1851—1898) — английский социалист, один из основателей Социалистической лиги (1884), активный деятель рабочего движения, муж дочери Маркса, Элеоноры. — 1: 10, 435, 575; 2: 373—377, 380, 639—641.
- Эвелинг Элеонора* — см. *Маркс Элеонора*.
- Эвербек Август Герман* (1816—1860) — немецкий социалист, врач и писатель; один из руководителей «Союза справедливых», затем член Союза коммунистов, из которого вышел в 1850 г.; парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты» в 1848—1849 гг. — 2: 140, 290, 295, 624.
- Эверерт* — типограф в Кельне.
- Эвих Иоганн Якоб* (1788—1863) — немецкий педагог, один из основателей городской школы в Бармене. — 2: 475, 483.
- Эгберт* — см. *Бауэр Эгберт*.
- Эгидиус* — см. *Вейль Карл*.
- Эдгар* — см. *Бауэр Эдгар*.
- Эде* — см. *Бернштейн Эдуард*.
- Эйзенгут* — директор странствующей театральной группы. — 2: 190.
- Эйхгоф Вильгельм* (1833—1895) — немецкий социалист, друг Маркса и Энгельса, разоблачил в «Германе» шпионскую деятельность Штибера. — 1: 10, 582; 2: 340, 341, 636.
- Эйхгоф Фридрих Густав* (1799—1875) — французский филолог. — 1: 532, 533.
- Эйхоф Карл Иоганн Людвиг Михаэль* (род. в 1805 г.) — учитель гимназии в Эльберфельде, филолог. — 2: 485.
- Эк Карл Готтлиб* (род. в 1823 г.) — немецкий ремесленник, поэт, «истинный социалист». — 2: 138.
- Эккерман Иоганн Петер* (1792—1874) — немецкий писатель, в 1823—1832 гг. — секретарь Гёте. Автор-издатель «Разговоров с Гёте в последние годы его жизни». — 2: 232.
- Эколампadius (Эколампдий) Иосс* (1482—1531) — швейцарский гуманист, деятель Реформации. 1: 44, 587.
- Элиза* — кузина Г. Кинкеля. — 2: 177, 179, 180, 181.
- Элла* (ум. в 867 г.) — король Нортумбрии (Северная Англия) с 863 г. — 1: 324.
- Эллиот Джордж* (псевдоним *Мари Энн Ивенс*) (1819—1880) — английская писательница-реалистка. — 1: 529, 530.
- Элоиза* — возлюбленная Абельяра (см.). — 1: 330.
- Энгель Иоганн Якоб* (1741—1802) — немецкий писатель и историк литературы, автор «Fürstenspiegel» («Княжеское зеркало») (1798) — книги, содержащей правила поведения и советы государям. — 1: 414.
- Энгельгардт Александр Николаевич* (1832—1893) — русский публицист-народник, автор писем «Из деревни» (1872—1883). — 1: 618.
- Энгельгардт Гельвиغ Конрад Христиан* (1825—1881) — датский археолог. — 1: 309.
- Энгельгардт Магдалина Филиппина* (урожд. *Гаттерер*) (1756—1831) — немецкая поэтесса. — 2: 232.
- Энгельс* — немецкий протестантский пастор в Кельне. — 2: 187.

- Энгельс Фридрих* (1796—1860) — отец Ф. Энгельса. — 1: 288, 2: 365, 639.
- Энгельс Элиза Франциска* (1797—1873) — мать Ф. Энгельса. — 1: 524; 2: 369.
- Энке Иоганн Франц* (1791—1865) — немецкий астроном. — 1: 251.
- Эпикур* (341—270 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, атомист. — 1: 295, 296, 298, 299, 300, 303, 599, 600.
- Эразм (Роттердамский) Дезидерий* (1466—1536) — голландский гуманист, автор «Похвалы глупости» (1509). — 1: 347.
- Эрлиб* — см. *Добролюбов Н. А.*
- Эрлинг из Штраумей* (конец X — нач. XI в.) — скандинавский военачальник. — 1: 325.
- Эрмен Готфрид* — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере. — 1: 288.
- Эрнст Пауль* (1866—1933) — немецкий писатель и публицист. В 80-х гг. — социал-демократ, сотрудник «Neue Zeit», в 90-х гг. один из руководителей анархистской «оппозиции молодых», впоследствии декадент, в конце жизни национал-социалист. — 1: 123—128, 591—593; 2: 277, 623.
- Эрнст Фридрих* (1724—1800) — герцог *Кобургский* (1764—1800). — 1: 409.
- Эсхил* (525—456 гг. до н. э.). — 1: 9, 53, 161, 275, 279, 286, 287, 289, 589, 594, 597, 598, 600; 2: 468, 469, 577, 581, 586.
- Эчегарая Хосе* (1832—1916) — испанский драматург. — 2: 374.
- Эшворт Генри* (1794—1880) — английский хлопчатобумажный фабрикант, фритредер, один из организаторов Лиги против хлебных законов, член парламента. — 1: 367.
- Эшли Антони Купер* (1801—1885) — английский политический деятель, примыкавший к группе «Молодая Англия», феодальный социалист; с 1851 г. — граф Шефтсбери. — 1: 439, 576, 609, 624; 2: 257.
- Ювенал Децим Юний* (I—II вв.) — древнеримский поэт-сатирик. — 2: 361, 587, 606.
- Юлиан Отступник* (ок. 331—363 гг.) — римский император (361—363). — 1: 299.
- Юлий Цезарь Гай* (100—44 гг. до н. э.) — римский полководец и диктатор. — 1: 130, 273, 332, 365; 2: 205, 468.
- Юлс Бетти* — детоубийца в Бостоне. — 1: 441.
- Юм Давид* (1711—1776) — английский философ-агностик, историк и экономист. — 1: 390.
- Юм Джозеф* (1777—1855) — английский политический деятель, член парламента, радикал. — 1: 368.
- Юнг Александр* (1799—1884) — немецкий писатель, историк литературы и публицист, близкий к «Молодой Германии». — 2: 524—538, 649, 653, 654.
- Юнг Георг* (1814—1886) — юрист и публицист, младогегельянец, один из основателей «Рейнской газеты» (1842), в 1848 г. — демократ, впоследствии — национал-либерал. — 2: 288, 304.
- Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих* (1740—1817) — немецкий pietist-мистик. — 2: 183, 490, 616.
- Юта Ян (Иоганн) Карл* (1824—1886) — немецкий книготорговец, муж сестры К. Маркса, Луизы. — 1: 24, 587.
- Юх, д-р* — немецкий журналист, редактор органа немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне — еженедельной газеты «Герман» (1859—1870). — 2: 317, 341, 636.

- Якоб* — немецкая переводчица сербских песен. — 1: 533, 534.
Якоби Фриц (Фридрих Генрих) (1743—1819) — немецкий философ-идеалист, стремился к подчинению разума религиозной вере. — 1: 608.
Яков — архиепископ Трирский (XV в.). — 1: 345.
Яков I Стюарт (1566—1625) — английский король (1603—1625). — 2: 407.
Яков II Стюарт (1633—1701) — английский король (1685—1688). — 1: 553.
Ян Фридрих Людвиг (1778—1852) — основатель гимнастических обществ, целью которых была подготовка немецкой молодежи для борьбы с Наполеоном I, участник национально-освободительных войн. Впоследствии — член франкфуртского Национального собрания, где он занял крайне реакционную позицию. — 2: 492, 495, 511.
Янсен Иоганн, из Кельна (1825—1849) — участник баденско-пфальцского восстания, расстрелян в Раштатте 19 октября 1849 г. — 2: 213.
Янсен Иоганн (1829—1891) — немецкий католический историк. — 1: 353.
Янсон Юлий Эдуардович (1835—1892) — либеральный экономист и статистик, профессор Петербургского университета. — 1: 618.

Gögg — см. *Гегг Армандус*.

Guglielmo — см. *Гребер Вильгельм*.

Holinshed — см. *Холиншед*.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

- «Агасфер», немецкая народная книга — см. «Вечный жид».
- «Агасфер», поэма Т. Крейценаха — 2: 463.
- «Агасфер», поэма Ю. Мозена — 2: 463.
- «Азиатская Баниза», роман Г. А. фон Циглера унд Клипгаузена — 2: 543.
- «Александрийские стихи», цикл стихотворения Ф. Фрейлиграта — 2: 543, 654.
- «Анатомия меланхолии», сочинение Р. Бертона — 1: 373.
- «Андерсен» — см. «Послание к Вейдемейеру».
- «Андромаха», трагедия Еврипида — 1: 287.
- «Антигона», трагедия Софокла — 1: 166, 275, 495, 589, 613.
- «Антихрист», роман Э. Дуллера — 2: 543.
- «Аполлон Бельведерский», римская копия греческой статуи работы Леохара — 1: 521.
- «Армада» — см. «Непобедимая Армада».
- «Арминиева колонна», памятник Арминию (Герману) в Тевтобургском лесу — 1: 571, 623.
- «Арминий», роман Д. К. фон Лоэнштейна — 2: 543.
- «Арфа Ирландии», песни Ж. Риссе (на слова Т. Мура) — 2: 599.
- «Атала», повесть Шатобриана — 1: 370.
- «Атар Гюль», роман Э. Сю — 2: 9.
- «Атта Тролль», поэма Г. Гейне — 2: 211, 212, 359, 619.
- «Аттила на Марне», стихотворение И. Поля — 2: 489.
- «Барин Тидман», стародатская народная песня — 1: 550—552, 555, 622.
- «Басня о пчелах», сатира Б. Мандевила — 1: 216, 217, 396, 397, 596, 606.
- «Бедуины», юношеское стихотворение Ф. Энгельса — 2: 459, 647.
- «Безработный», повесть М. Гаркнесс — 1: 583.
- «Белоснежка», немецкая народная сказка — 2: 486, 651.
- «Беовульф», англо-саксонский героический эпос — 1: 312.
- «Беседы» — см. «Разговоры богов».
- «Бесплодные усилия любви», комедия Шекспира — 1: 365, 604; 2: 166, 615.
- Библия — 1: 271; 2: 235.
- «Блазедов и его сыновья», роман К. Гуцкова — 2: 471, 551.
- «Бог и баядера», баллада Гёте — 1: 318, 2: 493, 616, 651.
- «Боги Греции», стихотворение Ф. Шиллера — 2: 481, 560, 655.
- «Боевая песня», стихотворение Г. Эвербека — 2: 140.
- «Божественное», стихотворение Гёте — 1: 495, 613.
- «Божественная комедия», поэма Данте — 1: 341, 342, 520, 602; 2: 244, 589.

- «Брэйский викарий», английская народная песня — 1: 553—555.
«Буря», юношеское стихотворение Ф. Энгельса — 2: 467, 649.
- «Ваверлей» — см. «Уоверли».
«Вали сомневающаяся», роман К. Гуцкова — 2: 566.
Вандомская колонна в Париже — 1: 237, 596.
«Вена», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 630.
«Венгерская вахта», стихотворение К. Бека — 2: 521.
«Венецианский купец», комедия Шекспира — 1: 364, 366, 367, 604.
«Венецианские эпиграммы» Гёте — 1: 513, 616.
«Вернер», драма К. Гуцкова — 2: 532.
«Веронский конгресс», роман Ю. Мозена — 2: 391, 392.
«Вечный жид», немецкая народная книга — 2: 477, 563.
«Вечный жид», трагедия В. Лангевитше — 2: 488.
«Вечный жид», роман Э. Сю — 2: 62—65.
«Видение пророчицы» (из «Эдды») — 1: 315, 601.
«Виллехальм», поэма Вольфрама фон Эшенбаха — 1: 601.
«Вильгельм Телль», драма Ф. Шиллера — 1: 206, 288; 2: 470, 649.
«Вильгельм Телль, или Освобожденная Швейцария», поэма Ж. П. Флориана — 1: 470.
«Вильгельмина — имя, лучшее из всех!» («Wilhelmine, schönster aller Namen!»), стихотворение Ф.-Л. Вюльфинга — 2: 489.
«Вина», трагедия А. Мюльнера — 1: 216.
«Виндзорские кумушки», комедия Шекспира — 1: 363; 2: 588.
«В лесу», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486.
«Возвращение к Элеоноре» («Retour à Eléonore»), элегия Э. Парни — 2: 23.
«Война мышей и лягушек» («Батрахиомахия»), древнегреческая комическая поэма — 1: 433.
«Волшебная флейта», опера Моцарта — 1: 414, 415, 467.
«Волшебный рожок юноши», сборник немецких народных песен, изданный И. Арнимом и К. Brentано — 1: 555, 622.
«Воскресенье», стихотворение К. Бека — 2: 130.
«Воспоминания» К. Иммермана — 2: 506—514.
«Воспоминания о пережитых событиях» Э.-М. Арндта — 1: 609; 2: 491—505.
«Вперед», стихотворение Р. Швердтлейна — 2: 141.
«Все пустяки», стихотворение Иоганна Филиппа Беккера — 1: 561.
«Все хорошо, что хорошо кончается», комедия Шекспира — 2: 25.
- «Гамлет», трагедия Шекспира — 1: 368; 2: 123, 462, 470.
«Ганс Ибелес», роман И. Кинкель (Моккель) — 2: 216.
«Ганс Рекле», сказка, которую Маркс рассказывал своим дочерям — 2: 590, 591.
«Гарэн Лотарингский», французская средневековая героическая поэма — 1: 331.
«Геновефа», немецкая народная книга — 2: 561, 564.
«Генриада», поэма Вольтера — 1: 192.
«Генрих IV», драматическая хроника Шекспира — 1: 364; 2: 588.
«Генрих фон Офтердинген», роман Новалиса — 2: 178, 179.
«Георгу Гервегу», стихотворение Г. Гейне — 2: 286.
«Герман», поэма Шейнаха — 2: 314.
«Герман и Доротей», поэма Гёте — 1: 514, 616; 2: 578.

- «Германия. Зимняя сказка», поэма Г. Гейне — 2: 237, 286, 287, 289, 293.
«Герцог Генрих Лев», немецкая народная книга — 2: 562.
«Герцог Эрнст», немецкая народная книга — 2: 562.
«Гетц фон Берлихинген», историческая драма Гёте — 1: 25, 492, 508; 2: 472, 579.
«Гильом Курносый», французская средневековая героическая поэма — 1: 332.
«Гисмонда, или Жертвы молчания», поэма К. Иммермана — 2: 513.
«Гобсек», новелла Бальзака — 1: 525, 617.
«Годы странствий Вильгельма Мейстера», роман Гёте — 1: 521.
«Годы учения Вильгельма Мейстера», роман Гёте — 1: 511, 517, 520; 2: 236, 621.
«Горе тому, кто лжет», комедия Грильпарцера — 2: 480.
«Городская девушка», повесть М. Гаркнесс — 1: 10—12, 583.
«Господин Ион», датская народная баллада — 1: 330, 601.
«Господь — наша крепость», хорал М. Лютера — 1: 555, 602.
«Гражданин-генерал», фарс Гёте — 1: 510, 514.
«Гризельда», немецкая народная книга — 2: 564, 566, 567.
«Гуго Капет», французская средневековая героическая поэма — 1: 332.
«Гудруна», немецкий народный эпос — 1: 317; 2: 591.
- «Дафнис и Хлоя», роман Лонга — 1: 316.
«Два веронца», комедия Шекспира — 1: 363.
«Два гренадера» («Гренадеры»), баллада Г. Гейне — 1: 62, 588.
«Деревенский священник» — см. «Сельский священник».
«Деревянная нога», стихотворение К. Бека — 2: 154, 155.
«Дети Хеймона» («Четыре сына Хеймона»), немецкая народная книга — 2: 461, 561, 565.
«Детоубийца», стихотворение Ф. Шиллера — 2: 138, 614.
«Детские и домашние сказки» братьев Гримм — 2: 551.
«Дикий охотник», немецкое народное сказание — 2: 477.
«Доброй ночи!», стихотворение К. Бека — 2: 520.
«Дом Шиллера в Голисе», стихотворение К. Бека — 2: 475, 650.
«Дому Ротшильдов», стихотворение К. Бека — 2: 144—151.
«Дон-Жуан», поэма Байрона — 1: 610.
«Дон-Карлос, или Преследование», трагедия Д. Рэсселя — 2: 254.
«Дон-Кихот», роман Сервантеса — 1: 370, 594; 2: 471, 582, 586, 591, 603.
«Дочь лесного царя» — см. «Рыцарь Олоф».
«Друг отечества, или Поучение», сатира Лукнана — 1: 600.
«Дубы», стихотворение Т. Кернера — 2: 600, 657.
«Дунсиада», поэма А. Попа — 1: 398, 606.
- «Евгений Онегин», роман в стихах А. С. Пушкина — 1: 535—536, 618; 2: 604—606.
«Евгений (Юджин) Арам», роман Э. Бульвера — 1: 575.
«Евнух», комедия Теренция — 2: 165.
«Еврей-старьевщик», стихотворение К. Бека — 2: 152—153.
«Ее дневник» — см. «Песни любви (Ее дневник)».
«Елена», роман М. Каутской — 1: 581; 2: 272.
«Елена», немецкая народная книга — 2: 461, 564.
- «Жалоба Петра-Пахаря», аллегорическая поэма У. Ленгленда — 1: 357—358.
«Железные песни», стихотворения К. Бека — 2: 470, 517, 653.

- «Женские и мужские характеры», книга очерков Г. Кюне — 2: 518, 542.
«Женщина», стихотворение Г. Гейне — 2: 292, 594, 653.
«Жижка», поэма А. Мейснера — 2: 132.
«Жизненный опыт одной мужской души», роман Э. Ласкера — 2: 247.
«Жизнь за царя» — см. «Иван Сусанин».
«Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппганского», памфлет Г. Веерта — 2: 359.
«Жизнь и мнения Тристрама Шенди», роман Л. Стерна — 1: 604; 2: 457.
«Жизнь есть сон», трагедия Кальдерона — 2: 603.
«Журналисты», комедия Г. Фрейтага — 2: 246.
- «Забой, Славой и Людек», героическая песня из «Краледворской рукописи» В. Ганки — 1: 532, 620.
«Завтра» («Le lendemain»), элегия Э. Парни — 2: 23, 610.
«За чтением катехизиса», стихотворение Гёте — 1: 496, 509, 613.
«Зевс из Отриколи», античная голова (IV в. до н. э.) — 2: 596.
«Зигфрид» — см. «Неуязвимый Зигфрид».
«Зикинген» — см. «Франц фон Зикинген».
- «И случилось же на грех», немецкая политическая песня 1840-х гг. о бюргермейстере Чехе — 1: 561, 562.
«Иван Сусанин» («Жизнь за царя»), опера М. Глинки — 2: 579.
«Ивиковы журавли», баллада Ф. Шиллера — 2: 320.
«Из Испании», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 630.
«Из народной жизни», рассказы Э. Дронке — 2: 135.
«Изабелла Египетская», новелла И. Арнима — 1: 432, 609.
«Избирательное сродство» («Сродство душ»), роман Гёте — 1: 521; 2: 187, 617.
«Изгнанники» («Переселенцы»), стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486, 651.
«Илиада», поэма Гомера — 1: 135, 192, 198, 273—277, 280, 281, 283, 288, 433, 597; 2: 240, 563.
«Император и папа», роман Э. Дуллера — 2: 464, 543.
«Император Октавиан», немецкая народная книга — 2: 462, 561, 564, 655.
«Исидор и Ольга», трагедия Э. Рапаха — 2: 470.
«Исповедание веры», сборник стихотворений Ф. Фрейлиграта — 2: 630.
«Ифигения в Авлиде», трагедия Ж. Расина — 2: 541.
«Ифигения в Тавриде», трагедия Гёте — 1: 508, 589.
- «К Вольфгангу на поле битвы», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 356, 637.
«К Зулейке», стихотворение Гёте — (из «Западно-восточного дивана») — 1: 213, 596.
«Как это делается», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 132, 133.
«Кампания во Франции», сочинение Гёте — 1: 513.
«Карантин в сумасшедшем доме», новелла Г. Кюне — 2: 542.
«Карденно и Хофер», трагедия К. Иммермана — 2: 470.
«Картинки Парижа», очерки Л. Берне — 2: 479.
«Картофель», стихотворение К. Бека — 2: 155, 156.
«Катон», трагедия Д. Аддисона — 1: 501, 615.
«Кентерберийские рассказы» Д. Чосера — 1: 358.

- «Киник», диалог Лукиана — 1: 600.
- «К истории религии и философии в Германии», очерк Г. Гейне — 2: 283, 619.
- «Кладбищенские идиллии», стихотворение Г. Пюттмана — 2: 143.
- «Книга любви», рукописный сборник юношеских стихотворений К. Маркса — 2: 386, 642.
- «Книга странствий», очерк К. Грюна — 2: 478.
- «Книга песен», рукописный сборник юношеских стихотворений К. Маркса — 2: 387, 642.
- «Книга песен», сборник стихотворений Г. Гейне — 2: 388, 643, 657.
- «Кобес I», сатирическое стихотворение Г. Гейне — 1: 283, 2: 291, 292, 626.
- «Коварство и любовь», трагедия Ф. Шиллера — 1: 9; 2: 181.
- «Колокол и Пушка», стихотворение В. Йордана — 1: 67.
- «Кольцо Нибелунгов», тетралогия Р. Вагнера — 1: 318, 572, 601.
- «Конец — делу венец» — см. «Все хорошо, что хорошо кончается».
- «Конфликт на почве долга», пьеса Х. Эчегарая — 2: 374.
- Коран — 1: 271; 2: 233.
- «Кориолан», трагедия Шекспира — 1: 76, 152, 589.
- «Король Лир», трагедия Шекспира — 2: 393, 643.
- «Краледворская рукопись», сборник стихотворений В. Ганки (стилизованных под старинные чешские эпические песни), который издатель выдал за древнюю рукопись — 1: 532, 620.
- «Крестьяне», роман Бальзака — 1: 525, 528, 617.
- «Крошка Цахес», новелла Э.-Т.-А. Гофмана — 2: 602.
- «Кроткие ксении», эпиграммы Гёте — 1: 508, 515, 517, 616; 2: 48, 179, 610, 616.
- «Кубок», баллада Ф. Шиллера — 2: 114, 613.
- «Кузина Бета», роман Бальзака — 1: 525.
- «Лагерь Валленштейна», драматический пролог Шиллера — 2: 309—321.
- «Ласточкина сказка», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486, 651.
- «Лаузиада», поэма Д. Уолкота — 1: 398.
- «Ленора», баллада Г.-А. Бюргера — 2: 136, 614.
- «Лишь в Германии», стихотворение А. Гофмана фон Фаллерслебена — 2: 242.
- «Лойола», роман Э. Дуллера — 2: 464, 543.
- «Лорелея», стихотворение К. Бека — 2: 153.
- «Лузиады», поэма Камозенса — 1: 398.
- «Любовник луны», роман Поль де Кока — 1: 573, 574.
- «Любовные сомнения», комедия П. Аретино — 1: 348.
- «Лютетия», очерки Г. Гейне — 2: 288, 626.
- «Маг-чудодей», драма Кальдерона — 1: 370, 604.
- «Магелона», немецкая народная книга — 2: 565.
- «Мадонна», роман Т. Мундта — 2: 526, 533.
- «Макамы Харири», переводные стихотворения Ф. Рюккерта — 2: 596, 602, 645, 657.
- «Манон Леско», роман Прево — 1: 407.
- «Марсельеза», французский революционный гимн К.-Ж. Руже де Лилля — 1: 346, 514, 555, 556, 602; 2: 132, 284.
- «Маскарадные шествия» Гёте — 1: 508.
- «Маяк», трагедия Э. Хоувальда — 2: 470.

- «Медный всадник», поэма А. С. Пушкина — 1: 618.
«Мейстер Иогани Вахт», новелла Э.-Т.-А. Гофмана — 2: 180.
«Мелюзина» — немецкая народная книга — 2: 561, 565.
«Мемуары» Бомарше — 1: 407.
«Мемуары кавалера», роман Д. Дефо — 1: 394.
«Мениппова сатира», французская сатира XVI в. — 1: 356, 357.
«Менцель-французоед», памфлет Л. Берне — 2: 476, 478, 479, 491, 519.
«Мерлин», эпическая драма К. Иммермана — 2: 513.
«Мессиада», поэма Ф.-Г. Клопштока — 2: 170, 616.
«Месь», стихотворение Л. Уланда — 2: 421.
«Мещанин во дворянстве», комедия Мольера — 2: 7, 610.
«Мир», из цикла стихотворений «Северное море» Г. Гейне — 2: 388, 643.
«Младшая Эдда», изложение древнескандинавских мифологических преданий, составленное Снорри Стурлюсоном — 2: 578.
«Много шума из ничего», комедия Шекспира — 2: 578, 655.
«Молитва Адальберта», памятник польской народной поэзии — 1: 533.
«Моряк и его бог», стихотворение В. Йордана — 1: 67.
«Музей древностей», роман Бальзака — 1: 527.
«Мюнхгаузен», роман К. Иммермана — 2: 507, 513.
- «Назидательные новеллы» Сервантеса — 1: 371, 372, 604.
«Наоборот. Физику», стихотворение Гёте — 1: 613.
«Наполеон Маленький», памфлет В. Гюго — 1: 481.
«На смерть Иоганны Кинкель», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 310, 311, 314, 316, 318, 633.
«Наш флот», стихотворение Г. Гейне — 2: 280, 625.
«Не укради», стихотворение К. Бека — 2: 157, 158.
«Неведомый шедевр», философская повесть Бальзака — 1: 527; 2: 585.
«Немецкий Рейн», стихотворение Н. Беккера — 2: 503, 652.
«Нет забавней ничего» («Nichts schöneres gibt es auf der Welt»), поэма Г. Веерта — 1: 83.
«Непобедимая Армада», стихотворение Ф. Шиллера — 2: 320.
«Неуязвимый Зигфрид», немецкая народная книга — 2: 461, 564, 567, 568—569.
«Нищий и его собака», стихотворение А. Шамиссо — 2: 595.
«Новая библия», стихотворение К. Бека — 2: 517.
«Новелла о беседе двух собак» Сервантеса — 1: 371, 372, 604.
«Новые боги и старые страдания», цикл стихотворений К. Бека — 2: 158, 159.
«Новый мир», трагедия А. Руге — 1: 364, 604.
«Ночи», сборник стихотворений К. Бека — 2: 470, 471, 518, 519, 520, 653.
- «О доносчике», памфлет Г. Гейне — 2: 486.
«О, если б вы простерли золотую благодать!», стихотворение К. Бека — 2: 151.
«О кончине Перегринна», сатира Лукиана — 1: 600.
«О природе вещей», поэма Лукреция — 1: 304, 305, 600.
«О Страсбург, Страсбург, дивный город!», немецкая песня — 2: 589.
«О философах, состоящих на жаловании», диалог Лукиана — 1: 600.
«Огонь», стихотворение Р. Швердтлейна — 2: 144.
«Ода весне» Ф.-Г. Клопштока — см. «Праздество весны».
«Одиссея», поэма Гомера — 1: 176, 277, 281, 288, 597, 598, 2: 247.

- «Оды» Горация (1-я ода III книги) — 1: 306, 600, 2: 331.
«Оже Датский», французская средневековая героическая поэма — 1: 331.
«Октавиан» — см. «Император Октавиан».
«Оливер Твист», роман Ч. Диккенса — 1: 202.
«Олимпийские оды» Пиндара (ода I) — 2: 258, 622.
«Орестея», трилогия Эсхила — 1: 284—286, 589, 598.
«Осада Майнца», сочинение Гёте — 1: 513.
«Отечество немца», стихотворение Э.-М. Арндта — 1: 433.
«Открытое письмо Якобу Венедееву» Г. Гейне — 2: 288, 625.
«Отец Горно», роман Бальзака — 1: 527.
«Отчет», стихотворение Гёте — 2: 456.
«Оуланем», юношеская трагедия К. Маркса — 2: 387, 642.
- «Паломничество Чайльд Гарольда», поэма Байрона — 2: 471.
«Парижские письма», книга очерков Л. Берне — 2: 478, 479, 497, 529, 648, 655.
«Парижские письма» Г. Гейне — см. «Лютеция».
«Парижские тайны», роман Э. Сю — 1: 485; 2: 5—85, 609—610.
«Парк Лили», стихотворение Гёте — 2: 116, 117, 613.
«Партия», стихотворение Г. Гервега — 2: 628.
«Парциваль», поэма Вольфрама фон Эшенбаха — 1: 601.
«Патер Браи», масляничная комедия Гёте — 2: 327.
«Паткуль», трагедия К. Гуцкова — 2: 532.
«Переселенец», стихотворение К. Бека — 2: 154.
«Переселенцы» — см. «Изгнанники».
«Песня любви (Ее дневник)», первая часть сборника стихотворений К. Бека
«Тихие песни» — 2: 520, 521.
«Песни о бедняке», сборник стихотворений К. Бека — 2: 144—159.
«Песнь Е. И. В. Екатерине II на победы графа Суворова-Рымнинского
в 1794 г.» Г. Державина — 1: 535, 620.
«Песнь о Геккере», немецкая народная революционная песня 1840-х гг. —
1: 556, 562.
«Песнь о колоколе», поэма Ф. Шиллера — 2: 232, 240, 620, 625.
«Песнь о Гудруне» (из «Эдды») — 2: 579.
«Песнь о Нибелунгах», немецкий народный эпос — 1: 317, 318, 560, 601.
2: 591.
«Песнь о Роланде», французский средневековый героический эпос — 1: 331.
«Песнь о Сигурде» (из «Эдды») — 2: 579.
«Песнь ополченца» — 2: 299.
«Песнь Песней», поэтическая книга Ветхого завета — 2: 235.
«Песнь под бой барабанов», стихотворение К. Бека — 2: 154.
«Песня о Гильденбранде», немецкий средневековый героический эпос —
1: 312, 313.
«Песня о Людвиге», немецкая народная песня, воспевающая победу Люд-
вига III над норманнами в 861 году — 2: 518.
«Песня подмастерья», стихотворение Г. Веерта — 2: 358.
«Песня ткачей», песня восставших силезских ткачей 1844 г. — 1: 559, 623.
«Пилот», роман Т. Мундта — 2: 533.
«Пир, или Лапифы», диалог Луккиана — 1: 600.
«Письма с Понта», сборник посланий Овидия — 1: 600.
«Письма суконщика», памфлет Д. Свифта — 1: 395.
«Письма темных людей», сатира, написанная У. фон Гуттенем совместно
с кружком немецких ученых-гуманистов — 1: 353.

- «Питер Простак» («Peter Simple»), роман Ф. Маррнэта — 1: 530; 2: 591.
- «Плач благородной жены Ассан-Аги», сербская народная песня из сборника Вука Стефановича Каралжича — 1: 557.
- «Племянник Рамоз», роман Дидро — 1: 385, 402—403, 606; 2: 203, 618.
- «Плик и Плок», роман Э. Сю — 2: 9.
- «Побочная дочь», трагедия Гёте — 1: 513.
- «Погибшие души», трагедия К. Бека — 2: 519, 521.
- «Подкидыш», стихотворение Г. Гейне — 2: 287, 625.
- «Покупайте фиалки», стихотворение Г.-Ф. Земмига — 2: 139.
- «Полицейские рассказы» Э. Дронке — 2: 133—135.
- «Положение рабочего класса в России», очерки Н. Флеровского (В. Берви) — 1: 531, 547—550.
- «Понтус Фьерабрас» — см. «Фьерабрас».
- «Понятый мир», стихотворение В. Йордана — 1: 68.
- «Поп из Калленберга», немецкая народная книга — 2: 563.
- «Посвящение Элеоноре» («Envoi à Éléonore»), стихотворение Э. Парни — 2: 23, 610.
- «Посещение», юношеское стихотворение К. Маркса — 2: 389.
- «Послание к Вейдемейеру», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 306—309, 632.
- «Последний барон», роман Э. Бульвера — 1: 575, 624.
- Послесловие к «Романцерио» Г. Гейне — 2: 288, 625.
- «Потерянный рай», поэма Д. Мильтона — 1: 196, 373.
- «Похищение из Сералея», опера В. Моцарта — 2: 258, 622.
- «Поэзия и правда», мемуары Гёте — 1: 512, 517, 616.
- «Поэт в изгнании» («Поэт-скиталец»), стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 487, 651.
- «Празднество весны», ода Ф.-Г. Клопштока — 2: 235, 621.
- «Предостережение», стихотворение Гёте — 1: 523, 616.
- «Предсмертная песнь Рагнара Лодброка» («Kragulstaf»), древнескандинавская героическая песня — 2: 324.
- «Прикованный Прометей», трагедия Эсхила — 1: 53, 161, 286, 298, 594, 600.
- «Примирение», стихотворение в прозе А. Мейснера — 2: 130.
- «Примирившийся Мельмот», философская повесть Бальзака — 1: 527.
- «Принц Евгений Савойский», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486.
- «Притчи Соломона», книга Ветхого завета — 2: 235.
- «Пробуждение Рима», элегия Г. Кинкеля — 2: 180.
- «Прогулка по морю», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486, 651.
- «Проклятие» («Goddam»), поэма Э. Парни — 1: 522, 616.
- «Пролетарская песня», стихотворение Г. Нейхауса — 2: 139.
- «Прометей», стихотворение Гёте — 1: 508—509.
- «Прорицание провидицы» — см. «Видение пророчицы».
- «Прорицания Сивиллы», позднегреческий сборник предсказаний — 2: 461.
- «Просительницы» («Молящие защиты»), трагедия Эсхила — 1: 275, 279, 286, 287.
- «Прошальное слово «Новой Рейнской газеты», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 630.
- «Прощенный Мельмот» — см. «Примирившийся Мельмот».
- «Пуритане» («Old Mortality»), роман В. Скотта — 2: 582.
- «Путевые картины», цикл очерков Г. Гейне — 2: 486.

- «Рабочие» («Ouvriers»), песня П. Дюпона — 1: 558.
 «Раз барышня стояла», стихотворение Г. Гейне — 2: 594, 656.
 «Разбойники», трагедия Ф. Шиллера — 1: 492; 2: 78, 470, 472.
 «Разговоры богов», диалоги Лукиана — 1: 53.
 «Разговоры немецких эмигрантов», повесть Гёте — 1: 514, 616.
 «Размышления» («Максимы»), сборник мыслей Ларошфуко — 1: 374, 604.
 «Рейнеке-Лис», поэма Гёте — 2: 169, 580, 615.
 «Реквием» В. Моцарта — 1: 250, 597.
 «Рене», повесть Ф. Шатобриана — 1: 370.
 «Римские элегии» Гёте — 1: 523, 616.
 «Ричард III», драматическая хроника Шекспира — 1: 361, 362, 603; 2: 257, 622.
 «Робинзон Крузо», роман Д. Дефо — 1: 391—393.
 «Розочка», стихотворение К. Бека — 2: 521.
 «Роман о Трое», французский средневековый роман — 1: 332.
 «Роман об Александре», французский средневековый роман — 1: 332.
 «Роман одного заговора» А. Ранка — 1: 574, 624.
 «Романтическая школа», очерк Г. Гейне — 2: 619.
 «Романтический Эдип», комедия А. Платена — 2: 488, 551, 651.
 «Ромео и Джульетта», трагедия Шекспира — 2: 555.
 «Руслан и Людмила», опера М. Глинки — 2: 579.
 «Ручной сокол» («Сокол») — стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486, 651.
 «Рыцарь лебедя», французский средневековый роман — 1: 332.
 «Рыцарь Олоф» («Дочь лесного царя»), датская народная баллада — 1: 329, 601.
 «С гор», стихотворение Г. Гервега — 1: 482, 612.
 «Сага Инглинга», первая часть норвежской королевской саги Снорри Стурлусона — 1: 318, 601.
 «Сага о Ниале», исландская сага — 1: 325—327, 601.
 «Саламандра», роман Э. Сю — 2: 9.
 «Сатиры» Горация — 1: 306.
 «Саул», трагедия К. Бека — 2: 146, 521.
 «Св. Ханор», юношеское стихотворение Ф. Энгельса — 2: 467, 649.
 «Священный союз народов», песня Беранже — 1: 474, 612.
 «Северное море», цикл стихотворений Г. Гейне (из «Книги песен») — 2: 388, 643.
 «Сельский священник», роман Бальзака — 1: 528, 617.
 «Семеро против Фив», трагедия Эсхила — 1: 275, 279.
 «Семь швабов», немецкая народная книга — 2: 563, 564.
 «Сид», трагедия П. Корнеля — 2: 541.
 «Силезские ткачи», стихотворение Г. Гейне — 2: 385.
 «Скорпион и Феликс», неоконченный юмористический роман молодого К. Маркса — 2: 387, 642.
 «Скромность» («La discretion»), элегия Э. Парни — 2: 23, 610.
 «Слеза», стихотворение К. Бека — 2: 520, 653.
 «Слова веры», стихотворение Ф. Шиллера — 2: 401, 461, 645.
 «Слово о полку Игореве», древнерусский поэтический памятник XII в. — 1: 532, 533, 619.
 «Слуга и служанка», стихотворение К. Бека — 2: 152.
 «Сновидения», стихотворение К. Бека — 2: 520.
 «Собственность», стихотворение Гёте — 1: 518.
 «Сокол» — см. «Ручной сокол».

- «Соловей», немецкая сатира XVI в. — 1: 354, 603.
«Соломон и Маркольф» («Соломон и Морольф»), немецкая народная книга — 2: 561, 563.
«Сон в летнюю ночь», комедия Шекспира — 1: 368; 2: 404, 555, 645.
«Сродство душ» — см. «Избирательное сродство».
«Старая дева», стихотворение К. Бека — 2: 156, 157.
«Старшая Эдда» — см. «Эдда».
«Старые и новые», роман М. Каутской — 1: 8, 9, 581, 582.
«Стелла», трагедия Гёте — 1: 511.
«Стефан из Грилленгофа», роман М. Каутской — 1: 8, 9, 581.
«Стихи живого человека», сборник стихотворений Г. Гервега — 1: 612; 2: 628.
«Стихотворение» А. Мейснера — 2: 124—132.
«Стихотворения», сборник стихотворений Ф. Фрейлиграта (1838) — 2: 518, 653.
«Столяры-подмастерья», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 486.
«Страдания молодого Вертера», роман Гёте — 1: 501, 510, 511, 516, 615; 2: 199.
«Страницы драматургии», сборник театрально-критических статей Л. Берне — 2: 479.
«Странствующий поэт», стихотворение К. Бека — 2: 471, 474, 475, 519, 520, 650.
«Страсти по Матфею», оратория И.-С. Баха — 2: 592.
«Суета! Суета сует!», стихотворение Гёте — 1: 521, 616.
«Султан», стихотворение К. Бека — 2: 517.
«Сын бритов в рабстве изнемог» — см. «Сыны Британии».
«Сын вольности», драма Ф. Гальма — 2: 241, 621.
«Сыновья Эймона» («Четыре сына Эймона»), французская средневековая героическая поэма — 1: 331.
«Сыны Британии», гимн чартистского поэта Д.-Г. Бремвича — 1: 555, 622.
«Тайное судилище в Дормунде», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 543, 654.
«Тайны княгини Кадиньян», новелла Бальзака — 1: 584.
«Тангейзер», опера Р. Вагнера — 2: 598.
«Тангейзер», стихотворение Г. Гейне — 2: 491, 651.
«Тангейзер», южнонемецкая легенда — 2: 491, 651.
«Творение», стихотворение К. Бека — 2: 471.
«Творчество», роман Э. Золя — 2: 585, 656.
«Тиль Эйденшпигель» — см. «Уленшпигель».
«Тимон Афинский», трагедия Шекспира — 1: 165, 167, 168, 244.
«Титурель», поэма Вольфрама фон Эшенбаха — 1: 601.
«Тихие песни», сборник стихотворений К. Бека — 2: 519.
«Тридцать шесть престолов сбросить надо», песня немецких республиканцев в 1848 г. — 1: 563.
«Трижды», роман Р. Бира — 2: 247.
«Тристан», немецкая народная книга — 2: 565, 566.
«Тристан и Изольда», поэма Готфрида Страсбургского — 2: 565.
«Тристан и Изольда», поэма К. Иммермана — 2: 513.
«Троил и Крессида», трагикомедия Шекспира — 2: 167, 615.
«Ты, что с неба» («Песнь странника»), стихотворение Гёте — 2: 461.
«Тысяча и одна ночь», сборник арабских сказок — 2: 78, 591.

- «Укрощение строптивой», комедия Шекспира — 1: 369.
 «Уленшпигель» («Тиль Эйленшпигель»), немецкая народная книга — 2: 461, 563, 564.
 «Ультиматум», стихотворение Гёте — 1: 613, 615.
 «Уоверли», роман В. Скотта — 2: 591.
 «Ура, Германия», стихотворение Ф. Фрейлиграта — 2: 356, 357, 637.
 «Утраченные иллюзии», роман Бальзака — 1: 526, 584, 617.
 «Утренняя песня всадника», стихотворение В. Гауфа — 2: 155, 614.
 «Ученик чародея», стихотворение Гёте — 2: 421, 645.
- «Фауст», драматическая поэма Гёте — 1: 167, 370, 493, 494, 499, 503, 504, 506, 508, 520, 530, 589, 594, 613, 615, 616; 2: 16, 123, 171, 309, 463, 477, 610, 613, 616.
 «Фауст», немецкая народная книга — 2: 461, 463, 469, 477, 563.
 «Феликс Холт, радикал», роман Д. Эллиота — 1: 530.
 «Фиалка», стихотворение Гёте — 2: 122, 613.
 «Флорида», юношеское стихотворение Ф. Энгельса — 2: 467, 650.
 «Фортунат и его сыновья», немецкая народная книга — 2: 561, 565.
 «Франц фон Зикинген», историческая трагедия Ф. Лассалля — 1: 15—52, 584—587.
 «Фьерабрас», немецкая народная книга — 2: 566.
- «Хейнеке, слуга-силач», немецкая народная песня — 2: 166.
 «Хирлянда», немецкая народная книга — 2: 564.
- «Царевна-лягушка», немецкая народная сказка — 2: 486, 651.
 «Царь-пар», песня чартистского поэта Э.-П. Мида — 1: 556, 558.
 «Целостность», эпиграмма Гёте — 2: 111, 613.
 «Цыганский король», стихотворение К. Бека — 2: 521.
- «Чаша и меч», сборник стихотворений М. Гартмана — 2: 124.
 «Человеческая комедия» Бальзака — 1: 11, 12; 2: 582, 583.
- Швабский Аполлон, комедия Т. Крейценаха — 2: 478, 650.
 Шерстяная ярмарка, комедия Г. Клаурена — 2: 470.
 «Шлезвиг-Гольштиния, окруженная морем», стихотворение Ф. Кемница, ставшее в Германии 1840-х гг. революционной песней — 1: 556, 622; 2: 239, 621.
 «Шпион», роман Ф. Купера — 1: 575—576, 624.
- «Эврианта», опера Вебера (либретто Х. фон Шези) — 1: 610.
 «Эгисдрекка» («Словесная распря Локи»), древнескандинавская песня из «Эдды» — 1: 318, 601.
 «Эгмонт», трагедия Гёте — 1: 517; 2: 579.
 «Элда» («Старшая Элда») — сборник древнескандинавских мифологических и героических песен — 1: 271, 312, 318, 601; 2: 240, 578.
 «Эдип-царь», трагедия Софокла — 1: 216, 288, 589, 593.
 «Эмигранты» — см. «Разговоры немецких эмигрантов».

- «Энеида», поэма Вергилия — 2: 606.
«Эпигоны», роман К. Иммермана — 2: 507, 512, 513.
«Эподы» Горация — 2: 105, 612.
«Этот юноша любезный», стихотворение Г. Гейне — 2: 594, 657.
«Эта песня ни о чем», песня Гийома де Пуатье — 2: 501, 614.
- «Юная Палестина», стихотворение К. Бека — 2: 517.
«Юноша у ручья», стихотворение Ф. Шиллера — 2: 153.
«Юношеские годы Генриха Штиллинга» — роман Г. Юнг-Штиллинга — 2: 183, 616.
«Юлий Цезарь», трагедия Шекспира — 1: 56, 588.
- «Я поднят был мечтой к жилищу милой», сонет Петрарки — 2: 557.
«Ян Жижка», исторический очерк Ж. Санд — 1: 485, 613.
- «Са ига», сборник стихотворений Ф. Фрейлиграта — 2: 132, 133, 625, 630.
«Chansons de Saisnes» («Песни о саксах») — французская средневековая героическая поэма о победе Карла Великого над саксами — 1: 332.
«Goddam» — см. «Проклятие».
«Harry Logreque» («Гарри Лорреквер»), роман Ч. Ливера — 1: 530.
«Krakumal» см. «Предсмертная песнь Рагнара Ладброка».
«Peter Simple» — см. «Питер Простак».
«Reflexions» — см. «Размышления».
«Sire de Franc Boissy», французская песенка — 1: 563.
«Tristia» («Скорби»), элегии Овидия — 2: 387, 643.
«Volusra» — см. «Видение пророчицы».

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Авенир* (из трагедии К. Бека «Саул»). — 2: 521.
Агамемнон (из трагедии Эсхила «Агамемнон»). — 1: 277, 278, 280, 284, 288, 289, 369, 598; 2: 317.
Агасфер (герой средневекового сказания и немецкой народной книги о Вечном жиде). — 2: 477, 563.
Адам (из Библии). — 1: 36—38, 216, 357, 393, 495; 2: 438, 448, 509.
Адонис — финикийское божество. В Греции Адониса представляли прекрасным юношей, возлюбленным Афродиты. — 2: 215.
Аладин (персонаж из арабского сборника сказок «Тысяча и одна ночь»). — 2: 150.
Альтея — мать Мелеагра; из греческой мифологии. — 1: 314.
Андроник, раб (из истории о рабе Андронике, принадлежавшей, как предполагают, палестинскому настоятелю Геразими). — 2: 562.
Аполлон — бог солнца, света, искусства в греческой мифологии. — 1: 284, 285, 297, 332; 2: 442.
Арнольд Рейталь (из романа М. Каутской «Старые и новые»). — 1: 9, 581.
Артур Грант (из повести М. Гаркнесс «Городская девушка»). — 1: 11, 583.
Аталия (из одноименной трагедии Ж. Расина). — 2: 541.
Атта Троль (сатирический образ из одноименной поэмы Г. Гейне). 2: 211, 212, 619.
Афина Паллада — богиня мудрости, покровительница наук и ремесел в греческой мифологии. — 1: 284, 285, 300; 2: 442, 488.
Афродита — богиня красоты и любви в греческой мифологии. — 2: 488.
Ахилл (из греческой мифологии и «Илиады» Гомера) — 1: 41, 135, 275, 277, 280, 283, 288, 597; 2: 316, 317.
Ахилл (из трагедии Ж. Расина «Ифигения в Авлиде»). — 2: 542.
Ахилл (из «Троила и Крессиды» Шекспира). — 2: 166, 167, 615.
Аякс (греческий герой из «Илиады» Гомера). — 2: 167, 168.
Аякс (из «Троила и Крессиды» Шекспира). — 2: 167.

Бадино (поверенный, из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 79.
Бальтазар (из драмы Лассалы «Франц фон Зикинген»). — 1: 21, 22, 25, 26, 30, 33—36, 38, 43, 45, 49, 586.
Барр — см. Эльза Барр.
Бель-Иль, м-ль де (героиня одноименной драмы А. Дюма-отца). — 2: 542.
Бендикт (из комедии Шекспира «Много шума из ничего»). — 2: 578, 655.
Билль Сайкс (из «Оливера Твиста» Диккенса) — 1: 202.
Бирон (из комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви»). — 2: 166.

- Блазедов* (герой романа К. Гуцкова «Блазедов и его сыновья»). — 2: 471.
Бойе (из комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви»). — 2: 166.
Борджиа — см. Лукреция Борджиа.
Бореады — в греческой мифологии — сыновья Борея, участники похода аргонавтов. — 1: 314.
Градаманти — см. Полидори.
Бризеида (из «Илиады» Гомера). — 2: 316.
Брунгильда (из «Песни о Нибелунгах»). — 1: 317.
Бузирис — мифический царь Египта, убитый Геркулесом. — 1: 178.
Бэкингом (из драматической хроники Шекспира «Генрих IV»). — 2: 257.
- Ваал* — древневосточное божество, культ которого был распространен в Финикии и Сирии. — 2: 117.
Вагнер, ученик Фауста (из «Фауста» Гёте). — 1: 493; 2: 175.
Вали (героиня романа К. Гуцкова «Вали сомневающаяся»). — 2: 465, 566.
Валленштейн (герой драматической трилогии Шиллера). — 1: 41.
Вальтер, маркграф (из немецкой народной книги «Гризельда»). — 2: 564.
Варвик (герой романа Э. Бульвера «Последний барон») — 1: 575, 624.
Вахт Иоганн (герой новеллы Э.-Т.-А. Гофмана «Мейстер Иоганн Вахт»). — 2: 180.
Велиал — одно из названий дьявола, заимствованное из псалтыря. — 1: 448.
Вельзевул — сатана, злой дух. — 1: 448.
Венера — древнеримская богиня, отождествленная с греческой Афродитой как богиня любви и красоты. — 2: 474, 481, 491, 650.
Вертер (герой романа Гёте «Страдания молодого Вертера»). — 1: 501, 510, 511, 516.
Виллис (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 23.
Вильгельм Мейстер (герой романов Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» «Годы странствий Вильгельма Мейстера»). — 1: 511, 517, 521.
Вильдман (из романа И. Кинкель (Моккель) «Ганс Ибелес»). — 2: 216.
Вишну — одно из трех верховных божеств древнеиндийской религии (Брама, Вишну и Шива). — 2: 7.
Вулкан — древнеримский бог огня и кузнечного искусства. — 1: 135.
- Гаддо*, сын Уголино (из «Ада» Данте). — 1: 441.
Гадубранд (сын Гильдебранда; из средневекового немецкого эпоса «Песня о Гильдебранде»). — 1: 313.
Гамлет (герой одноименной трагедии Шекспира). — 2: 123, 603.
Ганимед — в греческой мифологии виночерпий Зевса, сын царя Трои, из-за своей необыкновенной красоты похищенный Зевсом. — 1: 291.
Ганс Хейлинг (пастух, герой чешской легенды). — 2: 600.
Ганс Рекле (волшебник, герой сказки, которую Марк рассказывал дочерям). — 2: 590, 591.
Ганцман — царь обезьян в индийской мифологии. — 1: 212; 2: 410.
Гартмут Орманский (из «Гудруны»). — 1: 317.
Гектор (троянский герой, из «Илиады» Гомера). — 2: 166, 167.
Гекуба (из «Илиады» Гомера). — 2: 177.
Геновефа (героиня одноименной немецкой народной книги). — 2: 564.
Генрих фон Офтердинген (герой одноименного романа Новалиса). 2: 178, 179, 181, 182, 184, 186, 188, 190, 191, 137, 616.
Гервиг Зелландский (из «Гудруны»). — 1: 317.
Геркулес — герой древнегреческой мифологии. — 1: 516; 2: 479.

- Гермес* — в греческой мифологии вестник богов, бог стад, богатства и торговли. — 1: 135, 298.
- Гетель из Гегелингена* (из «Гудруны»). — 1: 317.
- Гец фон Берлихинген* (герой одноименной драмы Гёте). — 1: 25, 36, 40, 508, 519.
- Гефест*, бог огня и кузнечного искусства в греческой мифологии. — 1: 179.
- Гильда Ирландская* (из «Гудруны»). — 1: 317.
- Гильдебранд* (герой «Песни о Гильдебранде»). — 1: 313.
- Гитеклен де Сасуань* (из французского средневекового героического эпоса). — 1: 332.
- Глостер* (из «Короля Лира» Шекспира). — 2: 393.
- Гобсек* (ростовщик, герой одноименной новеллы Бальзака). — 1: 525, 617.
- Голиаф* — великан, герой библейского сказания. — 2: 168.
- Горгона* — в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями вместо волос. — 2: 114.
- Горлица* — см. Риголетта.
- Грант* — см. Артур Грант.
- Граун*, посланник (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 77, 78, 79.
- Гретхен* (из «Фауста» Гёте). — 2: 577.
- Грие де*, кавалер (из романа Прево «Манон Леско»). — 1: 407.
- Гризельда* (героиня одноименной немецкой народной книги). — 2: 564.
- Гудруна* (героиня одноименной поэмы). — 1: 317.
- Гунтер* (из «Песни о Нибелунгах»). — 1: 317.
- Гуттен Ульрих фон* (из драмы Лассала «Франц фон Зикинген»). — 1: 18, 21, 22, 25, 27, 38, 41, 42, 44, 45, 46, 48, 50, 584.
- Давид*, царь (из трагедии К. Бека «Саул»). — 2: 521.
- Давид*, врач-негр (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 23, 36, 50, 81.
- Данай* — в греческой мифологии аргосский царь, толкнувший своих дочерей на убийство их мужей, сыновей Египта (см.). — 1: 275, 286.
- Данаиды* — в греческой мифологии — дочери царя Даная, за убийство своих мужей осужденные наполнять водой бездонную бочку. — 1: 286, 287.
- Д'Арвиль*, маркиз (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 81.
- Д'Арвиль Клеманс*, маркиза (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 16, 17, 68, 81.
- Девкалион* — в греческой мифологии единственный из людей, спасшийся (вместе со своей супругой Пиррой) после потопа. — 1: 301.
- Дедал* — в греческой мифологии легендарный художник, скульптор и изобретатель. — 1: 179.
- Демодок* — слепой певец (из «Одиссеи» Гомера). — 1: 277, 598.
- Джагернаут* (Джага Натха) — название индийского идола, которому был сооружен громадный храм; под колесницу идола во время религиозных процессий бросались верующие индусы. — 1: 214.
- Джон Буль* (Джон Бык) — сатирический образ англичанина-буржуа и буржуазной Англии (из памфлета Д. Арбетнота «История Джона Булля»). — 1: 565; 2: 258, 375.
- Дон-Жуан* (из романа И. Кинкель (Моккель) «Ганс Ибелес»). — 2: 216.
- Дон-Кихот* (герой одноименного романа Сервантеса). — 1: 25, 68, 149, 372; 2: 85, 166, 167, 471, 603.
- Доротей* (героиня поэмы Гёте «Герман и Доротей»). — 1: 514.
- Дулькамара* — персонаж итальянского кукольного театра. — 1: 338.

Дульсинья (из «Дон-Кихота» Сервантеса). — 2: 488.
Дунс (из поэмы А. Попа «Дунсиада»). — 1: 398.

Ева (из Библии). — 1: 357, 393; 2: 269.

Евгений Онегин (герой одноименного романа в стихах А. С. Пушкина). — 1: 535; 2: 605.

Жермен (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 37, 72, 81.

Жорж, мадам (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 43, 44, 46, 81.

Зевс — верховное божество у древних греков. — 1: 277, 281, 300, 404, 493, 600; 2: 442, 596.

Зигварт (герой одноименного романа И. Миллера). — 2: 170, 178, 183, 199, 546, 616.

Зигбант Ирландский (из «Гудруны»). — 1: 317.

Зигфрид (герой средневекового немецкого эпоса). — 1: 317; 2: 568, 569, 647.

Зигфрид Морландский (из «Гудруны»). — 1: 317.

Зикинген Франц фон (герой одноименной трагедии Ф. Лассалья). — 1: 16—22, 25—27, 30—46, 48—50.

Иегова — см. Ягве.

Изеграм (прозвище волка в германском средневековом эпосе; из поэмы Гёте «Рейнеке-лис»). — 2: 169.

Изольда (героиня средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда»). — 2: 565.

Иисус Христос. — 1: 50, 307, 354, 355, 395, 438, 439, 456, 463, 511; 2: 128, 156, 173, 185, 200.

Илья — библейский пророк. — 2: 173, 174.

Инах — древнейший мифический царь Аргоса. — 2: 479.

Ио — в греческой мифологии — дочь древнейшего царя Аргоса Инаха, возлюбленная Зевса. — 1: 286.

Иоанн Предтеча (Иоанн Креститель). — 1: 50; 2: 312.

Иосиф — муж Марии (из Евангелия). — 2: 473.

Иосиф (из стихотворения Шиллера «Детоубийца»). — 2: 138.

Йосс Фриц (из трагедии Ф. Лассалья «Франц фон Зикинген»). — 1: 30, 48, 49.

Исмена (из трагедии Эсхила «Семеро против Фив»). — 1: 275.

Иуда Искариот (из Евангелия, один из двенадцати апостолов, предавший Христа). — 2: 395, 563.

Ифигения — в греческой мифологии дочь микенского царя Агамемнона, принесенная им в жертву богам и спасенная Артемидой, — 1: 368, 369.

Ифигения (героиня одноименной трагедии Расина). — 2: 541.

Кабрион (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 30, 31.

Кадм — фиванский герой, из греческой мифологии. — 1: 275.

Карл Моор (из «Разбойников» Шиллера). — 2: 124—132.

Карл V (из трагедии Лассалья «Франц фон Зикинген»). — 1: 26, 27, 30, 37, 45, 48.

Карлхен Мисник (персонаж из юмористических рассказов М. Зальцера, вроде русского Митрофанушки). — 1: 283.

- Кассандра* (из трагедии Эсхила «Агамемнон»). — 1: 289, 598.
Катон (герой одноименной трагедии Д. Аддисона). — 1: 615.
Каччьяведа ди Элисеи (из «Божественной комедии» Данте). — 1: 341.
Квинтус Фикслейн (герой одноименного романа Жан-Поля). — 2: 168.
Киприан (из драмы Кальдерона «Маг-чудодей»). — 1: 370.
Клавдий (из немецкой народной книги «Император Октавиан»). — 2: 565.
Кларин (слуга, из драмы Кальдерона «Маг-чудодей»). — 1: 370.
Кларос, граф Монтальбанский (из старинного испанского романа, изданного Я. Гриммом). — 1: 334.
Климент (из немецкой народной книги «Император Октавиан»). — 2: 565.
Клио — в греческой мифологии муза истории. — 2: 489.
Клитемнестра (из «Орестей» Эсхила). — 1: 284, 285.
Кобес I (герой одноименного сатирического стихотворения Гейне о Якобе Венедее). — 1: 598; 2: 291, 292, 626.
Крапулинский (герой сатирического стихотворения Г. Гейне). — 1: 61, 588.
Красная рука, шпион (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 28, 55.
Кревель (из романа Бальзака «Кузина Бета»). — 1: 525.
Кримгильда (из «Песни о Нибелунгах»). — 1: 317, 601.
Кронос — в греческой мифологии один из титанов, отец Зевса. — 1: 277, 600.
Купидон — бог любви в римской мифологии. — 2: 393.
- Лазарильо* (герой испанского плутовского романа XVIII в. «Жизнь Лазарильо из Тормеса»). — 2: 245, 622.
Лазарь (бедняк из евангельской притчи). — 1: 307.
Лапорт (священник из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 43—46.
Лаунс (слуга из комедии Шекспира «Два веронца»). — 1: 363.
Ленора (из одноименной баллады Г. А. Бюргера). — 2: 136.
Лир (из «Короля Лира» Шекспира). — 2: 393.
Локи — бог огня в древнескандинавской мифологии. — 1: 318, 601.
Лорелея (дева-сирена, из рейнского сказания и стихотворения Г. Гейне). — 2: 187.
Лот (из Библии). — 2: 552.
Лотта (Шарлотта) (из романа Гёте «Страдания молодого Вертера»). — 1: 510.
Лукреция Борджиа (из одноименной трагедии В. Гюго). — 2: 541.
Люсье (герцогиня из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 17.
- Макбет*, леди (из трагедии Шекспира «Макбет»). — 2: 596.
Мак-Грегор Сара (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 16, 17, 19, 20, 82, 83, 84.
Манон Леско (героиня одноименного романа Прево). — 1: 407.
Мария (из трагедии Ф. Лассала «Франц фон Зикинген»). — 1: 26, 27, 37.
Маркольф (Морольф) (из немецкой народной книги о Соломоне и Маркольфе). — 2: 166.
Мастак (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 35, 49, 50—61, 81—83, 609.
Мейстер — см. Вильгельм Мейстер.
Мелеагр (из греческой мифологии). — 1: 314.
Меровия (из трагедии К. Бека «Саул»). — 2: 521.
Медистофель (из «Фауста» Гёте). — 1: 167, 318, 508; 2: 171.

- Милий (Мулион)* (герольд из «Одиссеи» Гомера). — 1: 277, 291, 597.
Минерва — римская богиня, покровительница ремесел и искусств; отождествлялась с греческой Афиной. — 2: 594.
Минос — в греческой мифологии легендарный царь Крита; после смерти — судья в царстве мертвых. — 1: 509.
Мисник — см. *Карлхен Мисник*.
Мишель Кретьен (из «Утраченных иллюзий» и «Тайны княгини Кадиньян» Бальзака). — 1: 584.
Моав (из трагедии К. Бека «Саул»). — 2: 521.
Моисей (из Библии). — 1: 149, 416, 546.
Молох — древнефиникийское божество. — 1: 521, 557.
Моор — см. *Карл Моор*.
Моргана, фея (из кельтской мифологии; одна из 9 женских гениев — покровительниц кельтов). — 2: 569.
Морель (гранильщик из «Парижских тайн» Э. Сю). — 2: 8.
Морель Луиза (из «Парижских тайн» Э. Сю). — 2: 69.
Москон (слуга из драмы Кальдерона «Маг-чудодей»). — 1: 370.
Мурф Вальтер (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 31, 37, 76—81, 83.

- Нарцисс* — в греческой мифологии сын речного бога Кефиса, отличавшийся необыкновенной красотой. Согласно мифу, влюбился в свое отражение в водах ручья и зачах от любви, превратившись в цветок. — 2: 175.
Немезида — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступление. — 2: 110.
Нестор (из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера). — 1: 278.
Ниал (герой «Саги о Ниале»). — 1: 325—327.
Ниорд — бог моря в древнескандинавской мифологии, покровитель мореплавания и богатства. — 1: 318.
Ной (библейский патриарх). — 1: 320; 2: 171, 173.

- Одиссей* (из «Илиады» и «Одиссеи»). — 1: 277, 280, 597; 2: 200.
Олоф (из стародатской баллады «Рыцарь Олоф»). — 1: 329, 330.
Орест (из «Орестей» Эсхила). — 1: 284, 285.
Основа (ткач из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и стихотворения Гёте «Предсказание»). — 1: 523.

- Пан* — в греческой мифологии бог лугов, лесов, покровитель пастушества и скотоводства. — 2: 550.
Папагено (из оперы Моцарта «Волшебная флейта»). — 1: 414.
Пексниф (из романа Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»). — 1: 462.
Пипенбринк (из комедии Г. Фрейтага «Журналисты»). — 2: 246.
Пипле Альфред (привратник из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 26, 28, 30, 32.
Пипле Анастасия (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 16, 26, 28, 29, 30.
Пирам (из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»). — 1: 368.
Пифон — в греческой мифологии змей, обитавший вблизи г. Дельф; согласно мифу, был убит Аполлоном. — 2: 476.
Платония (из романа И. Кинкель (Моккель) «Ганс Ибелес»). — 2: 216.
Плутон — в античной мифологии бог подземного царства. — 1: 166.
Поэа, маркиз (из «Дон-Карлоса» Шиллера). — 2: 474, 628, 650.

- Поллидори*, аббат (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 25, 26, 27, 76, 77.
- Полиник* (из трагедии Эсхила «Семеро против Фив»). — 1: 275, 279.
- Понтус Фьерабрас* (из одноименной немецкой народной книги). — 2: 566.
- Приам* (царь Трои из «Илиады» Гомера). — 2: 177.
- Прометей* — в греческой мифологии один из титанов, похитивший огонь у богов и принесший его людям; герой трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». — 1: 161, 286, 298, 301.
- Прометей* (герой стихотворения Гёте). — 1: 508.
- Пятница* (из «Жизни и приключений Робинзона Крузо» Д. Дефо). — 1: 391.
- Рагнар Ладброк* (из древнескандинавской героической песни). — 1: 324.
- Радамант* — в греческой мифологии судья в подземном царстве мертвых. — 1: 470.
- Резака* (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 35—38, 41, 53, 56, 59, 609.
- Рейнальд* (из немецкой народной книги «Дети Хеймона»). — 2: 564.
- Рейнольд* (Ринальдо) из Монтальбана — сын Эймона, герой каролингской саги «Сыновья Эймона». — 1: 334.
- Рейнталь* — см. Арнольд.
- Риголетта* (гризетка из «Парижских тайн» Э. Сю). — 2: 29—31.
- Ринальдо Ринальдини* (из одноименного романа Х. Вульпиуса, символ разбойничьей романтики). — 2: 211.
- Рихард Трирский* (из трагедии Ф. Лассалья «Франц фон Зикинген»). — 1: 26, 30, 352.
- Ричард III* (герой одноименной драматической хроники Шекспира). — 2: 257.
- Робин Гудфеллоу* (добрый дух из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»). — 1: 228.
- Робинзон* (герой романа Д. Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо»). — 1: 391—393, 605.
- Ромул* — в римской мифологии один из братьев-близнецов, основателей Рима. — 2: 606.
- Рудольф*, князь Герольштейнский (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 16, 17, 32—44, 46, 48—55, 57—59, 61, 64, 68—85, 609—610.
- Рюи Блаз* (из романтической трагедии В. Гюго). — 2: 542.
- Сабала* — священная корова в индийской мифологии. — 1: 212; 2: 410.
- Сайкс Билл* — см. Билл Сайкс.
- Санчо Панса* (из «Дон-Кихота» Сервантеса). — 1: 149, 150, 204, 205, 249, 250, 254, 388, 411, 433, 594; 2: 166, 236, 471.
- Саул* (герой одноименной трагедии К. Бека). — 2: 521, 522.
- Санарелль* — персонаж итальянского кукольного театра. — 1: 338.
- Сесили*, метиска (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 22, 23.
- Сид* (герой испанского народного эпоса). — 2: 497, 651.
- Сид* (из одноименной трагедии Корнеля). — 2: 541.
- Слей Кристоф* (из комедии Шекспира «Укрощение строптивой»). — 1: 369.
- Сызг* (столяр из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»). — 1: 368, 604.
- Сова* — см. Сычиха.
- Соломон* (герой немецкой книги «Соломон и Маркольф»). — 2: 166.
- Сычиха* (*Сова*) (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 54—59, 61.

- Тартюф* (герой одноименной комедии Мольера). — 2: 258.
- Тевкр* (из «Илиады» Гомера). — 1: 286.
- Теламон* (из «Илиады» Гомера). — 1: 289.
- Телемак* (из «Одиссеи» Гомера). — 1: 288, 598.
- Телль Вильгельм* — легендарный швейцарский герой-стрелок; инициатор борьбы швейцарцев за независимость. — 1: 206, 209, 210, 595.
- Терезий* (фиванский жрец и предсказатель из «Эдипа-царя» Софокла). — 1: 288.
- Терсит* (из «Троила и Крессиды» Шекспира). — 1: 167, 615.
- Тестий* — из греческой мифологии. — 1: 314.
- Тидей* — в греческой мифологии отец Диомеда. — 1: 273.
- Тисба* (из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»). — 1: 368.
- Титания*, царица эльфов (из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и стихотворения Гёте «Предсказание»). — 1: 523.
- Тобианус* (из романа К. Гуцкова «Блазедов и его сыновья»). — 2: 471.
- Уголино* (из «Ада» Данте). — 1: 441.
- Уленицигелъ* (герой немецкой народной книги, живший, по преданию, в XIV в.). — 2: 561.
- Ута Норвежская* (из «Гудруны»). — 1: 317.
- Фальстаф* (из комедии «Виндзорские кумушки» и драматической хроники «Генрих IV» Шекспира). — 2: 588.
- Фама* — римской мифологии богиня молвы. — 1: 135, 430, 593.
- Фауст* (герой народного сказания и драматической поэмы Гёте). — 1: 370, 493, 494, 508; 2: 174, 477, 649.
- Федра* (героиня одноименной трагедии Ж. Расина). — 1: 541.
- Феликс Холт* (герой одноименного романа Д. Эллиот). — 1: 530.
- Фелькер* (скрипач из «Песни о Нибелунгах»). — 1: 560.
- Ферран Жак* (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 23—25, 82, 84.
- Филотий*, пастух (из «Одиссеи»). — 1: 277.
- Фингал* (из «Песен Оссiana» Макферсона). — 1: 323.
- Финей* — в греческой мифологии фракийский царь, которого боги за его преступления наказали неутолимом голодом. — 1: 314.
- Флер де Мари (Певунья)* (героиня романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 35, 38—56, 59, 61, 69, 80—81, 84, 609, 610.
- Флоренс* (из немецкой народной книги «Император Октавиан»). — 2: 565.
- Фортунат* (герой одноименной немецкой народной книги). — 2: 76, 565.
- Фрасон* (из комедии Теренция «Евнух», тип хвастливого воина). — 2: 165.
- Фрея* — богиня любви в древнескандинавской мифологии. — 1: 318.
- Христос* — см. Иисус Христос.
- Хромушка* (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 1: 54—55, 61.
- Цесара* (внучка Ноя, из ирландских летописей). — 1: 319.
- Шателен*, священник (из романа Э. Сю «Парижские тайны»). — 2: 57, 76.
- Швейцар* (из «Разбойников» Шиллера). — 2: 124.
- Шейлок* (из комедии Шекспира «Венецианский купец»). — 1: 367.
- Шпигельберг* (из «Разбойников» Шиллера). — 2: 124.

Эвмей (из «Одиссеи» Гомера). — 1: 277, 281, 597.

Эгист (из «Орестей» Эсхила). — 1: 284.

Эгипт — в греческой мифологии сын египетского царя Бела, брат Даяна. — 1: 286—287.

Эдип (герой одноименной трагедии Софокла). — 1: 63.

Эккарт (*верный Эккарт*) — герой немецких народных сказаний. — 2: 471, 474, 491, 649, 650.

Эколампациус (из трагедии Лассалля «Франц фон Зиккинген»). — 1: 44.

Эльза Барр (из романа М. Каутской «Старые и новые»). — 1: 9, 582.

Эммануил (из романа Жан Поля «Геспер, или 45 дней собачьей почты»). — 1: 302.

Эней — легендарный троянский герой и родоначальник римлян, герой «Энеиды» Вергилия. — 1: 320.

Энциклэд (*Энкелад*) — в древнегреческой мифологии один из гигантов, сражавшихся с богами-олимпийцами. — 2: 145.

Эол — в греческой мифологии повелитель ветров. — 1: 480.

Эпименид — критский жрец, по преданию, проспавший 57 лет; герой «Пробуждения Эпименида» Гёте. — 2: 397.

Этеокл (из трагедии Эсхила «Семеро против Фив»). — 1: 275, 279.

Этцель (из «Песни о Нибелунгах»). — 1: 317.

Юпитер — верховное божество в древнеримской мифологии. — 1: 135, 307, 593; 2: 177.

Ягве — ветхозаветное имя бога у древних евреев. — 1: 152; 2: 269.

Яносык (из стихотворения К. Бека «Венгерская вахта»). — 2: 521.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абстрактность (в искусстве) — 1: 26, 30; 2: 10—14, 65—68.
Авантюрный роман — 1: 530, 573, 574; 2: 582, 591.
Австрийская литература — 1: 7—9, 570; 2: 163, 465, 467, 480.
Автор и его герои — 1: 9.
Актуальность — см. Современность.
Американская литература — 1: 575—577; 2: 260—591.
Английская литература — 1: 10—12, 26, 27, 29, 31, 131—135, 165, 167—169, 172, 196, 216, 217, 231, 232, 346, 357—369, 373, 379, 380, 389—399, 485, 524, 529, 530, 553—558, 564—568, 575; 2: 21, 134, 166, 167, 254—259, 371—382, 407, 456, 474, 478, 555, 556, 577—582, 588, 590, 591, 595, 596, 598, 599, 602, 603.
Английские писатели-социалисты — 1: 10—12; 2: 371—382.
Английский роман — 1: 27, 460, 485, 524, 529, 530, 575; 2: 21, 134, 456, 582, 591.
Английский романтизм — 1: 231—233, 419—423, 435—473, 564—567, 575; 2: 474, 550, 556, 599.
Английский язык — 1: 88, 453; 2: 583, 586, 595, 597.
Арабская литература — 1: 271; 2: 439, 440, 591, 595, 602.
Архитектура — 1: 96, 235—237, 261, 271, 272.
- Бесформенность (в поэзии) — 2: 386.
«Благородное» и «низкое» сознание — 1: 402, 403; 2: 181.
Борьба с сектантством в рабочем движении и вопросы литературы — 2: 275, 276.
«Бунт литераторов» в истории немецкой социал-демократии — 2: 277—279.
Буржуазия и искусство — см. Капитализм и искусство.
Буржуазная журналистика и ее нравы — 2: 252, 253, 267, 391—393.
Буржуазная революция и искусство — 1: 130, 131.
Буржуазная цивилизация и искусство — см. Капитализм и искусство.
- Версификация — 1: 28.
Возвышенное — 1: 362; 2: 398, 584.
Возникновение искусства — 1: 139—143, 269, 270.
Возрождение — 1: 10—12, 26, 27, 29, 31, 134, 135, 165, 167—169, 172, 216, 244, 332, 333, 337—372; 2: 555, 577—582, 588, 590, 591, 596, 598, 602—603.
Враждебность буржуазного способа производства искусству и поэзии — 1: 190—194.
Вульгаризация исторического материализма и история искусства — 1: 98—102, 123—128.

- Гений (в искусстве) — 2: 456.
- Героические образы в искусстве — 1: 130, 131, 559, 560; 2: 477, 568, 569.
- Гибель прежних классов как материал для трагедии — 1: 25, 31, 53, 2: 236.
- Господствующий класс и развитие культуры — 1: 111—114, 119—122, 230, 292, 293.
- Греческая литература — 1: 9, 29, 53, 66, 131, 134—136, 161, 166, 175—179, 216, 273—299, 304; 2: 167, 168, 239, 361, 478, 550, 570, 577, 581, 586, 590, 591, 595.
- Греческая мифология — 1: 135, 136; 2: 550, 596.
- Греческая трагедия — 1: 9, 29, 53, 66, 131, 161, 166, 175, 216, 279, 283—289, 298; 2: 478, 570, 577, 581, 586.
- Греческий роман — 1: 316.
- Греческое искусство — 1: 73, 134—136, 291, 296, 297, 345; 2: 550, 596.
- «Грубиянская» литература — 2: 165—169.
- Гуманизм — 1: 342—347, 349—355, 358—361.
- Датская литература — 1: 329, 330, 551, 552, 555; 2: 261—263.
- Действие — 1: 9, 24.
- Действия и речи героев — 1: 29.
- Демократическая публицистика — 1: 77, 78, 81, 187, 536—550; 2: 445—448, 469, 470, 476, 478, 479, 496—498, 523.
- Деньги и развитие человеческой личности — 1: 163—172.
- Деталь, ее роль в искусстве — 1: 11, 12.
- Диалекты и литературный язык — 1: 85, 86.
- Диалог — 1: 26—28; 2: 522.
- Драма — 1: 15—52, 54, 61; 2: 570, 581, 584.
(См. также Комедия, Трагедия.)
- Древнееврейская литература — 1: 271; 2: 361.
- Древнескандинавская литература — 1: 271, 312, 315, 318; 2: 239, 578, 579.
- Египетское искусство — 1: 135, 271.
- Естественность (в литературе) — 2: 360, 361, 386, 541, 563.
- Живопись — 1: 74, 77, 129, 143, 237, 250, 251, 270, 346—349, 571; 2: 36, 409, 441, 572, 573, 585, 601.
- Живопись на стекле в средние века — 1: 129.
- Живость действия — 1: 24, 28, 29, 31.
- Завязка — 1: 28.
- Задачи передового писателя в буржуазном обществе — 1: 9, 11; 2: 144, 145, 158, 159.
- Знание жизни, значение его для писателя — 1: 9, 11, 12; 2: 135.
- Идеализация (в искусстве) — 1: 9, 13, 130, 131, 379; 2: 10—14, 31, 36, 39, 65—68, 147, 150.
- Идеалистическое понимание возвышенного — 1: 219.
- Идеалистическое понимание истории культуры и искусства — 1: 72—74, 91, 92, 105—107.
- Идеалистическое понимание прекрасного — 1: 219.

- Идеалистическое понимание трагического — 1: 17—23, 34—51, 67—71.
Идейность, идейная глубина — 1: 9—13, 24—32, 435, 458, 461, 462, 492, 508, 536—541, 546, 555, 556, 559; 2: 144—159, 284, 285, 386, 466, 475, 477, 478, 515, 516, 559—569, 572, 573.
Идея естественного человека в мировоззрении просветителей — 1: 391—393, 414, 415.
Идиллия — 1: 131, 293, 294, 316, 413, 414; 2: 235, 492, 578.
Идиомы (в языке) — 1: 85.
Извращающая сила денег — 1: 166—172.
Иллюзия (в истории и в искусстве) — 1: 64, 90, 91, 100, 105, 106, 113, 130—132, 360, 392, 480, 481, 546; 2: 144—147.
Импровизация — 1: 77.
Инвектива — 1: 81.
Индивидуализация — 2: 8, 9, 29, 30.
Индивидуальность автора — 2: 453—458, 476.
Интрига — 1: 28.
Иранская литература — 1: 335, 336; 2: 579, 595.
Ирландская литература — 1: 319—328, 374, 530; 2: 582, 599.
Ирония — 1: 9, 56, 57, 62—65, 78, 360, 430, 431; 2: 366.
«Ирония истории» — 1: 56, 57, 62—65, 2: 360.
Искренность — 1: 78, 547; 2: 374, 379, 536.
Искусственность (в литературе) — 2: 516, 541.
Искусство буржуазной революции — 1: 131.
Искусство древних германцев — 1: 307—311.
Искусство и классы — 1: 110—122, 230, 292, 293.
Искусство и общество — 1: 89—93, 98—102, 105, 106, 111, 134—136, 191, 250, 508, 509, 549; 2: 159.
Искусство и организация труда — 1: 247—252.
Искусство и поэзия в их отношении к буржуазному способу производства — 1: 190—194.
Искусство и природа — 1: 294.
Искусство и публика — 1: 9, 144.
Искусство и религия — 1: 172, 238—299, 454—458; 2: 45, 394, 395.
Искусство и эстетическое восприятие — 1: 140—144.
Искусство как форма человеческой деятельности — 1: 140—142, 158.
Искусство средневекового города — 1: 344; 2: 236.
Искусство эпохи Возрождения — 1: 346—349.
Исландская литература — 1: 325—327.
Испанская литература — 1: 9, 149, 334, 335, 346, 369—372; 2: 166, 245, 374, 582, 586, 588, 595, 598, 602—603.
Испанский язык — 2: 586, 595, 603.
Историческая драма — 1: 24—32.
Историческая правда в искусстве и литературе — 1: 26, 29—32.
Исторические корни немецкого национализма — 2: 236—239, 494—496.
Исторический материализм и история искусства — 1: 89—102, 105—107, 110—128, 134—136.
Исторический роман — 1: 474, 524, 575, 576; 2: 582.
Исторический характер художественного чувства — 1: 139—142.
Итальянская литература — 1: 9, 338—344, 346—348, 376, 377, 564; 2: 582, 587—589.

Капитализм и искусство — 1: 150—224, 227—229.

Карикатура, карикатурность — 1: 14, 54.

- Классицизм — 1: 130, 131; 2: 541, 542.
Классовая обусловленность художественного творчества — 1: 110—122.
Классовые интересы и идеология — 1: 110—122.
Коллизия — 1: 25, 26; 2: 134.
Комедия — 1: 9, 53, 290, 363, 365, 368, 369; 2: 276, 478, 480, 516.
Комическое — 1: 53—66; 2: 145, 276, 563.
Коммунизм и искусство — 1: 159, 230, 241—266.
Коммунистическая партия и искусство — 2: 92, 129, 267—279, 333.
«Компетентные» и «некомпетентные» авторы в истории немецкой литературы — 2: 445—448.
Композиция — 1: 24.
Конфликт (в искусстве) — 1: 9.
Красота в природе и в искусстве — 1: 142, 158; 2: 45, 541, 594.
Краткость — 2: 476.
Критика, критическая оценка произведений искусства и литературы — 1: 28, 32, 123—126, 402, 403, 497—523, 536—538; 2: 7—85, 469—470.
Критика идеалистической эстетики — 1: 72—74; 2: 7—85.
Критика официальной культуры господствующих классов — 2: 244—248, 251, 254—256.
Кульť «героев» (кульť гения) в буржуазной литературе — 1: 453—455, 467—471; 2: 39, 76—85.
- Либерализм и печать — 2: 440—445.
Лирика, лирическая поэзия — 1: 316, 317, 333, 334, 2: 154, 158, 360, 361, 386, 387.
Литература немецкого «истинного социализма» — 2: 89—159.
Литература периода национально-освободительных войн в Германии — 2: 236—239, 491—505, 601.
Литературная и сценическая драма — 1: 28, 29.
Литературная дискуссия — 2: 394.
- Маркс и Энгельс о своих поэтических опытах — 2: 386—390, 459—469, 476, 477.
Марксистская критика и публицистика — 1: 103—109; 2: 267—270.
Материал в искусстве — 1: 76, 77.
Материалистическое понимание истории культуры — 1: 89—136.
Мелкобуржуазный характер развития немецкой культуры — 1: 408—410, 487, 488, 491; 2: 89—159, 227—230, 237, 238, 249, 250.
Мера — 1: 158.
Мечты и действительность в революционной поэзии — 1: 130—131; 2: 154, 158.
Мещанская драма — 1: 158.
Мифология и искусство — 1: 135, 136, 270.
Многосторонность характера — 1: 26.
«Молодая Германия» — 1: 13; 2: 92—96, 163, 164, 289, 290, 462, 463, 465—467, 469—480, 496—498, 516—538, 542, 564.
Монологи (в драме) — 1: 26—28.
Мотивировка — 1: 8, 29, 32.
Музыка — 1: 141, 143, 198, 199, 204, 250, 409, 410, 434, 572, 573; 2: 248, 258, 394, 505, 570, 571, 579, 592, 595, 598, 599, 601.
Мысль и язык — 1: 76.

- Народная песня — 1: 211, 323, 324, 551—564, 2: 589.
- Народное творчество (народная поэзия) — 1: 134—136, 176, 192, 211, 270, 271, 273, 283, 288, 304, 312—315, 317—331, 551—564; 2: 461, 463, 469, 477, 551, 559—569, 589.
- Народность — 1: 25, 26, 29—32, 338, 339, 361, 362, 370, 556, 560, 564—567; 2: 409, 559—569.
- Натурализм во Франции — 1: 11; 2: 584, 585.
- Национализм в литературе господствующих классов — 2: 236—242, 261—264, 357.
- Национализм и космополитизм — 2: 237, 238, 496, 497, 508.
- Национализм и патриотизм — 2: 494—496.
- Национализм немецкого мещанства и немецкая литература — 2: 236—242.
- Национальный момент в искусстве и литературе — 1: 28, 30, 338, 339, 370; 2: 307—409, 555, 559.
- Немецкая классическая литература конца XVIII — начала XIX в. — 1: 9, 25, 26, 29—31, 100, 167, 168, 192, 213, 216, 363, 370, 410—412, 453, 458, 489—523, 536, 537; 2: 124—132, 179, 181, 187, 239, 242, 245, 316—321, 334, 360, 460—462, 465, 469—472, 475—477, 481, 507, 516, 519, 577—581, 588, 595.
- Немецкая классическая философия — 1: 54, 56, 63, 71—74, 78, 91, 92, 106, 409, 410, 453—455, 492, 493, 568; 2: 8, 10—14, 66—68, 89, 90, 181, 209, 211, 227—230, 283, 388, 389, 496—498, 511, 526, 529, 534—536, 539, 593.
- Немецкая литература — 1: 7—9, 13, 24—32, 52, 54, 67—71, 79, 83, 100, 103—109, 167, 168, 187, 192, 213, 216, 283, 302, 312, 313, 318, 346, 349—355, 363, 370, 408—417, 419, 423, 424, 453—455, 458, 462, 487—523, 536, 537, 555, 557, 559—563, 568, 569; 2: 89—159, 163—216, 227—250, 267, 268, 270—279, 283—369, 387, 390, 394, 395, 405, 445, 448, 456, 460—538, 541—569, 577—581, 588—591, 593—595, 599, 600, 602.
- Немецкая революционная поэзия — 1: 556—563; 2: 283—369.
- Немецкие народные книги — 2: 461, 463, 469, 477, 559—567.
- Немецкие народные сказки — 2: 551.
- Немецкий народный эпос — 1: 271, 317, 318, 560; 2: 568, 569, 591.
- Немецкий роман — 1: 8, 9, 510, 521, 569, 570; 2: 187, 247, 464, 541.
- Немецкий романтизм — 1: 414—417, 419, 423, 424, 430—435, 487, 488, 555; 2: 150, 170—212, 462, 465, 499—505, 507, 513, 534, 535, 545—549, 551, 560, 561, 566, 567, 590, 591, 600, 602.
- Немецкий язык — 1: 80, 84, 85, 313—315, 346, 483; 2: 136, 462, 583, 586, 588, 597.
- Неравномерность общеисторического и художественного развития — 1: 100, 134—136.
- Норвежская литература — 1: 9, 123—125, 127, 575.
- Обобщение — 1: 8, 9, 11, 25, 26, 29—32, 113; 2: 10—14, 65—68, 155.
- Образ поэта в буржуазной поэзии — 2: 158.
- Обстоятельства — см. Типичные обстоятельства.
- Общественное бытие и общественное сознание — 1: 89—94, 98—102.
- Общественное сознание — см. Общественное бытие и общественное сознание.
- Общественный класс и его литературные представители — 1: 116—122; 2: 227—230.
- Опportunизм в немецком рабочем движении и литература — 1: 15—52; 2: 270—279.
- Оптимизм — 1: 9, 79, 82, 547.

- Ораторское искусство — 1: 29, 80, 81.
Оригинальность — 1: 11, 77, 462, 547.
Освоение действительности — см. Художественное освоение мира.
Остроумие — 1: 65, 81, 82, 125; 2: 359, 380, 469, 476, 559, 561, 563, 590—591.
Откровенность в искусстве и критике — 1: 32; 2: 360, 361.
Отражение действительности в искусстве — 1: 8—14, 90, 91, 125, 130, 131, 140—142, 145—148, 273—291, 338, 361, 362, 379, 392, 485, 524, 525, 528, 529, 556; 2: 144—159, 582, 583, 595.
Отчуждение труда в капиталистическом обществе и искусство — 1: 154—161, 181, 200, 219, 243—245.
- Памфлет — 1: 77, 78, 81, 120, 348, 353, 354, 394—398, 407, 461, 481, 482, 564—567; 2: 359, 476, 478, 582.
Панславизм и дворянская реакция в России — 2: 264.
Партийная печать и ее задачи — 2: 267—269.
Партийная печать и оппортунизм мелкобуржуазных литераторов — 2: 273—279, 333.
Партийность в искусстве — 1: 9, 347, 520; 2: 92, 129, 267—279, 333, 512, 596.
Пейзаж в искусстве и литературе — 2: 550—558, 595.
Первобытное искусство — 1: 270.
Перевод (литературный) — 1: 10, 76, 83—86; 2: 387.
Печать — 2: 267—269, 391—458, 545—549.
Плагнат — 1: 78, 120, 585.
Победа реализма над классовыми симпатиями художника — 1: 12.
Полемика — 1: 81—83, 353; 2 — 394, 476, 582.
Политическая народная песня — 1: 473, 474, 553—556.
Политическая поэзия — 1: 346, 473, 474, 553—564; 2: 132, 133, 283—367.
Положение художника при капитализме — 1: 182, 194—199, 203.
Польская литература — 1: 70, 71, 533.
Популярность — 2: 333.
Поэзия мейстерзингеров — 1: 344; 2: 236.
Поэзия немецкой революции 1848 г. — 1: 556, 559—563; 2: 283—367.
Поэзия трубадуров — 1: 333, 334.
Правдивость — 1: 9—14, 529.
(См. также Отражение действительности в искусстве, Реализм.)
Превращение искусства в товар в капиталистическом обществе — 1: 196, 203.
Преимственность в истории культуры и искусства — 1: 99—101, 129—133.
Преувеличение — 1: 430.
Прикладное искусство — 1: 202, 269, 270, 309—311.
Проблема изображения революционного рабочего класса и его героев в литературе — 1: 11; 2: 144, 145.
Провансальская литература — 1: 331—334.
Пролетарская поэзия, пролетарская литература — 1: 233, 339, 558—561; 2: 358—367.
Пролетарская революция и развитие культуры — 1: 226—230, 235—237, 241—266.
Просвещение — 1: 81, 100, 131, 173, 176, 192, 231—233, 355, 362, 380—419, 536, 537; 2: 283, 387, 590.
Противоречивость мелкобуржуазного сознания — 1: 406, 407; 2: 144, 145, 156, 170—215.
Противоречие между «человеком» и «гражданином» в мировоззрении буржуазных просветителей — 1: 406.

- Профессиональное и народное искусство — 1: 251, 252.
(См. также Народное творчество.)
- Работа писателя не только средство — 2: 444.
- Рабочий класс и искусство — 1: 225—237.
(См. также Коммунизм и искусство, Пролетарская поэзия, Пролетарская революция и развитие культуры.)
- Рабочий класс и культура — 1: 225—237.
- Разделение труда и развитие искусства — 1: 145—161, 174—178, 191, 202, 250—252, 291—293, 346, 347.
- Рассудочность (в поэзии) — 2: 515, 516.
- Реализм — 1: 7—14, 24—32, 361—369, 371, 372, 402, 403, 489—530, 535, 536, 547, 548, 550; 2: 154, 158, 159, 360, 361, 456, 457, 581—585, 595, 604—606.
- Реализм и идейность — 1: 7—14.
- Реализм и классовые симпатии писателя — 1: 12.
- Реализм и тенденциозность — 1: 8—12.
- Реализм может проявляться даже независимо от взглядов автора — 1: 11.
- Реализм подразумевает правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах — 1: 11.
- Реалистический элемент в исторической драме — 1: 26, 29—32.
- Революционная народная песня — 1: 346, 551—564.
- Революционная трагедия — 1: 24—32, 131; 2: 477.
- Революционная убежденность — 1: 78.
- Революционный классицизм — 1: 130, 131.
- Революция и культура — 1: 89, 129—131, 235—237, 241, 253—258, 378, 379; 2: 234.
- Религия и искусство — см. Искусство и религия.
- Римская литература — 1: 162, 304—308; 2: 293, 361, 387, 473, 587.
- Риторика (в поэзии и публицистике) — 1: 430, 474, 475, 480, 481; 2: 93—159, 185, 366, 460, 518, 519.
- Роман — 1: 9, 11, 12, 217, 316, 402, 403, 407, 460, 485, 487, 510, 521, 568—570, 573—576; 2: 7—85, 203, 269, 464, 580, 582—585, 591.
- Романтизм — 1: 185, 187, 220, 231—233, 370, 414—488, 555, 564—567; 2: 7—85, 150, 178—185, 387, 513, 541, 545—549, 560, 590, 591, 599, 600, 602.
- Романтический стиль — 1: 424, 430, 462; 2: 185.
- Русская литература — 1: 9, 124, 401, 530—550; 2: 583, 595, 604—606.
- Русский роман — 1: 9.
- Русские революционные демократы — 1: 531, 536—550.
- Русский язык — 1: 531, 532; 2: 583, 586, 595.
- Рыцарский роман — 1: 331, 332.
- Сатира — 1: 12, 53, 233, 307, 308, 354, 356, 357, 394—400, 407, 529, 547, 561—563; 2: 154, 165, 166, 169, 212, 286—289, 293, 359, 582, 602.
- Свежесть изображения — 1: 9.
- Свобода печати — 2: 396—458.
- Сенсационные произведения — 1: 78.
- Сентиментальность, чувствительность — 1: 185, 434; 2: 90, 91, 97—100, 144, 145, 150, 152—159, 185, 593.
- Сербская литература — 1: 374, 533, 534, 556, 557.
- Сильные и слабые стороны немецкой классической культуры — 1: 491—493, 507—509, 523, 568.
- Сказка — 2: 551, 590, 591, 602.
- Скульптура — 1: 77, 143, 272, 295—297, 571.

- Славяноведение, Славянская филология — 1: 532—534.
 Смех — 1: 58; 2: 276, 456.
 Современность (актуальность) — 1: 9, 11, 26, 435; 2: 269, 309, 507, 512, 526, 559.
 Содержание и форма — 1: 29; 2: 386—456, 561.
 Социал-демократическая беллетристика в Германии — 1: 7—10; 2: 272.
 Социалистическая драма — 1: 29.
 Социалистическая идеология и искусство — 1: 9, 11, 12, 26.
 Социалистический гуманизм — 1: 241, 242.
 Социалистический тенденциозный роман — 1: 9, 11.
 Социальный роман — 1: 8—12, 485, 525—530; 2: 7—85, 133—135.
 Средневековое искусство — 1: 129, 307—311.
 Стиль — 1: 71, 77, 78, 80—86, 103, 353, 424, 430, 462; 2: 185, 252, 386, 453—458, 476, 492, 507, 508, 523, 561, 587, 588.
 Стих, отделка стиха — 1: 24, 28, 321; 2: 386, 543.
 Субъективное и объективное в эстетическом восприятии и в искусстве — 1: 140—142.
 Сценичность драматического произведения — 1: 28—29.
- Талант — 1: 29, 250—252; 2: 155, 159, 217, 515, 599.
 Талант и мировоззрение — 2: 155.
 Талант и общественные условия — 1: 250—252, 549; 2: 159.
 Театр — 1: 9, 28, 573; 2: 462, 570, 596, 602, 603.
 Тенденция, тенденциозность — 1: 9, 11, 13; 2: 541, 565.
 Техника (в искусстве) — 1: 250.
 Тип, типичное — 1: 8, 9, 11, 25, 26, 29—32, 61, 110, 338; 2: 10—14, 65—68, 155, 477.
 Типичное и индивидуальное — 1: 8, 9, 11, 26, 29, 110; 2: 10—14, 65—68, 155.
 Типичный характер — 1: 8, 9, 11, 12, 26, 29.
 Типичные обстоятельства — 1: 8, 9, 11, 12, 26, 29.
 Трагедия — 1: 15—53, 57, 60, 66, 362; 2: 236, 521, 522.
 Трагическая коллизия — 1: 25, 31.
 Трагический конфликт — 1: 32.
 Трагический рок — 1: 66.
 Трагическое — 1: 31, 32, 53, 54, 57, 60, 66—71; 2: 236, 584.
 Трагическое противоречие — 1: 31.
 Традиция, ее роль в развитии культуры и искусства — 1: 11, 99—101, 105, 106, 114, 115, 129—133.
 Три единства в поэтике классицизма — 1: 131.
 Труд и игра — 1: 260, 261, 264.
 Труд и искусство — 1: 140—143, 158, 202, 260—266.
- Убеждения писателя и его творчество — 1: 9, 11, 12, 26, 78.
 Упадок буржуазной культуры, искусства и литературы — 1: 27—29, 227, 230—233, 436, 461; 2: 347.
 Уровень общественного развития и искусство — 1: 89—94, 98—102, 114, 115.
- Фабула — 1: 11.
 Фальшь (в искусстве) — 1: 424, 430, 481; 2: 170—212, 217, 254, 594.
 Фантазия — 1: 135, 392, 413; 2: 94, 95, 136, 150, 158, 270, 276, 277, 387, 515, 521, 551, 556, 560, 563, 583.

- Фарс — 1: 54, 60, 61, 363.
Фельетон — 1: 80, 474; 2: 291, 359, 361.
Философствующий дилетантизм в немецкой литературе — 2: 93—100, 542.
Фольклор — см. Народное творчество.
Фон (в исторической драме) — 1: 31.
Форма — 1: 10, 11, 24, 28, 29; 2: 386, 387, 397, 453—458, 460, 513, 515, 556, 561, 562.
Формальное и реальное содержание в истории культуры и художественном творчестве — 1: 131—133.
Французская классицистическая трагедия XVII в. — 1: 131, 132.
Французская литература — 1: 11, 12, 77, 78, 81, 100, 106, 173, 192, 231, 330—334, 346, 356, 357, 362, 370, 374, 375, 378—389, 399—407, 418, 423—430, 473—487, 525—528, 537, 556, 558, 563, 568, 569, 573, 574; 2: 7—85, 89, 134, 203, 217—224, 250—253, 505, 556, 580, 582—585, 590, 591.
Французский роман — 1: 11, 12, 217, 402, 403, 407, 525—528, 569, 573, 574; 2: 7—85, 134, 203, 556, 580, 582—585, 591.
Французский романтизм — 1: 370, 420—430, 473—487; 2: 7—85, 541.
Французский язык — 1: 83, 331, 332; 2: 583, 586, 597.
- Характер — 1: 8, 9, 11, 26, 29, 30, 125; 2: 507, 521.
Характеристика персонажей — 1: 29, 30.
Характерность, характерные черты — 1: 8, 9, 26, 29—31.
Художественная образованность и искусство — 1: 171.
Художественная переработка природы (в искусстве) — 1: 135.
Художественное воспитание — 1: 263.
Художественное наслаждение — 1: 135, 171; 2: 563.
Художественное освоение мира и теоретическое мышление — 1: 75, 76.
Художественное ремесло — 1: 202, 309—311; 2: 236.
Художественность — 1: 24, 79; 2: 307.
- Цензура — 2: 396—458, 480, 564, 566.
Цензурное законодательство в Пруссии до революции 1848 г. — 2: 396—458.
- Чартистская поэзия — 1: 555—558; 2: 129.
Чешская литература — 1: 532—534.
Чувствительность — см. Сентиментальность.
Чувство (в искусстве и литературе) — 1: 24, 78, 140—142, 430; 2: 386, 515.
- Швейцарские пастушеские песни — 2: 461.
Шотландская литература — 1: 323, 524; 2: 582, 591.
- Элегия — 1: 12.
Эллинистическая культура и литература — 1: 300—304.
Эпигонство — 1: 24, 29; 2: 288.
Эпос, Эпическая поэзия — 1: 134—136, 176, 192, 270, 271, 273—283, 288, 304, 312, 315, 317, 318, 331, 560; 2: 167, 168, 361, 568, 569, 578, 579, 582, 590, 591.
Эстетика — 1: 72—74, 376, 377; 2: 387, 469.

Эстетическое воспитание — 1: 496.

Эстетическое восприятие и искусство — 1: 140—144, 171.

Эстетические воззрения и развитие общества — 1: 101, 102.

Этрусское искусство — 1: 271.

Эстетическое и утилитарное отношение к природе — 1: 142, 162, 163.

Эстетическая форма богатства — 1: 172, 173.

Юмор — 1: 58, 65, 66, 79, 82, 125; 2: 158, 236, 366, 387, 563—565, 582, 588,
590, 591, 600.

Язык — 1: 69, 71, 76, 77, 80, 145, 173, 245, 332, 335, 364, 431, 432, 453, 462;
2: 164, 288, 444, 458, 462, 476, 522, 543, 556, 562, 567, 586, 588, 595, 597.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР РОМАНА ЭЖЕНА СЮ «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

Критическая критика в образе торговца тайнами или критическая критика в лице г-на Шелиги	7
«Тайна одичания среди цивилизации» и «Тайна бесправия в государстве»	8
Тайна спекулятивной конструкции	10
«Тайна образованного общества»	14
«Тайна добропорядочности и благочестия»	24
«Тайна-насмешка»	26
Горлица (Риголетта)	30
Мировой порядок «Парижских тайн»	32
Хождение в мир и преобразование критической критики, или критическая критика в лице Рудольфа, князя Герольштейнского	34
Критическое превращение мясника в собаку, или Резака	35
Разоблачение тайны критической религии, или Флёр де Мари	38
Разоблачение тайн права	49
Разоблаченная тайна «точки зрения»	65
Разоблачение тайны использования человеческих влечений, или Клеманс д'Арвиль	68
Разоблачение тайны женской эмансипации, или Луиза Морель	69
Разоблачение политико-экономических тайн	71
Рудольф, «Разоблаченная тайна всех тайн»	76
НЕМЕЦКИЙ «ИСТИННЫЙ» СОЦИАЛИЗМ В СТИХАХ И ПРОЗЕ	
Немецкий «истинный социализм»	89
К характеристике К. Грюна	93
Из полемики против Криге	97
Превращение коммунизма в бред о любви	97
Литература «истинного» социализма	101
Карл Бек «Песни о бедняке»	144

ЛИТЕРАТУРА ВУЛЬГАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Либеральная беллетристика	163
Из полемики против Карла Гейнцена	165
Готфрид Кинкель и его соратники	170
Иоганна Моккель	216
Жюль Валлес	217
Феликс Пиа	218

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ПОШЛОСТИ
И РЕАКЦИОННЫХ ИДЕЙ

Исторические корни немецкого филистерства. Жан-Поль Рихтер	227
Энциклопедия реакционного мещанства	231
Национализм немецкого мещанства	237
Берлинский филистер	240
Эльзасский буржуа	243
Литературные упражнения принца Иоганна Саксонского	244
Официальная немецкая общественность второй половины XIX века: литература, искусство	245
Борьба Маркса и Энгельса с мещанско-филистерским духом в немецком рабочем движении	249
Официальный поэт французской второй империи Луи Бельмонте	251
Тьер как тип вульгарного журналиста	252
Характеристика Джона Росселя	254
Иеремиа Бентам и Мартин Тэппер	256
Пошлость и лицемерие в политике правящих классов Англии	257
Английская леда	259
Американский поэт и публицист Ч. Макай	260
Реакционная идея скандинавизма	261
Панславизм	264

ПАРТИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА И БУРЖУАЗНЫЕ НРАВЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ

Партийная печать и литературная реклама	267
Актуальные задачи партийной публицистики	269
Культ Лассала	270
Об изображении в беллетристике деятелей партии. Сенсационный ро- ман Минны Каутской	272
Мещанский оппортунизм литераторов и партии рабочего класса	273
Болезнь сектантства	275
«Бунт литераторов»	277

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ИХ ОТНОШЕНИЯХ С ПОЭТАМИ
ГЕЙНЕ, ГЕРВЕГОМ, ФРЕЙЛИГРАТОМ, ВЕЕРТОМ И ЗИБЕЛЕМ

Гейне	283
Гервег	295
Фрейлиграт	301
Веерт	358
Зибель	368

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ-СОЦИАЛИСТЫ
ЭВЕЛИНГ, МОРРИС, ШОУ

Эдвард Эвелинг	373
Вильям Моррис	375
Бернард Шоу	380

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ МОЛОДОГО МАРКСА

Письмо к отцу	385
Из статей Маркса в «Рейнской газете»	391
Дебаты шестого рейнского ландтага	396
Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов со- словного собрания	396
Из статьи «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции»	453

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ МОЛОДОГО ЭНГЕЛЬСА

Из писем к братьям Греберам	459
Письма из Вупперталя	481
Эрнст Мориц Арндт	491
«Воспоминания» Иммермана	506
Платен	515
Карл Бек	517
Людвиг Берне	523
Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев»	524
Ретроградные знамена времени	539
Реквием для немецкой «Adelszeitung»	545
Ландшафты	550
Немецкие народные книги	559
Легенда о Зигфриде и немецкое революционное движение.	568
Рейнские празднества	570
Социальное движение и немецкая живопись	572

ЛИТЕРАТУРА В ЖИЗНИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

«Исповедь»	577
Литературно-художественные интересы в семье Маркса	578

Из воспоминаний о Марксе	581
Поль Лафарг	581
Вильгельм Либкнехт	585
Элеонора Маркс-Эвелинг	590
Франциска Кугельман	592
Ансельмо Лоренцо	602
М. Ковалевский	603
Из воспоминаний об Энгельсе	604
Н. С. Рusanов	604
Ф. М. Кравчинская	605

КОММЕНТАРИИ И УКАЗАТЕЛИ

Комментарии	609
Указатель имен	658
Указатель произведений литературы и искусства	724
Указатель литературных и мифологических персонажей	736
Предметный указатель	745

«К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ИСКУССТВЕ»

Том 2

Редактор

В. М. МУРИАН

Оформление художника

В. И. С МИРНОВА

Художественный редактор

Э. Э. РИНЧИНО

Технический редактор

Е. И. ШИЛИНА

Корректоры:

А. А. ТОЛКУШКИН,

М. Г. ИВАНОВА

*

Сдано в набор 7/VI 1957 г. Подп. в печать 20/III 1958 г.
Форм. бум 60X92 1/16. Печ. л. 47,5. Уч.-изд. л. 43,19.
Тираж 75000. Первый завод — 50 000 экз. Ш 08730

«ИСКУССТВО»

Москва, И-51, Цветной бульвар, 25.

Изд. № 4058. Заказ тип. № 585.

Цена 12 р.

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская, 26.